Валерий
БОЛЬШАКОВ

НОВАЯ КОЛЛЕКЦИЯ ФАНТАСТИКИ

МАГИСТР

БАГАТУР

Валерий БОЛЬШАКОВ

МАГИСТР

БАГАТУР

ВАЛЕРИЙ
БОЛЬШАКОВ

Магистр Багатур

Москва
«Астрель»
Санкт-Петербург
«Астрель-СПб»

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6
Б79

Серия «Новая коллекция фантастики»

Серийное оформление: *Ю. С. Межова*
Художники обложки: *В. Гурков*

Большаков, В.

Б79 Магистр. Багатур. / В. Большаков.— М.: Астрель; СПб.: Астрель-СПб, 2012.— 732, [1] с. — (Новая коллекция фантастики).

ISBN 978-5-271-42186-0 (ООО «Издательство Астрель»)
ISBN 978-5-9725-2262-0 (ООО «Астрель-СПб»)

МАГИСТР

Олег Сухов — личный «спецназовец» императора. Его специальность — заговоры и спецоперации. Усмирить восстание. Сменить неугодного короля.

У Сухова нет личной армии, зато имеется элитная «сборная» варягов для решения силовых проблем и любимая женщина — для распутывания политических интриг. Проиграть с такой командой просто невозможно.

Правда, могут убить...

БАГАТУР

Десятый век поднял Олега Сухова на изрядную высоту.

Он стал Магистром, приближенным самого византийского императора...

И тут Судьба бросает его в будущее — на триста лет вперед, в страшный 1237 год, прямо под копыта конницы Батыя.

И снова приходится выживать, снова подниматься из простых воинов...

Он поднимется, не вопрос. Но знать бы еще, какой стороны держаться...

Стоять ли за русских князей, братоубийц и губителей собственного народа?

Или поддержать монгольских ханов, огнем и мечом насаждающих новый порядок?

Подписано в печать 13.02.2012
Формат 84 x 108 $^{1}/_{32}$. Усл. печ. л. 38,64.
Тираж 4000. Заказ № 1834

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

© Большаков В., 2012
© ООО «Астрель-СПб», 2012

МАГИСТР

...Неожиданно из-за арки, стоявшей поперёк улицы, вышли ещё двое в обтягивающих брючках-шоссах, больше всего напоминавших подгузники, причём штанины были разных цветов — у одного жёлто-голубые, у другого — красно-чёрные. Выхватив кривые мечи-скимитары, венецианцы бросились на Олега.

Сухов изобразил испуг и развернулся, делая вид, что изготовился бежать. Его рослый и статный противник, тоже вооружённый скимитаром, злорадно ухмыльнулся. Расставив руки пошире, присев на полусогнутых ногах, он ловил струсившего ромея — и нарвался на меткий выпад. Олегов меч вонзился снизу вверх, протыкая сердце.

Венецианец даже не захрипел в истекающие секунды жизни — выронив клинок, он привстал на цыпочки, пуча глаза и растягивая рот в неслышном крике. Олег выдернул меч и повернулся кругом к парочке «разноцветных». Сойдясь на мечах с «красно-чёрным», более опасным и опытным противником, Сухов стал кружить, уходя от клинка «жёлто-голубого»,— тот подпрыгивал, ярился, пытаясь достать патрикия и аколита, но его намерению то и дело мешал напарник, будто нарочно загораживавший Олега. Италиец и рад был бы уступить товарищу, да не мог выйти из магического круга, который со звоном и шипением рассекаемого воздуха чертила беспрестанно разящая сталь. Олег Полутролль, гридень Рюрика и Халега Ведуна, владел мечом на уровне, недостижимом для венецианских бретёров.

«Красно-чёрный» прилагал отчаянные усилия для того, чтобы только удержать скимитар. Скованный вели-

чайшим напряжением, он изнемогал, венецианцу казалось, что у противника отросло шесть рук, как у страшненького божка из Индии, и сразу полдюжины мечей пытаются иссечь его. Томящий страх набухал в венецианце, рождая отчаяние,— «красно-чёрный» уразумел, что магистр не бьётся с ним, а забавляется, теша себя жестокой игрой. В какой-то момент произошёл надлом — рука бретёра дрогнула, пропуская удар, и меч-спафион перечеркнул ему горло — вбок словно брызнуло рубиновым вином.

Обратным движением клинка Олег поразил «жёлто-голубого» — тот умер, так и не успев ничего понять.

Сухов медленно выдохнул — и услышал топот. Ещё трое, нет, четверо со скимитарами выбегали из старого парка, над деревьями которого возвышалась одинокая колонна зелёного в крапинку мрамора. С кличем «Святой Марк!» они всем скопом бросились на Олега...

Глава 1,

в которой Олег решает уберечь Его Величество

Ромейская империя [1], *Константинополь. Лето 935-е от Р. Х.*

Весна в Константинополе напоминала Олегу Сухову русское лето — та же зелень кругом да теплынь. Разве что ночи случались сырые, промозглые, да море иной раз угрюмело, срываясь в бурю.

---

[1] *Ромейская империя* — верное название для Византии. Ее население — ромеи, потомки римлян и эллинов, никогда не называли себя византийцами. «Византия», как и «Киевская Русь»,— выдумка кабинетных историков.

Зябнущие ромеи всё еще разжигали в своих домах жаровни, всё кутались в шубейки из лисьих да козьих шкур, а Сухов, наоборот, снимал с себя надоевшие теплые вещи — и радовался нарастающему теплу. Весна в здешних краях была коротка, она не тянулась месяцами, развозя грязь да слякоть. Природа тут просыпалась сразу — животворящие соки земли бежали всё веселей, всё шибче, питая корешки и готовя вершки к цветению...

Олег покинул дом с первыми лучами солнца. Неширокие, извилистые улицы ещё тонули в плотном сумраке, но уже не были ни тихи, ни пустынны. Торговцы, зевая и потягиваясь, отпирали лавки, сонные никтофилаксы — ночные стражники — шли отсыпаться, мистии — подёнщики крутились у пристаней и прочих хлебных мест, а тысячи придворных, зябко кутаясь в нарядные сагии — плотные плащи-накидки, поспешали в Палатий [1], боясь пропустить церемонию торжественного шествия базилевса [2], ежеутренне являвшегося народу. Хоть ромеи и считали себя потомками римлян, а с виду такого не скажешь. Римские тоги и туники облегали тела, складками отзываясь на движения, подчеркивая стать, а вот ромейские одежды были настолько тяжелы и жестки, будто упаковывали своих хозяев в цилиндрические футляры, в негнущиеся обертки с головы до пят.

Обычно патрикий [3] Олегарий, как прозывали Сухова ромеи, и сам с рассветом направлял стопы к императорскому дворцу, но этим утром его ждали иные заботы. Закутавшись в черный сагий, Олег двинулся в обход церкви Святого Сампсона, пока не вышел к старой городской

---

[1] *Палатий* — Большой императорский дворец, именуемый также Священными Палатами.

[2] *Базилевс* — император. Роман I Лакапин, выйдя из низов, стал опекуном малолетнего Константина VII, потом женил его на своей дочери и правил империей до старости.

[3] *Патрикий* — высокий титул 1-го ранга. Примерно соответствовал генералу или тайному советнику.

стене. Замшелая кладка не впечатляла — по сравнению с мощью укреплений Феодосия[1], защищавших западные пределы города, стена была и пониже, и пожиже. Нешироκая улица, примыкавшая к куртинам и башням, тянулась до порта Неорион. Не доходя до Золотого Рога, уличка разбегалась узкими, загаженными проулками, где обитали грузчики, моряки и прочие нищеброды. Появляться в трущобах было опасно, ничего не стоило потерять и кошелёк, и жизнь, зато шпионам на глаза не попадёшься. А уж соглядатаев в Городе хватало — подсматривали, подслушивали все, кому не лень, доносы писались пачками.

Олег и сам «сплёл» целую агентурную сеть — из мистиев и невольников, проституток и беспризорных мальчишек. Расходовал он на это дело медяки, а сведения порой такие поступали, что и золота не жаль. У кого из сановников роман на стороне, кто из высших чинов склонен торговать секретами, что творится за стенами лучших домов Константинополя — обо всём сообщали патрикию Олегарию. Хозяева обсуждали свои дела при слугах, в упор не замечая челядь — как будто у тех не было глаз и ушей. За тринадцать лет жизни в Царьграде Сухов вызнал подноготную богатейших и влиятельнейших семей империи. Фоки, Куркуасы, Аргиры, Дуки, Комнины — все хранили «скелеты в шкафу», за всеми числились тайны непристойные и зловещие, постыдные и ужасные.

...Мимо проехал старенький священник на понуром ослике. Старичок осенил Олега двоеперстием, и тот уважительно склонил голову.

«Ох уж эти тайны,— вздохнул Сухов,— ох уж этот лицемерный, коварный, шпионский мир...»

Некогда сам Халег Ведун, великий князь новгородский, оставил Олега тут «для пригляду», дабы вызнавать

---

[1] *Феодосий Великий* — император, чьим попечением были выстроены мощные укрепления — тройной ряд стен, защищавших Константинополь с суши.

секреты ромейские и посылать весточки с людьми верными на далекий Север. Однако Халег давно уж упокоился — лет пять, как сожгли погребальную лодью князя. Нынче высокий курган над его могилой травой успел порасти.

И с кем Сухову теперь связь держать? Кому слать «совершенно секретные» сведения? Молодому, безбашенному Хельгу, еще одному тёзке, потрясающему леса и степи на том берегу Русского моря [1]? Или Ингорю Рюриковичу, князю киевскому, по прозвищу Старый, слабому и неудачливому сыну великого конунга? И это только самые видные фигуры в «далёкой стране Рос», а там ещё десятка два правителей понеприметней водится — конунгов, кунингасов, райксов да всякого княжья. Им пособить? Смешно, право...

Хельг на всех страху нагнал, каждый год уходит в набег — то хазарам жару даст, то на франков набросится, то еще на кого. Но уж больно горяч молодой князь, стратегии не ведает вовсе, а тактика у него одна и та же — переть напролом.

Такой, если и воспользуется секретными сведениями, то лишь для того, чтобы напасть и покуражиться всласть.

И Олег выбрал князя Ингоря Старого, хоть и против желания,— несимпатичен ему был правитель Киева. Однако долг превыше всего. Ещё малость подумав, Сухов признал, что кой-чего добиться удалось-таки. Разве не стал Ингорь, сын Рюрика, терпимее к христианам? Стал. Вон и церкви велел не жечь, а монахов и купцов ромейских привечать по-всякому. «И то хлеб...» — скупо улыбнулся Олег.

«Знать, какова знать!» — такой, шутливый с виду, девиз придумал патрикий Олегарий своим агентам. Знание это, подчас весьма опасное, не раз помогало Сухову уберечься от дворцовых интриг и преследований — Священные Палаты больше всего напоминали роскошный терра-

---

[1] *Русское море* — ныне Чёрное. Ромеи прозывали его на эллинский манер — Понтом Эвксинским.

риум, гадючник или паучатник, где остервенело соперничали десять тысяч сановников. Подкуп, лесть, клевета, отрава или нож в спину — всё годилось в потаённой борьбе за власть, за близость к императору, к его подачкам и милостям.

И вот ещё одно важное сообщение — информатор доложил Олегу о зреющем заговоре против базилевса Романа I Лакапина. Императора заговорщики готовятся убить, дабы посадить на трон Константина Багрянородного, взрослого давно, но до сих пор опекаемого Романом, и погреться в лучах возведенного ими Величайшего, поиметь злата-серебра, земель и рабов вволю.

На памяти Сухова это была уже третья или четвёртая попытка государственного переворота. Предыдущие не удались, нельзя было позволить, чтобы стала успешной и эта, пока последняя по счету,— базилевс вполне устраивал Олега. Роман I, сын армянского крестьянина Феофилакта, ценил верных ему людей, он был щедр и приближал «выдвиженцев» к своей особе, так сказать, «через ступеньку».

Тринадцать лет тому назад император возвёл Сухова, крещёного варяга, в спафарии. Четыре года спустя Олег, минуя целый ранг [1], получил титул патрикия. Плохо разве?

...Он обогнул заброшенный Большой театр, покривившись и отворачивая лицо. Когда-то тут ставили пьесы Софокла и Плавта, а нынче на площадке орхестры, что перед сценой, разыгрывались иные трагедии с комедиями — там казнили государственных преступников.

— О, времена,— пробормотал Сухов,— о, нравы...— и вернулся к прерванным мыслям.

Быть патрикием не только лестно и почётно, но и выгодно — титул обеспечивал владельцу безбедное житье и массу привилегий, пропуская в узкий ближний круг, что

---

[1] *Спафарий* — титул 3-го ранга. Затем следовали титулы более высокого 2-го ранга (спафарокандидата и протоспафария) и ранга 1-го — дисипата, патрикия, анфипата и магистра. Еще более высокие титулы куропалата, новелиссима и кесаря давались только ближайшей родне императора.

теснился у самого престола. А взойдёт на трон новый император и что тогда? Ведь начнётся драка, вперёд, к кормушке поближе, пробьются новые фавориты, а приближенных свергнутого Романа оттеснят в задние ряды, обрекая на прозябание и тихое забвение. А оно ему надо?

Патрикий зорко осмотрелся, отвлекшись от дум. За вонючими кучами мусора поднимались обшарпанные стены многоэтажек, обиталищ для отверженных и убогих. Первые этажи были заняты под лавочки и мастерские, а верхние уступами выпирали наружу, нависая над улицей и едва не смыкаясь грязными стенами. Улички превращались в подобия сырых и промозглых ущелий, где всегда густела тень и даже днём не гасли копотные светильни. Дуло как в трубу, но никаким сквознякам не под силу было выветрить вековечный смрад.

В полутьме облупленных колоннад обозначилось движение, и Олег откинул тяжелую полу сагия, открывая ножны меча. Тени замерли.

Привычным движением положив ладонь на рукоять спафиона [1], Сухов углублялся в район «высоток», не сбавляя шага. Живописный оборванец пересек его путь, небрежно крутя нож в ловких пальцах, и вдруг замер, поклонился почтительно.

— Привет тебе, сиятельный,— просипел он, узнавая.

— И тебе того же, Кенхри,— улыбнулся Олег своему агенту.— Как успехи?

Кенхри-Живоглот сделал неопределенный жест.

— Живем, не тужим. Удачи, сиятельный...

— Добычи! — пожелал Олег.

Согнувшись в прощальном поклоне, босяк скользнул за выщербленные колонны и словно растворился в полутьме. Ушел на дно...

А Сухов двинулся дальше, поглядывая по сторонам и не забывая посматривать вверх — из окошек и помои могли выплеснуть ему на голову, и ночной горшок опорожнить.

---

[1] *Спафион* — обоюдоострый меч.

Впереди, выставляя девятый этаж под зоревые лучи, громоздилась «высотка» побогаче — кое-где и балкончики имелись, а между окон выступали облезлые пилястры. Желтоватые стены, поддерживавшие красную черепичную крышу, издали выглядели нарядными, веселенькими даже. Многоэтажку обрамляла аркада на облезлых колоннах, под нею чадили большие жаровни, трепетали язычки пламени. В сизом дыму чернели страшные фигуры нищих — сгорбленные, скрюченные, искалеченные. Те, кто были ближе к огню, грелись сидя, кто подальше — стоя. А один из нищих и вовсе лежал. Не жилец — умирающий клекотал и хрипел ошмётками лёгких, царапал грудь, тужился в последнем усилии жизни... Никто не обращал на него внимания.

Олег нахмурился, но шаг не замедлил. Однако и не ускорил свой уход — ранее его ужасали все эти «донные отложения», эта человеческая гниль, а после он притерпелся, стал лишь брезговать нищими духом и телом. Это было отвратительно — побирушки трясли культями, растравляли страшные раны, паразитируя на людской жалости. Каменщик в поте лица своего зарабатывал в день фоллов [1] двадцать, а нищий, с утра до вечера канючивший на паперти, выпрашивал милостыни на сотню. И кого тогда следовало жалеть?

Не переставая хмуриться, Сухов шагнул в тень аркады и переступил порог трактира «Золотая шпора», ногой нащупывая крутые ступеньки. В лицо пахнуло чесноком и луком, дешёвым вином и жареной рыбой.

Было ещё рано. По строгому велению эпарха, градоначальника Константинополя, трактирам полагалось начинать работу в восемь утра и закрываться в восемь вечера, но портовая окраина жила по своим законам.

«Золотая шпора» занимала обширный подвал, низкие своды коего будто проседали под тяжестью многоквартирного дома, плюща толстые колонны-тумбы. Сквозь

---

[1] *Фолл* — мелкая медная монета. 12 фоллов составляли 1 серебряный милиарисий, из 12 милиарисиев складывалась 1 золотая номисма.

узкие, часто зарешеченные окошки цедил бледное сияние восход, не затмевая светилен.

Длинные монастырские столы желтели скоблёным деревом, на лавке в углу храпел загулявший мореход, а за каменной стойкой зевал кабатчик. Сонно моргая на Олега, он осведомился глухим голосом:

— Чего изволите?

— Горячего подай. И вина хорошего. Хиосское есть?

— А как же! — засуетился трактирщик и трубно взревел: — Анна!

Из жаркой кухни выплыла пышногрудая девица, румяная и простоволосая.

— Звали? — буркнула она, упирая красные руки в толстые бока.

— Где тебя носит? Не дозовёшься... Тут свининки ждут, с капусткой фригийской. Хлеба испекла?

— А то...

— Тащи. И кувшинчик хиосского!

— Вилку прихвати,— велел Сухов, и девица удалилась, смутно бурча про некоторых, кои зажрались, видать — пальцев им мало, вилки им носи...

Не слушая, Олег прошёл в дальний угол и сел спиной к стене. Отсюда ему был виден весь зал, а из окошка поддувала струя свежего воздуха.

Вскоре Анна принесла горшок с тушеной свининой, развернула тряпицу с изрядным куском каравая, поставила запотевший кувшинчик с вином — и двумя руками торжественно подала двузубую серебряную вилку с ручкой из кости. «Вот же ж язва»,— усмехнулся Сухов. Впрочем, готовить она мастерица — мясо просто таяло во рту, а капустка нисколько не разварилась. И хлеб как пахнет!

Завтракая, Олег стал вспоминать. Ему было что вспомнить...

...Олег Сухов родился далеко отсюда — в Ленинграде, тысячу лет тому... вперёд. Сначала его водили в садик, потом он сам ходил в школу. Отслужил в армии, посту-

пил в универ, устроился на работу. Занимался фехтованием, участвовал в соревнованиях, увлекался ролевыми играми. И все мечтал оказаться в прошлом, где его умения пригодились бы всерьёз, чтобы выжить и зажить хорошо, и даже лучше. Однажды его мечта сбылась — в лето 2007-е от Рождества Христова.

Фестиваль они тогда устроили, решили размяться в молодецкой утехе — выбрались на природу мечами самодельными помахать да шашлычков отведать под «пивас». Олег как раз общался с Шуриком Пончевым, врачом, что пользовал ролевиков, когда вдруг полыхнуло сиреневым, и синий туман поглотил весь видимый мир. Надо полагать, физики по соседству баловались — ковырялись во времени, тайны природы вызнавая. Удался их опыт или провалился, неизвестно, а вот Олега с Пончиком закинуло аж в IX век, во времена варягов. В лето 859-е от Р. Х. На пустынные просторы Гардарики, древнего месторазвития Руси.

Те давние переживания уже почти стёрлись в памяти, а тогда его душу просто разрывало от ужаса и восторга, отчаяния и ярости.

Их обоих продали в рабство, и стал Олег-трэль медленно выбираться из неволи, выкарабкиваться из грязи да в князи.

Год спустя напали свеи, пришлось Олегу с Пончиком сопровождать посланцев конунга в далёкий Старигард [1], чтобы призвать того самого Рюрика. Призвали. Побили свеев. Олег тоже вломил вражинам, даже Рюрика спас, а когда спросили его, чем наградить, Сухов возьми да и скажи: «Волей!» Варяги захохотали и растолковали «путешественнику во времени», что он давным-давно свободен, ибо не может оставаться рабом тот, кто взял меч и бился за други своя.

Таков был суровый и гордый закон.

И тогда Олег запросился к Рюрику в дружину, и конунг взял его, и братия была «за»...

---

[1] *Старигард* — столица Вендланда, государства вендов-венедов в Южной Прибалтике. Ныне — Ольденбург.

Сходили они в поход на Лондон и Париж, под командованием Аскольда-сэконунга нагрянули в Константинополь. Сухов уже мечтать стал, прикидывать, как бы ему в ярлы [1] выйти, дружинку сбить и на собственной лодье прогуляться куда-нибудь в Кордову — вытрясти у тамошних сарацин их серебряные дирхемы и золотые динары. Увы, не пришлось — опять над ними заиграли сиреневые сполохи, опять накатил синий туман, и перебросило Олега с Пончиком на целую жизнь вперед, в лето 921-е, в десятый век. И опять всё по новой...

Прибился Олег к светлому князю Инегельду Боевой Клык. Славно они тогда поразбойничали, пограбили богатенький Ширван. Там-то и встретил Сухов свою возлюбленную, ныне жену законную, Елену Мелиссину, самую красивую женщину на свете. Всякого он потом навидался — в Итиле, в Булгаре, в Новгороде, в Киеве. Однако и грозные «исторические события», и подвиги воинские, и даже крещение во храме Святой Софии — всё блекло перед той встречей во дворце ширваншаха, перед их первым свиданием, связавшим свирепого северного варвара и ослепительную зоста-патрикию — однажды и на всю жизнь...

...В трактир ввалилась целая ватага мореходов из славного города Амальфи, и сразу стало людно. Смекалистый трактирщик тут же выпустил в зал юродивого — якобы бобы продавать. Полуголый «божий человек», лохматый и грязный, с жидкой бородёнкой и младенческим взглядом, расхаживал между столов, горбатя спину, изображая то обезьяну, то лошадь, то змею. Он искусно блеял и кукарекал, а на его тощей, вовек не мытой шее болталась на веревочке икона — увесистая доска с закопчённым ликом, раз за разом гулко шлепая несчастного безумца по впалой груди.

---

[1] *Ярл* — титул у русской знати, тождественный графскому.

Бобы юродивый, по большей части, поедал сам или раздаривал, но едоков и выпивох он потешал изрядно — что и требовалось. Не потому ли посетителей — и зрителей — всё прибывало?

Заглянула на огонек не проспавшаяся педана — дешевая проститутка, из тех, что пристаёт к мужчинам на улице. Спустился объездчик лошадей, он был одет как крестьянин — в хитон из грубого полотна, заправленный в домотканые штаны. Сверху короткий плащ, перекинутый через плечо, на ногах поношенные сапоги, перевязанные ремешками крест-накрест. Крадучись по привычке, заявилась пара воришек, стала шептаться с трактирщиком, торгуясь за отрез шелка, который стяжала на рынке у зазевавшегося купца. А потом «Золотую шпору» посетили двое варангов [1], старый и молодой. Оба были в кожаных штанах, в сапогах сафьяновых, расшитых мелким речным жемчугом, в длинных кольчугах, перетянутых наборными поясами, и при мечах. Варанги здорово походили друг на друга — и статью, и разворотом плеч, и лицами — широкими, скуластыми, твёрдыми, словно резанными из крепкого дерева.

Старого Олег сразу признал — это был Инегельд. Светлый князь десятый год подряд приводил свою дружину на службу к базилевсу, и ему не отказывали, ценили за силу и верность.

Князь повертел кудлатой головой, обнаружил Сухова и тут же осклабился в радости узнавания. Небрежно расталкивая посетителей, он направился к патрикию. Кое-кому из амальфитанцев-мореходов не понравилось его неуважительное поведение, один усач даже за ножом потянулся, но молодой варяг так на него посмотрел, что тот мигом присмирел, вроде как усох даже.

— Здорово, Олег! — прогудел Боевой Клык.

Сухов молча ухмыльнулся и крепко пожал протянутую руку.

---

[1] *Варанги* — так ромеи называли варягов.

— Могу поспорить на литру золота [1],— сказал он весело,— что парню за твоей спиной ты приходишься отцом!

— И выиграешь спор! — расхохотался Клык.— Знакомься — Тудор.

Молодой варяг с достоинством поклонился.

— А это — Олег, сын Романа,— обратился к нему князь,— патрикий. По-нашему — ярл.

Тудор уже по-иному глянул на Сухова — с прирастающим почтением.

— Чегой-то тебя давно видно не было,— молвил Инегельд с укоризной.— Я к Елене-то твоей заглядывал пару раз, а она мне — нету, мол!

— Приказ базилевса,— усмехнулся Олег.— С царём болгарским толковали.

— Ну, тогда понятно,— прогудел князь и лукаво прищурился: — Слыхал, тебя поздравить можно? Никак этериархом заделался?

— Никак нет,— улыбнулся Сухов.— В этериархи меня не пускают — есть кому шепнуть на ушко базилевсу про моё гнилое варварское нутро. Вот, дескать, поставим мы этого варанга надо всею этерией, и куда та этерия мечи да секиры нацелит?

— Вот хорьки вонючие,— нахмурился Боевой Клык.— Мы ж клятву даём! Как же слово порушить можно, честь свою замарать?

— Они ж по себе судят, князь,— усмехнулся Олег.— Когда у самих ни ума, ни чести, ни совести, разве станешь искать это в ближних и дальних? Нет, конечно. Так что пока я аколитом поставлен, командовать буду одними наёмниками, то бишь вами.

Этерия — личная гвардия императора — была как бы триединой и складывалась из этерии великой, в коей служили сплошь македонцы, из этерии малой, куда набирали хазар да арабов-христиан, и этерии средней, самой славной, укомплектованной по найму — варягами или норманнами. Вот с нею-то и управлялся аколит.

---

[1] *Литра золота* — 72 номисмы (330 граммов).

— Угощайтесь,— сказал Олег и окликнул кабатчика: — Любезный! Чарки моим друзьям.

Хозяин трактира сам обслужил варягов — знал, как своевольны бывают русы.

Разлив вино, Клык коротко сказал:

— Ну, будем.

Выпив и утерши усы, он крякнул:

— Доброе винцо. Уж чего-чего, а в этом ромеи способны.— Навалившись на стол, князь спросил, утишая голос: — Пошто звал?

— Дело есть,— посерьезнел Олег.— Это самое... Узнал я через своих людей, что кой-кому не по нутру нынешний базилевс. Задумали они Романа прикончить, а Константина поставить на его место...

— И разжиться золотишком,— понятливо кивнул Клык.— За услугу-то.

— Именно. Мои подсуетились, вызнали всё, что смогли. Короче. Это самое... Сегодня в Палатии, в Срединном саду, заговорщики наметили свою первую встречу. Придет Феофан Тихиот, Павел Сурсувул, Димитрий Калутеркан и Рендакий Элладик. Самый важный из них — Павел. Он единственный знает, кто стоит во главе заговора. Мне это тоже неизвестно...

— Вызнаем,— обронил Инегельд.— Получается, что они как бы и незнакомы?

— Кстати, да. До сего дня они держались врозь. Все сношения велись тайно — заговорщики записки друг другу писали и прятали в особых местах. Каждый решал свою часть задачи — кто войско прощупывал, кто деньги изыскивал, кто сторонников привлекал. А теперь они соберутся вместе.

— Стало быть, скоро выступят,— сделал вывод князь.

— И я того же мнения. Их надо брать всех разом, живьем, вязать и к базилевсу тащить. Ему — убережение, нам — почёт. Ну и за наградой дело не станет...

Тудор поёрзал в нетерпении, поглядывая на отца, а тот огладил бороду, соображая.

— Всех гридней мне не собрать...— протянул Клык задумчиво.

— А всех и не надо. Достаточно будет «чёртовой дюжины», половины даже.

— Это можно! — расплылся в улыбке Клык и вздохнул: — Турберн, правда, занемог, стар больно. Я его в Тмуторокане [1] оставил — пущай косточки греет и добро наше стережёт.

— А отчего в Тмуторокане? — удивился Олег.

— А я там нынче обретаюсь. Как Хельг Ведун отнял град сей у хазар, так я в нём и поселился. А што? Тепло! Рыбы — море, хлеб родится — зёрнышко к зёрнышку. Не-е, хорошая землица! Там сейчас Карл Вилобородый обретается, да булгарин этот, из ультинов, Курт Дулат. Курт и савира нашего сманил, Илитвера Отчаянного. Помнишь, как мы под Киевом пересеклись? Во-от... И Веремуд Высокий там, и Рулав Счастливый, и Гуда Змеиный Глаз... Когда я уезжал оттоль, а было это по осени, в гавани уже четыре больших лодьи стояли! Да! Знамо дело, сосен таких, как на севере, на здешних югах не сыщешь, зато здесь бук растет. Такой вышины вымахает порой, что глядишь — и шапка валится! Я вот тоже, вернусь когда, лодью новую себе выстругаю!

— Поддерживаю,— улыбнулся Сухов и тут же построжел, словно вспомнив о звании аколита: — В общем, так. Соберёшь наших тихонько возле Фароса — это маяк, я тебе показывал. Помнишь? — Князь кивнул.— Вот. Оттуда недалеко до Срединного сада.

— Когда сходимся? — деловито спросил Боевой Клык.

— Ближе к полудню.

— По рукам!

Оставив друзей — голодные варанги трапезничать желали,— Сухов покинул трактир.

---

[1] *Тмуторокан* — город на Таманском полуострове, на месте эллинской колонии Гермонассы. Ромеи прозывали его Таматархой, печенеги — Таматарке. Есть основания полагать, что Олег Вещий (Халег Ведун) разграбил его приблизительно в 921 году, превратив в свой форпост на юге. Впрочем, весьма вероятно, что Тмуторокан (летописная Тьмутаракань) вошел в состав так называемой Черноморской Руси еще в IX веке.

Нездоровый туманец от зловонных испарений успел растаять, нищие тоже потихоньку разбредались, кутаясь в свое рваньё. А умиравший остался — лежал близ чадной жаровни и остывал. Отмучился. Олег перекрестился и пошёл домой.

Глава 2,

из которой становится ясно, отчего судьба порой закладывает крутые виражи

Дом Елены Мелиссины стоял в регеоне[1] Арториан, напротив церкви Святого Сампсона. Это был типично римский особняк, спрятанный за кипарисами старого парка. Парк огорожен был высокими коваными решётками, а от ворот к дому тянулась аллея. Она уходила в недалёкую перспективу — к колоннаде парадного входа.

Пожилой, но всё ещё крепкий Игнатий Фока, верный слуга и давний спутник Елены, шаркал метёлкой по каменным плитам аллеи. Завидя Сухова, он заулыбался и поклонился патрикию. Сам Игнатий, хоть и носил звучную фамилию, но громких титулов не нахватал.

— Встала Алёна? — спросил Олег мимоходом.

— Только с заутрени вернулась. Отдыхать изволит.

Поднявшись по истертым ступеням лестницы, кою стерегли два каменных льва, патрикий отворил дверь, часто обитую бронзовыми полосами, и вошёл в «прихожку» — просторный вестибул с полукругом колонн из белоснежного мрамора, с расписными потолками и стенами, покрытыми фресками.

Этот особняк стал Олегу родным домом — здесь жила его любимая женщина, его жена, его Алёнка. Поначалу Сухов всё переживал, его унетало положение незнатного

[1] *Регеон* — район Константинополя.

и бедного воина при богатой зоста-патрикии — он сам себе казался жиголо. Но постепенно различия между супругами сгладились, а ныне Олег сравнялся с Еленой в ранге. Да и золотишка в сундуке скопилось изрядно...

Сбросив сагий, Сухов быстро разулся и босиком прошлёпал по нагретому полу — старина Игнатий с утречка растопил подвальную печь. Горячий воздух гулял по глиняным трубам-лежакам, грея мозаичный пол, и поднимался по трубам-стоякам, наполняя теплом бельэтаж.

Потирая руки, Олег подошёл к окну, разделённому тонкой колонкой. Свинцовые рамы, заделанные кругляшами мутного зеленоватого стекла, были плотно заперты. Сухов подумал, что понятие «посмотреть в окно» тут непригодно — не видно ни черта. Ну хоть не дует, и то хлеб...

— Ага, ты дома! — послышался весёлый голос.

Патрикий поднял голову и улыбнулся — на верхней галерее, куда вела мраморная лестница, показалась Елена. Женщина вышла в одном месофоре — нижней тунике из тончайшего льна, и все прелести её великолепного тела были явлены глазам Олеговым, жадным и ненасытным.

Олег не однажды пытался описать свою возлюбленную и всякий раз бросал это дело, отчаявшись сыскать нужные слова.

Длинные ноги. Лебединая шея. Царственные плечи. Высокая грудь. Осиная талия. Крутые бёдра. Вот и всё описание! Слова-кубики, которые хоть так складывай, хоть эдак, всё равно выходит одно и то же — затёртый стандарт. Пошловатое клише.

Каким пером нужно владеть, дабы передать касание Алёнкиных волос, этой иссиня-чёрной гривы, что тяжёлым потоком ниспадает на плечи?

Когда он смотрит в огромные глаза Елены, в жгучие чёрные очи, у него кружится голова, он чувствует, что падает в тёмную бездну,— и где ему найти для этого глаголы и прилагательные? Он бегло говорит на латыни и по-эллински, но и эта древняя, полуугасшая речь не подсказывала ответов.

Киклотомерион — круглобёдрая, анедомаста — дерзкогрудая, карбонопис — углеокая... Звучит красиво, но даже язык Гомера не способен был облечь в слова красоту женщины, которой он не устал любоваться, которую не устал любить.

...Напевая что-то, Елена ступала на цыпочках, кончиками пальцев касаясь перил. Она преувеличенно покачивала бёдрами, прогибала спину и расправляла плечи, отчего тонкая ткань облепляла прекрасную грудь или западала меж ровных ног.

Олег взлетел по лестнице и схватил женщину, облапил ее, вскинул на руки и понёс в спальню...

...Двадцать минут спустя они лежали рядом, опустошённые и довольные. Унимая бурное дыхание, Сухов привлёк к себе Алёну, покорную, особенно мягкую и ласковую. Она положила свою голову ему на плечо, а он гладил её бедро, сводя ладонь в западину талии и снова возвращаясь на чудесную выпуклость. Женщина всё теснее прижималась к нему, нежась и подлащиваясь, и Олега вдруг резануло жалостью — он догадался, зачем Елена ходила в церковь. Наверное, снова, в который раз, молила Бога о ниспослании благодати, о счастье, по сравнению с которым богатство — прах, а родовитость — звук пустой.

Алёна никак не могла забеременеть и всё каялась, всё корила себя и печалилась, убеждённая в том, что бездетность — это наказание Божье за грехи её.

Мучением было видеть заплаканные глаза любимой. Олег успокаивал Алёну, убеждал по-всякому, что, если уж и возлагать вину, то на него. На что жена кротко улыбалась и отвечала, что ни разу в жизни не усомнилась в мужской силе варвара, коего полюбила...

— Не переживай, слышишь? — прошептал Сухов.

— Я не переживаю...— тонким голосом ответила Елена.

Она томно перевернулась на спину и потянулась, то ли в самом деле переставая горевать, то ли притворяясь успокоенной. Олегова пятерня, словно сама по себе, погладила плоский животик, надавила на лобок и вернулась

к тугой груди, стала обминать её пальцами, теребить сосок, нежно касаясь тёплой и шелковистой кожи. Женские ресницы затрепетали, веки опустились, а припухшие губки дрогнули в улыбке. «„Снежок в розе...“ — подумал Сухов.— Чьи это слова? Не мои...»

— Иногда я думаю,— доверчиво проговорила Мелиссина,— что нарочно соблазняю моего милого варанга, лишь бы зачать... А потом, когда отдаюсь тебе, понимаю, что просто хотела стать твоей, ибо я женщина...

— Ты слишком много думаешь,— сказал Олег назидательно,— и почти всегда — неправильно. Ты постоянно обижаешь Елену Мелиссину, а она очень хорошая... и очень хорошенькая.

— Я больше не буду...

— Алёнка ты, моя Алёнка...

— Алёнушка,— поправила его Мелиссина.— Алёночка.

— Любимая...

— Любименькая!

К Мелиссине вернулась обычная живость. Она села на постели и перекинула на грудь копну своих волос. Перебирая пряди, Елена сказала:

— Я сегодня видела Пончика, он проходил мимо с этим пачанакитом [1]... с Котяном, и просил тебе передать, что они обязательно явятся к Фаросу [2].

В Олеге что-то сжалось внутри — он совершенно забыл о заговорщиках.

— Я в них и не сомневался,— бодро сказал Сухов.

— Ты опять что-то от меня скрываешь? — Соболиные брови Елены сердито нахмурились.

— Пустяки,— успокоил ее Олег.— Так, небольшая услуга базилевсу...

Женщина изящно прогнулась, скрючила пальцы, будто кошка, выпускающая коготки, и хищно потянулась к

---

[1] *Пачанакит* — печенег.

[2] *Фарос* — городской маяк, расположенный на территории Палатия. Служил не столько для мореходства, сколько для приёма сообщений, переданных по световому телеграфу, изобретенному Львом Математиком.

Сухову. Патрикий порывисто обнял её, опрокинул на кровать. Алёна взвизгнула — и тут же забросила ему руки за шею, царапаясь легонько и раздвигая ноги.

— Солнышко моё лучистое... Я опять тебя хочу... Представляешь?..— сорвалось с сухих губ.

— Представляю,— ответил варвар.

Задолго до означенного времени Олег покинул родовое гнездо Мелиссинов, одетый по последней моде — в штаны из дорогой шерсти, в тонкий шёлковый хитон и голубой скарамангий, затянутый златотканым кушаком. Ноги были обуты в мягкие кампагии [1] с загнутыми носками, а плечи Сухов укрыл чёрным сагием, расшитым золотыми грифонами.

Лицо его выражало скуку, а от всей фигуры исходила опасная сила и лёгкая надменность — они словно гнали по толпе прохожих волну почтения и робости. Олег уже привык к этой незримой ауре, отдаляющей людей и берегущей его от малых зол.

Обычного спафиона он с собой не взял, прихватил варварский скрамасакс, полунож-полумеч длиною в локоть [2].

По давней привычке патрикий не думал о предстоящем деле, дабы не перегружать голову и душу опасениями. Проходя под древними арками, минуя роскошные особняки, Сухов просто смотрел по сторонам — подмигивал хорошеньким девушкам, кутавшимся в накидки-мафории и оттого походившими на мадонн, смиренно опускал взгляд перед важными священниками, холодно глядел в нагловатые глаза заезжих венецианцев, развязных и громкоголосых.

Весь этот район, заселенный богатеями и знатью, народ прозывал Константинианой. Вероятно, потому, что тянулся он к западу до старой городской стены, сложен-

---

[1] *Скарамангий* — верхняя одежда наподобие лёгкого кафтана, длинного, значительно ниже колен, довольно узкого. *Кампагии* — высокие башмаки.

[2] *Локоть* — мера длины, 0,52 см.

ной Константином Великим. Да тут повсюду, куда ни глянь, глаз натыкался на посвящения равноапостольному императору-солнцепоклоннику. Вот и улица достигла крайнего перекрёстка, вливаясь в форум Константина — просторную круглую площадь, мощённую мраморными плитами.

Прямо посередине форума высилась гигантская колонна из порфира, окаймлённая бронзовыми венками. На пятьдесят локтей поднимал сей столп позолоченное изваяние императора, представленного в виде солнечного божества Аполлона. Дабы освятить языческий образ, в статую вплавили гвоздь от Креста Господня, а в основание колонны замуровали и топорище от секиры Ноя, и кресало Моисея, и огрызки хлебов Иисусовых, и «Палладиум» — деревянную статуэтку Афины Паллады, которую ещё Эней стяжал в Илионе, а римляне считали залогом своей непобедимости. Видать, зодчие-столпотворители действовали по принципу «кашу маслом не испортишь».

Столп со статуей обрамляла двухэтажная колоннада с парой монументальных арок из белоснежного мрамора, к которой притулилась часовня Святого Константина. По левую руку от Олега на площадь выступало здание Сената с портиком из четырёх великих колонн, перед коим возвышались громадные статуи Афины и Тетис. Напротив Сената, с южного края форума, громоздился помпезный Нимфей — с куполом на гранёных столбиках, с маленькими бассейнами по окружности, с плещущими фонтанами и вечно мокрыми статуями, с искусно сложенными гротами, из которых водопадиками сбегали ручейки.

Олег усмехнулся, наблюдая весь этот блеск напоказ: с утра пораньше он побывал с изнанки «Города-Царя» и видел совершенно иное — чудовищную нищету и разруху в головах, грязь, мерзость, низость... Раззолоченная парча прикрывала гниющие язвы.

«Не грузись!» — посоветовал себе Сухов, пересекая форум.

Обычно народ толпился под сенью арок у «Колонны Гвоздя» или прохлаждался возле Нимфея, стремясь попадать в облако сеющейся водяной пыли, но это будет позже, а пока что горожане избегали тени, греясь на весеннем солнышке. Народ бродил толпами, многажды пересекаясь и гомоня на всех языках Ойкумены, топая пешком или качаясь в носилках, ведя в поводу ослика с поклажей или сгибая собственную спину под тяжестью ноши. Смуглые арабы и светлокожие русы, бурно жестикулирующие италийцы и смирные иудеи, хитроумные армяне и простодушные норманны, болгары в факиолах, похожих на тюрбаны, и мадьяры с гладко остриженными головами, украшенными тремя косами,— ото всех народов, ближних и дальних, сбрелись сюда ходоки.

Олег свернул налево, шагая по Месе — главному проспекту Города. Широкая — в сорок шагов — и помпезная, с тротуарами под тенью Царских портиков, Меса словно раздвигала холмы города, выстраивая по ранжиру богатые дома и храмы и выводя путников к главной площади Августеон. По левую руку от державной улицы тянулись гигантские аркады водопровода Валента. Акведук устремлялся туда же, куда и Месса,— к Палатию, к этому средоточию власти и величия, к пупу великолепной Imperium Christianum.

— Олег! — неожиданно окликнули патрикия.

Сухов узнал голос и улыбнулся заранее, оборачиваясь к подбегавшему грузной трусцой Шурику Пончеву, румяному и упитанному другу, товарищу и брату. Протоспафарий Александр щеголял в желтых башмаках и красно-зеленых одеждах, положенных ему по рангу, и побрякивал на бегу золотой нагрудной цепью.

— Пр-р-ры-вет, сиятельный! — пропыхтел он. Так «рыкать» и «ыкать» мог только Понч, это была его устная «визитка».

— Здорово, светлейший. Что-то ты, дружок, растолстел.

— Да ничего подобного! — возмутился Пончик.

— Ладно, ладно! Отъелся на ромейских харчах — не видно, что ли?

Как бы ниоткуда возник бек[1] Котян, смуглый печенег с чеканным лицом, на которое так и просилась боевая раскраска, с непроницаемыми обсидиановыми глазами и длинными прямыми волосами, отливавшими синевой. Одет он был в скарамангий цвета персика и чёрную хламиду, скреплённую на плече здоровенной золотой запоной, но куда больше, подумал Олег, ему бы подошла куртка из оленьей кожи с бахромой по швам и шаровары кочевника.

— Свидетельствоват! — ухмыльнулся Котян, поднимая руку.— Третья складка на пузе появилась — сам видат в термах.

Пончик уныло пощупал пухлый бок и вздохнул:

— Всё, сажусь на диету... Угу...

— Лучше сажат на коня! — уверенно посоветовал печенег.

С недавних пор Котян, знавший лошадей, был приставлен Олегом конюшим к юному патриарху Феофилакту, а уж тот просто обожал скакунов. В патриарших конюшнях содержали две тысячи отборнейших коней, и Феофилакт, младший сын Романа I Лакапина, из своих рук кормил их ячменём, изюмом и сухофруктами. Бывало, что горе-патриарх впопыхах завершал литургию и бежал к стойлу любимой кобылы, собравшейся рожать... Зато у базилевса имелся свой церковный иерарх, ручной и послушный императорской воле. И почему бы Сухову не порадеть за своего человечка?..

— Слушай, друг степей,— прищурился Олег,— мы тут уж тринадцать зим и лет паримся. Хочешь, чтобы я поверил, будто ты до сих пор не растерял свой варварский акцент?

Печенег осклабился.

— Надо же понимат! — сказал он с гортанным печенежским призвуком.— Его Святейшество испытывает тихое торжество, имея в услужении свирепого кочевника, он трепещет от сладкого ужаса. Зачем же мне его ра-

---

[1] *Бек* — вождь у кочевых народов степи. Имел статус, сравнимый с титулом ярла.

зочаровывать? Или признаваться, что я в пятый раз перечитываю Плутарха? Что знаю наизусть из Григория Назианзина? Пусть уж лучше трепещет...

— «Кто я? Отколе пришёл? Куда направляюсь? Не знаю...» — продекламировал Шурик с выражением.

— «И не найти никого, кто бы наставил меня»,— дочитал печенег.

— Миллиард тыщ раз читал,— признался Пончик,— а всё равно... Угу...

— Опять книжные развалы посещали? — понятливо улыбнулся Сухов.

— А зачем ты нас к Фаросу звал? — перевел разговор на другую тему протоспафарий.

— Да так,— пожал плечами Олег,— заговор надо бы раскрыть.

— Ух ты! — сказал Пончик испуганно.— Против базилевса?!

— Тише, ты! А против кого ж ещё...

Печенег лишь осклабился в доволе — в его сердце любовь к эллинским премудростям уживалась со страстью к баталиям.

— Пошевеливайся, светлейший!

Все трое прибавили шагу. За пышным форумом Августеон вставала высокая стена, ограждающая Большой императорский дворец. Она была сложена из кирпича и прослоена полосами светлого мрамора. На площадь выступали Медные ворота с огромным образом Христа, а за ними открывался полукруглый двор, окружённый массивной, но на удивление ажурной бронзовой решёткой.

Дворцовые стражники, повинуясь жесту патрикия, отперли створку врат и пропустили всю компанию, склоняя головы в привете, из-за чего пышные султаны на их шлемах качнулись опахалами.

— Время у нас ещё есть,— сказал Олег, вытягивая руку с солярием — карманным циферблатом древней работы — и сверяясь с дневным светилом.— Но лучше обождать, чем опоздать! Вперёд.

Полукружие двора сходилось к парадному вестибюлю Халке — огромной ротонде под куполом, тускло отливавшим золотой черепицей. Посреди зала выделялась рота — плита из порфира, с которой, бывало, базилевс обращался к народу. От роты кругами расходился узор на полу, выложенный из желтого и фиолетового мрамора.

Торопливо минуя Халку, троица вышла за внутренние бронзовые ворота, попадая в портик Схолариев и сворачивая к Буколеону, к южной оконечности гигантского собрания дворцов. Неподалёку располагался тронный Золотой зал, но Сухова куда больше впечатлял вид на зелёный склон холма, сбегавший к древним крепостным стенам у самого берега, и блистающий простор Мраморного моря. Было не жарко, и горизонт не затенялся дымкой марева — синяя даль чётко разделялась на ясную лазурь неба и чистую синеву моря. Дворцовую гавань покидал чёрный дромон[1], попутный ветер надувал его красные паруса, но и гребцы не знали отдыха — два ряда весел мерно поднимались из воды, рассыпая сверкающую капель, и снова погружались в прозрачные волны.

Сухов с удовольствием вобрал полную грудь свежего воздуха и медленно, с оттяжечкой, выдохнул, будто исторгая из себя пыль императорских покоев, вонь кадильниц и чад смоляных факелов.

Всякий человек покидал Палатий потрясённым здешней роскошью и бездумным, безумным расточительством. Вот они только что миновали огромный серебряный крест в Портике Схолариев, прогулялись мимо громадной вазы из яшмы, а напротив, в императорской бане, своды были отделаны листами чистого золота. Совершенно мещанский разгул! Да и не является Палатий дворцом — это самый настоящий город с десятком роскошных храмов, с галереями, тюрьмами, казармами, со

---

[1] *Дромон* — основной боевой корабль ромейского флота. Имел две мачты с латинскими парусами и двойной ряд весел. Экипаж составлял 200—220 человек — 50 человек на нижнем ярусе, по одному гребцу на весло, и 100 человек на верхнем — по два гребца на весло. Плюс 50—70 воинов-эпибатов.

множеством палат, каждая из которых годится в резиденции любому королю. «С жиру бесятся базилевсы!» — выразился однажды Пончик, и разве он был неправ?

Олег выбрался к церкви Богородицы Фаросской, где хранились терновый венец, туника и посох Христа, и оказался у трёхъярусной башни маяка, перекрытой куполом в виде пирамиды. Подойдя ближе к стенам его, на коих резчики по мрамору изобразили орлов, крылатых собак и баранов, Сухов углядел Инегельда и сразу успокоился.

Светлый князь был совершенно безмятежен и с виду беспечен. В шлеме с наносником, с огромным мечом на перевязи, Инегельд производил устрашающее впечатление, хотя даже бровей не хмурил — стоял себе да жмурился на солнышке. Это была смертоносная машина для причинения потерь живой силе противника, машина, хоть и поизносившаяся, но далеко не исчерпавшая свой ресурс. Заметив подходившего патрикия, Боевой Клык оживился.

— Здорово, аколит! — пробасил он.— Ну што? Двигаем?

— Двигаем,— твердо ответил Олег.— Где твои?

Клык приглушенно свистнул. Тут же из-за низких дверец маяка, от церкви, из кипарисовой рощицы, что росла на склоне, вышло человек шесть варягов. Они сходились, узнавали Сухова — и суровые лица воинов принимали добродушное выражение. Олег увидал Ивора Пожирателя Смерти, все такого же сухопарого, и Малютку Свена, все такого же огромного, возмужавшего Фудри Москвича, поседевшего Стегги Метателя Колец, заматеревшего Хурту Славинского и Воиста Коварного, утомившегося в борьбе с растущими залысинами, а посему обрившего голову до блеска.

— Здорово, Полутролль! — прогудел Малютка Свен, вспоминая давнее прозвище Олега, и протянул лопатообразную пятерню.

— Здоров, малышок!

Свен, похохатывая, пожал руку патрикия.

Варяги подходили и сердечно шлёпали ладонями об Олегову ладонь — побратимы радовались встрече, не тая зависти и не желая зла, как местная придворная сволочь, и у Сухова на душе потеплело.

Коротко введя братию в курс дела, Олег направил стопы к Месокипию — Срединному саду.

Обойдя Новую церковь, варяги зашагали по дорожке-просеке Месокипия. В Срединном саду веками собирали растения со всех сторон света, здесь местные туи и смоковницы соседствовали с северными дубами и южным бамбуком, рядышком росли пышные розы и густая арча, благородный олеандр перемежался с благоуханной пицундской сосной. Сад был изрядно запущен, деревья разрослись так, что порой сплетали кроны над аллеей, а кустарники и вовсе оккупировали дорожки, вставая поперёк живыми изгородями.

— Хорошее они место сыскали, ничего не скажешь,— пропыхтел Пончик.— Хрен продерёшься. Угу...

— Кстати, да,— обронил Олег.

— На то и расчёт,— сказал Котян.

— Ивор и ты, Свен,— распорядился Инегельд,— остаётесь здесь. Кто будет подходить — пропускайте, кто обратно двинет — хватайте и мордой в землю.

— Сделаем,— кивнул Пожиратель Смерти и поманил за собой Свена.

Расставив варягов, Инегельд с Олегом поднялись на второй этаж маленькой часовенки, возле которой и должны были встретиться заговорщики. Котян с Пончиком взобрались за ними следом.

— Давненько я в засаде не сиживал...— пробормотал Пончик.— Угу...

— Чего ты всё угукаешь? — поинтересовался Котян.

— Угукаю? — удивился протоспафарий.

— Да постоянно! «Угу» да «угу»...

— Разве?.. Знаешь, не замечал. Угу...

Сухов побродил по этажу, как кот, обнюхался, встал у сводчатого окошка, больше похожего на бойницу. Тихо в саду, даже мухи не жужжат.

Князь закряхтел, усаживаясь на пустой, рассохшийся сундук, крест-накрест обитый позеленевшими медными полосками, и пристроил поудобнее меч.

— Что кряхтишь, как дед? — улыбнулся Олег.

— Годы тяжелят,— вздохнул Боевой Клык,— жмут к земле, как десять доспехов. Раньше-то я сигал так, что — о-го-го! А теперь — о-хо-хо... Черёд подходит всю тяготу на Тудора перевалить, пущай он теперь скачет, моё время вышло.

— Ну, не так быстро, коназ,— воспротивился Котян,— силы в тебе ещё хватат.

— Ну-к, што ж...— хмыкнул Клык и встрепенулся, расслышав далёкое пение птицы. В Месокипии такие не гнездились — это Ивор знак подавал.

— Ти-хо! — скомандовал Олег.

Долго ему ждать не пришлось, вскоре захрустел гравий, зашуршали листья, треснул под неловкой ногою сучок... К часовне вышли двое — казначей Феофан Тихиот и Рендакий Элладик, начальник императорской канцелярии. Им было явно не по себе, лица заговорщиков страдали нездоровой бледностью, а движения отличались суетливостью. Оба были костлявы, но пышные синие скарамангии с пурпурными нашивками скрывали худобу.

— Разве это власть? — брюзжал Феофан, видимо продолжая начатый разговор.— Разве это величие? Палатий должен представать улеем, где всякой пчеле дана работа, но ныне здесь роятся трутни, не знающие усердия! Пустословие заменяет деятельность, где нет места ни знаниям, ни воспитанности, ни чести и прямоте, где обезьяны прикидываются львами, где царят угодничество и лесть!

Олег подумал по неизжитой воинской привычке: чего это они ведут подрывную деятельность, даже не заглянув в часовню? Мало ли — вдруг засада? Повернув голову, он глянул на князя — тот тоже задирал брови от удивления. Ответ дал Котян, изобразив на пальцах квакающую лягушку — презрительное обозначение болтуна, не способного от слов перейти к делу.

— Ваша правда, светлейший,— вздыхал Рендакий, задирая бороду, завитую колечками.— Сам попечитель дворца не умеет ни читать, ни писать, а от патриарха вечно несёт навозом!

— Это что,— хмыкнул Тихиот.— Видел бы ты, светлейший, как этот мальчишка резвится на пирушках с шутами да мимами. Мыслимое ли дело — патриарху якшаться с людишками такого пошиба?!

Оба сокрушенно закачали головами. И тут неслышными шагами приблизился Павел Сурсувул, мелкий придворный чин, однако большой проныра. Павел вёл за руку шатавшегося от переживаний Димитрия Калутеркана, главного писца. Строгое лицо проныры было гневно.

— Что за страхи, в самом деле? — спросил он, сдерживаясь.— Своим испугом, сиятельный, вы можете сгубить наше общее дело!

— Вам хорошо говорить,— лепетал Калутеркан,— а мы можем потерять всё!

— Это я утрачу всё! — с силой сказал Сурсувул.— И жизнь — тоже! Вы же все вышли из благородных семейств, и самое большее, что вам грозит, так это ссылка! Но даже этого страшиться... С какой стати? Вся работа проделана в полнейшей тайне, никто о ней ни слухом ни духом!

— Ладно, почтеннейший,— неожиданно твёрдо прервал его Тихиот,— оставим беспокойства и обратимся к делу. Припомним, что дарует нам победа, соберёмся с силами и приступим!

Трижды перекрестившись, Калутеркан сказал:

— Одна тревога гложет меня по-прежнему. Вы, почтеннейший, обещали свести нас с человеком, который всё это затеял, всю эту... э-э... перестановку, но мы до сих пор не видели его лица и не слышали его имени! А вдруг это ловушка?

Сурсувул энергично покивал.

— Понимаю,— проговорил он,— всё понимаю, но и вы должны понять — это лишь первая наша встреча. Вы рискуете, и я рискую, но тот человек, коим я послан, рискует больше всех! А от него зависит успех нашего нелегкого предприятия. Поэтому давайте договоримся: забу-

дем о пятом, который первый, и быстро порешаем дела. Итак, светлейший,— обратился он к Тихиоту,— можем ли мы надеяться, что золото найдёт путь в нужные кошели?

— Безусловно, почтеннейший,— кивнул Феофан величественно.— Деньги приготовлены.

— Отлично! А как у вас, сиятельный?

— Я выяснил у нужных людей всё, что требуется,— уверил его Димитрий.— За нами пойдут многие, а недовольных базилевсом ещё больше.

Не дожидаясь, пока его спросят, Рендакий Элладик сам подал голос:

— Гвардия не вмешается. Кувикуларии — те, что ночуют рядом со спальней базилевса, согласны помочь...

— Ты разговаривал с ними? — подался вперёд Сурсувул.

— Нет, нет, как можно! Только со спальничим, да и то мы были разделены шторой [1].

— Что ж, очень даже неплохо...— протянул Павел.

— Плохо! — решительно оспорил Феофан.— Кувикулярии — евнухи! Много ли они навоюют? Эх, нанять бы варангов... Вот кто бы с лёгкостью разрубил все узелки!

Элладик криво усмехнулся:

— Воины-ромеи подобны глиняным горшкам,— высказал он свое мнение,— а варанги — железным котлам.

Светлому князю понравилось это сравнение — он гордо улыбнулся и посмотрел на Олега. Тот кивнул.

Легко встав, Инегельд скрадом двинулся вниз, тихо ступая по крутым ступенькам. Внизу Сухов опередил Клыка и спокойно вышел из часовни.

— Приветствую вас, достопочтенные,— поздоровался он.

Заговорщики оцепенели. Лица их покрыла смертельная бледность, а Калутеркан, тот даже малость позеленел.

В следующую секунду Тихиот и Элладик метнулись в заросли — и забились в руках варягов. Малютка Свен

---

[1] В помещениях того времени перегородками между комнатами часто служили тяжелые занавеси.

скрутил Феофана, а Воист сграбастал Рендакия. Димитрий сомлел самостоятельно и опустился на траву кулем. Только Павел Сурсувул остался стоять, сжимая кулаки и гордо задирая подбородок.

Не обращая внимания на схваченных, стонавших жалобно и просивших о милости, Сухов приблизился к Сурсувулу.

— Как зовут вашего главаря? — спросил он ледяным тоном.— Отвечай!

Хрупкая стойкость Павла дала осадку — Сурсувул дрогнул, глаза его забегали.

Олег улыбнулся как можно более зловеще.

— Князь,— попросил он,— будь другом, вырежи у этого со спины пару-другую ремешков. А то уж больно молчалив.

— Может, лучше с груди? — предложил Клык, поигрывая громадным ножом.— Надрезать да потянуть... А? Болтать начнёт — не остановишь!

— Пожалуй,— согласился Сухов.

— Вы не посмеете! — слабо воскликнул Павел.— Я — спафарий!

— А я — князь! — внушительно заявил Инегельд и шагнул к Сурсувулу.

— Стойте! — выдохнул тот, вытягивая руки в жесте убережения, и застонал, хватаясь за голову.— О, Господи... Я скажу, как зовут нашего глав... нашего главного. Он — синклитик, его приглашают на силентии, а зовут...

В следующую секунду Павел Сурсувул вздрогнул и страшно заклекотал, кровь выступила на его губах и стекла струйками на подбородок. Рухнув на колени, он упал в траву. Из спины у него торчал кинжал, вонзившийся по рукоятку.

— Схватить! — гаркнул Олег в бешенстве, но Ивор с Малюткой уже мчались за убийцей.— Проклятие!

— С этими-то что делать? — поинтересовался князь, не утративший хорошего настроения.

— Связать мерзавцев. Ч-чёрт...

Вскоре вернулись Ивор и Свен, доложили, что неведомый метатель ножей оказался весьма юрким — прошмыгнул в царские палаты, а охранники не пустили варангов на порог.

— Встречал я его,— спокойно заметил Ивор.— Маленький, щупленький — соплей перешибёшь, но злой. Сам он из венецианцев, а зовут то ли Пауло Лучио, то ли Лучио Пауло.

— Сыщи мне этого мелкого! — резко сказал Сухов.— Душу выйму из мерзавца!

— По всей видимости,— подал голос молчавший до этого Пончик,— главарь решил подстраховаться. Угу...

— ...И замёл все следы,— кивнул Олег.

— Не все. Нам известно, что он — синклитик и участвует в силентиях [1].

— Ну и что? Я тоже вхожу в синклит и на силентии попадаю. Знаешь, сколько там таких штаны протирает? Десятки!

— Всё равно... Не миллиард же тыщ! Круг подозреваемых сузился. Угу...

— Ладно,— сухо сказал Сухов.— Потащили хоть этих.

Слово было подобрано верно — если Тихиот и Элладик ещё брели своим ходом, подбадриваемые тычками, то мёртвого Сурсувула и полуживого Калутеркана пришлось тащить на себе.

Базилевса со свитой долго искать не пришлось — Роман Лакапин шествовал по галерее Сорока мучеников, направляясь в триклиний Девятнадцати экскувитов. Приближалась пора дипнона, второй трапезы дня, то бишь обеда.

---

[1] *Синклит* — совещательный орган при базилевсе. *Синклитик* — член синклита, им мог стать любой с титулом не ниже протоспафария. Заседания синклита проводились либо в формате конвента, в котором принимали участие все синклитики, либо в формате силентия, на который приглашались лишь сановники «ближнего круга».

Огромная толпа сопровождала императора — впереди шествовали знаменосцы-драконарии, вздымая странные штандарты, в самом деле походившие на тряпичных драконов. Шагали силенциарии с поднятыми жезлами из палисандрового дерева, увенчанные серебряными шарами, устанавливая тишину. Важно ступали стражники-схоларии в золоченых панцирях, с пышными перьями на шлемах и с монограммами «ИНРИ» на серебряных щитах. Сгибаясь в полупоклоне, семенила свита и целая толпа царедворцев — на их сытеньких лицах было написано жадное внимание собачек, следящих за хозяином в надежде поймать брошенное угощение. Священники вовсю махали кадильницами, окуривая самодержца и присных,— облако благовонного дыма висело сизой пеленой, и сверкание драгоценных одежд размывалось за нею, сливаясь в подвижную, пёструю массу подобострастия. Тонкие голоски евнухов выводили: «Се грядет владыко».

И вот внезапно в торжественном шествии, озвученном шарканьем и шорохом, случилась заминка — придворные во всё большем количестве замечали подходивших варангов. Смолкло пение, но возвысились голоса порицания, ропот прошёл по толпе.

Грузный препозит Дамиан — церемониймейстер двора — в белом одеянии и с посохом, вышел из-за колонн галереи и вопросил грозным низким голосом:

— Как смеют варанги нарушать покой государя?

Олег Сухов шагнул вперёд. Отстранив обомлевшего препозита, он приблизился к встревоженному базилевсу. Схоларии одним множественным движением потянули мечи из ножен — словно зашипела сотня змей.

Патрикий низко поклонился Роману Лакапину и произнёс:

— Пусть твоя божественность рассудит. Я — патрикий Олегарий, верный слуга автократора ромеев и Господа нашего. Мне удалось раскрыть подлый заговор против твоего величества и схватить виновных, за что надо благодарить верных варангов, о благочестивый.

Надо отдать должное Роману I — император быстро справился с собой, унял целую гамму противоречивых чувств и нахмурил брови.

— Правда ли это, патрикий? — властно спросил он.

— Истинная правда, несравненный. Виновные признались во всём,— Олег наметил скупую улыбку: — Варанги умеют развязывать языки.

Толпа придворных зашумела, силенциарии всполошились и забегали, потрясая жезлами, а тут и Тихиот задёргался, невероятным усилием вырвался из крепких рук варягов, пал на колени и быстро-быстро пополз, пластаясь по земле.

— Смилуйся, государь! — взвыл он.— Именем Христа милосердного! Умоляю! Яви милость к слуге твоему, о божественный!

А вот и Калутеркан повалился, пополз, подвывая и колышась тучным телом.

— Смилуйся! — трубил он.— Бес попутал нас, соблазн то был диавольский! Смилуйся, благочестивый! Во имя сладчайшей Приснодевы Марии!..

Заговорщики доползли едва ли не до кампагий базилевса, и лишь острия обнаженных мечей схолариев задержали униженное пресмыкание.

Роман I Лакапин молчал, и это молчание подействовало на свиту пуще любых силенциариев — тишина установилась мёртвая.

— Благодарим тебя, благороднейший патрикий,— церемонно молвил базилевс, и тут же десятки завистливых глаз уставились на Олега.— Покушавшихся на нашу царственность отправить во Влахернскую тюрьму. Дознаться и оповестить.

Повелев, император развернулся и зашагал прежним путём, неторопливо шествуя в триклиний. Схоларии построились первыми, тронулись знаменосцы. Зазвякали цепочки кадильниц, нестройные голоса затянули прерванный гимн, звуча громче, дабы осилить горестный вой пойманных и уличённых. Происшествие было исчерпано.

Двумя днями позднее преступников отстегали плетьми и выставили на всеобщее поругание. Тихиоту, Элладику и Калутеркану остригли бороды и волосы, сбрили брови, удалили даже ресницы, после чего обрядили в рубахи без рукавов, навешали на шеи отвратительные «ожерелья» из овечьих кишок и стали возить по всему городу, усадив на быков лицами к изгаженным хвостам. А впереди шутовского «парада» вышагивал жезлоносец, выпевая глумливые песенки, весело понося цареубийц-неудачников.

Множество народу собирал этот «триумф наоборот» — люди поднимали рёв и свист, они оплёвывали ренегатов и забрасывали их огрызками и помётом.

Но базилевс был милостив к падшим — он даже не приказал ослепить их. Всё добро, нажитое Тахиотом, Элладиком, Калутерканом и Сурсувулом, было изъято в казну, а оставшихся в живых заговорщиков сослали на остров Проконнес, где с давних времён в каменоломнях добывали ослепительно-белый мрамор...

Глава 3,

в которой Олегу жалуют титул магистра

Пропели третьи петухи в предместьях, отошла заутреня в константинопольских церквах. Тёмное небо на востоке, за Босфором, начинало сереть в потугах восхода.

Шёл пятый час утра, когда Священные Палаты стали пробуждаться — одна за другой отпирались двери, а вестиарии-облачатели понесли императорские одежды к опочивальне божественного.

Олег Сухов терпеть не мог вставать рано по утрам, да и зачем каждый божий день толкаться во дворце? Взыскуя благ от щедрот базилевса? Лучше выспаться, право

слово, да сослужить службу истинную, от которой и самодержцу польза, и тебе добрая слава.

Но сегодня не поваляешься, мрачно думал Олег, шагая к Палатию. Сегодня у него хиротония — благодарный император жалует верному Олегарию титул магистра. Что и говорить, приятственно.

Во всей империи магистров насчитывалась ровно дюжина, каждому полагались двадцать четыре фунта золота в год, два новых платья из царских ризниц плюс подарки к великим праздникам.

Но не корысти ради стремились ромеи к заветному титулу. Великий почёт и уважение — вот что давал магистерский сан. Это была та предельная высота, на которую только и мог подняться смертный, если, конечно, он не лелеял мечты занять трон.

Хмурясь и радуясь, Олег прошествовал в Палатий. Его путь лежал ко дворцу Дафны, где располагались опочивальни венценосного семейства.

Дворцу из желтого мрамора было лет шестьсот, он издревле обосновался у восточных трибун Ипподрома, напротив императорской ложи, а правым крылом примыкал к Слоновым воротам дворцовых стен.

Четверо варягов сторожили вход. Бородатые, насупленные, они стояли между колонн, опираясь на секиры, однако их угрюмые физиономии мигом прояснились, стоило им увидать своего аколита. Сухов улыбнулся варангам, проходя во дворец.

В центральном зале белела статуя нимфы Дафны, изображенная в момент обращения в лавр. Заметно было, что церемония подъема шла вовсю — слуги гасили лампады, накрывая светильни медными колпачками на длинных хлыстах. Туда-сюда носились озабоченные вестиарии в белых хламидах, мелькнуло брыластое лицо препозита Дамиана.

Олег скромно отошёл к толпе придворных, топтавшихся у тяжелой завесы из золотой парчи, вышитой чёрными орлами в зелёных кругах, в шахматном порядке чередовавшихся с красными крестами. Тут стояли высшие санов-

ники империи, но Сухов не обращал на них внимания. Ему хотелось смотреть на одну Елену Мелиссину — зоста-патрикия, во всём блеске её красоты, словно выступала предводительницей целого выводка тощих магистрисс, худосочных патрикисс и прочих протоспафарисс, испуганно жавшихся в сторонке. Елена пленительно улыбалась — одному Олегу, и он послал ответную улыбку.

— Началось!..— послышался благоговейный шепоток.

Из императорских покоев донёсся высокий голосок евнуха-спальничего:

— Вестиарии!

Рокочущий бас препозита тут же повторил, куда более звучно:

— Вестиарии!

Облачатели, заранее преклоняя головы, чередой проследовали к опочивальне, на вытянутых руках пронося серебряный скарамангий и голубой дивитиссий, усыпанный золотыми розами. Главный вестиарий Феофан тащил тяжеленную хламиду, расшитую массой жемчуга и драгоценностей.

— Приступим! — провозгласил спальничий.

— Вестиарии,— пробасил Дамиан,— приступите!

От усердного стояния старенькому анфипату Евлогию стало нехорошо, и он боком присел на мягкую, обитую красным шёлком скамью. А Олег подумал, что базилевс вовсе не владыка в этом дворце, он самый настоящий невольник, порабощённый запутанными церемониями. Вся жизнь Его Величества предписана этикетом, всякий порыв души должен гаситься, ежели не совпадает с ритуалом. Император выглядит пастухом при стаде послушных овец, но на самом-то деле стадо пасёт августейшего...

Долго ли, коротко ли шло облачение, но вот вестиарии, наконец, одели государя, вот уж завязаны золотые поручи и возложен лор — узкая полоса дорогой ткани, изображающая смертные пелены.

Служители отпахнули тяжеловесную штору с орлами и крестами, и базилевс явил себя — в богатейшей хламиде, с обручем-стеммой на голове, Роман Лакапин вышел

мелкой поступью, держа в руке горящую свечу. Густой голос препозита сказал медленно и тяжко:

— Повелите!

В ответ император благословил свечой придворных. Лицо его при этом сохраняло неподвижность мраморного рельефа.

— Препозит! — величественно измолвил базилевс, едва размыкая губы.

Дамиан приблизился, поклонился государю до земли, прихватывая полу царственной хламиды и лобзая её.

— Подведи к нам патрикия Олегария!

Препозит дёрнулся было исполнять высочайшее повеление, но Олег сам шагнул к базилевсу, опустился на колени и припал к его пурпуровым кампагиям, на которых жемчужинками были вышиты крестики.

Император накрыл голову Сухова увесистой полой хламиды. Олег задержал дыхание — ноздри щекотал пыльный запах парчи, насквозь прокуренной фимиамом. «Как бы не чихнуть,— мелькнуло у него,— опозорюсь на всю империю...»

Пухлая рука благочестивого возлегла на голову Олегову, и базилевс проговорил:

— Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа! Властью, данной нам от Бога, посвящает тебя наша царственность в магистры. Встань, магистр Олегарий! Аксиос! [1]

— Аксиос! — вразнобой повторили присутствующие.

— Аксиос! — пошло гулять эхо по древним палатам.

Магистр Олегарий отошёл, не разгибая головы, а все прочие, наоборот, ринулись гурьбой, спеша пристроиться к базилевсу,— начиналась ежеутренняя церемония малого выхода.

— Божественный и единственный,— проблеял анфипат Евлогий,— вечность в жизни и славе!

Загремели мощные аккорды водяных органов. Воины выстраивались рядами вдоль царственного хода, церемо-

---

[1] *«Аксиос!»* — ритуальный возглас при рукоположении, означающий: «Достоин!»

ниарии с позолоченными жезлами спешно сгоняли поближе магистров, патрикиев, спафариев и тех лиц гражданской наружности, кому выпала великая честь лицезреть благочестивого этим утром.

Елена Мелиссина обняла Олега со спины.

— Я так рада, любименький! — опалил его ухо шёпот.— Переодевайся!

Скинув привычный скарамангий, Сухов надел тот, что подобал магистру,— белоснежный, с пурпурными ромбами, нашитыми на груди. Елена накинула сверху украшенную перевязь на оба плеча и затянула у мужа на талии пояс из красной кожи с золотой пряжкой.

— Мой магистр! — сказала она с гордостью.— Солнышко моё!..

— Лучистое? — поинтересовался Олег, сияя.

— А как же!

А со двора донеслось пение — гремел хорал:

Многая лета!
Многая лета тебе,
Автократор ромеев,
Служитель Господа!

А день всё дарил и дарил неожиданностями. После скромной семейной трапезы (омар с маслицем, щупальца молодого осьминога, жаренные с лучком, сладкое александрийское винцо и спелая дынька на десерт) Олег сперва засел в кабинете, что разместился в левом крыле, в концентрическом кругу колоннады из фригийского мрамора, розового с прожилками. Захотелось магистру и аколиту освежить в памяти недавно откопанные тексты Аристарха Самосского и Эвдокса Книдского, тысячу лет тому назад доказавших, что Земля круглая, а потом магистр и аколит прилёг отдохнуть (вдвоём с Алёной).

Отдых вышел очень активным, бурным даже — шёпот любви и крики страсти долго полнили опочивальню, а пухлые амурчики с расписного потолка нахально подглядывали, изображая детскую невинность.

...Остывая, Сухов лежал поперёк кровати, уложив голову на тугой животик Мелиссины, и слушал её рассуждения о сущности души человеческой, изредка вставляя ехидные замечания, за что и получал — Елена больно щипалась.

Расслабленные и удоволенные, они покинули спальню в самый подходящий момент — Игнатий как раз приглашал в дом молоденького кандидата [1] с редкой, будто кем-то выщипанной, бородёнкой. Кандидат, запелёнутый в синюю хламиду, неловко топтался в вестибуле, прижимая к тощей груди свернутый пергамент с красной восковой печатью. Заметив чету, спускавшуюся по ступеням, он с восторгом оглядел Мелиссину и отвесил поклон Сухову.

— Его Величество шлёт тебе привет, сиятельный,— пропел кандидат,— и призывает во дворец.

Договорив, он снова поклонился, протягивая грамоту.

— Благодарю тебя, почтеннейший,— ответил Олег, из любезности обращаясь к кандидату, как к спафарию, и принял подношение. Кандидат порозовел от удовольствия, украдкой взглядывая на зоста-патрикию. Елена сладко улыбалась.

Сухов сломал восковую печать с выдавленным изображением павлина и развернул пергамен. Округлый и витиеватый почерк писаря разобрать было легко — в изысканных выражениях магистра и аколита Олегария приглашали на силентий. Само приглашение было писано обычной чёрной тушью-сепией из дубовых орешков с добавлением золотой пыльцы, а внизу стояла корявая, зато исполненная пурпуром роспись базилевса. Олег только головой покачал — после русской вольницы очень трудно было привыкнуть к ромейским порядкам, к сложной и запутанной иерархии, где на каждой ступеньке свои поблажки. Писать пурпурными чернилами позволено было одному императору, его дети имели право писать синими, а сам Олег — зелеными. Заслужил.

— Всенепременно буду,— сказал он чопорно и склонил голову.

---

[1] *Кандидат* — невысокий титул 4-го ранга.

Бросив прощальный взгляд на Мелиссину, кандидат удалился.

— Всё мальчиков пленяешь? — проворчал Сухов, с трудом поджимая губы, готовые поползти в улыбку.

— Ревнуешь? — промурлыкала Елена.

— Было бы к кому! — фыркнул Олег.

Женщина рассмеялась, а Сухов подумал: а ведь правда, не ревную!

Обычно, когда они с Пончиком заводили разговор о мужской ревности, немедленно вспоминали Вильяма нашего Шекспира и сотворенного им Отелло — как этот брутальный мавр, лицо негритянской национальности, придушил бедняжку Дездемону. Блондинка пищит: «Не виноватая я!» — а мавр делает свое дело... Но разве виноват Отелло, что был простодушен и доверчив? Наслушался мавр сплетен от коварного Яго, разгневался — и совершил убийство.

Безусловно, ревность — это один из мотивов, побуждающих человека преступить заповедь «Не убий!», но что это значит — ревновать? Тут можно вспомнить диалог Дианы и Теодоро, созданных изысканной фантазией Лопе нашего де Веги. Там великолепная Диана вздыхает томно, утверждая, что «ревность в ней зажгла любовь и страсть», на что Теодоро даёт отрицательный ответ, заявляя, что «родится ревность от любви». От любви ли?

Дабы не запутаться в морально-этических тенетах, они с Пончиком, испробовав вина на славу, разбирали ситуацию на примерах. И вот самый явный случай, давно ставший расхожей темой для анекдотов даже в десятом столетии: приезжает купец-навикулярий из дальнего странствия, является домой — и застаёт жену в объятиях любовника. Пикантная ситуация, не правда ли?

Что тут станешь делать? Если вы джентльмен, то подожмёте губы и ледяным тоном потребуете объяснений от женщины, а мужчине велите убираться прочь. Ну а если вы иначе понимаете смысл понятия «сохранить лицо», то

заколотите себя кулаками в грудь и броситесь на соперника, требуя сатисфакции путем мордобоя (и жене достанется между делом). Но это всё деяния, а вот что вы при этом почувствуете? Какие ощущения испытаете?

Оскорбление, унижение, смертельную обиду, ярость. Но в этом списке нет ревности — просто обманутый мужчина очень болезненно переживает измену. Уже то, само по себе, что женщина предпочла ему другого, выводит представителя сильного пола из себя. Как?! Она — и с ним?! А, значит, я хуже?! И понеслось...

Абсолютное большинство мужчин совершенно не выносят даже сравнений себя с иными особями мужеска полу. То есть, когда женщина вздыхает: «А вот Евстафий своей шубку купил...» — мужчина страшно раздражается — ведь сравнение не в его пользу. Для него это как измена на словах. А уж на деле...

Если хорошо покопаться, то обнаружится, что в подоплёке слов и дел ревнивца лежит примитивный комплекс неполноценности. Такой мужчина не уверен в себе, не ощущает себя настоящим и стопроцентным. Всё это он тщательно скрывает, но в момент ревности отрицательный потенциал его эмоций зашкаливает — и любопытные соседи наблюдают сцену из семейной жизни.

Так что же такое ревность? «Попросту говоря,— решил для себя Олег,— это чувство собственника, ощущающего собственную слабость». В таком живет страх потерять свою женщину, но не потому, что он её любит. Более всего, пожалуй, ревнивец опасается насмешек окружающих: «Как там твои рожки? Развесистые небось?»

Благородный порыв типа: «Так дай вам Бог любимым быть другим!» — ему несвойствен. Ревнивцу больно даже представить себе, что его женщину будет обнимать кто-то иной, ведь она принадлежит ему!

Именно поэтому данный тип делается подозрительным, недоверчивым, его преследуют навязчивые мысли об адюльтере. А где сейчас его жена? В геникее [1]? А в геникее

[1] *Геникей* — помещение для женщин в ромейском доме.

ли? И что с того, что в геникее? Можно подумать, она и туда не впустит ухажера! И так далее, и тому подобное.

Ревнивец постоянно настроен на негатив, всегда только на худшее, поэтому и сам внутренне готов разрядить накопленный отрицательный заряд — и причинить женщине зло.

А уж тот, кто пошел по стопам Отелло и готов убить свою подругу,— не просто собственник, а собственник осатаневший, то есть потерявший всякий человеческий облик, оборотень.

Убить из-за любви нельзя.

Любить женщину — это значит желать ей счастья, добиваться для неё блага, проявлять нежность и заботу. При чем же здесь ярость и садизм?

Если вы сильный человек и любите свою женщину, то не станете её ревновать ни к кому — ведь вы великодушны, вы уверены в себе и испытываете доверие к избраннице, к тому же вы снисходительны.

И даже если она изменит вам — а согрешить может любой и любая! — вы не станете учинять безобразных сцен, а повернётесь и покинете ту, которую любили. И только. Почему, догадываетесь? Правильно! Потому что вы — джентльмен, и вам присуще чувство собственного достоинства.

Вы будете мрачны и печальны, но страдать от любви не стыдно даже настоящему мужчине, лишь бы не напоказ.

А весь секрет в том, что джентльмен — это не тот, кто умеет по-светски улыбаться и знает слова почтения, а тот, кто относится к женщине как к леди. Если вы таковы, то это лучший залог того, что в вас не угнездится ревность — вы просто никогда не опуститесь до этого низкого площадного чувства.

Вот и всё.

«Какой я, оказывается, благородный»,— усмехнулся про себя Сухов и стал собираться. Даже к ужину опаздывать неучтиво, не явиться же вовремя на синклит — просто верх глупости. Кое-кто может сделать оргвыводы и принять меры... Право, лучше обождать, чем опоздать!

Миновав Халку, магистр и аколит Олегарий зашагал Портиком Схолариев. Собственно, это была прямая дорожка, вымощенная мраморными плитами, а с двух сторон ее как раз и прикрывали портики — крытые галереи из парных колоннад. Дорожка привела Сухова к трёхпролетной двери, имитирующей триумфальную арку. За её створками, облицованными пластинами слоновой кости с резными барельефами, находился Консисторион — зал для заседаний синклита.

Лет пятьсот тому назад пол зала выложили наборным рисунком из дорогих мраморов, но пришли иные времена — и композицию на тему резвящихся нимф стыдливо прикрыли роскошными персидскими коврами. Стены до половины тоже покрывал мрамор, а выше начинались мозаики, захватывавшие весь потолок. Пущей важности ради, зал обрамляли аркады, промежутки между колонн коих были задрапированы тяжелыми зелёными занавесями, резко контрастирующими с алым шёлком золочёных скамей, выстроившихся вдоль стен. А в глубине Консисториона расположился мраморный престол. Три ступени вели к трону — куриальному римскому креслу. По бокам от него стояли две статуи крылатой Ники — богини, дарующей победу. Ники держали над троном венок с христианской монограммой, а весь престол находился под золотым шатром, удерживаемым четырьмя витыми колоннами.

Трон пока пустовал, а вот синклитики были в сборе — человек сорок, вряд ли больше. Вельможи важно расхаживали поодиночке или парами, степенно обсуждая государственные дела, делясь сплетнями, интригуя помаленьку.

На вошедшего Олега никто не обратил внимания — все ждали прибытия императора. Роман Лакапин не заставил себя ждать — плавно раскрылась средняя, самая большая дверь, и препозит Дамиан, весь в красном с золотом, торжественно объявил:

— Его Величество базилевс, автократор ромейский!

Всё в той же парадной хламиде, задубевшей от множества драгоценностей — поставь её в угол, не упадёт, не сложится даже! — император прошествовал к престолу и занял своё место. Неподалеку примостился Мосиле, личный оруженосец государя, человек простоватой наружности и великой силы.

Поднявшись с колен, синклитики расселись по скамьям. Олег отступил и примостился на мягком сиденье, набитом шерстью. Рядом опустился протомагистр [1] Мануил Атталиат. Это был крупный мужчина с породистым лицом и умными, зоркими глазами медового цвета, каким отличаются львы или орлы. Его крепко сбитое тело было налито здоровьем и хранило память о дружбе с атлетикой, хотя годы и слабости человеческие брали своё — и животик появился у протомагистра, и волосы поредели — кудрявый венчик окружал блестящую плешь. Атталиат наклонился к Олегу и сказал дружелюбно:

— Ну и как оно — чувствовать себя наверху?

— Уж больно высоко, сиятельный,— пошутил Сухов.

— Что да, то да,— кивнул протомагистр,— падать отсюда больно.

Олег внимательно посмотрел на него, однако Мануил не отвел взгляда.

— Есть способ удержаться,— хладнокровно заметил Олег.

— Какой же? — заинтересованно спросил Атталиат.

— Ухватиться покрепче.

Протомагистр тихонько рассмеялся, тряся складками на чреве. Но тут препозит Дамиан ударил об пол посохом, и базилевс, до этого будто оцепеневший, ожил.

— День жаден к событиям,— разнёсся его голос по Консисториону.— Нам угодно выслушать мнения наших слуг и помощников.

Уловив жест императора, поднялся Феодорит Орфанотроф, высочайшим повелением назначенный председателем синклита.

---

[1] *Протомагистр* — главный магистр.

— Божественный повелевает нам рассудить: как унять смуту в землях Лонгивардии [1]? — огласил повестку дня Феодорит.— Мириться ли единственно премудрейшему с апулийскими мятежниками, возмущающими спокойствие? Или готовиться к войне?

Обратив своё полное, будто опухшее лицо к базилевсу, председатель уловил легчайший кивок Романа Лакапина и простёр руку к скамьям напротив.

— Пусть сиятельный Катакил,— провозгласил он,— ознакомит нас с сутью дела.

Поднялся сухонький Василий Катакил и повёл свой рассказ.

— В то самое бедственное лето,— начал он дребезжащим голосом,— когда свирепые воины великого князя Халега из страны Рос осадили Константинополь, князь Беневента и Капуи Ландульф I поддержал апулийских лангобардов, восставших против власти божественного государя. Пять лет спустя князь сплотил силы с Гвемаром II, князем Салернским. Совместно эти варварские князьки атаковали владения ромеев: Ландульф напал на Апулию, а Гвемар — на Кампанию. Тогда Ландульфа постигла неудача — не смог князь осилить доблести православных воинов! Однако пять лет тому назад к этим двоим присоединился Теобальд, герцог Сполетский. Но Господь снова услышал наши молитвы, и ромеи разгромили варваров! В то же лето герцог Сполетский примирился с нами, а ныне и Гвемар Салернский сложил оружие. Однако князь Ландульф никак не унимается, множит и множит беды, держит в страхе мирных сеятелей и виноградарей, а наши священники терпят поношения от него и грабёж!

Катакил отдышался, выдерживая паузу, и продолжил:

— Нельзя попускать варвару оскорбление царственности ромейской! Князь Ландульф должен быть наказан, а войско его разгромлено.

---

[1] *Лонгивардия, или Ломбардия,* — византийские владения в Южной Италии, захватывающие «каблук» знаменитого италийского «сапога», то есть Апулию, а также земли в Кампании. Столицей Лонгивардии был Неаполь, в то время — полунезависимое герцогство.

Резко поклонившись базилевсу, он сел. Олег Сухов слушал его невнимательно, магистра занимала иная задача — он пытался вычислить того самого синклитика, который возглавлял заговор против базилевса, «пятого, который первый». Того, чьё имя Сурсувул не успел произнести,— нож оборвал признание. Так кто же был тем неизвестным, который всё и затеял? Кому служил пронырливый Павел? Чью тайну унёс в могилу, поруганный и обесчещенный? Этот кто-то был здесь, в Консисторионе, сидел вместе со всеми и решал судьбы империи. Неизвестный. Затаившийся. Копивший яд и готовящийся уязвить. Кто? Да кто угодно! Сосед Олега справа, сосед слева. Вон тот, сидящий напротив, длинный как жердь, или другой, располневший до безобразия. Как распознаешь тайного врага? У него же на лбу не написано: «Заговорщик!»

Тут поднялся сам Иоанн Куркуас, полководец, славный победами над арабами,— он взял приступом или осадою почти тысячу крепостей и продвинул границы империи до Евфрата и Тигра.

Смуглый от природы и ещё более загоревший на солнце, Куркуас согнулся в поклоне базилевсу и заговорил вкрадчиво:

— Наказать варваров — долг и честь христолюбивого воинства ромейского, однако разумно ли проливать кровь на западе? Я побивал сарацин на востоке, поскольку нельзя договориться с теми, кто не верует во Христа... Однако лангобарды — подданные величайшего, и они крещены. Воюет тот, кто не может купить мир! Мы же богаты и способны добыть покой и благоволение во человецех не кровью, но золотом...

— Что предлагает сиятельный? — с места спросил розовощекий патрикий Кузьма, умелый дипломат и ловкий интриган.

— Забудем о князьях и вспомним о короле Италии,— сказал Куркуас.— После изгнания короля Родольфо II в Павии [1]

---

[1] Итальянское королевство занимало Север Италии, а столица его находилась в Павии.

короновали Гуго Арльского. Гуго правит твёрдо и жестоко, король завёл целый гарем, назначает на светские и духовные должности недостойных любимцев или своих незаконнорожденных детей, а недавно он женился на безнравственной римлянке Марозии, сенатриссе и патрикиссе, дочери сенатора Теофилакта, возводившей в папы римские своих любовников. Иными словами, Гуго Арльский — обычный франк.

После этих слов по залу пробежали смешки, даже сам базилевс изволил улыбнуться.

— Для того чтобы король Гуго стал врагом наших врагов,— продолжил Куркуас,— надо купить его дружбу. Золотые номисмы обеспечат привязанность италийского короля к христианской империи. Я закончил, достопочтеннейшие.

Едва он сел, как нервно подсигивающий Катакил тут же вскочил.

— Соглашаюсь с сиятельным, но настаиваю на прежнем! — выпалил он.— Да, мы должны подкупить короля Гуго, но и князь Ландульф должен понести наказание! Мятежникам нужно дать почувствовать нашу силу, нашу твёрдость! Предлагаю послать ко двору князя Беневентского патрикия Кузьму Хониата, а в Италию отправить флот. Патрикий станет добиваться мира лестью и посулами, а флот — оружием ромейским! — Обратившись к базилевсу, синклитик заговорил с придыханием и чуть ли не с умилением: — Престол твой, о единственный непобедимый, утверждён искони. Ты — от века! Нечестивые узрят это, заскрежещут зубами — и истают. Желание нечестивых погибнет! Сами противящиеся власти губят себя, ибо нет власти не от Бога!

Присутствующие зашумели, зашептались, клонясь голова к голове. Базилевс внимательно оглядел собравшихся, а после сделал знак председателю. Тот сразу поднял патрикия Иоанна Радина, друнгария флота [1]. Это был пожилой человек, битый жизнью, грубоватой внешности и неловких манер.

---

[1] *Друнгарий флота* — адмирал. Не слишком уважаемый чин.

— Сколько кораблей в нашем флоте? — задал вопрос император.

Друнгарий смешно поклонился, словно споткнулся на ровном месте, и поспешно ответил:

— Всего около сотни дромонов, хеландий, памфил и кумварий [1].

— Около? — приподнял Роман I бровь, выражая неодобрение.

— Число подвержено переменам, святейший. Одни корабли выходят из доков после починки и оснастки, другие заходят...

— Понятно, любезнейший,— удовлетворился базилевс.— Сколько кораблей можно выделить для итальянской экспедиции, не создавая брешей в обороне?

— Семь или даже восемь дромонов, величайший,— тут же ответил Радин,— десять—двенадцать огнепальных хеландий и полтора десятка памфил. Это почти четыре тысячи воинов, божественный.

— Хватит ли этого числа, дабы устрашились лангобарды?

— Хватит, несравненный.

Несравненный кивнул и сказал:

— Наша царственность желает, чтобы ты вёл корабли, Радин.

Друнгарий не смог скрыть довольной улыбки — давненько его не жаловали высочайшим доверием!

— А на любезнейшего Феоклита Дуку,— продолжил император,— мы возлагаем управление войском и назначаем доместиком схол Запада.

— Дозволено ли будет молвить, божественный? — спросил, привставая, магистр Феоклит Дука.

Базилевс милостиво кивнул ему. Вдохновившись, Дука сказал:

---

[1] *Хеландия* — пожалуй, самый большой боевой корабль ромеев — двухмачтовый, с дополнительным парусом на наклонной носовой мачте, прообразе бушприта. Брала на борт 100 гребцов и 200—300 бойцов. Обычно имела на вооружении носовой огнепальный сифон для метания «греческого огня». Экипаж памфилы составлял 120—160 человек. Кумварии — не более 100.

— Среди нас находится сиятельный Олегарий, магистр и аколит. Его варанги многажды доказали свою преданность, они бесподобные воины и лучшие в мире мореходы, ведь не боятся же росы выходить в поход на своих моноксилах-однодеревках! Вот и пусть бы присоединились к нашему флоту, пусть бы выказали доблесть на войне с лангобардами!

Олег слушал — и холодная ярость терзала его душу. Феоклит был ему давним неприятелем, никогда не упускавшим случая нагадить. Вот и теперь, мешая похвалу с оскорблением, Дука готовил очередную пакость.

А базилевсу предложение понравилось. Роман Лакапин взглянул на Сухова и сказал:

— Что нам ответит благороднейший аколит?

Олег встал и поклонился:

— Вначале, если позволишь, величайший, я отвечу Феоклиту.— Получив разрешение, он повернулся к Дуке, задетому небрежным отношением «этого варанга».— Сиятельный верно назвал росов лучшими в мире мореходами, но вот в кораблестроении он понимает прискорбно мало. Корабль варангов потому именуется моноксилом, что его киль сработан из одного ствола дерева,— это придаёт ему прочность, в отличие от дромонов или хеландий, кили которых сплачиваются из двух-трех обрубков. Ко всему прочему, варанги владеют искусством гнуть шпангоуты из распаренного дерева, а не сколачивать их гвоздями из отдельных частей, как то делают здешние судостроители, подзабывшие навыки римлян. Вот и выходит это самое, что скедии, снекки, лодьи и кнорры, спущенные на воду в стране Рос, гораздо крепче, надежней и вдвое быстроходней, чем самый лучший дромон!

По Консисториону прошёл ропот недовольства, синклитики поглядели на Олега так, словно уличали его в богохульстве, а вот базилевс отнесся к аколиту с лёгким добродушием.

— Тогда собери в поход, Олегарий, триста—четыреста варангов,— велел он,— и пусть они двинутся вместе с нашим флотом, но на своих кораблях!

— Я в точности исполню волю божественного,— поклонился Сухов.

— О величайший! — вскричал Феоклит, картинно выпрастывая руку.— Не посрамим ли мы стягов империи, подняв их над утлыми моноксилами?! Мы уже наблюдали эти челноки под стенами града!

Базилевс азартно поерзал на троне и вопросительно посмотрел на Олега. Сухов презрительно улыбнулся.

— Пусть божественный простит неучтивость Дуки,— холодно проговорил он.— Сиятельный оказался даже более невежественным, чем я предполагал. Да будет ведомо тебе, Феоклит, что те корабли, которые ты видел под стенами града, назывались скедиями, а не челноками. Да, они не поражают размерами, но почему? Да потому, что самый близкий путь к здешним берегам из страны Рос проходит по реке Непру, известной своими порогами. И самый страшный из них — Айфор. Достигая его, варангам приходится выкатывать скедии на сушу и волочить их долгих шесть вёрст, пока не спустят на чистую воду. Мыслимо ли переместить по берегу большой корабль, вроде лодьи или дромона? Разумеется, нет! Но пусть не беспокоится Феоклит Дука — варанги прибудут на лодьях, и ромеи не потерпят позора.

— А велики ли лодьи варангов? — полюбопытствовал император.— Локтей тридцать будет в них?

— Боевые лодьи варангов, величайший,— по-прежнему холодно отчеканил Олег,— простираются в длину на восемьдесят, на девяносто локтей.

Синклитики зароптали так, что председатель заметался по залу, пытаясь восстановить тишину.

— Ты хочешь сказать, благороднейший аколит,— с интересом спросил базилевс,— что лодия больше дромона и даже триремы?

— Кстати, да, божественный.

Роман Лакапин оживился и встал с трона. Тут же вскочили и синклитики.

— Флот отправится к берегам Лонгивардии сразу после Пасхи,— распорядился базилевс.— Варанги отпра-

вятся вместе со всеми, под началом аколита Олегария. Любезнейшему Феоклиту надлежит занять порты Барием и Тарант, побивая мятежных лангобардов и воинов князя Ландульфа. Благороднейший Олегарий поведет варангов на штурм городов Амальфи, Неаполя и Гаэты, не признающих верховенства нашей власти.

Отдав приказ, Его Величество покинул Консисторион. Когда Сухов распрямил согбенную спину, он наткнулся на ухмылку Феоклита Дуки, исполненную злобного торжества. Впрочем, высокий лоб царедворца уже начинал морщиться под натиском жестоких сомнений: святейший назвал его самого любезнейшим, а вот варвара Олегария — благороднейшим... Не скрыто ли в этом тайное предпочтение?

А Сухов сразу же подумал о другом. «Неужели это он затеял переворот? — промелькнуло у него.— Было бы здорово... Обречь такую паскуду на пытки и казнь — отрада, каких мало!»

Домой он возвращался уже под вечер, но на Месе было по-прежнему людно. Олег шёл и думал, как хорошо быть богатым и знатным. Вот он идёт, и ничто не тревожит его ум, никакие суетные желания и нужды. Прикупить бы чего на ужин? Принести ли воды? А в достатке ли дров? Всё это не касалось его — о том, чтобы ему было тепло и сытно, позаботятся слуги. А их господин может важно и чинно шествовать, освобождая мысли для философии и прочих достойных занятий.

Слежку за собой Сухов обнаружил не сразу и осерчал. Досадным было не само преследование, а то, что он его не сразу приметил.

За ним неотступно, как привязанный, топал венецианец, обряженный по смешной европейской моде,— тощие ноги обтянуты узкими штанами-шоссами и обуты в башмаки с причудливо загнутыми острыми носками, поверх рубахи-камизы болтается жакет-пелиссон из меха, обшитого тканью снаружи и с изнанки. На поясе висел кошель из чёрного шелка и меч в ножнах, голову прикрывала маленькая чёрная шляпа с длинным красным пером.

Олег сразу вспомнил убийцу Павла Сурсувула, но нет, описание не сходилось — венецианец, которого обещал добыть Ивор, был маленьким и юрким, а этот, неутомимо преследующий Олега, отличался ростом и статью. Интересно, при чем здесь, вообще, Венеция? Хотя... Венецианцы всегда были изворотливы и предприимчивы. Их предки, сбежав от орды готов, поправших Великий Рим, на островки и болота Венецианской лагуны, сразу прикинули, что к чему, и навсегда задержались между сушей и морем. Сухопутные жители спасались за крепостными стенами, постоянно претерпевая осады и штурмы, а Венеция стала неприступной, ибо ни готы, ни гунны, ни лангобарды не знали флота. А вот Восточная Римская империя ведала — и подчинила поселения венецианцев своей воле.

Ко времени Романа Лакапина Венеция обрела почти полную свободу — и ставила во всё большую зависимость самих ромеев. Венецианские купцы прибирали к рукам морскую торговлю империи, становясь незаменимыми посредниками, а по сути — хозяевами положения. Ромейский торговый флот хирел и таял, а венецианцы всё спускали и спускали на воду новые усиеры, галеры, батты и барказы — вскоре сосны на островках вокруг их столицы были сведены полностью, и они переключились на леса Далмации. Вот так ничтожный Давид скрутил колоссального Голиафа...

«Не отвлекайся!» — одернул себя Олег. Случайно ли в заговоре оказались замешаны венецианцы или это простое совпадение, неважно. У него на хвосте висит один такой, вот о нём и надо думать. Чего добивается преследователь, зачем потрясает гульфиком? Ответ на этот вопрос был получен без задержки.

На форуме Константина Сухов свернул к своему дому — и венецианец сразу ускорил шаги, стал догонять магистра. Магистр погладил рукоятку верного спафиона.

Неожиданно из-за арки, стоявшей поперёк улицы, вышли ещё двое в обтягивающих брючках-шоссах, больше всего напоминавших подгузники, причём штанины были разных цветов — у одного жёлто-голубые, у другого —

красно-чёрные. Выхватив кривые мечи скимитары, венецианцы бросились на Олега.

Сухов изобразил испуг и развернулся, делая вид, что изготовился бежать. Его рослый и статный преследователь, тоже вооруженный скимитаром, злорадно ухмыльнулся. Расставив руки пошире, присев на полусогнутых ногах, он ловил струсившего ромея — и нарвался на меткий выпад. Олегов меч вонзился снизу вверх, протыкая сердце.

Венецианец даже не захрипел в истекающие секунды жизни — выронив клинок, он привстал на цыпочки, пуча глаза и растягивая рот в неслышном крике. Олег выдернул меч и повернулся кругом к парочке разноцветных. Сойдясь на мечах с «красно-чёрным», более опасным и опытным противником, Сухов стал кружить, уходя от клинка «жёлто-голубого»,— тот подпрыгивал, ярился, пытаясь достать магистра и аколита, но его намерению то и дело мешал «красно-чёрный», будто нарочно загораживавший Олега. Италиец и рад был бы уступить товарищу, да не мог выйти из магического круга, который со звоном и шипением рассекаемого воздуха чертила беспрестанно рязящая сталь. Олег Полутролль, гридень Рюрика и Халега Ведуна, владел мечом на уровне, недостижимом для венецианских бретёров.

«Красно-чёрный» прилагал отчаянные усилия для того, чтобы только удержать скимитар. Скованный величайшим напряжением, он изнемогал, венецианцу казалось, что у противника отросло шесть рук, как у страшненького божка из Индии, и сразу полдюжины мечей пытаются иссечь его. Томящий страх набухал в венецианце, рождая отчаяние,— «красно-чёрный» уразумел, что магистр не бьётся с ним, а забавляется, теша себя жестокой игрой. В какой-то момент произошёл надлом — рука бретёра дрогнула, пропуская удар, и меч-спафион перечеркнул ему горло — вбок словно брызнуло рубиновым вином.

Обратным движением клинка Олег поразил «жёлто-голубого» — тот умер, так и не успев ничего понять.

Сухов медленно выдохнул — и услышал топот. Ещё трое, нет, четверо со скимитарами выбегали из старого парка, над деревьями которого возвышалась одинокая колонна зеленого в крапинку мрамора. С кличем «Святой Марк!» они всем скопом бросились на Олега.

Магистр опустил меч, наклонил голову, готовый встретить новую напасть, как вдруг в тылу у венецианцев заметались две тени — огромная и не очень. С радостью и облегчением Сухов угадал в них Ивора и Малютку Свена.

Венецианцы изумились, рассмотрев на его лице приятную улыбку, а в следующий миг им очень не повезло — одному в спину втесалась любимая секира Малютки, другого наотмашь ударил Пожиратель Смерти, почти снеся голову с плеч. Третий напоролся на спафион Олега, а четвертого подрубил Котян.

— Припоздал я! — выдохнул он с сожалением, добивая поверженного врага.

— Спасибочки,— расплылся в улыбке Олег,— подсобили чуток!

— Не всё ж тебе одному,— ухмыльнулся Свен.

— Да я всё того Пауло Лучио искал,— сказал Ивор, аккуратно обтирая клинок об убитого.— Нашёл-таки, но поздновато, тот помереть успел — его из лука расстреляли.

— Стрел понатыкали...— протянул Малютка Свен.— Как ёжик стал!

— Ясно,— кивнул Сухов и задумался.— Вот что, малышок... Это самое, сгоняй-ка ты за князем. Лады? И веди его ко мне домой. Скоро мы в поход идём, ясно? Лангобардов будем бить. Пойдём на больших лодьях!

— Так а где ж их взять? — подивился Ивор.

— Вот и обсудим, где да как. Пошли. Алёна обещала на ужин седло косули подать с бобами, так что пошевеливайся, Свен, а то не достанется.

— Бегу! — сорвался Малютка с места, перепрыгнул сражённого венецианца и помчал к Месе.

— Пошли,— повторил Олег.

И они пошли.

Глава 4,

в которой Олег отправляется в Италию транзитом через Тмуторокан

С раннего утра варяги стали готовиться к отплытию — их аколиту, исполнявшему волю государеву, предоставили дромон «Жезл Аарона», здоровенный чёрный корабль с непривычными для росов косыми реями, больше всего смахивавшими на колодезные «журавли». Вместе с Олегом отправлялся князь Инегельд со всею «чёртовой дюжиной» и Пончик. Ну куда ж без лекаря...

На берегу стоял епископ. Держа в руках дикирий и трекирий, он крестообразно осенял дромон. Иподиаконы, крест-накрест повязанные орарями, гнусаво пели стихиры, а ромеи-корабельщики грубыми голосами тянули нестройно: «Господи, помилуй! Господи, помилуй!»

— Отплываем когда, любезнейший? — спросил Сухов у навклира Михаила, командира корабля.

Навклир скосил глаза, пошевелил губами, словно ведя расчеты, и ответил:

— Ближе к полудню, с помощью Пресвятой Девы, мы сможем поднять паруса, сиятельный.

— Ну и славно... Только, это самое, не позже, договорились?

Ровно в полдень Олег поднялся на палубу «Жезла Аарона» и навклир велел отдать концы. Канаты, удерживавшие дромон, соскользнули с гранитных тумб, между бортом и причальной стенкой стала шириться полоса зеленой, мутновато-грязноватой воды Золотого Рога. Прощевай, град Константинов! Еще свидимся...

В Босфоре пришлось хорошенько поработать веслами — сильное течение из Понта Эвксинского не пускало корабль, толкало обратно, но могучие гребцы, взяв в напарники южный ветер, вывели дромон в открытое море.

— Глянь-кось,— дивился Боевой Клык,— скрипит-то как, а не тонет! Почитай, по пятнадцати вёрст парусит. Хорошо поспевает.

— Паруса у них непонятные...— Стегги Метатель Колец подозрительно оглядел красные полотнища, растянутые треугольниками. Ветер дул в корму, и паруса развернули «бабочкой» — рей на передней мачте выгибался по диагонали вправо, а тот, что на задней,— влево. Так дромон забирал больше ветра.

— Зовутся — латинские,— со знанием дела сказал Фудри Московский.

— И на што они такие? — всё удивлялся Клык.— Али холста не хватило, штоб обычные пошить?

— С косыми парусами, князь,— вразумил Инегельда Олег,— можно и против ветра плыть.

— Врёшь поди?

— Точно тебе говорю...

Осиянный солнцем купол Софии стал медленно оседать, словно прячась за облачка. Пропадали из виду башни, церкви, дворцы. Едва движимый гребцами и подгоняемый попутным ветром, дромон миновал Диплоционий и вышел в открытое море. Морщины и складочки на парусах мигом изгладились, корабль побежал шустрее.

На дромонах не стелили сплошной палубы — от носовой до кормовой площадки тянулись три сквозных дощатых прохода — поднятых над гребцами с каждого борта, и по продольной оси. С гребной палубы ощутимо тянуло потом и теплом разгоряченных тел.

Шагая по гулкому настилу вдоль правого борта, Сухов вышел на корму, где двое кормчих удерживали рулевые вёсла. Над кряхтящими кормщиками загибались два «рога» — кормовые завитки-акростоли,— а ещё выше колыхалась пурпурная хоругвь с ликом Богоматери. Над её главой отливал серебром полумесяц со звездой внутри — знак Артемиды, богини-девственницы. Вроде как спасла она во время óно городишко Византий от набега Филиппа, царя македонского, и благодарные жители назвали в честь богини бухту Золотым Рогом. Семьсот лет

спустя Артемида-звероловица совместилась в сознании верующих с Богородицей...

Хоругвь была тяжела от злата-серебра, и ветер никак не мог заставить её трепетать и полоскаться.

— Не понять мне вас, христиан,— проворчал Клык, перехватывая взгляд Олегов.— Кабыть, полумесяц со звёздочкой арабы себе малюют, так и вы туда же!

— Бог един,— мягко сказал Сухов. И задумался.

Однажды крестившись, он не часто посещал церковь. Любил справлять Пасху, а остальные праздники бывало, что и пропускал, увиливая от пышных церемоний и торжеств, ибо был убеждён — суть христианства вовсе не в соблюдении ритуалов, не в следовании догматам, а в верности глубинной сути, основному устою, Символу веры. Христос дал новую заповедь: «Возлюби ближнего, как самого себя!» — и это была величайшая идея всех времён и народов. Возлюби ближнего! Не воюй, не причиняй боли и смерти, не приноси горя, не возбуждай ненависти, безразличен не будь, не лги, не трусь, не предавай и не совершай подлости, а возлюби! Возлюби — и рай земной устроится при твоей жизни. Дружи или пылай страстью. Живи по совести, по закону стыда. Поддержи упадающего, подсоби слабому, пойми ближнего и помилосердствуй. Это же так просто! И будет всем счастье.

Так нет же, не приемлют человеки любви, всё кровь проливают, стяжают и пакостят, пакостят, пакостят... Миряне мечом отбивают чужих жен и не своё добро, а попы — крестом, насилуя идею Христову, извращая смысл её. Угнетает тебя власть, обирает? А ты возлюби её, ибо вся власть от Бога, а Бог есть любовь! Ты пашешь от зари до зари, пóтом своим и кровью орошаешь землю, а весь урожай достаётся богатею-землевладельцу? Он жиреет, а жена твоя старится смолоду, и дети от голода пухнут? Так возлюби жиреющего! Возлюби врага, возлюби палача и сиятельного вора, возлюби притеснителя, но только не требуй взаимности, не впадай во грех равенства...

Быть может, светлая заповедь Христова неисполнима вовсе? Но вот же он, Олег, готов жить в мире, где правит

Любовь! Он любит свою Алёнку, друзей любит... Врагов, правда, недолюбливает. Живёт сам и даёт умереть другим. Убивает, чтобы не умереть самому, чтобы любить по-прежнему тех, кто достоин исполнения божественной заповеди...

...Византийские берега постепенно опадали, теряя подробности рельефа и заплывая синим цветом, ужимаясь в темную полосу по окоёму, пропадая вовсе за обливными валами. Ай, хорошее море! Русское море.

...Крепко сидел Тмуторокан, заняв место на берегу крошечного полуострова, связанного с большой землей песчаными косами, обрамлявшими горькие соленые озера и мелкие заливчики — с суши не взять! Да и с моря не подкрадешься — повсюду мели переходящие, там и сям скалы торчат, а берег высок, крут и обрывист. Недаром предприимчивые эллины один за другим полисы свои здесь выстраивали — Гермонассу, Горгиппию, Фанагорию. Знали толк!

А какая земля вокруг Тмуторокана — жирнющий чернозем! И толщины неимоверной — закапывайся хоть на два, хоть на три роста, а до худосочной глины не докопаешься. И зеленели за стенами тмутороканскими виноградники, колосился хлеб, цвели сады. А воды еще богаче были, еще изобильней — воистину море обетованное. Старики по бережку промышляли — не торопясь, набивали полные мешки вкусными мидиями, а дети их рыбу ловили, да не всякую, а с разбором. Белугу брали, осетром не брезговали, а прочие «дары моря» — к чему им?

Короче говоря, не ищи места лучше Тмуторокана, всё равно не найдёшь!

По выходе в Понт Эвксинский дромон повернул на восток, минуя Гераклею и Амастриду, которую ромейские мореходы называли оком Пафлагонии (а варяги грабили, и не раз). У мыса Карамбис корабль взял курс на север, отправившись ночью, чтобы плыть с попутным ветром и дойти с его помощью до середины Понта, где с на-

ступлением дня ветер переменится и домчит до места. Так и случилось.

По левому борту «Жезла Аарона» проплывала Таврия, стекая на восток пологими травянистыми холмами, предвещая степной простор и обрываясь в море слоистыми кручами.

Входной маяк Боспора Киммерийского [1] встал по левую руку, и навклир повернул дромон на пол-оборота к северу.

С моря открылся взгляду неширокий пролив, вёрст пятнадцати у входа.

Утреннее солнце висело красным щитом во мгле испарений Сурожского моря [2]. Туманец застил дали пролива, но небо гляделось ясно. Солнце набирало жáру, забираясь на небеси, и туманная мгла истаяла, преподнося глазу восточный берег — как зеркальное отражение берега западного.

В проливе качались струги и ушкуи, рыбари с них выбирали неводы. Ценную рыбу швыряли под ноги, лишнюю отпускали в море. Из воды торчали тонкие шесты, опоры ставных неводов. На мелкой волне плясали поплавки из красной осокоревой коры, удерживая перемёты для донной ловли.

— Тмуторокан видат! — довольно сказал Котян.

— Как же тебя сопливое святейшество отпустило, не понимаю,— проговорил Сухов.

Печенег ухмыльнулся.

— А я ему коней обещал привезти,— сказал он,— тутошних коней, что от роксоланских альпов породу ведут. Патриарх мигом меня собрал, еще и денег дал на дорогу!

— Всё с тобой ясно...

Восточный берег всё задирался слоистой кручей. Понизу обрыва стелился узенький жёлтопесчаный бережок — не шире тропинки. А вот и город показался — травянистые

---

[1] *Боспор Киммерийский* — ныне Керченский пролив.

[2] *Сурожское море* нынче называют Азовским. Ромеи прозывали его Меотидой.

валы поднялись за обрывом, а по валам тем белокаменные стены протянулись, укреплённые башнями круглыми и квадратными, толстыми и могучими даже с виду.

Дромон шёл медленно, сторожко, держась подальше от светлеющих мелей и темневших подводных камней. За городом «Жезл Аарона» повернул к пристани.

У причалов покачивались крутобокие ромейские саландеры, нагружаемые амфорами с местной нефтью, гнутые арабские фелюги, высоко задиравшие нос и корму, торговый русский кнорр, несколько скедий, черных с синим, а поодаль стояли в рядок боевые лодьи — длиннотелые, хищных очертаний корабли. Мелкая волна вскидывала их форштевни — пока что пустые. Головы драконов, горгулий и прочих чудищ, украшающие их в походе, были сняты в виду родных берегов — своих-то зачем пугать? Успокаиваясь и радуясь, Олег насчитал семь лодий.

— Во! — хмыкнул Клык.— Ишшо три штуки настругали! Ну, молодцы! Ужо намнём лангобардам по телесам!

Убрав паруса, дромон подошёл к пристани на вёслах. Пара босоногих гридней в одних кожаных штанах приняла швартовы и живо накрутила их на крепкие деревянные столбы.

Прибыли.

Блистать белыми одеждами магистра Сухов не стал — обрядившись в чёрный сагий, расшитый золотыми орлами, он спустился по трапу на бревенчатый причал. И сразу же услыхал родную речь:

— А чего это сюда ромеи припёрлись?

Вопрошал молодой и норовистый гридень с наглыми глазами забияки. В одних портках да в тяжёлой куртке из буйволиной кожи, обшитой роговыми пластинами, гридень задирал нос не по чину. Шлем с наносником и выкружками для глаз был молодцу великоват и сидел косо, а из-под него выглядывали две смешные рыжие косицы.

— Ты глазья-то разуй! — прикрикнул на него Боевой Клык.— Нашенский это Олег! Али не признал?

Парень охнул и засуетился:

— Князюшка, вот не ждали!

— Ступай отседова, Стемид, да ярла призови.

— Карла, что ли?

— Всех, кого сыщешь,— и Карла, и Олава, и... Чьи это лодьи стоят, ведомо тебе?

— А как же! — взбодрился Стемид.— Вон, с краю, Карла Вилобородого лодья, «Пардусом» наречена. Рядом «Семаргл» Веремуда Высокого и «Вий» Гуды Змеиного Глаза, а четвёртая отсюда кабыть «Лембой» Рулава Счастливого. За ним сразу «Финист» Вуефаста Дороги...

— И этот здесь? — осклабился светлый князь.— Ага! Да ты не молчи, я слушаю. А те, што за «Финистом»?

— Которая последняя — «Морской змей» Олава Лесоруба,— протараторил Стемид,— а та, что поближе,— «Зилант», Либиар Лысый его на той неделе в море вывел.

— Вот и давай их всех... куда? А давай к тому дому с колоннами, где мы хазарина вешали. Живо!

Стемид почесал так, что босые пятки засверкали, а делегация стала чинно подниматься по крутой тропке наверх, к городу. Олег постоянно встречал приметы здешней жизни, и они находили отклик в его русской душе. Вон молодые девки в одних рубахах стоят, вёдра

тащат полные, аж коромысла гнутся. У девиц на головах веночки, сзади косы до пояса, а ветерок шаловливо задирает подолы или облепляет точёные фигурки, подсказывая рассудку незримые черты. А где-то петух голосит, мычит корова, звякает кузнечный молот. Русским духом пахнет, вот только запах распаренных банных веников странно сочетается с ароматами полыни и гниющих водорослей.

За распахнутыми воротами крепости Олегу открылась извилистая улица, впадающая в пыльный майдан. Под ногами пощёлкивало — уличку по эллинскому обычаю мостили галькой, осколками битых амфор, кувшинов и прочей утвари.

Россы были пришельцами в здешних безлесых краях, но приспособились они быстро. Ставили хаты-мазанки, кто побогаче — дома из ракушечника складывали. А рожь сеяли вместе с пшеницей, получалась сурожь, оттого и море так назвали.

— Тебя тут, как венценосную особу, встречают,— проговорил Пончик.— По улице живого магистра водят, как видно, напоказ. Угу...

— Цыц! — сказал Олег.— Не мешай мне исполнять волю государеву.

А на улицах Тмуторокана и впрямь людно стало. Население тутошнее, зрелищами не избалованное, выходило посмотреть на ромейского вельможу, являясь всем семейством. Причём к статному блондину, светлоглазому и светлокожему, частенько жалась чёрноглазая брюнетка из алан, булгар или ясов — тут вместе сходились горы, степь и лес.

— Олежа!

Сухов встрепенулся, завидя крепкого деда, будто сделанного из стали и сыромятной кожи. Это был Турберн Железнобокий.

— В гости припожаловал, дорогой? — осведомился он, лучась.

— Кстати, да! — ответил Олег, попадая в ухватистые объятия старого варяга.— Ну и по делу тож — базилевс в поход призывает.

— А далече ли? — Глаза Турберна вмиг сделались цепкими.

— На Италию! Пока ромеи будут лангобардов колошматить в Апулии, мы вперёд уйдём — в Амальфи нагрянем, в Неаполь заглянем, в Гаэту завернём...

Олег, привыкший к ромейскому порядку и размеренности, не хотел обсуждать детали похода на улице, однако над варягами не довлел церемониал — вскоре магистра и аколита обступили плотной толпой, а потом в середину протолкались ярлы — все как один в шёлковых рубахах и в портках из рытого бархату, а уж сапогам их, расшитым жемчугами да каменьями, позавидовал бы любой модник с Месы. Карла Вилобородого Сухов узнал — встречал однажды. С Олавом Лесорубом и Вуефастом Дорогой он в поход ходил на Ширван, а остальные ему были незнакомы. Зато их хорошо знал Инегельд.

После радостного рёва и мощной серии дружеских тумаков светлый князь отрекомендовал ярлам Олега, маги-

стра и аколита, после чего представил Сухову своих знатных знакомцев. Высокие договаривающиеся стороны пошаркали сапогами в пыли и вернулись к обсуждению дел насущных.

— Лангобардов я не встречал,— задумался Карл Вилобородый.— Франков бил, свеев бил, саксов бил, а с лангобардами не пересекался.

— Ой, да те же франки, считай! — отмахнулся Инегельд.— Разомлели они в своей Лангобардии, воевать совсем разучились. Правда, много их...

— Ну так сочтём число, да и подсократим! — ухмыльнулся Олав Лесоруб.— Впервой, что ли?

— Ты мне вот что скажи, Олег,— строго спросил Либиар Лысый, великан с круглой головой, обритой наголо,— добыча ожидается знатная?

Сухов важно кивнул.

— Амальфи с Неаполем, да и Гаэта тож — торговые города,— сказал он.— Это самое... Купцы там живут богатые и хитрозадые — по три шкуры спустишь с них, и окажется, что парочку шкурок они таки заныкали.

Ярлы захохотали.

— Только учтите,— построжел Олег,— я вас не на прогулку зову. У тех городов крепкие стены, взять их будет непросто.

Рулав Счастливый пожал плечами.

— Если я учую золото,— сказал он,— камень меня не остановит.

— Неаполь, Амальфи, Гаэта,— стал загибать пальцы Вуефаст Дорога.— Это всё?

— Как разберёмся с этими, двинем к Риму, надо будет тамошнего короля Гуго купить с потрохами — таково поручение базилевса. Вернее, это самое, нам такое ответственное дело поручат, ежели возьмём три города подряд. Возьмём, я думаю... И домой!

— Согласные мы! — выразил общее мнение Карл.— Верно, ярлы?

— Верно! — заорали ярлы.

— Условия такие,— возвысил голос Сухов.— В поход отправляться только на больших лодьях! И чтоб было вас хотя бы сотни три, а лучше все четыре.

— Сейчас посчитаем,— рассмеялся Олав, любитель арифметики,— нас тут много!

— А нас? — выбился из толпы булгарин Курт из рода Дуло.— Мы тоже хотим!

— И мы сходили бы! — подал голос уздень Алэдж, сын Бэгота, ясский воевода.— Знай, урум [1], большие лодьи из великих дерев построены, а те деревья в наших горах росли!

После криков и азартной брани стороны договорились, что бить лангобардов пойдут четыреста пятнадцать варягов на семи лодьях [2], а так как посудины это вместительные, то можно будет взять в поход еще три сотни проверенных бойцов — булгар, савиров, ясов да алан. На том и порешили.

Ближе к вечеру, устав от публичных слушаний и говорильни, Олег выбрался за Восточные ворота. Перед ним простиралась холмистая равнина. Вблизи дорога петляла меж рыжими буграми и виноградниками, по ней проезжала ясская арба.

Земли тут были наиплодороднейшие, но и неспокойные — там грязевой вулкан извергается, целые озера жидкой горячей глины бурлят в кратерах, тут нефть выступает. Глаза смотрели на белесые солончаки, на колючие будяки и сомневались в ценности зримого. Надо было далеко отойти, чтобы почуять, как одуряюще пахнет жирная чёрная земля,— жито сеяли за плавнями, там же и скотину пасли. Такова была мера убережения от набега кочевников, хазар или печенегов — эти тоже покою не давали.

Затюпали по пыли копыта, и из-за садочка вывернула четвёрка гнедых скакунов. Переднего оседлал совершен-

---

[1] *Урум* — т. е. ромей.

[2] Об участии в итальянском походе 415 варягов на 7 кораблях есть упоминания в хрониках.

но счастливый Котян, вволю нанюхавшийся трав, загонявший всю четвёрку бешеной скачкой по весенней степи.

— Хорошо-то как! — воскликнул он, осаживая храпящего коня.

— Наскакался? — спросил Олег с улыбкой.

— Вдоволь! Досыта!

— Иди тогда, договаривайся с навклиром, чтобы взял на борт патриарших коников.

— А ты? — упавшим голосом спросил печенег.

— А я на лодье пойду, так быстрее выйдет.

— Ладно!

Котян спешился и повёл коней в поводу — те фыркали и мотали головами, остывая от бега. Олег оглядел темнеющую степь в последний раз, да и отправился следом за беком.

Ну, само собой, отдохнуть от трудов праведных ему не дали — на проводах гулял весь Тмуторокан, гулял по-русски — до утра, до упою, до забытья. Корчаги с вином едва успевали вытаскивать из погребов. Опрокинув в себя ха-арошую чарочку, наспех закусывали икрой или ухой стерляжьей и пускались в дикий пляс, да чтоб с гиканьем, с отмашкой острым клинком!

Мрачной краснотой светила луна, зловещая муть ложилась на тихую воду залива — над Сурожским морем, над солеными озерами, над камышовыми топями кубанских гирл вставали, клубились облака испарений. Они-то и окрашивали восходы луны в кровавые тона. А сделаешь пару переходов, к горам поближе, и любуйся себе ясными ночами да серебряным разливом лунного сияния...

Едва отбившись от пары настойчивых девиц, Олег спустился к пристани, забрался на лодью «Пардус» и завалился спать.

Утром варяги похмелились и отчалили. Впереди двигался дромон «Жезл Аарона», но флагманом он пробыл недолго — выйдя в открытое море, лодьи обогнали ромейский корабль и оставили его за кормой. И снова простёрся вокруг синий, шумнокипящий Понт.

Скинув к чёрту сагий, Сухов уселся за весло и пошёл тягать гребь на пару с Малюткой Свеном. Свен грёб осторожно, боясь сломать рукоять весла. А Олег ощущал тихую радость возвращения, он просто упивался тем, чего ему так не доставало у ромеев,— спокойной надёжности побратимов, драгоценного чувства товарищества. Он словно заряжался бесшабашной силой варягов, их гордой волей и той храбростью, что порой доходила до самоотречения.

Двумя днями позже Олег справил свой маленький триумф — семь громадных лодий с воздетыми на штевни клыкастыми головами драконов и прочих чудовищ, с гордо выпяченными полосатыми парусами, с рядами круглых щитов по бортам, величественно вплывали в устье Золотого Рога. Превосходя в размерах кумварии и памфилы, равняясь по длине со старыми триремами и новыми дромонами, лодьи поражали воображение ромеев своею варварской красой. Любви народной варанги, конечно же, не заслужили, да и без разницы была им та любовь. Но вот страха в людях прибавилось, и этакого опасливого уважения: видали, что эти варанги вытворяют? Божьим ли попущением? Или наущением сатанинским?! Свят, свят, свят...

Сразу после Пасхи объявили отплытие. Сам базилевс явился провожать экспедиционную армию, приведя с собою толпу придворных. Патриарх Феофилакт на скорую руку благословил воинов, порываясь сбежать в конюшню, к своим четырём красавцам из скифских степей.

Под заполошный звон бронзовых бил и приветственные крики толпы флот отправился к берегам Италии. Последними отчалили лодьи варангов. Они скользили по водам легко и плавно, лениво даже, словно не желая зря тратить силы.

Роман I Лакапин намеренно поднялся на плоскую крышу дворца Буколеон и придвинулся к фигурным зубцам парапета. Он увидел, как флот медленно выплывал на морской простор. Русские лодьи плелись в хвосте, что варангам было не по нраву. И вот семь кораблей распу-

стили красно-белые паруса, а северный ветер борей, родственный россам, подхватил лодьи и понёс вперёд. По сравнению с ними даже новейшие дромоны «Победоносец Ромейский», «Дракон» и «Св. Димитрий Воин» казались неуклюжими, медлительными волами рядом с быстроногими скакунами-каппадокийцами. «Но служат они мне!» — подумал базилевс и утешился.

Некоторое время Роман Лакапин глядел на море, поглощенный своими думами, пока не заметил ещё один корабль, будто догонявший отошедший флот. Это была венецианская галера. Она скользила легко, движимая чересполосицей вёсел, окунавшимися в одно и то же мгновение, и парой косых парусов, растянутых длинными реями.

Базилевс покачал головой. Венецианцы частенько бесили его своей заносчивостью и великой гордыней. Этих купцов, мореходов и рыбаков наберётся тыщ пятьдесят на всех островках их гнилого архипелага, но флот «Города-на-воде» уже сейчас внушал почтение и опаску. А что будет завтра? С какими ещё притязаниями явятся эти надменные гордецы в бархатных плащах?..

Тут автократор ромеев припомнил, что Светлейшая Республика Венеция всё ж таки провинция его империи, и улыбнулся.

ГЛАВА 5,

в которой Олег испытывает превратности судьбы

1

Ромейская эскадра миновала проливы. Прошла мимо Крита, удерживаемого сарацинами — пиратами и пастухами. Вышла из толчеи островов архипелага. Обогнула коварнейший мыс Малею, где ясная погода могла почти мгновенно, как будто по мановению волшебной палочки

в руке злого чародея, обратиться в бурную, а ласковый бриз сорваться в яростный шквал. Так и случилось — едва русские лодьи и ромейские дромоны обошли мрачные скалистые утёсы Малеи, как на лазурные воды пала угрюмая тень, сгущая цвет волны до холодной синевы. Откуда ни возьмись, наполз густой туман, скрывая корабли до верхушек мачт.

— Паруса долой! — вострубил Инегельд.

Варяги, видимые в сырой пелене размытыми пятнами, бросились исполнять приказ. С ромейских кораблей донесся заполошный звон — дромонарии колотили в била, предупреждая о себе. Вразнобой зазвучало: «Господи, помилуй!» — но туман лишь плотнел, покрывая белесою мгой всё вокруг. Лодьи легли в дрейф, а варанги засели недвижными статуями, напряжённо вслушиваясь, ловя малейший звучок,— не шумит ли прибойная волна, не скрипит ли в опасной близости соседний корабль.

Однажды из тумана наплыл чёрный скользкий борт дромона «Феодосий Великий» — варяги дружно выставили вёсла, приняв удар, и мощно оттолкнулись. Ромейский корабль понемногу растаял в белесине.

— Как тесен мир...— пробормотал Пончик.— Ночью или в тумане даже в голову не приходят мысли о бесконечности Вселенной и безбрежности подлунного мира. Угу...

— Ну, не скажи,— протянул Олег.— Я однажды днём испытал... это самое... как тесно бывает на земле. Я, такой, в лесу ягоду собираю, малинку спелую — срываю по ягодке и в рот кидаю. Вдруг вижу — ещё один лакомится, медведь здоровый. Загребает малину когтями, чавкает и на меня посматривает — прикидывает, что ему с этим двуногим сотворить. Днём, Понч! А уж ночью... Только увижу звёзды — сразу являются мысли о бесконечном. Помнишь?.. «Ночью я открываю свой люк и вижу, как далеко разбрызганы в небе миры. И всё, что я вижу, умноженное на сколько хотите, есть только граница всё новых и новых вселенных. Всё дальше и дальше уходят они, разбегаясь, всегда разбегаясь. За грани, за грани, вечно за грани миров!»

— Кто это... так? — спросил впечатлённый Александр.

— Уолт Уитмен,— вздохнул Сухов.— Был такой... Будет такой.

— Через миллиард тыщ лет...— уныло договорил протоспафарий.— Угу...

Магистр и аколит не стал подбадривать друга. Как это, вообще, возможно? Они вжились в это время, укоренились в нём, проросли всеми нервами, а толку? Оно так и осталось для них чужим, не родным, не своим.

В этот момент, будто решив поднять настроение, погода снова поменяла знак — задул свежий ветер и порвал туман в клочья, понёс истаивающие клубы над блестящею водой. На дромонах грянули благодарственные гимны.

Олегу открылась вся лодья (вместе с Боевым Клыком он плыл на «Пардусе» Карла Вилобородого) — развалистые борта изящно сходились к носу, вытягиваясь форштевнем, шеей какой-то страхолюдной башки, изображавшей тигра — как минимум саблезубого.

— Парус поднять! — бодро скомандовал ярл.

Гулко хлопая на ветру, расправился полосатый парус, заскрипели внатяг снасти из моржовой кожи. Лодью повлекло вперёд, но разве командиры дадут спокойно посидеть личному составу?

— Не скучать! — крикнул Вилобородый.— Вёсла на воду!

Забрякали десятки вёсел. Варяги привычными движениями вытаскивали резные затычки из круглых зияний в бортах, совали в них вёсла с узкими лопастями и брались за отполированные рукояти.

— И... раз! И... два!

— Греби! Греби! — выдохнули вёсельщики.

Лодьи набрали хорошую скорость, уходя вперёд и в сторону, дабы не мешать дромонам, хеландиям и прочим памфилам.

Очень постепенно холмистые земли Греции изгладились, уходя за горизонт, протянулись толстой синей линией. После она утончилась и пропала вовсе. Одно море простёрлось кругом.

Ночь выдалась звёздная. Олег отыскал Большую и Малую Колесницы (так ромеи прозвали небесных Медведиц), полюбовался косматыми светилами и решил пройтись на корму — приспичило магистру.

Звёздного света было довольно, чтобы разглядеть Стемида, удерживавшего рулевое весло и сонно кивавшего своим «безразмерным» шлемом.

Отлив с левого борта, магистр и аколит опёрся о крайний щит, подвешенный на особую планку, и засмотрелся на море. Вода ещё не успела как следует прогреться, и душно не было — волны нагоняли солоноватую свежесть.

Услышав тихую поступь за спиной, Олег повернулся, и это спасло его — удар кинжала пришёлся в бок. Сухов отшатнулся, хватаясь за меч, и следующий выпад порвал ему руку, вонзаясь и кромсая плоть. Боль была такая, что горло перехватило, и крик застрял в глотке.

Тёмное, сосредоточенно сопящее лицо с косицами, торчавшими из-под большого шлема, расплылось перед глазами Олега. Вытащить спафион из ножен ему ещё удалось, но вот удержать его в руках он не сумел, выронил. Почти вслепую, руководясь не рассудком, а волей к жизни, Сухов уцепился за кромку щита, укрытого от сырости чехлом из коровьей шкуры. Скоба не выдержала вес тела — изломилась, и магистр вместе со щитом ухнул в море.

Холодная вода привела его в чувство. Судорожно цепляясь за щит, Олег крикнул, но исторгнуть удалось лишь хрип. Чёрная обтекаемая масса лодьи скользнула вперёд, растворяясь во мраке. Парус недолгое время застилал созвездия непроглядным прямоугольником, но потом и он затерялся, сливаясь с гранями миров.

Лодьи обгоняли дромоны, те шли позади. Быть может, с ромейских палуб заметят человека за бортом? Едва додумав эту мысль, Олег на миг потерял сознание.

«Так не годится...» — сложилась думка. Сухов просунул руку под петлю щита и, ухватившись за треснувшую скобу, попробовал затащить на деревянный круг непо-

слушное тело. Загнанно дыша, опустил голову на мокрый край. Как же ему худо, Господи...

Круглый варяжский щит, сколоченный из толстых досок и обитый толстой кожей, вываренной в воске, служил гридням на переправах через реки. А вот пробовал ли кто переплыть со щитом море?.. На этом умственном усилии рассудок Олега померк.

2

Витале Ипато являлся патрицием и был занесён в «Золотую книгу», куда вписывали всех нобилей, все знатные семейства Светлейшей Республики Венеция. Он не был так богат, как его дядя Доменико, но содержал дворец на Большом Канале — двухэтажный каменный дом с крошечным садиком, где нашлось место для пяти чахлых деревьев. А для Венеции это служило признаком весьма состоятельного человека.

Ипато очень гордился принадлежностью к древнему роду, у него в предках числились римские сенаторы, а потому Витале с самой молодости твердил, что служить согласен разве что дожу [1]. И вот, когда в дожи вышел Пьетро II Кандиано, пробил его час.

В помощники правителю Венеции выбрали двух трибунов, так что было кому давать подсказки Кандиано по торговой или военной части, а вот Ипато дож поручал дела тайные, назначив Витале своим советником — преординатом.

Блистательная звезда Венеции стремилась в зенит, и мало кто задумывался о том, что восходила она из смрадной хляби...

...Разрывчатым полумесяцем раскинулся лабиринт из клочков зыбкой суши по Венецианской лагуне — сот-

---

[1] *Дож* — так венецианцы выговаривали ромейское слово «дука» — герцог, образованное от латинского dux, то бишь «вождь».

ня островков, полторы сотни проток, болота и отмели, наносы ила и песчаные косы. Те острова, что побольше, были покрыты разнотравьем, рощицами и зарослями кустарника. Редкими гостями островов бывали разве что пастухи или добытчики соли.

Всё изменилось с набегом Алариха, победоносного вождя готов, чья конница сметала легионы, выкашивая их как спелое жито. Римляне из Аквилеи и Патавиума бежали на топкие острова целыми семействами, прихватывая с собой домашний скарб и рабов. И прижились, пережидая смуту, ибо болота и солёное мелководье оберегало беженцев лучше крепостных стен — свирепые кочевники умели брать города, а вот с морем они не дружили.

Волна за волной проходили нашествия — то готы топтали древнюю землю Италии, то гунны, то лангобарды. «Длиннобородые» [1] остались навсегда, занимая брошенные виллы, поселяясь на руинах великой империи. Грозное крушение Рима сменилось целой чередой войн — завоеватели делили награбленное, схватываясь в междоусобицах, и только Венецианская лагуна оставалась тихой заводью.

Однако остатки былой гордости не позволяли римлянам и коренным венетам влачить нищее существование пастухов и рыбарей — они начали строить свою Республику, пуще всего остерегаясь единовластия. Болотистая почва островов укреплялась неисчислимым количеством свай из далматинского леса, сюда завозили камень с «твёрдой земли», разбивали сады и виноградники.

Столицу порешили заложить на островах Риальто, которые буквой «S» рассекала излучина древней реки, переименованная в Большой Канал. Пока что кварталы-сестьере выстраивались лишь на одном его берегу — там жались друг к другу бревенчатые дома, крытые соломой, каждый с двумя дверями — одна открывалась на узенькую улочку, где с трудом расходились двое путников, а другая — на воду, где обязательно покачивалась привя-

[1] *«Длиннобородые»* — лангобарды.

занная лодка-гондола, заменявшая венецианцу лошадь. На городских задах стояли и вовсе лачуги, обмазанные глиной, с развешанными на просушку сетями, но уже появились сработанные ромейскими зодчими каменные церкви — Св. Евфимии, Св. Севера, Св. Варфоломея, Св. Кассиана, Св. Августина — они возвышались над деревянной Венецией как обещание будущего блеска и величия. Правда, даже в вере у жителей города-амфибии доминировала гордость. Они так и говорили: «Сначала мы — венецианцы, а потом уж христиане!»

Первоначальным небесным покровителем Венеции был Феодор Тирон, но лет за сто до описываемых событий этот византийский святой уступил духовное водительство города святому Марку.

Купцы Буоно и Рустико похитили мощи апостола в Египте, а, дабы сарацинские таможенники не придирались, святые останки вывезли в корзине, прикрыв их кусками свинины.

Для хранения мощей венецианцы возвели базилику с куполом — собор Сан-Марко, напротив Дворца дожей — хорошо укреплённого замка с высокими стенами и башнями. С тех пор на расшитых знаменах Венеции красовался крылатый лев — геральдический зверь апостола Марка.

Венеция хоть и оставалась отдалённой провинцией Ромейской империи, но зависимость не слишком тяготила островитян — от этого они были в безусловном выигрыше. Ведь торговые права Венеции гарантировались принадлежностью её купцов к подданным базилевса, а раз так, то можно и потерпеть, ведь именно купля-продажа лежала в основе процветания и могущества земноводного государства.

Венеция устроилась не хитро, но ловко, став посредником между мусульманским Востоком и христианским Западом. Закупая благовония в Аравии, пурпур в Цезарее, китайский шёлк в Сирии, пряности из Индии, Цейлона и Явы, венецианцы везли сей дорогóй товар знатным франкам в Брюгге, папскому двору в Риме, окружению

лангобардского короля в Павии. А с Халифатом торговали рабами, лесом, оружием.

Получая баснословные сверхприбыли, Венеция стремительно богатела, её военный флот мог поспорить с ромейским или сарацинским. Светлейшая Республика сначала заявила о себе как о «царице Адриатики», а ко временам Романа Лакапина из данницы превратилась в союзницу Константинополя, и даже в соперницу. Звезда «Островной империи» восходила всё выше, и выше, и выше...

...Витале Ипато стоял на корме приземистой галеры «Аквила». Тяжелый вымпел с крылатым львом, шитым золотом по красному бархату, плавно извивался над головою патрикия — чудилось, что зверь помахивает крылами и шевелит лапами.

Впереди, на невысоких мачтах, гнулись длиннейшие реи с косыми парусами, но Ипато спешил, а посему сто пятьдесят дюжих гребцов-галеотти хрипло ухали, тягая вёсла и гремя цепями в такт. Они сидели до того тесно, что любая заминка, малейшее нарушение музыкального лада гребли, оборачивались ударом веслом по голове тому, кто выдавал «фальшивую ноту».

Дюжий негр неутомимо долбил по огромному барабану, отбивая чёткий ритм. Пот тёк с барабанщика градом, придавая бронзовой коже влажный блеск, но не чернокожего слушались гребцы, а трёх десятков солидариев [1], меривших шагами покатую палубу.

Ипато возвращался в Венецию, но приближение родного дома не радовало преордината — он не выполнил важное поручение дожа. Для Витале было настолько невыносимо ощущать проигрыш, что он испытывал мучение почти физическое — боль терзала его душу. Срам-то какой... Патрикий сжал зубы, крепко сожмурил глаза и замычал. Мычание перешло в короткий рык.

---

[1] *Солидарий* — от лат. solidus — монета. Так называли наемных воинов, служивших по контракту. Отсюда — солдат.

Впервые Республика подошла к тому, чтобы круто повлиять на судьбы империи,— Ипато сам нашёл важного сановника, готового низложить базилевса Романа и возвести на трон Константина, книгочея и теоретика власти. Иметь податливого автократора, послушного воле дожа... Да можно ли желать большего?!

Сановник оказался умён и чрезвычайно осторожен. Он вовлекал в свои сети всё новых и новых исполнителей, очень медленно, очень постепенно, но неотступно проникал во все части громоздкой государственной машины. Этот избранник, этот ставленник дожа, и от венецианцев требовал неукоснительного соблюдения тайны. Он не оставлял в живых ни одного опасного свидетеля, никогда не упоминал в своих посланиях ничьих имён, но вот подписывался попросту — «Принцепс» [1]. Именно тщеславие и толкнуло этого человека на измену, на союз с дожем.

Ах, с каким нетерпением ожидал Ипато первой встречи главных заговорщиков, собранных «Принцепсом»! Сколько надежд он питал, какие идеи вынашивал! И вдруг такой сокрушительный удар — некий магистр и аколит, в прошлом, говорят, варанг, раскрыл тайну, арестовал людей «Принцепса»...

Сам избранник, правда, сохранил жизнь и свободу. Единственную ниточку, ведущую к нему — Павла Сурсувула,— удалось вовремя обрезать. В тот же день Ипато приказал расстрелять из луков и самого убийцу.

Но можно ли удовольствоваться таким плачевным итогом? Пять лет незримой миру, неимоверно кропотливой работы — коту под хвост! Начинать всё сначала? А дозволит ли Кандиано? Доверится ли снова неудачнику Ипато? Не прогонит ли прочь?

— О, Боже...— глухо простонал преординат.

— Укачало, превосходительный? — участливо спросил Орсо Меммо, кормщик «Аквилы».

— Нет! — резко ответил Витале.

---

[1] *Принцепс* — титул римских императоров.

Однако Меммо не обратил внимания на его тон. Привстав на цыпочки, он глянул из-под руки на море.

— Там человек, превосходительный! — воскликнул кормчий.

Ипато раздражённо обернулся к морю. Да, что-то чернело на волнах. Вроде бы утопленник... Или утопающий?

Подкормщик Тибальдо побежал на нос, выкрикивая команду. Гребцы остановили своё монотонное качание, погружая вёсла в бурлившую воду, сгорбили мокрые спины и тупо сидели, даже не радуясь мимолетной передышке,— невольник на галере быстро превращается в забитое животное, еда и сон для него — краткие перерывы в мучительном, надрывном труде. Правда, страдания рабов непродолжительны — гребцы долго не живут.

Галера замедлила бег. Бойцы в кольчугах, опасаясь выпасть за борт и тут же пойти ко дну, дотянулись-таки до человека за бортом, мёртвой хваткой вцепившегося в круглый щит, и вытащили его на палубу.

— Божья кровь! — вскричал бородатый Доменико.— Да это же наш магистр! Синьор! Взгляните, какую рыбу мы поймали! Это тот самый Олегарий, натворивший столько бед, я и сам еле ушел от его варангов, а Маурицио, Галлу и Теодата он заколол на моих глазах!

— Это точно он? — нахмурился Ипато.

— Да он это, точно вам говорю! Мы же следом за ихними лодьями шли, вот и подцепили улов! Ха-ха-ха! Ну что? Добить — и в воду?

— Не-ет...— протянул Ипато, соображая.— Магистра раздеть, осмотреть, залечить раны, укрыть тёплыми и сухими одеялами. Олегарий мне нужен непременно живым и здоровым! Понятно?

— Живым так живым,— легко согласился Доменико.— Исполним! Интересно, кто же это его одолел?

— Я, кажется, догадываюсь, кто...— проворчал патрикий и резко обернулся к кормщику: — Чего ждём, Меммо? Ходу!

Орсо набрал воздуху в грудь и заорал:

— Паруса ставить! Вёсла на воду!

Негр встрепенулся, его барабан загудел по новой. Сдавленный стон вырвался из полутора сотен глоток, и вёсла, разом придя в движение, погрузились в тугую воду, оттолкнулись, снова загребли... Направляемая опытной рукою кормчего, галера понеслась на северо-запад, в Адриатику, к топким берегам царицы морей — Светлейшей Республики Венеции.

ГЛАВА 6,

в которой Елена Мелиссина молодеет

Проводив Олега, Елена Мелиссина заскучала. В молодые годы это противное чувство — скука — было ей неведомо. Она вела бурную жизнь, полную опасностей и приключений. С Игнатием Фокой они составляли идеальную пару — мудрый отец и скромная дочь. В образе странствующего купца или паломника Игнатий побывал в Брюгге и Аахене, Париже и Лондоне, добирался до северных Бирки и Ладоги, отправлялся в Дамаск, Кордову или Багдад — туда, куда забрасывала его непростая судьба разведчика. И повсюду Фока бывал на вторых ролях, охраняя Мелиссину, служа ей, исполняя её приказы, ибо кто мог заподозрить молодую женщину в шпионаже и драках?

Память Елены сохранила многое. К примеру, ту погоню в Сахаре, когда её белый верблюд-мехари уходил от разъярённых бедуинов. Их двугорбые великаны мчались за ней, вымахивая голенастыми ножищами, дикие гортанные крики преследователей оглашали ночь, а с неба светила громадная луна, осеняя ночную пустыню. Или тот холодный северный фиорд, на берегу которого проживал Олаф Йомсвикинг, сын Харальда. Там были громадные ели и мрачные скалы, а Сигурд, наложница Олафа, пела грустные песни. Рабы-трэли выплывали на лодчонках в стылое море и ловили рыбу — камбала попадалась ростом с человека, а треска — в обхват.

Из владений Йомсвикинга они с Игнатием бежали по узенькой тропке шириной в ладонь — осторожно ставишь босую ногу на эту щербину, но вся ступня не помещается, а глубоко внизу пенится прибой, клокоча меж острых скал...

Всякого она навидалась. Однако разве молодость её прошла?..

Больше Мелиссина не находится на секретной службе у величайшего — родной дом и любимый человек занимали всё её время, целиком и полностью. Она была по-настоящему счастлива все эти годы, а если бы у неё родился ребёнок, то более нечего было желать в этой жизни.

Елена вздохнула и открыла окно в парк. Листва шелестела, будто лопоча о несбывшемся, а потом долгий, протяжный звон разошёлся окрест — это заговорило било в церкви Святого Сампсона... Кто-то, кажется, шёл к дому.

Выглянув из окна, женщина убедилась, что это так,— по аллее шагал молодой иподьякон в длинном чёрном одеянии. Он сильно сутулился и размахивал руками при ходьбе, будто отгоняя от себя мелких бесов.

Спустившись вниз, Мелиссина встретила гостя в дверях. Иподьякон был сумрачен и отрешён от земного, его лицо выглядело бледным, как у всякого человека, редко бывающего на солнце, и казалось больным. Однако не такой уж он и аскет — длинные волосы молодого священника вовсе не слипались жирными сосульками, они были тщательно вымыты и завивались. Отшельники, как и фанатики любого пошиба, редко следят за собой. Как правило, они очень неряшливы и от них неприятно пахнет. Да чего уж там — смердит.

— Что привело тебя, любезнейший? — спокойно спросила Елена, не стремясь пленить и обаять.

Иподьякон молча поклонился и произнёс:

— Святейший патриарх Феофилакт просил тебя, великолепная светлейшая, посетить его дом для важного разговора. Когда прикажешь ждать тебя?

Голос у гостя был глубок, но резок. Наверное, подумала Елена, кричит он с завизгом...

— Я не заставлю святейшего ждать,— ответила женщина любезностью,— и отправлюсь тотчас. Проводишь?

Иподьякон снова согнулся в поклоне.

Елена Мелиссина быстро переоделась в скромное платье и накинула на плечи мафорий. Набрасывать накидку на голову она не стала — не вышло бы. Волосы Еленины были настолько густы, что их копну невозможно было обжать одной ладонью — не хватало и двух.

— Я готова,— сказала зоста-патрикия, появляясь.

Маячившему в дверях Игнатию Елена велела присматривать за домом и зашагала к выходу. Спускаясь по лестнице, она испытала полузабытое возбуждение. От иподьякона пахло ладаном и свечами, а она учуяла запашок тайны, почувствовала на губах металлический привкус опасности.

Выйдя на улицу, Елена подосадовала на глупые местные законы, запрещавшие передвигаться на лошадях верхом. Константинопольский эпарх был единственным в городе человеком, пользовавшимся привилегией раскатывать в грохочущей повозке-каррухе, все остальные ходили пешком или ездили на осликах. Можно было, конечно, купить восьмерых здоровых рабов, чтобы они таскали её на носилках-октофороне, но это было как-то глупо. Один необученный раб стоил тридцать номисм. Потратить двести сорок золотых монет лишь для того, чтобы иногда тебя выносили в город? Нет, денег у неё хватит, а что потом? Содержать восьмерых бездельников? Ещё чего не хватало! Лучше уж пройтись пешком — это, кстати, полезно для здоровья.

Выйдя на форум Константина, Елена свернула на Месу. Резиденция патриарха находилась неподалёку от Великой церкви[1], туда Мелиссина и держала путь. Рядом неслышной тенью реял иподьякон.

В патриаршем дворце было на редкость малолюдно. Обычные просители из дальних монастырей и киновий

---

[1] *Великая константинопольская церковь* — так сами ромеи называли храм Святой Софии.

уже покинули обитель святейшего, только во внутреннем дворике были заняты беседой Мануил Атталиат и Василий Катакил. Они бродили по дорожкам средь подрезанных кустиков мирта и вежливо противоречили друг другу, не горячась понапрасну, но терпеливо склоняя собеседника к признанию своей правоты. Впрочем, моложавый Атталиат, в отличие от престарелого Катакила, не был настолько уж поглощен разговором, чтобы не заметить присутствия Мелиссины. Улыбаясь дружески, он поклонился зоста-патрикии, и женщина ответила протомагистру тем же.

Иподьякон, так и не назвавший своего имени, исчез, зато появился грузноватый помощник патриарха. Низко прогнувшись перед зоста-патрикией, он отпахнул тяжелую парчовую занавесь, густо расшитую золотыми крестиками, и пропустил Мелиссину в мрачноватую приемную, обитую темно-зеленым бархатом.

— Его Святейшество ожидает великолепную светлейшую в покоях,— почтительно проговорил помощник.— Я провожу.

— Сделай милость...— небрежно измолвила Елена.

Помощник повел гостью анфиладой полутёмных комнат, спустился по узкой лестнице, улиткой раскрутившейся в обширный покой, где стояли всего пара кресел и низкий столик, зато целая стена во много-много рядов была заставлена досками икон. Перед иконостасом стоял молодой мужчина лет двадцати, почти юноша, довольно высокий для ромея, с бледным лицом, оттенённым чёрной ухоженной бородкой. Его тонкий хрящеватый нос портили широковатые ноздри, а густые брови, почти сросшиеся на переносице, гасили блеск чёрных глаз, то ли злых, то ли просто тёмных. Впалые щеки придавали молодому человеку видимость борца за веру, но тщательно причесанные и напомаженные волосы исправляли обманчивое впечатление. Это и был Его Святейшество патриарх Феофилакт.

— Я пришла по первому зову святейшего,— сказала Елена и слегка поклонилась — большего уважения к это-

му мальчишке, променявшему Святую Софию на конюшню, она не могла проявить, да и не хотела.

— Да-да,— засуетился патриарх, словно не зная, чем себя занять, и вывернулся-таки, велел помощнику: — Вина, Евсевий!

Молодчик, занявший патриарший престол, устроился поближе к иконам, усадив Мелиссину лицом к свету. Евсевий бесшумно метнулся в угол, где на резной подставке стоял ларец из чёрного дерева, вынул оттуда два древних бокала, вырезанных из горного хрусталя, и наполнил их вином. И покинул покои, пятясь задом и склоняясь в пояс.

Елена слегка пригубила вина, её брови поднялись, выражая приятное удивление, и бокал опустел на четверть. Феофилакт только подержал сосуд в руке, словно грея напиток, и любуясь им на просвет — вино отдавало рубином.

— Как мне стало известно, тебе, великолепная светлейшая, поручались весьма ответственные и... э-э... щекотливые дела? — начал он издалека.

Мелиссина холодно усмехнулась.

— Дела мои лишь для ушей императора, и даже грехи мои требуют тайны и покрова молчания.

— Конечно-конечно! — заспешил патриарх.— Я только хочу напомнить великолепной светлейшей не столь уж давнее прошлое, памятью вернуться ко временам предшественника моего, патриарха Фотия... Считаю, что многие победы и успехи этого мирянина, капризом базилевса посвящённого в духовный сан,— Феофилакт словно намекал Елене на собственный, не беспечальный опыт,— добывались трудами Константина Философа, сына Льва, перед самой смертию своей принявшего постриг и наречённого Кириллом. Константин Философ был секретным посланником патриарха, самым надёжным и умелым. Чем только не занимался сын Льва! И шпионил, и людей похищал, убивал врагов церкви, каверзы строил сарацинским эмирам, лбами сталкивал вождей варварских племён... Молодой совсем был, а сколько подвигов за веру и державу совершить успел! Числился же Константин

иереем и хранителем патриаршей либереи. Считалось, что тайные поездки его в Багдад, Рим, Кордову, Александрию, в Итиль хазарский связаны были с богословскими прениями...— тут Феофилакт тонко улыбнулся: — Ну, мы-то с тобой понимаем, каким богословием занимался патриарший посланник... Однако всё, что он совершил,— строго добавил святейший,— деяниями было богоугодными и для христолюбивой империи нашей зело полезными!

— Святейшему угодно,— прямо спросила Елена,— чтобы его тайной посланницей стала я?

— Да! — облегчённо выпалил патриарх и сразу повеселел.— Мне и... Ну, неважно. Да... Есть дело, кое я не могу поручить могучему воину или велеречивому послу, но женщина способна с ним справиться, особенно такая, как ты, великолепная светлейшая...

В этот момент в комнату вошёл Котян и поклонился — сначала Елене, затем Феофилакту.

— Святейший,— громко сказал он,— Ундина рожат!

Патриарх взволнованно вскочил.

— Уже?! — воскликнул он.

Рванувшись было к выходу, он нетерпеливо сморщился и повернулся к Мелиссине с видом величайшей неохоты — и с покорностью судьбе.

— Дело таково,— заговорил Феофилакт торопливо, не смущаясь присутствием конюшего.— В Риме творится безобразие, исходящее от сенатриссы Марозии, ныне ставшей третьей женою короля Италии Гуго Арльского — между прочим, брата её второго мужа Гвидо! Разве это не случай отвратительнейшего кровосмешения? В граде, осиянном служением святого Петра, установилась похабная порнократия, кощунственное правление блудниц! Отец Марозии Теофилакт правил Римом, будучи и консулом, и комитом Тускулума, и дуксом[1], и папским казначеем. Папа Сергий III превратил двор понтифика в подлинный воровской притон! Он отдал Те-

[1] *Комит* — граф. *Дукс* — герцог.

офилакту все светские полномочия, а пятнадцатилетняя Марозия стала его любовницей...— Святейший взволновался и быстро облизал губы. Тут же опомнившись, он неодобрительно покачал головой и продолжил обличать нравы латинян: — Следующим папой стал любовник Марозии — Анастасий III. Но он недолго осквернял Святой престол, следом за ним папскую тиару примерили креатуры уже мамочки Марозии — Теодоры. Она подсадила папу Ландона, а затем — Иоанна X.

Марозия вышла замуж за Альбериха I, маркграфа Камерино, и побуждала его захватить власть над Римом — воистину сатанинскую жажду власти испытывала эта женщина! Из-за противодействия Иоанна X Альберих был убит. Тогда Марозия вышла за Гвидо, маркграфа Тосканы. Семь лет назад Теодора скончалась, и что же Марозия? Она приказала бросить папу Иоанна в тюрьму, где его и задушили подушкой! Вся власть над Римом досталась одной Марозии, сенатриссе и патрикиссе, дьяволице в образе человеческом! Она сделала папой своего человечка, и стал он Львом VI. Но не прожил и года. Марозия тут же поселила в Латеранском дворце [1] Стефана VII, а позже велела убить его, ибо подрос ее собственный сын, рожденный от Сергия, он-то и стал нынешним папой — Иоанном XI...

Пересказ горестных событий так задел патриарха, что он даже забыл на минуту о рожавшей кобыле.

— Твоя задача, великолепная светлейшая,— сказал торжественно Феофилакт,— сложна и полна опасностей, но ты проверена в делах, не требующих огласки, и потому я остановил выбор свой на тебе. Согласна ли ты послужить Святой Церкви, дабы искоренить зло, чинимое латинянами, ведающими, что творят, но не боящимися Господа?

— Да, святейший,— ответила Елена, не задумываясь.— Но прилично ли мне будет явиться в Рим одной? К несчастью, верный спутник мой Игнатий Фока слишком стар и немощен, чтобы служить мне опорой и защитой...

---

[1] *Латеранский дворец* — резиденция папы римского.

Котян, стоявший за спиной патриарха, стал корчить Мелиссине страшные рожи, тыча себя в грудь.

— Я подумал об этом,— важно кивнул Феофилакт.— Ты отправишься в путь по виа Эгнатия, и всю дорогу тебя будут сопровождать верные нам болгары — Тарвел, Органа и Куверт. Я дам тебе прекрасных коней из своей конюшни — верховых, вьючных и запасных, а по прибытии в Диррахий пересядешь на борт венецианского нефа «Золотой лев», он будет ждать тебя в гавани, и достигнешь на нём порта Бариума [1]. Золота я выдам из своей казны в достатке...

— Тогда следует взять с собой и вашего конюшего,— делано озаботилась Мелиссина.— Ибо кто лучше него присмотрит за лошадьми?

— Пожалуй...— пробормотал патриарх. Видно, ему не хотелось отпускать печенега, но беспокойство за доверяемых зоста-патрикии коней всё же перевесило.— Да, ты верно рассудила, великолепная светлейшая. Пусть Котян тоже отправится с тобой.

Бек радостно оскалился за плечом патриарха.

— В таком случае, благослови, святейший.

Феофилакт перекрестил Мелиссину и молвил:

— Ступай с Богом!

...Ранним утром, когда придворные базилевса лишь начинали покидать тёплые постели, Елена с Котяном и тремя развесёлыми болгарами уже проезжала через Меландизийские ворота.

Копыта замечательных каппадокийских коней дробно простучали по горбатому мостику и вынесли всадников на виа Эгнатиа, Большую государственную дорогу. Построенная римскими легионерами почти тысячу лет назад и названная в честь главного инженера Гнея Эгнатия, она до сих пор верно служила империи. Прямой и покатый путь, вширь раздаваясь на пятнадцать шагов, вёл пут-

---

[1] *Диррахий* — ныне Дуррес, а *Бариум* — Бари.

ников и ездецов от моря до моря — по дамбам через болота, подымаясь на горные перевалы и спускаясь в долины, огибал с севера Охридское озеро, связуя Константинополь с Фессалониками, Пеллой, Эдессой, Гераклеей, и выводил к Адриатике.

В пути Елена Мелиссина не испытывала особых неудобств, все дорожные тяготы брали на себя мужчины. Котян выделялся волчьим башлыком на голове, а болгары — своими факиолами (обычно, помыв голову, Елена обматывала волосы полотенцем. Получалось похоже на факиол).

Зоста-патрикия ожидала неприятностей от местных жителей — как-никак, а почти вся виа Эгнатия проходила по землям, захваченным болгарским царём Симеоном. Правда, Роман Лакапин вытребовал мир, выдав свою дочь за царского сына Петра, а сие упрощало многое. Да и Органа с Тарвелом и Кувертом никому спуску не давали. Торговец в Траянополе попробовал нагрубить Елене — и Тарвел мигом проткнул грубияна мечом.

В долинах «её мужчины» сооружали для сиятельной шалаш, в горах запаливали жаркий костёр, чтобы та не замёрзла, а Мелиссина вовсе не обращала внимания на мелкие неудобства — она ощущала великую радость возвращения на тропу.

В Диррахии, древнем римском порту, её ожидал крутобокий неф с пышным названием «Золотой лев». Пожилой капитан благородной внешности, назвавшийся Антенорео Сельво, провёл зоста-патрикию по трапу на палубу, а следом поднялись три болгарина и один печенег.

— Разве мы бросим такую замечательную хозяйку? — осклабился худой, но жилистый Тарвел.

— Такую прекрасную хозяйку? — подхватил коренастый Органа.

— Такую милую хозяйку? — длинно вздохнул Куверт.

— Да ни за что! — по-печенежски рубанул Котян.

Елена посмеялась только и призналась, что рада будет подобной свите.

Через юиссы — особые дверцы на корме — завели коней Мелиссины, и в тот же час венецианский неф отчалил.

Море между Диррахием и крайним окончанием Апулии было узко, но оставалось морем. Вот отдалился восточный берег, пропал за небоскатом, и одни лишь волны заплясали кругом. Пузатый неф, медлительный и рысливый, как все широкие, но короткие суда, следовал в порт Бариум, и только однажды его путь пересёк другой корабль, и тоже венецианский — галера, пластавшаяся по-над волнами.

— «Аквила» преордината Ипато,— гордо сказал сеньор Сельво, провожая глазами корабль, колоссальной водомеркой скользивший по морю.

Венецианский купец предложил великолепной светлейшей отдохнуть в маленькой, но уютной камаре [1], коей нашлось место в кормовой надстройке, но женщина ответила отказом. Её поддержал бек Котян.

— Тут вольно дышат! — воскликнул он.

И Елена с ним согласилась.

ГЛАВА 7,

в которой Олег примеряет модные одежды

Тяжко пришлось Олегу. Неделю или больше он проваялся в бреду и беспамятстве. Потеряв много крови, закоченев в холодной воде, Сухов не отдал богу душу потому лишь, что воля к жизни оказалась сильнее малодушного желания «отмучиться» — сложить лапки, не бороться с болью, с жаром, с лихорадкой и соскользнуть в тёмный колодец забвения, оставить мир и перестать быть.

Временами магистр приходил в себя, но отрывочные и смутные видения не давали подсказки помрачённому рассудку. Какой-то корабль... Олег ощущал валкое шатание и запах морской влаги. Какой-то порт... Качка участи-

[1] *Камара* — каюта.

лась — непослушное тело Сухова перекладывали на носилки, спускали на берег, несли куда-то... Стены... Небо... Лица... И снова мерк свет, и падала обморочная тьма.

Наверное, в день десятый, если не одиннадцатый, магистр и аколит проснулся в ясном сознании. Очухался...

В теле еще жила боль, Олега не покидала слабость, но он явно пошёл на поправку. Затянувшийся кризис минул, как долгий и нудный кошмар. Сухов выкарабкался.

Его глаза глядели в потолок, вернее, взгляду предстал расшитый верх балдахина, укрепленного на фигурных ножках по углам просторного ложа. Вышивка на балдахине изображала крутобёдрых и пышногрудых нимф, водивших хоровод вокруг козлоногого сатира — рогатенький лесной дух играл на флейте и приплясывал, вскидывая лохматые ноги и что-то прикрывая.

С трудом повернув голову, Олег разглядел стену напротив, прорезанную большим тройным окном, разделённым парой тонких колонок. Позеленевшие бронзовые рамы, заделанные розоватыми пластинами гипса, были распахнуты настежь, открывая доступ воздуху и свету.

Небо и краешек солнца — это было всё, что Сухов мог видеть за окном. Оттуда доносились смутно слышимые голоса, отдаленный смех и журчание воды. Пронзительные крики чаек причудливо мешались с повизгиванием свиней.

Скрипнула дверь, донеслись тихие шаги. В поле зрения Олега показалась девушка — чёрненькая, маленькая, не сказать что красавица, но приятная. Две её длиннющие косы были переброшены на грудь — весьма выпуклые округлости красиво облекались тканью закрытого платья. Губы Сухова дрогнули в улыбке: если уж стал внимание на девиц обращать, то дело точно пошло на лад!

Девушка заметила его пробуждение и улыбнулась, заговорив на приятном, мелодичном наречии, отдалённо похожем на будущий итальянский.

— Не понимаю...— еле выговорил Олег. Подумав, повторил то же самое на латыни.

Девушка обрадовалась и залопотала на звонкой речи Овидия и Горация. Ее латинский был довольно понятен,

но уж больно искажён и огрублён. Или, напротив, это Сухов говорил с акцентом?.. Из слов девушки Олег понял, что девушку зовут Эмилией, и она служанка в доме «самого Витале Ипато».

— Где я? — попытался сориентироваться магистр и аколит.

— В Ка'Ипато [1]! — повторила Эмилия.

— А Ка'Ипато где? — терпеливо выпытывал Сухов.

— В Венеции! — удивилась девушка.

— А-а... А за окном что?

— Большой Канал,— сообщила Эмилия и тут же поинтересовалась: — А вас как зовут?

— Олег.

— Ол-лего? — Девушка словно примеряла новое слово на язык.— Хотите пить, Олего?

— Хочу.

Служанка быстренько сбегала к столу — Сухов его не видел, но по стуку догадался — плеснула чего-то, и поднесла раненому серебряный стаканчик с разведённым вином. «Олего» с удовольствием выпил. «Всё-таки,— подумал он,— что бы там ни говорили, а жить — хорошо!»

Тут опять скрипнула дверь, и прозвучали шаги куда более грузные, чем лёгкая, едва ли не вспархивающая, поступь Эмилии.

— Доброе утро, сеньор доктор! — прощебетала девушка и взвизгнула.

Невидимый Олегу доктор густо захохотал и приблизился к постели, унимая смех и пряча улыбку в бородке. Сухов разглядел толстого жизнелюбца-чревоугодника в пошитом из мягкой синей ткани блио — верхней одежде, напоминавшей глухую куртку-безрукавку длиною до колен.

Через разрезы спереди и сзади просматривалась нижняя камиза — рубаха яркой расцветки, с узкими рукавами-воронками. А вот прическа у доктора была куда как проста — «под горшок». Густые чёрные волосы, едва

---

[1] Словом «ка» (сокращением от «casa», то есть «дом») венецианцы называли дворцы. Слово «palazzo» было ещё не в ходу.

тронутые сединой, были обрезаны до мочек ушей, спереди — чёлка.

— Я — врач,— сказал он внушительно.— Зовут меня Лоренцо Корнаро.

— Олегарий, сын Романа,— представился Сухов,— императорский магистр.

Мохнатые брови доктора встали «домиками».

— Моё почтение, магистр,— прогудел он небрежно, приподнимая простыню.— Ну-ка...

Осматривая пациента, Корнаро благожелательно кивал.

— Хорошо...— бормотал он.— Хорошо... Просто отлично... Затянулись просто на диво... Очень хорошо...

— Почесать можно? — поинтересовался Олег.

— Чешется? — ответил вопросом доктор.

— Ага...

— Очень хорошо! Значит, заживает. Так, сейчас синьору магистру принесут крепкого рыбного отвару, и Эмилия его покормит. Эмилия!

Девушка прибежала, притащила тяжёлый табурет. Еще раз сбегала и вернулась с горячим горшком, до половины полным наваристой ухи. Присела на кровать и стала кормить «Олего» с ложечки.

Три дня спустя Сухов начал вставать. Раз за разом это у него получалось всё лучше и лучше — уже не кружилась голова, и мир не шатался вокруг, а ноги не дрожали, удерживая ослабевшее тело.

За окном и впрямь рябила вода Большого Канала, изгибистого и неширокого. На той стороне зеленели виноградники и сады, стелились пастбища с бродившими коровами. Увязнув в топком бережку по щиколотку, выстаивал с удочкой мальчишка-рыбак.

Каменные «дворцы» представляли собою обычные для ромейской столицы дома в два этажа, крытые черепицей. Их редкий строй перемежался бревенчатыми срубами под кровлями из почерневшей соломы.

Дома лепились плотно, стенка к стенке. С первых этажей несло запахами — аппетитными и не очень — там по

обычаю располагались кухни с кладовками. А жили венецианцы на вторых этажах. Частенько дома открывались на Большой Канал балконами и крытыми галереями, оплетёнными вьюном. Оттуда, облокотившись на резные перила, выглядывали юные простоволосые синьориты, весело переговариваясь с молодыми людьми, проплывавшими мимо на гондолах — подходящей замене лошадям в городе на воде. Замужним дамам показываться на людях с распущенными волосами было неприлично, они прятали головы под круглыми платками с отверстиями для лица. Платки покрывали целиком голову и плечи, а концы их частенько были засунуты в вырез котты — верхней туники-безрукавки. Та благословенная пора, когда можно было завлекать парней, для замужних дам прошла, поэтому зрелые женщины частенько утоляли сердечную жажду, перебирая струны мандоры или георбы [1],— их сладкие и томные звуки расплывались над водами и стогнами града.

Шлепая по полу босыми ногами и слегка прихрамывая, Олег приблизился к окну. Уцепившись рукою за колонку, выглянул наружу — его привлекли громкие голоса.

Внизу, у широких и крепких ворот, швартовалась барка-плоскодонка, груженная бочками и амфорами, мешками и горшками,— на дом к синьору Ипато подвезли свежие припасы.

— Синьор Олего...— заговорила вошедшая Эмилия и осеклась, приметив, что магистр-то голый.

Сухов, не особо стесняясь, прошлёпал обратно в постель. Девушка мило улыбнулась, становясь по-настоящему хорошенькой,— к щекам ее прилила кровь, выступая румянцем, а глаза разгорелись тёмными огоньками.

— Вам еще рано вставать, синьор...— пропела она.

— Ах, Эмилия,— вздохнул Олег и закончил назиданием: — Нельзя холить и лелеять недуг, а то вовсе разленишься и разболеешься. Душу надо держать в чёрном теле, гонять её и занимать делом. Поняла?

---

[1] Струнные инструменты, наподобие мандолины.

Для лучшего закрепления материала Сухов ущипнул Эмилию за тугую попку — девушка радостно ойкнула и выпорхнула за дверь.

По истечении второй недели Олег ощутил себя здоровым. Прежняя сила пока не вернулась к мышцам, Сухов здорово уставал и всё ещё прихрамывал, но тело окрепло, а дух и вовсе не утрачивал твёрдости.

За всё это время магистр ни разу не видел хозяина дома и своего спасителя, патрикия Витале Ипато. Покидая Константинополь, он приметил за кормою силуэт галеры. Вероятно, это и была «Аквила» синьора Ипато, служившего преординатом у самого Пьетро II Кандиано, «Божьей милостью дожа Венеции».

И вот на четырнадцатый день после покушения поганца Стемида в комнату к Олегу заглянул сам патрикий.

Это был живой, энергичный человек лет тридцати пяти, среднего роста, но хорошего сложения, не создававшего впечатления приземистости. Лицо его, узкое и породистое, дышало силой и уверенностью. Хрящеватый нос с горбинкой и тонкие губы придавали Ипато хищное выражение, но мягкий взгляд зеленых глаз сглаживал остроту черт.

Преординат был облачён, как Олегу показалось, в шёлковую зелёную блио до пят и в ярко-красную камизу, обе с разрезами спереди и сзади — это облегчало поездку верхом, хотя для Венеции подобная деталь кроя была излишней — по водам особо не поскачешь. Потом оказалось, что Сухов не разобрался до конца в тонкостях здешнего стиля — Ипато носил не блио, а котту, хотя, чем они друг от друга отличались, Олег не мог сказать толком. Наверное, котта просто вышла из моды.

На ногах Ипато красовались остроносые туфли пигаш. Сшитые из мягкой кожи, они поражали огромными загнутыми носками, набитыми конским волосом. На взгляд Олега, смотрелось это ужасно, по-клоунски, однако что поделаешь? Мода такая...

— Почтение, сиятельный, и добрый день,— слегка поклонился патрикий.— Рад видеть вас во здравии.

— А уж я как рад...— пробормотал Олег.— Благодарю вас, превосходительный, что спасли и выходили.

— Пустяки,— ясно улыбнулся Ипато,— дело житейское. Не бросать же было, не по-христиански это... Тем более что мои люди узнали в утопавшем магистра Олегария, аколита над варангами.

— Ага,— сказал Сухов.

Преординат глянул на него исподлобья, задумчиво и словно оценивающе.

— Признаюсь честно,— произнёс он, медля, словно сомневаясь в том, стоит ли говорить правду,— едва я узнал, кого нам принесло на щите, у меня сразу зародилось подозрение в том, что сие не случайно, что за нечаянной встречей нашей скрыто Божье попечение и провидение Его...— Витале Ипато взволнованно заходил по комнате, шлёпая по плитам мягкими носами туфель.— Весь путь до хранимых Господом островов наших я тщился понять промысел Божий и уразуметь скудным умом своим, в чём цель спасения вашего, указанная свыше. И лишь когда галера миновала острова Святого Николая [1], меня осенило — Господь наставлял меня, направляя на путь служения Светлейшей Республике Венеции! И вы, магистр Олегарий, орудие в руце Его.

Сухов без удивления выслушал пафосное откровение Ипато и усмешку погасил в зародыше.

— И в чём же должна проявиться моя богоизбранность? — негромко спросил он.

— Об этом с вами, сиятельный, будет говорить дож Венеции! — объявил патрикий с торжественностью.

К Олегу вернулась подрастерянная настороженность: к чему бы это верховному правителю беседовать с ромеем, пусть даже удостоенным магистерского сана? О чём? Сухов поёжился в душе — на него словно потянуло зябким ветерком опасности.

---

[1] Крайний архипелаг Венецианской лагуны, ныне острова Лидо.

— И когда я смогу увидеть высочайшего? — осведомился Олег.

— Как только наберётесь для этого сил.

— Что ж,— улыбнулся магистр и аколит,— будем считать — уже набрался и готов явиться пред светлые очи дожа венецианцев.

Ипато с сомнением оглядел Сухова.

— Не знаю, не знаю...— протянул он.

— Чтобы знать, превосходительный,— сказал Олег,— нужно сделать попытку.

— Тогда... моя гондола к вашим услугам, сиятельный.

— А пешком нельзя? — капризно осведомился магистр.— Мне нужно ходить, двигаться, разрабатывать ноги...

— Хм. Тогда придется отшагать милю... А хватит ли вас, сиятельный, на столь утомительную прогулку?

— Опыт покажет! — решительно заявил Сухов.

— Тогда я готов быть вашим проводником, сиятельный.

— Спасибо, конечно, но для начала я бы всё-таки оделся...

— Сожалею, но ваше магистерское облачение пришло в полную негодность, а новое ещё не готово. Не соблаговолите ли приодеться по здешнему обычаю?

— Если разберусь...— сказал Олег и почесал в затылке.

— Я скажу Эмилии, она поможет вам, сиятельный.

Процедура одевания утомила магистра и аколита. Сперва Эмилия протянула ему белые, лёгкие брэ, больше всего похожие на длинные «семейные» трусы из прекрасного льняного полотна, только без резинки. Чтобы брэ не падали, надо было обвязать вокруг них поясок да пару раз обернуть вокруг него верхнюю часть «трусов».

Проверив, держатся ли брэ, Эмилия подала шоссы — узкие шерстяные штаны-колготки, вернее, штаны-чулки, потому как каждую штанину надо было надевать отдельно — шоссы не сшивали вместе.

Натянув их по очереди на ноги Олегу, девушка привязала посередке гульфик — треугольный полотняный

клапан, соединяя им шоссы, и взялась за шнурки этих самых разъятых штанин.

— Я подержу,— сообщила она,— а вы пока надевайте камизу и блио.

Разобравшись, что камиза — это длинная льняная рубаха с разрезом, Олег натянул её через голову.

— Нет-нет,— тут же вмешалась Эмилия,— разрез должен быть спереди!

Вздохнув, Сухов извернулся, перекручивая камизу на себе, пока нижний разрез не оказался на животе, и сунул руки в рукава.

— А теперь — блио!

Блио — глухая, расширенная к бёдрам полукуртка-полукамзол, тоже надевалась через голову.

— Там у вас шнурки, на блио, их надо пропустить через разрез в камизе и подвязать ваши шоссы спереди.

Олег исхитрился с третьей попытки справиться со всеми подвязками.

— Во-от...— удовлетворенно сказала Эмилия и зашла Сухову за спину, чтобы завязать узелки на шоссах сзади.

Ещё раз обойдя Олега, девушка осталась довольна и принесла магистру его кампагии, отчего тот испытал сильное облегчение, ибо представить себе не мог, как вообще можно ходить в дурацких пигашах, находящихся в близком родстве с ластами.

— Вы очень красивый мужчина,— залюбовалась магистром Эмилия и глянула на него мечтательно, склонив головку к плечу.

Явившийся Ипато прервал паузу.

— Замечательно выглядите, сиятельный,— сказал он, кивая одобрительно.— Ну, что ж, идёмте?

— Я готов, превосходительный,— сообщил Олег.

Замешкавшись в дверях, чтобы пропустить вперёд Эмилию, он не удержался и ущипнул девушку за грудь. Та только хихикнула и повела плечом...

Спустившись по лестнице следом за преординатом, Сухов выбрался в крошечный садик, с трёх сторон замк-

нутый стенами Ка'Ипато, а с четвёртой отгороженный высоким кирпичным забором. Отворив скрипучую калитку, Ипато выбрался на улицу.

Олег шагнул за ним, пригибая голову, а когда разогнулся, то рассмотрел узкую улочку, скорее даже щель между стенами домов, где верхом не проедешь — ногам всадника не хватило бы места. К тому же улица была занята — тут повсюду обитали свиньи. Они бродили среди отбросов, лениво выискивая помои повкуснее, или просто валялись в грязи, разморено хрюкая.

— Вот поэтому я и не люблю ходить пешком, сиятельный,— признался патрикий.— Воняет!

— Константинополь тоже не всюду источает благоухание,— заверил его Сухов.

— Ничего,— бодро сказал Ипато,— здесь здорово посвежеет после лета — осенние шторма нагонят воду на улицы, и та всё смоет!

Олег шагал, прислушиваясь к себе, но наплыва усталости пока не чувствовал.

Движение по улице-щели было редким, в основном приходилось переступать через чушек или поднимать их пинками, чтобы уступили дорогу. Хрюшки обиженно визжали и не сразу принимали ускорение. Лишь однажды пришлось разойтись с венецианцем — тот шагал навстречу в одних брэ и в замызганной камизе, облепленной чешуёй.

А потом улица резко расширилась — аж до двух шагов поперёк! Теперь пешеходы стали попадаться чаще — огородники с тележками, чумазые оборванцы, волокущие дырявые мешки с углём, старушка-молочница, опасливо поглядывавшая на угольщиков, особа духовного звания, подбиравшая полы рясы и перешагивавшая лужицы. Можно было с ходу угадать принадлежность к тому или иному сословию — по цвету одежд. Тем, кто был побогаче и познатней, шили камизы, котты и блио из ярких тканей — зелёных, красных, синих. Те же, кто относился к «малым людям», носили одеяния серых и бурых тонов — цветов

некрашеной шерсти и небеленого полотна. Не встречалось лишь жёлтых платьев — никому не приходило в голову красить ткань в цвет измены и ревности.

Девицы либо заплетали две косы до пояса, либо вовсе распускали волосы, подхватывая их обручем на лбу. Замужние тоже частенько надевали обручи и диадемы поверх платков или украшали их яркими повязками. Мужчины набрасывали на себя плащи, застегивая их на правом плече, и, в отличие от ромеев, многие ходили бритыми, обходясь без усов и бород.

Венецианцы оживленно болтали между собою, размахивая руками, закатывая глаза, хохоча или призывая в свидетели всех святых и угодников. По улочкам и переулкам разносились запахи жареной рыбы и чеснока. Когда поддувал ветерок, пахло солёной влагой, а когда порывы бриза спадали, снова накатывали едкие «ароматы» давно не чищенного свинарника.

Миновав каменную церковь Св. Евфимии с колоннадой и мозаиками, Олег с Ипато вышли на ухабистую и немощеную площадь-пьяцетту. С одной ее стороны поднимала купол базилика Сан-Марко, а с другой стороны тянулись причалы — бесконечный ряд длинных и плоских галер, крутобоких гатов и пузатых нефов, объёмистых баттов и маломерных барказов. Мачты с убранными парусами слегка покачивались, скрипело на все лады дерево, топали по гулким палубам мореходы, ухали грузчики, взваливая на спину тюки, а важные купцы прохаживались по пристани в бархатных плащах и поглядывали вокруг — всем ли видно, какие они богатые да предприимчивые?

Однако Ипато не пошёл вдоль набережной, а свернул в сторону, где в окружении толпы поднимался крепко сбитый эшафот. За помостом, словно служа мрачной декорацией, торчали два столба виселицы с перекладиной — на ней обвисали тела повешенных, тихонько покачиваясь под ветерком.

А на «сцене» эшафота готовилось представление — мускулистый палач во всём красном, в остроконечном

колпаке того же весёленького цвета медленно прохаживался вокруг колоды с воткнутой в неё секирой и разминал бицепсы на волосатых руках.

Зеваки, жадные до зрелищ, волновались, переживая, скоро ли им будет явлено зрелище чужой смерти. Долго ждать не пришлось — забили барабаны, и к эшафоту вывели заморённого мужичка, босого и голоногого, в одной драной рубахе. Двое дюжих стражников в красных стёганых коттах поверх полосатых рубах и в ромейских шлемах-касисах держали мужичка под руки. Они почти внесли его на эшафот и бросили на колени возле самой колоды. Мужичонка покорно уложил голову на рыхлое дерево, пропитанное кровью. Лишь плечи его вздрагивали, а в широко раскрытых глазах читался не ужас даже — смертная тоска. Поднявшийся наверх священник торопливо пробормотал положенные молитвы и поднёс мужичку распятие. Тот приложился и снова поник.

Палач деловито срезал ножом редкие пряди на затылке у мужичка и легко, одной рукою, вытащил секиру из колоды. Примерился, замахнулся...

Толпа перестала дышать. Топор ударил с силою и мокрым хряском, заставив гудеть помост. Голова страдальца отпала, прокатилась нелепым кочаном и шлёпнулась в деревянное корытце. Толпа выдохнула.

— Тюрьма здесь близко,— небрежно прокомментировал Ипато,— во дворце дожа, на самом верху башни. Узники томятся под самой крышей из свинцовых листов — летом им дышать нечем, до того жарко, а зимой они страдают от холода.

— Вы их как будто жалеете, превосходительный,— усмехнулся Олег.

— Сочувствую,— смиренно ответил преординат,— однако понимаю, что мучения их заслуженны, ибо они преступили закон.... Нам сюда, сиятельный.

Ипато повёл Сухова мимо собора Сан-Марко, к хорошо укреплённому замку с высокими стенами, башнями и глубокими рвами. Это и был Дворец дожей.

Расфуфыренная стража из копьеносцев подтянулась, завидя преординатора. Стражники выпятили грудь, делая грозные лица. Офицер склонил голову в шлеме.

— Высочайший дожидается вас, синьор,— доложил он.

Витале Ипато величаво кивнул и прошествовал мимо, ступая по узкому деревянному мостику, переброшенному через ров. До подъемных мостов еще не додумались, а этот, сколоченный из бруса и досок, легко сжечь в случае осады.

За мостом, за тяжёлыми воротами, оббитыми гвоздями со шляпками с кулак величиной, прятался дворик, обставленный колоннами. В тени колоннад скрывались двери, ведущие в дворцовые помещения — анфиладу зал, разгороженных тяжёлыми занавесями. Витражные окна, мраморный пол, серебряные светильни — вся обстановка дворца призвана была поразить куцее воображение варвара, но Олега, насмотревшегося чудес и диковин Палатия, местная роскошь не впечатлила.

Ипато провёл Сухова в самый высокий зал, освещённый целым рядом узких стрельчатых окон, и склонился в поклоне.

Олег тоже поклонился и лишь после разглядел, кому отдавал дань уважения и почтения.

Пьетро II Кандиано был рослым и сухощавым мужчиной. Аккуратный валик рыжеватой бороды окаймлял его костистое лицо. Прямой, типично римский нос служил напоминанием о славных предках, а вот глаза подкачали — маленькие чёрненькие бусинки под короткими ресничками глядели на Сухова.

Дож венецианцев был в золотой мантии с пышным воротником из меха горностая и в красных башмаках, служивших прозрачным намёком на кампагии базилевса. На голове Кандиано красовалась шапка-колпак из парчи, пошитая в форме рога, а пояс из золотых пластин оттягивался мечом в роскошных сафьяновых ножнах, усыпанных каменьями.

Одну руку дож положил на рукоять меча, в другой держал скипетр.

Присутствие двух трибунов, поблекших в сиянии и блеске Кандиано, Олег обнаружил немного погодя, но рассмотреть этих немолодых уже советников правителя Венеции не успел — дож отослал их мановением скипетра. Трибуны исчезли.

Зато из тени выступил воистину огромный человек, закутанный в чёрный плащ,— это был северянин-великан, могучий викинг из страны фьордов и троллей. Плечи его поражали необъятной шириной, длинные руки пугали бычьей силой. Косматые рыжие волосы уминал простой кожаный обруч, а на бледном лице, твёрдом и бесстрастном, жили одни глаза — холодные как лёд. Их взгляд был тяжёл и оценивающ, причём держал в прицеле одного лишь Олега, а рука в чёрной перчатке ласково оглаживала рукоять меча, висящего на перевязи, отделанной серебром.

— Рад нашей встрече, магистр Олегарий,— густым басом пророкотал Кандиано, тщательно выговаривая слова греческого языка, и эхо запрыгало по залу, уносясь под неумело расписанный свод.— Постой пока здесь, Орм,— приказал он викингу.

Тот молча поклонился, по-прежнему не отводя глаз от магистра и аколита.

— Почтительно приветствую вас, высочайший,— ответил Сухов, непроизвольно косясь на Орма. У него даже мелькнула мысль-сожаление: одеть-то его одели, но оставили без оружия...

— Я вас оставлю, синьоры?..— спросил Ипато, то ли вопрошая, то ли утверждая, но тая надежду.

— Останься, Витале,— велел дож, и патрикий приободрился.— Следуйте за мной, синьоры. Да, и не бойтесь ушей Орма, сына Харальда,— он и венецианский-то понимает с пятого на десятое, а уж ромейский для него и вовсе загадка...

Пьетро II проследовал за ряд тонких колонн и своею рукою раздвинул тяжелые складки парчовых штор. За ними скрывалась небольшая и потому уютная комнатка, где наличествовали удобные мягкие кресла. Дож уселся

первым и жестом любезного хозяина пригласил гостей последовать его примеру.

Изрядно притомившийся Олег с облегчением погрузился в мякоть кресла и приготовился слушать. Что, интересно, надо от него этому дожу? В христианское милосердие Ипато Сухов не верил. Венецианцы — типичные жители Западной Римской империи, закоренелые индивидуалисты и заскорузлые прагматики, во всём ищущие выгоду.

— Венеция — маленькая, но гордая страна,— сказал дож внушительно.— У нас нет гор, в которых роют золото, нет равнин с тучными нивами. Каждый пятачок суши мы отвоевываем у моря, селясь на хлябях,— за порогом наших домов плещет вода... И всё же мы добиваемся высокого положения и великого богатства! Добиваемся своим умом, своим рвением к науке и труду. Ромейская империя и Халифат враждуют искони, а мы торгуем и с теми, и с другими. Пускай землицы нашей едва достаёт, чтобы стоять на двух ногах, зато мы повелеваем морями!

Венецианцы свободны, ибо живут в Республике, а я выбран ими, дабы править к вящей славе и пущему благу. И вот что поразительно, синьор Олегарий,— любой из нас, даже бедный рыбак или пастух, обладает куда большей волей и гордым достоинством, нежели императорский магистр. Не поймите меня превратно, синьор Олегарий, я вовсе не хотел вас обидеть, но ведь такова правда. Я бывал в Константинополе, меня принимали при дворе... Что ж, пришлось и мне следовать вашим унизительным обычаям — падать ниц перед базилевсом, целовать ему ноги... Тогда я попрал свою честь лишь ради Республики. И понял, что любой тамошний царедворец, даже магистр или кесарь, не господин себе, а раб, послушный воле базилевса. Знатный венецианец спокоен, он боится лишь Бога, ибо родовая честь и нажитое добро защищают его ото всех напастей земных. А можете ли вы, сиятельный, похвалиться тем же? Нет! По капризу базилевса или по навету подлеца вас могут ослепить и сослать, заточить в темницу или насильно постричь в

монахи. Так зачем же нужен титул, что проку от богатства, если высокое положение ваше эфемерно и зыбко, если в любой момент милость государя может обернуться гневом, и тогда будет потеряно всё, ради чего вы жили и что успели нажить?

Сухов молча слушал дожа. И соглашался с ним.

— Чего хочет высочайший? — спросил он негромко.

Пьетро II склонился к нему и раздельно проговорил:

— Я хочу, чтобы вы, синьор Олегарий, подумали о том, как помочь и себе, и нам, и Империи, и Республике. Вы в достаточной степени знатны, богаты и могущественны, чтобы вершить великие дела...

— Например?

Дож посмотрел на Ипато, и тот сказал, то ли плохо скрывая волнение, то ли хорошо играя его:

— Разве по закону и по совести занимает трон Роман Лакапин? Нет, он должен был давно уже уступить престол Константину Багрянородному, истинному императору! Роман — всего лишь опекун Константина и его василеопатор [1], но не слишком ли заигрался Лакапин? Не слишком ли он злоупотребил доверием Багрянородного и терпением его?! — Голос Ипато всё поднимался и поднимался, доходя до обличающих громов, и вдруг скатился до вкрадчивых тонов: — Так почему бы вам не помочь свершиться правосудию? Пусть восторжествует справедливость! Тем самым вы заслужите почёт и уважение и нового базилевса, и Венеции, ведь мы не оставим вас одного на поле брани.

Олег помолчал, переваривая новость. Ишь как его подняли! Огибая, обтекая пугающую прямоту, предлагают состряпать заговор под лозунгом «Долой царя!». Почёт... Это как? «Наградить посмертно»? Нет уж, увольте... Хотя отказа у него не примут — как спасли, так и обратно утопят. Хотя нет, прирежут скорее — тяжелая поступь Орма была слышна хорошо. Ох, не зря Ипато

---

[1] *Василеопатор* — почётное звание отца императора. Роман Лакапин заслужил его, став тестем Константина.

провёл его близ эшафота... Ох, не зря... Запугивал, сволочь. С другой стороны, геройствовать он тоже не собирается. «Жизнь за царя» — это не его опера...

— А чего добивается Венеция? — полюбопытствовал Олег.— Чего вы ждёте от нового базилевса?

Напряженное лицо Ипато исказилось от улыбки — поддаётся магистр!

— Наши притязания скромны,— сказал дож,— и не выходят за рамки торговли. Мы даже не требуем независимости! Зачем? Нам и так хорошо. Но вот дань снять бы с нас желательно. И порты имперские бы открыть для прямой торговли. И пошлины бы уменьшить. Вот и всё!

Олег помолчал, соображая. Копнуть ему давешние события или погодить? Копнём, пожалуй. Хуже не будет...

— Меня возвели в магистры из благодарности за то, что я предотвратил покушение на базилевса,— осторожно проговорил Сухов, будто ступая по канату над пропастью.

— Нам это известно,— кивнул Кандиано.

— Меня интересует, не были ли вы замешаны в том покушении, высочайший? — бухнул Олег.— А то уж больно много венецианцев попадалось мне, и все почему-то далеки были от благих намерений...

Дож нахмурился, переглянулся с Ипато и пожал плечами.

— Вы считаете это мудрым,— спросил он не без сарказма,— подбивать к свержению императора того самого человека, который раскрыл прежний заговор? Нет, синьор Олегарий, мы не причастны к покушению на базилевса. Клянусь мощами святого Марка!

Сухов подумал.

— Если я возьмусь за дело,— медленно проговорил он,— то людей, охочих и умелых, найду без труда. Однако тратить на это собственное золото я не намерен...

— Мы обеспечим вас любою суммой! — заверил его дож.— Доставить, куда надо, людей или оружие — тоже не проблема. Флот у нас велик и весьма приличен.

Олег покивал и сказал, подводя черту:

— И последнее. Если меня постигнет неудача, то всё кончится моей гибелью. Но и в случае успеха мне не стоит рассчитывать на покой, ибо кто помешает базилевсу принудить меня, скажем, принять постриг? Или подвергнуть осмеянию и сослать в каменоломни? А посему я хочу заручиться вашей поддержкой, высочайший. Хочу быть уверенным, что всегда найду покой и убережение в Светлейшей Республике Венеции... Именно поэтому я не прошу у вас платы за ту опасную работу, которую берусь выполнить. Мне не нужны деньги, я хочу иметь в Венеции хороший дом, куда всегда мог бы вернуться.

Дож качнул скипетром и проговорил:

— Синьор Олегарий, у вас будет лучший дом в этом городе!

— Тогда вернемся к делам насущным. Думается, что оправдать высокое доверие дожа, а заодно сослужить хорошую службу Венеции я мог бы и вдалеке от Священных Палат — здесь, в Италии. Базилевсом я послан на штурм Неаполя и Капуи,— слегка приврал Олег,— дабы запугать князя Беневентского Ландульфа, но моим варангам всё равно, на какой город идти приступом. Так что мы бы вполне могли напасть... мм... ну, скажем, на Гаэту. Или на Амальфи... Кажется мне, амальфитанцы изрядно досаждают вам на море, соперничая с Венецией в торговле с сарацинами.

— Вам не кажется, синьор Олегарий,— признался дож.— Проклятые амальфитанцы отбивают у нас покупателей, сбивают цены на рабов в Африке! Предав этот город разврата и алчности мечу, вы совершите благое дело!

— Тогда мне будут нужны винеи и гелепола.

— Сделаем! — воскликнул Ипато, тут же глянул на дожа — не превысил ли я полномочия? — но тот лишь кивнул, выражая согласие.

— Может, и требукет[1] найдётся? — поинтересовался Сухов.

---

[1] *Винеи* — легкие разборные галереи, под защитой которых штурмовали крепостные стены. *Гелепола* — осадная башня. *Требукет* — метательное орудие.

— Будет! — уверил его дож.

— Тогда я готов исполнить приказ во славу империи... и во благо Венеции!

Дож ощерился в довольной улыбке и сделал знак Ипато. Преординат живо прошмыгнул за шторы и вскоре вернулся с запотевшим кувшинчиком, удерживая в другой руке золотой поднос с тремя драгоценными стеклянными чарами. Разлив духовистое вино, он подал первую чару дожу, затем Олегу, а третью взял себе.

— Вива, Венеция! — провозгласил Пьетро II Кандиано, поднимая чару.

— Вива! — восторженно поддержал его Витале Ипато.

— Вива,— согласился с ними Сухов и отпил вина. Хорошо пошло!

ГЛАВА 8,

в которой на театре военных действий ставится спектакль, а Олег подрабатывает осветителем

Дерево в Венеции было дорого, но дож не поскупился — местные искусники сработали для Олега и гелеполу, и винеи, и требукет. Потом всю эту военную технику аккуратно разобрали и пометили каждый брус, каждую бронзовую накладку — куда чего цеплять, с чем соединять да какою стороной. Осталось всё это дело перевезти и собрать на месте. И тут венецианцы схитрили, не стали себя подставлять — погрузили метательные орудия и осадную башню на трофейные галеры-сандануму, спущенные на воду в Генуе, давнишней сопернице Светлейшей Республики. Дескать, мы тут ни при чём, это всё они, нехорошие генуэзцы...

Правда, капитанами пошли все же венецианцы, а на борт того сандануму, который возглавил караван, поднялся лично Витале Ипато. Олег Сухов взошёл вторым,

радуясь новенькому скарамангию. Европейская мода точно не для него... Не тот тренд.

На рассвете корабли отплыли.

Генуэзские санданумы шли довольно ходко. Обогнув мятежную Апулию, караван взял курс на юго-запад. Когда с правого борта засинели берега Калабрии, которую ромеи прозывали Калаврией, кормчие повернули к северу, попадая в узость Мессинского пролива и оставляя слева благословенные земли Сицилии, отобранные у ромеев сарацинами.

А вот куда следовать далее, Олег не знал. По логике, его варанги должны были погоревать о потере аколита — недолго, в меру, после чего двинуться на штурм Амальфи, Неаполя, Гаэты... Тут, правда, потребовалась бы помощь ромеев, ибо амальфитанцы с неаполитанцами обладали крупными флотами, справиться с которыми непросто. А вот если к семи варяжским лодьям прибавить хотя бы одну-две огнепальных хеландии... Тогда сразу перевес в нашу пользу. Друнгарий флота вроде как обещал выделить парочку, но когда это было...

Олег стоял на носу галеры «Св. Иоанн Креститель» и вертел головой, ощущая беспомощность и злость. Куда плыть? Где ему искать доблестных варангов? Подались ли они дальше на север, поближе к амальфитанскому побережью, или обретаются где-то на юге? А где?

Незаметно приблизившийся Ипато сказал негромко:

— Возможно, стоит начать поиски вашего флота, сиятельный, с захода в Регию[1]. Варанги не смогли бы пройти мимо столицы Калаврии. Может, они и на берег сходили. А если так, то их обязательно бы запомнили. Варанги — ребята бойкие, удержа не знают... Тем более что в Региуме и стратиг Калаврии Евстафий обретается.

— Кстати, да,— кивнул Сухов.— Держим на Региум!

---

[1] *Региум* — ныне Реджо-ди-Калабриа.

Морячки забегали, разворачивая паруса. Заскрипели реи, кормчие приналегли на рулевые весла. Санданумы плавно повернули к калаврийским берегам, гористым и малолюдным — прежнее кипение жизни на узком побережье отошло в прошлое. Постоянная угроза сарацинских набегов вынуждала жителей уходить повыше в горы, забиваться подальше в леса.

Олег присмотрелся к близким берегам Сицилии — тоже никакого движения. Хотя нет, вон какой-то парусник показался.

— Три мачты,— прищурился Ипато.— Значит, это куркура. Большой корабль. Только под парусами и ходит, вёсел на нём нет.

— Нам следует опасаться сарацинов?

— Опаска никогда лишней не бывает, сиятельный. Осторожный человек живёт дольше. Одна куркура нам не страшна, но в этих местах орудует целая сарацинская эскадра, ведомая адмиралом Сабиром. Сабир — из славян, но служит Фатимидам, тутошним арабским эмирам. Злой человек, коварный... а вот и Регium!

С правого борта показался прелестный вид — к водам цвета берилла, отороченным жёлтым песком пляжа, спускались белые домики под красными черепичными крышами. Пышная зелень юга щедро добавляла живых красок, а серый камень крепостных стен вносил суровую ноту в мелодию города, звучавшую истомой и негой. И радостным облегчением — Олег разглядел на ярком фоне полосатые паруса.

— А вот и варанги, сиятельный! — воскликнул Ипато.— И искать не пришлось!

Загребая вёслами прозрачнейшую воду, галеры медленно втягивались в бухту древнего Региума.

Сухов ощутил волнение. Снова увидеть своих — это приятно. И разделаться со Стемидом, что еще приятней.

Приблизившись к берегу, магистр разглядел слона — парочка хеландий со спущенными парусами покачивалась в сторонке от варяжских лодий. Неужто сдержал слово друнгарий флота? Это здорово...

Венецианцы — мореходы отменные, «Св. Иоанн Креститель» уткнулся бортом в причал мягко, потерся об него почти что ласково, как кошка о ногу хозяина.

Сухов первым сошёл на берег и неторопливо пошагал к стоянке лодий. Навстречу брели вразвалочку четыре варяга, незнакомые Олегу, кроме одного,— посередке ступал, малость косолапя, Малютка Свен. Он равнодушно скользнул глазами по магистру и вдруг словно запнулся — застыл, как в игре «Фигура, замри!», выпучил глаза и пробасил обалдело:

— Полутролль?.. Живой?!

— Как видишь,— улыбнулся Сухов.— Не ждал, малышок?

«Малышок» восторженно взревел и накинулся на Олега, стиснул со всей мочи.

— Заломаешь, медведь,— просипел магистр.

Тело отдалось слабой болью, но Олег не рассердился на простодушного великана.

— А мы думали — всё! — радостно ревел Свен.— Просыпаемся, а тебя нету! Стемид ещё сказал, что вроде как всплеск слыхал! Значит, не утонул-таки?

— Ещё бы Стемиду не слыхать,— процедил Олег.— Эта паскуда во мне дырок понаделала и в море скинула!

— Ну-у?! — выдохнул Малютка.

— Вот тебе и ну... Меня венецианцы подобрали. А то кормил бы я рыб...

Трое варягов, неуверенно ухмылявшихся за широчайшей спиной Свена, разом нахмурились.

— Надо тогда словить Стемида,— сказал один из них, сильно «окая»,— брюхо вспороть за такие дела и камнями набить!

— А камешки на костерке накалить,— присоветовал другой.— Пущай погреется перед вечным холодом Хеля [1]!

— Пущай,— согласился Олег.

И все пятеро энергично зашагали к лодьям. Два корабля медленно подходили к пристани — «Пардус» и «Фи-

[1] *Хель* — северный вариант ада.

нист» — и спускали паруса. Остальные лодьи, скалясь на Регием драконьими пастями, мирно покачивались у причалов. За вывешенными щитами никого не было видно — надо полагать, братия дрыхла на скамьях. Или в полном составе завалилась в портовые капилеи [1], дабы как следует выпить и закусить.

Человек десять варягов сгрудились вокруг большого костра, разведённого на галечнике, и жарили мясо, нанизав солидные куски на тонкие клинки акуфиев, смахивавших на аистиные клювы,— русы понемногу перенимали полезные изобретения ромеев. Акуфии были приспособлены для того, чтобы пробивать кольчужную броню, хотя у самих варягов лишь каждый третий таскал такую, большинство обходилось кожаными доспехами. Русы из тех, кто не был богат настолько, чтобы заказать себе кольчугу, или тех, кому она не досталась по наследству, носили ромейские кавадии — доспехи из стёганого дешёвого шёлка, подбитые грубым хлопком.

Все варяги были хоть и при мечах, но с непокрытыми головами, и лишь один жарился в большом шлеме, из-под которого торчали рыжие косицы.

Стемид что-то с жаром рассказывал, помогая себе руками и всем телом, а остальные рассеянно слушали его, следя за тем, чтобы не подгорело мясо и не перекалились мечи.

Малютка Свен подошёл и с ходу ухватил Стемида за шкирку. Мотнув его, он рывком поставил возмущённо брыкавшегося дренга лицом к лицу с Олегом. Остальные варяги удивлённо поворачивались — и столбенели. Их аколит вернулся с того света!

Рыжий дренг хотел было крепко высказаться по адресу Малютки, но, сдвинув шлем на лоб, сразу увидал Сухова. Стемид посерел от страха и хлопнулся на колени.

— Не виноватый я! — взвыл он.— Они меня заставили!

Олег покачал головой.

— Они тебе заплатили,— возразил он.— Кто?

---

[1] *Капилеи* — дешевые закусочные.

— Не зна-аю! Корабельщик он! Из ромеев! В больших чинах ходит, и плащ на нём такой, чёрный весь, в орлах золотых!

— Курчавый?

— Да, да! И борода тоже кучерится!

«Неужели Иоанн Радин — тот самый „пятый, который первый"? — подумал Олег.— Да нет, не может быть. Чтобы друнгарий флота... Хотя почему бы и нет? Роман Лакапин тоже в друнгариях флота ходил, а вышел в базилевсы...»

— Все эти дни,— спокойно сказал он вслух,— я представлял, что с тобой сделаю, и уже притомился казни выдумывать. Устроить тебе усекновение главы? Нет. Не хочу меч пачкать грязной кровью. Повесить тебя? Четвертовать? Не знаю, не выбрал еще. Мне, в общем-то, без разницы, как именно ты умрёшь. Но ты умрёшь. Сегодня. Сейчас.— Поглядев на варягов, магистр добавил: — Делайте с ним, что хотите, ребята. Он ваш.

Ребята отложили недожаренное мясо и подхватили Стемида. Тот дёрнулся так, что шлем его слетел на камни, обнажая огромную плешь цвета сырого мяса в венчике рыжих волос. Да какая там плешь — это со Стемида скальп сняли! Печенеги, наверное, или мадьяры — любой степняк любит вплетать в гриву своего коня человеческие скальпы. Удивительно, что Стемид жив остался. Наверное, дохлым притворился...

— Не-ет! — заверещал рыжий.— Не надо! Не хочу-у!

— Заткнись,— посоветовал ему Свен,— душу перед смертью не погань.

— Калить камешки-то? — поинтересовался любитель «жареного».

— А то!

Стемид заверещал пуще прежнего... Олег отвернулся и подошёл к вымолам, куда подваливал «Пардус».

— Оле-ег! — донеслось с палубы, и Сухов разглядел подпрыгивавшего Пончика. Магистр помахал светлейшему рукой.

Лодья ещё толком причалить не успела, а Шурик уже перепрыгнул на древний каменный вымол и понесся к другу.

— Пр-рывет, сиятельный! — вопил он, лупая мокрыми глазами.— Ну, ты вообще! Я уж думал — всё! И что б я Елене сказал?!

Пончик так сильно шлёпнул Олега по плечу, что тот поморщился.

— Ты... чего? — неуверенно проговорил протоспафарий.

— Швы мне сняли, зажило вроде, но всё равно побаливает ещё...

— Швы?..

— Проникающие колотые раны — так вы вроде выражаетесь?

Пончик сделал страшное лицо.

— Кто?..— выдохнул он.

— Кто?! — рявкнул подоспевший Инегельд.

В этот момент поросячий визг Стемида огласил берег.

— Он,— показал Олег за плечо.

На вымол шагнул Ивор Пожиратель Смерти. Стемида он не видел за спинами склонившихся варягов, но зато приметил большой шлем, валявшийся на песке.

— Стемид? — прищурился Ивор.

Олег кивнул.

— Ясно...— протянул Клык.

— Никогда прежде не бывало так,— тихо проговорил Сухов,— чтобы мне приходилось спину на лодье прикрывать. Свои же! И вот, нарвался...

Светлый князь потемнел лицом, его кулаки сжались, а губы стянулись в нитку.

— Кто там, с ним? — резко выговорил он.

— Акила Длинный Меч,— прогудел подходивший Малютка Свен.

— Тогда ладно,— пробормотал Клык,— Акила толк знает.

Прерывистый вой разнесся надо всей бухтой, но князь лишь мрачно улыбнулся.

— Повой, повой, с-собака! — проворчал Инегельд — и улыбнулся, вспомнив о возвращении аколита.— Так это что же,— оживился он,— поход не отменяется?

— Поход продолжается, князь!

Клык приставил ладонь ко лбу и глянул на ошвартованные генуэзские галеры.

— Твои, што ль? — спросил он.

— Почти. А Турберн где?

— Здесь я,— послышался сердитый голос Железнобокого, и старый варяг протолкался через толпу.— Станут колом, и не пробьёшься! Здорово, дорогой!

Сухов обнял старика, а потом протянул руку к галерам.

— Я там тебе подарочки привёз,— сказал он, посмеиваясь.— Башню осадную, гелеполу и самое что ни на есть здоровенное метательное орудие! Требукетом зовется.

— Ух ты! — обрадовался Турберн, большой любитель военной техники.— Надо будет посмотреть!

— Ну так пошли.

Большой толпой варяги пошагали к причалам, где ошвартовались сандануны. Фигура Ипато помаячила и скрылась — не доверял преординат варангам.

Шагая по шуршащей гальке, Олег несколько отстал, и рядом с ним оказался один лишь Пончик.

— Так ты в Венеции был? — спросил он.— И как там?

— Да не очень...

— А эта... как ее... гелепола? Ты ее что, купил?

— Продался,— усмехнулся Олег.— Завербовали меня.

— Чего-чего?..

— А того! Ты нам, говорят, базилевса сковырни, который Роман, а Константина поставь. И ждут, чего я им отвечу. А за шторкой здоровяк с мышцами разминается, с вот таким мечом. Ладно, говорю, чего ж не сковырнуть? Вот и выдали мне аванс требукетами да гелеполами...

— И что теперь? — спросил Пончик испуганно.

— А что теперь? — преувеличенно тяжко вздохнул Олег.— Уйду в подполье, буду вести подрывную деятельность...

— Я серьёзно!

— А я — нет. Не грузись, Понч. Дож мною решил попользоваться, а я использую его. Называется «взаимовыгодное сотрудничество»...

Турберн Железнобокий лично осмотрел «игрушки», сделанные в Венеции, и пришёл в полнейший восторг.

— Ну, всё! — кричал он воинственно, пугая Витале Ипато.— Хана Амальфи! Кирдык Гаэте!

— Гелеполу мы используем при штурме Неаполя,— поправил его Олег.— Требукет испробуем на Гаэте, а вот Амальфи возьмём хитростью. Слыхали про Троянского коня?

— Это который деревянный? — уточнил Клык.— Сказывали нам про него, сказывали... Нам что, тоже в такой коняке таиться?

— Нет, кони будут самые настоящие, верховые и запряжённые в телеги. Будем по одному, по двое просачиваться в Амальфи, а когда нас там наберётся человек... ну, хотя б двадцать, ударим изнутри!

— Не пойдёт! — отмел такой вариант Турберн.— Ты хоть видел здешний народ? Они ж все чёрные! А у нас белоголовых — десять человек на десяток!

— Исправим,— пообещал Олег.— Я тут хны привёз — чернее арабов станете, это я вам обещаю!

Тут отворилась створка городских ворот Регионума, и к порту выехала целая делегация на конях — по сторонам гарцевали рыцари-катафрактарии, с ног до головы закованные в броню, на могучих лошадях, тоже покрытых доспехами, а в промежутке ехали «официальные лица» в белых скарамангиях. Расшитые золотом попоны скрывали их коней почти до самой земли, гривы были стрижены, зато на лошадиных головах покачивались пышные султаны из страусиных перьев.

— Никак стратиг пожаловал,— сказал Инегельд, упирая руки в боки.

Катафрактарии разъехались в стороны, и конь стратига Калаврии выступил вперёд. Разглядев скарамангий Олега, Евстафий приподнял брови.

— Полагаю, что вижу магистра и аколита Олегария? — произнёс он.

— А я имею возможность лицезреть стратига Евстафия? — ответил вопросом Олег.

Евстафий слегка поклонился и спешился. Это был коренастый человек довольно брутальной наружности, больше всего смахивающий на мрачного пирата, вздумавшего переодеться в платье прирезанной жертвы.

— Патрикий и друнгарий флота Иоанн Радин,— сказал он деревянным голосом,— передаёт твоему попечению две огненосные хеландии, «Св. Георгия Победоносца» и «Грифона». Патрикий Иоанн убедительно просил тебя не допускать к огнепальным сифонам варангов...

— Я учту просьбу друнгария,— прохладно ответил Олег.— Это всё?

— Сиятельный,— сказал стратиг прочувствованно,— я чрезвычайно рад твоему чудесному спасению, ибо варанги необузданны и держат наш город в страхе. Чем скорее ты уведёшь их, тем сильнее будет благодарность жителей Регия!

— Мы не задержимся,— улыбнулся Олег,— и отплывём ранним утром. Соблаговолите собрать припасы и доставить воду, и уже завтра мы избавим вас от тревог.

— Всё будет исполнено в точности, сиятельный! — заверил Евстафий, становясь похожим на пирата весёлого.

Олег сдержал слово — на рассвете семь варяжских лодий покинули бухту Регия и двинулись проливом на север, к Тирренскому морю. Лодьи шли в кильватер, одна за другой. Слева расправляли паруса пять сандануов, справа догоняла пара хеландий. Флот. Сила.

Варягам бы брови хмурить сурово, холодным взором серых и синих глаз окидывая горизонты, но нет — с лодий нёсся неудержимый гогот. Русы кисли от смеха, глядя друг на друга, а Малютка Свен до того изнемог, что лишь взвизгивал тихонько и слезу утирал.

Ярлы и полсотни варягов перекрасили свои светлые волосы в радикальный чёрный цвет, и вид товарищей, из блондинов оборотившихся в брюнетов, зело веселил остальную команду.

Витале Ипато, зазванный Олегом на борт «Пардуса», неуверенно улыбался. Неуютно было преординату, уж больно шумным оказался народец, прозывавшийся варангами. Шумным и совершенно непонятным.

Русы могли бросаться в бой голышом, выражая тем презрение к противнику, их храбрость граничила с безрассудством и полным самозабвением. Они сатанели от ярости и были запредельно жестоки к врагу, а вот друзей любили и ценили, делились с ними последним. Потрясающая щедрость варягов сочеталась в них со скупостью и жаждой золота. Тем не менее, пренебрегая выгодой, они настойчиво добивались пустяков, вроде задушевного разговора или ласкового девичьего взгляда. Варяг мог целый год копить добро, чтобы в один день пропить его, размести в бешеном разгуле — и не жалеть потом, а вспоминать с приятностью: «Ох и покуражились мы тогда!..»

Ипато неплохо знал арабов, с норманнами был знаком похуже, но и те вписывались в некие рамки. Ромеи, хазары, лангобарды, франки, англосаксы — все они подчинялись определённому набору правил, руководствовались определённым набором правил и были предсказуемы. А вот предугадать поступки русов было невозможно — в них сплелись нераздвоимо нордическое спокойствие и стихийное буйство степных кочевников. Причудливо мешались крови в северных пределах, напитываясь туманом бесчисленных озёр и жарким веянием пустынь, пеною морской и хвойным, смолистым духом...

Ипато вздохнул и покачал головою:

— Уму, осенённому крестным знамением, не дано постичь разумение варвара...

— Всё куда хуже, превосходительный,— усмехнулся Олег.— Многие из варягов крещены, однако не утратили тот стержень в душе, что скрепляет нас воедино, определяя слова и деяния, мысли и грёзы.

— Нас?

— Синьор Ипато, я такой же варяг, как все эти парни, и горжусь этим естеством не меньше, а больше всех своих титулов. Вам, я вижу, непривычно их бытие?

— О, да! — вырвалось у венецианца.

— Вы, главное, не впадите во грех осмеяния чужого и отторжения необычного. Надо просто понять главное — у русов самая широкая душа, какую только можно наблюдать в роде человеческом. Знаете, как я прошёл посвящение в дренги?

— Дренги?

— Дренги — это молодые воины в гриди... Гридь — это дружина. Короче, гридни выстроились в два ряда, и каждый держал весло в руках. Девушки стянули с меня штаны, и мне пришлось на четвереньках пробегать сквозь строй, уворачиваясь от шлепков лопастями вёсел. Я, такой, верчусь, юлю, то в одну сторону кинусь, то в другую шарахнусь, и всё равно, когда одолел весь путь, задница моя была красна! Мне, правда, смешно не было, зато вся дружина лопалась от смеха. Это и вправду уморительно, если смотреть со стороны,— голозадые парни скачут на карачках, пуча глаза от звонких шлепков! Я потом долго не мог лежать на спине, поэтому те самые девки ложились под меня...

Ипато смущённо хихикнул.

Город Амальфи располагался на южном берегу полуострова Сорренто, что вытягивался от Апеннин на запад, как крепкий сук отходит от ствола дерева.

Обогнув Италию с юга, кормщики держали курс на север и с заданием командования справились — подошли к берегу перед самым рассветом, в стороне от селений. Корабли набились в крохотную бухточку, как селёдка в бочку, и тут же полсотни черноволосых и черноглазых алан, булгар и ясов, вперемежку с «зачернёнными» варягами, отправились за лошадьми и телегами. Их повёл кривоногий, приземистый и широкоплечий Курт, сын Котрага из рода Дуло, фигурою смахивавший на краба.

Заря розовела на полнеба, на этом фоне скалистые горы выглядели непроглядно-чёрным контуром, словно перекрашенные светилом, но вскоре сияние смыло потём-

ки, и Олегу предстал роскошнейший пейзаж — изумрудное море голубело поодаль, наливаясь лазурью у горизонта; скалы, заросшие пышной зеленью, спадали уступами к белопенной кайме прибоя, и всё это переливалось на солнце, грелось под ним и нежилось, источая благоухание и рождая в душе тихий восторг.

— Пр-рывет, сиятельный! — возник рядом Пончик.— Любуешься?

— Так должны выглядеть окрестности Зурбагана,— проговорил Олег.— Или Гель-Гью. Или Лисса.

— Да-а, здорово тут,— подтвердил Шурик.— Красиво. Угу...

Утро было в самом разгаре, когда на берег съехали грохочущие телеги, груженные сеном. Зацокали копыта коней, и Олег улыбнулся — всадников было не узнать. Впереди гарцевал Саук, сын Тааза. Сам он был из гузов, но давно уж прибился к Инегельду. Конник изрядный, Саук единственный был узнаваем. А вот товарищи его... Воист Коварный, Алк Ворон, Стегги Метатель Колец, Альф Убийца, Одд Галат из Ямталанда — перекрашенные из «светленьких» в «тёмненьких», они снова хохотали, едва не падая с сёдел. Уж больно веселили их одежды, позаимствованные у местных,— десятка два голых мужиков, тощих и перепуганных, сбегали к берегу, обеими руками прикрывая срам.

Крестьяне не носили шоссов и блио — берегли, надевая лишь по великим праздникам, и щеголяли неглиже — в исподних брэ да в домотканых камизах. Такие прикиды на варягах смотрелись презабавно, а вислые шляпы из войлока или соломки довершали их наряд.

Спешившись, варяги согнали раздетые «жертвы среди мирного населения» к стволу дерева, обкорнанного прибоем, и привязали их к нему. Гридни были в хорошем настроении — одни хохотали, другие подхихикивали,— поэтому никому из аборигенов травм не нанесли.

Одд Галат, с фигурой, похожей на перевернутый равнобедренный треугольник, мужчиной был видным — даже латаная камиза его не портила. Но вот с подвязками он яв-

но не разобрался. Когда Одд спрыгнул с коня, его грязновато-белые брэ свалились на песок. Галат, отпуская ужасные словечки, нагнулся за «трусами», сверкая голой задницей, а вся дружина просто стонала от восторга.

— Понапридумывают что попало! — возгремел Одд и с укором глянул на хохочущих побратимов: — Чего ржёте? Это шнурок лопнул!

— А ты их этим,— пробулькал Альф,— канатом моржовым прихвати!

— И стоило коней приводить,— осерчал Одд Галат,— тут их и так навалом... Табун целый!

Посмеиваясь, Олег и сам переоделся. Слава богу, опыт был. Натянул на себя весь комплект, разве что блио не стал надевать — солнышко пригревало, хватит и камизы.

— Собираемся!— крикнул он, спускаясь с санданума.

Неуклюже переступая в остроносых пигашах, пошитых на него в Венеции, Сухов сошел на берег. Варяги молчали — их лица багровели, щёки надувались, а глаза выкатывались.

— Смейтесь, сволочи,— проворчал Олег,— не то лопнете.

И варяги грохнули — развесёлое гоготанье разнеслось эхом по всей бухте.

— Грузимся! — рявкнул аколит.— Поддоспешники и брони кидайте в телеги, завалим их сеном.

— А мечи?

— Туда же! Только, это самое, тряпьем переложите, чтобы не звякали. Синьор Ипато, не составите ли компанию?

— Охотно! — откликнулся преординат.— Тут, на юге, многие знают греческий, многие, да не все. Могу пригодиться!

Сухов уселся на козлы и тряхнул вожжами. Венецианец устроился рядом.

— Н-но, мёртвая!

Пара упитанных лошадок бодро потащила полупустую повозку. Вперёд ускакали двое верховых — Ивор с Малюткой Свеном. За Олегом тронулись остальные телеги числом в шесть. Ещё пятеро варягов неторопливо дви-

нулись верхом на мулах, а двое, погрозив кулаками товарищам, взгромоздились на ушастых осликов.

— Я с тобой! — подбежал Пончик, путаясь в мешковатой камизе и подсмыкивая брэ.— Без медика — куда? Угу...

— Садись, медик,— сказал Сухов и легонько щёлкнул кнутом. Протоспафарий суетливо забрался на кучу сена и развалился с видом победителя.

Дорога шла берегом, между морем и скалами, потом лошадки вытянули телегу по некрутому откосу на наезженный тракт. Колеи тянулись по уступу над прибрежными скалами, над пенными водоворотами лениво грохочущего прибоя. Путь был не то чтобы опасным, но требующим внимания — вниз полететь было нечего делать.

— А если встречные? — обеспокоился Пончик.— Как мы тогда разминёмся?

— А никак,— хладнокровно ответил Сухов.— Поскидываем их вниз, и всего делов.

— Шутишь, да? — спросил Александр неуверенно.

— Средневековье, Понч. Что ты хочешь?

Дорога петляла, дорога то сужалась в тропу, то раздвигала края. Спускалась в лощины, заросшие лохматыми пиниями. Поднималась на пологие склоны, полосатые из-за виноградников. Пролегала мимо деревушек и садов на террасах.

Грохот колес, цокот копыт, фырканье лошадей — однообразный шум утомлял, но тряские козлы не располагали к отдыху.

— Чтоб я ещё хоть раз сел на телегу,— брюзжал Олег.— Чувствуешь себя, как отбивная перед жаркой!

— И внутри всё ёкает! — пожаловался Пончик.— Угу...

— Сидел бы уж! Ёкает у него... Целый стог под седалищем!

— Так пружинит же! Угу...

Встречные варягам почти не попадались, разве что пара крестьян прошла с гигантскими вязанками хвороста. А потом нарисовался кавалларий — этакий рыцарь, с ног до головы обтянутый кольчужным доспехом, в блестящем шлеме с колыхавшимся султаном из страусиных перьев. Копья кавалларий не держал, щит висел у него за

спиной. Одной рукой всадник правил, другую горделиво упирал в бок. Его конь, покрытый тяжёлой кожаной попоной, ступал важно, словно заразившись хозяйской заносчивостью. Ступал прямо по середине дороги.

Олег, не желая связываться, свернул влево, впритык к скале, но кавалларию этого показалось мало.

— На колени, презренные! — прорычал он на хорошем греческом, требуя почтения.

— А не пойти ли тебе в задницу? — любезно ответил Сухов.

Сначала кавалларий не понял сказанного — не смог совместить непристойное предложение с собственной персоной. Потом до него дошло, и глаза всадника выкатились в изумлении и великом гневе.

Ни слова не говоря, кавалларий выхватил меч и послал коня на «врага».

Малютка Свен оказался быстрее — бросив своего чалого наперерез, он поднял его на дыбки. Лошадь рыцаря испуганно шарахнулась, оступаясь, чуть ли не падая, и кавалларий не удержался в седле — рухнул в пыль. Валялся он недолго — Свен тут же оказался рядом. «Малышок» подхватил оглушённого рыцаря за наборный пояс и за кольчужный воротник, крутанул, как следует, да и скинул с обрыва вниз.

Отряхивая руки, он выглянул за край.

— Разбился? — охнул Пончик.

— Не-е... Утоп.

— Кто-то дошутился,— мрачно сказал медик.— Угу...

Остаток пути протоспафарий, преординат и магистр проделали в молчании. Наконец показался Амальфи. Город расположился по склону скалы, дома его лепились друг к другу, соединяясь высеченными в камне лестницами, а на крышах росли сады. Черепичные кровли, проходы, мосты, улицы, мощённые галькой,— всё это романтическое великолепие тонуло в нагромождениях пышной зелени. Апельсиновые деревья путались с лимонными, заплетались виноградными лозами и пробивались кипарисами, а ещё выше поднималась глава собора Св. Андрея Первозванного.

Городок смотрелся весьма симпатично и спускался к полукружию бухты, где стояло с полсотни кораблей, как трибуны к сцене.

— Подъезжаем! — крикнул Олег.— Приготовиться всем.

Съехав к берегу, Олег двинулся вдоль пристани, заворачивая к Амальфи. Лошадки сами прибавили прыти, направляясь к Порта делла Марина — городским воротам, открывающим путь к гавани.

— Синьор Ипато,— негромко сказал Сухов,— вы уж сами со стражниками переговорите, а то мои лишь одно слово знают...

— Си![1] — подтвердил проезжавший Саук.

— Ага,— сказал Свен.— Тьфу ты... Си!

Обширная площадь перед воротами была заставлена палатками и лотками — тут шумел базар. Множество торговцев настойчиво предлагали свой товар всем подряд, уламывая, улещивая, взывая к небесам и клянясь самыми страшными клятвами. Купцы побогаче восседали в тени шатров, иные торговали прямо с расстеленных ковров, а то и вовсе бродили по рядам, всё своё таская с собой. Шум стоял неимоверный. Чудилось, торгаши осадили Амальфи и вот-вот пойдут на приступ.

— Мыло! Галльское мыло! Смоет грязь и грехи!

— А вот мальчики-рабы! Здоровенькие и крепенькие, всего по сорок тариев[2] за голову!

— Рыба! Рыба! Свежа-айшая рыба!

— Кому вино из Газы? Налетай! Кому нектар из Асколона? Подходи, не зевай!

— Фисташки из Дамаска! Порадуйте себя отборными фисташками!

— Лён из Скитополиса, лён из Лаодикеи, из Библоса... Выбирай, какой для тебя хорош! Лучше всё равно не найдёшь...

---

[1] Si! (*Итал.*) — Да!

[2] *Тарий* — монета в четверть номисмы. Имел хождение по всей Южной Италии.

— Пурпур из Цезареи! Кому царский пурпур? Что стоим, дорогой? Покупаем, покупаем!

Олег, малость одуревший от рыночной стихии, объехал торжище. У распахнутых ворот Амальфи его притормозил добродушный стражник. Толстый и запаренный, он оставил копьё воткнутым в землю, а шлем повесил на рогатину, поддерживавшую плетёный тент. Отдуваясь, страж молча протянул грязную ладонь, требуя плату за вход.

— Си! — храбро сказал Сухов и отсчитал пару серебряных денаро, отчеканенных в Венеции по образу и подобию франкских денариев.

Ипато повёл рукою, мелодичной скороговоркой объясняя, что это плата за все возы.

Стражник пересчитал телеги, шевеля губами, решил пример на вычитание и довольно кивнул — можно было опрокинуть стаканчик лимончеллы [1] на сдачу!

Едва телеги прогрохотали под сводами ворот, как к ним подскочил маленький человечек, юркий и прилично одетый. Тараторя и стрекоча, гримасничая и размахивая руками, он выхватил клок сена. Понюхав его, человечек яростно чихнул.

— Это Паскуале Фоскари, он хочет купить наше сено,— обернулся преординат к Олегу.

— Замечательно,— обрадовался магистр и рявкнул: — Си!

— Си! Си! — дружно закивали варяги.

Возы, повинуясь жестам Фоскари, проехали узкой улочкой до широких ворот двухэтажного дома. Внизу обнаружился здоровенный амбар. Малютка Свен хотел было выразиться по этому случаю и уже открыл рот, но вовремя вспомнил о своём италийском происхождении и ляпнул:

— Си!

Олег с Пончиком вооружились вилами и стали перекидывать сено в прохладную сень за амбарными воротами.

— Стегги, Воист, Курт,— негромко проговорил магистр,— собирайте своих, забирайте всё оружие и скрой-

---

[1] *Лимончелла* — крепкий лимонный ликёр.

тесь до темноты. Выступите по сигналу, когда вспыхнет огонь и станет светло.

Двое варягов и булгарин кивнули незаметно, подхватили свою кладь и шмыгнули в щелевидный проход между домами, взлетели по каменной лестнице, канули в сад, шумевший прямо на крыше высокого дома.

Разбрелись почти все «троянцы», только лошади их остались — привязанные у коновязи над поилкой, они то фыркали, то били копытом. Наверное, от удовольствия — в кои веки у них был выходной день!

Ивор Пожиратель Смерти и Малютка Свен задержались, и надо же было такому случиться — именно в эту минуту мимо них прошёл с виду незаметный мужичок, судя по всему, из торгового сословия. Он шагал вразвалку и качал головою, словно ведя разговор сам с собою. Вдруг мужичок увидал варягов — лицо его выразило дикий страх, как будто ему явилось привидение. Пересилив себя, он зашагал далее — заторможенной, деревянной походкой человека, напряженного до крайности.

Ивор проводил его долгим взглядом.

— Знакомый? — спросил Олег.

— По-моему, я его видел в Региуме...

— Убрать! — каркнул Сухов.

Малютка Свен и Пожиратель Смерти сорвались с места и бросились догонять мужичонку.

— Опасный свидетель? — насупился Пончик.

— Да,— твёрдо ответил магистр,— опасный свидетель.

Двое варягов вскоре вернулись. Шагая валко, пошатываясь, они изображали пьяную троицу, волоча «упившегося приятеля» — оглушенного мужчинку. У амбара Свен и один справился — обхватив шею «опасного свидетеля» локтем, он её сжал чуток — послышался мокрый хруст — и отнёс мёртвое тело в дальний угол амбара, присыпав его сеном.

А тут и маленький, да юркий Фоскари объявился. Продолжая тараторить и жестикулировать, он расплатился с Суховым, запер ворота амбара и убежал вверх по лестнице, подныривая под обвисшие лозы.

— Поехали отсюда,— велел магистр и аколит.

Трястись на телеге всю обратную дорогу он не решился и оседлал брошенного варягами коня.

Выбраться из Амальфи труда не составило — толстый страж дремал в тенёчке, предоставив собирать мзду молодому помощнику, а тот даже внимания не обращал на отъезжавших — выход из города был бесплатным.

Олег с Ивором и Свеном, «записавшимися» в добровольные телохраны, Пончик и Витале Ипато быстро добрались до стоянки в бухте.

Быстренько переодевшись в ромейское и привычное, Сухов собрал ярлов и навклиров хеландий.

— Разрабатывать стратегию и тактику нам некогда,— начал он,— и ту и другую построим на двух принципах — быстроты и натиска. Атакуем с моря. Хеландии сжигают корабли амальфитанцев, лодьи высаживают бойцов, «троянцы» открывают ворота — и город наш! Вниманию ярлов — просьба не увлекаться резнёй! Всё ж таки амальфитанцы — вассалы императора...

— А добро стяжать можно хоть? — встревоженно спросил Карл Вилобородый.

— Сколько сможете унести!

— А, ну тогда ладно,— успокоился ярл.

— У меня всё,— сказал Олег.— Чистим оружие и ждём вечера!

К вечеру, когда солнце тонуло в Тирренском море, на стоянке остались одни генуэзские галеры и стража из ясов. Хеландии и лодьи вышли в море, двигаясь на вёслах к востоку. В наступление.

Сухов поднялся на борт «Св. Георгия Победоносца», с ним вместе взошли Ивор и Свен — большего количества варангов навклир вынести не смог.

Олег прошёлся по палубе до самого носа и потрогал рукою медный купол огнепального сифона — тот был едва тёплым. Медная труба-жерло, именуемая пирекболом, то бишь огнемётом, и украшенная разинутой пастью чу-

довища, стояла зачехлённой, а всё пространство до борта покрывали сырые воловьи шкуры, настеленные для пожарной безопасности.

— Где сифонист? — резко спросил Сухов.

Тут же в палубе отворился люк и наружу выбрался длинный, нескладный парень, обряженный в доспехи. Именно обряженный — шлем ему шёл как корове седло.

— Мы при сифоне поставлены, сиятельный,— доложил парень.

— Звать как?

— Евлогием окрещён...

— Ну-ка, Евлогий...— Олег отодвинул сифониста и спустился по трапу вниз.

Внизу было жарко. Гудело пламя в топке котла, полного ужасной горючей смеси, вонял уксус в бочке — только им и можно было затушить «греческий огонь», вода его не брала.

— Воздуху подкачай, Михаил,— сказал сифонист с палубы.

Полуголый, хорошо сложённый Михаил, блестя потной кожей, молча подошёл к мехам и с усилием принялся работать рукояткой — гудящий воздух, нагретый в трубах, заполнял сифон с коротким шипением, всё повышая и повышая давление.

— Долго еще греть? — спросил Олег.

— Не, сиятельный,— отмахнулся хорошо сложённый.— Уже скоро!

— Надо так сделать, чтобы клапаны открылись в порту Амальфи, не раньше! А то как заревут, сразу тревогу поднимут.

— Сделаем, сиятельный!

Когда Сухов поднялся на палубу, над нею уже курился дымок из топки — тяга была хорошая. Котёл быстро нагревался, издавая утробное бульканье.

— Они что,— спросил Свен боязливо,— «греческий огонь» варят?

— Вроде того,— кивнул магистр.— Нагревают его, а потом горячим воздухом выдавливают.

— Ну, правильно,— оценил Малютка,— не руками ж его давить!

Солнце село, а луна ещё не взошла, когда лодьи с хеландиями вышли на рейд Амальфи. Звёздного света хватило, чтобы в чистом воздухе обрисовать тёмные контуры судов, покачивавшихся на якорях и пришвартованных у пристани. Отблескивала вода, тускло светились огни в окнах домов — город и впрямь поднимался от моря на склон подобием гигантской трибуны, от партера до галёрки.

Смутными тенями мелькали матросы по палубе «Св. Георгия Победоносца», разворачивавшие реи. Почти сливаясь с волнами, скользили лодьи.

«Что ж,— подумал Олег,— все действующие лица уже на сцене. Пора объявлять начало представления!»

И тут же, словно услыхав его мысли, сработали niglaros — предохранительные клапаны, сигнализируя, что горючая смесь достигла кондиции и готова к применению,— режущий уши свист, переходящий в высокий вой, огласил тихие просторы бухты. Как чёртики из коробочки, выскочили из люка оба сифониста.

— Мы готовы, сиятельный! — доложил нескладный.

Хорошо сложённый молча запалил лампадку.

— Жгите всё подряд! — отдал приказ Сухов.

Евлогий неожиданно преобразился — в его движениях обнаружилась точность и выверенность. Сдёрнув чехол с пирекбола, он со скрипом развернул его, нацеливая за борт.

— Шкуры смочил? — отрывисто спросил он Михаила.

— Смачивал уже... Сейчас я...

Хорошо сложённый подхватил ведро с уксусом и облил им шкуры, покрывавшие палубу близ огнепального сифона. Резкий запах кислоты ударил в нос.

— Огня!

Михаил стал на карачки, подполз к пирекболу и приподнял зажжённую лампаду. Евлогий оскалился, ногой отжимая бронзовый рычаг. В трубе загудело, из пасти медной химеры забил пар, вспыхнувший синим пламенем, а в следующую секунду химеру вырвало потоком жидкого огня.

С диким рёвом горючка окатила пару амальфитанских галер, разбрызгивая всепожирающее полымя. Огненная дуга сияла в ночи, соединяя хеландию с галерами, с усиерами, с пузатыми кубарами. А тут забил еще один палящий фонтан — взревел сифон на хеландии «Грифон». К ревущим выбросам «греческого огня» добавился треск пылающего дерева. Вспыхивали вёсла и скамьи на амальфитанских кораблях, загорались надстройки и борта, чадили скатки парусов, огненными прямыми прочерчивались штаги и ванты, лопались, скручиваясь тлеющими петлями, клубились тучами жалящих искр.

Флот Амальфи горел, столбы великого пожара поднимались в небо гигантскими факелами, оранжевое зарево высветило почти весь город.

— Ярлы! — гаркнул Олег.— Па-ашли-и!

Варяги взревели, налегая на вёсла. Оставляя горящие корабли слева по борту, лодьи устремлялись к берегу и с ходу втёсывались в песок. Русы, ясы, аланы, савиры, булгары прыгали в воду или на сушу и бежали к городу, потрясая мечами, секирами и копьями. Мелькали щиты, качались шлемы. Варяги ревели, аланы выли, ясы свистели, булгары издавали воинские кличи разных кланов, савиры улюлюкали.

Олег с волнением следил за стенами Амальфи. Были заметны цепочки факелов — огоньки медленно стекали по лестницам города-изваяния, кружились бестолково на крошечных площадях, но ворота по-прежнему стояли запертыми, отсвечивая бронзовыми полосами и заклепками.

— Ну же, ну...— цедил Олег, замирая. Вот оно!

Створки ворот дрогнули и стали раскрываться.

— Есть!

Огонь с моря, закручивавшийся и колыхавшийся дымными колоннами, осветил место действия — поле боя. Было хорошо видно, как десятки людей у воротных башен бьются на мечах, не щадя ни своих, ни чужих. Не выстояла бы горстка «троянцев» в схватке с амальфитанцами, но тут подоспело подкрепление — накатило, смяло, раскидало, втоптало в землю...

Перебив защитников города, скопившихся у ворот, варяги погнали драпавших горожан по узким лестницам и улицам-проходам.

— Всё! — выдохнул Олег. Повернувшись к бледному навклиру, он приказал: — К берегу!

Малютка Свен тут же украсился довольной улыбкой: вот и его черёд пришёл пограбить!

Хеландия обогнула горящие корабли и высадила беспокойных варягов вместе с их аколитом на песчаный пляж.

— Мы... это...— замялся Свен.

— Да иди уж,— махнул рукой Олег.

— Си!

И варяг-великан почесал к городу — успеть попользоваться плодами победы. А победа была явной. Бои на улицах продолжались, но быстро угасали — Амальфи прекращал сопротивление, сдаваясь на милость победителя.

— Светло-то как...— пробормотал Ивор Пожиратель Смерти, задирая голову к небу.

— А ты чего здесь? — удивился Сухов.

— Ну надо же кому-то охранять твою особу, аколит,— улыбнулся варяг.— А мечом помахать я ещё успею — два города впереди.

Ранним утром установилась тишина. Взошедшее солнце осветило полусгоревшие остовы галер и чёрную полосу головешек, вынесенных на песок волнами. Амальфи был тих. Город затаился, пережидая уход варягов, довольных добычей. Мёртвых воинов и убитых горожан сносили к храму Св. Андрея Первозванного. Потрясённые девушки, испробовавшие буйной варяжской страсти, понемногу приходили в себя.

Когда солнце поднялось над горами, воротами Порта делла Марина прошли правители города Амальфи — префект Мастал I, епископ Константин, комиты и судьи.

До смерти напуганный префект стал с жаром убеждать Олега в своей искренней верности базилевсу и смиренно признал вассальную зависимость от империи. Что и требовалось доказать.

Глава 9,

в которой Елена Мелиссина размышляет о судьбах империи и плетёт интриги

Бариум оказался весьма милым городишкой, зеленым и уютным. Множество зданий уцелело от времён цезарей, но были и странные новостройки. Растеряв мастерство римских каменотёсов, возводивших стройные колоннады и гордые фронтоны, лангобарды выкладывали из камня круглые дома-трулли, имевшие тяжеловесные крыши из глыбок, сходившихся остроконечными конусами.

Елене Мелиссине показалось страшным жить под нависавшими камнями, а вот местные об этих вещах даже не задумывались. По крайней мере в труллях было тепло зимою и прохладно летом.

Впрочем, называть лангобардов новыми хозяевами древнего Бариума было бы не совсем честно — и ста лет не прошло, как этот город-порт захватили сарацины. Правоверные даже основали здесь Барийский эмират, возвели крепость, но не долго они поклонялись тут Аллаху — их вытеснили православные.

Зоста-патрикия направила коня за пределы городских стен. Она ехала шагом, дожидаясь Котяна, посланного на разведку, а булгары следовали позади, не мешая, но всегда в готовности помочь.

Женщина подставила лицо солнцу и улыбнулась. Тот восторг, который обуял её на виа Эгнатиа, уже схлынул, но тихая радость осталась, будя в душе неясные надежды.

Даже простая поездка, совершаемая ради новых впечатлений и бездумного отдыха, дарит удовольствие. А уж когда ты при деле, приятность возрастает стократ.

Елена поднялась на покатый холм и осмотрелась. По правую руку сияло голубизной море, узкая белая оторочка пляжа разделяла воду и сушу — холмы, скалы, рощи, луга. На гладком зеленом поле стояли ровными рядами воинские шатры, замкнутые в квадрат валом и рвом,— это был

ромейский военный лагерь, разбитый Феоклитом Дукой, доместиком схол Запада, командующим всеми сухопутными силами империи в Лонгивардии. Шатёр доместика, больше и выше прочих, находился в самой середке лагеря, там, где колыхались знамёна и штандарты-фламулы.

Над лагерем висела пыль — многие сотни копыт и сапог давно уж вытоптали траву, а ныне Христово воинство уже не расхаживало среди тентов, а бегало — близился час сражения с мятежниками. Многочисленный отряд апулийских лангобардов приближался с запада, отрезая Мелиссине путь к Аппиевой дороге Траяна — самому короткому пути в Рим.

— Великолепная светлейшая!

Подскакавший Котян лихо спрыгнул с коня и ухватил того за уздцы.

— Сегодня выехат не удастся,— доложил бек.— Доместик перекрыл все дороги, заворачиват и конных, и пеших! Но скоро всё решится — лангобарды близко, я сам видел их конников за лесом.

— Думаешь, городу грозит осада? — нахмурилась Мелиссина.

— Ну уж нет, сиятельная! Воинов среди бунтовщиков мало, на нас прёт голытьба. У этих босяков хватат злобы, они жадны, но их руки привычны к лопатам, а никак не к копьям. Уж ты поверь, сиятельная, бой будет недолог!

— Хорошо бы,— вздохнула Елена, переводя взгляд на лагерь.

А там вовсю шло общее молебствие: каждый воин, укрепив на воткнутом в землю копье светильник или свечу, молился на коленях о ниспослании победы, о спасении в бою, о прощении грехов. Бойцов причащали войсковые священники. Хор грубых голосов донес слова поклонения Богородице:

Радуйся, мудрости Божьей вместилище,
Радуйся, милости Господа хранилище,
Радуйся, цветок воздержания,
Радуйся, венок целомудрия,
Радуйся, козни ада поборающа,
Радуйся, дары рая открывающа...

И тут хрипло взвыла труба. Её вой подхватили рога, разнося заполошные сигналы. Началось столпотворение, называемое построением. Елена разобрала в кажущейся суете определённый порядок — воины собирались, свои находили своих, строились, поправляли доспехи.

Трое булгар подъехали поближе к Мелиссине, и Органа вытянул руку с плетью в сторону леса:

— Вон они!

Лангобарды, кто пешком, кто верхом, показывались из-за деревьев, то растягиваясь цепью, то сбиваясь в толпу. Редко кто был при мече, основная масса вооружилась топорами и самодельными копьями, а то и просто вилами да косами.

Мятежники валили и валили — человеческое стадо, не ведающее науки побеждать. И это стадо всё сильнее смещалось в сторону Бариума.

— В город?! — крикнул Котян, вскакивая на коня.

— Нет! — мотнула головой Елена.— Уходим к Аппиевой дороге, а то, боюсь, надолго здесь застрянем. И к чёрту доместика!

Мелиссина представила себе во всех красках баталию, что вот-вот разразится, и разбежавшихся по долам и лесам лангобардов, сбившихся в разбойничьи банды. И как потом проехать в Рим, как пробиться через бесконечные заслоны из лихих людей, засады грабителей и убийц?

— Вперёд!

Елена с Котяном помчались к западу, следуя краем леса. Булгары поскакали следом. И тут же ещё одна толпа вооруженных апулийцев высыпала из леса, отрезая тайной посланнице и ее спутникам пути в Бариум.

— Котян! — окликнула печенега женщина.— Постой! Надо переждать на опушке, пока эти не пройдут!

Булгары закивали согласно, а Котян досадливо сморщился — не в его натуре было прятаться и отсиживаться. Но Елена права: переть наобум — нелучшее решение, можно было легко попасть в лапы арьергарду войска бунтовщиков.

Бек пустил коня шагом, заезжая в рощицу, Мелиссина подъехала и остановилась рядом. Отсюда были хорошо

видны порядки мятежной армии, а вот ромейский лагерь едва просматривался.

Вон вроде из его западных и северных ворот выступили конные сотни катафрактариев — тяжёлой кавалерии, чьи всадники, равно как и лошади, были закованы в броню. Угрожающе клонились их пики в восемь локтей длиною — сама несокрушимость наступала на лангобардов.

Донесся, нарастая, гул, подобный накату паводка. Когда зоркие глаза Мелиссины смогли различить отдельных всадников и множество качавшихся и прыгавших хоругвей над ними, чей-то несильный голос прокричал команду:

— Пуска-ай!

Удивлённая, женщина повернула голову в сторону бунтовщиков — оказалось, что метательные орудия приволокли упряжки лангобардских лошадей!

Слитный стук спускных рычагов баллист ударил сухим частым грохотом, да с завизгом. Тяжелые дротики провыли над полем, уносясь навстречу тяжелой коннице ромеев. И поразили цели, накалывая катафрактов, как жуков на булавки, бывало, что и парами, подчас и коня нанизывая на общий вертел.

— Заряжа-ай! Толка-ай!

Еще одна стая убийственных жал перелетела меньшавшую нейтральную полосу.

Шагов двести оставалось до оголовья ромейского клина, когда заговорили катапульты. Десятки ядер ударили по катафрактариям «тупыми предметами», напрочь отрывая головы, переламывая тулова, а те, что на излёте, выбивали всадников из седел и бросали под копыта бесившихся коней.

Десятки валившихся мертвецов, кувырки убитых скакунов создавали заторы, катафракты наезжали друг на друга, роняя оружие, порой и сами не удерживаясь в сёдлах. Ромеи начали рассыпаться, разворачиваясь в лаву, но было поздно — конница уже сбилась с шага, таранный удар оттягивался, теряя мощь, выдыхался в жалкий шлепок.

— К западу отходим! — крикнул Котян.— К западу! Они сейчас побегут — и прямо на нас!

— Не побегут! — возразила Елена.

Она судорожно сглотнула, ощущая тягостную истому. Было страшно до одури. По её глупости они все оказались меж двух огней, между молотом и наковальней. Успеют если прошмыгнуть — спасутся. Не успеют — тогда всё...

Кони в стальных намордниках, остервеневшие катафрактарии, стоявшие в стременах, нелепые дерганья хоругвий за их спинами — наваливаются, накатываются...

И тут Елена Мелиссина заметила просвет в лангобардском построении — мятежники ускакали вперёд, обходя ромеев с левого фланга, и между лесом и полем открылся пологий склон холма, изрытый копытами.

— На холм! — скомандовала посланница.

Конь Мелиссины, испуганный не меньше всадницы, буквально вспорхнул на возвышенность, поросшую молодыми деревцами. Сверху было лучше видно, как сомкнулись фланги лангобардов, плотно окружая катафрактов. То там, то сям ромеи переходили в контратаку, но восставшие отбрасывали их. Кони, люди заметались в узком пространстве, причем реально сражаться могли лишь крайние, середка же давилась в тесноте и бессилии.

Началось побоище. Катафрактов скидывали наземь, цепляя крюками на копьях, резали коней, и ромеи падали, барахтаясь в крови и парящих кишках. Бой двух отрядов постепенно распадался на сотни малых сражений — один на один, один на всех или все на одного.

— Бей! Бей! — неслось с поля сражения.

— Слева! Гизульф!

— Не трожь коняку! Сгодится!

— Шибче!

— Сзади, Ландо! Сзади!

— А щит твой где?! Раззява!

— Получи! Получи, зараза!

— Куды прёшь, собака?!

Рев сотен глоток, проклятия и молитвы, грозный лязг и тошнотворный хруст — ужасающий шум битвы — висел над полем, эхом отдаваясь от холмов.

— Стой!

На Мелиссину наехал бунтовщик, закованный с ног до головы в кольчугу и замотанный в длинную стёганую котту с разрезами сзади и спереди. Его пику печенег перерубил и стал отступать, прикрывая Елену. Лангобард отбросил бесполезное древко и выхватил меч.

— Уходим! — гаркнул бек.

Булгарин Тарвел развернулся и достал наехавшего мятежника клинком. Тот взмахнул рукой, роняя щит. Рассвирепевший Котян замахнулся мечом как следует и снёс противнику голову, будто курёнку.

Елена сохранила о сражении отрывочные воспоминания. Всё менялось за один удар сердца — наваливался новый враг, и надо было успевать поворачиваться, отбиваясь, наседая, вступая в дуэль. За холмом, куда она въехала сама и вывела спутников, обнаружился добрый десяток конных мятежников — и каждый считал своим долгом истребить ромейку, трёх булгар и одного печенега.

Падает сражённым один лангобард, а взамен прибывают двое... Конь под Котяном погиб, печенег перескочил к ближайшему лангобарду за спину и пропорол тому кожаную броню акуфием... Копье целило Органе в голову, мечом булгарин отсёк наконечник, возвратным движением подрубая кольчужный воротник справа...

Чья-то горячая кровь обожгла Елене руку, хлынув струёй,— лангобард без шлема свалился с лошади, обратив удивлённый взгляд голубых глаз к небу, а редкая бородёнка его тряслась, словно мёртвые губы всё ещё силились договорить слова молитвы...

Мелиссину со спутниками спасла неопытность апулийцев и малодушие катафрактов — ромеи на поле начали сдаваться. Какой-то кавалларий торопливо сбросил шлем и отшвырнул меч, истошно вопя о милосердии.

— Ради Пресвятой Девы! — пронесся крик.

Пример трусливых заразителен, и скоро хвалёная ромейская конница обратилась в толпу изнемогших, отупевших людей, сохранивших только одно желание — жить!

Отдельные катафрактарии прорывали окружение и уходили. Широкой полосой смещалась битва в сторону

моря, и на всём протяжении взрытая копытами земля впитывала кровь, и множество мертвых тел остывало на ней.

Лишь теперь пропели трубы — копейщики и щитоносцы стройными рядами двинулись на лангобардов, понёсших большие потери. Ромеи наступали с флангов, мечи медленно перемалывали человечину — богини победы и удачи, отвернувшиеся было от православного воинства, вновь с интересом поглядывали на него.

— Уходим! — крикнула Елена, с трудом отрываясь от страшного зрелища.— Все живы?

— Да все вроде,— выдохнул Котян, управляясь с трофейным конём.

За лесом, за холмами открылась виа Аппиа Траяна — прямая, как стрела, дорога, мощённая плитами из травертинского камня.

— Зачем вот мы бросились в обход лангобардов? — терзалась Мелиссина.— Это был не риск, а безумие!

— Но ты же сама нам приказала! — растерялся Котян.

— А зачем ты меня послушал? — набросилась на него женщина.— Видишь же, что глупости говорю! Надо было по-своему сделать, правильно!

Малость обалдевший печенег оглянулся на посмеивавшихся булгар, но не рассердился на Елену, надувшую губки, а вздохнул:

— Да какое там «правильно»... Я ведь уверен был, что лангобардов сметут в одно мгновение! Видывал я атаки катафрактов, видывал... Тараном бы прошлись по бунтующим, перелопатили бы всех, как навоз! А оно вишь как...

— Ладно,— Мелиссина тоже испустила вздох,— впредь будем умнее. И осторожнее. Ходу!

И пятёрка конных поскакала по гладкой виа к Беневенту.

Дорога уцелела не везде — лангобарды потихоньку разбирали её на хозяйственные нужды. Добывать камень и обтесывать его они не умели, а тут готовые плиты — бери, не хочу. И брали. Разбирали прекрасный языческий храм — и складывали церковь-уродца, церковь-нелепи-

цу, кривобокую, перекошенную, неуклюжую. Частенько эти новоделы заваливались, погребая неумелых зодчих, но иных архитекторов уже не было... Перевелись, ибо крах империи означал и гибель цивилизации.

Елена не слишком интересовалась историей, и воспоминания о славе римской не щекотали её тщеславие. Она выросла с сознанием, что ромеи и есть римляне, продолжатели великих дел предков. Ведь вокруг неё сиял великолепием Константинополь, Второй Рим, «Город-Царь»! И только в Италии к женщине пришло понимание того, что истинное величие минуло безвозвратно, что оно отделено от неё веками варварства и давно кануло в Лету. Ромеи — потомки не римлян, а греков, приневоленных цезарями, а ныне они тщатся в жалких потугах соответствовать былой царственности, которую постигло забвение.

Впервые это тоскливое ощущение разрыва и утраты Елена почувствовала в Беневенте, когда проезжала под триумфальной аркой Траяна, когда огибала заброшенный амфитеатр, где во время óно бились гладиаторы и ревели толпы народу, а ныне паслись козы; когда пересекала реку Сабато по великолепному каменному мосту. А сама дорога? Виа Аппиа тянулась от Рима до самого Брундизия, главного порта империи, и добраться по ней из конца в конец можно было за пару недель. А император Траян проложил еще одну дорогу от Брундизия до Беневента — через Бариум, спрямив путь и ускорив прибытие дня на три. В ту пору вдоль виа непрерывной чередой тянулись милевые столбы, через каждые десять миль путников и всадников ждало место отдыха — с гостиницами, с почтовыми станциями, где вам меняли лошадей, а сейчас...

А сейчас даже не все столбы уцелели, а уж о гостиницах и речи не шло. Больше всего на обочинах сохранилось гробниц — гробниц в виде алтарей, в виде пирамид, башен, колонн, катакомб, столбов. Когда спутники разбивали лагерь в укромном месте и натягивали шатёр, Елена отправлялась бродить среди древних могил, с трудом разбирая эпитафии.

«Аталий Серран Рабирий, отпущенник Г. Аталия Серрана, маргаритарий со Священной Дороги. Путник, остановись и посмотри на этот холм слева, там находятся кости человека доброго, любящего, милосердного, честного и бедного».

«Клавдий Секундин. Не грусти ни о чём!» «Помпония Виталина умерла на ложе любви»...

...Они ехали по благословенной земле Кампании, как и прежде осиянной солнцем, «Счастливой Кампании». Как и века назад, на востоке лиловела зубчатая линия Апеннин, сияло солнце, зеленели склоны пологих холмов. И под этим солнцем, среди этой зелени лежали руины великой эпохи. Елена проезжала мимо обрушившихся гробниц и развалившихся стен, лишь кое-где встречая заброшенный, необитаемый дом, мимо оград, заборов и плетней, мимо развалин Капуи, сто лет тому назад захваченной сарацинами, а ныне лежавшей в запустении. И лишь однажды прошлое ожило — милях в тридцати от Рима, на станции «Три харчевни», которую, бывало, нахваливал Цицерон.

Проехали Синуэссу и Минтурну, миновали Таррацину и Аррицию у подножия Альбанской горы, и вот виа Аппиа уткнулась в ворота Св. Себастьяна, знаменуя конец пути и прибытие в пункт назначения. В Рим.

— Подъезжаем! — оживилась Елена.

Прежние квадратные башни в стене Аврелиана, фланкирующие Аппиевы ворота, кто-то надстроил башнями круглыми и снабдил зубцами. Вероятно, тот самый, кто дал воротам имя Святого Себастьяна.

Размеры Вечного города поражали даже издали, и Мелиссина взбодрилась, надеясь быть потрясённой чудесами и диковинами.

Стражники у ворот, молодые и нагловатые, хором отпускали комплименты Елене, зачастую весьма сомнительного свойства, но женщина не обижалась на италийскую несдержанность, и Котян перестал хвататься за меч.

Виа Аппиа продолжалась и за воротами, ныряя под акведук Антонина, который снабжал водою исполинские термы Каракаллы, раскинувшиеся неподалёку, на трёх уровнях. Но и тут Елену ждало разочарование — стены бани, некогда отделанные мрамором, ныне краснели кирпичной кладкой, кое-где разобранной до бетонной сердцевины.

— Давайте посмотрим, что там,— предложила посланница.

— А что там? — с любопытством спросил Котян.

— Это баня, вроде Зевксиппа [1].

— Такая здоровенная?!

— Да! — гордо ответила Елена.

Когда же они подъехали к термам, она поняла, что гордиться особенно нечем,— колоссальные своды терм кое-где уже были провалены, и солнце играло лучами на остатках мозаик из порфира и жёлтого нумидийского мрамора. В лучшие времена солнце в термы заглядывало через огромные полукруглые окна, бронзовые переплёты которых были заделаны тонкими пластинами полупрозрачного гипса цвета слоновой кости, дабы ровный золотистый свет заливал залы, где любой римлянин мог бесплатно поплескаться в бассейне с горячей водой, принять ванну, размяться в гимнасии, почитать в библиотеке, пообедать или заглянуть к обученным проституткам. Теперь же драгоценные полы были усеяны мусором, и только хриплое мявканье бродячих кошек пускало эхо в великой пустоте, размером своим сравнимой разве что с собором Св. Софии.

— Идёмте отсюда,— вздохнула Елена.

В молчании они проехали остаток Аппиевой дороги до старых римских стен, сложенных Сервием Туллием. За ними дорога пролегала будто в ущелье из высоких зданий — с дверьми и окнами, но с обрушившимися крышами. Говорят, что прежде на римских улицах не было зелени. Что ж, теперь тут всё пошло в рост — из руин вымахива-

---

[1] *Зевксипп* — крупнейшая баня в Константинополе.

ли стройные кипарисы и кривоватые пинии, похожие на зонтики, а ограды, щербатые стены домов перевивал тёмно-зелёный плющ, символ забвения и печали.

— Ну и акведуков у них! — воскликнул Органа, плетью указуя вперёд, где дорогу, ставшую улицей, пересекали многоярусные водопроводы Аппия и Марция. Кое-где их стройные аркады были разрушены, а обломки лежали огромными грудами, уже поросшие кустарником. Да и на самих акведуках прорастали молодые деревца.

— Когда-то тут жил миллион человек,— вздохнула Елена, глядя, как по разваленной арке акведука Марция стекает водопадик, наполняя маленькое озерцо.

— Ничего себе! — выдохнул впечатлённый Тарвел.— А теперь сколько?

— Не знаю,— равнодушно ответила Мелиссина,— тысяч тридцать от силы...

Они провели коней краем озерца, по сути — огромной лужи, до Большого цирка, и видом, и величиной похожего на константинопольский Ипподром, и свернули на широкую улицу Патрициев. Каменные плиты, коими она была вымощена в незапамятные времена, давно скрылись под слоем земли, и великолепная улица больше напоминала деревенский просёлок с пыльными колеями, набитыми в густой траве. Патрицианскую улицу с обеих сторон зажимали ряды домов, редко где целых, в основном развалившихся до первых этажей, а кое-где и вовсе чернели пустоши — места старых пожарищ. Выморочный город...

Однако именно здесь Елене встретились первые жители некогда многолюдной столицы — тяжёлая повозка, запряжённая шестёркой лошадей, проезжала со стороны Колизея, полная нарядных гуляк,— двое молодых людей распевали, две девушки смеялись, а усатый и хмельной возница расслабленно улыбался, не погоняя упряжку, а лишь направляя её.

Молодые люди обратили внимание на красивую женщину, и Елена тотчас же решила воспользоваться этим преимуществом пола. Подъехав поближе, она громко спросила на латыни:

— Приветствую вас, но не знаю, понятен ли вам мой язык?

— Кто же в Риме не знает латыни? — воскликнул усатенький молодчик в грубой рясе.— А с кем я имею удовольствие разговаривать?

Мелиссина сделала знак Котяну, и тот выехал вперёд.

— Мою хозяйку зовут Елена Росена[1],— сказал он,— она весьма знатная дама и едет поклониться святым местам.

— А сам-то ты кто?

— Печенег.

— Печенег?! В первый раз встречаю печенега, говорящего на языке Овидия!

— Можно подумать,— звонко воскликнула одна из девушек, светленькая, в простенькой медной диадеме,— ты их вообще когда-либо встречал!

Все, сидевшие в повозке, рассмеялись. Елена тоже улыбнулась и забросила крючок:

— Я хотела бы снять подходящий моему положению дом. Не подскажете ли, где мне найти такой?

— Обязательно подскажем! — заверил её усатенький монашек, бросая пылкие взгляды.

— И покажем! — добавил ревниво его товарищ, мирянин с козлиной бородкой.— Эй, Алагис, поворачивай!

Возница не сразу сообразил, чего от него хотят, и потом ещё долго катался по улице туда и сюда, пока не развернул повозку.

— Я знаю один хороший дом возле Септизодия! — громко сказала светленькая.— Настоящий дворец! Год назад там проживал Фароальд Носатый, а зимой его жена Ивантия померла, и он отъехал, оставив сторожить моего дядьку. Дом просто чудесный, вам понравится!

— Посмотрим,— улыбнулась Елена.— Поехали! Кстати, как зовут моих новых провожатых?

— Я — Ильдерик! — стукнул себя в грудь усатенький.— Слуга Господа, замаливаю грехи родителей в монастыре Святого Германа.

---

[1] *Росена* — Русская (Эльгой Росеной ромеи называли княгиню Ольгу).

— А я — Адемар, сын консула Зотто,— представился козлобородый.

— Алоара,— мило улыбнулась светленькая, поглядывая на булгар.

— Берта,— томно произнесла чёрненькая.

— Поехали!

— А это кто? — послышался громкий шёпот Алоары.— Тоже печенеги?

— Сарацины они,— со знанием дела сказала Берта.— Видишь, какие у них тюрбаны?

— Это булгары,— улыбнулась Мелиссина.— Органа. Тарвел. Куверт.

Она называла имена своих спутников, а те по очереди склоняли головы. Алоара была просто очарована.

Ехать пришлось недолго, Септизодий находился почти что рядом — высокое здание в три этажа, украшенное колоннадами. В нём никто никогда не жил, а вот неподалёку обнаружился старый римский особняк-домус. Домус прятался в запущенном парке, гулять по которому было невозможно,— старые деревья давно попадали, устроив бурелом, а молодая поросль заполнила собою все просветы, включая аллеи. Одичавшие розы и виноградные лозы заплели стволы и мраморные статуи, полуразрушенные гроты и пересохшие фонтаны. Кованые решетки ограды были уворованы столетия назад, но теперь и сам парк охранял подступы к дому лучше всяких частоколов.

Все — приезжие и местные — отправились к дому пешком. Заметив, что Елена идёт налегке, Берта удивилась.

— А где же ваши вещи? — спросила она.— У знатной дамы должно быть много нарядов!

Елена улыбнулась.

— Откуда же я могла знать, что носят в Риме? — сказала она.— Что это на тебе?

Берта посмотрела на своё платье до пят, огладила его руками:

— Это сюркени.

Так называлась женская разновидность котты, плотно облегавшая грудь. Поверх неё девушка надела сюр-

ко — безрукавку с разрезами по бокам и такую же длинную, как котта, а хрупкие плечи Берты прикрывал легкий плащ с серебряной застёжкой-фибулой на плече.

— Я прихватила с собой столу на выход,— сказала Елена,— это такое платье, принятое в Константинополе, но мне бы не хотелось выделяться...

— А ты мне покажешь? — загорелась Берта.

— Ну конечно! Только уговор: ты поможешь мне купить то, в чём ходят в Риме, и научишь правильно одеваться.

— Согласна! — радостно ответила девушка.

Мелиссина пригляделась к ней. В Берте смешалась кровь последних римлян и лангобардов. Вполне возможно, что в роду её отметились и гунны, и вестготы, и вандалы. Нет, империя не рухнула в одночасье, пав под ударами варваров. Триста лет подряд римляне приваживали полудиких соседей, мирились с ними за деньги, узаконивали их веру. Великий Рим менялся, подлаживаясь под инородцев, пока не превратился в варварское государство, быстро распавшееся на уделы — опять-таки, в полном согласии с законами нахлынувших орд. Изнеженные, слабые римляне уступили место здоровым и сильным, крепко сжимавшим меч и распятие...

Елена вздрогнула от посетивших её грешных мыслей и перекрестилась.

— А вот и сам дом! Правда, красивый? — воскликнула Берта, указывая на глухие стены, украшенные портиком с колоннами. В высокой стене глаз замечал лишь малюсенькие окошки размером с кошачий лаз, а сверху выступала красная черепица.

— Дядя Радельхис! — позвала Алоара.— Дядя Радельхис! Ты где?

— Здесь я, чего кричать зря...— послышался ворчливый голос, и из-за колонн портика вышел сгорбленный человек с лысой головой и седыми усами, такими длинными, что свисали ему на грудь.

— Привет, дядя Радельхис!

— Алоара, ты, что ль?

— Я, я! Вот тут одна знатная дама, она приехала на богомолье, хочет снять дом!

— Да ну? — удивился Радельхис.— А деньги-то у ней водятся?

Елена сделала знак Котяну, и тот небрежно сунул руку в заветный мешочек, выгребая и ссыпая обратно позванивавшие номисмы. Это тоже было сделано специально и возымело эффект — Радельхис мигом подобрел.

— Раз такое дело,— прокряхтел он, с великим трудом разгибая спину,— то заселяйтесь! Много не возьму... пару золотых, мм?

Печенег тут же передал ему требуемую сумму — сторож и вовсе растаял.

— Живите! — сказал он.— Дом хороший, родовое гнездо самих Квинтиллиев!

Елена пересекла тёмный вестибул и ступила в атриум — маленький внутренний дворик, загаженный и замусоренный. Пыль, грязь и прелая солома толстой коркой покрывали пол. Там, где ходили чаще, мусор был разбросан и открывал выщербленную мозаику — угадывался цветущий куст, кувыркавшийся дельфин, некто в тоге и со свитком в руке. Тени былого блеска...

Посреди атриума, в растрескавшейся оградке имплювиума — декоративного бассейна, лангобарды устроили открытый очаг. Рядом, в маленькой комнатке, хранились дрова.

Качая головой, Елена прошла в таблинум — парадную комнату, потолок которой был расписан амурами и венерами. Гениталии у томных Венер были исчирканы и расколупаны наконечниками копий. Таблинум был проходной комнатой, за ним открывался перистиль — еще один внутренний дворик, окруженный крытой галереей на колоннах. Здесь тоже был имплювиум — из него устроили поилку. Слой засохшего навоза покрывал пол — видать, скотину держали. Но давно — вонь почти исчезла. Елена вздохнула. Дальше, за перистилем, должен быть садик с беседками. Дверь туда была заколочена досками, но вряд ли она сильно ошибётся, если предположит, что сад давным-давно сменился выгоном...

— Отлично,— сказала Мелиссина,— этот дом мне подходит. Только здесь надо всё убрать, навести чистоту, поставить мебель...

— Позволь и мне помочь,— вызвался Адемар.— Я пришлю парочку-другую наших рабов, они тут всё отмоют до блеска!

— Превосходно,— улыбнулась Елена.— Я принимаю твою помощь. И... Если уж вы так добры, то не подскажете ли, где я могла бы отыскать умелую служанку?

— А я вам не подойду? — лучезарно улыбнулась Алоара.— Вы не подумайте чего, я к работе привычна. Наш род не знатен и не богат...

— Как всё устроилось на диво! — искренне сказала Мелиссина.— Ты мне подходишь, Алоара!

Адемар не подвёл, прислал-таки четырёх сметливых рабов, и те быстренько навели порядок в доме Квинтиллиев — отскребли грязь, отмыли всё, отчистили. А Ильдерик окропил все углы святой водой.

Елена не пожалела денег, выданных патриархом, и купила кровать и стол из бронзы работы древних литейщиков, развесила повсюду посеребренные светильники с молочного цвета колпаками из алебастра, расстелила ковры армянские и ширазские — домус сразу приобрёл жилой вид.

Но не в этом заключалась основная работа тайной посланницы. Почти всю неделю Мелиссина разъезжала по Риму, а ее булгаро-печенежский эскорт вовсю сплетничал о хозяйке, разнося слухи и дразня любопытство обитателей города, некогда являвшегося центром мира, а ныне неотличимого от заштатного городишки. Тарвел с Котяном, бегло говорившие на латыни, небрежно живописали, каким потрясающим богатством всегда была окружена их госпожа, как вращалась она в великосветском обществе эмиров и шейхов, ханов и шахов, королей, герцогов и прочих отмеченных регалиями властителей. Котян с ностальгией вспоминал глазурованные купола Багдада, причудливые колоннады Альгамбры, сказочную

роскошь Священных Палат, а Тарвел вздыхал о редких яствах и винах, доступных лишь халифам — и слугам Елены, этой таинственной богачки, ослепительно-красивой и загадочной женщины.

Надо ли говорить, какие толки и пересуды вызвала Мелиссина в римском высшем обществе!

И вот, под конец первой недели в Риме, к Елене прибежала запыхавшаяся Берта. Вытаращив глаза, она выпалила:

— К вам с визитом направляются Марозия, дочь Теофилакта Тускулумского, патриция и сенатрисса, супруга короля Уго Арльского! Да, и ещё сестра её, Теодора-младшая!

Мелиссина, прихорашивавшаяся у зеркала, спокойно спросила:

— Уго? А мне говорили, что в Италии правит король Гуго.

— Ну, это мы так говорим — Уго. Ах, вы просто не представляете, кого будете принимать! Марозия — великая женщина! По сути, она правит Римом!

— Успокойся, Берточка,— улыбнулась Елена, расчёсывая волосы русским гребешком из моржовой кости.— Ну правит. И что? Я перевидала на своём веку столько правителей, что их не вместила бы эта вилла! Разве что с китайским императором не довелось свести знакомство, но это меня мало печалит. Алоара! Поможешь мне?

— Конечно! — подскочила девушка.

Мелиссина сбросила одежды и улеглась на кровать. Берта, хоть и будучи моложе, с завистью созерцала её совершенное тело, не изуродованное родами, не тронутое безжалостным временем. Да полноте, может ли смертная иметь столь гладкую кожу? Столь упругие ягодицы? А как высока, как туга её грудь! Как крут изгиб её бёдер, будто вторящий линиям драгоценной амфоры, полной жизни!

«А вдруг это дьявол в обличье женщины?!» — ужаснулась Берта. Да нет же, нет! Ведь только вчера Елена навещала папу Иоанна! Разве позволено Сатане войти под своды Латеранского дворца? Конечно же нет!

Прибежала Алоара и принесла с собой большой ларец, разгороженный на маленькие вместилища, откуда

выглядывали баночки, скляночки, флакончики, коробочки — походное хранилище для благовоний и мазей, спасающих красоту от увядания.

Алоара растёрла Мелиссине грудь и лицо настойкой крокуса, смазала волосы и веки экстрактом сладкого майорана, в кожу стоп и коленей втёрла отвар тимьяна с добавкой лепестков жасмина, ладони и плечи смазала миррой, а губы, шею и внутреннюю сторону бёдер растёрла розовым маслом и вытяжкой из цветов лотоса.

Полежав немного укрытая покрывалом, Елена, не спеша, оделась, накинув столу из голубого шёлка и обув мягкие меховые туфельки.

Солнце уже покинуло верхнюю точку полудня и здорово склонилось к закату, когда пожаловали гости — Марозия с Теодорой, в сопровождении массы прислуги и охраны. Елена вышла их встречать.

Теодора-младшая была моложе сестры, но и Марозия, возраст которой приближался к сорока, не выглядела на столько. Это была стройная, красивая женщина, из тех, что в юности выглядят простоватыми и страшненькими, но расцветают к тридцати, с годами всё полнее и ярче раскрывая свои красы, усиливая Евины чары. Марозию отличали пухлые, чувственные губы, изящный, прямой нос истинной римлянки и большие, широко расставленные глаза, в которых светились ум и юмор.

Теодора походила на сестру внешне, но вот внутренней силы и собранности Марозии ей недоставало.

— Приветствую владычицу Рима! — сказала Мелиссина.

Марозия откликнулась воркующим грудным голосом:

— Тогда и я приветствую вас в моих владениях.

Повинуясь приглашающему жесту Елены, сёстры вошли в вестибул, свертывая с себя тяжелые плащи и оставаясь в сюркени из драгоценных материй. Свиту увела Алоара — в людскую.

Заранее вызнав все тонкости местных ритуалов и обычаев, Мелиссина первым делом усадила гостий за стол, ломившийся от снеди. Марозия повела себя весьма

непринуждённо и утолила свой аппетит на славу. Заметив, что хозяйка не берёт мясо руками, а накалывает его двузубой вилкой, сенатрисса удивилась и заинтересовалась.

— А зачем так? — спросила она, кивая на вилку.

— Чтобы зря не пачкать рук.

— Дай я попробую!

Мелиссина протянула Марозии вилку, и та испытала её в действии, немало насмешив и себя, и Теодору с Еленой. Забрызгав весь стол, сенатрисса всё-таки обрела кое-какой навык в обращении с неведомым ей столовым прибором. Завязался лёгкий светский разговор ни о чем, потом женщины освоились и сменили тему, перейдя на мужчин. Мелиссина умело направляла разговор, подталкивая Марозию к речам о Гуго Арльском.

— Мужем я довольна,— сказала сенатрисса, щепетно беря пирожное,— это сильный человек, жестокий и властный, упорный в своих намерениях. Он единственный сын Теобальдо, графа Арльского, и Берты Лотарингской, дочери короля Лотаря II. Выйдя в графы, Уго был королем Нижней Бургундии, но тех земель и той власти было мало ему, он жаждал большего. И вот Уго короновали в Павии...

— Говорят, его призвал архиепископ Ламберт? — уточнила Елена.

— О,— усмехнулась Марозия,— этот поп — тот ещё пройдоха! Но и Уго палец в рот не клади — откусит всю руку по локоть! Если говорить правду,— приглушила она голос,— то Уго призвала и я. После смерти моего второго мужа Гвидо я отправила к Уго послов, передавших ему мои слова: приди и владей Римом — значит, и мной тоже. Спросишь, почему я вообще звала его? Отвечу — мне пришлась по душе его натура — где надо, гибкая, где надо — твёрдая. Уго милостив, но вот предателей не прощает, уничтожая их безо всякой жалости. Вот, был случай — двое судей Павии сплели против него заговор — Вальперт и Гецо по прозвищу Эверард. Сын Вальперта, Пётр, поставлен епископом в Комо, а дочь

его, Роза, вышла замуж за пфальцграфа Гизельберта. Уго детей не тронул, но отца их казнил, а Гецо изувечил. Вот так. Он расставляет своих людей повсюду, как фигурки при игре в затрикий [1]. Вот епископ Ильдин, скажем. Его изгнали из Льежа, а Уго устроил его епископом Милана...

— А монаха Ратера,— вставила Теодора,— сделал епископом Вероны.

— Верно,— кивнула Марозия.

— Лишь бы не забывал родных...— намекнула Елена.

— О, уж об этом он не забывает! А уж в женах его и любовницах и запутаться, право, нетрудно! Своего сына от Вандельмоды — Умберто — Уго сделал маркизом Тосканы и герцогом Сполето. Сын от Пецоллы — Бозон — стал епископом Пьяченцы. Да что там! Дочь Уго Альда вышла замуж за моего сына Альбериха II!

— Хорошая партия,— кивнула Елена.

— Безусловно,— согласилась Марозия и вздохнула: — Мне было бы совсем хорошо и спокойно, если бы Бог дал сыночку немного терпения и почтительности, убавив заодно строптивость его и великую гордыню. Альберих не выносит Уго, и любое слово отчима воспринимает как личное оскорбление. Боюсь, однажды это кончится очень плохо — им двоим тесно в Риме.

— Так ваш супруг нынче здесь?

— Да, он покинул сырую и холодную Павию, чтобы погреться на нашем солнышке!

Поболтав еще немного, Марозия с Теодорой собрались уходить. На прощание «владычица Рима» предложила Елене навестить их с мужем в замке Сан-Анжело, и Мелиссина с благодарностью приняла приглашение. Проводив могущественную и опасную гостью, тайная посланница с удовлетворением отметила: неделя прошла удачно. Теперь, по крайней мере, стало ясно, на кого делать ставку, кого именно ей нужно «разрабатывать»,— Альбериха II Сполетского.

---

[1] *Затрикий* — шахматы.

ГЛАВА 10,

в которой Север бьётся с Югом

Покуролесили варяги изрядно — весь берег амальфитанский словно притих в испуге. Ну, особо не зверствовали, и то ладно.

С отплытием, правда, припозднились — отчалили в разгар ясного утра. Семь лодий, пять галер-сандануров и две огнепальных хеландии покинули порт Амальфи и потянулись на запад, чтобы обогнуть полуостров Сорренто и выйти в Неаполитанский залив.

— Што-то знакомое чую,— нахмурился князь Инегельд.— Неаполь... Неа-поль. Неополис? Это што ж, вроде как «новый город»? Новгород, значит?

— Верно, Клык,— ухмыльнулся Олег,— Новгород и есть. Неплохо ты речь ромейскую усвоил.

— Ну-к, дело, чай, известное,— польщённо улыбнулся Боевой Клык.— Поди лет пятнадцать греческий язык на слуху-то!

Турберн Железнобокий, сидевший на месте кормщика у рулевого весла, что опускалось с правого борта «Пардуса», посадил за себя Тудора, сына Инегельда, и подошёл к стоявшим магистру и князю. Нервно потирая мозолистые ладони, спросил:

— Кабыть, пришла пора гелеполу сбивать-сколачивать?

— А то! — пробасил князь.— Сколотим, чего там... Ужо настучим неаполитанцам-засранцам, штоб впустили! Долбанём со всей мочи!

— Со всей дури! — хохотнул Турберн.

— Смена гребцов! — разнёсся трубный глас Карла Вилобородого.— Парус по ветру!

Тем временем хеландия «Грифон» прошла у лодьи за кормой, отбирая ветер, и этим тут же воспользовался «Финист» Вуефаста Дороги — стал обходить «Пардуса», пока не поравнялся с ним.

— Путём-дорогой! — гаркнул ярл Вуефаст, передавая привет по морскому обычаю.— Здорово, молодцы!

— Ваше здоровье! — радостно заорал Карл Вилобородый.— На все четыре ветра!

— Откуда боги несут?

— От Амальфи!

— А чего вы в той Амальфе забыли-то?

— Дык, ёлы-палы! Одной лимончеллы сколь выпили — страсть!

Экипажи обеих лодий грохнули одновременно.

Тут земля амальфитанская, что цвела и пахла по правому борту, ушла к северу, загибаясь оконечностью и открывая пролив между Сорренто и островом Капри.

— Кормчий, право руля! — скомандовал Вилобородый.— Табань правым бортом! Левый борт, поворот!

Весла справа погрузились, тормозя ход, и разбежавшаяся лодья стала неохотно заворачивать в пролив.

— А нас уже ждут, Клык,— сказал Олег, выпрямляясь.

Инегельд обернулся к носу лодьи и нахмурился — на лазурных волнах пролива, ближе к Сорренто, покачивались десятки галер. Их мачты были убраны, как то делается перед боем, и лишь кое-где полоскались стяги с фигурой Св. Януария, покровителя Неаполя. Заметив варяжские корабли, капитаны галер воодушевились, их протяжные крики переполошили подчинённых — вразнобой загудели барабаны, и сотни вёсел заблестели на солнце, загребая голубую воду.

Инегельд осклабился.

— Ла-адно...— протянул он.— Сами полезли? Ну-ну...

Карл Вилобородый зычно скомандовал:

— Спустить парус, крепить снасть! Мачту уложить! Брони вздеть!

Те же короткие приказы зазвучали на остальных лодьях маленького варяжского флота. Венецианцы на сандануах держались в стороне, а вот хеландии, на огонь которых рассчитывал Олег, затеяли странный манёвр — двинулись к западу, обходя Капри с юга.

— В тыл, што ли, выйти хотят? — поинтересовался Клык, натягивая кольчугу.

— Надеюсь,— процедил Сухов.

Прежние подозрения насчёт Иоанна Радина, подутихнувшие было, проснулись в нём с новою силой. Да и то сказать, не сами ж по себе навклиры хеландий сговорились, дабы варягов бросить в лихую годину! Или сговорились? Да ну, глупость какая-то... Может, струсили просто, да и дёру дали? А с чего бы им такими пугливыми вдруг стать, да ещё обоим сразу? И ведь никакой суматохи на палубах хеландий! Как шли они на запад, так и продолжают идти. В тыл выйти хотят? Архиглупо. Это он погорячился, версию князеву поддержав. Пока тот Капри обойдёшь, морской бой закончится давно. Господи, что же тут творится, на самом-то деле?!

Олег быстренько скинул сагий и облёкся кольчужным панцирем, сверху натянув стёганую эмилорику. А вот шлем он предпочёл варяжский — круглый, с нащёчниками, здорово похожий на те, что носили римские легионеры, разве что без гребешка.

— Биться будем? — тревожно спросил Пончик, едва совладая с кожаными ремешками доспеха.

— Будем,— усмехнулся Олег.— Куда мы денемся... Ты бы спрятался в трюм, что ли. Стрела, она, это самое, тоже дура...

— Ещё чего...— пробурчал Александр.— А раненым помогать кто будет? Ангелы небесные? Угу...

Сухов взвесил в руке ромейский щит-скутарион и отложил, выбрал круглый варяжский щит — этот, хоть и потяжелее будет, зато и понадёжней. Проверено...

Олег смотрел на приближавшиеся галеры без трепета — не остыв ещё после взятия Амальфи, он принимал новый вызов, испытывая не страх, а гнев. И ещё рос в душе азарт, коего вчера не ощущалось вовсе,— побитие амальфитанцев было просто грязной работой. Да и разница чувствовалась: вчера они сами нападали, а сегодня нападают на них.

Между тем на лодьях забряцало оружие — из трюмов споро доставали дубовые сундуки с мечами, объёмистые вя-

занки копий, луки да колчаны, набитые стрелами. Вооружались варяги, вооружались аланы, ясы, савиры, булгары — хватало воинственных племён на землях будущей Руси.

— А чего ты не командуешь? — спросил Пончик, ревниво оглядывая лодьи.— Ты ведь аколит! Угу...

Сухов хмыкнул.

— Вот высадимся,— сказал он,— и буду я аколит. А на море лучше наших ярлов не сыщешь бойцов. Зачем же им мешать своим чутким руководством?

Он снова проводил глазами хеландии, следовавшие вдоль южного берега Капри, и прищурился. Назойливые мыслишки не прекращали вертеться в голове. Неужто и впрямь Радин — тот самый главарь? «Пятый, который первый»? Если так, то понятно, почему огнепальные корабли бросили варягов,— друнгарий заметает следы, убирает свидетеля самым естественным образом — и чужими руками. Ведь семи лодьям противостоят три десятка неаполитанских галер — перевес, однако.

Хм. Что-то тут не сходится.

Главное же, что мешало Олегу, заключалось в следующем — простоватый друнгарий был ему чем-то симпатичен. Тем, наверное, что не лез в самую грязь придворных интриг, из-за чего оставался на вторых и третьих ролях, занимая посты ответственные, но скромные. Брезговал? Или же искусно притворялся? Поди разбери...

— Воздух! — крикнул Пончик.

Олег мигом вскинул щит на манер зонтика — десятки стрел, пущенных неаполитанскими лучниками, посыпались с неба.

— Щиты вверх!

Тяжелые стрелы на излёте задолбили по палубе, по воздетым щитам, втыкаясь в скамьи, в уложенную мачту, в борта.

Тут же загудели русские луки, тугие и убойные, креплённые моржовой костью и жилами оленя. Варяжские стрелы гвоздили воинов Неаполя, пробивая кольчуги и снося с ног. Хорошие ученики степных кочевников, русы оттягивали жильные тетивы и пускали стрелу за стрелой.

Пока на галерах спохватились и прикрылись щитами, добрый десяток солидариев пал на головы гребцам или свалился в море.

— Карл! — крикнул Сухов.— Следи за галерами! У них тараны в носах — поберегись!

— Не дождутся! — проорал Вилобородый в ответ.

— Слу-ушай! — вскинул руку светлый князь.— Идём на прорыв! Заходим этим в тыл, делаем разворот — и добиваем гадов!

— У-а-у-у! — завыли булгары с савирами.

Варяги заревели, добавляя к волчьему вою рык голодного зверя. Берсерков среди них не водилось, так что никто не портил зубов, изгрызая щиты, зато все как один были исполнены рвения. Гридь никогда не делилась на слабых и сильных, лишь на старых, опытных, посвященных, и на молодых, еще не прошедших посвящения. Ни один конунг, или князь, или хан не держал в дружине неумех, самого понятия «плохой воин» не существовало, разве что в смысле личного оскорбления. Всё было проще некуда — или ты воин, или ты его жертва, его добыча.

— Следить за небом! — протрубил Вилобородый.

— Па-ашли! — заревел Клык.

Гребцы налегли на вёсла. «Пардус» понёсся вперёд, намечая себе путь между двух галер. Довольно-таки ходкие, галеры плохо были приспособлены для манёвра — развернуться на месте или отплыть в сторону у них получалось с трудом.

Неаполитанцы ярились, не слишком понимая, куда так гонят варяги. Вероятно, они полагали, что противник просто спешит убраться с линии таранного удара,— и радовались, что русы сами спешат приблизиться к галерам. Солидарии торопились отстреляться, выпуская стрелы в упор. Закричал раненый алан Баттхар из рода Сахири. Ухватился за пробитое горло хазарин Янур.

Пончик тут же пополз оказывать первую медицинскую помощь, а Малютка Свен вскочил, подхватывая два копья. Взяв короткий разбег, «малышок» одновременно размах-

нулся и метнул оба копья. Левое пробило насквозь капитана, правое пригвоздило к борту кормчего.

Неаполитанцы взревели, а лодья всё летела и летела. На галере забеспокоились, стали уходить с курса «Пардуса», даже обстрел прекратили. Поздно!

— Суши вёсла! — прозвучала команда.

Лодья с ходу вошла в узкий промежуток между двумя галерами. Её острый форштевень, окованный медью, с треском ломал длинные, с широкими лопастями, вёсла галер, калеча и убивая гребцов.

Следом прорвались «Финист» и «Вий», остальные лодьи обошли неаполитанцев с фланга.

Солидарии бесновались, галеры стали неуклюже разворачиваться, собираясь броситься в погоню за проскользнувшими лодьями,— южане плохо знали варягов!

Прикрытые щитами побратимов, гребцы развернули лодьи кругом. Вёсла вспенили воду, а варяги затянули боевую песню, зловещую и тоскливую, такую, что мурашки по коже и волосы дыбом.

— Вперёд! — взревел Инегельд.— Готовь крюки! Никого не оставлять в живых! Всех — к рыбам!

Семь лодий, вспенив воду в развороте, набросились на галеры, уже поломавшие свой ровный строй. «Пардусу» достался «Святитель Николай», вместительная посудина на двести человек — и ни одного раба на вёслах. Гребли и бились вольные солидарии — бились за наличные, бились за жизнь — свою и тех, кто остался в Неаполе.

«Святитель Николай» успел развернуться, и «Пардус» сошёлся с галерой борт к борту. Полетели, разворачиваясь, крюки на цепях, впиваясь в трещавший фальшборт, стягивая два корабля в одно поле боя. Десятки галерных вёсел задрались вверх, чтобы не поломаться, и варяги использовали их как абордажные мостики, с воем и рёвом кинувшись на палубу «Святителя Николая».

Первыми перепрыгнули Боевой Клык и Малютка Свен. Оба держали в руках по две секиры. Инегельд с разбегу втесал топор в грудину мощному усатому солидарию. Справа занёсся меч — князь подставил вторую секиру,

лезвие ее скользнуло по клинку, срубая врагу кисть. Хороший пинок, и воющий неаполитанец слетел за борт.

Малютка Свен едва не попал под меч. Успев откинуться назад, он пропустил сверкнувшую сталь, маятником качнулся обратно и ударил секирой снизу. Готов!

Меч лёгок, его можно удержать в крайней точке выпада — и тут же нанести удар, а вот боевые топоры весьма увесисты, их «ведёт» на замахе. Секиру нужно разогнать или погасить набранную ею силу инерции и лишь потом ударить. Поэтому бойцам приходится постоянно «играть» топорами, описывая лезвиями восьмерки и дуги,— так легче орудовать этим страшным оружием, раскалывающим щиты и черепа.

— Всем кровь пущу! — ревел Малютка Свен, маша топорами направо и налево, круша врагов, как сухие чурки. «Малышок» счастливо ухмылялся, с головы до ног забрызганный кровью.

Олег особо не спешил броситься в гущу схватки, он высматривал слабые и сильные места, заодно приглядывая за соседними галерами. «Финист» и «Вий» справа сцепились с шестью или семью вражескими кораблями, и рубка там шла сумасшедшая, а «Семаргл» слева отвлёк на себя сразу четыре галеры.

— Пончик! — крикнул Сухов.— Всех раненых — в шатёр!

Александр, волокущий подстреленного Улеба Вепря, поднял голову и кивнул понятливо — шатёр на корме лодьи мог спасти хотя бы от стрел — покрывавшая его буйволиная кожа ссохлась и задубела до твёрдости крепкой доски.

А тут и Олег определился. Корма «Святителя Николая» медленно, но неуклонно очищалась от врага — шеренга варягов наступала на шеренгу неаполитанцев, мечи и секиры то и дело блистали на солнце, работая на убыль живой силы противника. А вот ближе к носу ситуация была куда тревожней — больше полусотни неапольцев окружили десяток варягов и наседали, стараясь пробиться за щиты и мечи.

Сухов обернулся на последний резерв — десяток аланов Исавара, сына Ситая из Фуста, ждал его приказа, потрясая кривыми мечами.

— Поможем нашим! — гаркнул магистр.— За мной!

Аланы радостно взревели и кинулись следом за Олегом на палубу галеры.

Сухов запрыгал, отталкиваясь то от твёрдой скамьи, то от мягкого тела убитого гребца, и с ходу наколол спину солидария, наседавшего на Боевого Клыка и усердно при этом ухавшего. Выдернув спафион, окрашенный дымившейся кровью, Олег мигом подрубил бочину неаполитанца в шлеме с султаном, а тут и аланы подоспели, навалились дружно.

— Ух и нарубили мы мяса! — проорал Клык, сжимая секиру двумя руками.— Ух и намололи!

Тудор, бившийся спина к спине с отцом, лишь осклабился, вовсю орудуя мечом.

— Где секиру потерял? — крикнул Олег, рассекая живот неаполитанцу без лат, но в богатом шлеме. Придерживая руками вывалившиеся кишки и пуча глаза, солидарий кувыркнулся в море.

— А вона!

Клык, наступив ногой на щит, в котором застряла секира, выдернул ее и указал полукруглым лезвием на соседнюю галеру. Там, обвиснув на рулевом весле, покоился кормщик. Из спины у него торчал топор, всаженный по самый обух.

Отбив щитом выпад слева, Сухов пронзил мечом неаполитанца, бледного до синевы, а обратным движением разрубил горло еще одному желающему стать кормом для рыб. И опустил меч — некого стало убивать. Варяги очистили палубу «Святителя Николая» от доброй половины солидариев, а остальные поспрыгивали в воду, уберегая жизни от ярости неистовых северян.

— Чистим дальше! — протрубил Боевой Клык.

Малютка Свен разбежался и прыгнул, занося секиры, на палубу соседней галеры, «Морского тигра», спешившей на помощь своим. Солидарии взревели, задирая копья, но Свен был не новичок, заработал как мельница смерти — секиры его так и летали, разрубая кости, разбрызгивая кровь.

Таран «Морского тигра», нацеленный на лодью, промахнулся, вошёл с грохотом и треском в скулу «Святителю Николаю».

Варяги повалили на палубу следующей галеры — уже отведавшие крови, но жажды убийства пока не утолившие. Они ломили, не замечая стрел, пронзавших руки, застревавших в боках.

Боевой Клык без устали кроил секирой, Ивор Пожиратель Смерти бился двумя мечами, Алк Ворон орудовал своим любимым копьём — на коротком древке, но с длинным наконечником, походившим на обоюдоострый клинок. Альф Убийца был невозмутим — сеял смерть, держа в одной руке меч, а в другой кинжал, и лишь изредка улыбался, когда умертвие удавалось достойным великого умельца. Стегги Метатель Колец бешено отбивался от наскоков сразу двух солидариев, удерживая равновесие на кромке фальшборта. Турберн Железнобокий экономил силы — увёртывался, отбивал вражеский клинок, отступал — и вдруг наносил молниеносный удар, поражая сразу и насмерть. Хурта Славинский потерял меч, но не растерялся — отмахивался обломком весла, как дубинкой, обращаться с которой был мастер. Фудри Москвич беспрестанно ругался, обрушивая на соперника поток самой чёрной и гнусной брани, и лишь изредка делал паузы — когда убивал одного солидария и переходил к следующему. Олав Лесоруб... Большеухий Актеву... Алдан Засоня... Асмолд Белая Сова... Вся дружина сражалась на своих и чужих кораблях, изничтожая врага всеми способами. И враг дрогнул. Не помогло неаполитанцам их численное превосходство — варяжская дружина на семи лодьях уже очистила десять галер и продолжала нести смерть еще на пяти палубах. И подданные герцога Неаполитанского стали отходить — полтора десятка низкосидящих кораблей вовсю работали вёслами, бросая товарищей на милость победителя. Но варяги не ведали милости...

Под занавес в бой вступили венецианцы — лучники с сандануумов, выстроившихся в линию, взялись обстреливать галеры, уходившие к Неаполю.

Витале Ипато, возбуждённый и встрепанный, оказался на палубе «Пардуса» одновременно с Олегом, покинувшим «Морского тигра»,— на галере остались одни «гасильщики», добивавшие раненых неаполитанцев, снимавшие с них доспехи и собиравшие оружие.

— У меня хорошие стрелки! — сказал Ипато.— Они привычны к мощным степным лукам и немного «проводят» неаполитанцев.

— Спасибо, Витале,— бросил Сухов и тут же прикрыл преордината щитом, отлавливая меткую стрелу, едва не лишившую дожа его верного слуги.

— Вам спасибо...— выдохнул венецианец.

— Не за что,— усмехнулся Олег.

— Кончаем эту карусель! — сипло крикнул Карл Вилобородый и закашлялся. Рука его, кое-как обмотанная окровавленной тряпицей, висела на ремне.

— Оружие соберите,— пробурчал Клык, уставший донельзя.

Князь сильно хромал, его поддерживал Тудор.

— А с лоханками ихними что делать? — долетел вопрос.— Может, днища прорубить к троллям?

— Убитых много? — вопросом ответил князь.

— Четырнадцать человек,— доложил Пончик, бледный, измотанный, вымазанный не своей кровью.— Угу... Раненых не считал еще.

— А здорово мы им врезали! — расплылся князь в улыбке.

— Дай ногу гляну,— подступил к нему Александр, протоспафарий и, по совместительству, врач.

— Заживёт! — отмахнулся Клык.

— Вот начнётся заражение, и всё тогда! — повысил голос Пончик.— Не в бою сгинешь, а сдохнешь от хвори, как старый трэль!

— Лучше не спорь, князь,— посоветовал Олег.

Инегельд поморщился и позволил врачу разрезать на себе штанину. Протоспафарий промыл рану и наложил повязку с пахучей мазью.

— До свадьбы заживёт,— пробурчал он.

Осталось последнее дело — печальный долг оставшихся в живых перед теми, кто ушёл к предкам. Гридни выбрали самую красивую да целую из захваченных галер — «Великомученицу Варвару»,— посбрасывали с неё трупы солидариев и начали укладывать на палубу, скользкую от пролитой крови, мёртвые тела своих товарищей. Всех их уложили рядом, сохраняя нерасторжимыми узы боевого братства, и запалили «Великомученицу Варвару» со всех концов, превращая галеру в погребальную лодью,— пускай возрадуются души убиенных воинов, пускай с дымом последнего костра вознесутся прямо на небо, в горние чертоги богов, и попируют на славу за одним столом с погибшими героями!

Очистив спафион от крови и слизи, Олег вложил его в ножны и уселся, откинулся к борту, ощущая ни с чем не сравнимое чувство облегчения после битвы — чувство убережения от смерти. Сколько раз лезвия мечей чиркали по его кольчуге! Однажды стрела задела оперением его нос, копьё вонзилось в палубу точно между ног — и ни царапинки! Видно, не исполнилась еще мера его дел, и не закончен путь. Бог хранит его...

...Отпылал погребальный костер — галера выгорела до дна и ушла под воду обугленным остовом. На лодьях подняли паруса, гребцы расселись по скамьям тягать вёсла. Кольчуг и шлемов никто не снимал, а на заново поставленные мачты подняли красные щиты — знаки войны, предупреждавшие: «Иду на вы!»

ГЛАВА 11,

из которой доносятся удары тарана и свист niglaros

Олег сидел, прислонясь к борту, слушал скрип вёсел, мощные выдохи гребцов, плеск воды, расходившейся от

форштевня, и старался не двигаться — солнце не палило, но грело заметно, а когда на тебе рубаха, поддоспешник, кольчуга и эмилорика, взопреть — не проблема.

Сухов снял шлем и меховой подшлемник, пригладил взмокшие волосы. Нет ничего хуже, чем париться в теплынь.

— Ты бы снял эмилорику,— посоветовал Пончик.— Угу...

— Ну уж, скажешь тоже...— лениво проговорил Олег.— Эмилорика не только удар меча гасит, она ещё доспех прикрывает от солнца. Иначе он раскалится, и буду я, как цыплёнок в духовке, медленно жариться в собственном соку...

— Какой-то ты усталый,— сказал Александр, хмурясь.— Или озабоченный. Ты из-за тех хеландий?

— Да нет... Хеландии... У меня такое ощущение, что их навклиры выполняют чей-то тайный приказ, но пока не слишком в том преуспели. Да и тролль с ними, со всеми... Меня другое тревожит, Понч.

— Что?

— Я. Я сам. Помнишь, как мне горелось в Ладоге? Как я жилы рвал, лишь бы в люди выбиться, достичь положения жаждал? Тогда я пылал энтузиазмом, всё мне было интересно, у меня дух захватывало при виде куполов Константинополя — в тот мой первый приезд, вернее, наезд. Я любил страстно, будто жил на земле последний день, я бился яростно, словно от исхода боя зависело всё, а ныне что-то ушло из моей жизни — потускнело восприятие мира, я без восторга наблюдаю за новыми местами, даже к сражению отношусь спокойно, как к работе.

Пончик важно покивал.

— Ничего нового с тобой не происходит,— сказал он со снисхождением,— ты просто повзрослел, вот и всё. Угу. Знаешь, пора бы уж! Ты, может быть, и не заметил такого пустяка, а только мы оба четвёртый десяток разменяли. Угу... Думаешь, я сам не жалею о мироощущении юнца, когда всё перед тобой сияет и переливается? Знаешь, отчего это? Когда ты юн и глуп, гормон допамин впрыскивает-

ся тебе в кровь помногу, а теперь ты в возраст вошёл, и допамина стало меньше. Понял? Наверное, природа полагает, что, коли ты набрал ума, то получаешь от этого удовольствие и подпитывать тебя гормоном — лишнее. Угу.

Я бы ещё подумал, что это у тебя кризис среднего возраста развился, но уж больно гипотеза нелепа. Кризис, он для тех, кто дожил до наших лет — и ничего не добился, даже неудач не претерпел. Вот и маются такие — знают же, что жизнь не вечна, а как достичь высот, не истратив на это годы? Но тебе-то маета не пристала — Олег Романович Сухов добился всего в этой жизни. Ты богат и знатен, тебя любит прекраснейшая из женщин. Какого тебе ещё рожна?

Олег помолчал, а затем очень серьёзно сказал:

— Понч, ты помнишь, как нас в десятый век перекинуло? В один момент одну нашу жизнь зачеркнуло, а другую мы начали с чистого листа. И больше всего на свете я боюсь, что это однажды произойдёт снова. Нет-нет, я не схожу с ума от страха, и лишь изредка меня, бывает, окатит холодком — вдруг опять эти сиреневые сполохи да синий туман? И что тогда? А если рядом не окажется Елены? Если я не успею ухватить её и прижать к себе? Или успею, но нас с тобой перебросит чёрт-те куда, вернее, чёрт-те когда, а она останется тут? Что мне делать тогда? Как жить? Для чего и для кого? Ладно, не будем об ужасном, может, всё уже утихло, и мироздание смирилось с существованием пришельцев из века двадцать первого в веке десятом. Ну а ты сам смирился с этим? Только честно? Ты правильно сказал — я многого добился. Да и ты не на обочине здешней жизни, верно? Но можешь ли ты признаться, что полностью, стопроцентно, вжился в этот мир? Я вот не могу. Я продолжаю думать и чувствовать как человек из будущего. А что в том времени значат все мои достижения? Меньше, чем ничего! Кому в 2007-м нужен магистр и аколит? Да и не в этом дело... Для меня настоящее осталось там, за тысячу лет от этой поры, и я прекрасно понимаю — мне никогда не стать своим здесь, я обречён быть чужаком. Постоянно, постоянно я пытался и пытаюсь сбли-

зиться с тутошним человечеством, но я не могу принять его обычаи без оговорок. Нам с тобой удалось перевоплотиться, мы, как народные артисты, играем свои роли, но меня лично всегда донимает одна и та же мысль, одно и то же ощущение — это именно игра, игра в жизнь. Одежда, что на мне,— театральный реквизит, а бои местного значения — ролевая постановка, а сцена — это весь земной шар, который тут считают плоским кругом...

— Жизнь — театр, а люди в нём — актёры,— картинно выпростав руку, продекламировал Шурик.— Угу... Что тебе сказать? Не парься! Угу...

Неаполитанский залив был красив как на картинке — голубая гладь. А на заднем плане поднимался конус Везувия. На его фоне, у самого подножия коварного вулкана, сгрудились дома Неаполя — узкие улицы сбегали с высоких холмов к морю. Проведённые по римским правилам, улицы делились на декуманусы, шедшие с востока на запад, и на кардисы — эти тянулись с севера на юг. Правда, долгая эпоха варварства внесла свои коррективы в чёткий план — иные улочки никуда уже не вели или заводили в глухие тупички, появилась и масса кривоколенных переулков.

Город окружали серые лавовые поля, а там, где лежали пласты пепла, зеленели сады и виноградники.

Олег внимательно рассматривал наплывавший пейзаж. Боевой Клык, сопевший рядом, вытянул руку в направлении маленького островка, соединённого с городом узкой насыпью. На острове глыбились развалины укреплений.

— Это што там такое? — спросил он.

— Кастель-дель-Ово,— ответил Сухов,— «Крепость яйца». Её снесли в прошлом веке, чтобы не досталась сарацинам. Ты хотел там высадиться?

— Думал. Всё ж таки укрытие.

— Кстати, да... Нет, лучше встанем лагерем у моря, прямо напротив города. Пусть видят, что нам не страшны

его защитники. Тут-то всего тыщ тридцать прописано... проживает, и сколько из них тех, кто способен держать оружие?

— Держать меч маловато будет,— ухмыльнулся Клык,— им ещё владеть надо.

— Вот именно.

— К берегу!

Лодьи и сандануны причалили в порту Неаполя. Напротив поднимались крепкие стены города. На башнях вовсю курились костерки под чанами с водой и смолою, бегали туда-сюда воины, готовясь к отражению штурма.

У причалов покачивались брошенные галеры и с полсотни кораблей купеческих да рыбацких. Всё ценное, включая паруса, с них убрали, готовясь к тому, что варяги пожгут суда. Не тут-то было — грозная этерия не учиняла поджогов. Варяги поснимали с неаполитанских кораблей все мачты и реи, используя их для сооружения частокола. Широкую букву «П» начертали дружинники, выкапывая ров, набрасывая вал и укрепляя прочный тын — надёжную защиту шатров и кораблей.

Двумя часами позже приступили к выгрузке разобранной гелеполы, виней и плутей. Винеи больше всего напоминали маленькие бревенчатые домики под двускатными крышами из сырых кож, разве что в них отсутствовали две стены. Перетащишь на себе один такой домик, как улитка свою ракушку, да к самой крепости, а потом ещё один к нему пристыкуешь, третий, четвёртый, пятый, да хоть десятый — и получится у тебя этакая крытая галерея, по которой можно подобраться к самой городской стене, и ни одна стрела тебя не заденет, ни она капля смолы на тебя не упадёт. Правда, осаждённые могли сверху каменную глыбу уронить... Ну так что же? На войне как на войне. Убитых похоронят с почестями, а вместо разрушенной винеи притащат другую, целую.

Эта придумка древних стратегов Турберну Железнобокому очень понравилась, а вот плутеи вызывали у варягов громкий, жизнерадостный смех. Конструкция плутеи проста, как ложка,— это был большой плетёный или до-

щатый щит, обтянутый кожей. Таскать такой не получится и вдвоём, да плутею и не таскают, а ставят на два колеса и катят — это и веселило варягов. Но веселье не мешало им сколачивать всё новые и новые плутеи — уж больно здорово оказалось идти на штурм крепости прикрытым с головой. Выглянешь из-за щита, выстрелишь из лука или, там, из пращи, и обратно — шмыг!

А вот к гелеполе варяги отнеслись с должным почтением. Одни литые колеса чего стоили! А брусья каркаса? А толстенные лесины для обшивки стен? А тяжелые стопки сырых воловьих кож? Нет, осадная башня впечатляла даже в разобранном виде. Сгрузили с сандануров и парочку хайробаллист, стрелявших не шибко тяжёлыми ядрами, но бивших далёко и точно.

Ближе к обеду началась сборка гелеполы — на виду у неапольцев, и без того истерзанных страхами.

Гелепола не была для италийцев внове. Ее надо было подкатывать почти вплотную к крепостным стенам, долбить их тараном и баллистой, устроенными на разных ярусах осадной башни, а с верхней площадки перекидывать мостик на зубцы. И вперед, на штурм! В давние времена сооружались колоссальные башни в девять этажей, а двигали этакую громаду три с лишним тысячи воинов. Аппетиты Олега были куда скромнее.

Для гелеполы решено было засыпать ров напротив юго-западных ворот, выходящих к порту, сверху уложить доски-лесины, а по линии движения вбить колья, окованные железом, чтоб было за что цеплять канаты. Тянут-потянут варяги за кожаные тросы, подтянут гелеполу шагов на пять ближе к городу и давай крепить канаты за следующий кол. И снова: «Эй, ухнем!» Осадную башню, поставленную на колеса, будет несложно придвинуть вплотную к стене Неаполя. Несложно, хотя и невероятно трудно, однако прилагать усилия варягам было не привыкать.

Дружина Олава Лесоруба пригнала на работы местное население — бедных виноградарей и хлеборобов заставили копать землю, а тем, кто побогаче был, то бишь имел лошадей, приказали мешки с землей грузить на те-

леги и подвозить к осаждённому городу. Бегом, согнувшись в три погибели, варяги перетаскивали тяжелые мешки и сбрасывали в ров.

Осаждённые не раз и не два пытались помешать их трудам, но савиры и булгары, известные лучники, обстреливали стену из-за плутей, пресекая попытки сбросить на винею бревно или огромный валун.

Собирали осадную башню в перестреле от крепостной стены — в русском, понятное дело, перестреле. Италийским лукам на столько шагов не добить.

Варяги под чутким руководством Железнобокого уже сколотили из бруса тяжелую раму и сейчас крепили стояки откосинами, чуток заваливая столбы внутрь,— стены гелеполы будут наклонными. Над местом сборки стоял гомон голосов.

— Клади пластью!

— Да куды ж?

— Да сюды!

— Клони, клони... Ещё... Стой! Крепи!

— А сверху чем? Лесин мало.

— А горбылём!

— Да ну... Неказисто получится...

— А тебе что, невесту сюды вносить?

— «Гуляй-поле» на один раз, больше — зачем?

— Заноси!

— Готов венец! Давай пол набивай, а то и стать негде!

— Левее! Еще маленько!

— Доски-то пилёные, смотрю...

— Ништо, «гуляй-поле» — не лодья, не набухнут! [1]

— Топор мой где?!

— Алвад вроде взял!

— А я с чем буду?! Алвад! Ворочай топор!

— У тебя ж ишо есть!

— А это мой любимый!

— Гвозди где?

[1] Для строительства лодий применяли исключительно колотые доски, рубленные топором, — такие хуже впитывали воду, нежели пилёные.

— Вон, сзади!

— Подбей чуток... Во! В самый раз!

Олег поднял голову, окуная лицо в лазурное, беспримесно чистое небо. Солнечный круг докатился до середины пути и грел кожу полуденным теплом. Хорошо!

Ночью на стенах Неаполя продолжали гореть костры и факелы, но вылазок гарнизон не совершал — и правильно делал. А на следующий день труба пропела: «На штурм!»

Варяги в полутьме гелеполы ухали придушенно и кряхтели, налегая на рычаги. Звонко шпокали храповички, и железные колёса, медленно проворачиваясь, тащили на себе осадную башню. Ещё на пядь, на вершок, на аршин ближе к стене, что слева от Морских ворот. Ворота находились между мощных восьмиугольных башен, против которых гелепола оказалась бы бесполезной — легче было стену дырявить.

Пара крепких канатов из моржовой кожи со скрипом наматывалась на блоки — сотня самых дюжих варягов тягала тросы, подтягивая гелеполу.

— Стой! — заревел Карл.— Перецепляемся!

Канаты ослабли, двое варягов, пыхтя, сняли петли с одного кола, вбитого в землю, и натянули на следующий, показавшийся из-под передней стенки гелеполы.

— Олег, ты идёшь? — крикнул Боевой Клык, сгибаясь под низким потолком.

— Порядок! — сказал Олег, спускаясь со второго яруса, где стояла небольшая, но довольно мощная баллиста.— Видите черту на лесинах? Вон, под ногами? Для вас наковыряли. Держитесь ее, чтоб не съехать...

— Да уж...— пропыхтел Хагон Ворчун, налегая на рычаг.— Такую дуру хрен тогда сдвинешь!

— Ништо! — бодро откликнулся Ярун из Хольмгарда, подлезавший к бойнице, прикрытой щитком.— Идёт как по маслу!

— По салу! — прохрипел Вилобородый.— Вся душа изболелась! Вкусноты — пропасть, и всё на смазку!

— Я тебе лично окорок куплю,— улыбнулся Олег,— в лучшей лавке за той стеной.

— Лады!

Олег хлопнул ярла по необъятной спине и вылез из гелеполы — задняя стенка у неё отсутствовала. Тудор тут же загородил магистра и князя огромным щитом-мантелетой, вообще-то рассчитанной на двух человек, но для русского медведя вполне сподручной.

— Хорошо ребята прут,— заметил Инегельд.— Што твои волы. Неужто и впрямь расколупаем?

— Должны,— твёрдо сказал Сухов.

Они дошли до нейтральной полосы и высунулись из-за мантелеты. Влево и вправо уходили мощные стены, раздвинутые ещё более могучими башнями. Но сейчас, когда гелеполе оставались считаные шаги до кирпичной кладки, укрепления больше не казались пугающе неприступными. Грозная стенобитная махина надвигалась на стену медленно и неотвратимо, лишая защитников веры в победу. Скоро, очень скоро гелепола подберётся вплотную, и страшный таран пойдёт долбать отличный римский кирпич.

Защитники Неаполя и сами это разумели, но помешать варангам не могли. Пытались, но ничего путного у них не выходило — русские и савирские лучники держали этот участок стены под перекрестным обстрелом.

«Штурмовики» пока отдыхали. Тяжелая пехота «стояла в очереди» и болела за своих, игравших со смертью на чужом поле. «Наши» вели. Три или четыре раза неаполъцы достреливали до осадной башни пудовыми камнями, но русы строили крепко — ярусы лишь слегка потрескивали, да гул проходил по перегородкам.

— Сиятельный! — подскочил Слуда Хмырь, длинный, тощий, угловатый, но стрелок Божьей милостью.— Тут какой-то мужик к тебе!

— Мужик? — недовольно нахмурился Олег.

Слуда подвел маленького человечка, расхристанного, потного, белолицего, с красным унылым носом. Приоткрытый рот с неуверенной полуулыбкой. Просящие глаза деревенского хитрована.

— Тут такое дело, ваше сиятельство,— зачастил человечек на худой ромейской речи,— я вам тут мешки с землёю возил... ничего не скажу, все чин чинарем... а только лошадку мою... того... каменюкой оттудова,— он вильнул в сторону города,— зашибло насмерть. А я ж не виноват! А куды ж мне, безлошадному-то?

— Это правда? — спросил Олег у Хмыря.

— Было такое,— подтвердил Слуда,— перешибло его кобылу ядром, сломало хребет животине. Ну я и прирезал ее, чтоб не мучилась...

— Ага, ага...— часто кивал мужичок.

— И хороша была лошадка? — спросил Сухов у него.

— Да как сказать...— замялся мужичок.— Не царских кровей, конечно, но послушна...

— Заплати ему двенадцать номисм,— велел Олег.— Лошади здесь дороги.

Отмахиваясь от благодарностей осчастливленного мужичка, он вернулся к прерванному занятию — быть зрителем на премьере постановки «Осада Неаполя». Начиналось действие второе, с батальными сценами. Гелепола заняла позицию, почти вплотную придвинувшись к городской стене, тяжёлый литой таран раскачали на цепях, и вот прокатился первый удар, тупой и гулкий. Сыпанула кирпичная крошка. Второй удар. Третий... Повисла, поплыла облачком ржавая пыль.

— Зря ты столько мужику этому отдал,— проворчал жмотистый Клык.— С него и номисмы хватило бы...

— Не жадничай,— улыбнулся Олег,— подумай лучше. Этот мужик всем же рассказывать станет, какие варанги щедрые. Соседи его сравнивать нас станут со своими господами, мироедами да скупердяями. А придет им нужда выбирать, кого они поддержат — родимых жадюг или чужих благоносцев? Понял?

— Умно,— оценил князь.— Но все равно жалко. Э, опять он здесь! Чего тебе? Ещё одна кобыла сдохла?

Олег обернулся — перед ним стоял давешний проситель, подсмыкивая грязноватые брэ. В одном кулаке он

сжимал платочек с номисмами, а другой протягивал скрученную грамотку.

— Вам велено было передать,— робко сказал мужичок,— а я и запамятовал на радостях...

— Кто велел?

— Не нашенский. Ромей, вроде вашего сиятельства. Тоже в таком... в такое обряжен, и плащ на нём золотом выткан, всё орлы да кресты... Две стрелы схлопотал он, помирал уже. Я-то думал, помер он, хотел было плащик... того... ну, чтоб не пропал зря, а тот живой ещё. Передай, говорит, магистру Олегариусу пергамен сей. Ну, я и взял...

Олег развернул жёсткий пергамент и прочёл:

«Патрикий и друнгарий флота Иоанн Радин шлёт привет магистру и аколиту Олегариусу, сыну Романа. Во имя Господа нашего, Иисуса Христа, сиятельный, прибудь на остров Искья с сотней воинов, дабы защитить православных инокинь тамошнего монастыря, разрушенного сарацинами, что поставлен блаженным Фокой Пизанским на берегу Разбойничьей бухты. Ради всего святого, препроводи невест Его в безопасное место, накорми и устрой. Дромон „Феодосий Великий" прибудет за ними позже и перевезёт в Тарент».

Вот только инокинь мне ещё и не хватало для полного счастья, подумал Сухов. А может, это ловушка? Вопрос остаётся открытым: враг ли ему Радин? Он ли тот самый главарь? Или его излишне пылкое воображение питается ошибками да нелепицами? В любом случае придётся проверить — сходить на эту Искью. Хотя бы для очистки совести. Вдруг взаправду инокини? Молодые? Красивые? Ждут спасителя и ноги ему целовать готовы? И не только ноги...

— Акила! — рявкнул Олег. Подбежавшему варягу он показал на мужика и отдал приказ: — Допросить. Денежку ему оставь.

— Понято!

Длинный Меч уволок побледневшего крестьянина. Возился он недолго и вскоре привёл допрошенного обратно — изрядно помятого, в ссадинах и кровоподтёках, с рукою, висевшей плетью. Другая рука тискала узелок с монетами, сжав его мёртвой хваткой.

— Вроде как правду говорит,— доложил Акила.— Наши съездили к этому в деревню — тут рядом, нашли того ромея в канаве. Деревенские уже раздели его догола. Ну, мы одёжу-то отыскали — всё как у тебя, сиятельный, только этот... как бишь его... сарака... сакара...

— Скарамангий,— подсказал Сухов.

— Во-во! Этот самый. Так он цвету зелёного с красным.

— Протоспафарий, значит. Один он был?

— Вот уж нет! Ещё, говорят, четверо его сопровождали, да все куда-то подевались. Такие вот дела.

— Ладно... Спасибо, Акила.

— Рады стараться! — осклабился варяг.

— Слуда! Выдай этому убогому ещё двенадцать номисм и гони отсель!

— Сделаем, сиятельный...

...С сухим, колким грохотом посыпались битые кирпичи. Из-за стены Неаполя взвились дымные хвосты, и два сосуда с нефтью разбились о гелеполу. Но корчащийся огонь бессильно стек в ров, не взяв сырые кожи, наколоченные на стены осадной башни.

Варяги деловито готовились к штурму — вязали длинные лестницы, заготавливали тугие вязанки хвороста, набивали колчаны стрелами про запас, оправлялись в кустах и подкреплялись у походных кухонь. За стенами лагеря натягивали огромный шатер госпиталя. Пончик гонял помощников — лубки заготавливать, перевязочный материал кипятить и сушить, травы вываривать.

Настал вечер, опустились синие сумерки. Зажглись первые звёзды. Но не осенило Неаполь ночным покоем.

Множественный шум осады, складываемый из человеческих голосов, звона стали, конского ржания, перехлестывал через цепи укреплений и достигал городских улиц, мучая жителей страхом и гоня сны.

Гелепола долбила стену с перерывами. Подолбит-подолбит и перестанет. Выждет, пока осажденные успокоятся, и давай по новой: дррум, дррум, дррум... Неаполитанцам это действовало на нервы. А пара хайробаллист множила тревоги, добавляя к жесткому ритму гелеполы надсадный вой хитро обтесанных ядер. И поди угадай, из какой области небес они рушатся тебе на голову!

Олег усмехнулся, наблюдая за батальными сценами, и пошагал к лагерю. Надо было обсудить с Клыком детали экспедиции на Искью. Осада сегодняшним днём не кончится, с текучкой найдётся кому разобраться. А вот ему не мешало бы развеяться — и рану заодно попарить. Говорят, на Искье полно горячих — и зело целебных! — источников, бьющих из-под земли. Прекрасная выйдет физиопроцедура...

Отправились пополудни на «Пардусе». Карл Вилобородый остался при гелеполе, выделив для похода полусотню Акилы Длинный Меч. Князь Инегельд добавил пятьдесят воинов во главе с Тудором, так и составилась приятная компания.

До изумрудной Искьи лодья добежала часа за два. Райское местечко — и словно отражение Неаполя: и там и там высился вулкан. Гористые склоны острова заросли соснами, ниже располагалось царство каштанов и одичавших цитрусовых, а ещё кактусов, вздумавших цвесть.

— Выглядит как необитаемый,— поделился мыслями Пончик.

Олег молча кивнул. Узкие песчаные пляжи, окаймлявшие Искью, желтели нетронутой гладью, нигде ни дымка, ни звучка.

Где искать Разбойничью бухту, варяги выпытали у рыбаков — догнали их тартану, сдуру вышедшую в море, и учинили допрос. Несчастные рыбари выложили всё, что знали,— о подходах к бухте, об ориентирах на берегу, о глубинах. Когда их тартану оставили в покое, до Олега

донеслись голоса, квартетом исполнявшие благодарственную молитву...

— Вона та самая скала,— указал подбородком Клык,— про которую давеча бородатый сказывал. И вершинка раздвоенная имеется, и пещерка над водой. Сворачиваем!

Лодья плавно развернулась, входя в потаённую бухточку. Её песчаный берег сходился клином и продолжался узкой долинкой, поднимавшейся в гору и густо поросшей сосняком.

— А вона и крест! — удовлетворенно сказал князь.

На берегу из песка выглядывал грубо обтёсанный каменный крест, немного покосившийся, словно указывавший одним концом своим на еле заметную тропку, уводящую в заросли. Лодья описала полукруг, огибая отмель, обозначенную крестом, и пристала к берегу в глубине бухты.

— Пошли, поищем монашек! — ухмыльнулся Боевой Клык, спрыгивая на берег.

— Чтоб не обижали никого,— предупредил Олег, соскакивая следом.

— Што ж мы, звери какие...

Небольшой отряд, человек двадцать, отправился по тропинке вверх, забираясь на довольно крутой склон. Солнце уже садилось, и тени протягивались длинные, а в лесу густел сумрак.

Потом тропинка перевалила на плоскую вершину, и до ушей Олега донеслось громкое шипение, сменившееся утробным клокотанием.

— Это што ещё за зверь? — замедлил широкую поступь князь.

— Дракон? — тревожно спросил Малютка Свен, перехватывая секиру поудобней.

Шипение быстро усилилось до рёва и затихло, переходя в басистое харканье.

— Точно, змей,— кивнул Ивор.

— Наверное, всех монашек пожрал,— сожалеющим голосом сказал Тудор.

— Должен вас разочаровать,— проворчал Сухов.— Драконы тут не водятся. Это ключи такие, горячие, из земли бьют.

— Да ну...— недоверчиво протянул Свен.

— Точно тебе говорю!

Деревья поредели и открыли каменистую пустошь, подтверждая слова аколита,— из щелей в скале там и сям били струи кипятка, крутился пар, булькала вода в лужах. Варяги, изготовившиеся со Змеем Горынычем биться, были слегка разочарованы.

— Нету и не надо,— измолвил князь.— Сплошная морока с этими драконами... Вы мне лучше скажите, где тут монастырь? Я лично даже развалин не замечаю! Али сарацины его с собой унесли?

Олег почувствовал глухое раздражение — опять его надули! Да сколько ж это можно...

— Возвращаемся,— сухо сказал он.— Прочешите лес в той стороне, гляньте с высоты, и назад.

Битый час варяги обшаривали скалы и рощи, но никаких следов богоугодного заведения так и не обнаружили.

Возвращались не спеша. Олег всю дорогу ломал голову над тайнами, которые ему уже порядком обрыдли, но так и не пришёл ни к каким выводам. Правду ли говорил тот мужичок, что грамотку ему передал? Не подослан ли он? Хм. Вряд ли от Акилы много утаишь... А если Радин и вовсе ни при чём, просто кто-то неизвестный прикрывается именем друнгария? Ведь приказать Олегу более некому — доместику схол он не подчинён, да и Радина волен ослушаться. Но не ослушался же, исполнил приказ-просьбу в точности... Кто же это воду мутит постоянно? И зачем? Чтобы пришибить Олега? Опять-таки, чего для? Вернее, почему? Нет, главное — кто? Кому так не люб магистр и аколит? Тому самому главарю, нераскрытому и непойманному? Или тут скрыта совсем иная причина? Тьфу ты! Кажется, физиопроцедуры отменяются...

Выйдя на берег, Сухов остановился неподалёку от креста. Ему стало понятней, почему его услали на Искью,— у выхода из бухты покачивались на якорях обе пропавшие хеландии. А потом дико засвистели niglaros.

ГЛАВА 12,

из которой доносится гогот победителей и стоны побеждённых

Олег ощутил прилив жестокой ярости — как же они его достали!

Темнело быстро, и даже багровые отсветы заката не красили воды бухты — крутые склоны прятали заходящее солнце. Хеландии виднелись зловещими чёрными тенями, как вдруг заревел пирекбол на «Грифоне», и огненная струя облила каменный крест.

— Отходим! — крикнул Сухов, одним скачком выходя из круга света, отбрасываемого горящим перекрестием.

Навклир «Св. Георгия Победоносца», плохо видимый в свете факела, поднёс ко рту медный рупор и проорал:

— Сдавайтесь! Сложите оружие, снимите одежды и выходите по одному к кресту!

Князь Инегельд, набрав побольше воздуху в могучие лёгкие, проорал навклиру такие пожелания, что будь рядом монахини — попадали бы, бедные, в обморок.

Биение жидкого огня ослабло, он пролился на воду, но не потух — закачался на мелкой волне оранжевыми языками пламени.

— Берегут, гады, огонь-то,— процедил Тудор.

— До «Пардуса» им не достать,— рассудил Инегельд,— далеко больно...

Тудор хмыкнул.

— Бать, а что мешает им подплыть?

— Цыц! Что мешает... Камни подводные мешают!

— Так их же тут нет!

— Балда! Им-то откуда знать?

Варяги отошли к лодье. Их товарищи, остававшиеся на борту, тоже спустились на берег. Отсюда хеландии вообще видно не было — терялись корабли ромейские на фоне прибрежных скал.

— Значит, так,— веско сказал Олег.— Мы перед императором чисты, ибо выполняем его приказ в точности. На хеландии засели то ли предатели, то ли дураки, обманутые предателями. Следовательно, они враги — и нам, и базилевсу. А если враг не сдается, его... что?

— Уничтожают! — храбро заявил Пончик.

— Правильно! Времени у нас мало — станет светло, и хеландии приплывут сюда, чтобы сжечь лодью. Вода тут чистейшая, дно за двадцать локтей видно...

— «Пардуса» я не брошу! — нахмурился Турберн.

— Значит, сгоришь с ним вместе! — вывел Акила.

— Я так не согласен,— замотал головой Малютка Свен.— Лучше в лес уйти и оттуда напасть!

— Можно подумать,— улыбнулся Ивор,— они тебя близко подпустят. Спалят лодью — и уйдут.

— А зачем? — удивился Пончик.— Смысл в этом какой? Ну спалят. И что? Мы-то спасёмся! Ну поживём тут денёк-другой, а потом за нами вернутся — «Финист», «Вий», «Семаргл», да все! Да мы же этого навклира хренового поймаем и распнём!

Варяги расхохотались над словами развоевавшегося врача.

— Кстати, да. Ты прав, Понч,— задумался Олег.— Чего-то мы недопонимаем... Вот что. Ивор и ты, Свен, дуйте обратно наверх и подберитесь к берегу. Осторожно только — там обрыв. Гляньте, далеко ли до хеландий.

— Задумал што? — сощурился Клык.

— Ежели сверху копьё метнуть потяжелее да пробить сифон, а потом факел туда метнуть...

— ...Рванёт так,— возбуждённо закончил Пончик,— что вся Искья вздрогнет!

Инегельд крякнул от удовольствия.

— Это мне нравится! — ухмыльнулся Свен.

— Вы ещё здесь? — сдвинул брови Олег.

— Мы уже там!

Ивор с «малышом» растворились в зарослях, как лесные духи.

— Ежели ночь темна будет,— проговорил князь, соображая,— можно попробовать тихохонько выйти в море промеж хеландий...

— И не надейся, Клык. Вон, луна восходит. Скоро тут всё засеребрится.

На хеландиях между тем разгорелись факелы, высвечивая мачты, фигуры воинов-эпибатов, крестовины фальшборта, похожего на балконные перила.

— Да тут и без луны светло,— проворчал Турберн.

Олег пристально следил за шаткими тенями на борту хеландии.

— Помнишь, Турберн,— спросил он,— как мы пытались крепость Баку из-под воды взять?

— Ну? — насторожился Железнобокий.

— Ничего у нас тогда не вышло, поскольку нас там ждали.

— Ну?

— Что — ну? На хеландии-то нас никто не ждёт!

— А-а...— стало доходить до Железнобокого.

Тут из леса донёсся шум, треск, и на берег выскочили Ивор и Свен — следопыты известные, способные пройти неслышными тенями. Видать, спешили.

— Там...— выпалил Малютка и задохнулся.

— Там корабли сарацинские! — договорил за него Ивор.— Десяток стоит у самого входа в бухту! Заураки и накаиры. Нам отсюда их не узреть, а вот те, на хеландиях, видят их прекрасно!

— Ах, вон оно что...— протянул Олег, светлея.— Так тут, получается, двойное предательство! Выходит, навклиры в сговоре с арабами... Ага... Ромеи, значит, запирают бухточку, а сарацины нас режут. Или вяжут...

— Это ещё неизвестно, кто кого будет резать! — пробурчал Инегельд.

— Князь, сарацин на десяти кораблях не меньше тысячи, а нас — сотня всего,— терпеливо сказал Сухов.— Мы им, конечно, вломим, как следует, но это тебе не амальфитанцы дохлые, это пираты Сабира!

— И что ты предлагаешь? — разозлился Клык.— Сдаться?!

— Ещё чего...— спокойно сказал Олег.— Ивор, ты не заметил, какая хеландия ближе к берегу стоит?

— «Грифон». Со скалы если глянуть, хеландия как раз внизу. Свен ещё хотел каменюку кинуть, да я не дал.

— И правильно сделал. Вот что, князь. Ты, я знаю, хвалился, что гарпуны в зверя морского метать умелец?

— А то! — приосанился Клык.— На моржей хаживал, на кита даже — я с лодьи так ему втыкивал — гарпун на полдревка уходил в тушу непомерную!

— Вот и славно. Тогда отправляйся с Турберном наверх и возьми с собой парочку самых тяжелых копий, вроде рожонов, а лучше три, чтоб с запасом, обмотайте их только паклей или что тут у нас есть, и всё масло из фонарей на них потратьте, чтоб горело ярко и в падении не гасло. Задача ясна? Только Ивор сову изобразит, кидай со всей мочи копьё, да выцеливай сифон медный, что в носу,— луна его как следует выбелит.

— Эт можно!

— А ты, Железнобокий, как он копьё метнёт, сразу своё швыряй следом, для верности.

— Подожги только,— вставил Акила.

— Поговори мне ещё,— проворчал старый воин.— Потопали, князюшка, проведу тебя на гору.

— Сам дойду.

— Потопали, потопали...

Малютка Свен, провожавший взглядом уходивших, повернул голову к Олегу и спросил:

— А мы?

— А мы искупаемся, малышок. Сплаваем на «Святого Георгия Победоносца», подержимся за навклира, погутарим...

— А потом?

— Суп с котом.

Магистр и аколит выбрал пятерых, самых умелых и годных для заплыва — Ивора, Акилу, Воиста, Свена и Фудри. Сам Олег был шестым в этой «сборной по плаванию».

Раздевшись догола, с ножами в руках, они вошли в воды бухты, стараясь не плескать, и поплыли вдоль тёмно-

го берега. Луна уже серебрила склоны, но Разбойничья бухта лежала в непроглядной тени.

Вода была не тёплой, но и не холодной — терпимой. Держа нож в зубах, Олег плыл, еле загребая, чтобы не выдать себя, ибо попасть под дождик из «греческого огня» у него не было желания.

Плавание его утомило — сказывалось ранение,— но дух был бодр. И зол.

Прямо перед ним, словно морской дьявол, вынырнул Ивор и прошептал:

— Мы со Свеном кормой займёмся.

— Лады. Навклира не убивать, он мне живым нужен.

— Понято.

— Я на нос. Навклира ведите туда же и сами подгребайте.

— Ага...

Пожиратель Смерти бесшумно скрылся под водою и показался уже под самой кормой хеландии, хватаясь за рулевое весло.

К борту прибрёл сонный ромей. Стянув штаны, он отлил и вернулся досыпать. Олег снова поплыл, пока не уцепился за якорный канат.

Кое-как взобравшись по нему на носовую палубу, где тускло отсвечивала ощеренная труба пирекбола, он присел в тени и коснулся купола сифона. Котёл был горяч, адская смесь в нём булькала и шипела.

Тут на озябшего Сухова снова пахнуло теплом — это открылся люк в хозяйство сифонистов. Наверх, подсвеченный огнем из топки, выбрался хмурый Михаил.

Олег бесшумно поднялся, зашёл сифонисту со спины. Одной рукой прикрыв Михаилу рот, другой приставил нож к горлу.

— Тихо! — шепнул он.

Сифонист понятливо закивал.

— Я ничего не понимаю, сиятельный,— почти неслышно заговорил он,— мы всю ночь простояли на Капри, пока не дождались посла от Сабира, этого пирата, а потом все вместе двинулись сюда...

— А тут и понимать нечего. Навклир — предатель, и я поступлю с ним как с предателем. Хочешь разделить его участь?

— Я не трус! — яростно зашептал Михаил.— Но я лучше сдохну, чем стану Иудой! Прикажи только, сиятельный, и я этого навклира своими руками задушу!

— Тише, тише... Верю. А Евлогий?

— Мы оба — морские стратиоты [1], из одной деревни. Евлогий мне как брат!

— Тогда слушай меня внимательно. Будешь выполнять только мои приказы...

Тут из люка показалась голова Евлогия, и Олег с Михаилом вдвоем приложили пальцы к губам: никшни, мол, и чтоб ни звука!

— Сиятельный! — расплылся тот в улыбке.— Ну наконец-то! А то я уж думал на берег отсюда плыть!

— Всё с вами ясно. Сколько людей на борту?

— Да где-то с сотню будет. На «Грифоне» — все полторы.

— Ясненько... Тогда так. Раскочегаривайте свой сифон, а трубу разворачивайте к палубе. Если по-хорошему не поймут, будем действовать по-плохому.

— Так не видно же...— слабо возразил Михаил.

— Это мы исправим. Скоро.

Из темноты возникли двое — Ивор в чёрном сагии на голое тело шагал рядом с навклиром в скарамангии. Лицо командира корабля застыло, тело выгнулось, и Олег понял, что Пожиратель Смерти добивался от навклира послушания, уперев нож в область печени.

— Садись, навклир,— ласково произнёс Олег,— потолкуем о том о сём.

Ивор усадил капитана, дружески похлопал его по плечу и переместил остриё ножа к жирной и потной шее.

— Зря ты это, сиятельный,— прохрипел навклир.— Я исполняю приказ очень и очень большого человека...

— Ах, большого... Большего, чем базилевс?

---

[1] *Стратиот* — военный поселенец, которому давали надел земли за службу в армии или на флоте.

— Я этого не говорил!

— Как твоё имя?

— Фе... Феофан.

— А не Иуда? — донёсся шёпот из люка.

— Ты растапливай, Михаил, растапливай,— улыбнулся Сухов.— Так вот, Феофан. Сейчас только от тебя зависит, будет ли эта ночь последней в твоей паскудной жизни, или же она продлится до завтра, до послезавтра и так далее. Ты — предатель, и я имею полное право повесить тебя...

— За яйца! — подсказал Михаил.

— Можно и так,— зловещая ухмылка исказила лицо магистра и аколита.— А можно и за шею. Или за ноги...

— И чтоб башка над костерком! — глухо донесся совет от сифониста.

— Ты не понимаешь,— заскулил навклир,— я просто не мог отказаться, нельзя было не выполнить приказ...

— Приказ кого?

— Феоклита Дуки, доместика схол!

— Ах, вот чьи тут уши торчат...— обрадовался Олег.— А я на другого грешил. Зря. Феоклит, значит... Славно. Вот уж кого я вздёрну с удовольствием! Надоел он мне. Так, ладно...

По одному к носу вышли Фудри и Свен. Акила и Воист забрались на палубу по канату.

— Все здесь? Михаил, как там?

— Готово! — доложил сифонист.

— Тогда... Ивор, ухай совой — пора!

Пожиратель Смерти с удовольствием изобразил ночного хищника — уханье разнеслось по-над бухтой, откликаясь эхом от скал. Олег задрал голову вверх, стараясь разглядеть фигуру князя на круче, но это ему не удалось.

Копьё мелькнуло бесшумной молнией, небесным Перуном. Едва наконечник пробил крышку котла, как вверх с рёвом забил белесый гейзер, вспыхнул — и колонна голубого огня высветила всё вокруг — хеландии, лодью, смутные силуэты арабских накаиров да заураков. И тут же дикий рёв сменился раскатом грома — всю носовую

полупалубу «Грифона» вывернуло наизнанку, в щепки раздирая борта и форштевень. Теперь уже алое пламя рвануло во все стороны клубящимися фонтанами, и волна жара накатила на «Св. Георгия Победоносца».

Грохот стих, только заполошное эхо металось от склона к склону. Половина «Грифона» полыхала и шипела, погружаясь в воду. Лужа горящего «греческого огня» расплывалась, вылизывая борта хеландии, и над нею взвились крики ужаса и отчаяния — экипаж дружно повалил на корму, стремясь успеть покинуть корабль и отплыть подальше от смертоносного пламени.

Экипаж «Св. Георгия Победоносца» тоже заметался спросонья, но тут засвистели niglaros, и голый Олег загремел на всю палубу:

— Всем бросить оружие — и за борт! Считаю до трёх! На счёт «три» поджарим вас из сифона, как жирных поросяток!

Кивнув Евлогию, он поднёс факел к пирекболу.

— Раз! Два!

Ромеи запрыгали за борт без энтузиазма, не до конца веря угрозе.

— Три!

Евлогий нажал рычаг, с утробным гудением рванулся газ, полыхнул шагов на десять голубой вспышкой — и на палубе не осталось ни одного человека, всех как сдуло. А Евлогий тут же отжал рычаг, и пламя, пыхнув разок, потухло. Но темнее не стало — «Грифон» разгорался всё сильней.

— Где там наши? — проворчал Сухов, чувствуя усталость и холод.

— Идут!

В оранжевых отсветах показалась лодья. «Пардус» приблизился к «Св. Георгию Победоносцу», и Олег крикнул:

— Прыгайте сюда ещё человек двадцать! Отгоним лоханку в порт!

Варягам только скажи... Два десятка мореходов мигом перескочили на палубу хеландии, спотыкаясь о брошенное оружие.

— Уходим!

Олег развернул к себе навклира Феофана и от души врезал ему кулаком в челюсть. Навклир без звука полетел за борт.

— Зря ты,— пожурил его Ивор.— А казнить?

— Ничего,— утешил друга Сухов,— я кое-что получше казни придумал.

Хеландия развернулась и медленно потянулась из бухты. По правому борту забелели корабли сарацинов. Их головы в чалмах смутно выделялись в потемках. Олег прокашлялся и заговорил на арабском, надеясь, что его ширванский акцент не будет им резать слух:

— Правоверные! Вы явились сюда за рабами — мы их вам дарим! Там, в бухте, плавает две сотни крепких и безоружных молодцев! Забирайте их всех и славьте щедрость Халега ибн Романуса!

Сарацины сперва издали недоверчивый ропот, потом послышалась яростная перебранка, а ещё позже флагманский накаир направился в бухту. За ним двинулся другой, третий, четвёртый... Пиратов было в достатке и, наверное, не в одной разбойничьей голове мелькнула мысль о нападении на лодью, но хеландия с её сифоном усмиряла злодейские порывы — ни одному арабу не хотелось поджариться на «греческом огне».

Пираты, гребущие и высматривающие обещанную добычу, помалкивали, зато подняли крик ромеи, не желавшие быть проданными на невольничьем рынке.

— Как голосят! — расплылся в улыбке Ивор.

— Аж сердце радуется! — поддержал его Малютка Свен.

— Князя-то хоть не забыли? — спохватился Олег.

— Туточки мы! — проорал с лодьи Инегельд.— Ну ты и придумал, аколит! Вот это потеха! Вот это я понимаю!

— Курс на Неаполь! — скомандовал Сухов, улыбаясь.— И дайте мне что-нибудь надеть, холодно же!

Оставляя Искью по правому борту, лодья и хеландия легли на курс.

А в Неаполе всё было по-прежнему. Долбила стену гелепола, на её верхней площадке время от времени появлялись лучники и обстреливали неапольцев на соседней привратной башне, чтобы тем неповадно было пакости устраивать. Винеи за ненадобностью убрали, а вот плутей не было видно. Надо полагать, их укатили с собою те из варягов, кто тревожил защитников города со стороны Южных ворот и с севера, где к стенам подходил акведук Серино.

А вот в лагере царил полнейший порядок — дружинники, любившие побезобразничать в захваченных городах и весях, за своими частоколами сохраняли строжайшую дисциплину. Шатры выстроены в линеечку, дорожки ровные — бугры срыты, ямы закопаны. Это не было подобием немецкого орднунга, просто в бою ничто не должно отвлекать воина — ни камень под ногами, ни плохо завязанные шнурки на сапогах. Когда всю жизнь сооружаешь лагеря в походах, поневоле запомнишь, куда бежать по тревоге. Стоят палатки параллельно и перпендикулярно, значит, даже в темноте не заплутаешь. Это был тот самый случай, когда точно знаешь, где можешь упасть,— и подстилаешь соломки.

«Св. Георгий Победоносец» и «Пардус» медленно вплыли в узкое пространство между галерами-сданумами и лодьями. Варяги сразу зашумели, подхватились, забрякали вёслами, укладывая их на Т-образные козлы. Прибыли!

Сойдя на берег, Олег прежде всего умылся, потом переоделся в чистое и сухое. Решив подкрепиться, он направился к котлам, подвешенным к треногам над кострами, что висели на цепях и булькали, распространяя ароматы толокна, заправленного мясом и луком. Но не судьба ему было вкусить вкусной и здоровой пищи — затрубил рог дозорного.

Бранясь, Сухов кинулся к частоколу — верхней перекладине буквы «П», обращённой к городу. Ещё не выглянув наружу, он понял причину тревоги — страшный скрип пудовых петель разнёсся над берегом — это открывались Морские ворота Неаполя.

Тяжёлые, толстые створы расходились над узким каменным мостом, переброшенным через сухой ров. В тени проёма Олег разглядел наполовину поднятую решетку-катаракту — и толпу воинов, с криками и воплями ринувшихся на мост. Каждый из бойцов нёс по факелу, а то и по два.

— Вылазка! — проревел Инегельд.— Акила! Ты слева! Тудор! Жми справа!

Неапольцы всей толпой вынеслись за ров и разделились — одни бросились к гелеполе, другие к лагерю. Отряд, что кинулся к осадной башне, встретили бойцы Тудора. Они теснили горожан ко рву, во всю мочь работая мечами и секирами.

Те же из неаполитанцев, кто напал на лагерь, дружно метнули факелы через частокол, стараясь докинуть их до лодий.

Варяги, отдыхавшие после ночного дозора, понеслись к стенам лагеря — кто в одних штанах, кто и вовсе без оных, но обязательно с мечом.

— Стойте! — крикнул Олег.— С теми придурками справится Акила! Тушите огонь!

Бойцы словно опомнились — побросали оружие, похватали кошмы. С размаху окуная их в море, они бегом бежали обратно, набрасывая мокрый войлок на горящую смолу, стекавшую по шатрам. Сухов подхватил пару факелов и затушил их, сунув в песок. Вовремя оглянувшись, он увидел оскаленную морду неаполитанца, влезавшего на частокол, замахнулся погасшим факелом, но его опередили — свинцовый шарик, пущенный Хуртой из пращи, врезался морде в лоб.

— Лодьи целы? — спросил Олег пробегавшего Фудри.

— Целы! Два факела долетели до «Вия», Стегги их в море сбросил, а огонь затоптал!

— Тогда хватай своих — поможем, чем можем!

Олег мигом собрал два десятка варягов и алан. Выведя отряд за стены лагеря, он убедился, что вылазка неаполь-цам не удалась,— варяги Тудора скинули горожан в ров, а лучники с гелеполы методично расстреливали их сверху. Акила со своими прижал остаток воинства герцога Неапо-

литанского к частоколу и попросту изничтожал неприятеля — не торопясь и не отвлекаясь, как машина.

С грохотом упала решётка-катаракта, отсекая пути отхода, плавно затворились врата.

Сухов облегчённо опустил меч. Справились.

— Видать, прижали мы их крепко! — оскалился Фудри.

— Бывает, волк догонит зайца,— хохотнул Алк Ворон,— а тот — бряк на спину, и давай всеми лапами отбиваться! Так и эти... Чуют, за кем победа будет!

— Победа будет за нами,— внушительно сказал Олег.

Подошедший Пончик дополнил:

— Наше дело правое — враг будет разбит... и далее по тексту. Угу...

— Поговори мне ещё,— ухмыльнулся Сухов.

И в этот момент раздался ужасный грохот. Резко обернувшись к городу, Олег успел увидеть, как оседают зубцы крепостной стены перед гелеполой, как проваливаются кирпичи, поднимая тучу ржавой пыли.

— На штурм! — заорал Сухов.— Карл и Олав! Ваши дружины идут первыми!

— У-о-о! — ответили дружины.

Откатить гелеполу было уже невозможно — груда кирпичей завалила её до половины и ссыпалась в ров. Да и некогда было откатывать. Варяги бросились на приступ слева и справа от осадной башни, пробегая по мешкам с землёю, набросанным в ров, взбираясь по пылящей кирпичной осыпи.

Пыль ещё не рассеялась, а первые «штурмовики» уже ворвались в город и скатывались по травянистому откосу.

Олег вздохнул — не видать ему обеда... Ну, зато город взят!

Быстренько нацепив шлем и застегнув ремешок под подбородком, он приготовился ждать — негоже магистру да аколиту по кирпичам прыгать. Несолидно сие.

Дожидался Олег недолго — снова заскрипели ворота Неаполя, только теперь под приподнятую катаракту подныривали варяги, машущие руками товарищам — пожалуйте, мол! Открыто!

Товарищи из сотни Вуефаста Дороги взревели радостно и пожаловали. Олег неторопливо зашагал следом, сопровождаемый Витале Ипато, Ивором и Свеном.

Под аркой ворот было сыро, зато за ними, на круглой площади, светило солнце. Площадь окружали двух-трёхэтажные дома под черепичными крышами. Стены их были столько раз белены и штукатурены, что сделались неровными и шли наплывами.

На площади лежали мёртвые тела — десятки убитых неапольцев и ни одного пришельца из леса, гор или степей. А дальше поднимались в гору улицы, на которых творился ад земной — жители метались от дома к дому с наспех собранными узлами, иные таскали вдвоём сундуки, женщины вопили, воздевая руки к небу, а одна из местных сидела прямо посреди улицы, простоволосая, и качалась из стороны в сторону, то ли оплакивая кого, то ли последний разум потеряв.

— Никого! — поражался Свен.— До чего ж народ трусливый попался!

— Нам же лучше,— заметил Ивор.

— А правда, что добычу поровну поделят? — осведомился Малютка с тревогой.

— Чистая правда,— подтвердил Олег,— беспримесная. Сложим всё в кучу, разделим на всех и свалим.

— Правильно! — горячо одобрил и поддержал Свен.— А то одному богатенький достанется, а другому вечно шваль всякая...

Ипато улыбнулся только — радовалось сердце истинного венецианца горю соперников. Олег усмехнулся и стал подниматься вверх по улице.

Варяги пока почти не трогали местных — заняты были. Десятки из дружины Вилобородого отражали контратаку вражеских всадников, орудуя копьями издали, секирами вблизи. Дружная четвёрка алан во главе с Аккером из Магаса гоняли по улице десяток солидариев — аланы хохотали, умерщвляя неапольских бойцов попарно. Они накалывали на пику сначала одного супротивника, протыкая несчастного насквозь, а потом дого-

няли следующего, придерживая труп на древке, и нанизывали второго. Бросали этот чудовищный «шашлык» и бежали дальше, готовя новую пику-шампур. Саук, сын Тааза, и Фудри Московский развлекались тем, что ловили местных девушек. Девушки визжали, прятались в домах, парочка их оттуда выгоняла уже голыми...

Прямо на Олега выскочила одна такая — растрёпанная, росточку небольшого, но с большими грудями, подпрыгивавшими на ходу. Девушка бежала, невзвидя свету, зажимая руками низ живота. Сухов поймал её, и та забилась, рыдая и поминая всуе имя Божие.

Фудри с Сауком вылетели из дверей, сразу же резко затормозив. Их довольные улыбки поблекли.

— Опять балуетесь? — с укором спросил Олег, отпуская девицу. Та без сил опустилась на землю.

— Да мы так просто,— решил отвертеться Саук, «джокая» по-гузски.

— Почему не в строю? — построжел аколит.

— Так всё уже! Разбежались бойцы ихние! Мы-то думали, как за стену пролезем, так самый бой и начнётся. А он кончился!

— Ладно,— махнул рукой Сухов,— балуйтесь, тролль с вами...

Да и что ему было сказать? Варяги одержали победу, значит, имели полное право эту самую победу праздновать, то есть портить девок и отбирать имущество у их родителей. В мирное время за такое голову секли, а война всё спишет...

— Что-то я не замечаю особых зверств,— улыбнулся Ипато.— Обычно после северян остаются жуткие следы...

— Спасибо вашей гелеполе, а то пришлось бы моим варягам на стены лезть. Потеряли бы многих, остальные озверели бы — и улицы Неаполя стали бы скользкими от крови!

Они вывернули на широкую улицу, заставленную двумя рядами богатых домов. Кое-где фасады украшались колоннами, попадались даже безносые статуи.

Над улицей стоял крик и стон — не желали богатые горожане беднеть. Из дверей и окон доносился стук и

грохот, гневные вопли сменялись звонкими ударами. Или предсмертным хрипом. Или тонким воплем насилуемой девушки.

Олег даже не поморщился. Напротив, он чувствовал сильное раздражение, производное от голода, усталости и долгого воздержания. Алёнка далеко, а тутошних девок лапать — нет уж, увольте. Их моют два раза в жизни — при рождении и когда в гроб кладут. В остальное время они воняют. Вроде ж и водопровод им римляне провели, ещё при Августе — купайся хоть день напролёт. Так нет же, попы постановили, что чистота духовная куда важней чистоты телесной, и поразрушили термы с купальнями, дабы женщины не мылись вместе с мужчинами, возбуждая похоть и греховные помышления. Помывки отменили, канализация сама забилась... Зато никакой аморалки. Ничего, скоро вам воздастся за грязь — чума приберёт всех, и немытых праведников, и немытых грешников...

— Не отда-ам! — хрипло заорал расхристанный мужик, выбегая на улицу в одних брэ.

Он бежал, косолапя, и прижимал к груди мешок с чем-то звякавшим. Из окна выпрыгнул Акила Длинный Меч. Смеясь, он метнул топорик-чекан, раскроивший мужику череп. Косолапый рухнул, выпуская мешок из рук, и по выщербленным плитам улицы раскатились золотые чаши, миски, кубки...

Малютка Свен с сожалением посмотрел на посуду и махнул рукой:

— Ладно, потом поделим!

— Чем занят, Свен? — жизнерадостно спросил Акила, подбирая золотые вещи.

— Гуляю, не видишь, што ль?

Длинный Меч рассмеялся и бодро потрусил к дому, крича: «Сундук тот не забудьте! Актеву! Сундук! Слышь?»

Безбородый Актеву, дергая себя за длинный пшеничный ус, высунулся из окна второго этажа и проокал:

— Понесли уже! Всё туточки, чисто!

— Дальше пошли!

— Акила! — донесся грубый голос из дверей ограбленного дома.— Тяжёл сундук-то!

— Складывай у порога, Фроутан, я телегу подгоню!

Из дома напротив с трудом выбрался варяг могучего сложения, толстая патлатая женщина волочилась за ним, цепляясь за грабителя, колотила его кулаком по спине и орала благим матом. Грабитель, красный от стыда и гнева, развернулся у выхода и ударил бабу рукой в кольчужной перчатке — орущая свалилась замертво.

Зацокали копыта. Понурая лошадь провезла телегу, полную ухищенного добра — тканей дорогих, посуды серебряной, украшений женских. Двое варягов вели лошадь под уздцы и громко смеялись, вспоминая забавный случай.

Выйдя на перекресток, Олег столкнулся с Инегельдом.

— Здорово, князь. Куда несёшься?

— Тебя ищу! Там этот, герцог тутошний, миру просит!

— Показывай дорогу. Ипато, растолмачишь его дозволенные речи?

— О, герцог Иоанн учился в Константинополе и прекрасно говорит по-гречески, сиятельный.

— Тем лучше. Быстрее найдём общий язык.

Сухов шёл не торопясь — знал, что, как только они с герцогом заключат мир, грабить станет нельзя. Остановить же варягов, обозлённых долгим сопротивлением, будет непросто. Надо уловить тот момент, когда жажда золота будет утолена в меру, а безумство разрушения ещё не овладеет воинами.

Пусть варяги врываются в дома, пусть отбирают добро, пусть даже учиняют развратные действия, лишь бы не осатанели они от крови, не устроили бы немытым неапольцам кровавую баню. Так что рановато ещё мир учинять, надо дать время его ребяткам оттянуться, как следует, распотешиться вволю.

Да и так ли уж безжалостны варяги? Взять тех же девиц. Сколько их бегало голышом по улице? Две или три. А сколько осталось дома, слабо сопротивляясь распалённым русам или отдаваясь по доброй воле? Конечно, оправдать войну нельзя, но понять можно.

Боевой Клык вывел Олега на небольшую площадь, куда выходило здание с колоннами, видать, бывшая римская курия. Ныне её занимал герцог Неаполитанский, Иоанн III, сын Марина I, с женою Теодорой.

Перед дворцом герцога в ряд стояли конники в блестящих латах с алыми накидками. Особую пышность почётной страже придавали султаны из страусовых перьев, украшавшие как шлемы, так и налобники коней.

Перед этим роскошным строем пыжился герцог — невысокий пожилой человек. Его сковывали драгоценные доспехи, посеребрённые, с золотой насечкой, а шлем он держал под мышкой. Герцог высоко задирал подбородок, но ни капли решимости не было в его лице, оно выражало одну лишь покорность судьбе.

Сухов приблизился к Иоанну, сыну Марина, и слегка поклонился.

— Я — Олегариус, магистр императора Романа,— представился он.— Весьма прискорбно, что свожу знакомство с вами, герцог, в столь неприятных обстоятельствах, но в том нет моей вины.

— Неужели? — усмехнулся Иоанн, не поднимая глаз.— Чьи же воины творят бесчинства в славном городе Неаполе?

— Мои,— признался Сухов.— Сами виноваты, герцог. Не нужно было поддерживать князя Ландульфа.

— Мы никогда не отрицали вассальной зависимости от империи! — воспротивился Иоанн.

— Мало не говорить «нет»,— сказал Олег с мягкой укоризной,— необходимо говорить «да», когда это требуется. Вам надо было доказать сюзерену свою верность делом, надо было пресечь злодеяния Ландульфа, хоть как-то проявить преданность! Вы этого не сделали. Так чем же вы недовольны теперь?

— Я...— начал герцог величественно.

Сухов поднял руку, останавливая поток оправданий и обвинений.

— Мы не ставили своей целью разорение Неаполя,— сказал он.— Если вы хотите остановить грабежи, то заплатите выкуп, и мы уйдём.

— Сколько? — поскучнел Иоанн.

Олег назвал цену мира. Свен с Ивором радостно переглянулись, Инегельд осклабился в полном довольстве, герцог же, напротив, увял.

— Согласен,— тяжко вздохнул он. И пробормотал, подняв очи горе: — A furore normannorum libera nos, o Domine! [1]

— Аминь,— заключил Сухов.

ГЛАВА 13,

в которой Елена Мелиссина отказывает двум молодым людям

В тот день Елена Мелиссина легла спать раньше обычного — ей хотелось как следует отдохнуть, чтобы с утра выглядеть посвежевшей. Приглашение Марозии оставалось в силе, тайную посланницу ждал приём в замке Сан-Анжело, поэтому за главным своим оружием — красотой — Елена хотела проследить особенно тщательно.

Раздевшись, она легла. Римские ночи были тёплыми, ветерок из парка доносил запах цветущего жасмина и олеандра. Тишина стояла необычайная, как в родовом проастии — имении Мелиссинов. Проастий стоял рядом с деревней, но крестьяне ложились рано, и только брехливые собаки нарушали молчание ночи. Лежишь — и не веришь, что совсем рядом ворочается, дрыхнет, пьянствует, любится громадный Константинополь.

А вот в Риме всё ощущалось иначе. Здешний покой был почти что кладбищенским — десятки тысяч домов заполняли город, но почти все они стояли брошенными. А то и развалленными. Пышные Сады Саллюстия заросли,

---

[1] A furore normannorum libera nos, o Domine! (*Лат.*) — Господи, спаси нас от ярости норманнов!

став прибежищем для лис. От былого великолепия Капитолия остались жалкие остатки колоннад, торчавшие над руинами храма Юпитера Наилучшего Величайшего, словно костяк сгнившего мертвеца...

Елена поморщилась: что за мысли у неё на ночь глядя — кладбище, мертвец... Но разве виновата она, что римская тишина напрягает, что за стенами дома Квинтиллиев стоит безмолвие? Именно безмолвие. Тишина — это когда всё вокруг затихает, спит или наслаждается покоем. А вот пустота безмолвна.

Женщина прислушалась. Неразборчивый говор булгар донёсся до неё, будто успокаивая — спутники рядом, они помогут. Тихо заржала лошадь — это Котян угощает своих любимцев, пусть полакомятся на сон грядущий.

Елена вздохнула, натягивая простыню до подбородка. Чем она не римская матрона? Эти древние своды, это ложе, чья бронза хранила сны сенаторов или всадников, каких-нибудь эдилов или консулов... Правда, говорят, римлянки не спали голышом, так ведь века минули, нравы посуровели. А чем суровее мораль, тем пуще на волю рвётся плоть греховная. Хотя почему обязательно греховная? Разве не пела её бестелесная душа, когда тело извивалось в объятиях милого варвара? Где ещё сыскать большую усладу и негу? Если же любовь — сатанинское наваждение, то что есть Бог?

Верно рассуждал Олег: демон, дьявол, чёрт с рогами — всё это мелкая нечисть, страшилки для дураков, ибо Господь всемогущ и не допустит владычества всяких там князей тьмы и воплощений зла. Бог выше всего, Он сверх всего. Бог есть любовь. Он любит всех — и человеков, и зверя лесного, и пичугу королька, и гада болотного, и мельчайшую тлю. Он не давал людям заповедей и не обозначал грехи, ибо непостижим для людского ума и чудовищно далёк — даже жалкие муравьи ближе к человеку, чем человек — к Богу. Он не внемлет нашим молитвам, как мы сами не придаём значения жужжанию пчелы. Он никого не наказывает и никого не награждает, Господь просто любит всё, им сотворённое, и Христос пер-

вым постиг суть божественную, заповедав любить ближних и дальних, ибо это угодно Ему...

Елена уже впадала в дрёму, как вдруг незнакомый звук вторгся в пределы подступающего сна, возвращая мыслям ясность. С громко бьющимся сердцем женщина вглядывалась в чересполосицу теней и дорожек лунного света. Из темноты выступила неясная фигура и замерла, будто в неуверенности.

— Кто здесь? — спросила Мелиссина, садясь в постели. Простыня оголила её груди, но женщина не прикрылась даже рукой, выражая молчаливое презрение к вторгшемуся.

— Это я...— отозвался хриплый, полузадавленный голос. Елена узнала Ильдерика, распутного монаха, ныне растерянного и трусливо вожделеющего.

Отбросив покрывало вовсе, она спустила ноги на пол и неторопливо встала. То облекаясь бледным лунным сиянием, то попадая в тень, Елена подошла к светильнику и зажгла по очереди семь свечей. Ильдерик не видел мстительной улыбки, изломившей женские губы, а когда Мелиссина оборотилась к нему, он узрел холодное и равнодушное лицо богини — с чеканно правильными мелкими чертами, идеально прямым носом, твёрдым подбородком.

— Как ты проник в дом? — спросила богиня, поводя покатыми плечами немыслимой чистоты и гладкости, отчего груди её упруго колыхнулись.

— Есть тропа в саду,— забормотал молодец, откидывая на спину капюшон и пожирая глазами всё, чем природа или Бог щедро одарила женщину.— Её знаю только я один...

— Зачем ты пришёл?

Ильдерик пал на колени и протянул к Елене руки в молящем порыве.

— О, дива! — выдохнул он пересохшим ртом.— О, женское естество, от природы злопакостнейшее! Сколько зим я умерщвлял в себе трепет плоти, сколько епитимий накладывал в страсти к смирению, дабы воспарить к святости, являя собой высочайшее средоточие благостыни, и всю жизнь

свою одушевить чистейшим целомудрием. Но не получалось! Одолевала плоть, и для ея успокоения возлегал инок Ильдерик с нагою женщиной, и лобызал ея во все места, и соединял свое нагое лоно с ея нагим лоном... О Господи Пресвятый! — поднял монах лицо к потолку, где сплетались в немыслимых сочетаниях нимфы и фавны.— Как возлюбить тебя, уволя душу от чувственного соблазна? Как отличить жар серафимов от жжения Люциферова? Что от Бога, а что от содроганий возбужденной плоти? Или возвышенный экстаз любви к Христу Распятому — величайший самообман?! Подмена страсти страстью?! Свят, свят, свят! Неужто правы те странные и опасные еретики егошуиты, утверждающие, будто бы телеса людские не просто обитаемы духом, а соприродны ему в роскошестве великолепнейшего тождества, в совершенной соразмерности сочленений, в сопредельной соседственности, сродненной существенной нутряной силой? И прелюбодеяние, сие блаженнейшее сопряжение созданий Божьих, не грех великий, а святоиспосланная благодать? Или морок водит меня, дьявольское наущение?!

...Но вот я вижу драгоценнейшее, великолепнейшее тело ваше, о Елена, и взором одним уестествляю вас... Греховное помышление, обольщение чувств — какая мне разница?! Если вы, о прекраснейшая из дам, возгнетающая во мне невыносимое пылание страсти, покинете круг зримого мною мира, неутоленное желание измучает меня, а память изъязвит сожалениями о миге утраченной радости...

Мелиссина, немало удивлённая изощрёнными речами Ильдерика, улыбнулась неласково и всезнающе.

— Мало переступить порог моей спальни, чтобы утолить страсть,— проговорила она ледяным тоном.— Нужно обладать великой силой и волей, дабы, как ты говоришь, сравняться в великолепнейшем тождестве. Пока что мне ведом лишь один мужчина, соприродный моему «злопакостнейшему» естеству. Ты — не он.

Елена выпрямилась, вся напрягшись,— зовущая, грозная, чуть-чуть презрительная. Её губы приоткрылись, вы-

сокая грудь поднялась ещё выше — вызывающая красота и опасная сила женщины поразили Ильдерика в обоих смыслах — добра молодца скрутило, он отпрянул, зажимаясь, пока спиною не ткнулся в колонну, содрогнулся в сладострастной конвульсии.

— Я... всё! — пролепетал лангобард потрясённо.

— Уходи.

Ильдерик, согнувшись, просеменил вон, растворяясь в тенях атриума. Мелиссина, улыбаясь по-прежнему недобро, поглядела ему вслед и задула свечи. Легла, укрылась и заснула.

Утро Елена посвятила уходу за собой и лишь к полудню покинула дом, оставив на хозяйство Органу и Куверта, а Котяна с Тарвелом взяв с собой.

Ближе к Колизею повозки и кони, люди пешие или ведущие в поводу осликов с поклажей стали попадаться чаще.

Народ спешил по своим делам или проводил время в безделье, торговал помаленьку, воровал потихоньку, а гигантская чаша Колизея молчаливо и могуче довлела над мелкими людскими страстишками, покрывая своею тенью и базарчики, и хижины, устроенные на развалинах.

Мелиссина свернула на виа Сакра — Священную дорогу, выезжая на римский Форум. Душераздирающее зрелище...

Блистательный Форум романорум, центр Рима, средоточие власти, торговли и веры, ныне превратился в козье пастбище. Земля, смытая с окрестных холмов, покрыла Форум толстым слоем, из которого выглядывали колонны и побитые статуи. У Новой базилики пролёты были настолько колоссальны, что обвалились вскоре после возведения. Прямо на Священной дороге встали церкви Св. Вакха и Св. Сергия. Храм Св. Адриана задирал свой крест на месте Курии, а там, где стоял храм Мира, поднималась неумело сложенная церковь Св. Козьмы и Дамиана.

Чувствуя раздрай в душе, Елена спустилась на Триумфальную дорогу и доехала по ней до самого Тибра.

Весна была в разгаре, и река не умещалась в свое ложе, унося к морю мутные жёлтые воды. Каменный мост Элия упирался в мавзолей Адриана, лангобардами превращённый в замок Сан-Анжело. Это был монументальный бастион из красного камня на правом берегу Тибра, вписанный в крепостную стену Аврелиана.

Мелиссина подъезжала к замку по мосту и поражалась виденному. Как ни посмотри, а замок-мавзолей должен был выглядеть потешно. Он представлял собой огромный квадратный цоколь, на котором расплывалась кургузая круглая башня. Ни дать ни взять — торт на подставке.

Но глазам открывалось иное — необоримая мощь. Такое же впечатление на Елену оказывали египетские пирамиды. Замок Сан-Анжело был куда меньше грандиозных гробниц фараонов, всего каких-то сто шагов поперёк, а вот поди ж ты...

Возле узких ворот, где толпились пышные гвардейцы с пиками, женщина спешилась и передала коня подбежавшим конюшим. Стража сделала вид, что не заметила Елену, хотя глаза часовых просто из орбит вылезали, провожая красавицу.

— Чуть шеи не свернули,— проворчал Котян, воинственно поглядывая кругом.

— Если что — докрутим,— ухмыльнулся Тарвел.

Мелиссина прошагала длинным мрачным коридором и поднялась в покои замка Святого Ангела.

В приёмных толпился народ, обдавая Елену то густым чесночно-пивным духом, то тяжелым ароматом розового масла. По залам гуляли сквозняки и куры. Хохлатки выступали с важностью павлинов, небрежно роясь в соломе, устилавшей полы замка. В оконные проёмы, завешанные промасленной тканью, тянуло запахом навоза.

Особы королевской крови, родовитые графья, заезжие бароны и всякая аристократическая мелочь не могли усидеть на месте — повсюду раздавался топот сапог, визг собак, которым отдавливали лапы, и заполошное кудахтанье. Разряженная толпа носилась по коридорам,

закручиваясь у поперечных проходов и отстаиваясь в галереях.

— Рада вас приветствовать, Елена! — раздался голос Марозии, и Мелиссина вежливо поклонилась сенатриссе, обряженной в парчу и бархат.— Это ваша свита?

Тарвел и Котян одновременно согнулись в поклоне.

— Нет,— улыбнулась зоста-патрикия,— это мои спутники.

— Пройдёмте, я познакомлю вас с мужем.

У королевских покоев Елена увидела целую толпу церковников. Аббаты и монахи-бенедиктинцы этаким черно-лиловым капитулом окружали парочку епископов в красном и белом и викария папы Иоанна. Викарий носил особый белый шарф с тремя вышитыми крестами — паллий, символизировавший пастыря, несущего на плечах овцу. Паллий ткали инокини в монастыре Св. Агнессы из шерсти ягнят, освященных папой римским.

Духовные особы уже оборотили к женщинам сытенькие лица.

— Тот, что сизонос и дороден,— вполголоса говорила Марозия,— Ромуло Остийский. А слева от него, вон тот рыжеволосый субъект с тремя подбородками и маленькими глазками, отягощенными трехъярусными мешками,— Ансуальдо Веронский. Оба — дубины редкостные, но зело исполнительные. Куриальные борзые.

— Все здесь! — проскрипел за спиной чей-то голос. Куриалы, гвардейцы, весь круг бездельников и хлыщей, прибившихся ко двору, посмотрели на Елену. Архиепископ с лицом удивленного льва сдержанно поклонился. Викарий осклабился с какой-то подобострастной наглостью.

— Его величество король! — мелодично взревел герольд.

Мелиссина повернулась и увидела короля Италии Гуго Арльского. Да, это был он — лобастый, ясноглазый крепыш с обширной лысиной по темечку. Король выглядел подтянутым, гладким, элегантным, на губах его блуждала улыбка, полная добродушно-коварного юмора, столь свойственного властным, сильным натурам.

— Рад, рад...— сказал он скрипуче, усмешливо кланяясь отцам церкви. Скрестив руки на груди, Гуго несколько секунд с неопределенной ухмылкой смотрел на Елену. Котян храбро выступил вперед и представил хозяйку-подругу, начальницу-товарища:

— Великолепная светлейшая зоста-патрикия Елена Росена!

Гуго уперся кулаками в бока и приблизил к Елене свои пронизывающие глаза.

— О! Так вы читали из Библии русам?

— Да, мессир,— поклонилась Мелиссина, хохоча в душе.

— Говорят, они великие воины...— продолжал король.

— Вам говорили правду, мессир. Варанги — величайшие воины.

Женщина заметила, как сошлись брови у викария, как нервно передернулся его дружок-аббат.

— Да?! — комически изумился Гуго.— А мне тут представляли русов народцем трусливым и негодным к строевой службе!

— Мессир,— усмехнулась Елена,— русы сильны и храбры — я даже не знаю, с кем их можно сравнивать. В лютую зиму они с хохотом купаются в проруби, а в бой могут идти голышом, всем видом своим являя неуважение к врагу. Если вы сойдетесь с ними на море, вы обречены — когда рус бьется на палубе корабля, он непобедим. Чьё угодно воинство, сир, они пройдут насквозь, гуляючи, и даже не заметят помехи, а крепости, которые не сдадутся русам, ещё не выстроены.

Королевское чело разгладилось.

— В кои веки я слышу правдивые речи! — воскликнул Гуго.— Браво! Разделите с нами трапезу — мой Вульфард готовит изумительную утятинку с трюфелями. А дабы нам не заскучать за ужином, мы устраиваем представление «Киприановой вечери»! Не то затянутое повествование магистра Алькофрибаса о пире блаженного Киприана Карфагенского епископа, кое вам должно быть известно, а рифмованное переложение диакона Иоанна... Аудуальд, напой нам!

Подскочивший аббат завёл тонким голоском евнуха:

Пал со смеху Гаудерих
В именительный падеж,
Лёжа учит Анастасий
Отложительный глагол...

Король скрипуче рассмеялся, и его весёлый настрой поддержали все, даже клирики — внушать Гуго, что «Вечеря» есть святотатственная, богохульная пародия на Священное Писание, и что она более приличествует язычнику, нежели помазаннику Божьему, духовенство не решалось. Вероятно, понимало, что и сами по уши погрязли в мирской суете.

Обед удался — Марозия закатила настоящий пир. Всё, что родит земля, всё, что бегает по лесам, по полям, что плавает в море, присутствовало на столах в изобилии, заполняя собой огромные дымящиеся блюда и подносы. Кувшины с винами выстроились в длинные шеренги, но и гостей хватало — краснолицые бароны, зубастые маркизы, графья, князья...

Мордатые лакеи в смешных обтягивающих штанах суетились вокруг, подливая, подсыпая, подкладывая гостям. Под столом стоял страшный хруст — это пировали собаки, разгрызая швыряемые им кости.

Украдкой поглядывая на жующую знать, Елена высматривала на их лицах признаки ума и вдохновения, но не находила. Правда, одно лицо из толпы выделялось. Немного женственное и очень бледное, оно принадлежало молодому человеку с длинными вьющимися волосами, сидевшему напротив Мелиссины.

Зоста-патрикия склонилась к Марозии и спросила:

— Кто этот молодой мужчина?

Сенатрисса перехватила взгляд Елены и довольно улыбнулась.

— Это мой сын Альберих,— сказала она.— Красавец! Весь в меня!

Альберих II Сполетский не отводил глаз от Елены. Взгляд его соскользнул на выпуклость груди женщины и вновь вскинулся, горя мрачным огнём. Мелиссина верно

угадала под изнеженной оболочкой натуру страстную и необузданную. Вряд ли Альберих отличается умом и сообразительностью, но он горяч и болезненно обидчив — отличная растопка для того костра, который собралась зажечь Елена.

— Докладывай, Аудуальд! — вскричал подвыпивший Гуго.— Вслух, вслух! Тут все свои!

— Феоклит Дука показал себя никчёмным полководцем,— забубнил аббат.— Он погубил много тяжелой конницы и одержал победу, кою стоит назвать пирровой. Ныне он следует маршем к Гаэте. Флот Иоанна Радина направляется туда же. А вот русы...

— Так-так,— мотнул головой король.— Что же русы?

— Русы сожгли амальфитанский флот и взяли город Амальфи. Разбив флот герцога Неаполитанского, они разграбили Неаполь.

— О! — поднял палец Гуго.— А некоторые не верили! Кстати, сколько тех русов?

— Не знаю, мессир...

— Четыреста варангов на семи кораблях,— громко сказала Елена.

— О! — повторил король.

Пирующие тут же зашумели, припоминая воинские подвиги, реальные и выдуманные, вино полилось в глотки ручьями и очень скоро званый обед превратился в пошлую пьянку. Дворяне ревели нестройными голосами песни, отбивая такт чарками и кубками, собаки уже в открытую ели со столов, и Мелиссина решила покинуть гулянку. Выходя из-за стола, она посмотрела на Альбериха — и опустила глаза. Клюнет — не клюнет?

Выбравшись в галерею, она отправилась бродить по замку, пока не оказалась в Дворике Ангела. Здесь было тихо, вверху проплывали облака...

— Как мне называть вас? — послышался глухой голос.

Зоста-патрикия живо обернулась. Клюнул-таки. Перед нею стоял Альберих, он смотрел не мигая, словно играл в «гляделки».

— Еленой,— ответила женщина.— Этого достаточно.

— Елена...— повторил бледнолицый.

Решительно шагнув к ней, он протянул руки, обнимая Мелиссину. Не тут-то было — в гладких женских ручках нашлось достаточно силы и ещё больше умения, чтобы расцепить кольцо объятий.

— Я замужем,— твёрдо сказала Елена.

Альберих вспыхнул, его глаза сузились, губы задёргались, однако зоста-патрикия даже не подумала сгладить оплошность, а стала развивать наступление.

— Право, вы обидчивы, как ребёнок,— усмехнулась она.— Что, хотите разрядить свой гнев на меня? Нечего сказать, достойное приложение сил! На меня-то к чему обижаться? И за что? Да, я уважаю только сильных мужчин. И кто в этом замке таков? Король Гуго! Да-да, тот самый, нелюбимый вами отчим. Но разве я виновата в этом? Король точно знает, чего хочет, и добивается поставленной цели. Он получил Италию, теперь, женившись на вашей матушке, Гуго обрёл власть над Римом и всей Папией [1]. А что же вы? А вы, как истинный пасынок, скромно жмётесь в тени и дуетесь на всех. Браво!

Альберих сжал кулаки.

— Чего вы от меня хотите? — прорычал он.

— От вас? — делано удивилась Елена.— Чего же можно от вас хотеть? Хотят от Гуго, от Марозии — они тут власть и сила. Я недавно приехала в Рим и скоро покину его. А вы останетесь. Ах, не обижайтесь, Альберих, просто мне как женщине всегда неприятно видеть мужчину, терпящего унижения, мужчину, с которым никто не считается. Это вызывает неловкость и протест. А впрочем... Не обращайте внимания на мои слова, Альберих. В Риме я вторую неделю всего, а уже сужу о его жителях так, будто знаю их с рождения. Может, вам нравится жить пасынком, откуда мне знать?

— Мне это не нравится,— отчеканил пасынок Гуго.

---

[1] Имеется в виду Папская область.

— Тогда почему вы даже голоса своего не подаёте? Почему даже не пытаетесь хоть как-то поделить с родителями их власть? Или вы ждёте, что они сами вам всё дадут? Не дождётесь!

— Да кто вы такая,— зашипел Альберих,— чтобы судить обо мне?! В любой момент я могу засадить вас в тюрьму!

— Очаровательно! — рассмеялась Елена.— Да вы не только не желаете отстаивать собственные права, вы сразу бросаетесь защищать родительскую власть!

— Ничего я не защищаю! — возвысил голос сын Марозии и внезапно успокоился.— Вы же ничего не знаете,— сказал он,— а спорите. Скажите... Скажите, а если я докажу вам, что честь для меня не пустой звук, что обладаю силой и упорством, тогда я заслужу ваш поцелуй?

— Посмотрим,— улыбнулась Елена.

— Я докажу,— повторил Альберих, развернулся и ушёл.

Из-за тяжёлых створок дверей тут же выбрались Котян с Тарвелом.

— Ну, ты храбра, сиятельная,— признался печенег.— Взгрела так взгрела эту бледную поганку!

— Будет ли толк...— вздохнула зоста-патрикия.— Пойдёмте отсюда.

Они вернулись в трапезную — и застали безобразную сцену. Альберих Сполетский с поджатыми губами, набрав в кувшин воды, поливал отчиму на руки. Тот умывался, фыркал, отплёвывался, как вдруг, выпрямившись, огрел пасынка мокрой пятернёй по щеке. От крепкой пощёчины Альберих отлетел в сторону, а Гуго загремел:

— Какого чёрта ты столько воды льёшь?!

— Не ругайся, Уго,— захихикала пьяная Марозия.

Пасынок поглядел на мать, на отчима, перевёл взгляд на Елену — Мелиссина была серьёзна — и вышел, не сказав ни слова, но на последнем градусе бешенства.

«Спасибо, Гуго,— подумала зоста-патрикия,— лучших доказательств моим словам не привести! Приведёт ли свои Альберих? Вот вопрос...»

ГЛАВА 14,

в которой доказывается, что грузят на того, кто везёт

Семь лодий, пять галер-санданумов и одна хеландия покинули Неаполь перед рассветом. Добычи было столько, что на палубах едва хватило места для пары хайробаллист. Турберн Железнобокий погоревал о гелеполе, что оставалась у городской стены, и настоял, чтобы тогда уж хоть все плутеи были взяты на борт. Просьбу старого варяга уважили.

Эскадра проследовала Неаполитанским заливом и вышла в открытое море — командование выбрало кружной путь к Гаэте.

...Места здешние, если и не были раем земным, то очень на него походили — лазурные волны, подбегая к берегам, принимали цвет берилла и накатывались на роскошные золотистые пляжи, а дальше поднимались горы, скалы, душистые заросли. Сюда, если верить Вергилию, причалил корабль Энея, бежавшего из Трои. Здесь же была похоронена его любимая кормилица Каэта. Случилось ли это на самом деле или всё выдумка, никто уже не скажет, однако точно известно, что Антонин Пий, наследовавший императору Адриану, одарил Гаэту отличной гаванью, а прочие римляне и до, и после него, строили тут виллы. Строили наперегонки, спеша занять местечко получше. Так что новым хозяевам, готам и лангобардам, сразу нашлись удобные места жительства...

Описав крутую дугу, корабли подошли к герцогству Гаэта с запада. Сам город располагался на небольшом скалистом мысу — выступе горы Орландо. С моря Гаэту было не видать, лишь мощные башни крепости на мысу попадали в поле зрения. Дабы попасть в порт, кораблю следовало обогнуть мыс с юга — город прятался с восточной стороны мыса, под защитой крепости.

На следующий день после отплытия из Неаполя впереди замаячила та самая гора Орландо.

— Покуда крепость не возьмём,— проговорил Инегельд,— о городе и думать не моги. Только подступишься к воротам, а тебе по башке каменюкой заедут али ещё чем.

— И не говори,— улыбнулся Олег.— Так и шишку набить могут. Баллистиарии, что в крепости засели, парнишки меткие... Вот что, други, я тут подумал-подумал и решил: а на хрена нам Гаэту штурмовать?

— Это как? — не понял Турберн.

— А так! Ежели мы крепость займём, то вся Гаэта под нами окажется — куда хошь, туда и цельсь. И стреляй. И необязательно ядрами, можно и сосудик запулить с «огнем греческим». Нет, пулять мы не станем, но припугнём: дескать, не заплатите выкуп — сожжём вашу Гаэту ко всем чертям собачьим!

— Дельно! — оценил Железнобокий.

— Ага,— буркнул сидевший неподалёку Карл Вилобородый,— осталось только крепость взять...

— Возьмём! — сказал Олег уверенно.— У нас, чтобы её ворота отпереть, один ключик имеется.

— Какой такой ключик?

— Требукет!

Чтобы собрать требукет, потребовались усилия чуть ли не всей дружины — пока одни в дозоре стояли, другие таскали в гору огромные брусья, колёса-катки и мешки с песком. Потом грузчики-таскальщики менялись с охранниками. Труд был тяжкий, но его подогревал интерес — уж больно великим выходило метательное орудие!

— А жилы где, дорогой? — удивлялся Турберн, заядлый любитель военной техники.— Али эти, кишки воловьи? Чего ты скручивать собираешься?

— Требукету жилы с кишками ни к чему,— терпеливо объяснял Олег.— Он по-иному устроен. В нём рычаг-шатун, который ядро мечет, срабатывает не от скруток всяких — его противовес тянет.— Для ясности магистр начер-

тил схему на песке.— Видишь, у шатуна длинное плечо есть и короткое. Длинное мы книзу прижмём и застопорим — на нём будет праща особая, куда мы ядро поместим. А вот на короткое здоровенный такой короб подвесим и загрузим его мешками с песком. Понял? Выбиваем мы стопор, противовес рычаг вниз тянет, и — фьють! — полетело ядро!

— Ух ты...— сказал Железнобокий — хитрая механика привела его в восхищение.

Мимо как раз проносили рычаг-шатун — огромную балку длиною в двадцать четыре локтя, оструганную под восьмигранник. Десять самых здоровенных дренгов волокли её, пыхтя от натуги.

— Пошли наверх, Железнобокий,— позвал Олег.— Покажем Гаэте кузькину мать!

Вблизи крепость выглядела очень внушительно. С севера её стену прикрывала протейхизма — внешняя ограда. Между этими двумя стенами тянулся перибол — дорога к воротам, выводящим прямо во внутренний двор. Ворота в протейхизме выглядели внушительно.

Огромный требукет на шести тяжелых колесах-катках тянула сотня дюжих варягов, а следом ехали телеги, реквизированные у местных, подвозившие мешки с песком — огружать противовес. Пустых мешков не хватало, пришлось под это дело приспособить кожаные чехлы, которыми накрывали щиты, вывешиваемые на борта. Само же метательное орудие выглядело столь солидно, что почти затмевало гелеполу.

На тяжеленной раме из бруса крепились укосинами два стояка, а между ними на оси качался шатун, напоминая колодезного «журавля», сработанного великаном. С того конца, где к «журавлю» цепляют обычно жердь с ведром, на рычаге требукета висела праща, сплетённая из толстого каната, а на коротком плече покачивался, скрипя, кузов-балансир. В него-то и нагружали мешки с песком, пятьсот пудов без малого — именно столько надо

было уместить, чтобы длинное плечо коромысла выбросило ядро весом в шесть пудов.

Впрочем, аналогия с «журавлём» подходила ранее, во время сборки, а теперь требукет больше смахивал на водяную мельницу — у него с обеих сторон появилось по гигантскому «беличьему колесу» — чтобы не разгружать всякий раз кузов-противовес, а подтягивать шатун канатами, наматывая их на барабаны. Вот как раз барабаны те и вращались с помощью колёс, как заповедал в своих трудах римский стратег Вегеций,— так было куда ловчее, чем руками накручивать, толкая да тягая рычаги. А «белками» в тех колёсах подрабатывали самые здоровые из варягов.

Громоздкая «самоходка» приблизилась к стенам крепости на расстояние выстрела — от машины до протейхизмы оставалось шагов триста. Сощурившись, Олег осмотрелся. Слева от него лежала Гаэта, на её западной стене угадывалось шевеление — беспокоились воины герцога. У Сухова даже мысль мелькнула — пойти на штурм, не заморачиваясь. Но нельзя. Вернее, пойти-то можно, если в голове пусто, ибо в таком случае варяги оказались бы меж двух огней, меж двух гарнизонов — города и крепости. Нет уж, лучше поморочиться...

— Заряжа-ай!..

Притянутый книзу рычаг требукета зафиксировали стопорным болтом, а пращу аккуратно разложили вдоль желоба на станине и закатили в нее увесистый валун. Варяги, ясы и булгары построились в цепочки и стали разгружать подводы, передавая мешки с песком. Самые могутные стояли в кузове-качалке и укладывали груз.

На башнях крепости толпились воины — требукет и им самим в новинку был. Никто не стрелял, но не потому, что миролюбием отличался. Просто далеко был противник, не достать.

Олег перевел взгляд на стены и башни Гаэты — за зубцами перебегали люди в блестящих шлемах, дымно горели костры под чанами с кипятком, кто-то важный, с плюмажем из страусиных перьев, раздавал приказания... А в

прогале меж скалистых холмов синело море — спокойное и безмятежное. Что тому Понту до людских дрязг, нелепых, мелких и жалких? Копошатся всё, копошатся... Чего для?.. Хм. Как это он раньше внимания не обратил — в порту Гаэты не стояло ни одного корабля. Ни единого! То ли все в разгоне, то ли здешние судовладельцы учли опыт Амальфи и Неаполя, не стали рисковать флотом. Умно!

Олег поднял руку и резко опустил ее. Послышалось едва слышное тюканье молота по задвижке, и рычаг плавно повело вверх, все ускоряя и ускоряя мах гигантского метронома. Оттянутая праща раскрылась в верхней точке, и ядро, описывая пологую дугу, устремилось к цели. «Журавль» продолжал качаться, заставляя елозить всю громоздкую конструкцию, прокатываться туда-сюда на колесах, а ядро, вихляясь и кружась, дорисовало траекторию и подняло в воздух тучу пыли, не долетев до ворот шагов десять.

— Крутовато взяли,— озаботился Турберн.— Перезаряжаем!

Перезарядка длилась долго, но вот второе ядро вкачено в пращу.

— Пуска-ай!

Ядро отправилось в полёт по более отлогой, настильной траектории и попало в цель — разнесло ворота на кусочки. Обломки дубовых плах и железных скреп еще скакали под арочными сводами, когда обвалилась наружная кладка протейхизмы — каменные блоки, уложенные «на сухую», лишь скрепленные медными пиронами, рухнули, оголяя бутовую засыпку.

— Здорово долбануло! — впечатлённо сказал Инегельд.

— Да уж...— протянул Олег.— Глянь-ка! Ни одного на стенах, все попрятались!

— Перепужались, чай! — захохотал Турберн.

— Наклоняй шатун! Эй, кто там поздоровее — на колёса!

— Я тоже покручу малость,— собрался Боевой Клык.

— Растряси жирок, князь,— хихикнул Железнобокий.

Варяги забрались внутрь колёс и зашагали, пародируя толстых, неуклюжих хомяков. Колёса завертелись, защёлкали храповички, закрутились большущие шипастые шестерни, понижая передачу. Шатун с болтавшейся пращой дрогнул и стал медленно клониться, тяжёлый противовес — подниматься.

— Сиятельный! — обратился к Олегу Ипато.— Было бы неплохо переговорить с местным локосерватором — так вы, кажется, прозываете комендантов крепостей? Может, с него хватило и одного ядра?

— Хм... Стоило бы в этом убедиться. А кого вы предлагаете в переговорщики, превосходительный?

— Себя!

— Ну что ж... Попробуйте. Только передайте этому локосерватору, что третье ядро прилетит к нему без задержки!

— Обязательно передам!

Венецианец, небрежно помахивая белой холстиной, пошагал к пролому, перелез через завал и скрылся в потемках длинного перибола.

Варяги не стали томиться в ожидании ответа — устроившись в тени, решили перекусить. Начались шуточки, смешочки, подначки. Молодой Прастен, сын Алка, осваивал кифару, прихваченную в Константинополе. Тудор поднес Олегу тепловатого вина, и магистр не стал отказываться. Поднял стакан — за вас, ребята! — и выпил терпкую и сладкую, с приятной кислинкой жидкость. Потаённый в ней огонь прогрел пустой желудок и облегчил мысли.

Всё путем!

— Эй! — крикнул Акила.— Хомяки пузатые! А ну, шибче лапами перебирайте!

— Допросишься, Акила! — принёсся ответ.

— Хо-хо! Хомяков и сусликов не боимси!

— Иди помогай лучше!

«Белкам» становилось труднее вращать колёса — варяги стояли на четвереньках внутри обода и с усилием переступали. Их товарищи стали помогать снаружи —

подпрыгивали, хватаясь за перекладины, тянули колёсо вниз под собственным весом.

— Готово! — крикнул Турберн, вбивая стопор.— Держится!

— Заряжа-ай!

И вот ещё одна глыба помещается в пращу.

— Стоп! — сказал Олег.— Тудор, молот у тебя? Разогни-ка этот крюк.

— Зачем, дорогой? — удивился Железнобокий.— За него ж конец пращи цепляется! Ежели разогнёшь его, праща скорей откроется!

— А я этого и добиваюсь — тогда снаряд полетит по крутой дуге, ударяя сверху.

— Тогда ладно...

— Пускай!

Тудор стукнул по стопору, и шатун мощно пошёл вверх, вытягивая за собой пращу, закидывая её... Вот праща открылась, и ядро полетело в цель, врезаясь в стену за протейхизмой и разворачивая кладку. Донёсся приглушенный расстоянием грохот валящихся камней, восклубилась туча пыли.

— Эгей, Олежа! — воскликнул Турберн.— Гляди-ко, белым машут!

Над стеной неистово мотался белый лоскут, прицепленный к копью.

— Вот что значит требукет,— назидательно сказал Железнобокий, с кряхтеньем усаживаясь на раму.— Раз, два, три — и готово!

Варяги оживлённо переговаривались, обсуждая «чудо-оружие», но бдительности не теряли — три сотни стояли в полном боевом, со щитами и при мечах, готовые отразить атаку хоть из крепости, хоть из города.

Пыль над протейхизмой рассеялась, и через завалы перебралась целая делегация — человек десять вооружённых людей. Впереди шагали двое — Ипато и высокий, сухощавый человек с длинным лицом и большими жёлтыми зубами.

— Ишь, морда какая,— пробурчал Инегельд.— Ну лошадь — лошадью!

— Знатный, чай,— определил Турберн.

Делегаты подошли ближе, и Витале Ипато представил человека с лошадиным лицом:

— Герцог Гаэтанский!

— Я ж говорил...— проворчал Железнобокий вполголоса.

Олег улыбнулся и небрежно поклонился герцогу.

— Рад видеть его светлость в добром здравии,— сказал он.— Надеюсь, вы не будете против, если мы займём эту крепость? Временно, разумеется, временно!

Герцог сжал губы и подвигал туда-сюда нижней челюстью, в этот момент более походя не на лошадь, а на корову.

— Чего вы хотите? — выговорил он неожиданно высоким и звонким голосом.

— А я как раз размышлял над этим вопросом. Мы склонны начать осаду Гаэты. Или, это самое, пойти на приступ... Быть может, ваша светлость подскажет нам третий выход из положения?

Герцог снова изобразил жвачное и сказал деловито:

— Я дам вам хороший выкуп.

Он назвал цену — и лица варягов украсились довольными улыбками.

— Это мудрое решение,— оценил Олег хозяйственный подход его светлости.— Сумма нас тоже устраивает.

— И я готов заплатить вам вдвое больше,— продолжил герцог с нажимом,— если вы защитите мой город от подступающих ромеев!

— Ромеев?!

— На Гаэту ополчился доместик Феоклит Дука. Сюда идут несколько тысяч конных и пеших, чтобы разграбить наш город!

— Ах, вот оно что...

Олег не стал посвящать герцога в планы базилевса — не надо его высочеству знать, что его величество сам послал варягов «бомбить» города-порты, заигравшиеся в независимость. Однако Феоклит Дука занёсся не по чи-

ну... Как минимум, превысил свои полномочия. Видать, жалкие победы в Апулии сподвигли доместика отыграться на Гаэте, а заодно перебежать дорогу магистру и аколиту. Ну-ну...

— Я не позволю Дуке учинять произвол,— твёрдо сказал Сухов.— Доместику нечего делать у стен Гаэты. Или он уберётся сам и уведёт своё войско, или мы заставим его убраться! Только плата вперёд.

Герцог улыбнулся, поразительно напомнив ржущего коня, и стал торговаться. Тут и светлый князь подтянулся, изображая то тяжкое сомнение, то бурное негодование. Наконец, высокие договаривающиеся стороны пришли к соглашению — варяги на время занимали крепость и располагали свой флот в гаэтанском порту. Выкуп и плата за службу вносятся тут же (и делятся по справедливости!), после чего варяжская тяжёлая пехота укрепляется конницей герцога, и все с нетерпением ждут ромейское войско...

Олег лежал у костра на песочке и глядел в небо. Искры да подсвеченный дым мешали любоваться звёздами, зато создавали этакий пещерный уют. Сухов любил такие моменты бытия, когда отдыхали и тело, и душа. Натура у него была деятельная, но дела вершат днём, а ночью не грех и полениться.

Прошуршали шаги, и рядом опустился Пончик.

— Пр-рывет...— сказал он вяло.

— А что так тускло? — улыбнулся Сухов.

— Устал. Угу... Слушай, Олег, а ты не боишься нарушить приказ базилевса? И вообще, как же это — биться со своими?

— Какими своими, Понч? — зевнул магистр.— Свои — вон, кругом меня сидят. А если кто и нарушает приказ, так это Дука. Сказано ему было — сидеть в Апулии и не высовываться, колошматить бунтовщиков и ждать, пока Ландульф не скомандует «отбой». А он сюда прёт! Думает, если у него там ничего не вышло, то в Гаэте всё получится как надо. Ага... Щас!

Пончик поёрзал и сказал задумчиво:

— Знаешь, я вот, когда сюда плыл, додумался до... Короче, мне представилось, что люди — хуже животных...

— Очень свежая мысль.

— Да нет, ты не понял! Понимаешь, вот звери в стаю сбиваются или в стадо, а нам этого мало — наши вожаки жаждут и другие стаи под себя прогнуть. И начинается война... Каменными топорами бились, потом стали бронзой горла резать, нынче вот сталь в чести. А психология та же!

— Да какая там психология, Понч... Голые инстинкты. Знаешь, у кого стремление к власти выражено сильнее всего? У самцов бабуинов! Или у павианов — не помню точно. Но ведь людям нужно собираться в стада, они сами этого хотят — жить в куче. Люди даже с угнетением готовы мириться, лишь бы их не сильно прижимали, лишь бы хоть какое-то спокойствие и мир. Тут, знаешь, интересная штука наблюдается. Всегда мы, от самых пещер, стремимся соблюсти баланс между свободой и безопасностью. Диктатура так всех прижимает, что оставляет тебе узкую тропинку — шаг влево, шаг вправо карается расстрелом. От свободы одно название остаётся, зато жить безопасно. Плохо, скудно, но безопасно. Демократия дарует свободу, но не гарантирует безопасности. Просто потому, что права и свободы распространяются на всех — на бандитов и на их жертв, на богатых и нищих — короче, на всех разом. Понимаешь? Вроде же всё хорошо — свободные выборы, цивилизация, то-сё... А перед варварством демократии бессильны! Помнишь, был такой СССР?

— Будет такой...— буркнул Пончик.

— Неважно! Теракт в Советском Союзе был практически исключён, даже убийство становилось ЧП. Сам я этого не помню, мал был, зато вволю нагляделся на беспредел в 90-х. Вакханалия! Хаос! Смута! Варвары полезли изо всех щелей — террористы, мафия, скинхеды! «Красные», «коричневые», «зелёные»... Бубнят старушки: «Сталин бы такого не допустил...» — и что им ответишь? Ведь правы же!

— Ты был за Сталина?

— Я был за себя. А Сталин... Понимаешь, его можно как угодно называть и обвинять во всех грехах, но именно под железной рукой Иосифа Виссарионовича СССР стал сверхдержавой. Нравится это кому-то или не нравится, неважно — история была именно такова.

— Будет таковой...— вздохнул Пончик.— Угу...

— Будет... Конечно, будет. А помнишь, как ты всё хотел прогрессорством заняться? «Сначала я водяные мельницы внедрю,— передразнил он Александра,— потом домны выстрою, стали наплавлю, бумагу делать начну, стекло варить — и мыло, мыла побольше!»

— Помню...— вздохнул Шурик.— Дурак был. Янки при дворе конунга Рюрика... Да нет, я, правда, мечтал могучую экономику создать, чтобы Русь самой сильной стала, самой продвинутой. Угу... Носился я со своими прожектами, носился, пока не понял, что лозунг «Время, вперёд!» рассчитан на глупых — никак нельзя ускорить время, невозможно навязать прогресс, когда в нём нужды нет. Мельницы... А зачем им мельницы? Доски пилить? Так русы их от века колют! Угу... Бумагу делать? А писать кому «чертами и резами»? Руны только жрецам были ведомы да кое-кому из князей. Тебе вот тоже. Угу... Азбуку в народ нести? А на хрена русам та азбука? Мечтал дороги строить, а все и реками были довольны вполне — вон как волоки оборудовали! Я бы и не додумался до всех тех хитростей... Люди просто живут, и по фигу им мой прогресс. Пока нужда не заставит — ни на пядь не продвинутся!

Олег улыбнулся:

— Расстраивался небось?

— Ну так... Злобился даже, обижался. Я же для вас, думаю, стараюсь, голову ломаю, как бы мне быт обустроить, а вы?! Помнишь, как мы печь сложили и дымоход вывели? Дивились соседи, крякали, по ляжкам хлопали — не дымит, нет, ну надо же! И хоть бы кто так же сделал! Нет, по-прежнему топят по-чёрному, а чад в дымогон уходит...

— Знаешь, Понч, за что я тебя люблю? За то, что ты, какой был в будущем, такой и в прошлом остался — ни капельки не изменился.

— Всё такой же лопух, ты хочешь сказать? — насупился протоспафарий.

— Всё такой же добряк. «Человек из будущего». С тобой уютно...

— Как с котом. Угу...

— Да нет, правда... Душой я отдыхаю только с тобой да с Алёнкой.

— Ну, насчёт души я бы в данном случае помолчал...

— Щас получишь...

— «Человеку из будущего» всегда достаётся от неблагодарных предков... Такая уж судьба у нас, Прометеев. Угу...

— Знаешь, а ведь ты затронул одну интересную тему. Вот смотри, ты из будущего попал в прошлое, но окружающее тебя время оказалось не властно над твоей душой и разумом. Ты сохранил себя, больше того, ты сделал попытку изменить само это время, воздействовать на ход истории! Наивно, конечно. Один человек ни черта не может, если он не Чингисхан или Александр Македонский, но у тех все перемены были к худшему — великие завоевания всегда вели к убожеству, разрухе и застою. Чего ж требовать от Александра Пончева, врача из городской поликлиники? Только вот что я тебе скажу, прогрессор. Ты-то остался таким, как был, а вот я... Протоспафарий тщился переделать эпоху, магистра же переделало сие время, которое нынче на дворе,— я стал другим, Понч. Десятое столетие перековало меня. Я превратился в жестокого и безжалостного человека, иногда — равнодушного убийцу, иногда — мелкого владыку, равнодушно приказывающего убить. Начинал я простодушным воином, но эта долбаная Византия сделала из меня изворотливого, коварного интригана. Да что там — сам таким сделался, по своему хотению. Я постоянно обманываю людей, использую их, они гибнут за меня, помогая магистру Олегарию добиться высот, которые, если разобраться, не менее мрачны, чем дно пучины...

— Не наговаривай на себя. Угу...

— Ладно, больше не буду. Ложился бы ты спать, протоспафарий. Подниму рано, учти!

— Всё, я сплю.

— Ты забыл сказать «угу»...

Александр ничего не ответил, его глаза слипались. Следом заснул и Олег.

Обоих разбудила труба. Подъём!

Олег встал, потянулся как следует, пятьдесят раз присел, пятьдесят раз отжался — и почувствовал себя готовым встать в строй.

Море выглядело безмятежным, небо ясно голубело, мир и покой были разлиты в воздухе. Предприимчивые жители Гаэты словно почуяли настрой Олеговой дружины — стали проникать за стены по одному, предлагать свой товар, приценяться к добытому варягами. Русы, ясы, аланы, булгары и прочие охотно избавлялись от своей доли, меняя дорогую посуду или не менее драгоценный шёлк на звонкую монету — так и хранить легче, да и пользоваться куда проще.

Олег не мешал торгу. Он и сам в нём поучаствовал — отдал ковры и благовония, доставшиеся ему в Неаполе, за солиды — так тут называли золотые номисмы.

Оживлённая купля-продажа растянулась до полудня, а потом далёкий горнист донёс весть о приближении ромейского войска. Гаэтанские перекупщики (да чего уж там — скупщики краденого) мигом скрылись за воротами города. Конница герцога построилась на флангах, в серёдке стали варяги.

На дороге, что спускалась с гор к берегу, показалось облако пыли.

— Турберн! — окликнул Сухов Железнобокого.— Плутеи вперёд!

— Плутеи вперёд! — повторил команду варяг.

— Баллисточки наши как?

— Взведены и заряжены!

— Стяг с собою?

— А как же ж, дорогой! — Турберн показал большой красный вымпел с вышитым на нём крылатым львом.

— Развернёшь, когда я знак подам. Только так, чтобы его из крепости увидать можно было!

— Знамо дело... Нешто мы без понятия?

Олег посмотрел в сторону крепости. Там схоронилась полусотня Тудора. Баллисты и катапульты на башнях да требукет — это вам не что-нибудь. Батарея!

Повернув голову обратно, Сухов различил впереди катафрактов на рысивших конях. Подробностей битвы при Бариуме Олег не знал, но, судя по тому, насколько поредели ряды тяжёлой кавалерии, урон имперцам мятежники нанесли впечатляющий.

И вот авангард воинства ромейского выехал на припортовую площадь — довольно обширное пространство между гаванью и стенами Гаэты. Впереди, на лихом коне, ехал сам Феоклит Дука. В вороненых латах и чёрном шлеме с того же цвета султаном, он больше всего напоминал Кощея Бессмертного перед битвой с Иваном-царевичем. Позади доместика ехала его личная гвардия — рослые, плечистые молодцы в посеребрённых доспехах, с пышными перьями на шлемах.

— Эй, индюк крашеный! — раздался насмешливый голос Акилы Длинный Меч.— Чего припёрся?

— Да он лангобардам уже приелся, видать! — ответил Стегги Метатель Колец.

— Ух, они его и отымели! — пробасил Малютка Свен.

— Во все места,— подхватил эстафету Ивор,— и спереди, и сзади!

— А он всё стелется, всё тулится...— мощно вздохнул Вуефаст Дорога.

— Не, ребята, не понимаю я этих содомитов,— признался Истер Рыжий.— И что в том хорошего?

— Грех один! — грянул Тилен Верная Рука.

— Ощипали нашего петуха...— сказал Фудри Москвич, жалеючи.— Вишь, аж почернел весь!

— Да не, ворон это! — уверенно заявил Саук, сын Таза, и добавил с сомнением: — Или ворона...

— А это уж кому как! — заключил Хурта Славинский.

Варяги захохотали, засвистели, заколотили мечами о щиты. Доместик аж позеленел от злости.

— Р-разойтись! — заорал он, привставая на стременах.

Тут вперёд вышел Олег и спокойно спросил:

— Так мы и не услышали ответа: ты зачем припёрся?

— Я исполняю приказ базилевса,— ответил Дука лязгающим голосом,— и следую своему долгу! Гаэта должна понести кару — и она будет наказана!

— Кем? — по-прежнему спокойно спросил Сухов.

Змеиная улыбочка скользнула по губам доместика.

— Ты мог бы заметить вооруженных людей за моей спиной,— сказал он снисходительно,— мою армию!

— Вооружённых людей я вижу, а вот армии что-то не примечаю. Ну, довольно пререкаться, Дука. Прогулялся сюда? Теперь гуляй отсюда. Ноги твоей не будет в Гаэте, уж мы за этим проследим.

— Ты! — Лицо доместика исказила неприкрытая ненависть.— Пособник мятежников! Да ты сам бунтовщик! Взять его! Мечи к бою! Копья наперевес! Вперёд!

Угрюмые лица катафрактариев скрылись под забралами. Опустились копья с трепещущими флажками у наконечников. Оставляя доместика в тылу, конники обошли его с боков и неуверенно стали наступать на варягов и гаэтанцев.

Олег выхватил и высоко поднял меч, блеснувший на солнце. Турберн Железнобокий тут же развернул стяг с крылатым львом. Издалека донёсся слаженный стук, и полдесятка ядер, посвистывая на разные лады, принеслись с башен крепости и ударили по стройным рядам ромеев. А потом прилетел громадный валун, пущенный требукетом. Он ударил, с ходу размозжив двух всадников, подскочил и снова упал, погребая еще парочку пехотинцев. Хайробаллисты были орудиями дальнобойными — их снаряды оставили кровавые борозды в пешем строю. И тут же строя не стало — началась паника и толкотня. Никто не хотел умирать на странной войне, затеянной Дукой.

— Вперёд! — крикнул Олег.

И варяги навалились как следует. Выстроившись «клином», они втесались в людей и коней, больше потешаясь, чем сражаясь. Ещё ни одно войско не смогло удержаться под ударом «клина» и не дрогнуть, не расколоться, не побежать. Ромеи не были исключением — их воинство распалось надвое, как полено от крепкого удара топора. Варяги тут же перестроились, стали «стеной», точнее, двумя «стенами», всё отжимая и отжимая «вооружённых людей» — к городскому рву и к морю, а с флангов наехали гаэтанские кавалеристы...

— В воду их, в воду! — хохотал Инегельд.— Мочи подстилок лангобардских! Ха-ха-ха!

— Коней пожалели бы!

— А этот ещё и сопротивляется, гад!

— Врежь ему как следует!

— Убери меч! Всё ж таки базилевсовы люди...

— Свен! Не бей с размаху — прибьёшь ведь!

Это не было разгромом, скорее уж разгоном — ромеев приперли так, что они десятками валились в глубокий ров, падали в воду. Отягощенные бронями, вязли в донном песке, спотыкались, скрывались под волнами и показывались снова, уже совершенно ополоумев, мучительно выкашливая солёную воду.

Герцог Гаэтанский носился, скалясь по-лошадиному и охаживая ромеев плетью-трёххвосткой, Инегельд сжимал в руке меч, но на клинке почти не было крови — князь работал кулаком, круша челюсти налево и направо.

Не все струсили в стане ромейском, находились и там люди с твёрдым сердцем и закалённой волей. Такие не бежали, бросая оружие, а отступали, обороняясь. Но их было мало, а внутренняя убеждённость отсутствовала у всех.

Олег не шагал вместе с «клином», он искал Феоклита Дуку. Доместика закружила, завертела людская карусель, утянула куда-то в середину. Сухов угадывал местоположение Дуки лишь по красным перьям его гвардейцев, не бросивших командира.

Когда «клин» стал расходиться «стенами», в наступление перешла резервная полусотня Тудора, спустившаяся с горы. Вместе с нею явились венецианцы и среди них Витале Ипато.

Возбуждённый преординат наткнулся сзади на Олега и прокричал:

— Воистину, русы — величайшие воины! Превратить жестокое сражение в потеху — это верх мастерства!

Внезапно Ипато резко качнулся и стал падать на Сухова. Из груди у преордината торчало древко стрелы. «Как в Месокипии...» — мелькнуло у магистра.

— Витале! — крикнул он.— Держись! Сейчас Пончик тебя залатает! Держись!

Ипато слабо улыбнулся и покачал головой. Силясь выговорить хоть слово, он забулькал кровью — красные струйки побежали у него по подбородку, и проклекотал:

— Он в вас... целился... а попал... в меня...

— Кто он? Ипато!

— Дука... Доместик... Из лука... Я же видел... Олег!

Преординат неожиданно крепко вцепился в руку магистру:

— Олег... Забудь о договоре с дожем... Это... неправильно, грех это... Дож обманул... Был заговор, мы его поддерживали, а ты его раскрыл, только главный... от тебя... ушёл...

— Имя! Как его имя? Это Феоклит Дука?

— Нет... Мы называли его «Принцепс»... Он сам так себя называл...

Кровь у Ипато хлынула горлом, он открыл глаза шире, словно удивляясь чему-то, и взгляд его остекленел.

Олег бережно опустил голову венецианца на песок и поднялся. «Потешный бой» закончился — большая часть ромеев бежала, остальные сдавались пачками. Десятки раненых отползали с пути всадников, отыскивая, куда бы спрятаться. А иные просто приняли смерть ни за что ни про что.

Были потери и у русов, но варяги принимали смерть товарищей спокойно. Им заплатили — они вышли на бой. Всё по-честному. А то, что в залог отданы жизни... Что ж, со смертью не сторгуешься. Знать, судьба такая.

Кончился день. До Гаэты добрался обоз ромейской армии. Магистру Олегариусу удалось собрать больше тысячи бойцов из войска Дуки. Одни сами пришли на зов, вспомнив о дисциплине, других привели силой. Стратиоты, те подчинились сразу, а вот офицерьё было построптивей — всякие тагматархи и прочие чины упорно не желали подчиняться Сухову, а топотирит, заместитель доместика, прямо заявил, что в отсутствие Феоклита Дуки командование переходит к нему, и точка.

Пришлось варягам устраивать общий военный лагерь — рядовой состав ромейского войска в это время насыпал курган над павшими в нелепой битве за Гаэту. А уж когда греческие «тента» стали соседствовать с варяжскими палатками, многие строптивцы мигом присмирели — с русами особо не забалуешь. Чуть что не по ним — сразу кулаком в зубы, а потом быстро-быстро исполняешь отданный приказ и благодаришь Бога, что не секирой врезали.

Тихо подкралась ночь. Олег выставил усиленные дозоры — варяги по трое патрулировали лагерь. Но за всем не уследишь.

Сухов устроился в просторном шатре доместика схол, огромном — хоть цирковое представление устраивай. Стражу вкруг шатра выставил Курт Дулат — из проверенных булгар, но магистр лёг спать одетым и меч далеко не откладывал.

Феоклит Дука ушёл, и не один, а в горах прятались тыщи полторы ромеев, которым не было дано особого выбора — либо они сдаются магистру Олегариусу, либо остаются с доместиком. В ином случае их объявят дезертирами, а за это полагается суровое наказание. Если же Дука соберёт достаточно войска, то у него хватит «ума» напасть на лагерь, дабы воссоединиться с тысячей, признавшей Олега, и взять реванш. Безусловно, это будет акт отчаяния, но Феоклит давно уж действует за гранью здравого смысла. Да и что ему остаётся? Бездарно проиграв все сражения, может ли Дука надеяться на милость государя? Скорей всего, он сумеет оправдаться, его не со-

шлют, но нынешнее свое положение доместик схол утратит. Вот и тщится Феоклит наверстать упущенное, изменить баланс сил в свою пользу, одним ударом добиться перевеса и прибыть в Константинополь триумфатором.

Задремавший было Сухов внезапно насторожился — непонятная возня послышалась за пологом шатра. В следующее мгновение острый меч проткнул полосатую ткань и распорол ее. Внутрь ворвался булгарин в факиоле, он красноречиво поигрывал мечом. За ним вломились ещё трое, а четвёртым проник Феоклит Дука, тоже в цветастом тюрбане. Значит, это не болгары, подумал Олег, вскакивая и отводя меч.

— Явился, не запылился,— усмехнулся Сухов.— Проходи, гнида, будь как дома.

Доместик оскалился, вытаскивая меч.

— Я пришёл арестовать тебя, подлый варвар и сын варвара! — с ненавистью проговорил Дука.

— Рискни,— промурлыкал Олег.

— Взять его!

Двое лжебулгар тут же кинулись на магистра. Один не заметил молниеносного выпада и расстался с жизнью сразу, а другой оказался опытным рубакой — его короткие и резкие удары было сложно предугадать и отбить. Сложно, но можно. Почти что всякий мастер, достигая совершенства, выбирает любимую схему боя и держится её. Именно поэтому бывает так, что новичку удаётся одолеть профессионала, совершая неожиданный ход. Сухов, правда, и сам давно уж вышел в мастера, но не закоснел и был горазд на выдумку.

Перехватившись, он вцепился в рукоять спафиона правой пятернёй сверху, а левой упёрся в «яблоко» — навершие, и нанёс мгновенный удар сбоку, заимствуя этот приём из арсенала японских самураев. Клинок вошёл лжебулгарину между рёбер, и левая ладонь с усилием протолкнула лезвие, пропарывая сердце.

Выдернув меч, Олег отшагнул.

— Объясни мне, сволочь этакая,— заговорил он,— откуда в тебе столько ненависти ко мне?

— Варвар...— прохрипел Дука.— Поганый варвар... Из-за таких как ты, дикарей, пал Великий Рим! А ныне вы, как черви ненасытные, подтачиваете Ромейскую империю, последний оплот веры истинной! Я бы вас всех... истребил, выжег бы калёным железом, но тебя — первого!

Гаркнув: «Он — мой!» — доместик набросился на Сухова, очень быстро и толково орудуя мечом. С ходу сделав выпад — Олег отбил клинок — Дука отпрянул. Резко присел, чиркая лезвием по-над ковром, устилавшим пол шатра, как косой по траве. Сухов подпрыгнул и тут же скрестил мечи. Яростно скрежетнув, клинки расцепились — и скрестились снова. Звон стали частил, то и дело сменяясь лязгом. Дважды Олег почти добирался до Феоклита — острие вспарывало скарамангий, чиркая по коже.

Лжебулгары не вмешивались, и зря — втроём бы они уделали магистра, но доместика схол переполняла ненависть и гордыня, это удерживало гвардейцев. И слава богу.

Сухов бился с напряжением — противник ему попался достойный,— но частью сознания выгадывал одинединственный момент, тот самый, который позволит ему одержать победу. Олег держал в уме одну идею — испробовать иайдо, технику мгновенного удара. До сих пор ему не требовалось прибегать к школе Востока, поскольку и западной школы фехтования доставало ему, чтобы одерживать победы. Но тут был особый случай.

И момент настал. Дука притомился махать клинком, задержал меч на какой-то миг, и этого мига хватило магистру, чтобы вскинуть и опустить спафион так быстро, что лжебулгары и промелька не уловили. А вот Феоклит Дука поник — его тюрбан, разрубленный пополам, упал на ковёр справа и слева от ещё стоявшего, но уже мёртвого человека. Из расколотого черепа натекла кровь, заливая ощеренное лицо, и Дука рухнул.

Олег перевёл взгляд на лжебулгар, бледных и трясущихся. Как раз в это время пара стрел залетела через зияние в шатре, протыкая гвардейцев, а следом за стрелами ворвался Курт, Инегельд и ещё куча народу, разъярённого и винящегося.

— Прости! — покаянно взвыл Курт Дулат.— Не уследил! Трое моих купились на булгарскую одежду этих оборотней, и их зарезали!

— За всем не уследишь, Курт,— устало сказал Сухов.— Лучше уберите отсюда эту падаль. Я спать хочу...

«Чёртова дюжина» окружила шатёр непроницаемой стеной, и магистр заснул, проспав до самого утра.

А утром в гавань Гаэты вошли пять дромонов ромейского флота. На «Феодосии Великом» прибыл сам Иоанн Радин. Олег вышел его встречать.

— Приветствую тебя, сиятельный,— произнёс друнгарий флота, с изумлением рассматривая частокол военного лагеря и поредевший строй катафрактов.— Откуда?!

— Из Апулии, светлейший,— ответил Сухов и коротко посвятил Радина в события последних дней.

— Что ж, я не удивлён,— криво усмехнулся друнгарий флота.— А где же сам Феоклит?

— Не повезло доместику,— вздохнул Олег,— напоролся на меч.

— Бывает. Что ж, я рад вашим успехам, сиятельный. Ваши варанги с честью исполнили волю божественного, и мне поручено передать вам заветный сундучок.

Радин махнул рукой, и шестеро матросов-здоровяков с трудом спустили на берег тяжелый сундук.

— В нём золото,— объяснил Радин.— Базилевс лично приказал мне поручить подкуп короля Гуго тому из военачальников, кто одержит внушительные победы и, вообще, проявит себя. К сожалению, полководческие таланты оказались несвойственны Феоклиту Дуке, и я еще две недели назад отправился в Кампанию, чтобы убедиться в твоих успехах, сиятельный. И я убедился.

— Скажи, светлейший, а Дука знал об этом поручении императора?

— Думаю, да.

— Угу... Тогда понятно, почему он так не хотел видеть меня живым... Ну ладно. Эй, ребятки! Тащите сундучок

на «Пардус»! Клык, покажи им дорогу! Прощайте, светлейший, удачи вам.

— И куда мы? — раздался громовый голос Инегельда.

— В Рим!

ГЛАВА 15,

в которой Олег даёт взятку королю Италии

Венецианские сандануны покинули Гаэту ещё ночью, хеландия «Св. Георгий Победоносец» вошла в состав эскадры Иоанна Радина, а семь лодий отправились дальше на север, исполнять волю императора.

Настроение у варягов было приподнятым — война как бы кончилась, своё дело они сделали. Добра всякого добыто изрядно, потери на удивление малы, а по возвращении их ещё и наградят — базилевс щедр к тем, кто верно служит ему. И варяги пели — голосили, не таясь в виду берега.

По правому борту тянулись песчаные пляжи, а чуть выше виднелась римская Прибрежная дорога, виа Латералис, обсаженная кипарисами и туями. Вдалеке чернел целый лес, а перед ним лежали Лаврентинские болота, северней переходящие в Остийское озеро. Слева однообразно синело море, мирное и спокойное, оно словно ластилось к лодьям, игриво плеская в борта.

А потом показалась Остия, в древности — главный порт, «уста Рима», а ныне запущенный, запакощенный и богом забытый городишко. Башня маяка-Фароса по правую руку всё ещё торчала кирпичной свечой, но на её закопченной макушке давным-давно не возжигали огня, привечая странствующих и путешествующих. Сохранился и громадный храм Нептуна — он стоял ближе к городу. Правда, знаменитая четвёрка бронзовых слонов, некогда украшавшая его фронтон, давно уж перекочевала

на Золотые врата Константинополя, а на её месте установили огромный чёрный крест.

В остийском порту варягов поджидали усатые и бородатые щитоносцы в кольчугах и при мечах. На их треугольных щитах узнавалось имя Иисуса Христа, выдавая гвардию Иоанна XI. Гвардейцы препроводили лодьи на стоянку папских галер.

Там их витиевато, но на грубой латыни приветствовал посланник трёх политических сил сразу — папы римского, короля Гуго и Марозии. Посланник был не мал и не высок, не стар и не молод. Невзрачный, потертый жизнью. Никакой. Его сухое лицо, обтянутое жёлтой, как пергамент, кожей, излучало абсолютное смирение и полную отрешённость от земного.

— Как прикажешь обращаться к тебе? — поинтересовался Олег.

— Аббат Сальватор,— поклонился тот.

— Магистр и аколит Олегариус, будем знакомы. Коней нам хоть подадут?

— О, да! — поклонился Сальватор.— И вас уже ждут.

— Приятно слышать. Поднимайтесь на борт, аббат, покажу вам «посылку» от базилевса...

Когда поднялась крышка заветного сундука, и по глазам Сальватора ударил тусклый, маслянистый блеск золотых монет, аббат онемел будто.

— Засвидетельствуете перед королем,— сухо сказал Олег,— что император готов платить за мир. «Посылка» будет в целости и сохранности доставлена по назначению — в Павию. Князь,— обернулся он к Инегельду,— остаёшься за меня. Лады?

— Лады! — ухмыльнулся Клык.— Ты, это, «чёртову дюжину» прихвати с собой. Мало ли...

— Айда, ребята! — махнул Олег «ребятам», среди которых почему-то затесался Пончик.— Прогуляемся!

— Вас ждут одного, магистр,— забеспокоился Сальватор,— гвардейцы понтифика обеспечат охрану и неприкосновенность!

— У меня своя гвардия,— отмахнулся Сухов.

На щеках аббата закраснелись пятна нервных волнений, губы сжались в бледную полоску.

Чтобы перевезти всех, пришлось опустошить ближайшую конюшню, выведя пятнадцать коней гнедой и белой масти. Олег выбрал гнедка и вскочил в седло.

— Веди нас, Вергилий, в смысле — Сальватор!

Аббат покорно влез на тощего вороного мерина-аскета и потрусил впереди кавалькады.

Улицы остийские были распланированы как в римском лагере — с юга на север и с востока на запад. Жили тут, в основном, в инсулах — обшарпанных многоэтажках имперских времен, да в землянках. Новых домов было мало, а те, что появились после римлян, архитектурными изысками не блистали, больше напоминая трущобы.

Вперёд выехал Пончик на белом коне и поравнялся с Олегом.

— Что-то я не припоминаю имени «Александр» в списке «чёртовой дюжины»,— притворно задумался Сухов.— Ивор в ней числится, и Свен, и Стегги, и все прочие, а вот Александр — нет.

— Куда ж ты без меня? Ещё заедешь не туда. Угу...

Кавалькада свернула на главную улицу — Декуманус Максимус — и вниманием Олега завладели остийцы. Господи, кого тут только не было! Нищие и побирухи, лжемонахи, убогие, странники, калики, безродные священники, отставные наёмники, моряки с галер, колодники с отрезанными ушами, а вперемежку с ними — кочующие мастеровые: мебельщики, ткачи, кузнецы, лудильщики, точильщики, плетельщики, а за ними снова и снова вороватый люд любого мыслимого разбора — ошуканы, тати ночные, карманники, мнимые паралитики, торговцы чудотворными мощами, лжепроповедники, почтеннейшие христарадники, костыльники и прочая странная сволочь, пугающая темных людей, дурящая их, обирающая, паразитирующая на бедах и радостях человеческих...

Варягов они заметили сразу и очень оживились — какое-никакое, а зрелище! Из толпы сразу понеслись попреки и ругательства:

— Разрази и убей вас Господь!

— Язычники вонючие!

— Всепокайтеся!

— Да от них серой несет!

— Мало их жгли!

А Олег ехал, и ему на ум приходило сравнение с походом в зоопарк. Ты — по одну сторону решёток, а по другую — гиены, макаки, рептилии... Так и здесь — едешь и наблюдаешь за носителями разума в естественной обстановке.

— Надавать бы вам,— процедил Свен.— Псы смердящие!

— Не обращай внимания на убогих,— сказал Олег.

Он смотрел брезгливо и безразлично, чем выводил толпу. Сухов долго терпел выходки малых сих, но один юродивый, таскавший за собой на веревке дохлую собаку, все же допросился. Юрод был гол и чудовищно грязен, копна сальных, сроду не мытых волос торчала а-ля дикобраз; тощие чресла прикрывала повязка, не годная даже в половые тряпки.

— Возмоли! — заверещал убогий.— Святый папа да свобождает от греха! И Господу Богу помолимся! И аминь!

Он подскочил к гнедому, оседланному Суховым, схватил коня за гриву и нацелился харкнуть. Этого Олег стерпеть уже не мог. Он с размаху заехал сапогом по наглой харе — юродивый улетел в толпу вместе со своей собакой. Толпа ахнула, отхлынула и нахлынула, готовая вступиться за божьего человека, но тут уж варяги не подкачали, наехали на разумных и рассеяли, наподдав повернутыми плашмя мечами.

— Инкуб и суккуб! — гнусаво верещал голос юродивого.— Зряще како землю жрать твой дух! И на небеси! Всепокайтеся!

Удовлетворенный, Олег фыркнул.

— Так ему! — ликующе сказал Пончик и продолжил экскурсию.

За Остией потянулись виноградники, садики-огородики. Мальчишки без штанов, но в куртках пасли овечек на молодой травке, крестьяне с лицами цвета седельной кожи погоняли осликов. Это был вид слева. Справа нёс

свои мутные воды Тибр, не знавший пока мелей по вешнему-то растополью.

Двумя часами позже кавалькада подъезжала к Риму, следуя Портовой дорогой. Вид Вечного города угнетал. Кипарисы по-прежнему отливали темной зеленью, и стены Аврелиана стояли нерушимо, но не выглядывали больше из-за них купола терм — обрушились те купола. Не угадывались гребеночки храмовых колоннад — разнесли те храмы во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа...

Подковы процокали под сводами Портовых ворот, будя тени тысячелетия, и варяги оказались в пределах «Апостольской столицы», проезжая мимо садов Цезаря, порядком вырубленных на дрова. На том берегу широко раскинулся Эмпорий — громадный склад, окружённый колоннадой и оттого смахивающий на храм. А за Эмпорием поднимался Авентинский холм, застроенный домами для бедных, заросший деревьями и сорной травой.

Спрямляя путь, Сальватор переправился по мосту Цестия на остров Тиберин, объехал развалины храма Эскулапа и выбрался на левый берег реки напротив каменного театра Марцелла, полукруглого здания удивительной сохранности,— все арки уцелели на его ярусах, и даже отдельные статуи.

Здесь, в районе Марсова поля, народу прибавилось — люди гуляли, приценивались к товарам на импровизированных базарчиках, обменивались сплетнями, окружали бродячих мимов и жонглёров, торговали пирожками вразнос и якобы родниковой водой.

Протолкавшись через толпу, кавалькада потрюхала далее — мимо театра Бальба и портика Октавии, лишившегося половины своих колонн,— их увезли в Константинополь, украшать Месу. Мимо театра Помпея, мимо терм Агриппы, мимо цирка Фламиния. Выехав к Большим портикам, кавалькада устремилась по ним, добираясь до замка Сан-Анжело между колоннад, кое-где поддерживавших уцелевший навес.

Олег не уставал вертеть головой. Город-призрак... Времена, когда Рим вмещал в себя миллион народу, шу-

мел на всех языках и переливался всеми красками, прошли. Навеки. Ныне в экс-столице мира числилось полтора дома на душу населения. Целые кварталы были безлюдны и оглашались лишь хриплым мявканьем кошачьих разборок. Даже один оставленный хозяевами дом, и тот тоску наводит, а что тогда говорить о брошенных улицах? Прилизанные кипарисы лишь сгущали привиденческие настроения — эти деревья не шелестят...

И всё же тот давний, имперский Рим узнавался — уж слишком долго строили римляне, слишком много чего возвели, чтобы всё это превратилось в руины и сровнялось с землёй. Сухов глядел в оба, ибо всё, что попадало в его поле зрения, исчезнет к будущим векам безвозвратно. Пятьсот лет рушили Рим и ещё столько же будут рушить, используя творения древних зодчих в качестве каменоломен. Не остготы с гуннами уничтожили Вечный город, и даже не вандалы — те интересовались одними золотыми цацками. Вожди варваров, вроде Тотилы или Алариха, даже оплачивали ремонт римских зданий и храмов. А вот христиане объявили священную войну языческому наследию, разрушая старый мир до основания, а затем из бэушных стройматериалов кое-как выстраивая свой, новый мир — убогий, нищенский, уродливо помпезный и стандартно безликий, больной, по-рабски и бездарно копирующий отвергнутое, превращенное в руины и идеологически перепаханное...

Впрочем, стоит ли попрекать этим одних христиан? Все так делали.

Где семь чудес света? Нету их. Даже пирамиды уже не те — арабы подчистую ободрали с них облицовку, выкладывая мечети из полированных плит, испещрённых иероглифами нечестивых. А сами фараоны чем лучше? Правители Среднего царства приказывали разбирать дворцы и храмы эпохи царства Древнего, а их постройки, в свою очередь, ломали выходцы из династий Нового царства.

Где великий град Вавилон? Пергам где? Карфаген? Нету их! Одна цивилизация перетирала другую не хуже орды варваров — в лом, в щебень, в пыль.

И какой только дурак додумался до того, что человечество развивается по спирали, от витка к витку набираясь ума, накапливая сокровища Мысли и Духа? Нет, больше всего исторический путь народов мира напоминает электрокардиограмму больного, где пики расцвета сменяются провалами, крушением, гибелью, забвением. И вновь подъём, и опять спад. Пришёл конец Риму — и вся Европа погрузилась на тысячу лет во мрак невежества, мракобесия и кровавых потасовок. К несчастью, новая вера не воспользовалась кладезем античной цивилизации, а забросала его мусором и гадостью. Ещё лет пятьсот брести европейцам до Ренессанса, заново открывая то, что давным-давно было известно римлянам, эллинам, египтянам. Воистину, прогресс — сизифов труд, дурная работа для избранных!

— Подъезжаем,— разлепил губы аббат.

Впереди дорога упиралась в берег Тибра и продолжалась мостом, подводящим к грандиозному мавзолею Адриана, ставшему для варваров замком Сан-Анжело.

Трубачи, заметив подъезжающих, вскинули трубы и исполнили нечто вроде торжественного приветствия. Стражники сделали «на караул».

— С почётом встречают,— хмыкнул Пончик.— Угу...

Спешившись, Олег передал поводья подскочившим конюхам и зашагал под гулкими сводами длинного коридора, освещённого факелами в держаках, закоптившими весь потолок.

— Знаешь, Понч,— сказал Сухов по-русски, на языке, который не понимал никто в этом веке,— я, кажется, понял, что меня гложет и грызет.

— И что же это?

— Неадекватность! Молчи! Я имею в виду, что мы с тобой неадекватны этому времени. Побывать в прошлом интересно и познавательно, но жить в прошлом...— Олег затряс головой.— Ведь мы с тобой не какие-нибудь нищедухи, которым лишь бы напиться да спать завалиться. Нам обязательно надо достичь высот, добиться успеха, реализовать себя. Но как нам, пришельцам из века два-

дцать первого, реализоваться в веке десятом? Мы стали теми, кем стали, не потому, что хотели этого, а потому, что в ином случае остались бы никем — рабами или простолюдинами, обречёнными на пожизненное убожество!

— Повторяешься. Ты уже говорил как-то, что наши достижения в лето 935-е по Рождеству Христову ничего не значат для будущего. Угу...

— Так именно! Ни-че-го! Ну кем я могу стать в 2007-м, если вдруг возвернусь? Тренером по фехтованию? Переводчиком с латыни, греческого, старофранцузского и прочих мёртвых языков? Разве я к этому стремился ТАМ? А жизнь-то проходит!

— А ты хоть помнишь, к чему ты ТАМ стремился? — сказал Пончик с неожиданной агрессией.— Да ты, вообще, стремился хоть к чему-нибудь? Жизнь у него, видите ли, проходит! Идёт она у тебя, а не проходит, понял? У тебя есть всё, что нужно для счастья! Вот и будь счастлив. Угу...

— Ишь ты его... Ты чего это, светлейший, на сиятельного хвост поднимаешь?

— Да иди ты... Думаешь, мне здесь и сейчас комфортно и хорошо? Я тоже, знаешь ли, хочу по Невскому бродить, а не по Месе! Ну и что? Мироздание или Господь Бог не берёт в расчёт мои хотения. Так что живи, сиятельный, и получай от процессов жизнедеятельности максимум удовольствия! Вон, щас с живым королём свидишься. Где бы ты в своём 2007-м встретил монарха? Угу...

— Неадекватно, Понч...

Поднявшись по винтовой лестнице, Сухов со товарищи оказались в обширной зале, вдоль стен которой выстроились высокородные римляне — варвары из варваров, но все сплошь сенаторы да консулы. Потомки победителей равняли себя с давно побеждёнными, тщась отразить своими жалкими побрякушками гордое сияние «Gloria romanorum» — славы римской. Хотя, что с них взять, с варваров?..

Из глубины зала к Олегу приблизились двое, мужчина и женщина. Крепкого мужика с лысиной, прикрытой короной, представлять нужды не было — король Гуго

Арльский собственной персоной. А женщина, надо полагать, его жена Марозия, сенатрисса и патрикия.

Ах, какая женщина! Невысокая, но стройная, с талией не требовавшей корсета для ужатия, большегрудая брюнетка. Немудрено, что Гуго принял её предложение руки и сердца. Вот именно — её предложение! Впрочем, Сухова не подавляло властное превосходство Марозии. Ум этой властительницы-обольстительницы, энергия и сила её почти не замечались Олегом. Да и не интересовали его ни внутренний мир супруги короля Италии, ни её дорогие одежды. Прежде всего, он видел в Марозии женщину, саму сущность её пола. В каждом движении тела сенатриссы и патрикии — в изгибе бедра, в наклоне шеи, в улыбке — сквозили вызов и яростный призыв. Каждый взгляд её чёрных глаз, огромных и блестящих, обжигал и волновал кровь, даруя бесстыдные обещания.

— Его величество король! — торжественно провозгласил герольд.

Олег молча поклонился Гуго, затем церемонно сделал ручкой Марозии. Женщина сладко улыбнулась в ответ.

— Наслышаны о ваших победах, магистр,— проскрипел король.— Думаю, князь Ландульф устрашился достаточно для того, чтобы искать мира с императором.

— Надейся на лучшее, а готовься к худшему,— тонко улыбнулся Олег.— Лично я предпочитаю не надеяться и верить, а быть уверенным. Лучше уж пусть сам Ландульф утратит надежду на помощь вашего величества и убоится союза короля Италии с автократором ромеев. Поддержка ваша будет неоценима, хотя уже оценена высоко.

— О, да! — воскликнул Гуго.

— Сальватор описал дары императора шёпотом,— сказала Марозия нежным голосом, глаз не сводя с Олега,— а это для нашего аббата признак наивысшего восторга.

— Так дар принят? — спросил Сухов, также не отводя взгляда.

Супруга короля потупилась и отвесила лёгкий поклон.

— Мы поддержим базилевса в трудную для него минуту,— важно проговорил король.— Я сейчас же отошлю

приказ моим войскам, чтобы выступили на Беневент и Салерно,— пусть Ландульф поймёт, наконец, что игра проиграна.— Обернувшись к Марозии, он сказал: — Дорогая, проводи магистра в трапезную. Я присоединюсь к вам, как только покончу с делами.

Женщина взяла Олега под руку и повела, куда ей было сказано. Проходя галереей, она повернула голову к нему и проговорила волнующим грудным голосом:

— Я в жизни не встречала такого мужчину, как вы.

— Такого длинного? — пошутил Сухов.

— Такого сильного! Вероятно, женщины не отказывают вам? Ведь вы им нравитесь — сужу по себе!

— Это надо спросить у женщин...

— Ах,— вздохнула Марозия томно,— вы даже не представляете себе, как это трудно — отыскать мужчину, чьё превосходство не наигранно и не поверхностно! Гуго я покорилась, но подчинилась бы вам одному...

— Марозия,— негромко проговорил Олег,— не пробуждайте во мне желаний, затмевающих рассудок...

— Если рассудок мешает чувству, он излишен.

Гости между тем спешили в трапезную, торопливо занимая места за огромным столом. Марозия провела Олега на почетное место рядом с креслом короля и уселась рядом. Напротив сидела молодая женщина, удивительно похожая на Марозию.

— Познакомьтесь,— сказала супруга короля, сенатрисса, патрикия и прочая и прочая,— это Теодора, моя сестра.

Теодора мило улыбнулась Сухову. Если сама Марозия лицом и фигурой напоминала ему Софи Лорен в расцвете лет, то Теодора была ею же, только помоложе. Ох и сестрички... Хотя в гневные обличения Олег не верил. Не были Марозия с Теодорой шлюхами. Зачем им, богатым и знатным дамам, жалкий удел куртизанок? Сенатриссы выходили замуж, заводили любовников, были жестоки и коварны — нормальные женщины, адекватные своему веку.

— А правда, что вы — варанг? — спросила Теодора, взмахивая длинными ресницами.

— Правда,— признался Сухов.

— В первый раз встречаю настоящего варанга!

Тут пришёл король, и разговоры смолкли. Марозия наклонилась к Олегу и проговорила:

— Ваш тост — первый.

Магистр и аколит протянул чару лакею, тот моментально наполнил её вином. Сухов встал и поднял чашу:

— За короля!

— За короля! За короля! — зашумел зал.— Виват, король Уго!

Все дружно выпили до дна, закусили, и пошло — за императора, за дам, за гостей, за то, за сё. Торжественное мероприятие стремительно превращалось в разгульную пирушку, но Олег не воспринимал происходившее вчуже — он и сам выпил изрядно. Потом король пригласил к столу варягов из «чёртовой дюжины» — и как тут не выпить за грозных воинов, потрясателей Амальфи, Неаполя и Гаэты? Выпили и закусили не раз и не два.

Начинало уже темнеть, когда Марозия увела из-за стола порядком набравшегося Олега. Сухов почти что твёрдо стоял на ногах, разве что покачиваясь изредка, но в голове у него плавала весёлая муть, а возбуждение росло и росло, пьяня без вина. В галерее к ним присоединилась Теодора, и сестры вдвоём вывели Олега из замка и подсадили его в нарядную повозку.

— Куда мы? — с трудом выговорил магистр.

— В Латеранский дворец! — ослепительно улыбнулась младшенькая.

— Навестим папочку римского! — хихикнула старшенькая и велела трогаться.

К Латеранскому дворцу подъехали со стороны базилики Св. Иоанна. Строгое изящество древнего дома Латеранов скрывало за стенами безумство роскоши.

«Что и говорить,— подумал Сухов, малость протрезвевший на свежем воздухе,— неплохо понтифик устроился». Позолоченная бронза переливается, нумидийский мрамор инкрустирован мрамором александрийским, на

полу мозаика тончайшей работы — словно идешь по гигантской картине в сеточке трещинок-кракелюр. Канделябры из массивного серебра свисают с потолка в виде огромных гроздей, заливая палаты мерцающим жёлтым светом. У каждых дверей истуканами торчат гвардейцы. Серыми мышами, а также черными, красными и лиловыми семенят всякого сана клирики и каноники, монахи-бенедиктинцы и монахи-августинцы. В воздухе мешается странный набор запахов — ладана, пыли и пота.

— Не думаю,— промычал Олег,— что Его Святейшество будет рад встрече с пьяным сиятельством...

Теодора рассмеялась, а Марозия пропела:

— А мы не скажем Иоанну, мы пойдём в купальню! Умберто, истопил ли?

Толстый евнух, не замеченный Суховым ранее, уверил сенатриссу и патрикию, что воля её исполнена в точности, и самолично распахнул высокие двери из мореного дуба с позолотой, ведущие в купальню. За дверями скрывался круглый зал с парящим бассейном. Краны в форме серебряных дельфинчиков были открыты, подливая горяченькой.

Стены зала из снежно-белого мрамора были разделены гранитными пилястрами, а покрывал его купол, разбитый на глубокие квадратные ячейки-кессоны. Они мельчали снизу вверх, и от того создавалось впечатление, будто полушарие купола вытягивалось, делаясь яйцевидным. Внутри кессонов поблескивали позолоченные бронзовые розетки, похожие на крупные звезды.

— Купаться! Купаться! — закричала Марозия, снимая с себя парчу и шелка. Невесть откуда появившиеся нагие девицы помогли ей справиться с завязками и взялись раздевать Олега — Сухов не сопротивлялся.

Голые и босые, сестрички представились Сухову ещё более привлекательными. Спустившись за ними в горячую воду, он едва не застонал от удовольствия — это ж сколько времени его тело не знало мытья?

Теодора с Марозией принялись намыливать Олега с ног до головы, восхищаясь его статью, а искупав, налили вина и заставили выпить.

Выбраться из бассейна Сухов смог лишь с помощью визжащих и хохочущих девиц, сразу обступивших его с простынями, укутывая и промакивая распаренное тело.

Следом бассейн покинули сестрички и повели Олега в опочивальню. Пол её был теплым и почему-то шатался, валясь из стороны в сторону. Сухов повалился на постель, встал на четвереньки, упал на бок и пополз к подушкам. Тут и слева, и справа к нему прижались горячие женские тела; ладони, губы и языки Марозии с Теодорой довели возбуждение до предела — впервые в жизни он занимался любовью втроём.

Он ощущал, как чьи-то ноги то раздвигаются под ним, то обхватывают его со спины, то закидываются ему на плечи, но чьи именно — не различал. Кто стонал — Теодора или Марозия? А за чью грудь он хватался? Чьи бедра тискал? А какая ему разница? Вот Марозия лежит под ним и царапает ему спину ноготками, кричит от наслаждения и закидывает голову... А вот Теодора опускается на колени, выгибая спину, а он тискает её то за ягодицы, то за талию, то за груди... Две женщины оказываются сразу везде, обволакивая Олега, обнимая, оглаживая и ублажая, исполняя все его желания и все свои хотения, более чем необузданные.

Сухов забылся тяжёлой дрёмой, но даже во сне он погружался в горячее и влажное, соседствуя с мягким и упругим, гладким и шелковистым...

ГЛАВА 16,

в которой Олег стойко принимает удары судьбы

Олег проснулся, но не проспался. Хотя за окном ярко светило солнце — фигурные стекляшки бросали пёстрый отсвет на разворошенную постель,— отдохнувшим он себя не чувствовал. Сухов протёр глаза.

Свод над опочивальней был разрисован на темы, далёкие от божественных,— вакханки плясали по нему, изгибаясь самым непристойным образом. Колонны розоватого мрамора поддерживали купол потолка позолоченными капителями, приподнимая вакханок над суетой.

Олег перекатил голову по подушке влево, чувствуя тяжесть в голове и тупую боль.

Слева возлежала Марозия, свежая и румяная, словно после холодного душа. Лежала и улыбалась.

У Олега мелькнула мысль, что вовсе не выпитое вино представило её красавицей, Марозия на самом деле была хороша. И очень сексуальна — женщина до кончиков ногтей.

Сухов поморщился. Вопрос: что он теперь скажет Алёне? Отговорки типа «боюсь расстроить жену, потому и скрываю правду о любовнице» содержат один лишний элемент. Надо убрать слово «расстроить», поскольку оно лживо, и тогда всё будет верно. Боюсь, потому и скрываю! Но в нём-то страха нет. Конечно, ему не хочется расстраивать Алёну, но и скрывать измену он тоже не станет — так ещё противней.

В общем, простит его Алёнка — хорошо, не простит — сам виноват. Пить надо меньше. Или это тоже отговорка? Э, нет, сиятельный, не дели провинность с алкоголем — вино само в глотку не льётся!

— А где Теодора? — спросил он, не найдя лучшей темы для разговора.

— Прихорашивается,— улыбнулась Марозия.

Протянув руку, она нежно погладила лицо Олега. От неожиданной ласки он даже глаза закрыл. Лёгкие касания женских пальцев будили совсем иные чувства, нежели вчера. Часов десять назад Марозия извивалась, крича от страсти, она отдавалась вся и целиком, яростно, обжигая и обжигаясь, не тая ничего, не приберегая на потом ни слова, ни жеста, ни поцелуя. А ныне она мягкая-мягкая, ласковая-ласковая...

— Марозия...

Сухов положил ладонь на грудь женщины, ощущая под пальцами тёплую атласность и неожиданную туготу. Сжал, погладил, легонько защемил сосок.

— Я люблю тебя...— прошептала Марозия, прикрывая глаза трепещущими ресницами.

Колкий звон развеял розовый романтический туман — тяжелая стрела влетела в окно и воткнулась в спинку кровати, задрожав грязным оперением.

Марозия не вскрикнула, она порывисто метнулась к Олегу — не ища защиты, но оберегая его самого. Распахнулась дверь, и в опочивальню вбежала Теодора. Женщина была в одной рубахе-шэнс, лицо её с трудом сохраняло спокойствие, а глаза были широко распахнуты.

— Альберих поднял восстание! — воскликнула Теодора.

— Мой Альберих?! — изумилась Марозия.

— Да, да! Он вооружает римлян против тебя и Уго! Воспользовался, что король отправил войско к Беневенту, и восстал!

— Мой Альберих...— проговорила супруга короля.— Моя кровь...

Ещё одна стрела влетела в окно, оставляя щербину на мраморе колонны.

— Надо уходить отсюда! — заметалась Теодора.

Олег, забыв про похмелье, вскочил и быстро стал облачаться — чьи-то умелые руки (он вспомнил вчерашних девиц) аккуратно сложили его одежду на деревянном кресле рядом с кроватью.

Одевшись, обувшись, нацепив перевязь с мечом, он обернулся к Марозии. Женщина подбежала к нему, приникла, вставая на цыпочки, и нежно поцеловала.

— Беги в замок, любимый,— сказала Марозия, задыхаясь.— Спасай моего муженька — это сейчас самое важное!

— А ты?

— А что Альберих сделает своей матери? Беги, любимый мой, беги!

Обняв Марозию на прощание, Олег поцеловал её и выбежал вон.

Удивительно, но память подсказала ему дорогу.

В большой приёмной Латеранского дворца шёл вялый бой — мятежники сражались с гвардейцами папы римского.

— Иоанн! — раздался трубный глас, и в приёмную ввалился огромный загорелый человек с повязкой на глазу. Единственное око великана горело яростью.— Где Иоанн?

— Здесь, здесь! — закричали за высокими дверями.— Ведём уже!

Створки с грохотом распахнулись, и двое в гражданском платье выволокли папу Иоанна XI. В белом одеянии, с растрёпанными волосами, понтифик представлял собой жалкое зрелище, хотя и сопротивлялся — вырывался, упирался ногами в притолоку, кусался даже.

— В тюрьму ублюдка! — взревел одноглазый.— Приказ Альбериха! Живо, живо давайте! А эти почему до сих пор тут?

Под началом великана римляне набросились на гвардейцев с новой силой. Олег, прячась за шторой, проскользнул за ряд колонн и выскочил в длинный коридор. Спасать папу римского он не имел никакого желания — это была не его война. А вот Гуго Арльский должен быть спасён, иначе весь план базилевса провалится, и все подвиги, все потери утратят смысл и значение.

Из поперечного коридора выбежал юнец с мечом наголо. Увидев перед собой незнакомца, он храбро — или сдуру — бросился на Олега. Сухов увернулся, выхватывая меч, и перечеркнул юнцу горло отточенным остриём. Храбрец-глупец осел на пол, брызгая кровью.

Выбравшись наружу, Олег увидел огромную толпу народа, обступившую лестницу к церкви Св. Иоанна. Народ волновался, то шапки от восторга подкидывая, то грозя кулаками, то просто исторгая вопли от избытка чувств.

На верхней ступеньке лестницы стоял молодой мужчина в дорогих одеждах, с длинными вьющимися волосами и толкал речь.

— Достоинство города Рима настолько уже оскудело[1],— гремел оратор, надрывая связки,— что повинуется даже

[1] Подлинный текст. С этими словами Альберих обратился к римлянам в день восстания.

распоряжениям блудниц! Что может быть более гнусным и отвратительным, чем допускать гибель города Рима из-за нечестивого брака одной женщины и позволять бывшим рабам римлян, то есть бургундам, повелевать римлянами? Если меня, своего пасынка, он ударил по лицу, будучи ещё только новым и чужим для вас человеком, как, вы думаете, станет он обращаться с вами, когда укрепится здесь? Разве не знаете вы ненасытности и высокомерия бургундов?

— Знаем! — закричали из толпы.

— Мы с тобой, Альберих!

Альберих бледно улыбнулся и продолжил с ещё большим напором:

— Обратите внимание на само значение их имени! Ведь вот почему назвали их бургундами: когда римляне, покорив мир, привели множество пленных из их рода, они велели им возвести себе дома за пределами города, но чуть позже изгнали их за высокомерие. А так как те называют «бургом» кучку не окруженных стеной домов, то римляне и прозвали их бургундами, то есть изгнанными из бургов. Впрочем, они зовутся ещё и вторым, туземным именем — галлами-аллоброгами. Я же, согласно присущему мне благоразумию, называю этих бургундов горланами, как потому, что они из-за высокомерия кричат во всё горло, так и потому — что более правильно,— что они без меры предаются обжорству!

Олег, обходя толпу, наткнулся на пару лошадей, привязанных к дереву. Мигом развязав скользящий узел, он вскочил в седло и послал коня рысью.

— Эй, стой! — заорали сзади, но Сухов почему-то не послушался, а лишь прибавил скакуну прыти.

А толпа римлян всё росла, накал страстей набирал жару, крики «Бей бургундов! Бей Уго!» сливались в восторженный рёв — мирные жители радовались редкой возможности пограбить да побесчинствовать.

С холма Целия, застроенного некогда роскошными особняками, Олег спустился на Пренестинскую дорогу и

проскакал к амфитеатру Флавиев, который римляне прозвали Колоссумом, или Колоссеем.

Объехав желто-коричневую громаду, местами белевшую не снятой еще облицовкой, Сухов направил коня под арку Тита — сооружение величиной с пятиэтажный дом. Громоздкая кубатура арки была выложена белоснежным пентелийским мрамором, а на самом верху «божественный Тит, сын божественного Веспасиана» стоял в позе Аполлона на бронзовой колеснице и правил четверкой лошадей. Безвкусная пышность арки казалась и вовсе нелепой рядом с хижинами римлян, как попало слепленных из подручного материала, скученных и убогих.

Олег не погонял коня, боясь привлечь внимание, и смотрел во все глаза на город и горожан. По всему было видно, что Альберих найдёт у народа и сочувствие, и поддержку,— римляне собирались группками, оживлённо тараторя, разбегались и сходились снова. Многие являлись с оружием, не пряча дедовских мечей и луков,— голытьба с энтузиазмом откликнулась на призыв «Бей бургундов!». В принципе, босякам было всё равно, кого бить, лишь бы пограбить всласть, понасильничать как следует, не боясь наказания.

— Сиволапые! — скривился Олег.

Сразу за аркой Тита начинался Форум — толстый слой покрывал каменные плиты, а поверх хорошо принялся бурьян. Безносые, а то и безголовые статуи по пояс высовывались из глинистых отложений, вразброс росли священные деревья, еще помнившие прежние времена.

— Стой! — бросилась к Олегу шайка «р-революционно» настроенных римлян.

Бежавший впереди худосочный типчик с редкими волосёнками грозил копьём. Неумело ткнув им в магистра, он промазал, зато магистр не оплошал — вырвав копьё из рук худосочного, он треснул того древком в лоб. Римлянин упал, раскидывая конечности. Перехватившись, Сухов без замаха пригвоздил худосочного его же копьём. Шайка дунула прочь, огрызаясь через плечо...

Поплутав среди древних храмов и церквей-новоделов, Сухов выбрался на Марсово поле и поскакал к Тибру.

Скачками приближался замок Сан-Анжело, а справа, по улице Ретта, уже мчались передовые отряды восставших. Их кони и повозки летели будто наперерез Олегу. Бунтовщики в разномастных одеждах, часто в рванье, правили стоя и залихватски гикали, понукая лошадей, мулов и даже ослов, орущих громче своих непутёвых хозяев.

Сухов первым одолел мост через Тибр и на ходу соскочил с коня. Растерянные гвардейцы толпились у толстых решетчатых врат, запиравших вход в замок, и не знали, что же им предпринять.

— Где командир? — гаркнул Олег.

— Спит! — выпучил глаза бравый солидарий.— Перебрали они вчера!

— Телеги тут есть?

— Есть, как не быть.

— Так чего ты стоишь, глазами лупаешь?! Живо выводи телеги на мост и ставь их поперёк! Бунтовщики уже на подходе! Живо!

Солидарий умчался.

— Лучники имеются? — воззвал Сухов.

Четверо покинули строй.

— Луки в руки — и отстреливайте голытьбу!

Четвёрка умчалась.

— Мы тоже тута! — сообщил знакомый голос.

Магистр с радостью узнал Малютку Свена.

— Ты здесь, «малышок»?

— А то! — гордо сказал Свен.

— Кто тут из наших?

— А все, почитай!

— Давай их сюда! Надо нам этого дурака Гуго спасать!

— Я мигом!

Мятежные римляне между тем ворвались на мост и собрались в кучу, не решаясь идти на штурм,— уж больно величественно выглядел замок. Бунтовщики лишь потрясали копьями и мечами да пару стрел выпустили.

Прогрохотали телеги. Давешний солидарий вывел на мост упряжку, заворотил повозку и тут же, на глазах у

нападающих, распряг коней. Следом выехала ещё одна телега, да не пустая, а полная гремящих бочек.

— Давай, давай! — кричал Олег.— Вали всё, что есть!

— Мы здесь! — послышался спокойный голос Ивора Пожирателя Смерти.

— Пр-рывет, сиятельный! — провопил Пончик.

— Здорово, Понч. Видал, во что мы вляпались?

— Может, они не решатся? — спросил Шурик неуверенно.

— Решатся, Понч. Это они ещё не все подошли. А вот соберётся большая толпа — и попрут. Или дождутся, пока Альберих явится со своими головорезами...

— Это какой Альберих? — поинтересовался Фудри Московский, выгибая лук и натягивая тетиву.

— Да пасынок Гуго нашего. Отчима иначе как бургундом не прозывает и всех кличет громить этих самых бургундов — чужаков, что король с собой привёл.

— Знакомый призыв,— пробурчал Пончик.— Угу... Гляди, пошли вроде!

Большой отряд мятежных римлян, прячась за щитами и опуская копья, грузно бежал по мосту.

— Лучники! — гаркнул Олег.— Давай!

Десяток стрел сорвался с тетив, выбив нескольких бунтовщиков. Потом пришёл черёд дротиков. Последними полетели копья.

Штурмующие замешкались, столпились на середине моста, будто решая, идти ли им в наступление или отступить. Жадность и азарт перевесили.

— Отходим! — крикнул Сухов.— Решетку — на засов! Пятерым стрелкам остаться — будете самых ретивых снимать! Начнут ворота ломать — уходите!

— Всё сделаем в лучшем виде! — успокоил его Свен.

Пробежав длинным коридором, Олег взбежал по винтовой лестнице, стремясь поскорее попасть наверх.

Наверху он увидал безобразные следы ночной пьянки — огрызки, осколки, блевотину в углах. Иные из гостей дрыхли после вчерашнего, самые крепкие похмелялись. Посреди зала стоял король Италии Гуго в костюме, залитом вином. Узнав Олега, он встрепенулся.

— Этот ублюдок решился-таки! — взорвался он негодованием.— Паршивый недоносок! Бледная немочь, баба в штанах!

— Простите, что перебиваю, ваше величество,— резко сказал Сухов,— но мне нужно знать: на площадках замка есть какие-нибудь метательные орудия?

— А зачем вам? — полюбопытствовал король.

— Мой долг — защитить ваше величество!

— Моя гвардия...— напыжился Гуго.

— Ваша гвардия,— не сдержался Олег,— обделалась! Во всём замке едва ли наберётся с десяток бойцов, не считая моих варягов.

Король засопел, страхом изгоняя из себя винные пары и обиды.

— С этой стороны ничего нет,— сказал он,— а с северной стоят камнемёты-петроболы.

— Ага! Свен! Поднимай всю эту пьянь и гони наружу — надо будет перетащить орудия!

— Да они все в стельку!

— Выбирай, кто способен хотя бы ползать!

— Понял! Эй, а ну, встал и пошёл!

— Я м-маркиз...

— Да мне до сраки, кто ты! — Малютка опрокинул на маркиза кувшин воды.— Очухался? Ивор! Гони их пинками!

— Эй, бурдюк,— вежливо сказал Пожиратель Смерти.— На карачках — шагом марш!

Король мрачно молчал, наблюдая, как его баронов и маркизов гонят на принудработы. Понимал монарх, что иначе придётся плохо ему самому,— хоть Альберих и «баба в штанах», а верёвку на шею отчиму он накинуть сможет.

Турберн с Сауком были самыми трезвыми из «чёртовой дюжины» — Железнобокий «завязал» — сердечко пошаливало, а гузу вообще нельзя было брать спиртное в рот — пьянел сразу. Вдвоём они поднимали плохо соображавших «бургундов» и ставили их в строй. Тех, кто сопротивлялся, пугали именем короля, а если не помогало, били ногами. И поднималась знать, строилась в колонну.

Олег вышел на обширную нижнюю площадку — верх квадратного основания мавзолея-замка. Высота основания не впечатляла, да и низковатый зубчатый парапет тоже не казался надёжной защитой. А бунтующие всё прибывали, они тащили с собой лестницы, связывая их между собой, наращивая в длину. Качались копья, шатались щиты, толпа закручивалась и ходила волнами. Гомон голосов сливался в угрожающий гул. Стихия!

— Топай, топай давай! — прикрикнул Свен.

Под аркой входа показались бледные рожи выпивох. Шатаясь, чуть не падая, знать поплелась на северную сторону. «Успеем? Не успеем? — подумал Олег.— Надо успеть!»

С визгом и грохотом, рывками, перетащили камнемёты и «скорпионы» — громадные арбалеты, метавшие пучки дротиков или тяжелые копья. «Бургунды» толкали орудия и дёргали, бледные до синевы, до зелени, потея и задыхаясь.

— Пить уметь надо! — поучал их Малютка Свен.— А не умеешь — не берись! Ходче давай, ходче! А не то Альберих закуску из вас понаделает!

Стегги с Ивором погоняли знать, влекущую короба с ядрами, стрелами и прочими снарядами. В этот момент толпа штурмующих взревела, опрокидывая баррикады, и разлилась по двору перед решёткой главных ворот.

— Заряжа-ай! Пускай!

Громко клацнули мощные тетивы «скорпионов», унося пучки дротиков и смертельным дождиком окропляя толпу перед мостом. Грохнули камнемёты, зашвыривая туда же свинцовые шарики и каменные ядрышки. Вопли боли и предсмертные крики оповестили осаждённых о попаданиях, а не попасть по кучному скоплению народа было невозможно.

— Заряжа-ай! Крути живей, таракан беременный!

Знать, вяло огрызаясь, живо работала рычагами, оттягивая тетивы и скручивая пучки жил в камнемётах.

— Хватит! Кидать недалече... Отпускай!

И ещё один залп накрыл штурмующих, внося разброд. Толпа стояла так тесно, что убитым некуда было упасть, а раненые мерли стоя. И только теперь на мост выехал Альберих II Сполетский, ведя за собой свою дружину, пополненную самыми отчаянными новобранцами-голодранцами. Добрая сотня стрел взвилась в воздух и опрокинулась вверху.

— Щиты вверх! — проблеял маркиз.

— В укрытие давай! — рявкнул Свен.

Почти все успели добежать до стен главной твердыни — круглых стен мавзолея Адриана.

Маркиз Клеф Тарацинский стал мишенью невидимого пращника — получив камнем по голове, он упал, и тут же три стрелы вошли ему в спину, добивая. Барону Сиконульфу, сыну Гримоальда, тоже не повезло — он бежал зигзагом, спотыкаясь и прикрывая голову руками. В очередной раз метнувшись в сторону, барон «поймал» спиною копьё, брошенное наугад, но с большой силой.

— Стегги! Алк! Воист! — кликнул Олег.— Берите щиты, будете прикрывать наших баллистиариев!

Сам Сухов бросился по галерее к винтовым лестницам. Лучники с солидариями уже покинули главный коридор — оттуда доносился громкий лязг и тупые удары.

— Решётки ломают,— хмуро сказал бравый солидарий.

— Все здесь? — спросил магистр.

— Да все вроде...

— Тащите лавки из трапезной и скидывайте на лестницу! Заклиньте подъём!

— Это можно,— повеселел солидарий.— Годехок! Атто! За мной!

Пересчитав остаток живой силы, Олег покачал головой. Семнадцать человек! И ещё человек двадцать полупьяных «бургундов». И дюжина варягов, не считая его самого. Пончик тоже не в счёт — не боец... Полусотня всего. Хм. Будем считать, что в его распоряжении АЖ полусотня!

— Давай, давай! — крикнул из галереи задушенный голос.— Ну и что, что тяжёлая?

— Не тяжелее твоего гроба...

— Хватай за тот конец!

— Погодь! Дай перецепиться...

Показались солидарии, нагруженные тяжёлыми дубовыми скамьями. Вот первая из них прогрохотала по ступенькам и застряла.

— Не бросай! Подбей!

— Правильно! Заклиним на хрен!

Пыхтя, солидарии опустили скамью и ударили ею по той, которую уже сбросили. Лавка загудела, просаживаясь и треща.

— Ещё! Ещё разок! Во! Вторую давай!

— Переверни!

— Божьи кости!

— Опускаем! Раз... Два... О-па!

— Пошла!

В этот момент из нижнего коридора послышался громкий скрежет, что-то рухнуло с тяжким звоном. И сразу — рёв толпы.

— Ворота выбили! — пробормотал бравый солидарий и завопил: — Лавки, лавки тащим!

Олег помог всадить ещё одну скамью поверх остальных и бросился наверх.

А наверху разгорался бой — приверженцы Альбериха приставляли длинные лестницы к стене замка и лезли по ним вверх. Толпа, стоявшая внизу, прикрывала штурмующих, забрасывая защитников крепости камнями, меча стрелы и даже закидывая веревочные петли. Один волосяной аркан был удачно наброшен на шатун камнемёта — толпа победно взревела, потянула, петробол заскрипел, наклоняясь... Малютка Свен подскочил и рубанул мечом по лохматой верёвке — снизу донеслись вопли падавших. А «малышок» подполз к концу ближайшей лестницы, выглядывавшей над парапетом, и ухватился за неё.

Тут показалась голова и плечи штурмующего, по этой самой лестнице влезавшего. Корча зверскую рожу, он опёрся о парапет, готовясь перепрыгнуть, замахнулся

маленьким топориком... Стрела, выпущенная хладнокровным Ивором, вошла штурмующему в лоб.

— И-э-эх! — выдохнул Свен, пихая лестницу.

Та содрогнулась, скользя по стене, и упала. Ещё один взрыв негодования...

Сухов обернулся ко входу в галерею, откуда боязливо выглядывали солидарии.

— Лавки ещё есть? — крикнул он.— Тащите сюда! Всё тащите — скамьи, кресла, столы!

— Поможем, чем можем,— крякнул Турберн, маня за собою Саука.

Олег, поглядывая на небо, откуда могла прилететь шальная стрела, обошёл основание замка от одного угла до другого. Сан-Анжело был вписан в линию оборонительных сооружений, выстроенных Аврелианом, как форт, выдвинутый на правый берег Тибра. Штурмовать его извне было сложно, как и любую крепость. Идти же приступом изнутри, из города, было куда проще, но только с южной стороны квадрата основания, что облегчало оборону. Сухов досадливо поморщился: если бы не эта пьянь, если бы стража заприметила бунтовщиков загодя, то можно было бы отбить атаку ещё на подходах к мосту, используя те же камнемёты и «скорпионы». Ныне же, когда войско Альбериха стоит под стенами... Трудная задача. И та ещё работка.

— Олежа! — крикнул Железнобокий.— Лавки «пришли»!

— Бросаем!

Подхватив за один конец лавку, Сухов на пару с Сауком, подтащил её к парапету и перевалил вниз.

— А-а! — взвился крик.

— Поплачь,— громко посоветовал Турберн,— легче будет!

Вниз полетели лавки, кресла, длинный монастырский стол. Малютка Свен перебросил бочку, наполовину полную вина. В ответ защёлкали тетивы, посылая стрелы.

— Не бросай лавку! — хрипло крикнул маркиз Пандульф Бергамский.— Подставляй под петробол!

— Зачем? — не сообразил бравый солидарий.

— Наклоним,— сообразил Олег,— и стрельба пойдёт по ближнему краю!

— Точно!

Общими усилиями — варяги прикрывали баллистиариев — станину камнемёта приподняли, подпирая скамьёй.

— Натягивай!

— Заряжай!

— Пускай!

«Ложка» петробола, полная обточенных ядер и простых обломков камня, с грохотом ударила по раме, усылая вверх рой снарядов. Рой описал крутую дугу и свергзился, поражая скученную толпу, убивая и калеча,— ни одно ядро даром не пропало.

Ту же операцию проделали со «скорпионом» — задранный к небу самострел прогудел тетивой, выбрасывая пучок дротиков. Дротики красиво разошлись в вышине и повернули вниз, полетели, набирая скорость. Судя по звукам, некоторые из штурмующих прикрылись щитами. Зря — тяжелые дротики, падая с ускорением, пробивали и щиты, и тела.

И отхлынули бойцы Альбериха, побежали, отступили на тот берег Тибра.

— Ага! — вскричал Пандульф.

— Как мы их, а? — ухмыльнулся Свен, хлопая маркиза по плечу.

Пандульф не возмутился, осклабился, радуясь победе.

— Не стоим! — прикрикнул Сухов.— Собираем стрелы, копья, все «подарки», что к нам нападали! Лавки тащим и — что там ещё есть из мебели? Одну атаку мы отбили, готовимся к следующей!

— Эй! — крикнул Пончик, выглядывая из галереи.— Раненых прошу внутрь! Буду перевязки делать. Угу...

— Нам поесть бы...— намекнул Свен.

— Проведай здешних поваров,— присоветовал Олег.— Что найдёшь — тащи сюда. Я тоже ещё не завтракал...

Полдня прошло в беспокойствах и повышении обороноспособности. Турберн с Сауком устроили самый настоящий вытрезвитель, ускоренно возвращая к жизни римскую знать, примкнувшую к Гуго. Знать похмелялась и приходила в себя, пополняя невеликое войско осаждённых.

Протрезвел и король. В перерывах между скрежетом зубовным и полётом безудержной фантазии на тему: «Какие пытки применить к гадскому Альбериху» — Гуго гонял своих присных, возложив на Олега заботы по защите замка.

И усилия осаждённых не пропали даром — Альберих послал на штурм воинов в броне, с огромными прямоугольными щитами. А это тебе не босота. В ход пошли настоящие штурмовые лестницы, на мосту выстроилась целая команда лучников, а к набережной Тибра подтянули баллисты и катапульты.

— Выстоим, как ты думаешь? — спросил Турберн, тревожно вглядываясь в приготовления на том берегу.

Сухов покачал головой.

— Даже если и отобьём эту атаку,— сказал он,— утром замок возьмут.

— Вот и я того же мнения. И что делать будем?

— Лично я жду, когда стемнеет, Железнобокий. Уходить надо. И уводить Гуго.

— Верно мыслишь, дорогой!

За мостом запели трубы. Началась атака. Воины Альбериха, прикрываясь щитами, выходили на мост. Теснясь у перил, стояли лучники. Но первыми вступили в бой катапультеры и баллистиарии — очередь гулких ударов докатилась с набережной Тибра, и над рекой провыли ядра, копья, обрубки брёвен в рост человека, спереди обтёсанные под остриё и обитые железом.

— Берегись! — разошёлся крик Свена.

— Приготовиться! — заорал Сухов.

Окованное брёвнышко ударилось неподалёку, выламывая плиту и раскалываясь. Два тяжёлых ядра попали в

цель, расколачивая «скорпион», третье выломало верхний камень парапета. И посыпалось — копья, ядра, стрелы. Олег еле успевал уворачиваться, а уж на отражение атаки времени не оставалось вовсе.

— Заряжай! Пускай!

Выстрелили два камнемёта. Ядра выбили троих-четверых в строю штурмующих, но это роли не сыграло — под хорошим прикрытием войско Альбериха приблизилось к стенам замка.

Обстрел подутих — баллистиариям нужно было немалое время, чтобы скрутить обратно распущенные вороха воловьих кишок и жил, подтащить снаряды, зарядить. Зато лучники не жалели стрел — оперённые хворостины с калёными жалами падали беспрерывно. Варяги почти не опускали щиты, поднятые над головой, и отлавливали ими пущенные стрелы, собирая убийственные «букеты».

Вновь протрубил рог. Пять или шесть лестниц ударили о стену, скрежеща крючьями.

— Стрелки, к бою! — скомандовал Сухов.— В упор не бить, цельтесь сбоку! Копейщики — на позицию!

— Стойте! — завопил Пончик.— Мы воду подогрели! Четыре полных котла кипяточка!

— Волоки их сюда! — обрадовался Турберн.— Умоем тут некоторых!

Перепуганные поварята выволокли парящие котлы, каждый из них таща вчетвером. С мужеством отчаяния они донесли их до самого парапета, поднатужились и опрокинули за зубцы, окатывая лезущих по лестницам горячим «душем». Пронзительные вопли раздались в ответ.

— Мыться полезно! — проорал Железнобокий.— Вонять будете меньше!

Одного поварёнка зашибло камнем, пущенным из пращи, котёл резко наклонился, выплескивая кипяток на каменные плиты. Малютка Свен тотчас подскочил, помог, почти в одиночку опорожняя котёл куда надо, и улыбнулся довольно, слушая крики и стоны ошпаренных. Воины Альбериха отошли от стен, сосредоточившись на метании копий, свинцовых шариков и дротиков.

Солнце уже садилось за Яникульский холм, когда Олег собрал потихоньку «чёртову дюжину» и привёл её к королю. Гуго выглядел безобразно, он словно постарел и одряхлел — на лице прорезались морщины, щёки опустились брылями, вяло отвисла губа.

— Ваше величество,— твёрдо сказал Сухов,— больше медлить нельзя. Пора уходить.

— Нет! — каркнул Гуго.

— Да! — настоял Олег.— Мои варяги доставят вас в порт и переправят в Геную, а там и до Павии недалеко.

— Срань Господня! — выругался король и покорился, горбя плечи: — Хорошо...

По северной галерее они выбрались на ту сторону замка, которая выходила к пустынному Ватиканскому полю и стене Леонова города.

Малютка Свен быстро закрепил крепкий канат, плетённый из кожаных ремешков, и перебросил его за зубцы парапета, на гребень стены Леонина.

— Свен! Ивор! Стегги! Фудри! Вы спускаетесь первыми!

Варяги молча хватались за верёвку и исчезали за парапетом.

— Твоя очередь, король! — буркнул Турберн.

Гуго Арльский неуклюже взобрался на парапет, хватаясь за канат, и полез вниз. Последним шёл Пончик.

— А ты? — обернулся он к Олегу.

— А я вас прикрою, пусть у вас будет хоть небольшая фора. Одному-то смыться проще. Полезай, полезай, Понч... Я скоро.

Александр скрылся за парапетом, испытывая жестокие сомнения, а Сухов, мигом погасив легкомысленную ухмылочку, бегом вернулся к «бургундам».

Тибр уже вовсю отражал багрянец заката, тень и свет перепутались, рождая сумрак. Десятками загорались яркие факелы, светом своим лишь сгущая потёмки. Смутный говор нёсся с моста, угрожая, злобствуя, обещая кары небесные и земные. Невидимые трубачи выдули сигнал «На штурм!».

— Приготовиться! — скомандовал Олег, соображая, когда ж ему улучить момент и скрыться по-английски, не прощаясь.

Сумрак ли был тому виной или утомление, а только не заметил магистр кое-каких перемен, случившихся за его отсутствие. Солидарии и «бургунды» разошлись, сбиваясь порознь. Протрезвевшие бароны и маркизы переговаривались вполголоса, срываясь порой в ругань, но не страх или злость окрашивали их голоса, а нервозность и непонятное Сухову нетерпение.

В чём тут дело, он понял быстро — сразу, как только крепкая сеть упала на него сверху, а Пандульф с Рагимпертом, Аудоином и прочими сжали с боков, опутывая верёвками, заматывая в кокон.

— Продались, суки?! — захрипел Олег, порываясь добраться до меча, до ножа засапожного, но всё было бесполезно. Только испитые хари толклись вокруг, дыша перегаром, да всё крепче затягивались узлы.— Чтоб вам всем попередохнуть!

А чего ещё он мог пожелать трусам и предателям?

«Бургунды» сдали замок Сан-Анжело, дурными голосами крича о том, что их заставили и подставили, что в их сердцах живёт горячая преданность к Альбериху Сполетскому, а всю вину следует возложить на поганого варвара, именуемого Олегариусом.

Пандульф погнал солидариев разбирать завал на винтовой лестнице, а после долго кланялся поднимавшемуся победителю. Губы Альбериха кривились, и не понять было — то ли смех разбирает пасынка Гуго, то ли он орать собрался и слюною брызгать.

— Отвести его,— показал Альберих на Сухова,— в тронный зал. Мы не варвары, мы будем судить этого преступника по закону.

— Как стоишь? — процедил Олег, теряя благоразумие под наплывом гнева.— Перед тобой магистр императора Романа!

Пасынок Гуго отшатнулся, словно получив пощёчину, побледнел, но волю своим чувствам не дал.

— В зал! — выдавил он.

Обширное помещение, где помещался походный трон короля Италии, быстро заполнялся народом, спешившим засвидетельствовать лояльность и верность новому правителю Рима. Сходились именитые гости, монахи, епископы, клирики с канониками — весь папский двор. А там, где кончалась красная ковровая дорожка, стоял на возвышении трон, отделанный золотом и слоновой костью. На нём с удобствами устроился Альберих — «сенатор, патриций и государь всех римлян». Рядом поставили большое кожаное кресло, предложенное новому папе римскому — Льву VII, ставленнику Альбериха. Папа вырядился в алую сутану, из-под которой выглядывали туфли с золотым шитьем. Лев не впечатлил Олега — тщедушный мужичок занял апостольский трон, впалогрудый, нескладный — одно плечо перекошено, бородёнка жиденькая... Не красавец.

Стражники разрезали путы, сковывавшие Олега, и магистр вздохнул облегчённо. Меч у него отняли и нож вытащили, но руки-ноги целы...

На лице «государя всех римлян» выражение злого торжества сменилось легкой растерянностью, переходящей в досаду и раздражение. Альберих, видимо, ждал иного поведения — страха, заискивания, дрожи в коленках... Ну уж нет уж!

— Ты что, совсем сдурел? — возгремел голос Олега, басистым эхом заметавшись под куполом.— Я тебя спрашиваю! Или ты уже латинского языка не понимаешь?!

Альберих сидел как громом пораженный. Из толпы, замертвевшей от наглых речей преступника, вышел епископ и стукнул об пол посохом, так, что брыли на щеках его подпрыгнули.

— На колени! — завопил он жирным голосом.

Олег аккуратно сложил мозолистую пятерню в кукиш и продемонстрировал его преосвященству.

— Накось, выкуси!

Альберих сделал знак «своему» папе, и тот привстал с трона.

— Веруешь ли ты,— обратился он к Сухову звучным, хорошо поставленным голосом,— в истинную римскую церковь, единую, святую и апостольскую, руководимую папой и его епископами?

— Нет, ну ты сам подумай,— вздохнул Олег,— как можно веровать в кучку проходимцев и самозванцев, чьи мысли порочны, действия преступны, а вера — лжехристианская?

Толпа возроптала.

— Веруешь ли ты в Господа нашего Иисуса Христа, в Воскресение его и вознесение на небо?

— Да вот я-то как раз и верую! Это вы погрязли в неверии, а мы-то веруем!

Папа подрастерялся, но быстро опамятовался:

— Веруешь ли ты в Святую Троицу? — с проникновенностью спросил он.

— Господи...— скривился Олег, сжимая руку в кулак, чтобы не заметил никто, как трясутся у него пальцы.

— Маркиз Пандульф! — возгласил Альберих, и вперед вышел «бургунд» во всем новом. Видать, обласкал «государь»...

— Слушаю! — ответствовал Пандульф.

— Узнаешь ли ты этого человека?

— А как же! — злорадно ухмыльнулся маркиз.— Это Олегариус, вожак шайки северных варваров! На нём кровь христианская, он идолам кланяется и несёт поругание вере истинной!

Ропот прошел по залу, закручиваясь черной петлей.

— Признаёшься ли ты, Олегариус,— торжественно спросил папа,— в совершенных тобою мерзких преступлениях?

«Молчать? — подумал Сухов.— А толку? Тут хоть молчи, хоть говори — всё одно казнят, не помилуют... Сказать? А, хуже не будет!»

— Меня судят,— голос магистра окреп, обрёл силу,— а судьи кто?! Вы, извратившие божественное Слово и

предустановления Творца и Вседержителя?! Вы, пастыри злодейские, распутные, наглые, невоздержные, сластолюбивые, падкие до благ, копители богатств, празднословные, напыщенные, гордые, алчные, строптивые, погрязшие в пороках, искатели тщеславия, неприятели труда, растлители доброверных, готовые презреть право и совесть?! И от вас пребывает в небрежении тропа набожности, и через вас посреди людей селится страх, и братняя злость, и преступность, и черствость, и зависть, и безразличие, и воровство, и винопийство, и излишество, и противоприродное распутство! Продолжать ли, или вы сами уже узнали себя самих, вы, господа наглых беззаконий, богохульники, обманщики, алкатели сокровищ, губители красивых жен и знающих мужей, враги преданных вере и их преследователи, двуличники и лжеапостолы!

Олег умолк и обвёл глазами лица растерянные, постные, страшащиеся, злобные, улавливая впечатления слушателей, смакуя напряженную тишину.

— Ну и кто вы после этого? — продолжил он.— Да если доведется узреть вам Иисуса на лугах райских, он не накажет вас в великой доброте своей, но велит удалиться от него, ибо не заслужили вы света, а заслужили тьму!

— Отец Малахия! — лязгающим голосом произнёс Альберих.— Зачитайте приговор!

Сухонький, морщинистый старичок, похожий на упакованный скелетик, зачитал монотонным тенорком на скорую руку сварганенный документик, приведя устрашающий перечень грехов и преступлений Олега. И пират он-де, и вор, и схизматик, и то, и это... Приговор оканчивался определением полагающейся казни — ввиду того, что подсудимый не желает сознаваться в своих грехах.

— ...И потому приходится нам ныне,— блеял Малахия,— беря в расчет всё доселе известное и исходя из выше приведённого, сказанного Олегариусом, в ереси упорствующа и не хотеща от многих своих невежеств и от скверны очищаться, и исправляться грешным духом, на прямой и на истинный путь не позволяюща себя наставить, ныне полагать указанного Олегариуса за неисправимого,

за упрямого и закоснелого в злонамеренной своей испорченности; и дабы вперёд сей указанный Олегариус бесчестиями своими и преступлениями не мог ни перед кем тщеславиться, и дабы мера пресечения его подлости составила бы для всех остальных охотников полезнейшую науку, назавтра до повечерия надлежит вышеуказанному Олегариусу, кознодею и пирату, к обыкновенному лобному месту быть возведену, и на этом положенном месте предану смерти через сожжение, дабы совсем он лишился жизни и душа бы его от тела отделилась.

Сухов выслушал и усмехнулся криво, холодея в душе.

— Ты что, с дуба рухнул, государь вшивый? — спросил он Альбериха II Сполетского.— Ты хоть иногда думай своей башкой! Я же не один! Пусть империя далеко, так дружина варягов моих близко! Да они тебя в шкуру коровью зашьют и зверюгам скормят в лучших традициях христианских мучеников — один гульфик от тебя останется!

— В Маммертинскую тюрьму его! — промычал «государь всех римлян».— В яму!

ГЛАВА 17,

в которой разлучённые встречаются

Олега вывели из замка и посадили в клетку на колёсах. Сухов не протестовал — не заковали в цепи, и то ладно.

Магистр грустно улыбнулся, глядя на солидариев, которые совсем недавно отражали атаки альберихцев, слушая его приказы, а ныне преданно служили государю-самозванцу. Правильно римляне говаривали: «Так проходит слава земная!»

Копьеносцы и арбалетчики окружили арестантскую повозку с клеткой, и знакомый Олегу бравый солидарий крикнул:

— Трогай!

Молоденький рекрут-возница вздрогнул, вжал голову в плечи, но быстро опомнился и повёл лошадь под уздцы — на козлы сесть он побаивался. Ладно, решил Сухов, будем считать, что он на бесплатной экскурсии. А там посмотрим...

Подстелив соломки, он уселся и привалился спиною к решетке.

Телега миновала мост Элия и проделала тот же путь, что давеча осилила «чёртова дюжина», ведомая Сальватором. Разве что у театра Марцелла солидарии не стали заворачивать на остров, а двинулись дальше, к Велабру, ложбине между склоном Палатина и Капитолием, пока не выехали на Этрусскую улицу. Поднимаясь в гору, конвой миновал полуразрушенный храм Диоскуров и выбрался на римский Форум — ныне кочковатый пустырь, заросший кустарником и чахлыми дубками.

Качаясь и трясясь, повозка проехала мимо базилики Эмилия с проваленной крышей и церкви Св. Сергия, наискосок через весь Форум, под тяжеловесную арку Септимия Севера. За аркой постепенно открывались взгляду портики трех больших храмов, а за ними дыбился громадный Табулярий, бывший имперский архив, декорированный колоннадами. С Форума на Капитолий вела длинная лестница, создавая впечатление огромности пространства, охваченного архитектурными объемами, и при этом все было напоказ, все доступно зрению — до последней ступеньки и арочки.

Щелкнув кнутом, возница свернул в Маммертинский переулок. Врезаясь в крутой склон Капитолийского холма, над переулком нависал колоссальный Табулярий, выглядевший отсюда крепостью.

Олегу стало не по себе, когда он увидел вход в страшную Маммертинскую тюрьму. Там, в ямах без света и свежего воздуха, а то и вовсе в Туллиануме — бывшей каменной цистерне, имевшей всего одно отверстие в потолке,— держали государственных преступников. А ныне на маммертинскую «зону» доставят его самого, Олега свет Романыча, чтобы Олегу свет Романычу удоб-

ней было одуматься и покаяться и отречься от «множества облыжных клевет на христианнейшего государя Альбериха и святого папу Льва»...

— Вылазь! — махнул мечом солидарий.

— Ты когда в последний раз мылся? — спросил Сухов, кривя лицо.

— Разговорчики...— пробурчал солидарий, благоразумно отступая в сторону.

Олег прошагал под глыбистые своды штольни-входа. Когда-то Маммертин поставлял туф, но еще при цезарях в здешние каменоломни начали сажать — и строить ничего не надо, и не сбегут. Это тебе не замок Иф, толщу горных пород не проколупаешь столовым прибором...

Чем дальше уходил коридор, тем темнее становилось. Стражники зажгли факелы.

В оранжево-красном, прыгающем и колеблющемся свете тюрьма приобрела вид ещё более пугающий и зловещий. Как же это было ужасно — годами сидеть в этой духоте и тьме, терзаясь пыткой недоступности света, свежего ветра, книг, женщины, работы...

Паче чаяния, в яму Олега не упрятали. Тюремщик разомкнул тяжелый засов на решетке и пропустил Сухова в темницу, длинную и узкую, как пенал. Солидарии развернулись кругом и утопали, а тюремщик задержался. Толстый, усатый, румяный, он меньше всего походил на вертухая — ему бы в лавке молочной торговать. Потоптавшись и покашляв, он неуверенно предложил:

— Может... того... факел оставить?

— Спасибо,— улыбнулся Олег.— Я не боюсь темноты.

— А-а... Ну ладно тогда. Там солома в углу, располагайтесь...

Шумно сопя, он ушел, и прыгающие отсветы утянулись за ним следом. Прихлынула тьма и затопила все вокруг. «Темнота — друг молодежи» — вспомнил Сухов веселую поговорку. Друг-то она друг... только не здесь. В Маммертине тьма была опасным противником, ежечасно отшелушивавшим здравый ум, сводившим с него... если воля узника оказывалась слабее мрака и тишины.

Каменный мешок. Ну, мешки бывают и с дырками... Олег подергал и пошатал прутья решетки. В три пальца толщиной, прутья стояли неколебимо. Ладно... Магистр почувствовал усталость. Немудрено — весь день крепость защищал. Он добрел до вороха свежей соломы в углу, лег и уснул.

Сухову снился приятный сон, и он недовольно сморщился и сощурился, когда его разбудил свет факела и тихий женский голос. Олег приподнялся на локтях, все еще пытаясь уловить обрывки таявшего сновидения, и глянул из-под руки на решетку. За нею стояла девушка или молодая женщина. Тёмный и глухой чехол монахини висел на ней безобразным мешком, пряча фигуру. У Олега сразу что-то заёкало внутри — неужто аутодафе?! На фиг, на фиг... Всё, больше он не станет покоряться арбалетам! Лучше выглядеть святым Себастьяном, чем Джордано Бруно. А уж тризну по себе он справит загодя, прихватит с собой стольких, скольких успеет... Но что за страхи, в самом деле?!

— Олег!..— негромко позвала монахиня.

Э, нет, так на казнь не зовут... Господи, какой знакомый голос! Мерещится ему, что ли? Сухов упруго встал и широкими шагами приблизился к решетке. Невозможно...

— Алёна?! Ты?!

— Я, я! — ответила женщина, смеясь и плача.— Бедненький мой! Сейчас я тебя вызволю...

— Но... как? — вымолвил Сухов, всё ещё не способный прийти в себя.

— Меня патриарх направил, своею тайной посланницей...— проговорила Мелиссина, тягая хитрый засов.— Это моя вина, что Альберих поднял мятеж,— я сама его подзуживала, и вот...

С третьей попытки она открыла решётку. Олег не сдержал порыва — облапил жену и стал тискать.

— Солнышко моё лучистое... Господи, как же я рада, что ты жив!

— А уж как я рад... Какого... этого... он тебя послал? Ума последнего лишился?

— Патриарха беспокоила Марозия, хотя блуд у Святого престола его, по-моему, даже возбуждал...— проговорила Елена, переводя дыхание.— И решил Феофилакт, что нельзя Рим превращать в Вавилон! А я не нашла ничего лучше, как свергнуть Марозию руками её сына... Господи, когда прибежал Котян и сказал, что видел тебя, я чуть с ума не сошла! Если бы они тебя... казнили бы тебя, то я... Ах, я не знаю, что бы тогда делала!

— Котян здесь?! Здорово!

— Да, и ещё Тарвел, Органа и Куверт! Они булгары, но хорошие...

Тут за изгибами коридора заплясали огни факелов и донеслись голоса.

— Это гвардейцы! — ахнула женщина и схватила Олега за руку.— Бежим скорее! Я сюда по катакомбам прошла...

Они побежали.

В темноту, подальше от пятен красного света, и чудилось Сухову, что блики отбрасывает костер с лобного места... Неровными, осыпавшимися ступеньками чета спускалась все ниже и ниже, но дышалось как на вершине высокой горы — лёгким не хватало воздуха.

Послышался взрыв проклятий — солидарии обнаружили пустую камеру. Олег отнял у женщины факел и пошёл впереди.

— Тут тупик,— сказал он, поднимая факел повыше,— у стен — ямы с решетками...

— Нам во вторую с конца!

Олег взял Елену за руку и повел за собой.

— Откуда на тебе это ужасное платье?

— Мне его дала аббатиса монастыря Святой Цецилии — я там скрываюсь. А Котян с булгарами прячутся в Садах Саллюстия, там такие дебри... Осторожно, тут яма!

— Глубокая?

— Да как сказать... Лично я еле из неё выбралась. Тут раньше преступников держали.

— Ну-ка, посвети...

Олег спрыгнул в яму и помог спуститься Елене. По ногам дунуло сквозняком — лаз выходил под «нарами» — грубо обтесанным каменным блоком. Сухов полез первым, жена поспешала за ним. Ход вскоре сделался повыше, Олег встал на четвереньки. Подняться на ноги удалось только в древней выработке, где во времена Империи добывали туф.

— Осторожно! — сказала Елена.— Тут тоже ямы!

— Я вижу...

Сухов стороной обогнул провал глубиной в два его роста, перевалил через кучу породы и вышел сразу к четырем зияниям в неровной стене со следами, оставленными кайлом и бурами.

— Тут четыре дыры...

— Нам во вторую! Что слева... Нет-нет, справа!

Опустившись на четвереньки, они пролезли под нависшей твердью. Господи, подумал Олег, ни креплений, ничего... И «миллиард тыщ» пудов сверху.

— Подожди! — сказала Мелиссина.— Аббатиса говорила, что надо обрушить блоки за собой!

— Блоки? Где? А, вижу...

Отведя женщину под своды полукруглой штольни, Сухов вернулся к нагромождению тяжеленных глыб туфа — скверно обработанных кубов. Блоки качались в неустойчивом равновесии, подпертые бронзовым ломом. К лому была привязана веревка. Вытравив ее до конца, Олег натянул канат и дернул за него. Лом со звоном запрыгал по камням, а блоки пошатнулись и грохнулись, заваливая проход.

Стряхивая пыль и камешки с волос, Сухов вернулся к Елене. Когда он коснулся её плеча, женщина вздрогнула и крепко ухватилась за него обеими руками.

— Я так перепугалась! — сказала она жалобно.

— Всё,— утешил ее Олег,— теперь они к нам не сунутся.

— Ну и слава Богу...

— А куда мы хоть идем?

— Тут в одном месте можно пройти в часовенку, а оттуда — к нашим. Скоро уже! Сейчас... так... сейчас развилка должна быть...

— Вижу.

— Нам по тому коридору, что вниз спускается!

Сухов повёл Елену по спуску в разработку с низким потолком, подпёртым, будто толстыми колоннами, невыбранной породой. Ещё коридор, ещё развилка, ещё спуск... Повеяло сыростью.

— Здесь у меня где-то должна связка факелов лежать...— проговорила женщина.— А, вот она! Иди сюда, отдохнём немного. Тут песочек...

Олег с облегчением опустился на песок и воткнул в него факел. Прислушался — даже слабых отголосков погони не было слышно, только мерный плеск капель слышался в тишине, да изредка шорох осыпавшихся камешков.

— Вечером Гуго ударил своего пасынка, и Альберих ушёл,— негромко проговорила Мелиссина.— Город не спал всю ночь. Я видела сотни факельщиков, что бродили по улицам, невидимые толпы ревели в темноте, а с рассвета началось столпотворение... Я снимала особняк Квинтиллиев, утром туда вломились пьяные римляне. Булгары перестреляли человек пять, но мятежников было больше, они всё прибывали и прибывали, надеясь основательно нажиться в доме богатой иностранки-паломницы... Нам пришлось бежать. Мы прорвались, отбиваясь от обезумевшей черни, а когда уже покидали Эсквилин, Котян с Тарвелом спасли двух монашек, отогнав шайку насильников. Вальдрада и Джемма спрятали меня в монастыре Святой Цецилии, а мои спутники ушли в Сады Саллюстия... Я видела, как войско Гуго маршем уходило по Аппиевой дороге, и сразу поняла, почему решился Альберих,— более удачного случая просто не придумать. Брата Иоанна он засадил в темницу, ту же участь уготовив родной матери...

Олегу стало нехорошо. Пересилив себя, он сказал:

— А я вчера со своими варягами короля Гуго подкупал. Продался жадный бургунд и затеял пир. Вечером

Марозия и Теодора увезли меня в Латеранский дворец. Мы купались втроём, «соображали» на троих, а после прелюбодействовали, все трое...

Елена долго молчала, разглаживая ладонью складку платья на колене.

— А потом? — спросила она негромко.

— Утром я бросился спасать Гуго,— безразлично сказал Сухов.— Оборонял замок до вечера, пока не отправил короля с варягами в Остию. Хотел прикрыть их отход, да бургунды к Альбериху переметнулись. И сами продались, и меня сдали...

— Это так важно — короля подкупать? — по-прежнему тихо задала вопрос Мелиссина.

Морщась, Олег разъяснил жене политическую обстановку.

— Господи,— прошептала она,— а я чуть было всё не погубила...

— Да к чёрту Гуго! — глухо сказал Сухов.— Я о жене его толкую! И о сестре её! Я переспал с ними обеими!

— Ты был пьян, ты долго не был с женщиной, ты...

— Да при чём тут это, Алёнка?!

Мелиссина порывисто обняла его, прижалась с силой, вздрагивая всем телом.

— А чего ты ждёшь от меня? — зашептала она.— Криков? Слёз? Проклятий? Я же люблю тебя! Понимаешь? Люблю!

Олег до того расчувствовался, обнимая Елену, что глаза его наполнились жгучей влагой. Он крепко зажмурился, чтобы стряхнуть капли с ресниц.

— Ты плачешь? — потрясённо спросила женщина.— Миленький! Не плачь, всё же хорошо! Мы вместе, мы живы и здоровы, чего ты?..

Сухов ласково погладил Алёнкины волосы.

— Ты лучшая в мире,— сказал он,— ты самая красивая... Ты — единственный родной мне человек, ты...

Елена не дала Олегу договорить, накрывая его губы своими. Поцелуй был недолог — женщина дрожащими пальцами принялась развязывать узелки на мятом скарамангии магистра.

— Я не умею раздевать монахинь,— сказал он.

— Я тебе помогу! — хихикнула Мелиссина, шурша своим чёрным балахоном.

Неяркий свет факелов разрисовал тело женщины в оранжевые тона, накладывая прыгающие тени и скользящие блики. Елена легла на Олега — самая приятная тяжесть на свете. Сухов огладил бёдра женщины, круглые ягодицы, потом перевёл ладони на груди.

— Ты простила меня?

— Я люблю тебя...

Полчаса спустя он лежал и получал удовольствие, разглядывая свою Елену. Ей уже тридцать пять, тридцать шестой пошёл. «Бальзаковский возраст».

Возраст женщины — не предмет для обсуждений, однако стоит ли так уж бояться прибавления лет? Бытуют такие рассуждения: женская красота достигает расцвета годам к двадцати, к девятнадцати даже. Девушки этого возраста обладают-де «дьявольской красотой», ведьминской, от которой особям мужеска полу якобы нет спасения.

Однако сама по себе красота значит мало — это орудие, которым надо уметь пользоваться. У молодой девушки подобных умений и знаний нет, они появляются с возрастом, когда былые заблуждения развенчаны. Да и так ли уж поразительна краса двадцатилетних?

Часто внешности супердив требовалось время, чтобы созреть, проявиться в полную силу.

Безусловно, вряд ли это закон для всех. Просто красота не подчиняется введенным для нее канонам, и, где там правило, а где исключение, сказать сложно.

Многие девчонки до икоты пугаются числа «тридцать» — этот возраст им кажется конечным, чуть ли не старческим. Появляются первые морщинки, седые волоски... Старость надвигается? Нет, утешают их — начинается «бальзаковский возраст»! Волшебная пора расцвета лет, когда ты не только красива, но и накопила ту опасную женскую силу.

А уж чем для женщины окажется «бальзаковский возраст» — поздним летом или поздней осенью — зависит от неё самой.

Можно родиться красивой, но счастливыми не появляются на свет — ими становятся.

Что это вообще такое — «бальзаковский возраст»? Если обратиться к самому Оноре де Бальзаку, то получается, что эта пора весьма растянута во времени — от тридцати до пятидесяти. Пора зрелости. А что есть у красивой молодой девушки такого, чего нет у красивой женщины «бальзаковского возраста»? Свежесть? Юная прелесть, трудно отличимая от детской? А теперь посмотрите на девушек, в том числе и на девочек. Что вы наблюдаете? Массу помад, белил да румян, хоронящих и свежесть, и прелесть, зато подчеркивающих зачатки той самой женственности, которая достигает апогея лишь к заветным тридцати. Это явление можно сформулировать в форме парадокса: юные девушки стремятся выглядеть как женщины «бальзаковского возраста»!

То есть, становясь старше, женщины стремятся молодеть, а молодые спешат повзрослеть. В обоих случаях желания спорны. Девушкам хочется посоветовать: «Не спешите жить!» — а взрослым дамам попенять: «Не жалейте, что юность прошла!»

Неужели вы хотите вернуть те года — время порывов, первых разочарований и житейских невзгод, вечных ошибок, пустоголовости и потрясающей наивности? Вспомните себя, глупенькую очаровашку, с юным максимализмом несущую «прекрасную чушь». Легко ли вам было жить? Радостно ли? И возникает ли у вас нынче желание расстаться с тем драгоценным опытом, что накопили в молодости, а пользуетесь лишь теперь, достигнув возраста, которому суждено быть воспетым Бальзаком века спустя?

Безусловно, сорокалетние женщины всегда будут вздыхать об утратах на жизненном пути. Ах, где моя гладкая кожа? Где узкая талия и упругие выпуклости?

Жаль, конечно, что жизнь нельзя прожить дважды, исправив все допущенные ошибки, но разве судьба —

злодейка? Жизнь одна, и каждый волен устроить ее по-своему. Только не нужно бояться надвигающихся лет — их нужно проживать, проживать по полной, а не страх испытывать перед календарем.

Молодые девушки пугаются подхода «тридцатника», дамы, достигшие этого возраста, ужасаются приближению «полтинника» — и в чем между ними разница? А нет ее! И те и другие боятся состариться. Не надо бояться. Следует помнить о набранной ими женской силе и пользоваться обретенной женской властью. Природа гораздо щедрее, нежели кажется. Годы серебрят волосы, зато даруют ум, обаяние, полуволшебное искусство очаровывать и соблазнять.

Юная девушка подобна алмазу — твердому, но неинтересному камешку. С возрастом алмаз подвергается огранке и лишь после тридцати засверкает бриллиантом...

— Что ты на меня так смотришь? — пробормотала Елена, подлащиваясь.

— Любуюсь. Ты у меня красавица...

— Да, красавица я...— довольно сказала женщина.— А ну, хватит валяться! Нам пора.

— Негодница...

— Годница!

Одевшись, возлюбленная пара подхватила факелы и продолжила свой путь.

Впереди, за извилистым коридором, открылась малая комната — кубикула. При входе в нее коридор заканчивался добротными арками, сложенными из камней. Арки шли одна за другой, проводя в рукотворную пещерку с полками для саркофагов и парой новеньких икон. Со стен глядели святые в тогах. Олег не старался разобрать, кто именно был отмечен нимбом,— всё равно без света росписи не оценить.

Елена вывела Олега под высокую и широкую арку, они поднялись по обтесанным ступеням, миновали, не задерживаясь, анфиладу средних комнат-крипт, одолели еще

пару подъемов и очутились в большой капелле, скорее уж зале, чем комнате.

— Теперь уже близко,— сказала Елена.

Последний коридор уходил вверх лестницей. Узкая и очень высокая, похожая на туннель в пирамиде, она трижды выводила на лестничные клетки, освещенные через особые щели в сводчатом потолке, и снова подставляла высокие, вырубленные в камне ступени. И вот она, «омега», знаменующая конец пути! Под маленькую полукруглую арку вела дверь, сколоченная из дубовых плах. Мелиссина осторожно, стараясь не шуметь, отворила толстую створку, низко наклоняясь, изящно выгибая спину, сунулась вовнутрь. Олег протиснулся следом, оказываясь в заброшенной часовенке.

Солнце скрылось за облаками, но и рассеянный свет резал глаза, привыкшие вглядываться во мрак.

— Где это мы? — спросил Сухов, щурясь и прикрываясь рукою.

— За императорскими форумами,— ответила Елена, привставая на цыпочки и доставая с каменной полки свёрток.— Вот, накинь на себя — тут ряса монаха-бенедиктинца.

Олег не стал спорить. Развернув рясу, он встряхнул её, избавляясь от пыли, а после натянул, подвязавшись верёвкой.

— Вылитый монах! — улыбнулась Мелиссина.

Она потянулась руками за его шею, Сухов уже собрался поцеловать жену, но та всего лишь набросила ему на голову капюшон-куколь, скрывавший лицо в тени.

— Ну, всё, пошли!

— К монашкам?

— Обойдёшься! Надо нам добраться до Пинция. Там, в Садах Саллюстия, нас ждут.

— Ага. Ну, до Пинция так до Пинция. Потопали.

И они потопали.

Вся северная часть Рима, примыкающая к стенам Аврелиана, была холмиста и со времён Империи засаживалась деревьями. Холм Пинций так и назывался — Холм

Садов. Его восточные склоны и северный край Квиринала занимали Сады Саллюстия. Некогда они имели форму обширного овала и были ограждены решётками, но с тех пор минули века — ограды растащили, а платаны, дубы, мирты, кипарисы, пинии разрослись так, что ухоженный парк превратился в настоящий лес.

Пройдя Длинной улицей, Олег с Еленой свернули к зарослям. Крайние дома, стоявшие здесь когда-то, представляли собой многоэтажки-инсулы. Стоило сгореть их балкам и перекрытиям, как стены рухнули, потеряв опору. Остались от инсул оплывшие валы и холмики, заросшие травой. А дальше шумела каштановая роща.

И на Длинной-то улице было малолюдно, а уж здесь и вовсе простирались пустыри — ни души.

Поплутав, парочка вышла к монументальным воротам, ведущим в Сады Саллюстия. Ажурные кованые решётки давным-давно уж не висели между стройных колонн, а сами колонны были оплетены лозами винограда толщиной в руку. Ступени лестницы покрылись толстым слоем почвы, колючий кустарник поднялся в рост человека — гуляющих не находилось, а садовники повывелись.

Продравшись через молодую поросль, Олег выбрался на старинную алею. Когда-то её обрамляли колонны, несущие своды портика, теперь же почти все они были повалены, как деревья в бурю, и лежали вдоль и поперёк, распавшись на барабаны, врастая в землю, покрываясь шапочками мха.

— Как грустно...— выговорила Елена.— Идёшь, будто по мёртвому городу, покинутому жителями...

— Рима больше нет, Алёнка. А куда идти-то?

Обойдя круглый храм с проваленным куполом, сквозь который пробивался кипарис, Елена вывела мужа к купальне на берегу ручья, ранее соединявшего каскад неглубоких прудов. Теперь пруды заилились и пересохли, лишь на берегу ручья чавкала под ногами грязь.

Треснула ветка под неосторожной ногой. Олег напрягся и тут же расслабился, узнавая в выходящем из-за угла купальни человеке Котяна.

— Кого я видат! — заорал печенег, бросаясь к магистру.— Здорово!

— Привет... Не ори, не дома. И дома не ори.

— А-а! — отмахнулся бек.— Тут вокруг как вымерло всё!

Ещё трое парней показались из леса на той стороне ручья.

— Знакомься! Тарвел. Органа. Куверт.

Булгары перешли ручей по бревну и по очереди пожали магистру руку.

— Прошу! — сказал Котян, приглашая всю честную компанию в купальню.

Как ни странно, внутри всё оказалось цело, даже мраморные скамьи в нишах вокруг бассейна, полного опавшей листвы. Олег с Еленой заняли одну скамью, булгары — другую, а Котян устроился на краю бассейна.

— Вопрос, как я понимаю, прост,— прокряхтел бек: — Куды бечь?

— Именно,— кивнул Олег.— За этими садами находятся Номентанские и Соляные ворота... Интересовались уже?

— Хаживали мы туда, хаживали,— покивал Котян.— Вот, Органа к Соляным прогулялся.

Органа кивнул.

— Не пройти,— сказал он.— Стража на обеих башнях и у ворот, проверяют каждого. Пропускают не всех, хоть туда, хоть оттуда,— уже две толпы скопилось, снаружи и внутри.

— А если через стену? — предложила несмело Елена.

— Да там высота локтей тридцать! — хмыкнул печенег.

— Тридцать два,— поправил Сухов.

— Не перемахнешь...— вздохнул Органа.

— Не перелезешь...— затянул Тарвел.

— Не одолеешь,— подвёл черту Куверт.

— Можно попробовать ночью,— медленно проговорил Сухов,— на лодке по Тибру. Если они, конечно, цепь не навесили... Ладно, разберёмся. Вы мне лучше вот что скажите: лишний меч найдётся? А то я без оружия, как без штанов!

— Найдём! — кивнул печенег.— У нас их целая связка.

— Пошли, покажешь,— поднялся Олег. Встав, он усмехнулся: — А насчёт того, куды бечь... Вы не забывайте, что в Остии стоит семь наших лодий, а на них человек шестьсот здоровущих верзил! А варяги своих не бросают. Пошли, Котян.

И они пошли.

ГЛАВА 18,

в которой варяги выступают все за одного

— Мы что, так и будем сидеть? — нервно спросил Пончик. Вскочив, он забегал от мачты до скамьи, занятой хмурым Инегельдом.— Олега, может, убивают вот в эту самую минуту, а мы тут сидим, рассусоливаем! Угу...

— Не мельтеши,— пробурчал князь,— и без тебя тошно.

Александр сделал глубокий вдох, но это не принесло спокойствия. Олег остался прикрывать их уход — и не вернулся. Уже вторые сутки прошли, а его всё нет и нет! И что тут прикажете думать? А вдруг и вправду убили? Ох, не дай бог... Это был его вечный страх — остаться в прошлом одному. Ужас невыразимый! Расстаться с другом — одно, потерять его навсегда — совсем, совсем другое. Расставание предполагает встречу, в крайнем случае — поиски, но, если Олег встретит свою смерть, что тогда? Магистру-то хорошо, у него есть зоста-патрикия, а протоспафарию как быть?

Пончик обвёл глазами причалы Остии, по которым шатались неясные личности — бледные тени в лунном свете, словно призраки. Лодьи стояли в старинной гавани Траяна, сооружённой в форме шестиугольника. Со времён Траяновых порт его имени здорово занесло илом, кое-где даже островки поднялись, травою поросли. Корабли варягов проходили по мелкой воде и причаливали

у древнего склада зерна, чиркая по липкому дну килями. Какой-нибудь дромон давно завяз бы тут, а вот лодьи славились малой осадкой, позволявшей им подниматься по рекам и грабить тот же Париж или Лондон.

Зернохранилище потрясало своими объемами и высотой — пятиэтажка будет ниже. Когда-то в гавани Траяна разгружались гигантские ситагоги, доставлявшие хлеб из Египта — чуть ли не двести тысяч пудов за ходку! Те времена прошли безвозвратно, а склад остался. «Господи, о чём он только думает?» — вздохнул Пончик.

— Кончай вздыхать,— тоскливо сказал Инегельд.— Сейчас Ивор со Свеном вернутся и всё расскажут.

— Да я понимаю...— пробормотал Александр.

Он с неприязнью глянул в сторону кормового шатра, где безвылазно просиживал король Италии Гуго Арльский. Король то спал, то жрал, то поднимал крышку заветного сундука и любовно перебирал золотые номисмы.

— Ага! — оживился Боевой Клык.— Кабыть, возвращаются!

Пончик встрепенулся, заоглядывался. Точно — две фигуры, стройная и огромная, возникли за углом зернохранилища, замелькали между колонн.

Первым на борт «Пардуса» поднялся Ивор.

— Сволочь бургундская предала Полутролля,— выцедил он,— Альберих засадил его в тюрьму, но оттуда Олег бежал.

— Ага! — каркнул князь.— Ну хоть не казнили — и то хлеб.

Подошли остальные — Турберн, Стегги, Карл, Тудор, Курт.

— Олег где-то в городе,— пробасил Свен,— знать бы где...

— Сыщем,— уверенно сказал Клык.— Как там, в Риме, вообще?

— Шумят,— коротко описал положение Пожиратель Смерти.— Альберих разошёлся — родную мать в темницу засадил и братца туда же — это который папа римский Иоанн. По городу шайки ходят, в дома вламываются, орут:

«Бей бургундов!» — а кто там бургунд, а кто нет, не дознаются особо...

— Мы по этому...— вступил Свен.— Ну, где вода течёт...

— По акведуку,— подсказал Пончик.

— Во-во! По этому самому пробрались в город, в какие-то термы спустились, пошарахались везде... Вот.

— Может, и нам тем же путём? — осторожно спросил Тудор отца.

Инегельд покачал головой.

— Не выйдет,— сказал он.— Мы же не знаем, где Олега искать.

— Да и не просто это — по акведуку,— уточнил Ивор.— Мы столько ждали, пока стража подальше отойдёт, что ноги занемели.

— Надо Рим приступом брать! — рубанул Инегельд.— Как Неаполь! Хватит с ними чикаться!

— Дело говоришь, князюшка! — ухмыльнулся Железнобокий.

— Поддерживаю и одобряю,— сказал Пончик.— Пока там Гуго правил, надо было закон блюсти и о пользе императору думать, а теперь там засел наш общий враг! Угу... Только вот опасная это затея... Рим — большой. Угу...

Инегельд покровительственно похлопал протоспафария по плечу.

— Не боись,— пророкотал он,— сдюжим. В этом Риме домов больше, чем людей! И людишки-то — тьфу! Мелочь одна! Значит, так. Ты, Карл, остаёшься тут за меня, будешь короля стеречь и лодью.

— Ладно уж...— проворчал Вилобородый.

— «Пардуса» оставим,— развивал мысль Боевой Клык,— и «Вия» тож. Пойдём на пяти лодьях — полтыщи народу хватит, чтобы Альбериха запужать до усрачки!

Варяги загоготали и принялись деятельно готовиться. Пончик, малознакомый с бытиём варангов, удивлялся — он ожидал, что князь всё подробно растолкует, даст цэ-у отдельно каждому ярлу, а тут — раз-два, и готово! Хотя, в принципе, чего слова зря переводить, время на много-

глаголание тратить? Варяги — мужики опытные, тут новичков нету, и всяк знает свой манёвр.

— Пошли, Пончик,— сказал князь, перешагивая на трап,— двинем на «Финисте»!

— Угу...

Александр перебрался на каменную лестницу, спускавшуюся к воде. В нижние ступени были вмонтированы тяжёлые бронзовые кольца, к которым и привязывали корабли. А вот и «Финист» — вместе с Пончиком на борт лодьи поднялось ещё человек двадцать, похохатывая и перешучиваясь,— варяги радовались грядущему штурму. Шурика близящиеся бои пугали, но было и облегчение — наконец-то что-то сдвинулось с мёртвой точки, началось дело — воины, друзья и побратимы, плыли вызволять своего командира.

— Вёсла на воду! Па-ашли!..

Пять лодий, одна за другой, проследовали по широкому каналу. Лет пятьсот назад над ним смыкались арки гигантских мостов, ныне от них остались лишь груды каменных обломков на обоих берегах, закованных в гранитные плиты.

Выйдя в море и обогнув спящую Остию, лодьи вошли в устье Тибра.

— Летом тут не пройти,— сказал Турберн, правя рулевым веслом,— мелка река и наносов много — завязнешь легко. А нынче, чай, снега тают, воды вешние шуруют нам в помощь. Ага! А вот и ветерок подул. Не оставляют нас боги своим попечением!

— Поднять паруса! — отдал команду Вуефаст Дорога.

Бело-синее полосатое ветрило захлопало, расправляясь, и вот выгнулось, вобрало ветер, понесло лодью, заставляя скрипеть мачту и звенеть натянутые снасти.

«Финист» шёл в середине, впереди раздували красно-белые паруса «Семаргл» Веремуда Высокого и «Лембой» Рулава Счастливого. За «Финистом» следовал «Морской змей», принадлежавший Олаву Лесорубу, а замыкал строй «Зилант», новенькая лодья Либиара Лысого.

Акила Длинный Меч перемигнулся с Инегельдом, прочистил горло и запел красивым, сильным голосом. Это

была не боевая песня, где лютость мешалась с тоскою, а радостный гимн Яриле, весеннему богу, будящему всё живое после очарованного зимнего сна, зовущему траву зеленеть, цветы — распускаться, а девушек готовиться к поре любви.

Травень-май в Риме варяги опознали по-своему: лето пришло! Над Вечным городом стояла теплынь, буйно цвели жасмин и олеандр, а беломраморные колоннады на фоне пышной зелени уже как бы и не являли собой примету разрухи. Рим все еще сохранял следы былого величия, а что холмы его обезлюдели, так это даже и к лучшему: меньше толкотни...

...А песня Акилы всё лилась, всё ширилась, новые голоса подхватывали протяжный напев. Пончик увидел под нижней кромкой паруса римские башни и стены, едва обозначенные огонёчками костров, но страх не проник в его сердце — языческая хвалебная песнь прогнала темень с души, поселяя в ней радостную надежду и шалые желания.

— Париж брал,— стал загибать пальцы Вуефаст Дорога,— Лондон брал, Йорк брал, Руан, Баку, Абесгун, Ингельхайм... Рим не брал.

— Ну так пошли, и возьмём! — захохотал Инегельд. Лёгко выхватив меч, он простёр клинок, указуя на Вечный город, и рявкнул: — На Рим!

ГЛАВА 19,

в которой Олег действует один за всех

Ночь прошла спокойно — к Садам Саллюстия не долетали крики перевозбуждённых римлян, отыскивавших «бургундов», назначенных врагами, или самих несчастных «врагов», отбивавшихся от желающих их ограбить или убить. Неясные шумы, доносившиеся с холмов Рима, гасились чащами деревьев. Куда слышней были птичьи трели, уханье сов, шорохи мелкой лесной живности.

Заночевали в купальне. Вместо перин Олег постелил охапки веток и вороха опавших листьев, простыней послужил плащ Котяна.

Сухов спал чутко, держа под рукой древний римский меч-гладиус — недавний трофей печенега.

Где-то под утро он проснулся и замер, прислушиваясь. Показалось ему, что ли? Да нет, вот опять — вроде стонет кто-то.

Приподнявшись на локте, Олег встретился глазами с Котяном.

— Слышал? — проговорил он одними губами.

Бек кивнул и показал пальцами: сходим, посмотрим? Сухов кивнул и неслышно поднялся, вооружаясь мечом.

Едва начинало светать, небо в восточной стороне неясно серело. Деревья поднимались чернеющими колоннадами, ещё больше нагнетая тьму. Олег прислушался, уловил стон и двинулся на звук.

Слух привёл его к прогалу меж двух столетних платанов — прямо на выступавших корнях лежал человек в рваной накидке, руку и ногу его покрывала корочка засохшей крови.

— Потащили,— шепнул Сухов.

Находка раздражала его, первая медицинская помощь жертвам переворота не входила в планы. Но не бросать же, в самом деле.

В купальне, при свете маленького костерка, разведённого Еленой, Олег получше рассмотрел раненого. Это был мужчина в годах, коренастый и небритый, с короткими кривыми ногами и шапкой пепельных волос. Дряблые мешки под блестящими черными глазами придавали ему скорбный вид сенбернара, потерявшего любимого хозяина.

— Кто ты такой? — прямо спросил печенег.

— Камилл моё имя...— проговорил спасённый слабым голосом.— А вы кто?

— Тебя кто подстрелил?

— Головорезы этого выученика Сатаны...

— Альбериха?

— Его...

— Тогда вы у друзей,— заключил Олег.— Мы тут тоже от этого выродка спасаемся.

— Вот думаем, как бы Рим на уши поставить,— сказал Котян.

— Или на рога,— добавил Тарвел.— Это уж как получится.

Булгары засмеялись. Из их хохота выделился смех Елены, похожий на звон хрустального колокольчика.

— Рим?! — выпучил глаза Камилл.— Это что, шутка такая?

— Да нет,— сказала Мелиссина, ловко обрабатывая ему рану,— мы серьёзно.

Камилл настороженно оглядел лица окружающих.

— Сила нужна,— опасливо сказал он.— И власть немалая.

— Сила скоро прибудет,— проговорил Котян значительно,— а власть...— печенег указал на Сухова.— Перед тобой имперский магистр, спаситель короля Гуго и разоритель Неаполя!

— Бек! — нахмурился Олег.— Болтаешь много.

— Да ладно! — отмахнулся Котян.— Ему тут ещё денька два отлёживаться, кто узнает? А потом подойдёт флот...

— Вы — магистр?! — вытаращился Камилл.

— Магистр, магистр... Тарвел, подогрел бы вина, что ли. Не поедим, так хоть согреемся.

— Уже!

Булгарин снял с костерка кувшин с парящим вином.

— Пейте неразбавленным! — ухмыльнулся он, подавая сосуд Сухову.

Магистр сделал несколько хороших глотков и передал кувшин Елене. Женщина отпила слегка и, поддерживая голову Камилла, угостила его.

— Не знаю,— пробормотал тот, отпыхиваясь,— умно я поступаю или глупо, но открою вам тайну...— выждав паузу, он торжественно заявил: — Я — егошуит!

— Его... кто? — не разобрал Котян.

— Егошуит! Еретики мы, гонимые, нас с полтыщи наберётся по всему Риму.

— Можно полюбопытствовать? — спросил Олег старикана.— В каком вы сане?

— Я епископ,— мягко улыбнулся отец Камилл.— Но обошелся без папского рукоположения. Наша община избирает духовное начальство поднятием руки, как и восемьсот лет тому назад. Помогают мне пресвитеры и субдиаконы, диаконы и диакониссы. Мы вместе молимся и вместе трудимся, а по воскресеньям собираемся на общие трапезы-агапы, где я раздаю хлеб, преломленный диаконами...

— Папа, конечно, числит егошуитов в еретиках?

— О, мы многажды погрязли в ересях...— усмехнулся отец Камилл.— По его, разумеется, мнению! Егошуиты, например, согласны с Оригеном в том, что ад не может быть вечным. Бесконечная длительность осуждения зла противоречит всемогуществу Бога... Мы также придерживаемся учения монаха Пелагия, отрицавшего первородный грех. А раз не было грехопадения, то и люди не отягощены виною. Следовательно, крещение не искупает грех первородства, оно лишь приобщает верующего к жизни общины, к вступлению на путь добрых дел.

А вот Августину всё человечество представляется совокупно ответственным за грехи Адама, в силу как бы органической порочности, что передаётся от отца к сыну через зачатие. И, стало быть, даже для семейного человека плотское желание есть похоть неуёмно греховная...

— Августин был больным человеком,— вставил Олег,— с искривленной психикой.

— Верно, но сколько ж его концепции спровоцировали человеческих катастроф, мучений и горя! А посему егошуиты против учения Августина, этого «отца церкви». Зато мы разделяем воззрения священника Ария, верно понявшего неравносущность Бога и Иисуса. Егошуа Назорей был рожден человеком, в том и сокрыто величие жизни Его, что Бог дал воскреснуть Ему! В том пример людям! Истинно говорю вам — нет смысла в том, чтобы провозглашать Егошуа сыном Бога. Ведь такое утверждение сразу умаляет подвиг Его жизни и удаляет

момент чуда! Где ж удивительное в том, что Сын Божий воскрес?! У него ж божественная природа, для Сына Божия Воскресение так же обычно, как для нас — пробуждение ото сна...— Ослабев от говорения, отец Камилл передохнул, хрипло дыша и облизывая губы, а после продолжил: — Егошуиты согласны и с выводами епископа Нестория, утверждавшего, что Мария не может быть почитаема как «Матерь Божья», ибо она есть всего лишь «мать Христа», смертного, как и все другие... И не мы ли по праву можем называться христианами? Ведь мы, и только мы исповедуем те начала веры, за кои принимали смерть великомученики и святые в правление Нерона! Потому и обрушиваются на нас гонения, что вера наша еретическая — только не в ругательном смысле, а в первоначальном, ведь hairesis — это «особые вероучения»... От них и родится истина!

На этом месте отец Камилл закряхтел в совершеннейшем смущении.

— Ох, простите ради бога! — сказал он, прикладывая к сердцу пятерню.— Увлёкся!

— Блаженны увлечённые! — ухмыльнулся Олег.

— А я лишний раз уверился в том,— торжественно сказал отец Камилл,— что встретил вас единственно Божьим наущением! — Он неуверенно осмотрелся и понизил голос: — Скажите, Олег, а велик ли флот ваш?

— Семь больших кораблей и тысяча бойцов. Ну, не полная тысяча, поменьше, но зато воины — лучшие, какие только есть.

— Ничего себе...— проговорил отец Камилл и подался к Олегу.— Тогда помогите нам! Что хотите, берите, но поспособствуйте сохранению общины! Сил наших больше нет эту муку терпеть! Мы ж ничего такого не просим, только дайте нам жить спокойно. Не дают!

Олег подумал.

— Вот что,— сказал он.— Варяги — это не добренькие дяденьки, что поддерживают слабых и убогих, они — воины. Хотите, чтобы варяги вам помогли? Отлично. Тогда помогите им!

— А как же! — радостно вытаращился отец Камилл.— Поможем! Обязательно поможем! Людьми, делами, всем!

Сухов задумчиво почесал в затылке. У него не пропадала надежда на приход друзей, но можно ли было рассчитывать на это? В любом случае, даже если Инегельд приведёт дружины под стены Рима, скольких ярлы недосчитаются после атаки? А вот если подсобить своим изнутри, с помощью егошуитов, составив из них «пятую колонну»... Это же совсем другое дело!

Олегу всегда претило числиться в спасаемых, он не терпел быть тем, кому оказывают помощь и поддержку, ибо это ставило его в унизительное положение слабого. Но если использовать егошуитов... Да, да, именно использовать! Биться с Альберихом за этих еретиков он не станет, а варяги — тем более, но вот устрашить этого «государя всех римлян» было бы полезно.

— Хорошо, отче,— сказал Сухов,— я согласен. Вы где проживаете в этом граде греха?

— На Эсквилине, сыне.

— Будете показывать дорогу.

Олег накинул рясу и опустил капюшон. Тарвел с Котяном устроили носилки из пары копий и потащили на них увесистого Камилла, а Органа с Кувертом были на подхвате.

Продравшись через заросли, беглецы, ставшие заговорщиками, выбрались на Длинную улицу, с неё поднялись на Альта Семита — «Высокую тропу», проходившую по гребню Квиринала. Здесь они застали примету смутного времени — горел большой трёхэтажный дом. Простояв столетия, он лишь обветшал, но людское недомыслие погубило его в одночасье.

Балки и перегородки полыхали, как дрова в печи. Пламя с грозным гулом вырывалось изо всех окон, закручивалось языками в прорехи черепичной крыши. Вот кровля зашевелилась — и провалилась внутрь. С грохотом пошли рушиться перекрытия — в небеса поднялся копотный «гриб» из искр и дыма. Стены простояли недолго — стали складываться и валиться, этаж за этажом.

— Прах к праху,— пробормотал Котян и воскликнул: — О, смотрите! Носилки!

Действительно, неподалёку от пожарища лежал перевёрнутый паланкин. Шторки с него были содраны, а рядом лежал, раскинув руки, бывший хозяин паланкина — раздетый догола и со множеством ран и увечий.

— Пересадка, отец Камилл! — весело сказал Олег.

Усадив егошуита на подушки, булгары с Котяном легко подняли и понесли носилки-октофорон. Олег с Еленой, как особы духовного звания, пошли позади в смирении перед суетой сует и всяческой суетой.

Шли долго — через Квиринал наискосок, с Квиринала на Эсквилин — пока не добрались до района уцелевших многоэтажек-инсул, римских трущоб, весьма похожих на константинопольские.

— Сюда,— сказал отец Камилл, указывая на арку сумрачного подъезда облупленной пятиэтажки.

Слово «инсула» означает «остров». Каменная громада, словно мрачный утес, занимала целый квартал, окруженная узкими, забывшими, что такое солнце, улочками-щелями — двум всадникам не разъехаться. Редко кто из обитателей этого многоэтажного барака работал. Раньше в инсуле снимали квартирки нищие плебеи, требуя «хлеба и зрелищ», выпрашивая подачки у патрициев. Теперь каморы заселены такими же тунеядцами, только с крестиками на шеях. Эта тупая, серая масса всю свою жизнь маялась от безделья, дожидаясь первого числа каждого месяца, когда из церковных амбаров-горрей выдавались еда, вино, одежда и деньги.

Олег следом за носильщиками вошёл во двор-атриум, голый — ни травинки, загаженный людьми и собаками, но с побитой чашей фонтана, давным-давно пересохшего. По всем четырем стенам шли наружные лестницы, частично каменные, частично деревянные. Они вели на галереи, откуда уже можно было попасть в квартиры. Ну а параллельно лестницам тянулись желоба, по коим стекали нечистоты.

Пришлось подниматься аж на четвертый этаж. Носилки бросили во дворе, и булгары потащили отца Камилла на руках. Олег шёл, страхуя Мелиссину. В некоторые из квартир вели дощатые двери, но частенько вход прикрывался истрёпанной суконкой — а чего красть-то?

Отец Камилл, не слезая с крепких рук Тарвела и Органы, толкнул крайнюю дверь на ветхой галерее, пропустил всех внутрь, а потом позволил занести себя самого. Котян огляделся и запер дубовую створку на засов.

Миновав «гостиную» три на два метра, Олег попал в каморку, которая — единственная во всей квартире — имела окно. Запираемое на ночь щелястой ставней, окошко выходило на глухую стену соседней инсулы.

— Добрались-таки...— врастяжку, дребезжащим тенорком сказал отец Камилл и позвал: — Теобальдо! Ротильда! Годефредо! Умберто! Не бойтесь, выходите!

Из дверей соседней комнатушки неуверенно показался черноусый юноша, за ним проскользнули бледная рыжеволосая девушка и еще два парня деревенской наружности — коренастые, крепкие, добродушные.

Кивнув вошедшим, отчего те сразу заулыбались и расслабились, Олег сосредоточился на деле.

— Так сколько вас в Риме, егошуитов? — спросил он.

— Священнослужителей и церковнослужителей мало совсем,— с готовностью ответил отец Камилл.— Приверженцев множество, но верных и надежных наберется сотни три от силы...

— А оружие сможете достать?

— Оружие? — усмехнулся егошуит.— Да все мы оружны. Жизнь такая!

— Тогда вот что,— деловито сказал Олег.— Одно дело, когда город берётся штурмом, и совсем другое, когда его ворота открываются, спасая кучу жизней. Так вот... Корабли наши могут пройти в Рим по Тибру, но река наверняка перегорожена цепью...

— Да, это так,— подтвердил отец Камилл.

— Следовательно, нам нужно цепь эту снять, перебить стражу на башнях, что стоят у берегов, и пропустить лодьи.

Отец Камилл заёрзал, волнуясь и переплетая пальцы рук.

— Многие погибнут...— слабо возразил он, словно перебарывая сильнейшее желание голосовать за Олегов план двумя руками.

— Погибнут,— подтвердил Сухов.— И меня могут подстрелить, и вы не бессмертны, отче... Ну и что? Вас же всё равно изведут! Так уж лучше в бою пасть, чем на костре. Хуже уже не будет, отец Камилл, а вот лучше — очень даже может быть!

Молодые егошуиты радостно переглянулись, а старый долго думал. Отец Камилл всё вздыхал, всё смотрел в окно на облезшую стену дома напротив. Внезапно встрепенувшись, он повернул голову к магистру.

— По воле своей, данной мне людьми,— торжественно начал он,— и освященной Господом нашим, принимаю власть твою, Олег, над собою и над возлюбленными чадами моими. Веди агнцев на псов лжехристианских, будь милосерд и справедлив, и да свершится воля Его!

Сбор Сухов назначил в Большом цирке. Занявший естественную ложбину в Мурсийской долине, Циркус максимус [1] вытянулся удлиненным амфитеатром меж Палатином и Авентином. От арены, обнесенной парапетом-подиумом в три человеческих роста, множились ряды нарезанных ступеней, служивших скамьями, круто восходя к аркадам портика на самом верху. С востока цирк, как и положено, закруглялся, а с запада был отрезан оппидумом — площадкой с местами для знати. Оппидум поддерживали тринадцать арок, под средней открывались Парадные ворота, под другими когда-то держали колесницы и ждали своего выхода гладиаторы.

---

[1] *Циркус максимус* (*лат.*) — Большой цирк.

Пятьсот зим минуло со времени последних боев — идущие на смерть уже не ревут «Ave, Caesar!», арена заросла травой, а на оппидуме уже и кустики с деревцами принялись. Запустел, запаршивел Циркус максимус. Лишь мальчишки порою забегают через колоннаду Триумфальных ворот, играют в ретиариев и мурмиллонов и, по совместительству, пасут коз на арене.

Но в этот вечер сотни две приглушенных басов, теноров и фальцетов оглашали цирк, возвращая прошедшее, эхом отражаясь от щербатых портиков, окаймлявших амфитеатр. С Палатина нависали полуразграбленные дворцы, словно заглядывая за стены цирка, но дозорные чутко бдили. Почти двести пятьдесят егошуитов со всего Рима собрались на арене, а люди все подходили и подходили — кто с мечом, кто со скромным скрамасаксом, а кто и с полным комплектом доспехов. В кожаных сумах и рогожных мешках угрожающе позвякивало и полязгивало. Пришли и те из егошуитов, кого община направила служить в папскую гвардию и в преторскую стражу. Эти как раз и стояли в дозоре, карауля подходы к цирку и дежуря у ворот.

Олег поднялся на самый верх, под арки портика, и разглядывал оттуда огромный Циркус максимус. Амфитеатр, округло вздымаясь, заметно уходил в перспективу, едва освещённую полумесяцем. Её подчеркивал так называемый «хребет» — низкий разделительный барьер по оси арены, утыканный столбиками-метами, определявшими дистанцию во время бегов. И справа, и слева от «хребта» уцелели колонны, поставленные «для красоты», да обломанные постаменты статуй, а посередине вздымался обелиск, с великими трудами вывезенный из Египта. Вдоль парапета, оберегавшего зрителей от диких зверей, терзавших христиан в правление Нерона, когда-то параллельно тянулись ров с водой и железная решетка, но ров давно уж усох, а решетку растащили на хозяйственные нужды.

Стоял поздний вечер. Багровый закат дотлевал за Яникульским холмом, и Альбанская гора, с вершины которой еще не сошел весь снег, больше не отсвечивала пурпуром, а все больше таяла в синем накате ночи.

Олег прогулялся вдоль портика, поглядывая на чернеющие громады Палатина, и спустился на оппидум. У парапета, не слезая с «трофейных» носилок, сидел отец Камилл.

— Начнём? — спросил его Олег.— Негоже мариновать людей.

— Да,— вздохнул епископ и вымученно улыбнулся: — Боюсь очень...

— Это нормально, отче... Мы же все живые.

Он приказал зажечь факел. Трепещущий свет выделил фигуру Олега и словно затемнил цирк. Оживление на трибунах и арене доносилось словно ниоткуда.

— Братья и дети мои! — поднял руку отец Камилл и словно подрос.— Мы все попрощались с родными и любимыми. Мы уже оплаканы, ибо кто-то из нас этой ночью узрит Христа. А поведет наше войско человек с далекого Севера, уже бравший великие грады. Звать его не по-нашему — Олегом, но он, как и мы, исповедует божественное учение любви, справедливости и милосердия! Hic est! [1]

В толпе, скрытой густыми сумерками, родился сдержанный шум. Олег шагнул к парапету и опустил на него руки. Факел светил за спиною, и Олег стал лучше видеть, даже разбирал отдельные человеческие фигуры. Он стоял, спокоен и непринуждён, и молчал. На людей Олег не смотрел, его взгляд был устремлен куда-то на дальние трибуны, к фронтону Триумфальных ворот. Тишина настала абсолютная — даже чьё-то покашливание воспринималось как гром. Выдержав ровно минуту, Олег сделал вдох и грянул:

— Велик Рим! Высоки башни его! Крепки стены Аврелиана! Но разве нам придется брать их штурмом? Мы уже внутри их, и город сей — наш!

Толпа загудела одобрительно.

— Но помните,— продолжал Олег,— я поведу вас в бой не затем, чтобы вы отдали свои жизни, а затем, чтобы вы причиняли смерть нашим общим врагам! За вас молятся ваши родные, ваши любимые! Не лишайте их сча-

---

[1] Hic est! (*Лат.*) — Вот он!

стья увидеть вас завтра утром — живых и здоровых! Не доставьте им горя! Да не станут дети ваши сиротами, а жены — вдовами! И помните: завтра утром вы подарите тем, кого любите, свободу! Есть ли дар, желанней этого? Страхи и тревоги покинут вас, вы будете спокойно спать по ночам, не боясь, что за вами явятся и уведут на пытку и казнь! Вы будете спокойно делать свою работу, молиться, не таясь, и открыто трапезничать на агапах! Все это исполнится, если мы одержим победу и впустим корабли в город! Нас мало, но вера удесятерит наши силы! Ибо исполнилась мера и настал час! Город злодеяний и разврата, новый сей Вавилон, дождался очищения! Он ждет нас! Вперёд! Вам я говорю: вы — победители! Се грядет Господь покорить город злодейств, гнета и нечестия! И вы — воинство Его! Так будь же славен в велениях своих, Боже, наказывающий нам побеждать! Осанна!

Толпа коленопреклонённых или воздевающих руки кверху исполнилась торжественности и глубокого волнения. Мерцающий свет факела отражался в белках заведенных глаз, одни, привстав на колени, пели, другие с жаром повторяли имя Христово, иные ударяли себя в грудь, как те первые братья по вере, несущие благую весть миру. С разных сторон возглашали:

— Осанна!

— Во имя Христа!

— Мы овцы твои, Олег, паси нас!

— Слава в вышних Богу!

— Иисусе, Иисусе, Иисусе!

— Верую! Верую! Верую!

— Слава Христу!

— Веди нас, Олег!

Сухов, и сам взволнованный своими речениями, задумался на минутку: а исполнится ли мечтание? Сбудется ли то, что он так красочно обещал? Не обманывает ли он этих людей ради своих выгод? Пожалуй, нет. В будущем он ни разу не слыхал ни о каких егошуитах. Видно, всех извели. Но пусть они хоть раз ощутят свою силу, пусть познают хмельной вкус победы!

Рим спал. Спали в нищем Эсквилине, спали в богатеньких Каринах. Босяк-пролетарий дрых в своей каморке на куче тряпья. Папа Лев похрапывал в покоях Латеранского дворца на золоченой кровати, под балдахином, изукрашенным ангелами и херувимами. Спал торговец в комнатушке позади своей лавчонки. Провальным сном спал усталый подёнщик. Дремал стражник у Капенских ворот, то пялясь сонно на веретена кипарисов, облитые лунным светом, то вновь роняя голову на грудь.

Не спали только в семьях егошуитов. В бедных халупах и в крепких домах одинаково горели самодельные свечи, и женщины, кутаясь в одеяла, шептали молитвы, вознося Богу одну просьбу — отвести смерть от мужа, отца, брата, жениха, сына...

Две полные сотни и одна полусотня шагали, удалясь от Большого цирка, бесшумно и грозно ступая во тьме ночи. Луна высекала блики на лезвиях мечей и топоров, неясно посверкивала на шлемах, выбеливала лица — суровые и жесткие, неуверенные и бодрящиеся, торжественные и просветленные.

Луна чернила стены и серебрила плоские крыши, холодным душем отражённого света поливала прилизанные кипарисы и взлохмаченные пинии, купалась в Тибре, разрезаемая тенями мостов, пересчитывала зубцы крепостных башен, загибая лучи, словно пальцы, фосфорическим сиянием скрывала мерзости и красы, днем выставляемые напоказ.

Олег терпеливо прохаживался под портиком Эмпория, переходя из тени колонн в полосы лунного серебра. Отсюда были хорошо видны могучие башни, зажимавшие Тибр. В их бойницах мерцали огни — солидарии бдили, страшась нашествия.

Начинало светать, когда из полутьмы выбежал тощий парень, зовомый Магиуло, и выдохнул:

— Корабли! По Тибру... идут! Большие! С парусами полосатыми! Пять больших кораблей!

— Macte![1] — хищно улыбнулся Сухов.— Выдвигаемся!

Ночную тишину всколыхнули шорохи и глухие звуки шагов. Ожили многочисленные тени, лунные блики закачались в такт поступи.

— Проверить всё! — приказал магистр и аколит.— До мелочи! Гляньте даже на ремешки сапог — затянуты ли? А то развяжутся, оступитесь, да и откроетесь мечу!

Пыхтение, покряхтывание и притоп озвучили исполнение приказа.

— Тристан! Поведёшь своих на правый берег. По мосту, и сразу на штурм! Рамберто! Твоя задача — спустить цепь. Механизм в подвале правобережной башни, выступаешь за Тристаном. Хамальвин! Ты идешь со мной, берём левобережную башню. Вперёд, и без криков!

Десяток солидариев, бродящих по набережной у башни, перестреляли из луков.

— Мечи к бою!

Полусотня Хамальвина, рыча от спущенной злобы, ворвалась в башню. В узкие её ходы и подъёмы втиснулось едва два десятка бойцов, но рёв поднялся, как от тысячи. Стальным поршнем егошуиты выдавили папских гвардейцев на верхнюю площадку башни — лязг мечей, вопли ярости и боли долетали до земли. С душераздирающим криком парапет перевалил сброшенный гвардеец, следом за ним рухнули сразу трое. Олег напряженно наблюдал за рекой. Толстенная цепь, перегораживающая течение, неожиданно дрогнула. Начала медленно погружаться.

— Macte! — воскликнул Олег.

Первым в виду Эмпория показался «Лембой». Следом двигался «Семаргл», борт к борту шли «Финист» и «Морской змей». Последним подгребал «Зилант», не отражая в мутном, полноводном по времени Тибре полосатых парусов. И тишина...

---

[1] *Macte!* (*Лат.*) — Отлично!

Настороженно молчала судовая рать, ожидая каверз и ловушек. «Что-то здесь не то...» — крутилось в головах варягов, варилось под шлемами недоверие и опаска. Почему опущены цепи, перегораживавшие реку? Почему не свистят стрелы? Не гудят камни? Почему не трубят трубы, а толпа вдоль всей набережной под портиками, под сводами гигантских смоковниц и сикомор стоит — и это было странно, крайне странно! — и тоже молчит?!

В полной тишине лодья Вуефаста Дороги подвалила к причалам Эмпория. Слышен был только слабый плеск весел.

Не в силах сдерживать улыбку, Олег протолкался сквозь толпу егошуитов и вышел на каменный вымол. Из груди его рвалась радость, но горло перехватывало от переизбытка чувств. Сзади подошла и прижалась Елена. Сухов только шумно вздохнул и замахал руками.

Сразу же после этого дикий рёв узнавания огласил палубы кораблей. Сотни мечей вскинулись над бортами и неистово забили о щиты.

Толпа на берегу заволновалась, загомонила, почтительно отступая в тень колоннад. Только несколько обнажённых по пояс мускулистых парней остались, чтобы принять швартовы и ловко накрутить их на причальные тумбы.

Ещё не спустили сходни, а варяги уже сигали через борт на каменные плиты. И только теперь Олег понял, как он соскучился по этим бесхитростным, прямодушным мужикам — по медведю Свену, по хитрюге Хурте, по мужиковатому Инегельду, по «дедуське» Железнобокому. По всем!

— Олег! — орал Пончик, неистово махая руками.

Боевой Клык опередил протоспафария, облапив магистра, потискав дружески — так, что у Олега кости затрещали, и сказал:

— Ну, как ты тут без нас? Не отошшал? — Заметив мило улыбавшуюся Елену, он остолбенел и еле выговорил: — Ну у вас и семеечка... А это кто такие?

— Егошуиты, князь. Наши союзники. Считай, что это ополчение.

— Да уж вижу, что не войско...— проворчал Клык.— Ну и что тут интересного, в Риме?

— Вот Эмпорий, тут купцы местные товары свои хранят. Выше по склону — Авентин, там одни нищие, не стоит и соваться, а выше по течению — Бычий форум. Можешь с него начать. За ним увидишь холм, называется Палатин. Там сплошные особняки.

— Ага! — сказал Инегельд.— Вуефаст! Веремуд! Либиар! Двигаем по реке вверх!

— Магиуло! — позвал Олег.— Хамальвин! Ступайте следом. Клык! Погоди, я с тобой...

Город Святого Петра спал и не ведал, что язычники и еретики стали хозяевами на его улицах — варяги покидали лодьи, строились и тяжело печатали шаг, забираясь на холмы города. Альберих не сплоховал — сразу бросил в бой почти тысячу солидариев и папских гвардейцев. Первую сотню римского воинства варяги перемололи на Бычьем форуме — два «клина» врезались в толпу гвардейцев, раскололи её, окружили и порубили, даже не запыхавшись. Прочая гвардия, поняв, с кем связалась, попросту разбежалась.

Олег повёл свою сотню на штурм Палатина — Магиуло донёс, что во Дворце Флавиев, древней резиденции римских императоров, есть жизнь. Там же находилась Камера апостолика — казна папы римского.

Месяц на небе начал бледнеть, а небо за Альбанской горой — светлеть, когда варяги Сухова — дружина Олава Лесоруба в полном составе, усиленная полусотней Магиуло,— вышла к бывшему парку Дворца Флавиев, деревья которого давно были пережжены на уголь. Одни пеньки виднелись между портиков.

— Ивор,— позвал Олег.— Скажи там, чтобы баллисты ставили. Пора.

— А молодец Турберн,— улыбнулся Пожиратель Смерти.— Я его, помнится, ругал, чтобы не загромождал палубу своими «баллисточками». А старый упёрся, и ни в какую! Гляди-ка, пригодились!

— А то!

— Баллисты ставить! — тихо отдал команду Ивор.— Там и там!

— Заряжать свинцовыми шариками и «блямбочками»! — добавил Сухов.

Вернулись разведчики и доложили, что стража вся на площади, там горят костры и, по всей видимости, идет попойка.

— Готово? Пускай!

Взвизгнули упругие элементы. Баллисты подпрыгнули, устраивая стражникам убийственные «осадки».

Полусотню Магиуло Олег оставил в саду, куда выходила галерея дворца, а остальных разделил надвое и повел в обход, со стороны криптопортиков, обнимавших дворцовую площадь.

— Вперёд!

Двумя потоками — огибая боковой криптопортик и по улице Аполлона — варяги высыпали на дворцовую площадь. В свете костров был виден высокий свод арки главных ворот, над которой будто приплясывала в свете костров четвёрка коней работы Лисиппа и пошевеливались бронзовые возницы — невесть как убережённые Аполлон и Диана.

Дворцовая площадь была окаймлена колоннадой из желтого нумидийского мрамора. Бросался в глаза сухой фонтан и мёртвые тела.

— Десяток Акуна — налево! Десяток Вузлева — направо! Остальные — за мной!

Расчёт Олега оказался верен — обрушившийся свинцовый град перепугал стражу до полной потери себя. Побросав оружие, дозорные бегали по дворцу, подвывая от ужаса и сшибая с ног разбуженных священников. Егошуиты ворвались внутрь, как хорьки в курятник.

— Heu, heu, me miserum! [1] — неслось из покоев.

— Habet! — слышалось в ответ.— Peractum est! [2]

---

[1] *Heu, heu, me miserum!* (*Лат.*) — Горе, горе мне, несчастному!

[2] *Habet! Peractum est!* (*Лат.*) — Получи! Готов!

Олег во главе полусотни вбежал в роскошный триклиний — обширную трапезную, разделенную на две части шестью колоннами тиволийского мрамора. Драгоценная мозаика на полу изображала полубогов и полулюдей. В глубине зала за колоннадой стоял круглый стол из мрамора, а вокруг него разместились высокие бронзовые ложа, аккуратно уложенные пуховыми подушками в пурпурных наволочках.

Лампы из алебастра и позолоченной коринфской бронзы были потушены, но запах ароматного нарда еще витал в воздухе.

— Хорошо папы устроились! — сказал Ивор с неприязнью.

— Да уж...— Олег покачал в руке гладиус и вытянул клинок, указывая на двери, облицованные перламутром.— Туда!

Косяки дверей выглядели скромнее — их покрывала всего лишь черепаховая кость. Триклиний сообщался с внутренним двором-перистилем, окружавшим квадратный бассейн с фонтаном в центре.

Фонтан не работал, но бассейн был полон дождевой воды, проливавшейся в ненастье через отверстие в крыше, ныне затянутое пурпурно-красным сукном по причине ночных холодов.

Пройдя вдоль колоннады, Олег свернул в боковой покой и столкнулся с церковником в лиловой рясе. Бледное лицо было перекошено страхом и непониманием. Посиневшие губы громко, но сбивчиво выпевали градуал «Sederunt»:

Adjuva me, Domine,
Deus meus salvum me
Fac propter magnam misericordiam tuam!..

Олег схватил аббата за плечи и грубо встряхнул.

— Сальватор! — рявкнул он.— Очнись!

Встряска подействовала. Зрачки во всю радужку, исполненные безумия, заблестели узнаванием.

— Оле-легариус,— залепетал Сальватор.— День суда!.. Се грядет! Звезды градом сыплются на землю, се разверзает она бездны свои, и мёртвые восстают, а Господь грядет средь звуков трубных и сонмов ангельских, средь громов и молний!

— Да опомнись ты, изувер хренов! Партитуру для труб Страшного суда еще не сочинили, успокойся! Я это все устроил! Я!

— Искупитель...— заскулил Сальватор.— Смилуйся!

Олег толкнул аббата на мраморную скамью и дал глотнуть крепкого вина из фляжки.

— Пей! Очень, говорят, способствует...

Сальватор поперхнулся, закашлялся, но, отдышавшись, вернул себя.

— Это ты?! — прокаркал он.

— Я, я... А ты бы поменьше Апокалипсисы читал, а то так чокнешься скоро!

Аббат засверкал глазками.

— Камера апостолика где? — ласково спросил Олег.

Глазки Сальватора забегали.

— Там почти что и нет ничего,— заюлил он.— Так, мелочь одна...

— Веди,— приказал Сухов,— а не то падёшь смертью храбрых!

...Утром, когда алое солнце поднялось над горами, наливаясь слепящей белизной, варяги покинули Палатин. Воины Вуефаста Дороги и булгары Курта Дулата вернулись из Леонина, что в заречье, за Тибром.

А в разгар утра явились послы от Альбериха — перепуганные бургунды во главе с маркизом Пандульфом предложили варягам выкуп, лишь бы те убрались поскорее.

— Как мыслишь, князь? — спросил Олег Инегельда.

— Да мы уже взяли маленько...— ответил Клык добродушно.— Но выкуп лишним не бывает! Пущай тащут.

Альберих не заставил себя ждать. Вскоре по Тибру спустилась маленькая галера, на ней доставили тугие ме-

шочки с серебром. Договор дороже денег — варяги не стали задерживаться. Один за другим русы, аланы, ясы, булгары, савиры поднимались по трапу, и каждый тащил по увесистому мешку, а то и по два. Малютка Свен даже где-то бронзовую Венеру спёр — маленькую, по пояс, но тяжеленную. Котян вернулся с целой поленницей тубусов, в которых хранились скрученные папирусы. Фудри Московский тоже пустой пришёл, но зело довольный и со следами крепких поцелуев на мощной шее.

Около полудня лодьи отчалили от Эмпория. Все жители попрятались, и только римлянки пришли проводить завоевателей их сердец — они стояли и махали веточками жасмина и молодого лавра.

Олег смотрел на них со снисхождением, как человек семейный. Он сидел на корме «Финиста» и обнимал Елену. А потом Акила подмигнул Сухову и завёл такую песню, что Мелиссина покраснела и спрятала лицо на плече у мужа.

— Мне необыкновенно хорошо! — призналась она.— Словно юность вернулась — всё так ярко, так сильно! Понимаю, что в Рим меня отослал враг, тебе на погибель, но я ему всё равно благодарна. Ах, если бы Господь послал мне дитя... О-о... Я бы утолила тогда все свои желания, я стала бы самой счастливой женщиной на свете!

Олег нежно поцеловал её в шею и прошептал:

— Всё будет хорошо...

ГЛАВА 20,

в которой Олегу было явлено чудо

Семь варяжских лодий шли морем на север, между островами Тосканского архипелага и материком. Варяги благодушествовали — поход оказался на редкость удачным. Хоронили мало, а вот злата-серебра добыли изрядно и славу воинскую преумножили.

Вёсла сушили согласно настроению — спешить было некуда, свежий ветер поддувал слева в корму, и реи развернули так, чтобы улавливать каждое дуновение, а паруса ещё и распёрли в ширину особыми жердинами. Лодьи шли ходко.

Олег Сухов приготовил Елене укромное местечко на корме «Пардуса», в маленькой треугольной каморке под полуютом, куда вела низкая дверца, но женщина воспротивилась, не пожелав обитать в сырой полутьме, слушая окрики кормщика сверху и шум волн, обтекающих борта.

А вот Гуго Арльскому каюта пришлась по душе — король почти не вылезал оттуда, за исключением тех случаев, когда лодья причаливала к острову, и трубач сзывал желающих отобедать к костру.

Олега беспокоило, как Его Величество отнесётся к появлению на борту Елены, но всё прошло гладко — Гуго был поражён, конечно, но счёл, что магистру просто удалось спасти красавицу-паломницу, вырвав сей ценный трофей из лап презренного Альбериха. Елена Мелиссина не стала переубеждать короля...

Уступив изгнанному монарху каюту, женщина устраивалась на полуюте, подстилая себе кипу войлочных кошм и удобно откидываясь в ложбину кормового завитка, изображавшего хвост корабля-дракона. А когда поднималась волна, пересаживалась ближе к мачте, где качка была ощутима менее всего.

Приседая на груду ковров, сложенных у мачты, зостапатрикия оказывалась в центре внимания — взгляды сотни мужчин устремлялись на неё,— но Елена не смущалась. И не чинилась, не чванилась особо — женщина улыбалась и думала о своём, а иногда пела песни, что выучила за свою неспокойную жизнь. Она тянула заунывные арабские песнопения, протяжные славянские, томные итальянские, пылкие франкские. Варяги слушали — и их твёрдые лица мягчели, а в душах, заветрившихся и огрубелых, начинало щемить.

На третий день пути — лодьи проходили между островом Эльба и побережьем Тосканы — Елена заняла

своё обычное место на корме. Турберн, сидевший у руля, поглядывал на неё с умилением. Потом пришёл Пончик, пристроился рядом. Олег, тягавший снасти на пару со Свеном, разгорячился и скинул рубаху, оставшись в одних штанах, сшитых из кожи по варяжской моде — гребцы в таких не скользили в бурю по мокрым скамьям.

— Олег! — крикнул Шурик.— Иди к нам!

Сухов прошёл на корму и занял место в ногах Елены, облокотившись на крутой изгиб борта.

— Мы как на отдыхе,— ухмыльнулся Пончик,— на увеселительной прогулке! Угу...

Елена сидела, выпрямившись и высоко подняв голову,— загорала под солнцем Италии. Её глаза были закрыты, а вся фигура выражала полнейшую безмятежность.

— А я вот всё думаю,— проговорила она, не раскрывая глаз,— знаете о чём? Думаю, как же я попала сюда? Кто послал меня — умный враг или глупый друг? Помнишь, Олег, ты говорил, что это не мог быть патриарх? А может, всё же он?

— Верится с трудом,— пожал плечами Сухов.— Феофилакт слишком глуп. Говорить он умеет, но соображать не способен — в его голове никак не могла родиться идея повлиять на ситуацию в Риме извне так, чтобы развалить порнократию изнутри. Нет, это ему кто-то «напел», а патриарх подхватил. Вполне вероятно, что он и сам убеждён, будто идея с тайной посланницей пришла к нему естественным путём.

— Допустим,— сказала Мелиссина, открывая глаза.— Допустим, что его подговорил тот самый враг — главарь, которого ты не раскрыл. Как, ты говорил, его прозвище? «Принцепс»?

— Угу,— сказал Олег.

— Не передразнивай,— проворчал Пончик.

Елена улыбнулась и продолжила:

— Если «Принцепс» оплодотворил слабый патриарший разум идеей о свержении порнократок, то как он мог знать, что я поступлю именно так, как поступила? И, вообще, какой он смысл закладывал в исполненное мною пору-

чение? Навредить тебе? Ведь «Принцепс» — синклитик, и наверняка знал о планах императора. А вредить Марозии означало принести вред Гуго, следовательно, и базилевсу!

Пончик скорчил рожу, тыкая пальцем в настил — дескать, Гуго под нами. Елена пожала плечами — мол, плевать я хотела на всяких там королей.

— Наши речи слишком понятны,— предложил Александр, беспокойно ерзая.

— «Принцепс» точно знал, как ты поступишь,— перешёл Олег на язык русов.— Полагаю, он был в курсе всех твоих тайных дел — и просветил о них патриарха, чем привел того в восторг. Правда, Феофилакту далась лишь внешняя сторона, его впечатлил список дворов, при которых ты блистала, а вот «Принцепс» разглядел куда больше — твой характер. Ты дерзка и решительна, любишь опасность, но храбрость твоя разумна — ты не станешь рисковать зря, опыт и знание подскажут тебе неожиданный ход — и ты сделаешь его. Я помню, как встретил тебя во дворце ширваншаха — ты явилась убить князя Халега, сына Ингоря, а по ошибке встретила меня. Благословенная ошибка!

— Перестань,— махнула на него рукой Елена.

— Перестал. Просто я хочу сказать, что твои действия в Риме были достаточно предсказуемы. Тактику посланницы Мелиссины предвидеть было нельзя, но стратегия-то ясна! Центр, ось, опора порнократии — это Марозия, и что бы ты выбрала для решения поставленной задачи? Либо убить Марозию самой, либо убрать её чужими руками. Ты пошла по второму пути — он был интереснее. Подзуживая Альбериха, ты добилась своего — сыночек заточил мамулю и братца в темницу.

Однако я уверен — «Принцепс» добивался вовсе не этого. Положение в Риме его не волновало совершенно. Посылая тебя, он вредил мне! Не в силах дотянуться до магистра и аколита, он желал посредством зоста-патрикии нанести ему, то есть мне, удар в спину. Как? А вот тут выбор велик. Представим, что ты сама решила зарезать Марозию. Тебе это удалось, но тебя схватили и отдали

палачу... Впрочем, стоит ли зря тратиться на пытки? Можно было и подсказать, кому положено, кто ты. И что будет делать Гуго, узнав, что его жена убита супругой человека, желающего заключить союз от имени императора? Постарается этого человека извести, верно? А то, что при этом пострадает империя, «Принцепсу» безразлично. Ему это только на руку — чем хуже для империи, тем лучше для него.

— Убить тебя не легко,— убеждённо высказался Пончик.— Угу...

— Согласен, не легко. Но можно ведь? Я, знаешь ли, не заговорён от стрел и мечей, я, как все, внезапно смертен. Причём, заметьте, «Принцепс» в любом случае оставался в выигрыше. Убьёшь ты Марозию — Гуго осерчает и возжаждет меня прикончить. Король остаётся на нашей стороне только потому, что не знает, кто стал причиной нежданного возвышения Альбериха. Если же ему об этом сообщат, он тут же увидит всё в ином свете, обвиняя и меня в подлом заговоре. Ведь это я заплатил ему золотом, убеждая послать войско пугануть Ландульфа! А если бы войско осталось в Риме? Посмел бы тогда восстать Альберих? Да ни за что! Видишь, какой расклад? И поэтому я успокоюсь лишь тогда, когда окажусь в Константинополе — и пойду по следу «Принцепса», и отыщу этого гада. Пока он жив, и я, и ты будем в опасности.

— Но всё могло окончиться неудачей,— осторожно сказал Пончик.— Мало ли... Могли убить саму Елену... Хм.

— Вот именно,— криво усмехнулся Олег.— Могли. И это был бы самый беспощадный удар по мне...

Елена дотянулась рукою до шеи Сухова и провела по ней пальцами, лаская и успокаивая.

— А тебе не кажется,— затянул Шурик,— что ты переоцениваешь Гуго? С чего бы ему вдруг бросаться мстить за убиенную Марозию? Да у него только официальных любовниц было... не помню сколько. Вандельмода, Пецолла, Ротильда, Стефания, Ротруда и... и так далее. А в Павии, во дворце, он держал целый гарем из красивых наложниц!

— Пончик завидует королю,— объяснила Елена для Олега.

— Ничего я не завидую!

— А вы знаете,— сказала Елена,— как Гуго женился в третий раз, то есть на Марозии? Она-то была замужем за Гвидо, его братом по матери, а церковь запрещает жениться на вдове брата. И король не остановился даже перед тем, чтобы обесчестить память о мамочке, объявив, что её потомство от второго брака не отпрыски её, а приёмыши, которых она лживо называла своими детьми! Представляете? Ламберт, маркграф Тосканы и брат Гвидо, вызвался доказать действительность своего происхождения, и зря — Гуго заманил Ламберта к себе, велел схватить его, ослепить и запереть в темнице. Маркграфство Тосканское он отдал Бозону, своему брату по отцу.

— Ну, то, что Гуго не обременён нравственностью и совестью, нам известно,— сказал Сухов.— И что никакой любви к Марозии он не питал, тоже ясно. Тут другое... Король не зря так стремился жениться на сенатриссе и патрикии — он мечтал, чтобы тот самый папа Иоанн XI, сын Марозии, который, кстати, развёл Гуго с его второй женой Альдой, провозгласил его императором! Вот какая у него цель была! Не страсть правила монархом, а чистая политика. Вернее, грязная.

— С этим всё ясно,— подвёл черту Александр,— но главный вопрос остаётся без ответа: кто такой этот «Принцепс»? Ты вот сказал, что пойдёшь по его следу. А где его следы? Лично я не замечал ни одного. Угу...

— Не замечал он...— фыркнул Олег.— Искать надо не здесь. Вернёмся в Константинополь — и сразу заявимся к патриарху. Душу вытрясу из мерзавца! Он мне всё скажет, коневод хренов...

В это самое время «Пардус» проходил мимо Эльбы, оставляя остров за кормой по левому борту. И тотчас же показалась двухмачтовая усиера, корабль поменьше дромона, но побольше кумварии. Гребцы на ней располагались в два ряда — пятьдесят человек на нижнем ярусе, пятьдесят на верхнем, но вёслами они работали лишь на

переходе, как и варяги на лодьях. Когда же усиера вступала в бой, гребцы становились воинами.

— Кто это, интересно? — приподнялся Пончик.

Олег пожал плечами, разглядывая огромный вымпел, ниспадающий с задней мачты усиеры. На нём был изображён Иоанн Креститель, святой покровитель Флоренции.

Спустив паруса, усиера подошла к «Пардусу» на вёслах, и некий чин поднялся на её корме. Сложив ладони рупором, он прокричал:

— Не у вас ли находится его величество король Гуго?

— А зачем он вам? — заорал в ответ Инегельд.

— Маркграф Бозон Тосканский желает засвидетельствовать своё почтение!

При этих словах Гуго Арльский очень живо выполз из своей каморы и поднялся во весь рост.

— А где же наш любимейший брат и славнейший маркграф? — спросил он громко, подбоченясь.

— Ждёт вас на берегу, ваше величество! Верные люди передали маркграфу, что вы следуете с норманнами... Меня послали встретить вас и проводить! Маркиз Риккардо Злой, к вашим услугам!

Гуго перевёл взгляд на Инегельда, тот глянул на Вилобородого, а ярл посмотрел на кормщика.

— К берегу! — скомандовал Карл.

Олег обратил внимание на перемены, произошедшие с королём,— Гуго уже не выглядел жалким беженцем, он выпрямил спину и выпятил грудь, принимая вид величественный. Хотя и немного потешный, ибо без мантии и короны Гуго не воспринимался как монарх, больше смахивая на держателя харчевни или на купчика средней руки.

Лодьи повернули вслед за усиерой в направлении Пьомбино, порта на границе двух морей, Тирренского и Лигурийского, но маркиз Риккардо обошёл город стороной, взяв северней, и причалил в маленькой укромной бухточке, на берегу которой выросло целое селение из роскошных шатров, стоявших вразброс. Множество солидариев в блестящих кольчугах, с копьями в руках и перьями

на шлемах расхаживали поодаль, сторожа подходы к лагерю, а больше выпендриваясь друг перед другом. Было заметно, что все они служат разным господам — геральдические звери на их щитах щерили кровавые пасти, выпускали когти одинаково свирепо, но породы были разными. Да и больно уж пыжились щитоносцы.

У походных коновязей — попросту говоря, у верёвок, протянутых между деревьями,— фыркали и перетаптывались кони под яркими попонами, а на берегу краски и вовсе пестрели, утомляя зрение произвольным смешением цветов — это вышли встречать короля обитатели шатров, высокие титулованные особы. Граф Флорентийский, граф Сиенский, виконт Пизанский, князь Пьомбино, а впереди всех, источая улыбку, полную мёда и елея, простирал короткие пухлые руки маркграф Тосканский Бозон.

Лодьи одна за другой подошли к берегу, со скрипом и шорохом всаживая форштевни в песок.

Засидевшиеся варяги сходили на берег сразу десятками, и в их присутствии дворянство тосканское малость поблёкло, хотя ни русы, ни даже булгары не отличались цветистыми одеяниями. Сам вид варягов был весьма внушителен — сразу становилось ясно, кто тут воин, а кто просто мечом опоясан. Тем более что на фоне болтливых, экспансивных южан, чёрных и мелких, сдержанные северяне гляделись белокурыми великанами, которым достаточно было бросить один мимолётный взгляд, чтобы задавить в зародыше позыв схватиться за оружие. Солидарии рядом с ними как-то усохли, увяли. Чудилось, даже пышные султаны из перьев поникли.

— Брат! — воссиял Бозон Тосканский, распахивая объятия.

Гуго Арльский, снисходительно улыбаясь, приблизился к нему и приобнял, похлопав по спине.

— Мне докладывали, что норманны решили тебя подбросить до места,— оживлённо болтал маркграф,— но я даже представить себе не мог, что тебя сопровождает такая сила!

— Они гвардейцы императора ромейского,— сказал король небрежно.— Император хочет мира на Юге, я

поддержал его, а эти, как ты говоришь, норманны, помогли мне в трудную минуту.

— Так будьте уверены,— торжественно заговорил Федерико, виконт Пизанский,— что усилия вашего величества увенчались полным успехом: Ландульф I, князь Беневентский, сложил оружие и заключил мир с императором ромеев, за что и получил титул стратига Лонгивардии!

— Превосходно,— важно ответил Гуго,— это надо отметить!

— Всё готово, брат! — снова залучился Бозон.

Тут король спохватился и отрекомендовал феодалам Сухова.

— Магистр Олегариус,— сказал он в манере герольда,— в наших понятиях — герцог.

«Герцог» усмехнулся и отвесил тосканцам короткий поклон.

— К столу, господа! — воскликнул виконт.— Ваше величество... Ваше высочество...

И тут на берег сошла Елена Мелиссина. Графы с маркизами моментально приобрели сходство с голодными котами, узревшими миску со сметаной.

— Зоста-патрикия Елена,— представил её Олег,— в ваших понятиях — герцогиня.

Знать дружно поклонилась прекрасной даме, продолжая поедать её глазами. Выглядело это презабавно.

Повара знатных особ были в отчаянии, когда узнали, что стол придётся накрывать едва ли не на тысячу персон, но справились — накрыли поляну. Над десятками костров подрумянивались на вертелах бычки и кабанчики, не считая крупной дичи. Вино разливалось бочками, целый воз свежеиспечённого хлеба «разгрузили» за две перемены блюд.

Олег устроился на ковре, неподалёку от Гуго Арльского, пировавшего с особым аппетитом,— видать, сытная пища варягов не отличалась особыми изысками.

Утолив голод, аристократия пустилась в воспоминания.

— Бивали мы тех лангобардов,— лениво проговорил виконт Пизанский, ковыряя в зубах.— Подошли как-то к

Таранто на галерах, вроде как на арабов собрались, а сами высаживаемся в порту. Местные не знали, куда деваться, а наши избаловались: за каждой девкой не гонялись уже, только самых смазливых щупали; серебро не брали, только золото... Ух и погуляли мы тогда! На славу, как говорится...

— А вот мы попали однажды,— подхватил эстафету маркиз Риккардо Злой,— так попали! Составили как-то караван, пошли в Венецию. Бариум уже, помню, миновали, как вдруг, откуда ни возьмись, пираты! Причём с запада напали арабы, с востока — хорваты, а мы, значит, как орешки в клещах. Бог спас да жадность людская — хорваты, чтобы не делить добычу, набросились на арабов, а те — на хорватов! Так и порвали друг друга...

— Жадность и алчность — вот они, грехи смертные! — провозгласил Годехар, граф Флорентийский.— Помните, как мы Ламберта хватали? Кто тогда первым бросился в покои маркграфские, разжиться чем-нибудь подороже бронзы? Теодоро, по-моему... Ну да, он самый. Только Ламберта заперли, он — бегом в палаты, и давай шерстить повсюду. Всё, помню, знаменитый золотой поясок Ламберта отыскать хотел. Всё перевернул, а пояса не нашёл. Теодоро и жену Ламбертову раздеть велел, Гаительгриму,— та стоит, голая, а он всё рыщет, всё ругается. А я гляжу — у Гаительгримы из влагалища будто шнурочек высовывается красненький. Я подхожу к ней, берусь за тот шнурочек, тяну — и вот он, золотой пояс! Ха-ха-ха, ей-богу, ни одной повитухе такое не удавалось!

— Я бы хотел,— вскричал Фабио, князь Пьомбино,— чтобы и у моей жены почаще были такие роды!

— Га-га-га! — ответила знать.

Олег посмотрел на Елену, но та лишь улыбнулась — дескать, что с них взять, с варваров? Грубый народ. Дикий.

Король Гуго малость перепил вина, отчего стал жеманничать и вводить в свою речь витиеватые обороты.

— Мы тут посовещались,— промычал он, наклоняясь к Олегу и облизывая жирные губы,— и решили двигаться к Павии сушей. Я приглашаю вас в гости, благороднейшие.

ший Олегарий. Хочу, знаете ли, отл... обл... от-бла-го-дарить за гостеприимство и принять, как подобает королю. Возьмите с собою вашего князя, Евдокию... или Елену? В общем, её я тоже желал бы видеть среди приглашённых. И... и с полсотни ваших доблестных норманнов — думаю, полусотни хватит, дабы устеречь моё золото и уберечь вас самих от ненужных встреч. Не соблаговолите ли принять моё предложение, магистр?

— Соблаговолю,— улыбнулся Олег.— А лошади хоть найдутся? И коляска для Елены?

— Всё будет! — величаво заверил его Гуго.— Король я или не король?

Сухов привстал на колени и подполз к Инегельду, благодушно выслушивавшему всякую чушь от пьяненьких маркизов с баронами.

— Слышь, Клык? Король нас в Павию зовёт, только не морем. Ты как насчёт конной прогулки? Возьмёшь с собою полусотню...

— ...Полусотню Тудора! — договорил князь.

— Можно и Тудора. А я тогда «чёртову дюжину» прихвачу...

— И меня, и меня! — забеспокоился Пончик, отрываясь от сочной пулярки.

— И тебя.

— А я Котяна возьму,— подала голос Мелиссина.— И булгар моих. Можно, ваше величество?

— Можно! — решительно кивнул Гуго, да так, что шея чуть не хрустнула.— Король я или не король?

— Ладно,— кивнул Инегельд.— Тогда что? Тогда ярлы пущай в Геную следуют. Слышь, Карл? Подождёшь нас в Генуе!

— Добро! — сказал Вилобородый с набитым ртом.

Сидевший неподалёку Либиар Лысый утвердительно наклонил голову, а Вуефаст Дорога, дурачась, изобразил нижайший поклон, принятый на приёмах у базилевса, отчего расплескал вино и развеселил товарищей.

— А не боится ли магистр,— проговорил Бозон Тосканский,— в наших понятиях — герцог, что полусотни

норманнов маловато будет, чтобы сохранить и золото, и голову?

Сухов внимательно посмотрел на маркграфа. М-да. Вино не раздобрило Бозона, а прибавило агрессии и пьяной злости.

— Не боюсь,— спокойно ответил Олег.— Потому как на лодьях останутся еще шесть сотен, в ваших понятиях — шесть тысяч отборнейших воинов, поскольку любой варяг стоит десятерых. Если надо, они пройдут всю Италию вдоль или поперёк, чтобы только мне помочь. Пройдут, удобряя землю кровью врагов. Эти люди, маркграф, за последний месяц взяли приступом Амальфи, Неаполь и Рим.

— Рим?! — не поверил Бозон.

— Рим,— по-прежнему спокойно сказал Сухов.

— Это правда, маркграф,— подтвердила Мелиссина.

Тот лишь головою покачал, несколько обалдев, и тут же загорелся новой идеей.

— А пусть тогда покажут свои умения! — воскликнул он.— Пусть в поединке сойдутся лучшие воины — ваш и наш!

— Пусть! — пьяно рявкнул Гуго, уже мало что соображавший.— Король я или не король?..

— Ладно,— согласился Олег, подумав, что победа варяга на дуэли обезопасит его лишний раз — многие из местных забияк присмиреют. О вероятном поражении он даже не думал — победить руса, конечно, можно, но только не этим солидариям. Одержание победы над варягом — удел разве что викинга, светловолосого гиганта из края хладных синих фьордов и лесистых шхер. А уж эти южане... Они возьмут лишь числом, серой массой. Какие из них воины? Так, одно подобие. Смазка для меча.

Варяги, услыхав о странном вызове, запереглядывались — что это, дескать, за чудак выискался — сам для себя погибели ищет?

— Прошу учесть,— надменно сказал Бозон,— Бертуччо Пезаро сражается на двух мечах. Бертуччо!

В дальнем углу поляны поднялся с ковра рослый тосканец, узкобёдрый и широкоплечий, с маленькой головой

на непомерно толстой шее, брутальный и жестокий тип — всё в нём дышало грубой силой. Знавал Олег подобных субъектов, знавал... Привычка легко выигрывать порождает в них иллюзию непобедимости, утверждает ни на чём не основанную самоуверенность, перерастающую в наглое доминирование. Но такие люди — не бойцы. Боец — это тот, кто борется, тот, кто, потерпев поражение, находит в себе волю подняться и продолжить битву, тот, кто уверен в своих возможностях, потому как точно знает их пределы. И тут главное не сила тела, а сила духа.

Бертуччо глумливо оскалился, демонстрируя белые зубы и обводя варягов взглядом жадным и нетерпеливым — выходи, мол, кто из вас дурнее, и дай мне с тобой разделаться!

Сухов отыскал глазами Пожирателя Смерти и позвал:

— Ивор!

Тот посмотрел в его сторону, перевёл взгляд на Пезаро — и легко встал, подхватывая оба своих меча.

— Давай, Ивор,— напутствовал друга Малютка Свен,— выпусти из этого говнюка всю вонь!

Пожиратель Смерти тонко улыбнулся и вышел на площадку, поросшую травой, что простиралась шагов на десять между коврами и платановой рощицей.

Бертуччо осмотрел Ивора удивлённо и хмуро, будто не понимая, для чего ему подсунули этого заморыша. Смеху ради, что ли? Он заворчал и качнул правым мечом.

— Врежь ему, Бертуччо! — завопил Бозон.— Врежь как следует!

— Бой до первой крови? — хладнокровно поинтересовался Олег.

— До смерти! — осклабился маркграф.

— Ладно,— пожал плечами Сухов и крикнул: — Ивор! Можешь его убить, если хочешь.

Пожиратель Смерти кивнул, не отводя взгляда от Пезаро. Выпрямившись, он скрестил перед собою оба меча и резко развёл их в стороны, приседая на широко раздвинутых ногах. Бертуччо бросился на него, обрушивая

крест-накрест свои клинки, но варяга уже не было на прежнем месте. Отпрянув в сторону, Ивор совершил молниеносный выпад, нанося не смертельный, но болезненный укол.

Тосканец взревел и заработал мечами как мельница, кроя воздух по диагонали. Пожиратель Смерти метнулся к нему, выбрасывая оба меча и задерживая клинки противника, а ударом ноги поражая Бертуччо в пах. Со звенящим скрежетом разъяв мечи, Ивор мягко отпрыгнул, завертев клинками так, что лезвия слились в сверкающие круги. В этот момент он мог поразить тосканца насмерть, но не стал прерывать забаву так рано.

Пезаро издал глухой рык, к его резко побледневшему лицу вновь прихлынула тёмная кровь, затмевая зрение яростью. Он набросился на варяга, рубя одним мечом, другим отбивая удары, неожиданно меняя руку,— вот он сёк правой, защищаясь левой, а теперь била левая, отводя правой роль щита.

Ивор не стал переходить в наступление — он отступал, скользя по траве, отводя мечи Бертуччо, а своими клинками тревожа соперника — покалывая, царапая, пуская кровь по капле. Пожиратель Смерти развлекался, двигаясь ловко и гибко, по-кошачьи, нанося молниеносные удары огромной, тупой и неповоротливой мыши из рода Пезаро.

— Бей! Бей! — кричали вельможи.

— Кро-овь! — визжал Бозон.— Пусти ему кровь!

— Бер-туч-чо! Бер-туч-чо!

Но всё чаще то один, то другой тосканец впадал в растерянность, плохо понимая, что же происходит, почему их силач и задира никак не может покрошить этого задохлика Ивора, и всё больше тревожась, ибо варяг был по-прежнему бодр, с его лица не сходила лёгкая усмешечка, а вот Бертуччо взмок от пота.

— Как скачет, а? — спрашивал Свен у друзей.— Не-е, вот вернусь до дому и заведу коров. Быка куплю, самого бодливого и тупого! А чего? Имя у меня уже есть — назову быка Бертуччо!

А Бертуччо злился всё больше и больше, стервенея от неудач. И тогда он принялся обзывать Ивора, чередуя солёные выражения из местных наречий с греческими. Пожиратель Смерти тотчас же наказал грубияна — неуловимым движением он отрубил Пезаро оба уха.

— Правильно! — оценил Стегги Метатель Колец.— Так красивше!

— А ему так идёт, правда? — поделился мнением Тудор.— Башка круглее стала!

— Нос ещё торчит,— посетовал Свен,— прямо ни к селу ни к городу!

А до Бертуччо только сейчас стало доходить. Кровь заливала ему шею, растекаясь по плечам, пропитывая рубаху.

— Сдавайся,— холодно предложил ему Ивор.

— Никогда! — прохрипел Пезаро, тут же бросаясь в атаку.

Пожиратель Смерти безразлично пожал плечами — дескать, моё дело предложить, ваше дело — отказаться... Гибким, даже изящным движением он ушел с линии атаки и рубанул мечом, рассекая Бертуччо бок вместе с завязками шоссов и брэ. Штаны стали спадать, Пезаро суетливо прикрылся мечом. Внезапно клинок Ивора оказался у него между ног — перепуганный Бертуччо скакнул в сторону, запутался в шоссах и рухнул на траву. Варяги так и покатились со смеху, хлопая в ладоши, а вельможи Тосканы, как один, поднялись на колени, кто сидел, и вскочили на ноги, кто уже стоял на коленях.

Бертуччо Пезаро лежал, подтягивая к себе один клинок — другой он выронил,— и с ужасом следил за кончиком варяжского меча, подрагивавшего у его носа. В следующее мгновение Ивор отвёл клинок и отшагнул сам.

— Хватит с него,— сказал он.

— Видали?! — гордо проговорил Малютка Свен.— Даже не запыхался!

— Мог бы и сам выйти,— улыбнулся Пожиратель Смерти.

— Да ну...— отмахнулся «малышок».— У тебя терпения больше, я б его сразу зашиб — и никакого удовольствия!

Варяги загоготали, весьма довольные собой и миром.

— Убедились, маркграф? — спросил Олег, наблюдая за Бертуччо. Тот, посрамлённый, лишённый ушей, а также внутренней опоры, убредал с поляны, хромая и придерживая спадающие штаны.

Бозон Тосканский не ответил, сжимая губы в ниточку. К вечному унижению, которое он терпел от братца, теперь ещё добавился и этот позор. Как его пережить?! Способ известен — срам залечивается чьей-то смертью...

— Ладно,— громко сказал Сухов,— пора и баиньки. Пошли, Алёнка.

Оглянувшись, Олег наткнулся на упорный взгляд маркграфа. Равнодушно скользнув глазами по его застывшему лицу, магистр отвернулся и лишь тогда позволил себе скривить губы в улыбке. Истинно говорят, что естественных врагов у человека всего три — это голод, жажда и холод. Остальных он находит себе сам...

Рано поутру лодьи ушли в море, а королевский кортеж только-только начинал выходить из состояния «бестолковщины» — сопровождать повозку короля, которую рано было называть каретой, жаждали все вельможи разом, из-за чего суета и неразбериха длились и длились, кони и люди топтались на одном месте. Наконец, дворяне разобрались, кто за кем следует, и королевский поезд выстроился.

Впереди поскакали герольды в ярких накидках, трубя радостную весть о приближении самого короля, дабы все желающие лицезреть его величество загодя выстраивались на обочине и снимали головные уборы, громкими криками приветствуя владыку. За герольдами и музыкантами ехали знаменосцы, вздымавшие стяги и хоругви, следом поспешали королевские гвардейцы, грозно хмурившие брови и не снимавшие рук с мечей. Далее, строго выдерживая дистанцию, скакали копьеносцы и лучники, щитоносцы и арбалетчики. И лишь позади всего этого воинства грохотала королевская повозка с крытым вер-

хом — Гуго Арльский гордо восседал на пухлых мешках с шерстью, дабы седалищу его величества было мягко ехать, а ноги уложив на заветный сундук с ромейским золотом. Монарх каменел лицом, устремляя взгляд вперёд, к одному ему ведомым целям, и растерянному, оглушённому крестьянину в грязи за обочиной был виден лишь грозный профиль короля Италии.

Монаршию повозку догоняла толпа графов, маркизов, баронов, виконтов и прочих мелкопоместных. Их строй замыкал ещё один отряд королевской гвардии, а последними направляли коней варяги. Елена Мелиссина ехала в повозке-двуколке с откидным верхом, рядом рысил Олег на великолепном гнедом арабских кровей.

Из Рима в Павию тянулись сразу две дороги — древняя, полуразобранная, полупогребённая виа Фламиниа, шедшая через Флоренцию, и виа Франческа, проложенная купцами и воинами через Лукку, столицу маркграфства Тосканского. Королевский кортеж следовал по виа Франческа — так было короче. Если всё будет хорошо и особенных неприятностей в дороге не случится, Гуго и его свита доберутся до Павии неделю спустя. Да и куда спешить? Вокруг расстилались чудесные пейзажи, в каждом городе королю и иже с ним был готов и стол, и дом. Олега, правда, грызло нетерпение, но утешало одно обстоятельство — эта «конная прогулка» совершалась как бы по дороге в Константинополь. В Павии они надолго не задержатся — потолкаются во дворце короля, выпьют за его счёт, вежливо откланяются и направят стопы в Геную. Там сделают пересадку... И домой!

В первый день, пока кони были свежие, кортеж одолел добрых пятьдесят миль. Ближе к вечеру, не дожидаясь, когда окончательно стемнеет, остановились шумным лагерем на берегу безымянной речушки. Повара запалили костры, собираясь готовить ужин, слуги торопливо закапывали резные столбики и натягивали на них шатры, конюхи скребли, поили и кормили коней.

Варяги разбили отдельный лагерь на возвышенности, в удобном для обороны месте, но костров не разво-

дили — как-никак, они гости. Вот пусть король их и кормит.

Шатёр для магистра и зоста-патрикии поставили Ивор со Свеном, а Олег уже сам натаскал внутрь веток для мягкости. Разостлав ковры, он откинул полог и вышел, желая завести внутрь Елену,— намаялась, бедненькая, в дороге, вот и пусть бы отдохнула. Однако ни вблизи, ни вдали Сухов не обнаружил свою дражайшую половинку. Острое беспокойство тут же стало царапать его, возбуждая неясные подозрения и рождая тихое бешенство.

— Не дай бог...— проговорил он негромко, памятуя о недоброжелательстве Бозона Тосканского.— Всю шкуру спущу! На ремешки!

Навстречу ему шагал Пончик, но обычное «Пр-рывет!» застряло у протоспафария в горле — друг заметил выражение лица Сухова.

— Что случилось? — спросил он почему-то шёпотом.

— Надеюсь, что ничего,— выцедил Олег.— Елену найти не могу.

— Фу-у, как ты меня напугал! Спросил бы сразу! К часовне Ленка пошла.

— К часовне? — переспросил магистр, чувствуя, как отпускает тревога.— К какой часовне?

— Думаешь, я её видел? Какая-то часовенка выше по реке, местные сказывают.

— Нашла когда гулять,— заворчал Сухов.

— Кажется, дождь собирается,— сказал Пончик, задирая голову к небу.

А небеса затягивались хмарью — синие, с лиловой опушью, тучи громоздились, нагоняемые сырым ветром. Вдалеке, над горами, уже посверкивали зарницы, подсвечивая облачность мертвенной голубизной.

— Пойду приведу эту гулёну,— сказал Олег и пошагал на поиски.

Лагерь разбили на северном, низком берегу реки, сразу, как перешли брод. Вода едва текла, иногда журча по каменистым отмелям, порой зеленея омутами. Прямо к

реке подступали рощицы ив, полощущих ветви в неспешном течении, а кое-где зеленели тростники, добавляя к бурливому плеску сухое шуршание.

Часовенку Сухов обнаружил на пологом травянистом склоне — четыре мощных арки под пирамидальной крышей. Половины черепиц не хватало, но ласточки не жаловались — везде налепили свои гнёзда, порхали вокруг или сидели в рядок на почерневших стропилах. Пичуги летали низко — к дождю.

Подтверждая примету, загрохотал гром. Порыв ветра пронёсся над рекой, тревожно зашелестела листва. Тут-то Олег и увидал Елену.

Женщина зашла в воду по пояс и тянулась руками к чему-то похожему на большое гнездо, сплавлявшемуся по воде. Да это корзина!

Зловещий свет молнии залил долину, огненный зигзаг распорол небо, оглушительными раскатами ударил гром.

— Алёна! — позвал Олег.

Жена не откликнулась. Она всё тянулась и тянулась к подплывающей корзине и вот дотронулась кончиками пальцев до плетёного ободка, медленно повлекла к себе, ухватила покрепче — и бережно, нежно вынула нечто маленькое и живое, завёрнутое в серую домотканую пелену. «Как Моисея...» — мелькнуло у Сухова.

Прижав свою находку к груди, Елена побрела к берегу. По её лицу, абсолютно счастливому, ручьём текли слёзы, но женщина смеялась, не в силах удержать ослепительную радость.

— Это девочка! — еле выговорила она.— Моя девочка! Господь услышал мои молитвы!

И в тот же момент стих гром, угасло биение молний, улёгся ветер. Небывалая тишина установилась в мире. В непроницаемом пологе туч образовался разрыв — небо, только что покрытое хмарью, очищалось и яснело. Вскоре лишь пара тающих облачков висела в вечернем небе, подрумяненная закатом.

Проглянуло алое заходящее солнце — и тут же прекрасный «зелёный луч» сорвался со светила, уходя в зенит.

— «Меч Господа»,— пробормотал Олег.

— Благодарю тебя, Боже! — воскликнула Мелиссина и бросилась целовать обретённое сокровище.— Ты посмотри только, Олег!

Сухов пальцем поднял уголок пелёнки и увидел головку крошечной девочки в золотистых кудряшках. Кто ж это такого херувимчика сделал подкидышем? — подумал он.

Девочка лупала большими голубыми глазами, а потом раззявила беззубый ротик в улыбке и протянула ручонки к Сухову.

— Ты ей понравился! — восхитилась Елена.

— А я всегда нравился девочкам,— улыбнулся Олег.

Не зная, как ему обращаться с ребёнком, он пощекотал ей животик пальцем. Девочка рассмеялась, задвигала плечиками.

— Кокетничает,— решил Сухов.

— Ты понимаешь,— прошептала Мелиссина,— ты понимаешь? Я стала матерью! Это — моё дитя! Господь даровал мне его, и... О-о! Больше мне ничего не надо! У меня есть ты — и она!

Олег, странно себя ощущая, повел жену с ребёнком в лагерь. Первым их встретил Пончик.

— Пр-рывет! — радостно воскликнул он и удивился: — Кого это Ленка тащит?

— Мою дочь,— ответил Сухов.

ГЛАВА 21,

в которой Олег возвращает подарок

Павия показалась поздним утром, когда дело уже шло к обеду. Ничего особенного город собой не представлял — кирпичные стены и башни, поля вокруг, порезанные на мелкие деляны, парочка отстроенных базилик и новые домишки в слободе — десять лет тому назад орда мадьяр здорово покуролесила в Павии и вокруг. Одних только церквей кочевники сожгли более сорока.

Павия была городом и молодым, и древним. Ранее на её месте стоял римский Тицинум, готы начали переделывать его на иной лад, лангобарды продолжили их дело и объявили Павию столицей своего королевства. А что? Земли тут плодородные, сей — не хочу. И виноградники имеются, и тучные пастбища. Недаром всегда находились охотники до Павии — Гуго Арльский пока был последним в череде королей, включая и Карла Великого, прибиравших её к рукам.

Город хорошо вписывался в ландшафт берега реки Тичино, в нижнем её течении, недалеко от впадения в По.

Копыта коней прогрохотали по крытому мосту, и стража у ворот поспешила пропустить короля и свиту. Известия о приезде Гуго расходились со скоростью звука — не успел кортеж достичь и середины пути ко дворцу, а народ уже толпился вдоль стен, выглядывал из окон, торчал в дверях. Барин приехал!

Королевский дворец выглядел крепостью в крепости — те же башни, те же стены, разве что ров не прорыт.

Первыми на площадь, куда выходил дворец, подскакали герольды и подняли такой шум, как будто соревновались, кто из труб своих выдует самую громкую ноту.

Ворота дворца плавно отворились, и все — кони, люди, повозки — занеслись внутрь, словно спасаясь от погони.

— Тоже мне, столица,— фыркал Боевой Клык, разминая ноги.— Село!

— Батя, не ругайся,— вставил Тудор.

— Цыц! — ответил батя.

Олег спешился и помог сойти с коляски Елене, не спускавшей с рук Наталью,— так решили назвать девочку ниоткуда.

Внутренний дворик замка был вымощен плитами и окружён тяжеловесными аркадами. Дворецкий сразу же провёл магистра и зоста-патрикию в отведённые им покои — просторную комнату со сводчатыми потолками и узким стрельчатым окном, заделанным промасленной тканью. Мебель была под стать — тяжёлая, но крепкая. Мону-

ментальная кровать под балдахином, пара деревянных кресел, неподъёмные сундуки-«башенки», высокие, модные у ромеев — они закрывались двухскатными крышками с фигурными бронзовыми накладками.

— Олег,— беспокойно сказала Елена, осторожно укладывая на кровать спящую Наталью,— присмотри за ней, ладно?

— А ты куда?

— Нужно срочно найти кормилицу. У меня-то молока нет! Да ты не волнуйся, я с Котяном схожу.

— И булгар возьми тогда!

— Ладно,— улыбнулась Мелиссина.

На цыпочках выйдя на галерею второго этажа, тоже обрамлявшую внутренний дворик, Елена тихонько прикрыла за собой дверь.

А Сухов, стараясь дышать потише, стал рассматривать нежданное прибавление семейства.

К детям у него было отношение сложное. Отроков-малолеток, развязных, наглых, склонных к стадности, он не выносил. Дошколят, сопливых, обожающих ломать, сжигать и взрывать, еле терпел, а младенцев и вовсе терпеть не мог. Олег искренне не понимал женского восхищения этими сморщенными голышами, безмозглыми, орущими, пачкающими подгузники. «Личинка же! — недоумевал Сухов.— Мозгов нет, одна кишка — в одну трубу вливается, в другую выливается. И воняет!» Но это его особое мнение женщины с негодованием отвергали, утверждая, что он-де ничего не понимает в детях. Тогда Олег затевал рассуждения о материнском инстинкте, о безусловных рефлексах... Его обзывали занудой и прогоняли.

В принципе, он всегда больше любил девочек, чем мальчиков. И, когда его спрашивали, любит ли он детей, Олег утвердительно кивал, уточняя, что особенно ему нравятся двухсотмесячные девочки.

Он вздохнул. Наталья сопела, пальчики её то сжимались в кулачок, то разжимались. На удивление спокойный ребёнок. Плачет редко и очень быстро успокаивается. Видимо, не привыкла в первые месяцы своей

коротенькой жизни к вниманию и обожанию, научилась стойко переносить невзгоды, вроде отсутствия молока или чистых пелёнок.

Сухов не верил, что девочку ниспослал Господь. Это слишком мелко для Творца и Вседержителя, ответственного за всю Вселенную,— вникать в микроскопические мечты мельчайшей пылинки жизни по имени Елена Мелиссина. Хотя, кто Его знает? Пути Господни неисповедимы, а чтобы понять Бога, надо быть Им.

Олег присмотрелся к Наталье. Симпатичная вроде... Что из неё вырастет, интересно? Голубоглазая блондинка.

Конечно, Елена будет баловать подкидыша и портить по-всякому, поэтому его долг как отца (звучит очень странно применительно к О. Р. Сухову) защитить дитя от материнской любви, чтобы не развить в дочери (с ума сойти...) болезнь под названием «капризит с выбрыками».

А вообще, если уж говорить о педагогике, то несложно прийти к обескураживающему выводу — никто в мире не знает и не умеет воспитывать детей. Никто, никогда и нигде не знал и не умел. И тысячу лет назад и через тысячу лет всё воспитание сводилось или будет сводиться к питанию. Накормить дитятю, обуть-одеть его — вот и вся наука. Скажешь дитяте: «Нельзя!» — и он тебя послушается. Тогда сунешь ему печенушку, пускай мусолит на здоровье. Не послушается — дашь ему по шее, отшлёпаешь, выпорешь, в угол поставишь. Метод кнута и пряника. Дрессировка.

А ведь иного метода нет. Во все времена жили люди, способные учить других. Иногда их имена оставались в истории, чаще всего подвергались забвению.

Легко научить ремеслу или военному делу. «Делай, как я!» — вот и вся метода. Лепи горшки, как я. Строгай, как я. Вари пиво. Куй железо. Головы срубай ворогу.

А как научить честности? Как внедрить в ребячью душу понятие справедливости? Милосердия? Понимания? Совести? Как привить любовь к труду и тягу к знаниям?

Да если даже к лучшему учителю привести ребенка с улицы и попросить: «Научи этого дитёнка брать на себя ответственность и нести её»,— ничего же не выйдет. Всё,

что есть у учителя,— это слова и розги. В будущем недалёкие и неумные гуманисты отменят наказания для детей — и лишат учителей кнута. А много ли воспитаешь пряником? И разве безнаказанность не хуже во сто крат наказания? (Да и кто сказал, что эти гуманисты наказание запретили? Они просто переложили неприятную процедуру на родителей — вызовут тех в школу, опишут подвиги сыночка — и будет тому сыночку! Всыпят дома так, что сесть не сможет...)

Удел учителя — бормотать заклинания: «Будьте добренькими, будьте добренькими...» А где же педагогу взять волшебную палочку, чтобы «закрепить материал»?

И насколько, вообще, человек воспитуем? Что в нас передаётся по наследству, а что служит примером? Как это узнать? Как определить, на каких весах?

Ах, как радуются мамочки, глядя в честные глаза своих малышей, наивно лепечущих слова любви и бесконечной признательности. Но подступает зловещий срок, исполняется малышу тринадцать лет — и всё летит в тартарары. Милый мальчик (девочка) превращается в наглого, невоздержанного, угловатого отрока (отрочицу), грубит, не слушается, занимается чем попало... Что же, тринадцать лет «воспитания» — коту под хвост? Начинай сначала? А как? Это малышня в рот взрослым глядит, а подростки посмеются только над нудными нотациями, отвергая учителей и низвергая авторитеты...

Тут размышления Олега сбились — Наталья захныкала, завертелась беспокойно. Открыв глаза, долго ими хлопала, словно не узнавая «папу», а потом зачмокала.

— Ну и что ты этим хочешь сказать? — спросил Сухов с неожиданной робостью.— Жрать хочешь? Ох, где ж там твоя мама...

Мучиться ему пришлось недолго — скрипнула дверь, пропуская в покой Елену Мелиссину и грустную девушку лет двадцати, миловидную, с густыми чёрными волосами, спрятанными под платок-теристру. Одетая в простое платье, девушка не носила обычного сюркени, обтягивавшего грудь,— уж больно велик был её бюст. Тяжелые

налитые груди распирали льняную ткань, увлажняя её пятнами от выступавшего молока.

— Вот, нашла! — радостно сказала Елена.— Познакомься, это Гелла. Она потеряла своего ребенка и согласилась кормить моего... нашего.

Гелла робко поклонилась Олегу, магистр тоже ответил ей поклоном.

— Ты из лангобардов? — спросил он.

Тут ему пришлось удивиться — Гелла вздёрнула свой носик и ответила, что все её предки до седьмого колена были чистокровными римлянами. Сухов не стал спорить, да и Наталья теряла терпение — словно почуяв запах молока, она радостно и нетерпеливо заагукала. Гелла подошла к кровати и всплеснула руками в восхищении — Елена гордо улыбнулась...

Истинная римлянка быстренько уселась, взяла девочку на руки и дала ей грудь, хоть и огромную, но сохранившую красивую форму. Наталья даже растерялась, облапив её, и жадно всосалась, зачмокала.

Олег уселся в кресло и стал наблюдать за кормлением ребенка — вероятно, самой древней картиной на свете...

Королевский приём был очень пышен и очень скучен — в тронном Большом зале, скудно освещённом сквозь промасленные холстины, вдоль трёх стен выстроились придворные, а на возвышении у задней стены, увешанной знамёнами поверженных врагов, стоял трон лангобардских королей, ныне занятый Гуго Арльским.

Гуго выслушивал нудные приветствия высоких гостей, вроде принца Конрада I Тихого, сына бургундского короля Родольфо II, князя Капуи Атенульфа II, Германа I фон Веттерау, герцога Швабии, или Арнульфа Милостивого из рода Луитпольдингов, герцога Баварии.

Все эти высочества, светлости, милости терпеть не могли Гуго Арльского, но слащаво улыбались ему. Впрочем, они и друг дружке постоянно делали пакости, но в лицо расточали любезности, сжимая за спиною нож и мечтая его всадить по самую рукоятку своему собеседнику.

После представлений, поздравлений и уверений в совершеннейшем почтении все с облегчением перешли к «официальной части» — начали пировать: есть до отвала и пить до упаду.

О, это была знатная обжираловка, достойная Гаргантюа. Хруст костей, чавканье, звон и плеск полнили Большой зал, навевая мысли о свинарнике. Сначала ещё сохранялась видимость чинности — музыканты дудели, бренчали, стучали и тренькали, лакеи, шлёпая пигашами, разносили яства, а раскормленные собаки зевали вдоль стен, лениво выкусывая блох. Но разгул набирал и набирал обороты. Вскоре визги, гогот, рёв, здравицы — всё смешалось. Куда ни глянешь — выпученные глаза, борода, заляпанная подливкой, зубы, вонзающиеся в окорок, немытый кадык, торопливо ходящий вверх-вниз, накачивающий тулово вином, струйки спиртного, стекающие по усам и капающие на блио...

Выпив и закусив в меру, Олег трезво оценил, что официальная часть закончилась, пошло разгуляево, король уже «устал», и можно уйти, не нарушив законов приличия. Он посмотрел на Елену, та кивнула, и чета покинула Большой зал.

Гул пиршества доносился и во внутренний дворик, словно шум прибоя. Поднявшись по наружной лестнице на галерею, Елена поспешила вперёд — убедиться, что с её ненаглядной крошкой всё в порядке.

В покоях было тихо. Серебряный канделябр бросал свет десятка свечей на кровать, где сидела Гелла и спала Наталья, на икону в углу, на скромно накрытый стол — кувшин с вином, кусок пахучего сыра и ломоть хлеба.

— Как она? — прошептала Мелиссина.

— Спит,— приподнялась кормилица — и вернулась на место, усаженная жестом зоста-патрикии.

— Ох, как меня утомили эти лангобарды,— тихонько простонала Елена, наливая себе в чарку вина из кувшина.

— Ты ещё не напилась? — улыбнулся Олег.

— Да я не выпить хочу, а просто пить...

— Стой! — резко сказал Сухов.

Недоумевая, Елена поставила чару на стол.

— А... что? — растерялась она.

— Откуда тут вино? — спросил Олег.

— Ну, Гелле принесли, наверное...

— С каких это пор короли угощают кормилиц? — продолжил магистр напряженным голосом.— Гелла, ты не пила это вино?

— Да нет...

— А ты не выходила отсюда? Видела, кто принёс кувшин?

— Я выходила,— испуганно призналась девушка.— Завернула Наталью, чтобы её не просквозило, и вышла на галерею — размять ноги и укачать ребёнка. Но я видела, кто заносил кувшин. Я ещё подумала, что это ваш знакомый заходил, но не застал никого. Человек-то знатный! Кто таков, не знаю, но плащ у него богатый, из синего бархату...

— ...Под ним — зелёное блио с золотой цепью,— продолжил Сухов описывать сегодняшнее одеяние маркграфа,— сам коренастый, жирноватый, ноги и руки короткие, борода кудрявая, на носу большая бородавка, а на голове шляпа с двумя перьями, зелёным и красным?

— Да-да! — обрадовалась Гелла.— Так вы встретились?

— Встречались,— усмехнулся Олег.

— Думаешь, это Бозон являлся? — с тревогой спросила Елена.

— Приметный товарищ наш маркграф, спутать трудно. Чего вот только он лично решил нас вином обнести?

— Неужели...— Женщина осторожно перелила вино из чарки обратно в кувшин.

— Скорей всего, отравлено,— кивнул Олег,— но я это проверю.

— Как?

— Верну подарок.

Подхватив кувшин с вином, Сухов вышел на галерею. Ему пришлось обойти её почти всю, пока он не наткнулся на Малютку Свена, стоявшего у перил. «Малышок» задумчиво глядел на первые звёзды, разгоравшиеся над Павией, и звучно икал.

— Свен,— обратился к нему магистр,— ты не в курсе, где поселили Бозона Тосканского? Ну, этого, который Бертуччо выставил против Ивора!

— А, этот! — просветлел варяг.— Так вона его дверь, с угла которая, на ней сразу две подковы приколочены!

— Точно его?

— Да точно! Что ж я, врать тебе буду?

Олег кивнул и прошёл к двери. Отворив её, он заглянул внутрь. В просторной комнате горели аж три канделябра, бросая отсветы на толстую девку, лежавшую на кровати в позе «звёздочка», то бишь раскинув руки и ноги, и похрапывавшую.

Сухов осторожно поставил кувшин на прикроватный стол — кто-то его уже успел заляпать вином — и тихо удалился.

На галерее стало люднее — появился Ивор и Пончик. По лестнице наверх поднимался Тудор, тащивший на себе Инегельда, рычавшего походную песнь.

— Пр-рывет, сиятельный! — поприветствовал Олега протоспафарий.— Ты чего это по чужим палатам шастаешь, а?

— Порядок навожу.

Сухов вкратце посвятил друзей в детали происшествия, которое по чистой случайности не стало чрезвычайным.

— Может, там и нету яда,— неуверенно предположил Пончик.

— Ты веришь, что Бозон просто так, от широты душевной, решил меня угостить?

— Хм... М-да. Верится с трудом. Угу... Слушай, а если оно и вправду отравленное и его кто-то другой выпьет?

— А мне наплевать,— медленно проговорил Олег.— Давайте-ка ложиться, парни. Завтра подниму с рассветом. Хватит с нас этой Италии! Домой пора двигать.

Свен хохотнул и в обнимку с Ивором направился в Синий зал, где залегла полусотня Тудора. Половина варягов ещё не вернулись с гулянки, вот и пускай потом ищут свободное место!

Хлопнув по плечу задумчивого Пончика, Сухов вернулся к себе и задвинул засов на двери.

— Всем спатьки,— объявил он.

Напряжённое лицо Елены разгладилось, она улыбнулась. Тут и Гелла заулыбалась обрадованно — страх как

не хотелось ей покидать эту семью, очень уж господа хорошие, добрые такие и щедрые.

Олег остался в одной рубахе и прилёг с краю. Ложе было огромно — четверо лягут. Четверо и легли.

...Дворцовые повара и слуги просыпались рано, они-то и обнаружили трупы Бозона Тосканского и Толстой Эльзы, павийской блудницы. Он и она лежали на кровати друг на друге, голые, с искажёнными лицами синюшного цвета.

Когда Гуго Арльскому донесли печальную весть, было уже позднее утро. Король, находясь в тяжком похмелье, туго соображал, о чём таком ему толкуют, а когда до него дошло, он с ходу принял самое верное и мудрое решение — созвал всех своих гостей на поминальную тризну...

Одних варягов не пригласили — в полном составе они покинули Павию. Полусотня Тудора прихватила с собою мешки со съестным, а «чёртова дюжина» затарилась вином.

В Генуе они не задержались — пересели на лодьи и отчалили. Военный поход окончился. Начиналась охота на человека.

ГЛАВА 22,

в которой Олег возвращается домой

Забавно было наблюдать за сдержанно сопевшими варягами, разглядывавшими Наталью Сухову. На их лицах читалось удивление и чисто мужская растерянность при встрече с младенцем. Малютка Свен хотел даже подержать кроху — одной ладони варяга хватило бы для этого,— но Гелла вцепилась в ребёнка, как в своего, и не позволила. Свен не обиделся, умилился даже такой преданности.

А вот Пончик был загипнотизирован отнюдь не девочкой — сердце протоспафария покорила кормилица. Он глядел на Геллу, как кролик на удава, только не с ужасом, а с восторгом, больше всего желая быть проглоченным дивным ротиком девушки.

Теперь мать приёмная и мать кормящая прочно обосновались на корме «Пардуса», тетешкая Наталью, кормя её, направляя младенческий взгляд на море: «А во-он дельфинчик поплыл! Смотри, какой дельфиинчик... О, как прыгает дельфинчик, как кувырка-ается!»

Олег частенько занимал место на скамье гребца и брался со всеми за весло — нетерпение гнало его в Константинополь. Чудилось ему, что, когда он работает веслом, пункт назначения приближается скорее.

Лодьи без происшествий добрались до узости Мессинского пролива, на ночь останавливаясь в бухтах укромных островков.

Обогнув Калабрию и выйдя в Ионическое море, варяги направились в Бариум, где стоял ромейский флот Иоанна Радина.

Это было задумкой Олега — он не хотел возвращаться со всеми вместе, надо было ему попасть в Константинополь раньше всех, чтобы без помех вытрясти из патриарха всё, что тому запомнилось, и выйти на след «Принцепса».

Сухов сомневался, что ему это удастся, но ни с кем не делился своими сомнениями, даже с Пончиком. Нельзя показывать свою неуверенность подчинённым — личный состав должен верить в командира, в мудрость его и прозорливость, полагаться на него во всём. Отсюда и рождается то, почти религиозное, ощущение непобедимости, каковое вселит в своих нукеров Чингисхан двести лет спустя.

В Бариуме варяги сошли на берег размяться да погужеваться в портовых кабаках и заведениях известного рода. Но повезло не всем — «чёртову дюжину» Олег прихватил с собой.

Иоанн Радин, очень довольный победами над мятежниками, легко уступил Сухову тахидромон — лёгкое быстроходное судно, предназначенное для скорейшей доставки донесений или для разведки. Олег же использовал тахидромон для того, чтобы, не теряя времени, прибыть в Диррахий.

Надо ли говорить, что Елена с Натальей и Геллой отправились на том же корабле? И стоит ли добавлять, что Мелиссина позвала с собой Котяна, Тарвела, Органу и

Куверта? А не слышному никому зову Геллы Пончик подчинился раз и на всю жизнь. Кормилица, правда, пока лишь очень смутно догадывалась, что происходит с протоспафарием, почему Александр при ней застывал, изображая идола на кургане, краснел, бледнел и растягивал рот в дурацкой улыбке. Почему всякий раз, когда она встречалась с ним глазами, в его взгляде читалось восхищение и... обожание? Геллу пугало внимание столь важного синьора, но всё же любовные токи доходили до неё, принуждая ресницы опускаться, погашая взор, а кровь — струиться быстрее, притекая к щекам.

Сухов замечал все эти волшебные превращения и радовался за друга, наконец-то обретшего любовь в этом мире чистейшего воздуха и грязнейших улиц, исступлённой веры и дикого неистовства, чудовищной жестокости и потрясающе наивных заблуждений.

Не дожидаясь утра, тахидромон «Святой Иов» отбыл пополудни из Бариума и вечером уже входил в гавань Диррахия.

Котян с булгарами переполошили хозяев местных конюшен, запугали их, купили, но привели-таки целый табун лошадей, лёгкую коляску и два десятка простых кавалерийских сёдел.

«Чёртова дюжина» тоже без дела не сидела — прошлась по лавкам Диррахия, запасаясь сыром, хлебом, копчёным салом, вином, изюмом. Торговцы были бы рады отдать свой товар и даром, лишь бы эти страшные дюжие молодцы оставили их вживу, но молодцы платили, не торгуясь.

Солнце уже село, когда странная кавалькада тронулась в путь. Сметливые тётушки из предместий сразу же пустили слух — это, дескать, варварскую принцессу повезли сватать, а громилы, что с нею, всё братья ейные — уж больно они одинаковы, прямо как бобы в стручке.

Отряд Сухова ехал до темноты, пока не остановился лагерем за дорогой, под защитой скалы и рядом с ручьём. Елена всё беспокоилась о здоровье малышки, но Олег уверил жену, что Наталье Олеговне свежий воздух лишь на пользу. И впрямь — дрыхла Наталья Олеговна так, что даже гром небесный не разбудил бы её.

Утром магистр повёл своих дальше, одолевая милю за милей виа Эгнатиа.

Ясный майский полдень стоял над Константинополем, когда отряд прибыл к Меландизийским воротам. Все запылённые, прокопчённые, одна Наталья пахла молоком. Ехать дальше было нельзя — закон не позволял передвигаться днём по городу на конях. Олег тут же нанял для Елены и Геллы носилки и отправил женщин домой в сопровождении булгар и неполной «чёртовой дюжины» — Котяна, Ивора и Свена он оставил с собой. После жестоких колебаний к ним присоединился Пончик. Так, впятером, они и отправились учинять допрос патриарху.

После италийских будней Олегу было непривычно шагать по Месе, он словно заново открывал для себя главную улицу Ромейской империи. А на ней ничего не изменилось — всё так же болтали женщины с пустыми кувшинами, стоя в очереди к цистерне Аспара. Всё так же торговали мясом на площади Тавра, в Царских портиках зазывали покупателей хотя бы прицениться к золотым диадемам, ожерельям, пекторалям, а возле храма Святой Софии отливали свою продукцию свечники, наплевав на запреты эпарха.

— Сюда,— сказал Олег, сворачивая к резиденции патриарха.

Варяги с печенегом молча кивнули, Пончик обронил: «Угу...»

Во внутреннем дворике было людно — со своими прошениями к святейшему явились игумены монастырей и прочие алкатели бесплатного счастья. Небрежно подвинув охрану, неуклюже расступавшуюся перед магистром, бесцеремонно отстранив Евсевия, секретаря и первого помощника патриарха, Олег вошёл в покои Его Святейшества.

Феофилакт в этот момент молился на коленях перед огромным иконостасом, обуреваемый мистическим жаром.

Сухов молча стоял и ждал, пока патриарх заметит его присутствие. Положив десяток поклонов, Феофилакт обернулся и смертельно побледнел, наткнувшись на холодный и суровый взгляд Олега. Варяги и вовсе смотрели так, словно готовились Его Святейшество прирезать, забрызгивая кровью иконы.

— Ч-что?.. Кто? — залепетал патриарх, с трудом поднимаясь с колен.

— Ты почто Елену Мелиссину в Рим отправил? — ледяным тоном спросил Сухов.— Тебе известно, что она моя жена?! А извещён ли ты, что задание, данное тобою своей тайной посланнице, было направлено против величайшего и сорвало планы базилевса? Ты хоть понимаешь, что за это полагается? Ослепление и темница, где ты сгниёшь, объедаемый крысами!

Феофилакт обратно рухнул на колени.

— Не губи, сиятельный! — тонко заверещал он.— Умоляю! Не виноват я!

— Как же не виноват?! — не ослаблял напор Олег.— Или, скажешь, не ты придумал тайную посланницу завести, да и в Рим направить?

— Не я! — с жаром сказал патриарх.— Ей-богу, не я! Вот те крест! Нашептали мне люди недобрые, соблазнили! Сатанинское то было наваждение! Искус диавольский!

— Что ты врёшь?! Кто тебя соблазнил?

— Они, они! — еле выговорил трясущимися губами Феофилакт. Он подполз на коленях к Сухову и ухватился за полу его пропылённого скарамангия.— Они всё задумали, они всё затеяли!

— Толком говори! — рявкнул магистр. Он был страшен.

Феофилакт угодливо закивал.

— В тот самый день,— быстро заговорил он, перебирая складку Олегова скарамангия,— с утра ещё, у меня побывали логофет дрома Василий Катакил и протомагистр Мануил Атталиат. Они всё, они! То один говорил, а другой поддакивал, то наоборот. Запутали они меня, околдовали будто! Да почему — будто? Как есть околдовали! Внушили мне мысли зловредные, а я грешен, искушения перебороть не смог — гордыня взыграла, восхотелось мне, как патриарху Николаю, дела творить тайные да патриарху Фотию уподобиться!

Олег присел на корточки и заглянул в насмерть перепуганные глаза патриарха — зрачки во всю радужку.

— И больше никто об этом при тебе речи не заводил? — раздельно проговорил он.

Феофилакт затряс головой:

— Никто! Они только! Они всё! Бог свидетель, не вру!

— Ладно...— протянул Сухов.— Что ж, если так, попробую даже помочь тебе остаться святейшим...

— Да, да! — возликовал патриарх.— Богу буду за тебя молиться, сиятельный!

— Одно условие, святейший,— никому ни слова о нашем разговоре. Понял? Иначе, если всё дойдёт до ушей божественного, он тебя не пожалует.

— О-о! Конечно, конечно! Я буду молчать аки рыба! И наложу на себя епитимью... Сейчас же!

— Хоть две,— буркнул Олег, поворачиваясь и удаляясь в коридор.

Выйдя во дворик, он сделал глубокий вдох-выдох, вытравливая из лёгких духоту патриарших покоев.

— Катакил и Атталиат...— задумчиво проговорил Пончик.— Угу...

— Катакил или Атталиат,— поправил его Котян.

— Логофетом дрома займёмся после,— решил Сухов.— К Атталиату!

Дом протомагистра стоял в хорошем месте — перед стеной Константина, где на зелёные холмы взбирались кипарисы и белые церквушки, вознося в голубое небо кресты. А вот Атталиат зелени не любил — его дом выступал прямо на улицу, спускаясь к ней широкой мраморной лестницей, украшенной бронзовыми фонарями на витых столбах.

— Вот, ведали бы, мимо б не прошли...— проворчал Свен.

— Да кто ж знал,— пожал плечами Ивор.

— Сейчас узнаем! — молвил Пончик.— Угу...

Олег первым поднялся по лестнице в тень мраморной колоннады. Высокая дверь, обитая гвоздями со шляпками в форме звёзд, была заперта. Рядом висел деревянный молоток, подвешенный на цепочке. Сухов несильно постучал предложенным орудием. Шагов слышно не было, но вскоре дверь открылась, и в щель высунулся розоволицый привратник с выгоревшими бровями и белесыми ресничками, придающими ему сходство с поросёнком.

— Хозяин в тавлинуме быть изволит,— проблеял он, разрушая образ.— Велел говорить, что не принимает...

— Мне он будет рад,— сказал Олег, рывком отворяя дверь и перешагивая порог.— Ивор, присмотри тут...

Не оборачиваясь, чтобы убедиться, выполняется ли его приказ (конечно, выполняется. Разве могут быть сомнения?), Сухов пересёк обширный вестибул, с полом, разукрашенным трёхцветной мозаикой, и попал в тавлинум, разгороженный по середине рядом каннелюрованных колонн.

У окна, за громадным и тяжёлым столом — мраморная плита на бронзовых ножках под вид львиных лап — восседал грузноватый Атталиат. Протомагистр что-то выводил тростинкой-каламом на листе пергамена. Заслышав шорох отодвигаемого занавеса из выделанной кожи, он обернулся. Ничто не дрогнуло в лице Атталиата, ничем он не выдал своих чувств, и всё же выражение стало иным, утратив некую малость — ощущение жизненности. Чудилось, будто душа этого человека уже покинула бренное тело, и оно двигается по инерции, имитируя проявления жизни.

— Всё-таки доискался...— выговорил Мануил. Вздохнув, он отложил калам и откинулся на спинку деревянного кресла.— Да ты присаживайся, сиятельный. Как у вас говорят: «В ногах правды нет...»

Олег почувствовал успокоение — всё-таки он нашёл того, кого искал. Удобно устроившись в кресле, он положил ногу на ногу и сложил руки на колене.

— Катакил — твой человек? — спросил он прямо.

— Ну вот ещё! Василий глуп и умеет только поддакивать. Тайну ему доверить нельзя, умного совета от него тоже не дождёшься.

— Тогда объясни мне одну вещь, «Принцепс»,— сказал Сухов.— Зачем?

— А тебе известно куда больше, нежели я полагал,— с уважением затянул Атталиат.— Зачем... Ты же только что из Италии и видел, как там живут-поживают да добра наживают всякие бароны и графы. Даже какой-нибудь ничтожнейший виконт, владеющий вшивой деревушкой, чувствует себя господином, хозяином жизни! А мы? Мы

живём в вечном страхе, не зная, что с нами станется завтра, всё изощряемся, угождая базилевсу. Да по какому праву? Кто он такой? Отец Романа жил по колено в навозе!

А видал ты, как живут монахи в той же Италии или в Бургундии? Лотарингии? Штирии? Едят от пуза и сладким вином запивают! Наши же всю свою жизнь Господа молят в голоде и холоде!

— А чего же ты не переедешь в ту же Италию? — поинтересовался Олег.— Купил бы себе виллу на бережку и чувствовал бы себя хозяином жизни.

Мануил грустно вздохнул и покачал головой.

— Не хочу,— сказал он.— Здесь я родился, здесь и умру.

— Тоже правильно. Скажи, а того варяга, Стемида, ты подкупил?

— Стемид? — нахмурился протомагистр.— Ах, да... Признаться, не хотел вымарать руки убийством, но тут случай подвернулся — грех не попользоваться. Уж очень подходящ был этот... как, ты сказал, его зовут?

— Стемид.

— Вот-вот, он самый. Абсолютно продажный, жадный и бессовестный тип. Правда, за тридцать серебряных милиарисиев он не соглашался тебя убить, но вот за тридцать номисм готов был зарезать любого.

Олег посмотрел на него, подумал.

— Знаешь,— признался он,— я бы не питал к тебе ничего, кроме лёгкой брезгливости, если бы ты обманом не услал Елену в Рим.

— Да, это было подло,— легко согласился Аттали-ат.— Надеюсь, она жива?

— Твоими молитвами, Мануил,— усмехнулся Сухов.

Атталиат тоже наметил улыбку.

— Объясни и ты мне одну вещь, Олегарий,— сказал он.— Ты-то почему хранишь верность императору? Зачем?

— Это не верность и не преданность, Мануил. Просто я дал слово чести, а честь для воина — всё. Я — воин. Ну что, вечер вопросов и ответов закончен?

— Пожалуй,— кивнул протомагистр.— То, что тебе хотелось узнать, ты вызнал уже, а прочее не слишком интересно...

Кряхтя, он поднялся и подошёл к сундуку-«башенке». Подняв крышку, Атталиат достал оттуда гладиус.

— Не напрягайся,— спокойно сказал он,— поединок я затевать не собираюсь. Я — не воин. Так что позволь мне уйти из жизни подобно достославным предкам...

На глазах погрузнев, состарившись за миг единый, протомагистр подошёл к колонне. Уперев рукоятку меча в желобок, острие клинка он приставил к груди и обнял колонну обеими руками.

— Прощай, враг мой...— пробормотал Атталиат.

— Прощай, «Принцепс»,— сказал Сухов.

Протомагистр рывком прижался к колонне.

«Х-ха!» вырвался воздух из пронзённых легких, и остриё, обагрённое кровью, выступило со спины «Принцепса». Угасающий разум ещё светился в распахнутых жёлто-медовых глазах Атталиата, когда тот опускался на пол, цепляясь за колонну в последнем усилии жизни, но вот померк и он. «Пятый, который первый», заговорщик и предатель, коварный и сильный человек, умер.

Олег поднялся, гася позыв склониться над телом протомагистра, дабы закрыть ему глаза, и вышел.

— Ну, что? — бросился к нему Пончик.— Он?!

— Он,— подтвердил Сухов.

— Ты его убил?

— Я дал ему умереть. Пошли домой, Понч. Устал я...

Ивор, Свен и Котян молчаливо ждали его приказов.

— Это и вас касается,— улыбнулся Олег.

Малютка Свен радостно потёр ладони — любил он бывать в гостях у Мелиссины, жаркое у её домоправительницы Ирины выходило просто бесподобное...

Игнатий Фока отворил ворота и пропустил всю компанию, лучась от радости,— все целы, здоровы, как хорошо-то!

Сухов ступал по аллее и чувствовал, как отпускают его тревоги. Тут из окна опочивальни донёсся смех Натальи и мощное сюсюканье двух мам, Елены и Геллы.

— Остановись, мгновение,— прошептал Олег, испытывая ни с чем не сравнимое ощущение. Он вернулся. Он дома.

БАГАТУР

Часть первая

РУСЬ СВЯТАЯ

Глава 1,

в которой Олег Сухов встречает рассвет пополудни

Лето 936 года по Рождеству Христову выдалось в меру жарким. Природа, словно балуя злаки и дерева, не скупилась на дожди, но и не задерживала тучи в небесах, открывая землю горячему свету. Пахари радовались скорым урожаям, вычищая громадные пифосы[1] и представляя, чего и сколько они купят в Городе, лишь только закончится страда.

А сам Константинополь жил и горя не знал — купцы торговали, набивая мошну потуже, чиновники соскребали с пергаментов указы прошлых лет, дабы испачкать их новыми записями, нищие попрошайничали, воины скучали, священники молились во здравие и за упокой.

Громадный Город-Царь, отстроенный на краю Европы императором Константином, красовался, выставляя себя

---

[1] *Пифос* — огромный широкогорлый кувшин в форме шара с плоским дном. В таких хранили зерно, воду, рыбу (обычно пифос закапывали в землю). Кстати, именно в пифосе проживал Диоген.

напоказ, гордился своим величием, изнемогая от богатств, самим видом своим, роскошью немыслимой, внедряя в умы и сердца народов окрестных идею превосходства Ромейской империи [1].

Константинополь — око и центр вселенной. Базилевс [2] — глава всех народов земли. И сами ромеи — народ особый, отмеченный свыше. Все прочие — варвары, неименитые и несчитаемые, удел которых состоит в служении ромеям.

Константинополь — Второй Рим, и никому не сокрушить его, ибо град сей находится под надёжной защитой Провидения. Христианский Рим, преславный Константинополь, будет царить над миром вечно!..

Внимали ли этим истинам заезжие варвары, история умалчивает. Русы, франки, норманны, хазары, угры, болгары бродили по великолепной и пышной Месе [3], дивясь бесконечным колоннадам и статуям, золотым куполам церквей, неисчислимым толпам горожан, разодетых в парчу и бархат. Вот только не почтение возбуждалось в их душах, а зависть и ревность.

Варвары не признавали законов, не ведали ни стратегии, ни тактики, их действия были абсолютно непредсказуемы, но они крайне редко терпели поражения. К горю людскому, алчность дикарей-европейцев или азиатов-кочевников подкреплялась глупостью христолюбивых царей, множащих беды, подрывающих устои, близящих грозное крушение государства.

Величайший, Святейший, Августейший, Единственно-премудрейший базилевс Роман I Лакапин долго думал, как же ему умилостивить противников, да ещё пуще порадовать сторонников, и придумал — устроил гонения на евреев. Бедных иудеев хватали по всей стране, силою

---

[1] *Ромейская империя* — государство, которое принято называть Византией, хотя это то же самое, как если бы Российскую Федерацию именовали Московией.

[2] *Базилевс* — император ромеев, то бишь византийцев.

[3] *Меса* — Средняя. Главный проспект Константинополя, центральная улица.

заставляя креститься. Массы беженцев покидали империю, уезжали, уплывали в Хазарский каганат к своим единоверцам, а тамошний иша [1] Йосып бен Аарон, привечая гонимых, ответил гонителям массовыми казнями христиан. Тогда ромеи подкупили русского князя Хельгу, дабы тот воевал за них в степях таврических. Среди ночи воины князевы напали на Самкерц [2] и захватили его из-за беспечности градоначальника Хашмоная, подавшегося на охоту. Каганат тут же нанёс ответный удар — хазарский полководец Песах осадил Самкерц и разорил подряд три города ромейских — Феодосию, Сукдею и Алустон [3]. Так, из ничего, из сумасбродства неумного правителя, возжёгся огнь войны...

Магистр Олегарий, он же Олег Романович Сухов, аколит средней этерии [4], вышел на Месу, чувствуя, что настроение испорчено окончательно — базилевс слал его в Киев, к великому князю Ингорю Старому, за подмогой. А оно ему надо?

Олег вышагивал, хмурясь и раздражённо толкая прохожих. Те иной раз огрызались, но живо смолкали, стоило им углядеть белый магистерский скарамангий [5] с пурпурными нашивками на груди. Кому ж охота связываться с

---

[1] *Иша* — «управляющий богатством»; как бы царь Хазарии, правящий от имени кагана. Надо особо отметить, что вся верхушка каганата, купцы-рахдониты, ведущие заморскую торговлю, и часть простонародья исповедовали иудаизм.

[2] *Самкерц* — надо полагать, нынешняя Керчь.

[3] Нынешние Судак и Алушта.

[4] *Магистр* — высший титул, которого мог удостоиться царедворец, не состоящий в родстве с базилевсом. Всего магистров в империи насчитывалось 12 человек. Аколит (или аколуф) — командир наемников. Этерия — личная гвардия императора. Различалась великая этерия, комплектовавшаяся из македонцев, малая этерия, в которой служили хазары и арабы-христиане, и этерия средняя, наёмная, куда брали викингов-норманнов или варягов (ромеи прозывали их варангами).

[5] *Скарамангий* — парадное одеяние вроде лёгкого кафтана длиною до икр, довольно узкое, стянутое в талии кушаком или особым поясом.

вельможей такого ранга? Не все, правда, сникали от почтения — гости города, те же амальфитанцы или венецианцы, не ведавшие здешнего подобострастия, сникать особо не спешили, а бранились, порою и за нож хватались. Один такой, чернявый, с кривыми ногами, обтянутыми штанами-чулками, гневно обернулся, заработав тычок в плечо.

— Ты чем-то недоволен? — холодно спросил его Олег, засовывая большие пальцы за пояс-сингулум из красной кожи с золотой пряжкой. Он подставлялся под удар.

Чернявый лишь оскалился, вооружаясь изящным стилетом. Сухов не стал дожидаться, когда лезвие попортит скарамангий, и вышиб у строптивца кинжал из руки. Ударил под дыхало. Чернявый согнулся, сипло втягивая воздух и роняя шапочку с длинным пером. Олег ухватил нечаянного супротивника за длинные патлы, приложил головой об колено, добавляя кулаком по затылку — готов. Дерзостник рухнул на каменные плиты, истёртые подошвами и пятками.

А магистру полегчало — согнав злость на патлатом, он малость успокоился, повеселел даже. Шаг его замедлился, придавая поступи величавость, подобающую царедворцу.

«Да и что такого особенного произошло?» — подумал Олег. Можно подумать, в прошлые годы было легче — постоянно его слали куда-то. И в Хазарию он хаживал, и в Херсон, и в Александрию, арабами переиначенную в Искандарию. В Болгарии бывал, в Венеции, в Хорватии, в Бургундии и Лотарингии, Моравии и Швабии. Да легче сказать, куда его не закидывала судьба и приказ императора. Может, ему просто лень отправляться в дальний путь? До Киева — месяц пути. Да столько же обратно. Хорошо, если удастся к осени вернуться...

Наверное, он, Сухов, просто повзрослел — сделал вывод Олег. Пропал прежний азарт, прежнее рвение, желание преуспеть. Он добился столь многого, что впору делиться с неудачниками!

Щербина на каменной мостовой заставила его споткнуться и отпустить чёрта. Прохожие заулыбались, радуясь магистерской оплошке.

— Ур-родцы...— выцедил Сухов.

Если бы он ещё и растянулся на камнях, восторг толпы предела не имел бы.

— Вода, вода! — послышался звонкий мальчишечий голос.— Холодная вода из цистерны Аспара! Вкусная! Кому водички?

Сухов узнал одноглазого Никитку Хромца, маленького калеку-водоноса. Согнувшись под тяжестью двух бурдюков, перекинутых через худенькое плечо, Никитка побрякивал оловянными стаканчиками.

— Ну-ка, налей мне,— остановился Олег.

— Мигом, господин!

Обрадованный водонос доверху наполнил стакан и поднёс Сухову. Магистр выпил с удовольствием. Действительно, холодная...

— Держи,— сказал он, вкладывая в протянутую ладонь серебряный милиарисий.

— А у меня сдачи не будет...— протянул Хромец.

— А и не надо! — отмахнулся Олег и пошагал дальше, оставив за спиной осчастливленного Никиту. Легко быть добреньким...

Обычно Сухов следовал принципу: «Не спеши творить добро!» Не повинуйся порыву, подумай, не умножит ли содеянное благо твои горести? Легче жить недоброму... Но иногда можно себе позволить благость.

Ободрившись, Олег прибавил шагу, устремляясь к форуму [1] Аркадиана, где располагался так называемый Дом Василия, он же Дом Варвара — дворец, в котором поселялись воины-наёмники, принятые в среднюю этерию.

В разные годы императора оберегали и варяги, и норманны. Под командованием Сухова служили и двухметроворостые северяне из хирда [2] доблестного ярла Олафа, сына Харальда Змееустого, и молчаливые, очень дружные йомсвикинги [3] из Юмны [4], и варяжская дружина Ли-

---

[1] *Форум* — площадь.

[2] *Хирд* — дружина. Русский вариант — гридь.

[3] Члены своеобразного братства викингов, существовавшего на территории нынешней Северной Германии в описываемую эпоху.

[4] Порт, предположительно находившийся в устье Одера.

биара из Хенугарда [1]. Но больше всех Олег любил «ребятишек» светлого князя Инегельда Боевой Клык, ныне как раз и занимавших Дом Варвара.

В одном строю с дружиной князя он повоевал немало, покоптился у одного костра, погрёб в одной лодье, не раз спасал товарищей от смерти неминучей, а они бросались на помощь ему, своему аколиту, некогда такому же варягу, молодому бойцу-дренгу по прозвищу Полутролль.

Дружина Инегельда числом не поражала, едва ли большая сотня [2] мечей набралась бы, зато все были как на подбор — отличники боевой и политической подготовки. И были среди них лучшие из лучших — тринадцать витязей прекрасных, знаменитая «Чёртова дюжина» Боевого Клыка. Когда-то и Олег Полутролль числился в её рядах, чем весьма гордился. «Чёртова дюжина» всегда была на передовой. Брали город приступом, а тринадцать добрых молодцев уже за стенами крепости, побивают стражу у врат и впускают своих внутрь. Сталкиваются лодьи с арабскими сафинами [3], зачиная морской бой,— «Чёртова дюжина» первой идёт на абордаж. И к кому ещё обратиться магистру и аколиту за помощью? Кого брать с собою в чёртов Киев, понуждать чёртовых славинов надрать задницы чёртовым хазарам? «Чёртову дюжину», разумеется...

Князя Инегельда Олег приметил ещё с улицы — Боевой Клык стоял в одной рубахе на ступеньках у входа и озирал Мессу. Вид у него был героический — больше всего князь походил на завоевателя, только что поправшего знамя противника и занявшего его крепость.

— Приветствую высокое начальство! — радостно протрубил Инегельд.

— Здорово, Клык.

— Проходь, дёрнем по маленькой. День-то какой! Грех не выпить.

---

[1] Ныне Изборск.

[2] *Большая сотня* — приблизительно 120 человек. Был и большой десяток — 12—15 бойцов.

[3] *Сафина* — боевой корабль на 50 гребцов.

— Повод уж больно сомнительный,— улыбнулся Сухов, крепко пожимая громадную лапищу князя.— Я на минутку. Тут такое дело... Это самое... Мне срочно нужна «Чёртова дюжина» в полном составе.

— И я?

— Кстати, да. Куда ж без тебя...

— А то! И куды именно без меня — ну, никак?

— В Киев, князь. Мою особу беречь будете.

— Ага... Куда и чего — ясно. А когда?

— Сегодня. Это самое... Чем быстрее туда, тем скорее обратно.

— По рукам!

Распрощавшись, магистр повернул обратно — домой. Шёл и думал, как, в принципе, бессмысленна жизнь. Один наихристианнейший венценосец затеял евреев гонять, другой самодержец, приверженный иудейству, принялся крещёных казнить, а теперь венценосная особа, коя первой начала, жаждет и бойню устроить, и не запачкаться. А смысл? Почему славины должны теперь кровь пускать, себе и хазарам? Чего для? И всегда так — вышестоящие накосячат, наворотят, а «выпрямлять» приходится нижестоящим, теряя здоровье, а порой и само житие.

Философический настрой привёл Сухова в равновесие, но хрупкий, едва обретённый покой ненадолго задержался в душе — на форуме Константина Олег стал свидетелем безобразной сцены. Справа от колонны, подымавшей над площадью золотую статую равноапостольного императора, располагался Нимфей — каскад бассейнов с гротами и арками, со статуями и чашами фонтанов. На краю Нимфея гомонила толпа. Сухов пригляделся и сморщился в гримасе отвращения — двое дюжих молодцев окунали в воду визжащего иудея, а толстый священник крестил его. Еврей лупил глаза, хватая воздух перекошенным ртом, и брыкался — руки его были связаны. Наконец ему удалось чувствительно задеть одного из молодчиков — тот упал, но и сам иудей не удержался, скрылся под водою. А в руках доброхотов уже билась, крича и рыдая, черноволосая девушка, наверняка Сара или Суламифь.

— Эй, доставайте! — кричали в толпе.— Никак утоп!

— Ничего,— успокаивали их другие,— лучше крещёным в рай попасть, чем нехристем жить!

— Евлогий, чего встал? Тащи девку!

— Сымай с неё всё! Покрестим!

— Гы-гы-гы!

Олег круто свернул в переулок, углубляясь в регеон[1] Арториан. Настроение снова упало в минус.

Он мог спасти эту евреечку, но не стал — опасно сие. И дело даже не в молодчиках, которых базилевс лишил химеры совести. С толпою Сухов справился бы. В крайнем случае, достал бы меч из ножен. А что потом делать? Выслушивать слезливые слова благодарности от спасённой Сары или Суламифи? А кто будет спасать его собственную жену и дочь от погрома? Кто защитит «пособника иудеев»? На титул магистра рассчитывать не стоит, да и надолго ли он его сохранит? Найдутся сметливые людишки — тут же нашепчут кому надо о предосудительном поведении «Олегария», поступающего наперекор благим намерениям Божественного императора. А тот сделает оргвыводы...

Сухов снова ускорил поступь, угрюмо глядя под ноги. Самое неприятное заключалось в том, что ему даже не пришлось подавлять позыв вмешаться и прекратить безобразие. Прошло то время, когда он то и дело хватался за меч в глупом мальчишеском стремлении восстановить попранную справедливость. Ныне он зачерствел, заматерел, скрылся за скарамангием от сует беспокойного мира. Что ему та Суламифь? Не убивают же её, в самом-то деле...

Дошагав до кованой решетки, огораживавшей парк, разбитый вокруг дома Мелиссинов, Олег подошёл к воротам. Калитку ему открыл верный Игнатий Фока.

— Ну, как там, при дворе? — поинтересовался он по обычаю.

— Как в курятнике,— буркнул Сухов,— не заклюют, так обгадят.

---

[1] *Регеон* — район Константинополя. Регеон Арториан числился в престижных.

Игнатий захихикал и сказал, предваряя вопрос:

— Дома хозяйка. Гостей принимает.

— И каковских? — поинтересовался Олег, хотя мог загодя назвать имена визитёров — захаживали к ним одни и те же.

— Протоспафарий [1] Александр пожаловал.

— Ну, конечно,— улыбнулся Сухов,— кто бы сомневался... Пожаловал! Можно подумать, он отсюда вылазил...

Шурик влюбился в Геллу Читти, их кормилицу. Втюрился как мальчик. Гелла сперва робела, смущаясь, когда такой знатный господин оказывал ей знаки внимания, но вскоре разобралась в ситуации и тоже, как и Олег, стала называть протоспафария Пончиком. Это прозвище куда лучше, нежели имя, отражало натуру Александра Игоревича Пончева — доброго, мягкого, нерешительного и неуверенного в себе человека. Кормилица стала позволять себе милые капризы, могла и губки надуть — Пончик то страдал сладчайшей мукой, то воспарял выше ангелов небесных, будучи удостоин ласкового взгляда возлюбленной.

Олег не вступался за друга, даже с укором не смотрел на Геллу. Напротив, радовался тому, что девушка ожила и снова открывается миру. Этой весной Читти пережила трагедию — она потеряла ребёнка. И её груди, полные молока, вспоили дочь Олега и Елены, найдёныша Наталью. Впрочем, при Елене Мелиссине Сухов никогда не упоминал слова «приёмыш» — женщина была свято уверена, что девочку послал ей сам Господь. Стоит ли говорить, что Олег ни разу не позволил себе усомниться в этом вслух?

Елена Мелиссина, любимая его Алёнка, имела всё, что нужно женщине для счастья,— богатство, красоту, здоровье, любимого человека. И только детей не дал ей Бог. Елена сильно переживала, плакала украдкой, молилась и каялась во грехах, но понести не смогла. И вот, ровно год назад, в далёкой Италии, куда Мелиссину занесли чужие

---

[1] *Протоспафарий* — высокий придворный чин, самый младший из тех, которые давали право их владельцу присутствовать на заседаниях синклита (тайного совета).

интриги и вражья злая воля, сосуд её исстрадавшейся души наполнился счастьем доверху — течение безымянной реки принесло корзинку с прелестным младенцем, малюсенькой девочкой с золотистыми кудряшками. Этот херувимчик не орал и не хныкал, он задумчиво сосал палец, лупая в небеса глазами василькового цвета.

В тот миг вся природа будто замерла в явлении чуда — хмурые тучи, блиставшие молниями, рассеялись в могучем порыве вышнего ветра. Стихли громы, и солнце опустилось за край небес, рассекая закатный багрянец «Мечом Господа», знаменитым «зелёным лучом»...

А Олег всё равно не поверил в чудесное обретение Натальи — сказывалось его прошлое, которое осталось в будущем. Эту свою тайну он не раскрывал никому, даже Елене. Только двое знали её — Олег Сухов и Александр Пончев. Они оба были пришельцами из года 2007-го, чужаками в лето 936-е...

Магистр прошёлся по аллее, напрягая слух. Вот оно, предвестие дома — из окон донёсся заливистый смех Натальи, перебиваемый воркованием сразу двух мамочек.

Олег усмехнулся, покачал головой. Он никогда не страдал чадолюбием и относился к детям как к взрослым — иной ребёнок нравился ему, что случалось редко, а в основном малышня вызывала у него раздражение, в лучшем случае — равнодушие. Младенцами же Олег и вовсе брезговал, искренне не понимая, как можно восхищаться розовыми морщинистыми тельцами, представлявшими собой кишки, оравшие спереди и гадившие сзади.

А вот с Натальей ему, можно сказать, повезло. Когда Елена выловила её, аки жена фараонова — Моисея, девочке исполнилось от силы полгода. Ходить она ещё, само собой, не умела, зато кушала с удовольствием — охватывала ручонками большую Геллину грудь и присасывалась, тараща глазята, в которых читалось безмерное радостное удивление: «И это всё мне?!»

Сухов поднялся по лестнице и потянул на себя тяжёлую дверь. Перешагнул порог, додумывая мысль: а ведь ему ни разу не доводилось размышлять о продолжении

рода. Да и что ему тот род? Пускай желающие успокаивают себя, что после смерти их черты проявятся в потомках, передадутся по наследству следующим поколениям. Но ему-то какая разница? Закончится ли на нём цепочка «прадед — дед — отец — сын» или продолжится в будущее до седьмого колена, ему-то что? Его-то, Олега Романовича Сухова, уже не будет в живых — помрёт он! А мёртвым безразличны дела сущих.

— Пр-рывет! — воскликнул Пончик, встречая Сухова в обширном вестибуле.— Как жизнь, сиятельный?

Александр, полный и румяный, буквально лучился счастьем.

— По-моему,— усмехнулся Олег,— сияешь здесь как раз ты. Что такого случилось, эпохального? К ручке тебя допустила? Или к ножке?

Пончик замахал на него руками, но не выдержал, признался.

— Она меня... поцеловала! — выдохнул он, блаженно улыбаясь.— Угу...

— В губы? — уточнил Сухов.

— Э-э... В щёчку. Да какая разница?! Гелла меня по-цело-ва-ла! Меня! Представляешь?! Она — меня!

Шурик тут же осёкся, продолжая излучать в любовном диапазоне. По лестнице спускалась Елена в длинной голубой столе [1], цветущая, радостная и на диво красивая. Следом ступала Гелла в оранжевой тунике, держа Наталью на руках. Ростику Читти была небольшого, но стройна, белолица, а большие груди её тяжело покачивались, продавливая сосками тонкую ткань.

Олег поймал себя на том, что с удовольствием пялится на Геллин бюст. Хотя почему сразу — пялится? Любуется...

— Ты уже вернулся? — спросила Елена. Она выглядела оживлённой и радостной.— Будем кушать! Ирина, накрывай на стол.

---

[1] *Стола* — длинное платье прямого покроя, подвязывалось поясками в талии и под грудью.

Домоправительница Ирина, женщина строгая и хозяйственная, родом из болгар, поклонилась госпоже и удалилась — строить и школить лакеев. С такой не забалуешь.

Олег взял Елену под руку и повёл в трапезную, где стоял большой овальный стол и удобнейшие стулья с гнутыми спинками.

— Ты чем-то встревожен, милый? — негромко спросила Мелиссина.— У тебя рука напряжена...

— Ничего-то от тебя не скроешь,— улыбнулся Сухов.— Не то чтобы встревожен... Скорее, раздосадован.

— Чем же?

— Не буду портить тебе аппетит. Да ты не волнуйся — так, ничего серьёзного...

Омыв руки, все расселись и отдали должное мастерству повара — худого Никомеда, чья тощая стать не соответствовала расхожему мнению о тучных кулинарах. В меню была нежнейшая телятина с разваристыми бобами, обильно политая соусом, душистым, острым и архисложным в приготовлении — одних трав надо было покрошить десятка три видов. Но получалось очень даже вкусно.

Олег оглядел сотрапезников. Елена и Гелла кушали как птички, не доедая даже свои кукольные порции. Игнатий приканчивал уже вторую добавку, регулярно напоминая Пончику о трапезе — протоспафарий, в основном, пожирал глазами сеньору Читти, изредка, когда Фока непочтительно пихал его в бок, накалывая двузубой вилкой пару бобов или кусочек мяса.

Сухов отмахнулся от лакея и сам разлил вино по драгоценным стеклянным кубкам.

— Пончик,— сказал он,— плесни компота Геллочке.

Протоспафарий кинулся исполнять просьбу, едва не пролив весь кувшин на обожаемый им предмет, чуть не умер от огорчения, но все же умудрился наполнить кубок ягодным отваром, почти не измарав скатерть.

Читти улыбнулась, мимоходом осчастливив Пончика, и поделилась напитком с Натальей. Пей, дитятко, пей...

Отхлебнув вина, Олег сказал:

— Сообщаю пренеприятнейшее известие: базилевс повелел, и я должен отправиться в Киев. Хочет наш Святейший напакостить хазарам по-крупному — и чужими руками. Не получилось у него аланов натравить на каганат, так решил он побить хазар войском русским, напустить на них дружину Ингоря, сына Рюрика...

— А ты? — спросила Елена.

«По-моему, она не слишком-то и опечалена»,— ревниво подумал Сухов и буркнул вслух:

— А что я? Хватаю своих варягов и двигаю Ингоря Рюриковича уговаривать, злато-серебро сулить...

Тут Гелла прижала к себе Наталью, так, что глаза кормилицы только и были видны из-за светлого чубчика, и сказала волнующим грудным голосом:

— Александр, ты тоже будешь героем?

Пончик, который в это время растерянно смотрел на Олега, соображая, как же ему быть, мигом втянул живот, выпрямился и решительно, солидно проговорил:

— Конечно. Куда ж они без меня? Угу...

Сухов испустил нарочито длинный вздох, косясь на Елену, однако прилива любви и нежности не дождался.

Вернее, прилив-то был, но весь запас тёплых чувств жена растратила не на мужа. «Всё лучшее — детям».

— Кому мы тут нужны, Понч? — сказал Олег, преувеличенно печалуясь.

— Им нас совсем не жалко! — подхватил Шурик горестно, взглядывая на Геллу.— Угу...

— Скучать и тосковать по нам уж точно никто не станет.

Посмотрев на обеих мамочек, с увлечением менявших пелёнки Наталье, Сухов вздохнул уже неподдельно и махнул обречённо рукой.

— Пойдём собираться, Понч.

— Пошли... Угу.

Тщательно отмывшись в купальне, Олег переоделся в чистое и поднялся к себе. Елена уже была там — она стояла у сундука-«башенки», откинув высокую крышку, и впрямь похожую на четырёхскатную кровлю.

— Смену белья возьмёшь,— сказала Мелиссина непререкаемым тоном, выкладывая сложенные вещи,— полотенце не забудь... А где твой сагий [1]?

— Лето на дворе,— проворчал Сухов,— буду я ещё жариться в сагии...

Женщина повернулась к нему, изгибая губы в сладкой улыбке, положила руки Олегу на плечи.

— Ты меня к Наталье ревнуешь? — промурлыкала она.— Глупый мой варвар...

Сухов притянул Елену к себе, чувствуя, как кровь начинает потихоньку закипать.

— А давай прямо здесь? — сказала Мелиссина, быстро подбирая подол столы и стягивая её с себя.

— А давай!..

...Отплывали рано утром, когда солнце едва показало краешек за кипарисами на восточном берегу Босфора.

Ладная, длиннотелая скедия [2] отчалила, толкаемая вёслами и подгоняемая красно-белым парусом. «Чёртова дюжина» в полном составе гребла, а светлый князь Инегельд гордо восседал на месте кормщика.

Олег устроился посерёдке, у самой мачты — сидел, полуприкрыв глаза, и слушал, как скрипит дерево, как острый нос скедии надрезает шумливую волну. Унылый Пончик расположился тут же, длинно и тоскливо воздыхая.

— Что развздыхался? — пробурчал Сухов.— Нечего было в добровольцы записываться, сидел бы дома.

— Ага,— тускло сказал протоспафарий,— а что бы я Гелле сказал? Извини, мол, не гожусь в герои? Ещё чего...

— Тогда не вздыхай.

— Буду,— буркнул Пончик.

Усмехнувшись, Олег пересел на свободную скамью — погрести. Перед ним пыхтел огромный Малютка Свен, похожий на учёного медведя, позади кряхтел Ивор По-

---

[1] *Сагий* — плащ-накидка.

[2] *Скедия* — варяжский корабль, классом пониже лодьи, рассчитанный на 40 гребцов.

жиратель Смерти, изящный, как девушка, и опасный, как демон ночи.

— Устал сидеть? — добродушно пробурчал Свен.

— Да сколько ж можно... Руки нам не для того вставлены, чтобы их на коленях складывать.

— Эт точно...

И варяги продолжили тягать вёсла. Земля отдалилась, засинела зубчатой полоской, утончилась до линии и пропала из глаз. Одно море раскинулось кругом. Русское море [1].

Пересечь Понт Эвксинский было проще всего — попутный ветер исправно поддувал в широкий полосатый парус. Подняться по Днепру стоило усилий куда больших — четыре недели гребли варяги, одолевая течение. Слава Богу, на порогах их никто не поджидал — ни угры, ни печенеги засад не устроили, даже Айфор [2] удалось пройти тихо и мирно.

А вот выше по реке, уже в пределах Киевского княжества, «Чёртовой дюжине» перестало везти — громадный, полупритопленный ствол дерева проломил скедии днище. Пришлось варягам разделиться — шестеро остались с Инегельдом, корабль чинить, а остальные отправились пешком по возвышенному западному берегу, пока не вышли к стойбищу булгар-ультинзуров, коих славины прозывали уличами.

Здесь варяги присмотрели себе степных лошадок — коротконогих, с толстыми шеями и длинными гривами. Сторговались быстро — ромейское серебро сразу нашло путь к сердцам табунщиков. Сёдел, правда, не было, одни вонючие попоны, так и ехать было недалёко — в дневном переходе к северу находился Витахольм, варяжская кре-

---

[1] Ныне Чёрное. Ромеи прозывали его Понтом Эвксинским.

[2] *Айфор* — «Водопад на волоке» — самый опасный из днепровских порогов, его обходили по суше, переволакивая суда «в объезд» за шесть вёрст.

пость на Днепре, а оттуда до Киева вёрст тридцать, от силы. Рядом совсем!

...Олег не торопил своего лохматого коня, он благодушествовал. Полуденное солнце пригревало, но душно не было — по правую руку протекала великая река, уносящая к морю прорву мутно-зелёной воды, а слева поддувал ветерок, щекоча ноздри горьким травяным духом. Хорошо!

Отряд взбирался на крутые склоны, стараясь держаться низин или пробираясь дубравами, спускался в глубокие, сырые овраги, вскачь одолевал клинья степи, прорывавшейся к самому берегу Днепра, выносившей к камышам широкие разливы зелёного ковыля.

Сухов ехал налегке, доверив латы и оружие вьючной лошади.

Впереди скакали Свен с Ивором, сзади догоняли Акила Длинный Меч и Фудри Московский, а Стегги Метатель Колец на пару с Сауком, сыном Тааза, прикрывали магистра и протоспафария с флангов.

Еле заметная тропа завела кавалькаду в густой ольховник, за которым открылась бесконечная зелёная равнина. Степь поднималась навстречу дремучими травами, бурьяном такой высоты, что коня укрывала с головой. Дикое Поле [1].

Стоял июнь, степь продолжала цвести — отходила нежная голубизна незабудок и золотистые разливы крестовика и лютика, начиналось царствие тёмно-лилового шалфея. Пахло им же и ещё полынью.

Разъезжать у всех на виду в степи — очень нездоровое занятие, но уже открылся взгляду высокий мыс, на котором крепко сидела деревянная крепость.

— Витахольм! — довольно прогудел Малютка Свен.

Сухов кивнул, соглашаясь, и в то же мгновение свет, заливавший реку и поле, померк. Небывалая, немыслимая тишина упала на степь. По небу разлилось странное сиреневое сияние, отсветы его пробегали по траве, бросая на изумлённые лица варягов лиловые тени.

---

[1] *Дикое Поле* — так называли степь на Руси.

— Ах, чтоб вам пропасть!..— зашипел Олег, ярея, и разразился самой чёрной бранью, какую только помнил.

— Не хочу-у! — заскулил Пончик.

Но бесполезно было ругать или уговаривать мироздание. Откуда ни возьмись, наплыл голубой туман, обездвиживая всё сущее,— и бысть тьма.

...Свет ударил неожиданно, распахнул ясное, холодное небо. Солнце было неярким — алым полушарием выползало оно из-за горизонта, ещё не давая тени, тая в углубинах рельефа ночные сумерки. Воздух был сырой и льдистый.

Олег ощутил себя сидящим в седле — конь под ним испуганно храпел, топчась по рыхлому снегу. Пончик гарцевал рядом — и никого больше, пусто.

Сухов сгорбился, словно под гнётом обрушившегося на него несчастья. Задохнулся, унимая позыв выть и рубить наотмашь.

То, чего он больше всего боялся, всё-таки произошло — их с Пончиком опять, в который раз, перебросило во времени. Раньше это хоть и бесило, но представлялось приключением, а теперь... Теперь случилась беда — между ним и Еленой пролегла пропасть. Век разделил их или вечность — какая разница? Всё едино — навсегда. Или — разгорелась вдруг безумная надежда — весна пришла, года 937-го?!

Вокруг стелилась степь, холмистым раздольем убегая к западу. Снег лежал рваным серым покрывалом, Днепр был скован льдом. Изо рта у Олега шёл пар, а Пончик, известный мерзляк, и вовсе закоченел.

— Февраль,— определил Сухов.— Или март.

— Ты так спокойно об этом говоришь! — страдающим голосом сказал Александр.— А ведь, если нас опять перекинуло лет на сорок, как тогда, то всё! И Гелла, и Елена давно состарились, даже твоя Наталья уже взрослая тётка! Мы их потеряли! Слышишь?!

— Заткнись,— процедил Олег.

Минутное отчаяние как накатило на него, так и схлынуло, зато в груди заклокотала злоба, бешеная ярость поднималась из глубин души — да сколько ж это можно?! Никому не позволено, ни Богу, ни Гомеостазису Мироздания, так жестоко изгаляться над человеком! Есть некая таинственная сила, которая стремится вернуть их с Пончем в «родное» время? Ладно! Так пусть возвращает сразу, пока ты не врос в чужой век, пока не сроднился с ним, не укоренился дружбами да любовями! Нельзя вырывать вот так, с кровью, с сукровицей! Больно же!

Чудовищным усилием воли Сухов подавил осатанённость. Кому тут пенять? К кому взывать?

Привычно хлопнув по боку, меча он не обнаружил — его верный акуфий [1] остался в прошлом, на вьючной лошади.

— Т-твою-то ма-ать...— протянул Олег и ощупал кошель на поясе. Не туго, но увесисто. И ещё здоровый кинжал в ножнах. Вытащив клинок, Сухов посмотрелся в блестящее лезвие.

— Называется: «Приплыли»,— сказал он.

Сощурившись, магистр осмотрелся. Степь, да степь кругом... И ни единого следа на мокреющем насте, кроме тех, что оставили их кони. Какой-нибудь печенег обалдеет, когда увидит отпечатки — с неба эти скакуны свалились, что ли? Или время печенегов уже вышло? Витахольм вдали почти не изменился, разве что больше стал...

— Поехали, Понч,— сказал Олег,— оденемся по сезону.

— Да что ж ты за человек такой? — простонал Шурик.— Или тебе всё равно?

— Мне не всё равно! — с силой ответил Сухов.— Но я не позволю себя сломать ни человеку, ни закону природы! Не дождутся, понял?

— Господи... Господи...— запричитал Пончик, крепко зажмуриваясь и тряся головой.— Что ж нам делать-то?

---

[1] *Акуфий* — меч в виде клюва цапли, хорошо «вскрывал» кольчужные доспехи.

— Жить, Понч,— сказал Олег с прочувствованностью и похлопал товарища по плечу.— И пошло оно всё на хрен!

Он замолчал, оглядывая расстилавшуюся степь, Днепр, бронированный чёрным льдом с намётами снега, серое небо, спешащее голубеть, и красное солнце.

Ненавижу, подумал он. Ненавижу этот мир, этот век. Всех тут ненавижу. Тем хуже для них...

— Поехали, Понч,— сказал Сухов и направил коня к Витахольму.

Глава 2,

в которой Олег производит себя в рыцари

Был Витахольм, да весь вышел — покинули его варяги. Видать, на север перебрались, к воле новгородской поближе, от князей киевских подальше. Ныне крепость звалась Витичев холм и выглядела запущенной — нижние венцы городских стен подгнили, шатровые кровли на башнях, некогда крытые тёсом, обветшали так, что оголились рёбра стропил. Посад [1] на склоне горы тоже измельчал — десяток рыбацких изб торчал между крепостью и берегом, да столько же бань, вот и всё поселение.

Сухов помотал головой — окружающий мир был настолько реален во плоти своей, что рассудок отторгал самую мысль о путешествии во времени. Путешествие с пересадками — криво усмехнулся Олег и тут же нахмурился, сжал зубы: хватит! Довольно об этом.

Проехать в город удалось легко, стража у воротной башни магистру с протоспафарием не препятствовала, только проводила их глазами, удивляясь странной заморской одёже.

— Холодно! — пожаловался Александр.

---

[1] *Посад* — то же, что и слобода; поселение вне городских стен.

— Потерпишь,— буркнул Сухов.

— Чего ты такой злой? — обиделся Пончик.— Между прочим, я не меньше твоего переживаю! Угу...

Олег почувствовал прилив раздражения.

— Кто тебе сказал, что я вообще переживаю? — накинулся он на товарища.— Да по фигу мне это время! Мне всё по фигу!

— Не злись,— миролюбиво сказал протоспафарий, ещё пуще разозлив Сухова.

— Не лезь ты ко мне! — грубо ответил магистр.— Я тут поубивать всех готов, а он лезет...

Шурик надулся и отвернул голову. Легче Олегу не стало, но хоть злость прошла, сменилась глухой досадой. Воистину, проще убить кого-то, чем успокоиться...

Выехав в город, Сухов осмотрелся. Маленькую площадь, на которой он находился, замыкали большие бревенчатые амбары, крытые почерневшим камышом. Грязный снег вокруг был вытоптан в мерзкую бурую жижу, копыта коней противно плюхали по ней, но горожане как будто и не замечали этого — они суетились, радовались, переговаривались громко и весело.

Олег напряжённо вслушивался в звуки их речи. К его великому облегчению, он понимал то, о чём говорили жители Витичева холма — люди переживали, хватит ли зерна до нового урожая, ругали скупердяя Микиту Творимирича, хвалились выдержкой хмельного мёда, грозясь в одиночку вылакать целый жбанчик, тем более, и повод есть — Новый год как-никак! Грех не выпить!

Тут же Сухов припомнил Инегельда. Ещё быстрее он запретил себе думать об этом, а то мигом потянется ассоциация, связывая «Дом Варвара» с регеоном Арториан, где напротив церкви Святого Сампсона живёт... Стоп!

Олег сосредоточил все мысли на настоящем, боясь даже памятью возвращаться в прошедшее.

Язык, на котором он разговаривал с Боевым Клыком, был грубее того, что слышался на улицах Витичева холма,— грубее, резче, выпуклей, что ли. Ныне говор стал напевней и мягче — чувствуется влияние славинских на-

речий. Вот некий Местята упрекает соседа: «Данило, чему еси давно не пришёл, а ныне еже еси пришёл, а то добро же, пьеши ли наше питие?» (Данило, почему раньше не приходил, а теперь пришёл? Но и то хорошо. Пьёшь ли наше питьё?) А Данило отвечает Местяте: «Доселе есмь не пил, ныне же ты велишь, пью!» (Раньше не пил, но теперь ты велишь, поэтому пью!)

Тут целая орава посадских мальчишек высыпала из проулка. Чумазые от копоти курных изб, одетые как попало — кто в рваном отцовском полушубке, кто в материной душегрейке,— мальчиши, взбудораженные праздничной суматохой, заозирались, выискивая приключений на задницу. И доискались — стали потешаться над скарамангиями пришельцев, дразниться и обзываться противными голосами:

— Эй, скоморох на лошаде!

— Глянь-ко, чисто пугало!

— С огорода сбежало, коняку зажало!

— Чучело! Чучело!

Обычная сдержанность изменила Сухову — он замахнулся, но мелкая шпана ничуть не испугалась. Издавая неприличные звуки и хохоча, мальчишки стали подбирать с земли конские «яблоки» и бросаться в «скоморохов». Здорово разозлённый, Олег спешился — и угодил в яму. Под настом из мокрого снега воды было по колено. Ледяной.

Малолетки завизжали от восторга, а распаренный, краснорожий мужик в наброшенном на плечи тулупе, наблюдавший эту сцену, гулко загоготал, приседая и шлёпая себя по ляжкам.

Не помня себя, Сухов выхватил кинжал и бросился на обидчиков.

— А ну!..

Завопив, мальчишки дунули в щель между амбарами. Мужик в тулупе кинулся следом, втесался, но застрял — и заорал благим матом:

— Рятуйте, православные!

Проклиная всё на свете, Олег забрался на чалого. Всё не так! Всё не там!

Уняв дыхание, Сухов медленно сосчитал до пятнадцати. Спокойствие, только спокойствие... Перехватив испуганный взгляд Пончика, Олег решил помириться и сухо сказал:

— И вправду холодно...

— Ага! — с готовностью отозвался Александр.

— Слушай, Понч... это самое... будь другом, сгоняй вон к церквушке, узнай хоть, какое время на дворе.

— Сейчас я!

Шурик порысил к маленькому храму, приткнувшемуся к крепостной стене, и, не слезая с седла, задал вопрос проходившему мимо попу, толстому и важному. Поп понял его и дал ответ. Вернувшись, Пончик проговорил в возбуждении:

— У них тут Новый год! Представляешь? Первое марта одна тыща двести тридцать седьмого года [1]! Угу...

— Да-а...— протянул Олег.— Закинуло нас...

Александр, только что оживлённый, увял, поник весь.

— Триста лет минуло...— сказал он.— Всех наших давным-давно нет уже... Угу...

— Молчи! — жёстко потребовал Сухов.— Забудь! Понял?

— Понял-то я, понял,— вздохнул Шурик,— только как же тут забудешь?

— А ты делом займись,— присоветовал Олег,— некогда думать будет. Короче. Ставим перед собой цель и добиваемся её. А какая у нас цель? А та же, что и раньше,— рваться вперёд и вверх! Рваться и рвать всех подряд, кто помешает нашему возвышению. А для начала надо приискать князя, чтобы послужить ему и выбиться в люди.

— А потом? — спросил Шурик.

— Суп с котом. Поехали к торгу!

И они поехали — мимо покосившейся звонницы, мимо высоких заборов с грязными, осевшими сугробами в тени, мимо старого терема, мимо постоялого двора, прямо

---

[1] В старину Новый год встречали по ромейскому (и римскому) обычаю, по церковному календарю — 1 марта.

к рыночной площади, куда, казалось, сошлось всё население города. Одни продавали, другие покупали, и все орали наперебой, перекрикивая друг друга:

— А вот жито! Зернышко к зёрнышку! Сухое да звонкое!

— Рыбка, рыбка свежа-айшая! Только что из Днепра!

— Кому мёду? Хорош медок! Липовый! А уж как пахнет...

— Мясо парное, ишшо остыть не успело! Глянь только — ни хрящика, ни жиринки, мякоть одна!

Народ вокруг разный суетился, горожане, в основном, да степняки. Хотя различишь не сразу — витичевцы кутались в рыжие и бурые армяки [1], подвязанные кушаками, а кочевники носили тёплые халаты и кафтаны, разве что с запахом на другую сторону — разница невелика. И на лицо похожи были местные — все одинаково черноволосы да черноглазы, разве что степняки поскуластее выглядели, да чуток пораскосее, а ежели мельком глянуть, то не сразу и распознаешь, кто есть кто. Из разговоров в толпе Олег уяснил, что кочевники тут не пришлые, а вроде как свои, хоть и не коренные,— торки, печенеги, берендеи, ковуи. Всех их «чёрными клобуками» прозывали — за войлочные колпаки-капюшоны. Посмотришь со спины — вроде монах-черноризец шагает, а как обернётся — лицо загорелое, кострами копчённое, бородёнка в косичку заплетена, а глаз с прищуром, целится будто. Степная порода.

Ну, это, так сказать, гости города, а вот как прикажете хозяев называть? Раньше-то просто было — тут соседствовали северяне-русы и южане-славины. А теперь, триста лет спустя?

Оказалось, что все тутошние — киевляне [2]. Не жители града на Днепре, а люд, населяющий Киевское княжест-

[1] *Армяк* — длиннополое теплое одеяние из армячины — верблюжьей шерсти. Больше всего напоминало просторную, безразмерную шинель. Подвязывался кушаком.

[2] Если выговаривать по тогдашним правилам, то «кияне». Но слово «киевляне» нам привычней.

во, подданные великого князя, что в Киеве сидит и оттуда правит. Восточней проживали черниговцы, к западу — галичане, дальше на север — рязанцы да смоляне. Разобщённые, чужие друг другу. Друг другу? Скорее уж, враг врагу... Печенег какой-нибудь, вольный сын степей, был киевлянину ближе, чем гордец-новгородец или задавака-суздалец.

— Хватит сидеть,— бодро сказал Сухов.— Слезай, пройдёмся!

— Да ну,— сказал Пончик боязливо,— тут собаки...

— Ну и что? Пинками тех собак!

— Ага! А если укусят?

— Так я ж и говорю — пинками! Пошли.

Олег покинул седло и неторопливо прошёлся по рядам, ведя чалого в поводу. Привязывать его к коновязи он опасался (вдруг уведут?), да и просто захотелось подвигаться, согреться.

«Меховые изделия» удалось купить по дешёвке — не сезон. Сухов быстро переоделся, накинув поверх рубахи кунью шубу, крытую вишневым бархатом-аксамитом, с откинутым бобровым воротом, и прикрыл голову войлочной шапкой с разрезом спереди.

— Ну как? — спросил он у Пончика.

— Все девки — твои! — ухмыльнулся тот и пригасил улыбку, вздохнул.

— Чего развздыхался? Меряй!

— Может, чего попроще? — неуверенно проговорил Александр.— Денег жалко... Угу.

— Чего их жалеть? Деньги на то и придуманы, чтобы их тратили. Лично я собираюсь ко двору князя киевского, а там по прикиду и встречают, и провожают. Ты со мной или как?

— С тобой!

— Ну так меряй!

И Пончик примерил бобровую шубу, обшитую сукном, и круглую шапку с соболиной опушкой.

— Ну, вот,— оценил Олег,— совсем другое дело.

Рассчитываясь с суетливым торгашом золотыми номисмами [1], Сухов принял на сдачу серебряную гривну и полную горсть мелочи — кожаных кун и векш [2].

Приосанившись, Олег проследовал к оружейникам. Народу возле лавок, торговавших доспехами, щитами да оружием, было немного — уж больно дорого всё. Трёх коней можно было приобрести по цене одного простенького меча, а за полный набор доспехов и воинских «орудий труда» отдашь столько гривен, что хватило бы на покупку стада коров, голов этак с десяток-полтора.

Среди бойких купцов Сухов сразу выделил «чужеродное тело» — долговязого крестоносца, зябко кутавшегося в свой плащ. Видать, из самого Константинополя прибыл «лыцарь», да поиздержался, раз уж понёс на торг свою «сбрую» [3] — длинную кольчужную рубаху-хауберк, с капюшоном и «варежками», ведёрчатый шлем с прорезями для глаз и дырочками для дыхания.

Покупатели обходили рыцаря стороной, приценивая к привычным шеломам [4] и панцирям из бычьей кожи. Заметив интерес Олега, долговязый оживился.

— Не желаете ли купить? — прожурчал он в манере разбитного продавца, разве что с запинками в трудных словах.— Всё в лучшем виде, работа знат-ней-ших мастеров Милана и Аугсбурга! Как раз ваш рост, словно кто мерку снял!

Его русская речь была удивительно чиста, разве что подчёркнуто чёткий выговор выдавал в рыцаре инородца.

— Вы говорите по-гречески? — спросил Олег церемонно.

---

[1] Византийская золотая монета (3,79—4,55 г, в зависимости от эпохи). Чеканилась с IV века н. э.

[2] Тогдашняя денежная система опиралась на серебряные гривны (49,25 г). Одна гривна была равноценна 25 ногатам, или 50 кунам, или 100 векшам.

[3] Понятия «латный костюм» в те времена не существовало. Доспехи подчас назывались просто «сбруей».

[4] *Шелом* — сфероконический шлем с плавным переходом в остриё на верхушке. Хорошо защищал от вертикальных ударов мечом или саблей, потому и продержался у русских витязей несколько веков подряд.

— О, да!

— С кем имею честь?

Крестоносец неуловимо изменился — он будто вырос, сквозь торгашескую угодливость прорезалось достоинство.

— Барон Гийом де Танкарвиль,— представился рыцарь.

— Магистр Олегарий,— отрекомендовался Сухов.— Приветствую вас, милорд. И позвольте вам представить моего друга, протоспафария Александра.

Гийом и Шурик сдержанно поклонились друг другу.

— Что привело вас на эти стылые берега? — вежливо поинтересовался Олег, переходя на русский.

Барон улыбнулся.

— Под уч-ти-востью сиятельный магистр скрыл иной вопрос,— сказал он.— Почему рыцарь продает свои доспехи? Видит Бог, я верно служил и храбро сражался, посему и был отягощен грехами тяжкими. Меч мой испил немало крови сарацин, но поднимать его на христиан только за то, что они право-слав-ные...— барон де Танкарвиль покачал головой.— Нет, этого моя душа не приемлет. Я решил уйти от мира и за-тво-риться в тихой обители, где проведу остаток дней в молитвах, взыскуя покоя...

Сухов кивнул и скинул шубу. Натянул на себя толстый стеганый гамбезон — мягкую подкладку под кольчугу, гасящую удары. Хм. Надо же... И впрямь, будто по нему сшито.

Гийом помог магистру надеть скрипящий доспех. Олег напялил меховой подшлемник, просунул голову в кольчужный капюшон, затянул шнурок вокруг лицевого отверстия. Плосковерхий, похожий на бочонок шлем довершил облачение. Шлем сидел как влитой. Благодаря ременной подкладке, он не давил, зато облегал плотно, в самый раз. Смотреть на мир сквозь узкие прорези Сухову было непривычно, но это пустяки, дело житейское.

— Ну, как? — глухо раздался его голос. Пар от дыхания протёк через насверленные дырочки.

Пончик выразительно показал большой палец:

— Класс!

Олег величественно кивнул и стащил шлем.

— Я беру латы,— сказал он.

— А меч?

— И меч.

— Слава тебе, Господи! — вырвалось у барона.

Сухов выскреб остаток золота из кошелька и передал его Гийому.

— О, сиятельный! — с чувством изрёк рыцарь.— Вы меня спасли! Скоро уже лёд сойдет, и к югу двинется купеческий караван, а у меня ни гроша на дорогу! Уж год минул, как я тут око-ла-чиваюсь. Послали меня к великому князю киевскому с поручением, а вот обратно всё никак не выберусь... Что ещё могу я сделать для своего благодетеля?

— Расскажите, милорд, о князе — сам к нему направляюсь. Кто он и что он?

Гийом смутился.

— Это сложно, сиятельный,— сказал он с запинкой.— В том году княжил Владимир Рю-ри-кович, но он попал в плен к половцам...

— К «чёрным клобукам»? — вставил Олег, демонстрируя свою осведомлённость.

— Что вы, сиятельный! «Чёрные клобуки» — пострадавшая сторона. Половцы изгнали их из степи, и те немного обрусели, крестились даже, многих к оседлости потянуло. А степь не зря зовётся Половецкою... Так вот. Трон Владимира Рюриковича занял Изяслав Мсти-славович «Смоленский». Зимой великий князь Владимир выкупился из плена и выгнал Изяслава из Киева...

— Ага...— задумался Сухов.— Чувствую, без поллитра тут не разберёшься...

— Что? — не понял барон.

— Я говорю, просто так в нынешней сложной политической обстановке не разобраться. Буду обязан, если милорд согласится разделить с нами трапезу.

— Плачу я! — поставил условие Гийом.

— Идёт!

Харчевня отыскалась неподалёку — это была огромная изба с низким закопченным потолком, подпёртым

резными деревянными столбами. Тусклый свет, падавший из малюсеньких окошек, заделанных слюдой, уступал отблескам огня из открытой печи, напоминавшей камин и такой огромной, что хоть быка в ней жарь. В душном полумраке угадывались длинные столы и скамьи. Скамьи, натёртые седалищами, блестели, словно покрытые чёрным лаком, а вот столешницы сияли белизной скоблёного дерева. Пахло дымом и квасом.

— Чистенько,— снисходительно сказал Пончик.— Белый верх, чёрный низ. Угу...

Барон тайком рассчитался с краснолицым кабатчиком, видимо, погашая прошлые долги, и громким голосом заказал мяса, хлеба и вина.

Олег сел за стол, по привычке — спиною к стене. Шурик притулился рядом, Гийом устроился напротив.

— Что вы хотите знать о князе киевском, сиятельный? — спросил он.

— Всё!

Барон потёр редкую рыжеватую бородку, сморщил хрящеватый нос, задумался.

— Тут такой узел завязался,— протянул он,— что слова и дела одного лишь князя киевского не выпростать из общей путаницы...

— А вы по порядку, милорд,— спокойно ответствовал Сухов.— И учтите, что я совершенно не знаю, что здесь творится. Давно не был. Очень давно...

— Хорошо! — тряхнул головой Гийом.— Начать надо с того, что на востоке Киевское княжество соседствует с Черниговским. Там правит Михаил, старший из рода Ольговичей, сын Всеволода Чермного. А на западе проходит граница с княжеством Галицким, на чей престол раз за разом пытается взойти Даниил Романович, волынский князь. И все эти три больших царства-государства раздроблены на множество мелких. Так вот... Тут уже лет десять, если не больше, идёт война между местными государями. В начале позапрошлого года князь Даниил потерял Галич. Тогда же к Киеву двинул войска Михаил Черниговский, вместе с Изяславом Мсти-славо-вичем.

Тогдашний великий князь киевский, Владимир Рю-ри-ко-вич, пошёл на союз с Даниилом Галицким. Михаил Черниговский отступил, а Изяслав бежал к половцам, с коими весьма дружен, к хану Котяну Сутоевичу. Владимир же с Даниилом повернули на Чернигов, и там к ним присоединился князь Мстислав Глебович. Он отговорил их нападать на Чернигов, но при этом лукавил, поскольку являлся тайным союзником Михаила Всеволодовича и желал измотать князей галицкого и киевского в мелких стычках.

— А Мстислав Глебович — это кто? — спросил Пончик.

— Мелкий феодал,— ответил Олег со знанием дела.— И что было дальше, милорд?

— Повоевав под Черниговым,— продолжал барон,— князья повернули на запад и, не доходя до Киева, столкнулись с половцами, призванными Изяславом Мстиславовичем... Так вот. Даниил и Владимир повернули в степь и у Торческа, города «чёрных клобуков», их полки были смяты и рассеяны войском половецким. Владимир Рюрикович угодил в плен, а Даниил Романович бежал в Венгрию, к королю-крестоносцу Эндре II, где близко сошёлся с австрийским герцогом Фридрихом Бабенбергом. Даниил всё искал стороннюю помощь, но его преследовали неудачи. Понадеялся Романович на союз с поляками — не вышло. Венгры... Умер король Эндре, и в октябре на престол должен был взойти давний противник Даниила, Бела IV. Волынский князь... как тут говаривают — из кожи вон лез, лишь бы угодить новому государю и склонить его на свою сторону. Он даже шагал в составе коронационной процессии в Секеш-фехер-варе, как последний вассал — вёл под уздцы королевского коня. Не помогло!

Тогда же бояре галицкие зазвали к себе в князья Михаила Всеволодовича, а Изяслав, сын Мстислава Романовича Старого, сел на трон в Киеве. Так Господь одним уготовил поражение, а другим даровал победу...

Тут пышнотелая девица принесла запотевшую амфору-корчагу, разлила вино по чарам, быстренько оберну-

лась, расставила блюда с парящим мясом, порезала духовистый каравай.

Троица налегла на вино и закуску. После второй чарки Гийом отёр усы и продолжил «политинформацию»:

— Так вот...— сказал он внушительно.— Весною прошлого года Михаил Черниговский затеял поход на Владимир Волынский, где в ту пору засел Даниил Романович. Тогда же Владимир Рю-рикович выкупился из плена, изгнав из Киева князя Изяслава. Он снарядил и послал в помощь Даниилу Галицкому союзных «чёрных клобуков» и полк воеводы своего, Данилы Нажировича. Войско сие взяло в полон князей Болховских, и Михаил Черниговский, объединившись с Конрадом Мазовецким...

— Польским королём? — решил блеснуть познаниями Олег.

— Ах, что вы, сиятельный! Короля в Польше давным-давно нет, там творится то же, что и здесь,— некогда единая страна порезана на княжества-лоскутки. Ими правят Генрих Набожный, Владислав Тонконогий, Болеслав Стыдливый, Лешек Белый и ещё добрый десяток мелких властителей. А Конрад княжит в Мазовии. Так вот. Объединившись с ним, с половцами Изяслава, Михаил Черниговский осадил Владимир, якобы желая вызволить болховцев... И тут половцы изменили, ушли к Владимиру Рюриковичу! И всё! Конрад Мазовецкий бежал, потопив половину войска на переправе, Михаил Черниговский отступил, а Изяслав Мстиславович снова захватил Киев. И вот, уже этой зимою, Даниил Романович и Владимир Рюрикович обратились к Ярославу Всеволодовичу, князю переяславскому, под чьею рукой сам Новгород Великий, и предложили ему занять киевский стол... Ярослав Всеволодович согласился. Да любой рыцарь на его месте дал бы согласие! Оставив Новгород на сына своего, Александра Храброго [1], князь выступил с войском, разоряя города в землях черниговских и тяжкие откупы собирая с них. Ныне Ярослав Всеволодович дол-

[1] Будущий Александр Невский.

жен уже к Киеву подойти, а что дальше станется — Бог весть!

— Понятненько...— проговорил Олег и разлил вино по третьему разу.— Тогда поспешим навстречу князю переяславскому и поможем ему обрести трон киевский!

— Поспешим...— эхом отозвался задумчивый Пончик и встрепенулся: — Э-э... Милорд! А не расскажете ли о Константинополе? Что вообще творится в тех краях? — Перехватив предостерегающий взгляд Сухова, Александр торопливо пояснил свою просьбу: — Мы очень давно не были в империи, странствовали повсюду, то в Азию нас занесёт, то в Африку...

Чувствуя, что перебрал в выдумках, Шурик смолк, но де Танкарвиль, изрядно захмелевший, принял его слова за правду.

— А что еще может твориться в Латинской империи [1], кроме всеобщего развала? — горько вопросил он, поняв вопрос по-своему.— Тридцать лет и три года тому назад венецианцы, купцы и скупцы, устроили страшную резню в Константинополе. Они разграбили всё, что можно и нельзя,— могилы разрывали, коней с императорской трибуны на Ипподроме стаскивали, даже с фресок Святой Софии соскребали сусальное золото. И всё! Не восстать более блистательному Царьграду! Душою скорбел, когда видел запущенное, неопрятное захолустье, каковым стал Второй Рим, а народу там проживает вдесятеро меньше, чем бывало — целые улицы стали выморочными.

Ныне императором коронован Балдуин II, но в Киев меня послал не он, а Иоанн Бриеннский, бывший король Иерусалимский, выбранный баронами регентом и пожизненным правителем империи. Увы, Иоанн де Бриенн умер, а Балдуин обнищал настолько, что ездит по европейским дворам и выпрашивает подачки. Терновый венец Спасителя он заложил в Венеции, выкупить не смог, и

---

[1] *Латинская империя*, или *Романия*,— государство со столицей в Константинополе, образованное рыцарями-крестоносцами в 1204 году.

священная реликвия была приобретена Людовиком Святым [1]. Да что там говорить, если Балдуин тем же богатеньким венецианцам заложил собственного сына Филиппа!

Гийом выпил подряд две чарки вина, взгляд его помутнел, а речь стала бессвязной.

Олег с Пончиком переглянулись, кивнули и покинули заведение.

На свежем воздухе хмель малость выветрился. Веяло теплынью, так что Сухов решил остаться как был — в рыцарских латах. Отвязав своего чалого, Олег приторочил к седлу вьючок с шубой и вскочил в седло. Пыхтя, Пончик взобрался на своего гнедого.

— Была империя и не стало...— пробормотал он, всё ещё находясь под впечатлением рассказа барона.

— Знаешь, какая мне мысль в голову пришла? — обратился к нему Сухов.

— Не знаю. Угу...

— Мы тут пока чужие, не обвыклись ещё. Что, если я князю представлюсь странствующим рыцарем?

— А что? — обдумал идею Пончик.— Не так уж и глупо. Угу...

— Пойдёшь в оруженосцы?

— Как Санчо Панса? — подозрительно спросил Шурик.— Намекаешь на мой излишний вес?

— Да Бог с тобою! Намекаю, что к рыцарской службе ты не годен.

— А к чему годен? — пробурчал протоспафарий.— В смысле, что я должен буду делать?

— Повсюду таскаться за мною и оказывать первую медицинскую помощь.

— Ну, это я умею! — повеселел Пончик.

Беседуя на темы будущего возвышения, друзья направились к городским воротам. По дороге их обогнала ком-

[1] Французский король Людовик IX Святой (1214—1270).

пания «чёрных клобуков» — трое степняков сопровождали четвёртого. Этот четвёртый сразу не понравился Олегу. Во-первых, не похож он был на торка или печенега — тех легко было спутать с русским человеком, а этот выглядел чужаком даже для половцев — лицо плоское и тёмное, цвета седельной кожи, глаза совершенно косые, усы длинные свисают, а борода «лопаткой» подстрижена. Во-вторых, держал себя плосколицый до того надменно, что поневоле вызывал раздражение.

Вперив тяжёлый взгляд в Олега, плосколицый словно ожидал угодливого поклона. Не дождался и спросил властно, не тая угрозы:

— Что уставился, орос?

— Тебя не спросил,— ответил Сухов с лёгким пренебрежением.

Глаза чужака полыхнули бешенством, скрюченные пальцы метнулись к сабле в роскошных ножнах, но Олег уже поглаживал рукоять меча.

— Гуляй! — процедил он, страстно надеясь сойтись в поединке с этим неприятным степняком. Но удовлетворения Сухов так и не получил.

По лицу чужеземца пробежала судорога, на лбу выступили капли пота. Чудовищным усилием совладав с собой, он повернулся в седле, «сохраняя лицо».

— Хуррагш! [1] — прорычал чужак.

Повелительный взмах рукой — и все четверо порысили к воротам.

— Он на монгола похож,— неуверенно произнёс Александр и протянул, расширяя глаза: — Слу-ушай... А может, уже монголо-татарское иго наступило?!

— Может,— согласился Олег.

Вдохновившись, Шурик с жаром предположил:

— А этот, с плоской мордой, шпион из Орды! Круто?!

Сухов покусал губу и спросил Пончика:

— У тебя что было по истории СССР?

---

[1] *Хуррагш!* — «Вперёд!» (*монг.*) Надо полагать, именно от этого древнего монгольского клича произошло русское «Ура!»

— Чего-чего? А-а... «Четвёрка», по-моему. А что?

— Даты хорошо помнишь? Когда случилось Батыево нашествие?

Александр задумался.

— Кажется, в тыща двести сороковом,— сказал он без особой уверенности.— Или в сорок первом...

— Чует моя душа,— медленно проговорил Олег,— что скоро мы это узнаем точно. Поехали!

— Куда?

— В Киев.

— В Киев! — эхом отозвался Пончик.— В Киев!

Глава 3,

в которой Олег завоевывает Киев

Сухов с Пончевым, следуя берегом Днепра, миновали Перевесище — охотничьи угодья князя — и выехали к стольному городу.

Первый раз в Киеве Олег побывал ещё в 860-м. В то лето дружина Аскольда-сэконунга спускалась вниз по Днепру, да и решила сделать остановку. Оно и понятно, ведь сэконунг, «морской король», славен воинскими победами, да и только. Лодьи у него имеются, и храбрецов вдосталь, а вот земель нету ни клочка. И решил Аскольд на старости лет обзавестись каким-никаким княжеством.

В ту пору Киева как такового ещё не существовало. Имелась древняя крепость Самбат да пара-другая крошечных посёлков, раскиданных по горам и долам приднепровским. Аскольд хотел сперва зашибить тамошнего правителя Дира, но тот выразил покорность захватчикам, втёрся к ним в доверие — пригожусь, дескать.

И стал Аскольд-сэконунг жить-поживать да добра наживать. А четыре года спустя на пару с Диром отправился мзду требовать с Константинополя, в чём немало преуспел.

К 921 году посёлочки на Горе и Подоле [1] слились в город, а нынче, три века спустя, Киев и вовсе разросся — вона, сколько дымов печных поднимается к небу, а купола золотые блестят как!

За полверсты до городских стен все заросли были вырублены, и деревья, и даже кустарник — не подкрадёшься. На пустыре этом Сухов особенно остро почувствовал всю свою неприкаянность и бездомность. Воистину, один в поле не воин...

«Ну, это мы ещё посмотрим»,— подумал Олег, направляя чалого к южным воротам киевским, прозванным Лядскими. Вскоре он обнаружил, что те заперты, а на стенах полно народу, оружного и весьма воинственно настроенного. И было отчего — полсотни конников вертелись перед вратами. Они носились туда-сюда, гарцевали, поднимали лошадей на дыбки, изредка постреливали из луков.

Что интересно, узкий мост, переброшенный через ров, был цел. Обычно, когда враг приступал к городу, мосты сжигали, а этот, наверное, просто не успели спалить.

Осаждающие весело материли осаждённых, те отвечали такой же похабенью, словно и не воевали враждующие стороны, а так, сошлись потехи ради.

— Видать, подоспел Ярослав Всеволодович,— сделал вывод Пончик.

— Видать,— согласился Сухов.

Всадники-матерщинники заметили парочку и поскакали навстречу. Александр поначалу осадил коня, но Олегов чалый продолжал шагать, поэтому гнедок, потоптавшись, догнал собрата.

Гикая и свистя, конники закружили вокруг «рыцаря с оруженосцем», а после, повинуясь команде, остановились — кони зафыркали, задёргали головами, пыхая паром и звякая уздою.

---

[1] *Гора* — Старокиевская гора, историческое ядро Киева, где располагалась крепость Самбатас («град Кия»), выросшая в X веке до «града Владимира», а после и до «града Ярослава». *Подол* — слобода, предградье Киева, занимавшее низину между Горой и реками — Днепром, Почайной и Глубочицей.

Всадники отличались высокими скулами, были курносы и конопаты, а вот их командир выглядел на варяжский манер — светлокожий был и сероглазый, с чубом цвета соломы. Бросалась в глаза и северная привычка биться в пешем строю — восседал варяг на могучем рыжем рысаке, однако кавалеристом был никаким — держался в седле куль кулем.

Храня невозмутимость, он послал коня вперёд, загораживая Сухову дорогу. Олег хладнокровно завернул чалого, пытаясь объехать старшо́го, но тот, по-прежнему сохраняя каменное выражение лица, подал рысака назад, не давая проезда.

Конники даже привставали с сёдел, дабы не пропустить увлекательного зрелища, и Олег не разочаровал почтенную публику — мгновенно выхватив меч, он с размаху ударил рысака варяжского плоской стороной клинка. Звонкий шлепок мигом сменился диким ржанием — рыжий рванул с места с такой прытью, что всадник почти упал спиной на круп.

Дорога освободилась, и Сухов чуток пришпорил чалого, хотя и не надеялся, что его оставят в покое. Так и вышло — конники, только что скалившие зубы, сурово нахмурили брови и потянулись к оружию.

— Ребята,— ласково заговорил Олег,— убить-то вы меня, конечно, убьёте, но двоих-троих из вас я обязательно прихвачу с собой. Может, и пятерых — это уж как повезёт.

— А вот хрен тебе! — воскликнул молодой воин. Он был без шлема, и его большие, лопухастые уши смешно оттопыривались, алея на просвет.

— Уши побереги,— хладнокровно посоветовал Сухов.

Добрый молодец бросил коня вперёд, сверкнула степняцкая сабля... Нет, прямой меч оказался быстрее — клинок отсёк молодчику левое ухо. Струйки не в меру горячей крови протекли за ворот чешуйчатого панциря.

— У-уй! — по-детски вскрикнул молодчик, мигом растеряв весь гонор.

— Займись им, Понч,— обронил Олег.

Демонстрация силы помогла — двое самых безбашенных всадников кинулись на Сухова, но вот основная масса придержала коней, оценив удар — молниеносный, могущий стать смертельным, но не ставший им.

Парочка наехала на Олега с двух сторон, грозя короткими копьями с крючьями, как вдруг раздался грозный бас военачальника, и копейщики неохотно отступили.

Хмурый командир подъехал поближе и спросил:

— Ай издалека?

— Из греков,— ответил Сухов.

Тут его перебил недовольный голос Пончика:

— Да убери ты свою железяку, дурак! Дай перевяжу!

Все повернулись к пострадавшему, рану которого пытался затампонировать Александр.

— Ну, куда ты руку суёшь?! — орал Пончев, серчая.— Занесёшь заразу — и майся с тобой потом!

— А это кто? — Командир качнул шлемом в сторону Шурика.

— Это мой оруженосец и врач,— ответил Сухов.

— А ты?

— А я — странствующий рыцарь.

— Латинянин небось?

Конники напряглись.

— Мы оба православные,— сказал «странствующий рыцарь».

— А не врёшь? — прищурился «варяг».

— Вот те крест!

Конники расслабились.

— Имя? — осведомился старшой.

— Имён у меня много... Можешь звать меня Олегом.

— И куда ж ты собралси, Олег?

— До князя Ярослава Всеволодовича собралси.

— А на что тебе князь?

— А послужить хочу князю. Ещё вопросы будут?

— Ишь ты, ершистый какой! Думаешь, раз ухо мальцу отчекрыжил, так и всё, в герои выбилсси?

— Могу и голову отчекрыжить,— холодно сказал Сухов.— Ему или тебе, мне без разницы.

— Не ерепенься! — буркнул старшой.— Меня кличут Якимом Влунковичем [1], я у князя воевода набольший, новоторжан [2] в узде держу и за всеми прочими приглядываю. Понял? Во-от... Али ты думал, будто сам Ярослав Всеволодович в дружину бойцов призывает? Не, без моей воли ни один конный али пеший в строй не становитсе! Понял? Во-от...

— А мне в строю делать нечего,— по-прежнему холодно вставил Олег,— вырос я из рядовых.

— Да цто ты говоришь? — съехидничал Яким.

— Что есть, то и говорю,— отрезал Сухов.— Я флотом командовал, тысячи в бой водил, крепости брал. Негоже мне всё сызнова начинать, не юныш какой.

— Так ты, смотрю, в воеводы метишь?

— Согласен и сотником начать.

Влункович довольно крякнул.

— Не, нам такие люди нужны! — осклабился он.— Наглые! Дерзкие! Поставлю тебя десятником. Понял? Во-от... Ежели портки не обгадишь и всё как есть исполнишь, тогда и потолкуем. Лады?

— Лады,— кивнул Сухов.— Чего надо хоть?

— Подол взять приступом! Исхитришься? Вдесятером-то?

— Легко,— обронил Олег.

Полки [3] Ярослава Всеволодовича подступили к Подолу со стороны Почайны — днепровского притока, чьи

---

[1] Реальное историческое лицо.

[2] *Новоторжане* — жители города Новый Торг («пригород» Новгорода Великого), ныне Торжок. *Суздальцы* — здесь не жители Суздаля, а выходцы из Владимиро-Суздальского княжества, в данном случае переяславцы.

[3] Надо заметить, что к XIII веку понятие «дружина» претерпело изменения. Под дружиной понимался «княжой двор» — личное войско князя из его придворных. А полки формировались («нарубались») из воев-ополченцев по принципу «1 воин на коне и в доспехе полном (конно и оружно) с 10 сох». Если же возникала прямая и явная угроза, то воина выставляли и с 4 сох. (Соха — это единица поземельного налога, именно соха облагалась податями. К примеру, новгородская соха равнялась 3 обжам, а обжа — это та площадь земли, которую обрабатывал один человек — с конным плугом, но без помощников).

тихие воды образовывали удобную гавань. Но это летом, а сейчас, на перепаде между зимою и весной, Почайну скрывала толстая кора льда. А сам лёд прятался под возами с сеном на корм лошадям и санями с припасами для войска, под палатками и шатрами, бойцами конными и пешими — тут их собралось несколько тысяч. Вои-новгородцы и новоторжане стояли вместе, суздальцы держались наособицу — распри делили не одних лишь князей, весь народ разводили они, сея рознь и вражду «межи человеки».

За пологим берегом поднимался не шибко высокий земляной вал, укреплённый острогом — частоколом из толстых брёвен с острёными верхушками. В одном месте линия укреплений прерывалась, оставляя проход,— его запирали мощные ворота.

Над крепостной стеной то и дело показывались головы защитников, качались наконечники копий, вылетали стрелы, пущенные навесом, но оборона шла вяло.

Дворяне и вои кучковались на льду Почайны, проверяя оружие, подтягивая завязки на панцирях и успевая лениво переговариваться:

— Како ся урядим, братие?

— Таран нужон, без тарана — куда?

— Да где ж ты таран возьмёшь? Близ городу больших деревьев не сыскать!

— Раньше надо было думать.

— А нам по чину не положено, это пущай князюшка думает!

— Верно баешь! Приказу такого не было, чтоб таран мастерить. Вот и стой.

— Да цего ж стоять зря? На льду-то? Дубеешь как дурак!

— А ты дубей как умный! Вона, лунку проколупай и рыбку лови. Удом своим! Не отмёрз ишшо?

— Почнём, что ли?

— Куда торописсе, кулик [1]?

---

[1] *Кулики, сальники* — обидные прозвища суздальцев.

— А чего сразу — таран? Што, на воротах белый свет клином сошёлси? Глянь, тын какой — не низок, не высок. В самый раз!

— Лестницу надо, да не одну.

— Во-во! А никто не побеспокоилси!

— Да успокойтеся вы! То таран им, то лестницы... Чего скажут, то и делать станем!

Олег оглядел свой большой десяток. Да-а... Зря он заподозрил Якима Влунковича в симпатиях к своей персоне — воевода отдал ему под руку ополченцев, набранных в новгородской глуши,— увальней в армяках и лаптях, вооружённых топорами и луками. Худые вечные [1] мужичонки, охотники-лесовики — вот такой у него личный состав. Новики все, салабоны-новобранцы. Редко у кого из них имелся шлем, а панцирь был в единственном числе — на румяном, кудрявом парне, гордо назвавшимся Олфоромеем Лысуном. Выучкой же, опытом боевым, похвастаться не мог ни один — схватки с медведями и волками не в счёт.

Десяток без особых проблем подчинился новому командиру. Кое-кто, правда, дозволил себе поартачиться, но пара зуботычин привела строптивцев ко смирению.

— Скотина этот Влункович,— громко прошептал Пончик.— Он же тебе мстит, на смерть посылает!

— Помнишь, как в былинах богатырь говаривал? — тихо сказал Сухов.— «Не бывать тому!»

Обернувшись к своему десятку, что перетаптывался, сбившись в кучу, Олег громко спросил:

— Кто из вас белке в глаз попадает?

Новики заулыбались со снисхождением — экий у них десятник глупый!

— Да все и попадают,— ответил Лысун.— Как иначе-то? Мы-ить все промыслом живём, шкурок не портим!

— Отлично...— медленно проговорил Сухов.— Тогда слушай мой приказ. На тебя, Олфоромей, вся надёжа — побудешь возницей. Вон, видишь телегу с сеном? Погонишь её к воротам!

---

[1] *Вечные мужики, вечники* — миряне с правом голоса на вече.

Объяснив каждому его манёвр, Олег напялил шлем на голову, в правую руку взяв меч, в левую — горящий факел. Олфоромей обошёл кругом телегу — здоровенные дроги, запряжённые парой могучих волов. На дрогах пошатывалась в неустойчивом равновесии целая гора сена.

Перекрестившись, Лысун взгромоздился на козлы, стегнул бичом, страгивая с места ленивых животин, и дроги покатились к воротам. Остальные бойцы из Олегова десятка выстроились в ряд и начали обстрел вражеских позиций. Они никому не позволяли высунуться над частоколом, чуть кто покажется — тут же слали стрелу. Кому-то из защитников Киева повезло — успели пригнуться, а кому-то и нет — пустили им стрелу в глаз, как той самой белке.

Войско Ярослава Всеволодовича притихло, с интересом наблюдая за потехой. Дружинники-дворяне не верили, что какие-то новики способны на подвиги воинские, и готовились потихоньку к приступу, исподволь наблюдая за «бельчатниками», подшучивая и пересмеиваясь.

Меж тем Олфоромей Лысун загнал дроги под самые ворота. Повинуясь жесту десятника, двое новиков — Олекса Вышатич и Ратша Гюрятич — подбежали на подмогу. Поднапряглись, втроём опрокинули кучу соломы, да бегом отвели дроги — в тыл.

Сухов швырнул факел. Сено задымилось, погнав белые, плотные клубы, и вспыхнуло. Яркое пламя заревело, вздымаясь выше острога, а когда солома опала грудой раскалённой трухи, гул и треск огня лишь усилился — горели ворота. Сухие брусья лопались, брызгая смолой и нагоняя такой жар, что снег стремительно отступал от ворот, протаивая кругом до парящей земли.

— Ну, дела...— выдохнул Олфоромей, зачарованно следя за прогоравшими воротинами.— Эхма!..

Олег хлопнул его по широкому плечу.

— Готовься! — сказал он.— Запрягай, как я сказал.

— Задом наперёд?

— Ну!

Лысун с Ратшей сноровисто перепрягли волов, поставив тех мордами к телеге.

Городовые полки уже не подсмеивались — на их глазах «бельчатники» ковали победу. Новгородцы, новоторжане, переяславцы настороженно наблюдали за действиями Олегова десятка, а «бельчатники» словно стряхнули с себя былую неуклюжесть, обрели уверенность, задвигались быстро и чётко, без суеты.

— Давай! — рявкнул Олег, углядев, что ворота достаточно прогорели, и махнул рукой.

Олфоромей как пошёл стегать волов, как те замычали, как заработали ногами бешено, разгоняя пустые, грохотавшие дроги перед собою, как те врезались в обуглившиеся створки! Ворота не рухнули, но отворились с грохотом, разламываясь и поднимая тучу искр.

Олег первым ворвался в Киев, за ним, издавая восторженные вопли, рванули его новики.

— Ура-а! — заорал Пончик.

Невеликое число осаждённых мигом оставило стены, удирая по кривым подольским улицам, скача по огородам, перепрыгивая через плетни... Победа!

— Стой! — заорал Сухов, придерживая разгорячившийся десяток.— Подождём отстающих.

Возбуждённые новики сгрудились вокруг своего десятника, довольно похохатывая. Уделали они-таки заносчивых сальников из Переяславля! Утёрли носы дворянам!

А ополченцы повалили в догорающие ворота, сотня за сотней, полк за полком, с удивлением и неверием поглядывая на «лапотников», пыжащихся от гордости за содеянное.

Мимо проскакала «Золотая сотня» княжеская, особенно нарядная — все в блестящих кольчугах, с вызолоченными пластинами на груди, изображавшими дерущихся львов, с флажками на копьях, с малиновыми щитами миндалевидной формы. И вот показался сам князь Ярослав Всеволодович.

Это был плотный невысокий мужчина, из тех, про которых говорят: «Ладно скроен, крепко сшит». Недостаток роста скрадывался горделивой осанкой, подтянутостью и выправкой. Лицо князя дышало силой, всё в нём выдавало натуру властную и решительную — плотно сжатые губы, хищный нос, густые, нахмуренные брови,

похожие на мохнатых гусениц. А вот глаза... Глаза Ярослава Всеволодовича тревожно бегали, щурились или расширялись, отражая коварство и хитрость, понуждая тонкие губы кривиться в недоброй улыбке.

Князь ехал на великолепном белом коне, рассеянно слушая Якима Влунковича. Придержав коня рядом с Олегом, Ярослав Всеволодович спросил воеводу:

— Он?

— Он, княже,— поклонился Яким.

— Эва как...

Князь с интересом оглядел Сухова, а тот стащил с себя шлем и низко поклонился.

— Ну, не расхотел ли служить мне? — спросил Ярослав Всеволодович с хитрой ухмылочкой.

— Не расхотел, княже,— ответил Олег Романович.

— Тогда ступай за мной, рыцарь. Порадовал ты меня. Ей-богу, порадовал!

Сухов скромно пристроился сбоку от князя, почтительно отстав на полкорпуса, и махнул рукой своему десятку и Пончику: поспешайте следом!

А войско между тем подходило и подходило, на рысях следуя кривыми улицами Подола, растекаясь в поисках удачи и добычи. Вот уже где-то заголосил, запричитал визгливый женский голос, проклинающий грабителей, завизжала насилуемая девушка, а уж предсмертные хрипы мужиков, встающих на защиту родного дома... Кто ж их расслышит за топотом копыт и лязгом оружия?

Vae victis... [1]

Глава 4,

в которой Олег наживает себе врагов

Ни бревенчатых домов, ни беленых хат на Подоле не стояло, киевляне проживали, в основном, в жилищах

[1] *Vae victis* — Горе побеждённым (*лат.*).

типа фахверков — сооружали бревенчатый каркас из стояков, откосин и перекладин, а пустоты заполняли кирпичом-сырцом. Получалось что-то среднеарифметическое между северными избами и южными мазанками. Оно и понятно — глинобитный дом попросту размоет весеннее половодье, а вот фахверк выстоит. Ремонта потребует, конечно, но выдюжит накат вешних вод. А изба... Не тот лес на Днепре, чтобы избу ставить. Степь рядом.

Улочки подольские были нешироки, дома зажимали их плотно, стена к стене, часто возносясь на пару этажей, а бывало, что и на все три. Внизу не жили, и высокие крылечки поднимались на столбах до второго этажа, куда и вели ступени лестниц и где отворялись двери. Было легко догадаться, кто на улице богаче, а кто беднее,— состоятельные киевляне чаще белили стены, а крыши не соломой крыли или камышом — тёсаный лемех ладили, даже плитками шифера выкладывали.

Однако намётанный глаз Олега примечал отнюдь не архитектурные излишества — было видно, что Подол терпит второе нашествие за зиму. Раз за разом попадались пожарища, открывавшие взгляду маленькие огородики, окружённые плетнями, частенько поваленными, а снег был истоптан копытами коней. Видел Сухов и двери, порубленные топорами, и запертые ставни, в которых застряли наконечники обломанных стрел. Надо полагать, дружина Изяслава Мстиславича порезвилась вволю, а теперь пришёл черёд Ярослава Всеволодовича.

Что и говорить, не везло Киеву, многих князьков притягивал великий стол. Тринадцатый век только начался, считай, а сколько уже раз город приступом брали — в 1202-м, в 1203-м, в 1207-м, в 1210-м и ещё, и ещё... И всякий раз князья-штурмовики смерть сеяли и насилие, брали жителей в полон, грабили их почём зря. Хуже ворогов были свои же, проклятые черниговские Ольговичи, волынские Изяславичи, смоленские Ростиславичи, суздальские Юрьевичи!..

— Не понимаю,— буркнул Пончик, хмуро оглядываясь,— почему князь ведёт себя как захватчик? Ему ж с этими людьми жить! Угу...

— Почему...— усмехнулся Олег.— А чтоб боялись, Понч. Чтоб и пикнуть не смели! Ярослав не отдаст Киев на поток и разграбление. Скоро он прижмёт своих, но... не сразу. Пускай уж поозоруют, возьмут своё, оттянутся по полной. После князю с воеводами легче будет их строить да школить. А как утихнет беспредел, киевляне ещё и благодарить станут Ярослава!

— За что? — проворчал Александр.— Что не всех поубивали?

— Именно, Понч!

Войско продвигалось по Боричеву току, главной улице Подола, ведущей от пристаней на Почайне к Верхнему городу. Улица была пуста — ни души. Дворяне проезжали мимо затворённых дверей, опасаясь бесчинствовать на глазах у князя, и завидовали ополченцам, избравшим параллельные улочки,— оттуда неслись заполошные крики и весёлая ругань. А князь Ярослав и ухом не вёл — ехал себе да на солнышко щурился.

Боричев ток вывел Олега на вечевую площадь, где в гордом одиночестве возвышалась церковь Успения Богородицы Пирогощи, и мало-помалу на подъём пошёл, прозываясь уже Боричевым взвозом.

Заорали воеводы, призывавшие бойцов, им вторили сотские и десятники, спускавшие приказ до подчинённых,— впереди поднимались стены Верхнего города, а Боричев взвоз утекал под ворота громадной въездной башни. Дружинники построились, припоздавшие вои поспешали за братией, торопливо пряча за пазуху шейные гривны и бусы, браслеты и даже меховые шапки — все те «пенки», которые удалось снять с мирного населения.

Полки были настроены воинственно — лёгкая добыча раззадорила бойцов, они готовы были штурмовать Подольские ворота, запиравшие проход на Гору.

— Цегой-то ты сена не прихватил? — обратился Яким Влункович к Олегу, приоткрывая в ухмылке крупные жёлтые зубы.— Али раздумал огнём баловаться?

Сухов усмехнулся в ответ, примечая оживлённое шевеление на воротной башне. И не простые воины суетились, толкаясь за парапетом, а кое-кто поважней, в соболях да в бархате.

— Солому пожалей,— сказал он.— Ворота необязательно жечь.

— А цего?

— В них можно просто войти,— проговорил Олег с усмешечкой, глядя, как вздрагивают створы Подольских ворот, и добавил, как гостеприимный хозяин: — Прошу!

Воевода даже рот раскрыл от изумления — ворота открылись, распахиваясь настежь, и в глубине арки показалась процессия — плотным строем вышли бояре под предводительством толстого архиепископа.

Ярослав Всеволодович подбоченился, не покидая седла, а «вятшие люди града Киева» низко поклонились князю.

— Исполать тебе, Ярослав свет Всеволодович! — гулким басом пророкотал архиепископ.— Войди во град сей и блюди его по всей правде [1]!

Князь, обретающий приставку «великий», ничего не ответил, только кивнул небрежно и тронул с места коня. Бояре расступились, пропуская Ярослава Всеволодовича за стены Верхнего города.

Выехав на свет божий, Сухов понял, что боярство киевское прогибалось не зря и смогло-таки расположить к себе нового правителя — стража вывела пред светлы очи князевы прежнее руководство — Изяслава Мстиславича, растрёпанного парня лет тридцати, с полным лицом, щекастым и губастым.

— Казнить не стану,— снисходительно молвил Ярослав Всеволодович,— милую! Бери коня, бери дружину и ступай с Богом.

---

[1] Подразумевается «Русская Правда» — свод законов. Исполать — выражение, заимствованное из греческого, означает «хвала, слава».

Мстиславович поглядывал на князя переяславского исподлобья. Полные губы его вздрагивали, пухлая щека подёргивалась. Ни слова не говоря, Изяслав развернулся и вскочил на подведённого ему коня, подав знак малой дружине — сплошь из половцев, смугловатых степняков в стёганых халатах и доспехах из бычьей кожи. Почти у всех у них на головах были островерхие шлемы с интересными откидными забралами, изображавшими человеческие лица в металле — будто маски посмертные.

Половцы, в отличие от своего предводителя, молчать не стали — загикали, засвистели, завыли и вихрем унеслись за ворота (с этого дня Изяслав Мстиславович всё равно что умер — никто с ним, отовсюду изгнанным, не водился более).

А великий князь Ярослав Всеволодович отправился далее, шествуя, что твой триумфатор,— окружённый «Золотой сотней» под командованием верного окольничего [1] — Акуша, проныры родом из Бостеевой чади [2]. За княжьими мужами ступали полки новгородский, новоторжский и переяславский.

— На тебя уже зыркают,— негромко сказал Пончик, склоняясь в седле к Сухову.

— Акуш и Яким? — промурлыкал Олег, щурясь.

— Они! Соперника почуяли. Угу...

— Пускай чуют, Понч. Живее бегать станут, а то раздобрели на княжьих-то харчах!

Сам же Сухов «зыркал» на Киев. Такого Верхнего города он не застал в прошлом, а до будущего тутошнее великолепие не дотянет, найдётся кому разнести всё по кирпичику.

Уж и вовсе по-царски выглядел Бабин Торжок — площадь у Десятинной церкви. Здесь красовалась бронзовая

---

[1] *Окольничий* — придворный чин и должность, занимал второе место после боярина. Служба окольничего заключалась в устройстве всего необходимого для путешествия князя («устроить путь и станы для государя»), но мог и полк возглавить.

[2] *Бостеева чадь* — род (колено) половецкого народа, названный в честь прародителя. Летописи упоминают Бостееву и Чаргову чади, роды Вобургевичей, Бурчевичей, Токсобичей и Улашевичей.

квадрига [1], вывезенная князем Владимиром из Херсонеса,— гридни стащили её с триумфальной арки Феодосия. До кучи князь прихватил и статуи мраморные, изображавшие Афродиту, Артемиду и Геру.

«Бабами» обычно назывались истуканы-балбалы, воздвигнутые кочевниками на курганах. Может, оттого и площадь была прозвана Бабиным Торжком? Какая богобоязненному христианину разница, прекрасное изваяние ли воздвигнуто на постамент или грубое творение варвара? Всё одно — идол...

С трёх сторон площадь замыкали княжьи дворцы. Самый большой из них располагался к западу от Десятинной церкви. Трёхэтажное строение простиралось двумя крыльями, выстраивая редкие колонны, выставляя напоказ яркий фасад, облицованный мрамором и плинфой. Лепота!

Ярослав Всеволодович спешился у парадного входа и сказал Якиму, оборотясь:

— Пошли людей верных на Подол, пущай осадят воинство, а то забалуют.

— Всё сделаю, как велишь, княже,— поклонился воевода.

Дождавшись, пока великий князь скроется в палатах, и уже не пряча усмешечки, Влункович приблизился к Сухову.

— Слыхал? — сказал он.— Даю тебе ишшо две сотни новиков из полку Косты Вячеславича, хватай их — и на Подол! Наведи порядок. Понял? Во-от... Ежели «баловники» не послушают сразу — заставь!

— Сделаем,— пообещал Олег.

— И вот чего ещё...— Яким помялся, но договорил: — Ты больно-то роток не разевай на милости великокняжеские. Понял? Во-от... А то зашью!

— Не грози, Влункович,— улыбнулся Олег неласково.— Не тебе решать, кого князю одарить, а кого ударить. Понял? Во-от...— передразнил он воеводу.

---

[1] *Квадрига* — упряжка из четырёх лошадей. У эллинов — *тетрипна*.

— Врагов ищешь? — вкрадчиво проговорил воевода.— Мотри, обрящешь на свою голову!

— Своих врагов я всех похоронил,— холодно ответствовал Сухов.— Не набивайся ко мне в неприятели, Яким, проживёшь дольше!

Воевода скрыл гнев, только глянул на Олега пристально, а после махнул рукой, подзывая ополчение. Новики — пешие, без броней, вооружённые чем попало,— всей толпой шагнули к Сухову...

...Олег спускался по Боричеву взвозу и думал, не слишком ли круто он портит отношения с Якимом? Обмозговав это дело, пришёл к выводу, что выбрал верный путь. Как себя поставишь, такое тебе и уважение окажут.

Кивая своим мыслям, Сухов выехал на Боричев ток и развернул коня. Оглядел свои сотни — передние столпились, задние догоняли бегом. Ждут. Верят. Аж рты раскрыли от усердия.

— Кто из вас мечом обзавёлся? — громко спросил Олег.

Над толпой поднялся один-единственный клинок.

— Ясно,— кивнул сотник.— Ну, про топоры не спрашиваю...

— А цего? — удивился Олекса Вышатич, вскидывая секиру.— Имеетсе!

— Князь приказал воев своих к порядку призвать,— терпеливо объяснил сотник,— чтоб не озоровали особо и местных не обижали зря. Вои те не раз в походы хаживали, князь их с собой и на Литву водил, и под Псков, и Чернигов воевать. Вы же все новики, в первый раз на войне...

— А цего...— вякнул Олекса, и на него зашикали.

— А того,— хладнокровно сказал Сухов.— Я вам всё это не потому толкую, что вы распоследние. Запомните: вступать с воями в ближний бой вам запрещается! А к дворянам даже близко не подходите и их к себе не подпускайте! Луками пользуйтесь, понятно? Если я прикажу этим воякам закругляться и уматывать, а те не послушаются — гоните их! Вон, у кого копья, в первом ряду пойдут.

Тычьте их в бочины, задницы колите — и держите на длине копья! Только чтоб все вместе шагали, плечом к плечу. Уразумели?

— Нешто мы без понятия? — пробурчал Олфоромей.

— Вот и прекрасно. А чтобы вои сами на вас не кинулись, луки примените — тупыми стрелами в шею метьте, а острыми — в ногу, в руку... Не дойдёт — в пузо натыкайте! Понятно?

— Ага! — прокатилось по толпе.— Понятно, цего там... Ясно дело!

— Ну, раз ясно, тогда вперёд.

Первыми на пути новиков попались свои же новгородцы — человек двадцать здоровяков увлечённо громили лавку, мечами раздирая тюки, секирами вскрывая сундуки.

Сам купец в отчаянии метался вокруг, всплескивая руками и упрашивая налётчиков оставить ему хоть что-нибудь. Новгородцы хохотали в ответ и добродушно отмахивались от назойливого киевлянина, продолжая делить ценные вещи.

— Не трогать! — гаркнул Олег, подъезжая и кладя руку на меч.

Здоровяки, те из них, кто располагался ближе к дверям лавки, остолбенели. Иные же, из тех, кто забрался поглубже, не слыхали ничего, поглощенные изыманием чужого добра.

— Глянь-ко, Фрол! — доносились их глухие голоса.— Никак, сукно... Доброе!

Новгородец, что стоял в дверях, с кудрявенькой бородкой и перебитым носом, оглянулся на Фрола. Снова оборотился к Сухову, растягивая рот до ушей, словно в предвкушении скорой веселухи. На шее у него болталась целая связка лисьих да куньих мехов, а за полурасстёгнутый панцирь была напихана бухарская хлопчатая зендянь — лазоревая, с белыми цветами.

— А эт-то цто тако? — вопросил он гнусаво.— Цто это за лёв-звирь выискался, рыкает на нас? Да страшно-то как, я аж убоялси!

Из лавки стали выглядывать прочие любители поживы, и купец, поозиравшись, бросился к Олегу, на колени пал.

— Убереги! — взвыл он.— Последнего лишают!

— Замолкни, купечь! — прикрикнул на него здоровяк.

— Княжье дело! — провозгласил Сухов.— Ярослав Всеволодович приказал местных не обижать. Ну-ка, вернули всё на место, и марш отсюда!

Новгородцы переглянулись и загоготали — от души, радуясь силе своей, здоровью крепкому, воле и скорому развлечению.

— Слышь-ко,— заговорил с угрозой ополченец с перебитым носом,— мотай отседова, а то допросиссе!

— Слышь, гугнявый,— ответил ему в тон Олег,— ты вон зендянцу хапнул, а заплатил ли?

Вой оскорбился и потянулся за мечом.

— Олфоромей,— негромко сказал Сухов, и в тот же миг тупая стрела ударила новгородца в шею, рассекая кожу до крови и вырубая добра молодца на счёт «раз». Гугнявый, где стоял, там и упал, выстелился на пороге. Товарищи его растерялись сперва, а в следующее мгновение поперли, памятуя, что штурм и натиск — средство посерьёзнее ума-разума.

Олег не страгивал коня с места, не слезал с седла, даже меч свой не выхватил. А вот новики выстроились вокруг, в несколько рядов, и только приказа ждали, наложив стрелы, готовясь растянуть тетивы.

— Взялись! — рявкнул Сухов.

Десятки стрел пропели, втыкаясь новгородцам в руки и ноги. Вои спотыкались и падали, летели кувырком по грязному снегу, роняли оружие, сталкивались друг с другом. Лишь один, самый быстрый, самый вёрткий, добрался-таки до Юрка, робкого, тишайшего мужичка, и всадил в того меч.

— Юрко! — взвыл Олфоромей, бросаясь на выручку с копьём наперевес.

Напор его был так страшен, что наконечник прободал вёрткому и панцирь, и рёбра. Новгородцы застыли в растерянности, а вот новики-копейщики не дрогнули, мигом

окружили «озорников», щекоча тех наконечниками на уровне живота и удерживая на дистанции.

— Юрко! — простонал Лысун и вдруг оборотил к ополченцам лицо, искажённое яростью.— Вы пошто другана моего зашибли?! — заорал он.— Всех перережу! Всем кровь пущу!

— Успокойся, Олфоромей,— твёрдо сказал Олег.— Ты уже взял плату за смерть Юрка, не пачкай душу зазря.

Лысун увял.

— Скидываем оружие и брони! — приказал Сухов новгородцам.— Складываем в одну кучку, а что награбили — в другую. Живо!

Под пение натянутых тетив вои быстро поскидывали дедовские кожаные панцири с бронзовыми накладками, шлемы, мечи, ножи, секиры — всё это звякало и лязгало, а рядышком ложилась груда чужого добра, едва не ставшего добычей. Ткани и меха шелестели и шуршали.

Новгородцы без броней, без оружия, без славы стояли, перетаптываясь и сжимая могучие кулаки. Они поглядывали из-под нахмуренных бровей, мрачно и тяжело, но уже не полагались на удачу — лучник метнёт стрелу быстрей, им за новиками не поспеть...

— Вон отсюда,— холодно приказал Олег.

— Куда? — просипел гугнивый.

— Да хоть к чёрту.

— Брони наши...

— Были ваши, стали наши.

— Отдай...— засопел новгородец.

— А ты отними,— усмехнулся Сухов.

— Дорогие оне...

— Ещё раз вякнешь, отправишься на Гору босиком!

Гугнивый посопел только перебитым носом, сгорбился, да и побрёл в сторону Верхнего города. За ним двинулись остальные.

Новики расступились, опасливо посматривая на воев, но уже прорезались на их напряженных лицах победительные улыбки. Они-таки одолели заносчивых ополчен-

цев! Заставили их поступить по-своему! То-то будет разговоров, когда они вернутся в родные деревни!

Проводив взглядом удалявшихся воев, Олег повернулся к своим сотням и пальцем указал:

— Копейщики Олфоромея и вы, стрелки... Кто там над вами?

— Станята! — раздался одинокий голос.

— ...И стрелки Станяты. Разбирайте брони и оружие, оно ваше. И за просто так никому не отдавайте, разве что за выкуп хороший.

Новики, не веря своему счастью, загомонили, накинулись на кучу амуниции и холодного оружия, быстро и толково поделили — тебе, Станята, эта бронь не по мерке, широк больно. Матерущий, беда! Бери вон ту, глянь, как переливаетсе! Тебе, Олекса, меч и ножны, тебе, Радько, сабля половецкая!

А уж купец едва не плакал от счастья, сапоги Олеговы целовать кинулся.

— Угомонись,— улыбнулся Сухов,— и послушай моего совета — переберись в другое место, со всем скарбом — от греха подальше.

— Так и сделаю! — с жаром уверил его купец.

А новики отправились дальше. У Пирогощи они разняли дерущихся вояк — сцепились новоторжане с переяславцами. Как выяснилось — не поделили серебряные подсвечники, спёртые в Успенской церкви.

— Вот она, феодальная раздробленность,— молвил Пончик назидательно.— У себя дома небось и свечку не стырят, а тут как будто язычники прописаны, тут можно — чужие же все!

— Ты прав как никогда,— согласился Олег и крикнул Олфоромею: — Пусть разуются!

— Да куды ж нам без сапог? — возмутился кто-то из новоторжан.— Снег же!

— А это тебе епитимья [1] такая! Не будешь храмы осквернять. А ну, дуйте отсюда!

---

[1] *Епитимья* — наказание.

Ойкая, кряхтя, матерясь, разутые вояки понеслись к Горе, смешно ковыляя и вздёргивая босые ноги.

Олег объехал всю вечевую площадь, где обычно шёл торг, проверил садики и закоулки за Туровой и Михайловской божницами и уже хотел было вернуться к своим, когда мимо проскакал «чёрный клобук» на сером коне. На мгновение из-под капюшона выглянуло плоское лицо. Эге... Никак старый знакомый!

— Стоять! — крикнул Сухов, но плосколицый не послушался, свернул в неприметные воротца, за которыми расставлял кривые ветки вишнёвый садочек.

Олег проскакал в объезд — пусто. И тут с соседней улицы выехали двое «чёрных клобуков» — один на чагравом коне, опоясанный по-воински, с саблей в красных сафьяновых ножнах, а другой... Другой, оседлавший неприметного серого мерина, ехал, сгорбившись, перепоясанный простою верёвкою. Похоже, это не «чёрный клобук» вовсе, а особа духовного звания — из-под чёрного плаща с пелериной и капюшоном выглядывала белая туника. Надо полагать, монах-доминиканец [1].

Всадники на чагравом и сером свернули и разъехались. Неплохо придумано — мелькнуло у Олега. За двумя монахами погонишься, ни одного не поймаешь.

И Сухов последовал за ехавшим на чагравом. Всадник не оборачивался, пока не завёл Олега на старое пожарище, где переминались кони троих «чёрных клобуков». Засада? Если это ловушка, то он легко — и очень глупо — угодил в неё.

Тут всадник на чагравом обернулся, и Сухов узнал плосколицего.

— Ой-е! Какие люди! — сказал «монгольский шпион» насмешливо.— Не пойму, урус ты или урум [2]?

---

[1] В 1228 году доминиканцы во главе с братом Яцеком (Гиацинтом) основали в Киеве монастырь своего ордена, дабы содействовать «воссоединению православных князей и епископов с Римом».

[2] *Урус* или *орос* — русский; *урум* — ромей, грек (*монг.*).

— Я и тот и другой,— ответил Олег.— А ты-то кто, «копчёный» [1]?

— Дзе-дзе, какой отчаянный,— поцокал языком плосколицый.

Трое «чёрных клобуков» — то ли друзья «копчёного», то ли подчинённые,— схватились за сабли.

— Дозволь убить его, Бэрхэ-сэчен! — воскликнул степняк с длинной бородкой, заплетённой в косичку.

— Не сейчас, Савенч,— остудил его пыл Бэрхэ-сэчен и добавил что-то на непонятном, но звучном языке. «Чёрные клобуки» расхохотались и повернули коней.

Покусывая губу, Сухов поглядел им вслед. Странно... Он-то был уверен, что монах, пересевший на серую лошадь,— это уловка Бэрхэ-сэчена, простейший способ пустить по ложному следу. А выходит, что его как раз и уводили от бенедиктинца, или кто он там.

— Дело ясное,— проговорил Олег,— что дело туманное...

Глухой стук копыт по мёрзлой земле загулял эхом меж двумя рядами домов, и к Сухову подскакал Олфоромей Лысун. Беспокойство на его лице сменилось облегчением.

— Еле нашёл...— проворчал он и кивнул в сторону отъезжавших «чёрных клобуков»: — А кто это?

— Да так, враг один,— пожал Сухов плечами.— Поехали отсюда.

С вечевой площади новики углубились в переулки, выходившие к замёрзшему ручью, незамысловато прозванному Ручаем,— и на первом же перекрёстке столкнулись с сотней Акуша. Половец осадил коня и крикнул:

— А вы чего здесь?

— Княжью волю исполняем,— бодро ответил Олег,— оберегаем покой мирных жителей.

— Это нам приказано было! — возмутился приятель Акуша по имени Сатмаз, как бы заместитель окольничего.— А вы давайте, мотайте отседова!

---

[1] *«Копчёный»* — обидное прозвище для степняка.

— А ты нас прогони,— сказал Сухов с ласковостью в голосе.

Новики, насторожившись было, задвигались посмелее, заулыбались. Акуш, успокаивая грызущего удила коня, похлопал его по шее и заговорил:

— Ты, как я погляжу, совсем страха не чуешь? Не много ли воли взял?

— Мне хватает.

— А почто брони отобрал у новгородцев?

— Что, уже мамке нажаловались? Ты знаешь, Акуш, у нас, у рыцарей, есть обычай такой. Мы, когда на турнирах в поединках сходимся, то проигравший отдаёт победителю свой доспех. Вот и мои тоже выиграли... Ну что, Акуш? Расходимся? Или турнир затеем?

Окольничий криво усмехнулся.

— Обойдёшься. Мне твой шлем ни к чему.

— Ну, прощевай тогда.

— Свидимся ещё,— выцедил половец.

— В любое время, Акуш.

«Золотая сотня» ускакала, поигрывая мечами, булавами, саблями. Глухой топот копыт затих, затерялся в путанице улочек Подола. Олег осмотрелся — дома, дома, дома... Дерево скрюченное. Слякоть внизу, хмарь вверху. Сухов почувствовал внезапный упадок сил. Чего ради стремиться куда-то, добиваться чего-то? Смысл в этом какой? Вот зачем он сразу двоих врагов нажил? Каких двоих? А третий? Этот-то, плосколицый который? Ну вот, значит — троих. Зачем, спрашивается? Что за дурацкая манера — сначала создавать трудности, а потом их героически преодолевать? Чего он, вообще, добивается? Тёплого местечка при великом князе? А оно ему надо? А что ему тогда нужно? Чего он по-настоящему хочет? Не из того убогого выбора, что предлагает ему время, а вообще?

«Ты ещё смысл жизни поищи!» — зло скривился Олег. Хватит! Довольно. Устал он, наверное. Ясное дело, устал! В веке десятом скакал с восхода до полудня, а в веке тринадцатом опять, по новой, рассвет встретил. И весь день

то на ногах, то в седле, а солнце-то село уже, темнеть скоро начнёт.

Житейские дела вернули Сухова к реалу. Тут не до депрессии, думать надо, где ему ополчение разместить да чем кормить две сотни здоровых лбов. Вернуться на Гору? Тогда вместо ужина «подадут» разборки...

Додумать и решить Олегу помешал недалёкий девичий крик. Встрепенувшись, Сухов развернул коня и поскакал на звук, пока не оказался на улице под названием Пасынча беседа. Там стояла старинная Ильинская церковь, а наискосок от неё ещё более древнее сооружение — приземистое жилище хазарского наместника-тудуна, который некогда подати собирал с киевлян (Аскольд того тудуна вздёрнул на ближайшем дереве, а местным посоветовал дань ему нести).

Тут-то они и собрались — четверо вояк с Горы, пьяных и мерзких, прижавших к стене резиденции тудуна девушку. Шубу с неё уже сдёрнули, и теперь грязные пальцы тянулись к расшитому нагруднику, похожему на распашонку, накинутому поверх длинной белой рубахи.

Олег на скаку покинул седло, с разбегу вонзая меч в спину ближнему из насильников. Лезвие вышло спереди, разваливая печень.

Трое собутыльников оказались не настолько пьяны, чтобы уж и вовсе растерять бойцовские качества. Они махом обернулись к шестому лишнему, выхватывая из ножен сабли да мечи. Сухов стал отступать, уводя троицу от девушки, но та и не думала сбегать, только что шубку подхватила да на плечи накинула.

Трое рубак — это сила, если при этом они не будут мешать друг другу. Поединок требует простора, чтобы было куда отступить, куда отскочить, а вот когда напавшие на тебя давку устраивают... Им же хуже.

Вои ожесточились — кроили мечами без устали, не давая Олегу продыху. Сухов понемногу отступал. Неожиданно вляпавшись в свежую коровью лепёшку, он поскользнулся, но не упал, утвердившись на колене. Один из нападавших вырвался вперёд — вонючий мужик с бо-

родой, выпачканной в подливке, в сорочке тонкого белого полотна, шитой цветными шелками и облитой вином. Вот в эту-то винную кляксу и попал клинок Олега — пятно мигом расплылось, набухая хмельной кровью.

Изнемогая, отбивая удары, рубящие сплеча и секущие наотмашь, Сухов медленно, содрогаясь от натуги, поднялся во весь рост — и уложил третьего, грузного, в кольчуге и пластинчатом доспехе, но без шлема, с головой, обритой наголо и покрывшейся бусинками пота.

Бритоголовый упал беззвучно — остриё меча вошло ему под выпяченную нижнюю челюсть. Обратным ударом Сухов поразил четвёртого, худущего, с брыластым лицом. Худой растянулся «звёздочкой», раскинув костлявые руки и тонкие ноги.

Тяжело дыша, Олег постоял, унимая бешеное сердцебиение, вяло обтёр клинок об рубаху бритоголового и вернул меч в ножны.

А тут и новики подтянулись. Топоча, как табун лошадей, они вывернули из переулка.

— Живой ле?! — заорал Олфоромей и тут же крикнул, оповещая своих: — Живой!

— Прости, что не поспели,— выдавил Станята, отпыхиваясь и с ужасом оглядывая череду мертвяков.— Ох ты, мать честная... Да сколько их тут! Батюшки...

— Ты как дунул верхом,— с ноткой обиды сказал Пончик,— а мы пёхом! Думали, опоздаем... Угу...

— Да всё в порядке,— сказал Олег.

Обернувшись, он увидел девушку там же, где она и раньше стояла. И почему-то обрадовался. А ближе подойдя, ещё и восхитился — красавицей оказалась спасённая им киевляночка.

— Как звать тебя? — спросил Сухов, как мог, мягче.

Девушка похлопала ресницами и губы развела в робкой улыбке.

— Олёной наречена,— сказала она.— Спасибо тебе, ратоборец [1], что уберёг от лихих людей.

---

[1] *Ратоборец* — рыцарь.

Сердце Олегово дало сбой. Олёна... Алёна...

— А ты б не ходила боле одна по улицам,— проговорил он с хрипотцой в голосе,— знаешь ведь, каково нынче в городе.

Олёна лукаво улыбнулась:

— А ты меня проводи до дому, чтоб одной-то не идти...

И без того большие глаза девушки стали и вовсе огромными. Олег же вздохнул с огорчением.

— Я бы проводил, да на мне — вона, две сотни мужиков, и всем надо ночлег сыскать, да какую-никакую еду...

— А там есть! — обрадованно сказала Олёна.— Два амбара здоровых стоят, и сена в них навалом — ночью тепло! И поснидать [1] найдём чего. Пойдём!

— Ладно, уговорила.

Сухов с удовольствием подсадил девушку на чалого и повёл коня в поводу. Новики, уже куда более походя на отряд, затопали следом.

«Два здоровых амбара» обнаружились в конце Пасынчей беседы, там, где Ручай перегораживала невысокая плотина и стояла водяная мельница.

— Это деды мои построили,— сообщила девушка,— они оба мельниками были...

— Были?

— Сгинули оба лет восемь тому под Галичем [2]. Несчастливый это город для нас — там же и отец мой погиб... Но мельницу я никому не отдала, родни у меня много! Тем и живём — зерном берём с помола али деньгами.

— И амбары твои?

— Мои! — гордо заявила Олёна.

Дом у мельника больше на крепость походил — первый этаж из дикого камня сложен, а второй из дуба срублен. Крыша была, будто чёрной чешуей, выстелена осиновыми пластинами-лемешинами, а высокий частокол

---

[1] *Поснидать* — поужинать.

[2] В 1227 году князь Мстислав Удатный передал Галич королевичу Андрашу, весьма способному правителю, но после смерти Удатного волынский князь Даниил Романович напал на город и развязал долгую и ненужную войну за галицкий престол.

замыкал в себе обширный двор, мощённый деревянными плахами. Посторонним вход воспрещён!

Девушка протянула руки, и Олег с удовольствием снял её с седла.

Олёна перешла улицу, постучалась в соседний дом, пошла теребить своих тётушек, те примчались тут же, засуетились, забегали по двору, разжигая очаги, вытаскивая большие котлы, подняли племяшей, те наносили воды из проруби. Времени совсем немного прошло, а уже потянуло аппетитным варевом — новики задвигались поживее, заходили кругами вокруг бурлящих котлов, потирая руки и нащупывая кленовые ложки, засунутые за голенища «трофейных» сапог,— на месте ли?

Успокоившись за своих, Сухов поднялся в дом, где его встретила Олёна, переодевшаяся в запону [1] василькового цвета. Волосы её были заплетены в косу и убраны под серебряный обруч с качавшимися подвесками-колтами. Раскрасневшаяся девушка оторвалась от плиты, где булькало жаркое в горшке, и показалась Олегу ещё краше, чем была. Сухов не преминул сказать ей об этом. Олёна смутилась, но глаза её засияли радостней.

— Садись, ратоборец,— проговорила она ласково,— сейчас снидать будем.

Олег присел на широкую лавку и даже закряхтел довольно.

— Ох и устал я...— признался он.

Сухов сидел, привалясь к стене, и отдыхал душой. Горница была велика, низковатый потолок поддерживался парой витых столбов, а весь угол занимала круглая глиняная печь с дымоходом, выдолбленным из ствола дерева. Рядом, на полицах, сияла медная посуда, начищенная до блеска. Напротив висела большая икона, украшенная вышитым рушником, а пол был застелен дорожками, вязанными из тряпочек.

Углядев бадейку около двери и полотенце-утиральник, висящее на крюке, Олег с сожалением поднялся.

---

[1] *Запона* — платье типа сарафана, не сшитое по бокам. Носилось с поясом, поверх рубахи, скреплялось у колен заколкой.

Скинул кольчугу, скинул гамбезон, подозрительно принюхался к рубахе. Омыл лицо, руки, шею. Утёрся, чувствуя, что посвежел, словно зарядился от холодной воды.

Ужин прошёл тихо-мирно, по-семейному. Разомлевший в тепле, осоловевший от вкусной и здоровой пищи, Сухов поднялся по лестнице в горенку, где ему постелила хозяйка. Испытывая блаженство, улёгся.

В темноте блеснули два зелёных глаза.

— Кис-кис-кис! — позвал Олег. Кот в ответ невнятно мурлыкнул, подрал когти о половичок.

Сухов вздохнул. Спать хотелось ужасно, но дрёма вызвала к жизни те мысли, которые спугивал день и дневные заботы,— об усадьбе Мелиссинов, о Наталье и Гелле, о Елене, Алёне, Алёнушке... Как она там, без него? А он как — здесь? Господи ты боже мой, какие ещё «там», какие «здесь»?! Их не пространство разделило, а время! И что? Говорить «тогда» и «сейчас»? Язык не поворачивается...

Умом Олег прекрасно понимал, что с момента их последней встречи с Алёной минуло три века, что всё — потерял он любимую женщину. Расскажут ли ей варяги о том, как пропал супруг в голубом тумане, под сиреневые сполохи? Найдёт ли Елена отчима Наталье? Если хорошо подумать, то сие неважно. В любом случае, даже прапраправнуки Елены давно уж похоронены. Вернуться бы в Константинополь, глянуть, что с домом, найти бы хоть какие-то следы... Алёнкину могилку... «Да что у него за мысли, в самом деле!» — рассердился Сухов. Могилку... Это умом он хочет поклониться давно усопшей — а ведь ужасно даже представить себе красавицу Елену дряхлой старухой! В чёрном гробу, в белых смертных пеленах... Ужас!

Но душа не верит в эти страшилки. Не принимает жестокую правду. Отрицает, казалось бы, очевидное. А если душа права? Триста лет... Подумаешь, триста! Его вон и через тыщу с лишком перекидывало...

Сухов откинул одеяло и сел. О босые ноги потёрся кот. Машинально почесав у животинки за ухом, Олег

стал памятью возвращаться в прошедшее, погружаясь всё глубже и глубже. Кровь тяжко застучала в виски.

...Алёна убегает от него в парк проастия[1], по аллее к фонтану, что бил посреди круглой полянки, заставленной мраморными статуями. Он бросается искать женщину, но та находится сама — выходит на солнце, нагая и прекрасная, и манит к себе...

...Игнатий Фока ширкает метёлкой по плитам подъездной дорожки, смахивая опавшие листья, и громко переговаривается с Ириной. Домоправительница ласково беседует с Фокой, изредка обращаясь к поварёнку, и тогда следует строгий окрик...

...Гелла кормит Наталью, сидя на веранде. Её круглая, загорелая грудь так велика и так упруга, что дитёнку с трудом удаётся обхватить тяжёлую округлость и вжать ладошки в атласную туготу...

Сухов встал и осторожно прошлёпал к двери, боясь отдавить хвост коту. Спустился и вошёл в светёлку Олёны. Перешагнув порог маленькой комнатки, он замер, привыкая к тусклому мерцанию светца, в коем горела лучина.

Скрипнула кровать, и девушка легла на спину. Тёплое покрывало соскользнуло, обнажая груди, повторявшие формою опрокинутые чаши, и крутой изгиб бедра.

— Иди ко мне...— прошелестел в темноте вздрагивавший девичий голос. И Олег внял ему.

Глава 5,

в которой лёд трогается

Сухов так и прижился у дочери мельника, стал на постой в доме на Пасынчей беседе. А вот Пончик переселился во дворец — беречь особу великого князя киев-

---

[1] *Проастий* — загородное имение.

ского от хворей с поветриями. Ярослав Всеволодович прозывал Шурика на новгородский манер — Олександром, всюду таская с собой. Оттого друзья перестали часто видеться, но Олегу скучно не было — служба его протекала бурно, каждый божий день он то в драку ввязывался, то в дуэли вступал. Шестерых новиков сотнику пришлось похоронить, зато остальные сплотились ещё пуще, ещё злее стали. В одиночку по Киеву они не ходили, отправлялись, если надо было или охота пришла, впятером. Задевать их не перестали, но делали это с оглядкой — новики могли и навалять обидчикам, а если у них самих не получалось, за своих вступался Олег.

Интересно, что ни Акуш, ни Яким Сухова не трогали — они держались как бы в стороне. Но было у Олега подозрение, что именно воевода с окольничим и ставили все или почти все «батальные сцены», напускали на него безбашенных и отмороженных — заплатив, подпоив, оговорив.

Правда, бросаться на своих врагов, выяснять с ними отношения Сухов не спешил — выжидал удобного момента. Да и куда ему было спешить?..

Двадцать первого марта, на Сорок мучеников, киевляне встречали весну — они открывали ставни, счищали снег с крыш, раскутывали молодые яблони в садочках. В этот день Олёна принесла с рынка, прозванного на Подоле «толчком», пару тёплых, только что испечённых «жаворонков» — со сложенными крылышками и чёрными изюминками вместо глаз. Ещё одна примета весны!

Снега рыхлели и сходили, открывая солнцу чёрные пашни. Земля парила, наполняя хрустально-чистый, студёный воздух запахами пробуждавшейся жизни. Только Днепр продолжал спать под холодным ледяным одеялом.

С самого утра Олег развёл суету — гонял своих новиков с горки на горку, сводил их в пары, и охотники-промысловики неуклюже фехтовали увесистыми деревянными мечами — тяжело в учении, легко в бою. Сам Сухов

стоял на пригорке да покрикивал. Тут-то его и нашёл Коста Вячеславич [1], тысяцкий, поставленный главным над полком новгородским. Это был грузный человек, чрезвычайно широкий в плечах, однако впечатление неуклюжести было обманчивым, на самом-то деле Коста был весьма проворен.

— Здорово, Олег Романыч,— пробасил он и засопел.

— Здорово, коль не шутишь.

Посопев изрядно, словно соображая, что же сказать, тысяцкий заговорил прямо:

— Вчерась ты с Судимиром бился на мечах, цегой-то вы не поделили...

— Судимир? — нахмурился Сухов.— Это не тот ли конопатый, с рваным ухом?

— Он и есть! Медведь ему ухо порвал — зацепил удачно, не то бы всю башку снёс...— Снова посопев, Коста добавил: — Ты ж мог прибить Судимира.

— Мог,— подтвердил Олег.

— А не прибил, подранил только...

— Коста,— улыбнулся Сухов,— знаешь, я как-то не рвусь за славой палача. И не люблю устраивать чьи-то похороны — душу берегу, сколь возможно. Судимир напал, я дал сдачи...— Отвлекшись, он крикнул: — Олфоромей! Пусть твои отдохнут! Станята, раздай мечи своим!

Тысяцкий поглядел на пыхтящих новиков, осваивавших науку побеждать, и договорил:

— Судимир из Славны мне седьмая вода на киселе, родня дальняя, а всё ж родня. Спасибо, что не дал помереть дураку...

— Да не за что,— улыбнулся Сухов.

— А новгородцев своих я прижму,— пообещал Вячеславич,— пригляжу, чтоб к тебе не лезли. А то этот Влункович больно много силы взял — пущай своими новоторжцами вертит, как хочет, а моих не трогает.

---

[1] *Коста Вячеславич* и *Судимир из Славны* — реальные лица, участвовали в походе Ярослава Всеволодовича на Киев.

— Яким поближе к князю прибивается, вот и оттирает всех, кто рядом,— локтями работает вовсю, кулаками машет. Может и подножку поставить...

— Ха! Да не выйдет у него ни хрена! Князюшка наш добра не помнит, а мне так зло его памятно. Вона, лет осьмнадцать минуло, как у Липиц битва была — должон помнить... А, да ты ж из греков... Липицы — это в родных краях Ярослава Всеволодовича. Сцепились тогда князья, никак земли поделить не могли. Тьму [1] народу перебили... Так что ж? Пленных новгородцев князь наш зарезать велел, а от Липиц первым дунул! И сдался первым же, а после у брата Константина прощение вымаливал и волости, а у тестя, Мстислава Удатного, чтоб жену возвернули, Феодосью Мстиславну. Во как! Князь поступает так, как его правая нога велит,— того повысит, этого понизит... Так-то вот. Разговорился я что-то не по делу... Я ж к тебе с другим шёл — Ярослав Всеволодович всех призывает до себе, гостей привечать будем.

— Это кого ж к нам чёрт несёт?

— Владимира Рюриковича, князя бывшего!

Бывший великий князь оказался мужчиной в возрасте. Одет он был пышно, с щегольской роскошью — сплошь соболя да парча, но вот дружину с собой Владимир Рюрикович привёл малую, да и ту наполовину из половцев собрал. Потому, видать, и зазвал Ярослава Всеволодовича, что сам он Киев удержать не способен был — силёнок не хватало.

Встречали князя на Бабином Торжку, где выстроились полки и дружина Ярослава Всеволодовича. Новики были оттеснены на задний план, поближе к народу — киевляне собрались толпами, жадно рассматривая прибывающих и встречающих.

Ярослав приоделся на киевский лад — в длинную зелёную свиту с красной каймой по низу и золотыми зару-

---

[1] Под Липицами действительно полегло почти 10 000 человек, то бишь тьма.

кавьями, сверху накинул синий плащ-корзно с серебряным позументом, на ноги портки натянул рытого бархату, а обулся в зелёные сафьяновые сапоги. Голову великого князя покрывала (так и хотелось сказать: венчала) круглая шапка с меховым околышем.

Ярослав Всеволодович вышел к Владимиру первым, как всякий любезный хозяин.

— Здрав будь, Володимер! — сказал он.

— И тебе поздорову,— ответствовал Рюрикович.

Дружески приобняв Владимира, великий князь киевский повёл его в круглостенную Гридницу, что возвышалась в полусотне шагов от Десятинной церкви. Это была массивная ротонда, саженей[1] десяти в поперечнике. С внешней и внутренней стороны Гридница имела по шестнадцать полуколонн-пилястров, а посередке обширного круглого зала находился массивный кирпичный столб в четыре обхвата, поддерживавший свод. Свет в ротонду проникал через арки окон, проделанные наверху между пилястрами, рассыпая яркие блики по фрескам, изображавшим сцены охоты, и по обливным керамическим плиткам.

Олег всё это видел, поскольку вошёл под своды Гридницы в числе «и других официальных лиц» — спальников, стольников, мечников, милостников, бояр киевских. Все расселись вдоль стен по резным лавкам, обшитым кожею и набитым шерстью для пущей мякоти, а Сухову сразу припомнилась Золотая палата императорского дворца — ротонда была на неё отдалённо похожа.

Оба князя устроились на скамье, окольцовывавшей центральную «подпорку», и повели переговоры на высшем уровне — вспоминали прежних владык киевских, признавали, что былая слава города на Днепре отгремела и увяла, обеднел Киев — куда ему до Новгорода али Владимира-Залесского!

Старенький боярин, рядом с Олегом превший в соболиной шубе и бобровой шапке, проскрипел тихонько:

---

[1] *Сажень* — мера длины, в среднем равнялась 2,10 метра.

— Жалиться приехал Володимер, волостей просить...

— Похоже,— кивнул Сухов.

Того же мнения придерживался и Ярослав Всеволодович, ибо, повздыхав о блеске минувших дней, великий князь сказал Рюриковичу:

— Пойдёшь в Переяславль [1] княжить? Те земли и вовсе без пригляду, а мне всё не объять.

— А пойду! — загорелся Владимир — воспрял, плечи развёл, слабую улыбку наметил.

— По рукам?

— По рукам!

И высокие договаривающиеся стороны скрепили свои намерения пожатием рук.

Глазами отыскав Якима Влунковича, великий князь киевский сказал властно:

— Проводишь князя переяславского в Западный дворец и выставишь своих людей.

— А ты, княже? — спросил воевода обеспокоенно.

— И я не сбегу,— пошутить изволил Ярослав Всеволодович.— Бойцов у тебя довольно, пущай стерегут снаружи, а внутри...— Зоркие глаза великого князя обежали толпу и остановились на Сухове.— А внутри побудет Олег Романыч.

Олег поклонился, подумав мельком о том, как переменчива жизнь — магистр прогибается перед каким-то князьком! Когда он выпрямился, то перехватил жгучий, злобный взгляд воеводы — и поддался-таки искушению, не утерпел, подмигнул Якиму Влунковичу...

К ночи великокняжеский дворец затих, только зажжённые факелы потрескивали в своих держаках, бросая отсветы на стены и сводчатые потолки. Полусотня Олфромея и столько же новоторжан сторожили все входы и выходы с улицы, сохраняя вооружённый нейтралитет.

---

[1] Имеется в виду Переяславль Русский (он же Южный), оборонявший левобережье Днепра от кочевников.

Олег неспешно шагал длинным коридором, проклиная неведомого архитектора. Ей-богу, пьян был зодчий! Имелись во дворце комнаты, располагавшиеся на первом этаже, куда проникнуть можно было, только поднявшись на второй, а после спустившись обратно вниз. Два поворота заканчивались тупиками, а чтобы из умывальни пройти в малую трапезную, находящуюся рядом, за стенкой, следовало топать по коридору направо, свернуть налево в другой коридор и добраться-таки до цели.

— Дурдом,— буркнул Сухов, пробираясь мимо опочивальни князя.

Странно, прислушался он, не спит Ярослав Всеволодович — ходит туда-сюда, меряет комнату шагами. Бессонница замучила или грехи покоя не дают? Ага, притих вроде. Кровать заскрипела.

Олег дошагал до конца коридора, до стрельчатого окна с частым переплётом, но и сюда донёсся могучий храп. Угомонился великий князь... Сухов зевнул с хрустом, поминая лихом придворную службу,— любил он поспать вволю, да чтоб вставать попозже, а тут броди всю ночь напролёт!

Рассудив, что холодный ночной воздух поможет бороться с сонливостью, Олег растворил узкое стрельчатое окно в конце коридора. Тяжёлая бронзовая рама, заделанная массой мутных стекляшек, загудела и зазвякала, впуская свежесть и голоса.

— ...А я туда спьяну забрёл вчерась,— донёсся оживлённый голос Якима Влунковича,— там у латинян то ли церковь, то ли монастырь, я так и не разобрал — спать залёг на какой-то лавке. Просыпаюсь — бубнит кто-то. Гляжу — поганый, из степняков, лапу свою немытую на Библию поклал и чешет, как по писаному! Я, грит, клянусь всех ханов извести, живота, грит, не пожалею! Видал, цего делаетсе?

— Поганые, они поганые и есть,— откликнулся чей-то басок.— Кочевого хоть трижды окрести, всё одно нехристем останетсе!

— Твоя правда, Труфане...

Сухов зевнул, потянулся и решил, что подремать на посту не помешает. Хоть посидеть с закрытыми глазами! А спит он чутко...

...Было часов шесть утра, когда Олег вышел из тяжкой дрёмы. Света от восходящего солнца поступало столь мало, что рано было гасить факелы. Ополоснув в умывальне лицо, Сухов вышел — и увидел чужого. Некто в чёрном стремительно шагал по коридору, хоть и припадая на правую ногу.

— А ну, стой! — окрикнул Олег нарушителя.

Тот резко оглянулся, и Сухов узнал Бэрхэ-сэчена.

— Стой, кому сказал!

Плосколицый не стал искушать судьбу, а метнулся к лестнице, бегом взбираясь наверх, к княжьим покоям. Олег погнался следом. Пронёсся по всему коридору, заглядывая за каждый угол, но никого не обнаружил. Замерев, Сухов прислушался — тишина. Но не приснился же ему этот монгол, или кто он там!

Тишайший шелест шёлка подал Олегу знак. В последний момент он резко присел — и спас себе жизнь. Лезвие сабли просвистело над самой его головой.

Упав и перекатившись, Сухов вскочил, выхватывая меч, однако Бэрхэ-сэчен не захотел дуэли и кинул саблю в ножны. Метнувшись к ближайшей двери под аркой с колонками, он скрылся за нею. Олег зарычал от злости, но долг превыше всего.

Подбежав к дверям опочивальни, он тихонько приоткрыл её, больше всего опасаясь увидеть окровавленный труп на постели. Ан нет, князь был жив. Сидя в одной рубахе, свесив на пол волосатые ноги, он накачивал себя пивом — кадык так и ходил вверх-вниз, вверх-вниз.

Наслушавшись постанываний, причмокиваний и бульканья, Сухов притворил дверь. Помчался обратно. Ворвался под арку в пустую комнату — и обнаружил глубокую нишу, в которой закручивалась винтовая лестница. Похоже, Бэрхэ-сэчен знал дворец лучше него!

Выскочив на улицу, Олег столкнулся с Олфоромеем.

— Утречка доброго! — пожелал Лысун.

Сухов отмахнулся.

— Отсюда никто не выходил? — спросил он.— Степняк, плосколицый такой?

— Дык только что вышел...

— А кто его пускать велел?! — напустился Олег на новика.

— Дык грамотка у него была,— растерялся тот,— вот Станята и пропустил...

— Куда он побежал?

— Кто?

— Степняк!

— А-а... А он не побежал, пошёл себе во-он в ту сторону.

— За мной, живо!

Олег с Олфоромеем пересекли Бабин Торжок, миновали высокую каменную ограду богатой усадьбы — Гордятина двора — и выбежали на неширокую, но прямую улицу.

— Да вон он! — обрадовался Лысун, пальцем тыча в чёрную фигуру, удалявшуюся быстрым шагом.

— Ти-хо! За ним.

Бэрхэ-сэчен свернул в неприметный переулок, и Сухов наддал, побежал скачками. Затормозив у поворота, он выглянул, и вовремя — плосколицый быстро поднимался на крыльцо дома, дверь которого услужливо придерживал длиннобородый Савенч.

— Та-ак...— проговорил Олег.— Вот что, Лысун. Я здесь побуду, а ты обойди тот дом вокруг, глянь, нет ли там другого выхода. Понял? И сразу сюда.

Олфоромей кивнул и отправился на разведку. А Сухов пристроился за толстым каштаном, поглядывая поверх развилки.

Дом, в котором скрылся Бэрхэ-сэчен, был не из бедных, но и роскошью не блистал. Поднимая стены на три этажа, он поддерживал крышу из двойного тёса. Ставни были закрыты, дым из трубы не вился... Называется: «Никого нет дома».

Лысун показался из глухого переулка, и Олег негромко свистнул ему.

Олфоромей живо дотопал, притулился к дереву.

— В общем, так,— сказал он веско.— С той стороны — овраг глубокий, забора там нет. И ежели этим охота придёт отъехать незаметно, то они по оврагу-то и уйдут. Однако снег нетронут.

— Ясненько... Вот что, сбегай тогда к нашим, найдёшь мне кафтанчик, как у «чёрного клобука», и притащишь сюда. А я пока посторожу.

— А кто это, вообще?

— Знать бы... Ты про монголов слыхал что-нибудь?

— Монголов?..

— Ну, как их тут ещё называли... называют... Татары!

— Дык кто ж про татар не слыхивал! Знамо дело, слыхал. Они ж у прошлом годе на булгар войной ходили, кучу народу побили, все грады пожгли. Была Булгария, и нету!

— А ты этих татар живьём видал?

— Врать не буду, не видал. А цего?

— А того, друже Олфоромей, что мы давеча татарина догоняли.

— Ну?! — выдохнул Лысун.— А цего он во дворце забыл?

— Вот это мне и интересно! Ходит этот гад по Киеву, вынюхивает, а потом всё своим ханам доложит. Может такое быть?

— А цего? Запросто!

— Вот и я так думаю... Ты ещё здесь?

— Бегу!

Олфоромей убежал, но ожидание не затянулось — вскоре новик примчался обратно и протянул Сухову тёплый халат из некрашеной бурой шерсти, расшитый по краям тесьмою.

— Вот! Бегубарс Тоглиевич передал, он сам из берендеев.

— Порядок!

Олег накинул поверх кольчуги халат и подпоясался кушаком.

— Шапчонку мою возьми,— Олфоромей сдёрнул с головы войлочный колпак,— кочевые-то такие носят.

— Спасибо.

Едва Олег договорил, как на крыльцо вышел Бэрхэ-сэчен, небрежно отмахиваясь от Савенча, изнывавшего от желания услужить.

Плосколицый спустился по ступенькам и направился к усадьбе Гордяты. Обогнув богатый двор, двинулся далее. Бэрхэ-сэчен шёл неторопливо, не оглядываясь, безо всякой опаски, как у себя дома. По-хозяйски. Это Олега злило.

Сухов шагал следом, пытаясь быть незаметным, стараясь не маячить — то ствол дерева его прикроет, то будка менялы.

Между тем Бэрхэ-сэчен прошёл за городские ворота, а за мостом дорога разбегалась новыми улицами, проложенными во времена Ярослава Мудрого — каких-то двести лет назад.

Вдали, вырастая над крышами, сияли купола многоглавой Софии Киевской, но Бэрхэ-сэчен шагал не туда.

Внезапно в его поведении наступила перемена, резкая и странная,— монгол отшатнулся, отбежал к стене, пластаясь по ней и замирая.

Сухов замедлил шаг, недоумевая, что же так напугало плосколицего. Впереди неторопливо переходил улицу пожилой человек восточной наружности. Он зябко кутался в шубу, а наряд его дополняла чалма.

Бэрхэ-сэчен пристально следил за пришельцем с Востока. Тот, всё так же неспешно, направил стопы на заход солнца, к Золотым воротам, и плосколицый двинулся следом. Олег ухмыльнулся — они шествовали втроём и «пасли» друг друга. Ну, так даже интереснее...

Тут человек в чалме обернулся, узнал Бэрхэ-сэчена — и метнулся в переулок, узкий и кривой. Монгол погнался за ним, а Олег — за монголом.

Переулок вывел всю троицу в садик, деревца которого росли так густо, что ветвями прикрывали не хуже листвы. Оглядевшись, Сухов никого не обнаружил, но тут же услышал голоса.

— Не трогай меня, нойон [1]! — хрипел «восточный человек».— Я буду тебе полезен!

— Что ты здесь делаешь, Халид, шакалье охвостье? — рычал Бэрхэ-сэчен, страшно коверкая арабскую речь и тиская горло Халида крепкими пальцами.

— Не убивай! — взмолился тот.— Я всё-всё скажу! Меня послал сам Гуюк-хан [2] к князю Ярославу! Старый Абдалла, посланный ханом ранее, не давал о себе знать, и...

— Где сейчас Гуюк?

— В степи! — заторопился восточный гость.— В степях за рекою Дон. Гуюк-хан вместе с Менгу покоряет половцев! Ох... Я понял — это ты убил Абдаллу... Нет-нет, ты не думай, я никому не скажу! — Он заскулил: — О, нойон, не делай жён моих вдовами, а детей — сиротами! Не...

Голос его прервался, сменившись клёкотом и переходя в затухающее сипение.

Олег поднырнул под свисавшие ветви и оказался в двух шагах от Бэрхэ-сэчена, вытиравшего окровавленную саблю о шубу бездыханного Халида.

— Ай-ай-ай,— неодобрительно покачал головой Сухов.— Убивать послов — нехорошо. И как тебе только не стыдно...

Монгол спокойно оборотился к Олегу. Сабля в руке его описала дугу и замерла, подрагивая.

— Уходи,— сказал Бэрхэ-сэчен равнодушно,— тебе я дарю жизнь.

— А я не принимаю подарков от кого попало! — резко ответил Сухов, выхватывая меч и тут же делая выпад. Монгол ушёл легко, играючи. Отшагнул, увлекая Олега за собой, и тут же атаковал.

Бэрхэ-сэчен был быстр, дьявольски быстр, он опережал противника всего на долю секунды, но эта доля решала исход поединка. Сухов едва успел присесть, как сабля с шипением прошла над его головою, разрубая войлочный колпак. Олег тут же подпрыгнул, пропуская вра-

---

[1] *Нойон* — «господин» (*монг.*). Князь и военачальник.

[2] *Гуюк-хан* — старший сын Угэдея, великого хана и сына Чингисхана. Гуюк не признавал верховенства Бату-хана (Батыя) и вёл свою политику.

жеский клинок под собою, отбил рубящий удар слева, едва успел уклониться от колющего справа. Он с трудом держал оборону, не имея ни мига для нападения. Опыт схваток подсказывал руке, державшей меч, откуда ждать выпада, клинок порхал, взблескивая на солнце, но сабля управлялась ещё скорее.

Неожиданно Бэрхэ-сэчен задел клинком ветку старой вишни, и Олег поспешил — его меч тут же распорол монголу халат, даже не поранив степняка.

— Багатур[1]!..— насмешливо произнёс Бэрхэ-сэчен.

Сухов упрямо сцепил зубы и продолжил бой, выжидая, когда ему будет дан второй шанс. Он сражался с величайшим напряжением, не ослабляя усилий, и всё лучше понимал, что ни навык его, ни умение не помогут совладать с монгольским нойоном. За ним было одно-единственное преимущество — возраст. Бэрхэ-сэчен выглядел крепким, но глубокие морщины выдавали число прожитых зим. Нойону не выдержать бешеной растраты сил в поединке — он начнёт сдавать, уступать Олегу одно мгновение за другим, и вот тогда...

Внезапно раздались крики и удалой посвист — трое «чёрных клобуков», свита Бэрхэ-сэчена — ломились через кустарник верхом. Верный Савенч вёл в поводу чагравого скакуна.

— Савенч! — крикнул монгол.— Тотур! Сюда!

Сухов мгновенно отпрянул, уходя под защиту дерева — лишь бы отдышаться. И принять бой со всей четвёркой. «Вот, значит, где всё кончится...» — мелькнула у него мысль. Но судьба преподнесла и приятный сюрприз — примерно с той же озвучкой, что и у степняков, к садику вырвался добрый десяток новиков во главе с Олфоромеем. Верный Лысун скакал на лохматой рыжей кобылке и держал в руке поводья суховского чалого.

Олег буквально взлетел в седло, шлепком по плечу выражая благодарность Олфоромею, но Бэрхэ-сэчен продолжал опережать — трое чёрноклобуцких воинов и

---

[1] *Багатур* — богатырь, герой (*монг.*).

монгол пустили коней галопом, прорываясь в незаметный переулок.

— Луки к бою! — гаркнул Сухов.

— А нетути! — виновато сказал Олфоромей.— Я погнал кого мог, мы за «чёрными клобуками» увязались и пришли у них на хвосте!

— Догнать гадов!

Весь десяток рванул с места. Олег первым ворвался в переулок, проскакал его и вынесся на широкую улицу, уводящую к Лядским воротам. Четвёрка заметно удалялась, скача во весь опор и распугивая прохожих. Новики кинулись вдогон, пролетая между застывшими в ужасе киевлянами, перескакивая брошенные корзины и вьюки, краем уха улавливая вопли и брань.

— Дорогу! — орал Станята.— Дорогу!

— Дорогу! — вторил ему дюжий Олекса Вышатич, трубно взрёвывая.

Киев только казался большим, на самом-то деле невелик был — вот и ворота Лядские показались. Новики, как по команде, засвистели, и стража мигом рассыпалась в стороны. Кони гулко протопотали по мосту и вынеслись за город.

— Вон они! — заорал Станята, указывая плетью.— К реке подались!

— Ходу!

Бэрхэ-сэчену и его свите удалось отъехать от берега шагов на двести — видно было, как из-под копыт брызжет отбитый лёд. Олег первым вырвался на хрусткие речные покровы, как вдруг его догнал отчаянный вопль Олфоромея:

— Сто-ой! Стой, Христа ради! Сгибнешь!

Недоумевая, Сухов развернулся в седле и увидел, как новики бешено машут ему руками: назад, мол!

И только теперь, когда топот копыт и толчки крови уже не мешали ему слышать, Олег уловил, как воздух сотрясается от глухого гула. Протяжный скрежет и вой разносились над рекой — Днепр просыпался и лениво скидывал с себя одеяло. Начинался ледоход.

Сухов, матерясь и оглядываясь на улепётывающие чёрные фигурки, вернулся на берег.

И тут же, словно дождавшись его спасения, Днепр начал вскрываться — по льду разбежались трещины, со страшным грохотом покровы лопались, вспучивались и оседали.

— Не доехать «клобукам»,— авторитетно заявил Станята.

— Они уже до середины добрались,— возразил Олекса.

— То-то и оно, что до середины!

Льдины подныривали, наезжали, лопались, сталкивались, громоздя торосы, и вот вся эта колоссальная, намёрзшая за зиму масса тронулась и поползла по течению, толкаемая прибывающей водой.

— Всё! — весело завопил Олфоромей.— Перетрёт того татарина в кашу!

— На льдину намажет! — подхватил Станята.

— И Днепра-батюшку угостит! — заключил Олекса.

Сухов вглядывался, пытаясь различить фигурки беглецов, но река стала как рассыпанная мозаика — стылого панциря более не существовало, были отдельные льдины, несомые чёрной водой.

Олег заметил метавшихся по белому обломку лису и зайца — видать, один убегал, другая догоняла, а нынче оба в беде.

На большом ледяном пласту проплыл перекошенный сарайчик, а за ним — стог сена. Дохлая лошадь. Изломанные сани. Обкорнанный ствол дерева.

Сухов бросил последний взгляд на дальний берег и скомандовал:

— Возвращаемся!

Глава 6,

в которой Олег ввязывается в драку

Седьмого апреля, на Благовещение, киевляне выходили на улицы с клетками, плетёнными из ивового прута, и выпускали «заключённых» птиц, чтобы те «пели на

воле, Бога прославляли и просили счастья-удачи тому, кто их выпустил».

К этому дню лёд сошёл совершенно, а снег задержался разве что во глубине сырых балок, куда не часто заглядывало солнце. А как разгулялись вешние воды! Днепр разлился до самого горизонта, затопив восточный берег, и гляделся морем необъятным, разве что накаты прибоя не доносились.

Вода подтопила многие дома на Подоле, но хозяева были людьми опытными, к половодью привычными, и спасались у родни в Копыревом конце.

Тепло всё прибывало и прибывало, влажный ветер из Дикого Поля доносил возбуждающие запахи, от коих не одни лишь «чёрные клобуки» в беспокойство впадали, а и пахари, давно уж приросшие к своей земле, испытывали неясное томление, вдыхая терпкий степной дух.

А Олег по-прежнему тянул лямку, муштровал новиков — и всё сильнее ощущал нетерпение. Ещё совсем недавно, в Константинополе, которого уже нет, он искал покоя подле любимой женщины, а ныне, когда утратил её, рвался в бой, не вынося скуки заведённого порядка. И вот надежды его — устроить ха-арошую потасовку — стали вроде сбываться. Начинало попахивать войной.

В общем-то, боевые действия на юге так называемой Киевской Руси и не прекращались, просто борьба князей за галицкий, да за киевский престолы обострилась в те годы до крайней степени, принося народам смерть да разруху.

Михаил Всеволодович, князь галицко-черниговский, собирал войско в поход на Киев. И то сказать — Киевское княжество разделяло два его владения, Чернигов и Галич, лишая земли единства и целокупности. А вот ежели к ним Киев присоединить... Тогда власть князя Михаила распространится от Карпат до реки Воронеж, а где власть, там и богатство.

Надо сказать, что весной 1237-го Михаилу Всеволодовичу приходилось туго — Даниил Романович мало-помалу одерживал над ним верх. До того ободрился князь во-

лынский, такую силу почувствовал, что решил дружку помочь, австрийскому герцогу. Видя такое дело, венгерский король Бела IV вынужден был отговаривать Даниила от столь опрометчивого шага, а взамен заключил с ним надёжный мир.

В общем, к весне Михаил Всеволодович не только оказался отрезанным от своей «отчины», но и растерял всех союзников — и Конрада Мазовецкого, и Изяслава Мстиславича, и короля Белу. Пришлось ему мириться с Даниилом и передать Романовичу Перемышль...

А Ярославу Всеволодовичу стало ясно: замирившись на западе, Михаил обратит свой жадный взор на восток. И вот в середине апреля прискакал к Ярославу гонец и передал тревожную весть — галицко-черниговский князь слал в поход два полка с воеводою Мирославом, слал на Киев.

В тот же час великий князь киевский собрал в Гриднице главноначальствующих и отдал приказ:

— Тебе, Яким Влункович, следует выступить на Мирослава — не побьёшь, так потреплешь. Обескровишь войско галицко-черниговское, измучаешь стычками да налётами. Пойдёшь напрямую, через Мическ на Тихомель.

— Слушаю, княже,— прогнулся воевода набольший,— вот только не мало ли нас будет противу двух-то полков?

Ярослав Всеволодович нахмурился и оглядел собравшихся.

— Эва как... Олег Романович,— сказал он, обращаясь к Сухову,— пойдёшь на ту же войну.

— Да, княже,— поклонился Олег.

— Дозволь слово молвить,— поднялся Владимир Рюрикович.— Пусть бы и мои половцы в походе поучаствовали. Две сотни дам с конями заводными [1].

— Добро,— кивнул Ярослав.— Сколь людей у тебя, Романыч?

— А тоже две сотни, княже.

— Тогда и половцев бери. Будешь полутысяцким.

---

[1] *Заводной* — запасной.

— Половцев? — повторил Сухов, будто и не замечая повышения.— Это дело, княже. Половцы — конники знатные. Мне б тогда и лошадей для воев моих, не пешком же им топать.

— Найдём,— веско сказал Владимир, обрадованный похвалой Олега. Видать, заедало князя то обстоятельство, что дружина его сплошь из степняков состояла.

— Раз так, не медлите,— строго молвил Ярослав Всеволодович.— Чем скорее обернётесь, тем лучше. Награжу! Ступайте с Богом.

Сборы были недолги. Вскоре новоторжане Якима Влунковича выступили за пределы Золотых ворот, открывавшихся на западную сторону. Следом выступили новики да половцы. Степняки таскали на себе тяжёлые доспехи вроде длинных курток из бычьих шкур и кожаные шлемы. Щитами половцы не пользовались, а вот луки они держали поближе к себе.

Новоторжцы ехали, не особо разгоняясь. Сухов повёл своих стороною, дабы не пересекаться с Якимом. В конце концов, великий князь ничего не сказал о главенстве, стало быть, воевода ему не указ... [1]

Под вечер две растянувшиеся колонны, большая и поменьше, сблизились. Воевода выехал вперёд и вскинул руку.

— Эгей, рыцарь! — крикнул он с ухмылкою и показал на рощицу между холмами.— Ночуем здесь! Ты только своих подальше отведи. Понял? Во-от... А то от вас хлевом так и прёт! Новики твои навозом коровьим провонялись, степняки лошадиным кизяком смердят, а мы нюхай!

Новоторжане жизнерадостно загоготали, а Олег тонко улыбнулся.

---

[1] К сожалению, регулярной армии на Руси не водилось. Не было ни единого командования, ни строгой иерархии с железной дисциплиной — дружины следовали в поход по отдельности, могли и вовсе уйти от одного князя к другому. Именно поэтому огромное войско, собранное князьями для битвы на Калке, проиграло монголам, предопределив, по сути, будущие разгромы.

— От вас и вовсе говном человечьим несёт, будто все разом обделались,— любезно заметил он.— И ничего, притерпелись мы. Да, Олфоромей?

— Ага,— кротко ответил Лысун.— Глаза только щиплет.

Новики захохотали. Те, кто владел наречием степняков, перевели суть сказанного половцам, и хохот разросся, захватывая всю полутысячу. А сам полутысяцкий, с удовольствием наблюдая за тем, как выступают красные пятна на лице Влунковича, поспешил успокоить наибольшего:

— Ладно, ладно, как скажешь. Подальше, так подальше. Хоть глаза резать не будет. Айда, ребята!

И ребята взяли с места, удаляясь от лагеря новоторжцев.

Немного погодя Олег въехал на высокий плоский холм и оглянулся назад. Далеко-далеко, пробиваясь искорками в густеющих сумерках, мерцали костры.

— Ужин, чай, готовят,— принюхался Лысун.

— Едем,— сказал Сухов.— Чем скорее обернёмся, тем лучше.

— Задумал цего? — поинтересовался Олфоромей.

— Да есть маленько...

Сотни конных ринулись вниз с холма, проехали топкой низиной и поскакали по отлогому склону, желтевшему прошлогодней травой. Редкие деревья стояли поодиночке, растопырив голые чёрные ветки.

Половцы, свистя и улюлюкая, понеслись впереди, не пропуская ни кочки, ни борозды,— известные следопыты, они читали землю под ногами как открытую книгу. Следов было мало — вон пара туриц пробежала, рядом пролегала старая, сглаженная колея.

— А вот, глянь,— сказал Олег, показывая на следы лошади.— Неподкованная! Половецкая?

Молодой Кулмей пригляделся и уверенно сказал:

— Не, то тарпан пробежал. Дикая лошадь.

— Наверное, от волков удирал,— сделал вывод его друг по имени Итларь.— Смотри, шаг какой!

— Похоже...

Оба половца сложили пальцы в охранительном жесте — волки степняками почитались за священных покровителей.

Солнце село, землю укутали тени, предвестники ночи, а отряд всё скакал и скакал на запад. Лишь перейдя вброд речку Тетерев, Сухов объявил привал.

Коней согнали в табун и отправили пастись под усиленной охраной, а на берегу разжигали костры, подвешивали над огнём котелки с водою, доставали из сумок крупу и солонину. Итларь, жадно принюхиваясь к запахам, исходящим от варева, не утерпел и сгонял подальше в степь, притащил дикого луку и ещё каких-то пряных трав. Накрошил поровну во все котлы — и дух пошёл такой, что даже терпеливый Олфоромей не выдержал.

— Вари быстрее! — простонал он.

Кашевары дружно заработали черпаками, помешивая походное яство.

После сытного ужина, с запивкой по вкусу — кому кумыс, кому сбитень,— воины стали укладываться, а сотники расселись у одного костра с полутысяцким и устроили военный совет.

— Чего делать будем? — с ходу спросил Чюгай Акланович, натуральный половец — длинные волосья его отливали соломенным цветом [1]. В рубахе, кафтане и кожаных штанах, Чюгай пропах дымной гарью и травяной горечью — истинный степняк.

— Задумал я, братие, дело одно,— сказал Олег, палкой вороша костёр,— дело опасное, зато и выгодное. Хочу, чтобы мы одни Мирослава отогнали, без новоторжцев! Знамо дело, побить войско галицко-черниговское нам не под силу, но разогнать его, проредить в стычках да засадах — это мы могём.

Слегка раскосые глаза Чюгая загорелись.

— Могём! — подтвердил он, гортанно выговаривая глагол.— А за то нам князь награду выдаст!

[1] Некоторые византийские источники, а также восточные авторы описывают половцев как блондинов с голубыми глазами.

— Так это ж надо сперва новоторжан обогнать,— трезво рассудил Олфоромей,— чтоб не мешались.

— Как их придержать, я придумал,— сказал Сухов,— но суть не в том. Мало нас, вот в чём беда. Новики мои — ребята стойкие, лучники знатные, но конники они никакие...

— Пешцы мы,— кивнул Станята,— к земле привычны.

— Вот именно! Стало быть, вся надёжа на половцев, а две сотни на два полка...— Олег покачал головою.

— Справиться можно,— осторожно сказал Итларь.

— Можно,— подтвердил полутысяцкий,— но сколь народу зазря погубим? Ведь галичане стоять да глазеть не станут, стрелять примутся!

— А я знаю, чего делать! — раздался из темноты голос Кулмея.— Надо ещё наших позвать!

— Откуда, балбал [1]? — хмыкнул Чюгай.— В Шарукань за подмогой сгонять или в Балин?

— В Салмакаты!

Над костром повисло молчание.

— А ведь точно! — хлопнул себя по коленям Чюгай.— Это, если отсюда на заход солнца скакать, забирая к югу. В одном переходе!

— Да поболе...— усомнился Итларь.— Но всё равно, близко. А кто там сейчас сидит? Не старый ли Ченегрепа?

— Он! — кивнул Чюгай.

— Хм... А вернулся ли Ченегрепа с кышлага [2]? Зимует он у моря, а сюда обычно откочёвывает ближе к маю, когда всходит молодая трава...

— Ченегрепа, сын Белдуза,— мой дед! — гордо оповестил командующих Кулмей.— И в Салмакаты он возвращается, лишь только сходит снег. Тута айлаг его!

---

[1] *Балбалы* — каменные истуканы, которые половцы устанавливали на курганах в честь павших героев. *Шарукань, Балин* — половецкие города-крепости. Полагают, что Шарукань находился на берегу Северского Донца, местоположение Балина неизвестно. Салмакаты («Сторожевая крепость») упоминается Константином Багрянородным под названием Салма-катай.

[2] *Кышлаг* — половецкие зимние пастбища. Летние — *айлаг*.

Итларь рот раскрыл, дабы определить место и значение молодого воина, но прикусил язык. Вместо отповеди он развернулся к Олегу и проговорил неторопливо:

— Салмакаты печенежской была, прадеды наши отвоевали её у орды...

— Йазы-Цопон? — не удержался Олег.

— Не-е...— замотал головою Итларь.— Кара-Бей. Крепость такой же осталась, а прежних хозяёв перебили...

— Одного на развод оставили! — жизнерадостно поправил его Кулмей, по-прежнему невидимый в потёмках.— Байчу, сына Кухея! Эй, Байча! Спишь?

— Заснёшь с тобой...— ответил ворчливый голос.— Чего тебе?

— Ты у нас печенег?

— Я не у вас, я сам по себе печенег. Всё, можно спать дальше?

— Спи, спи! — милостиво позволил Кулмей.

Отсмеявшись, командование вплотную занялось стратегией и тактикой...

На рассвете полутысяча тронулась к Мическу, что оставался в паре вёрст к северу, на том же берегу Тетерева. Городишко сей был мал настолько, что стены, окружавшие его, не имели башен. Но стража не дремала — мигом высыпала на заборола [1], лишь завидя конные сотни.

Олег подскакал к запертым воротам и крикнул:

— Княжье дело! Кто тут у вас волостель [2]?

Из бойницы над запертыми воротами высунулся дюжий мужик в шлеме-наплешнике.

— Ну, я,— прогудел он.

---

[1] *Заборола* — верхняя часть крепостных стен с проходом для воинов, защищённым парапетами с бойницами и крышей, укреплённой на столбах.

[2] *Волостель* — должностное лицо, управляющее волостью от имени удельного или великого князя. Жалованья волостель не получал, кормился за счёт жителей.

— Так слушай! Сегодня до вас доберётся полк воеводы Якима Влунковича, ясно?

— Ну, ясно...

— Ясно ему... Ежели не хотите бесчинств, встретьте их ласково, приветьте — пиво выкатите и чего покрепче. Они, чем пьянее, тем добрее!

— Ну, ладно...

— Ну, пока! — передразнил Олег волостеля и поворотил коня прочь, в степь Половецкую.

Степь стелилась то гладкой, как море в тихий день, то слегка всхолмленной плавными перепадами высот и низин. А над нею распахивалось небо, такое же пустое и обильное простором.

Конь глухо тюпал копытами по колючей сухой траве, сбивал репейники, ступал в стародавний навоз, иссушенный ветром, переступал через лошадиные кости, выбеленные дождём.

К концу лета степная трава выгорает, буреет и желтеет. Ложится под осенними дождями неприглядными космами, приобретая вид унылый и безрадостный.

То, что простиралось вокруг, звалось равниной, однако монотонность плоского поля то и дело нарушалась — гладкую степь перерезали реки и ручьи, она распадалась оврагами, проваливалась круглыми котловинами-западинами с плоским дном, густо заросшим ивняком и осиновым кустом. Островами, затерянными в степном море, поднимались дубравы, кленовые и ясеневые рощи, а пески речных долин скреплялись корнями могучих сосновых боров.

Чем дальше на юг, тем пустынней становилась Половецкая степь — рощицы остались позади, даже одинокие деревья не показывались взгляду. Одно Дикое Поле простёрлось вокруг — неопрятное, нечесаное, в буром полегшем бурьяне. Но уже пробивалась зелень, прорастала, жадно поглощая воду и солнце, обещая взойти буйным разнотравьем.

И вот равнина стала всё чаще горбиться курганами, вознося к далёкому небу каменных «баб» с руками, сложенными на животах, и с грубыми ликами, скорее уж на-

меченными, чем высеченными. Или то ветер с дождями так постарались, стёрли черты за века?..

Под вечер открылась Салмакаты — круглая стена из беленой глины, замыкавшая в себе «застройку» — островерхие войлочные юрты, саманные мазанки с покатыми крышами, бревенчатые срубы местных богатеев — дерево в степи дорого.

Местность вокруг крепости была голой — ни травинки,— изъезженной колёсами арб, истоптанной копытами коней и верблюдов, загаженной, но хотя бы не пыльной — слякотной.

Неровную глинобитную стену Салмакаты размыкали ворота-решётки из кривых стволиков, перевязанных кожаными ремнями. Десятки, да как бы не сотни юрт, крытых бурым, чёрным, белым войлоком, окружали крепость неровным кольцом, этаким предградьем, слободой на степной лад. Со стороны поля юрты были прикрыты рядами кибиток, а ещё дальше маячили конские табуны, пасущиеся верблюды, отары овец — «движимое имущество» куреня [1].

Первыми своё внимание на полутысячу Олега Сухова обратили стражники — в длинных кожаных панцирях, обшитых роговыми пластинами, нарезанными из копыт, в круглых шлемах с низкими шишаками на темени. Воины-половцы сидели у стены, приставив к ней копья, и сонно следили за подъезжавшими. На их загорелых, обветренных лицах не было и тени тревоги — чувствовали свою силу. В Диком Поле они — хозяева.

Не доезжая до ворот, Чюгай Акланович спешился. Половцы спрыгнули следом, новики покинули сёдла, изрядно кряхтя с непривычки, а Олег слез на землю последним.

Из ближних юрт уже выглядывали любопытные ребятишки, чумазые растрёпы. Женщины в ярких цветных шабурах [2], в жёлтых и зелёных платках, выкладывали на

---

[1] *Курень* — объединение нескольких родов, вернее, кошей. Кош — «семья» (аил) из представителей двух-трёх поколений, разросшаяся за счёт «худородных» родичей и челяди.

[2] *Шабур* — верхняя одежда из домотканой шерстяной материи.

просушку сыр из кобыльего молока, то и дело поглядывая на Олегову рать, а вот мужчины скрывали свой интерес к новоприбывшим — не подобает сие воинам. Они степенно сидели на расстеленных кошмах и работали по хозяйству — подшивали сёдла, плели сбрую из кожаных ремешков, строгали древки стрел.

За юртами фыркали довольные кони — подростки скребли им бока пучками соломы. Чаги, женщины-служанки, хлопотали у очагов — то проса подсыпят в котлы, то сала копчёного добавят. Они доили кобылиц, вычёсывали верблюжью шерсть, пряли и ткали. Чаги тоже обращали внимание на гостей Салмакаты, но взглядывали мельком, походя — некогда им было.

А уж рабы с колодками на тощих шеях и вовсе отворачивались, косясь угрюмо и злобно. Колодникам поручалась самая тяжёлая и грязная работа — глину месить пополам с навозом и резаной соломой, лепить из этой гадостной массы кирпичи и заделывать прорехи в крепостной стене, пострадавшей за зиму. Выскребать шкуры, мочить их и мять в деревянных чанах с раствором едкого помёта, с утра до вечера взбалтывать кумыс в огромных бурдюках-турсуках из коровьих кож.

И весь этот народ возился вокруг, бегал, расхаживал, орал, бранился, огрызался, вонял... Неприятный, неопрятный, непредсказуемый.

Чюгай громким голосом обратился к стражам у ворот. Олег понимал с пятого на десятое — вроде как его представляли знатным «Олгу-батыром», прибывшим с дружественным визитом к солтану [1] Ченегрепе.

Стражники, уважительно поглядывая на «Олгу-батыра», пропустили его в крепость. Следом вошли Чюгай, Итларь и Кулмей, надувавший от важности щёки.

---

[1] У половцев не существовало верховного правителя, а среди знати выделялись ханы, беги и солтаны. Бег — глава коша, поэтому бегов называли также и кошевыми. Во главе куреня стоял солтан. На совете старейшин выбирался хан — глава самого большого куреня. Отличали также беев, знатных воинов, и батыров, славных своей храбростью.

Изнутри Салмакаты казалась ещё больше. Внутри её стен полно было мазанок-овчарен, а посередине возвышалась, как меловой курган, юрта солтана из белого войлока. У её входа торчали длинные шесты с лошадиными хвостами на перекладинах, треплемые ветром. Это были бунчуки, знамёна солтанские.

Юрту Ченегрепы кольцом окружали шатры победнее, из бурого войлока,— место жительства жён солтана.

У дверного полога юрты Ченегрепы стояли два воина громадного роста, с неохватными плечами. Они грозно хмурились, сжимая рукоятки кривых сабель. Только намекни, живо пустят в дело...

Следом за Чюгаем Олег пробрался в юрту. Там было довольно опрятно — пол устилали ковры во много слоёв, деревянный каркас шатра покрывали разноцветные шелка. Света, проникавшего через дымовое отверстие-тоно в потолке, хватало, чтобы дать представление о богатом убранстве и о самом хозяине, восседавшем на толстой кипе кошм. Ченегрепа, сын Белдуза, не поражал богатырским сложением — росту среднего, мышцы заплыли жирком, волосатое чрево вываливается из кожаных шаровар. А вот лицо жёсткое, словно рубленное из дерева. Такой не будет колебаться, решая, казнить или миловать...

Половцы исполнили трио ритуал приветствия, в красках отобразив знатность и родовитость Сухова, а после Чюгай соло живописал ту нужду, которая привела «Олгу-батыра» в степь. Олег с трудом улавливал смысл сказанного.

Солтан Ченегрепа, снисходя до просьбы знатного соседушки, посланца самого «коназа», ответил в том смысле, что всегда готов к войне, и сделал широкий жест: присаживайтесь.

Сухов опустился там, где стоял, скрестив ноги, а хозяин юрты хлопнул в ладоши. Звякая цепями, появился колодник с бурдюком и наполнил пенным кумысом дорогие чаши китайского фарфора, на редкость чистые. Олег с удовольствием отхлебнул резкого, холодного напитка — видать, бурдюк в проточной воде держали.

Довольный солтан оскалил щербатые зубы, а Кулмей, погладив Ченегрепе толстые руки, и вовсе лучился, как начищенная номисма.

— Видал, какой у меня дед? — горделиво сказал он.

— Большой человек,— согласился Сухов.

— А то!

Тут Чюгай повернулся к Олегу и передал слова солтана:

— Ченегрепа хочет знать, какая доля добычи достанется ему?

— Скажи,— спокойно ответил Сухов,— что всё, взятое с бою, достанется славному солтану. Мы же идём не за добычей, а за победой.

Ответ Ченегрепу порадовал, и его последние слова стали понятны Олегу.

— Сегодня я буду гадать по волчьему вою,— торжественно сообщил сын Белдуза,— и скажу точно, что сулит нам война!

Стемнело быстро. Засинели сумерки, похолодало. Вспыхнули десятки костров, по всему становищу потянуло сладковатым запахом горелого кизяка. С первой звездой солтан Ченегрепа выехал на коне за пределы крепости и удалился в степь.

Олег с Кулмеем потихоньку отправились следом, но почтительно задержались у курганов, не смея мешать таинству гадания.

Как ни вглядывался Сухов в сумерки, различить, где там Ченегрепа, а где балбал на оплывшем кургане, он не смог. Зато отчётливо услыхал солтана — тот издал хриплый вой, подражая волку. Вой был долог и тосклив, сам собою будя страхи перед оборотнями и упырями. Кулмей испуганно поёжился, и только присутствие Олега удержало половца от спешного ухода.

Неожиданно солтану ответил настоящий волк. Кулмей сгорбился, успокаивая встревоженного коня, и забормотал, вспоминая заклинания, рукою теребя оберег, висевший на шее.

Недолго тишину делили два голоса, волчий и человечий — целый хор волков поднял вой, отвечая Ченегрепе.

— Возвращаемся,— негромко сказал Олег,— а то ещё дед твой нас застукает.

— Конечно, конечно! — поспешно закивал Кулмей и мигом развернул коня. Животное тоже было согласно удалиться...

Неслышимые и невидимые, они вернулись за стены Салмакаты, а вскоре, со всеми вместе, встречали солтана. Ченегрепа остановился перед воротами, куда сбрелись все свободные, и провозгласил:

— Нам будет сопутствовать удача! Мы одержим победу! Яшасын! [1]

— Яшасын! Яшасын! — радостно подхватил весь курень.

Половцы не делились на мирных скотоводов и воинов. «Если завтра в поход, если завтра война», то почти все они становились в строй — суровые мужи и мальчишки, молодые парни, жаждущие подвигов, и крепкие деды, вышедшие победителями из сотни боёв, девушки и незамужние женщины. Половчанки, правда, копьями не грозили врагу, но с луком управлялись получше иного мужчины.

Каждая семья из куреня Ченегрепы выставила по кошуну, как бы родовому полку. У Чурнай-бега насчитывалось всего полсотни воинов, у Тарха Красавчика и Камоса Карноухого — по сотне, а мужеподобная Аймаут вела чуть ли не двести конников. Всего войско Олега Сухова усилилось на полтыщи сабель. Сила!

Сам Ченегрепа остался в Салмакаты, переложив на «Олгу-батыра» верховное командование.

Перед рассветом конники пришлые и тутошние покинули крепость. Ехали быстро, а когда кони уставали, пересаживались на запасных — у иных степняков в запасе скакало по пять, по десять коней.

---

[1] *Яшасын!* — Да живёт! — половецкий клич, отдалённо соответствующий советскому «Да здравствует!».

Половцы принарядились, как на праздник,— все в кафтанах с галунами по подолу, вороту и вдоль рукавов, а половчанки ещё и в коротких юбках поверх кафтанов, да с головными уборами из остроконечных шапочек с отогнутыми вверх полями, косичек, лент, цепочек и колец.

Сухов ловил себя на том, что степняки ему нравились. То, что они антисанитарию разводят, отталкивало, зато половцы были единым народом и жили дружно. Случались, конечно, стычки — то водопой не поделят, то скотину уведут. Невесту украдут без уговору. Всякое бывало, но ханы не устраивали бойни и резни меж куренями и ордами, а воины половецкие были как на подбор — умелые, храбрые, дисциплинированные. Как начнёшь сравнивать с княжьим двором, тошно становится...

Путь «конармии» лежал на север, и Олег тихо радовался, что весеннее тепло не сменилось пока летнею жарой, иначе облако пыли, поднятое тысячами копыт, было бы видно издалека. А так чалый Сухова месил грязь, разбрызгивал лужи, тюпал по леглой траве.

Скакали весь день до вечера. У реки Случ Олег выслал вперёд разведчиков, молодых, азартных половцев. Естественно, без Кулмея тут не обошлось. А, вернувшись, внук Ченегрепы радостно доложил:

— Видали мы новоторжан! Реку перешли и дюже с похмелья маются!

Совсем юная половчаночка, скуластенькая и метко стрелявшая глазками, добавила:

— Вялые все, лагерем становятся между оврагом и рощей.

Олег задумчиво подёргал себя за ус, а Лысун каждому подъезжавшему бегу объяснял, кто такие новоторжане и какие гадости говорили они в адрес половецкого воинства.

— Напасть и перебить! — решительно заявила дебелая Аймаут.— По оврагу мы подберёмся незаметно.

— Нельзя! — отрезал Сухов.— Какие ни есть, а новоторжане — люди князя киевского. Они нам не враги, скорее уж соперники — тоже ведь идут на войну с галичанами. А нужно ли нам делиться добычей и славой?

— Придумал цего? — осведомился Олфоромей.

— Да есть маленько... Коль у новоторжан до сих пор головка бо-бо и во рту будто кошка насрала, стало быть, крепко их угостили в Мическе! Считайте, на день они в пути задержались. Вот и надо нам ещё денёк выиграть...

— Как? — прямо спросил томный и смуглый Тарх.

— Разгоним их лошадей!

Лица половцев расцветились улыбками понимания.

— По коням!

К лагерю новоторжцев подкрадывались в темноте, следуя ручью, журчавшему на дне оврага. А когда в красноватых отблесках костров завиднелся обрыв у того места, где Яким Влункович объявил ночёвку, Олег завёл своих подальше в темноту и начал подъём.

Вместе с ним отправились верный Олфоромей, Кулмей (куда ж без него!), Тарх, Итларь, Байча и ещё четверо половцев, имён которых Сухов не упомнил.

Отправляясь на рискованное предприятие, оседлали самых смышлёных лошадей, а для верности обвязали их копыта войлоком — и не услышать, и следов не останется.

Десяток шагом объехал стан, хоронясь за кустарником и редко раскиданными деревьями. Тарх с Итларем пропали в ночи — поискать ночных дозорных — и обнаружили их мирно спящими. Ни убивать, ни будить сторожей не стали — тайные «гости» разбрелись по роще, не тревожа их сон.

Между деревьями были протянуты волосяные верёвки, к которым привязывали коней. Животные фыркали, порывались ржать, но половцы знали толк в лошадях и быстро успокаивали гнедков да саврасок. Споро заработали острые ножи, обрезая верёвки и поводья. Олег забирался всё дальше в рощу, освобождая всё новых и новых скакунов, шлёпая их тихонько по крупам, чтоб живее разбредались.

— Ва-вай! — прошептал Кулмей неодобрительно.— Даже не расседлывали!

— Пора, Кулмей,— тихонько сказал Сухов, плохо различая лоснящиеся спины лошадей.

Половец хищно улыбнулся и пропал. И вот вспыхнули факелы, загорелись охапки сухой травы, и дикие вопли раскололи ночь. Гикая, свистя, подкалывая коней копьями, пуская стрелы так, чтобы не убить, а испугать, половцы погнали лошадей в степь.

Обезумевшие от ужаса животные, визжа и храпя, бросились напролом — через лесок, через луг. Вытянувшись струнко, мчались кони, покидая вчерашних хозяев, разбегаясь в стороны, кто к реке, кто на север, к городку Полонному.

Новоторжане с трудом возвращались в явь, подхватывались, метались, начинали стрелять по собственным коням, спросонья принимая их за вражескую конницу. Дикое ржание и суматошные вопли разносились по лугу, по роще, а десяток Олега уже уходил тёмным оврагом, незрим и неуловим.

Само собой, кони новоторжан почти все вернутся к хозяевам. Да хозяева и сами немало побегают по степи, отыскивая пропажу. День на это уйдёт — весь, без остатка. А Тихомель отсюда — в дневном переходе...

Олег ухмыльнулся и прибавил чалому прыти.

Скакать до Тихомели не пришлось — войско галицко-черниговского князя показалось сразу после обеда. Едва Олег успел утрясти в себе кусок вяленого мяса на лепёшке и хорошую порцию кумыса, как вот они, полки Мирослава!

Местность вокруг ровностью да гладкостью не отличалась, она то полого, очень полого вскатывалась, устраивая подъём чуть ли не до самого горизонта, то опадала спуском, едва заметным глазу. Спрятаться на этой перекособоченной плоскости было попросту негде — ни холмов поблизости, ни густых чащ. Только кое-где торчали одинокие деревья — разведчики Леса, заброшенные ветром в Степь, внедрившиеся в жирный чернозём, но так и не дождавшиеся подхода основных сил.

Сборное войско Олега двигалось по степному обычаю — несколькими колоннами. Новики, малоспособные биться верхом, старались не отставать и надеялись быть полезными — хотя бы числом своим страху нагонят на разных там галичан!

Молодые половцы рыскали на флангах и уносились далеко вперёд, разведывая путь и высматривая противника.

Вот пятёрка Кулмея доскакала до гребня возвышенности — и круто развернула коней, понеслась, что было мочи, до своих.

— Иду-ут! — долетел крик.

В тот же момент на «перевал» въехали чужие всадники, покрутились и сгинули.

— Ты не ори,— сердито сказал Сухов,— а говори толком! Кто идёт? Куда? Далеко ли?

— Галичане идут! — тут же отрапортовал Кулмей, вставая на стременах.— На нас идут! Они в трёх перестрелах [1]!

Олег и сам приподнялся над седлом, гаркнув:

— Вперёд!

А половцам объяснять, что к чему, нужды не было: ясно же — с горки ударить куда способней, нежели на горку мчать. И вся конница мигом прибавила прыти, одолела гребень — и оказалась в виду двух полков, над коими реяли жёсткие стяги с зубцами и колыхались хоругви. Полки на ходу перестраивались, смыкая ряды, подтягивая растянувшийся арьергард, а сам Мирослав скакал перед войском — меч наголо, красный плащ за плечами веет, конский хвост и грива на отлете. Картинка!

— Тарх! — крикнул Сухов.— Камос!

Подчиняясь мановению его руки, половцы бросились в атаку. Им не надо было объяснять тактику войны — степняки действовали по опыту сотен боев. Летучие отряды Тарха и Камоса налетели на галичан, ввязываясь в бой издалека — пуская стрелы на скаку и всякий раз попадая, не во всадника, так в его коня.

---

[1] Около полукилометра.

Покрутившись, побезобразничав, половцы ускакали прочь, но уже новые сотни тревожили полки, беспокоя их с флангов. Разозлённые галичане контратаковали, бросались на степняков, но куда там — половецкие отряды мигом рассыпались, отходя веером.

Это была давняя, проверенная метода — «свора собак против медведя». Медведь ворочается на месте, ревёт от злости, бьёт лапами наотмашь, а собаки вёрткие, под удар не попадают, кусаются, хватают зверя то за лапу, то за бок...

Подскакавший Чюгай возбуждённо крикнул Олегу:

— Хороший овраг есть! Глубокий, и близко отсюда!

Сухов, наслышанный о степных войнах, тут же отдал приказ — учинить ложное отступление.

Половцы завыли по-волчьи, накидываясь на галичан всем скопом, но не приближаясь на длину меча, по-прежнему действуя издали — меча стрелы, дротики, копья, накидывая арканы на воинов и сдёргивая тех с сёдел.

Мирослав воякой был опытным, он и венгров бил, и ятвягов, и ляхов, и рыцарям-меченосцам жизни давал, а вот со степняками дела не имел. Это его и подвело.

Накал страстей достиг предела, галичане уже и сами выли от ярости, пытаясь достать половцев, хоть как-то уязвить наглых кочевников, и те «дрогнули», начали отступать, а после развернули коней и стали трусливо драпать с поля боя. С торжествующим рёвом полки Мирослава бросились вдогон — выхваченные мечи так и заблистали на солнце, готовые рубить и кроить податливую плоть.

— Бей «копчёных»! — взвился крик.

— Бей! Бей!

— Руби! Коли!

— Врёшь, не уйдёшь!

А половецкие сотни заметались, как будто отчаянно ища прибежища, да и ринулись в устье глубокого оврага, втягиваясь в него потоком разгорячённых тел. Галичане с победными криками понеслись следом, забираясь всё дальше — вот-вот догонят, покрошат беглецов, растопчут...

— Олфоромей! — рявкнул Олег, едва сдерживая дикое возбуждение.— Станята! Наш черёд!

И новики, вместе с сотней Итларя, ударили в тыл галичанам, этакой пробкой запечатывая устье оврага.

Здесь, между оплывших стен балки, было душно — жар, исходящий от лошадей, держался, наплывал, не рассеиваясь под ветерком.

Новики ударили «клином», выставив копья. Половцы поддержали их с флангов, пуская стрелы в упор или навесом — в узком, замкнутом пространстве оврага ни одно из смертоносных жал не пропало зря.

Сухов не мог видеть, что творится впереди, но догадывался — кошуны из Салмакаты перестали «трусить» и развернулись, в упор разя противника, опорожняя колчаны, а самые горячие кидались с саблями на мечи. Бешеное мелькание копыт... Выпученный конский глаз... Трава, раскрошенная в труху... Оскал зубов, мелькание стали, лютая бледность на лицах...

— Кулмей! — крикнул Олег изнывавшему молодцу.— Скачи к Аймаут! Её выход!

Осчастливленный Кулмей взял с места и ускакал. Стрелки Аймаут очень быстро вышли на позицию — они показались на краю обрыва, натягивая луки и методично расстреливая тех, кто копошился внизу, кто попался в западню и не знал, где выход из неё.

Меж тем Мирослав понял, что допустил ошибку. Развернув своих людей к устью оврага, он пошёл на прорыв, не обращая внимания на потери — лишь бы вырваться из теснины на волю!

Сухов сразу почувствовал возросший напор и дал команду отступать — стоять насмерть он не собирался.

«Раскупорив» овраг, новики с половцами Итларя и Чюгая отошли, не прекращая обстрел. И вот повалила рать Мирослава — растрёпанная, побитая, растерявшая полдесятка знамён. Огрызаясь, отстреливаясь, разрозненные полки повернули обратно, туда, откуда пришли. Ряды их значительно поредели — и склон холма, и дно оврага были усеяны мёртвыми телами. Несколько коней

брели понуро, лишившись всадников, и спотыкались о брошенные поводья.

— Тарх! Камос! Аймаут! Чюгай! — воззвал Олег.— Преследовать полки до темноты! В ближний бой не вступать, нападать из засад! Добычу без вас делить не станем.

Успокоенные степняки поскакали на запад, а тем, кто остался, Сухов нашёл два занятия — приятное и не очень. Надо было собрать брони да оружие, проще говоря, обобрать павших и раненых. Половцы снимали с трупов всё, имевшее ценность, то есть раздевали догола и уносили мечи, шлемы, доспехи, портки, рубахи, оставляя одни нательные крестики, если те были из дерева.

А новикам и крещёным половцам пришлось хоронить чужих и своих. Своим отрывали могилы в размякшей земле, а галичан уложили под обрывом, да и обрушили песчаный край, разом погребая всех.

— Олфоромей,— устало обратился Олег.— Онцифор! Соберите стяги галицкие да черниговские, все, какие найдёте. Отвезём их князю!

— Это мы мигом!

Сухов подъехал к понуро замершему саврасому коню — осиротевшему скакуну с примесью хороших кровей, и спешился. Савраска вскинул голову, тревожно кося лиловым глазом, но Олег заговорил с ним ласково, погладил морду. Конь покивал головой, вздохнул, будто печалясь, и покорился новому хозяину.

А Сухов, взгромоздясь верхом на саврасого, оказался чуть выше — видать, степные предки «трофея» когда-то пересеклись с чистопородными. Похлопав коня по шее, Олег осмотрелся. Победили они или нет? Мирослав бежал, и правильно сделал — воевода спас полки от полного разгрома. Степь ведь не зря Половецкою звалась — Ченегрепа и иже с ним властвовали над просторами между лесом и морем, а дабы удержать сии просторы, требовалась сила немалая. И она у половцев была.

Так или иначе, решил Олег, а задачу свою они выполнили — галицко-черниговское войско отогнано за пре-

делы княжества Киевского. Победил ли он Михаила Всеволодовича Черниговского — это ещё вопрос, но вот над Якимом Влунковичем верх одержан точно...

...На Бабином Торжку собрался полк из Нового Торга. Новики и половцы Олега скромно стояли в сторонке, у позеленевшей квадриги.

— Струсили галичане,— бойко докладывал Яким Влункович,— даже показыватьсе нам не стали! В Тихомели, как и полагаетсе, тишь да гладь да божья благодать. Мы по всей степи рыскали, а не сыскали ворога. Побоялси, видать, Мирослав клинков наших, не решилси границу-то перейти!

— Эва как...— протянул Ярослав Всеволодович.

Великий князь осмотрел новоторжан и повернул голову к Сухову.

— А ты что скажешь, Олег Романыч? — спросил он сумрачно.

Вместо ответа Олег дал знак Олфоромею, и тот, на пару со Станятой, вынес охапку стягов и бросил Ярославу Всеволодовичу под ноги.

— Это знамёна воеводы Мирослава,— громко заговорил Сухов,— потрепали мы галичан здорово, вот они и утекли!

— Лжа это! — заорал Влункович, напрягая жилы.— Не можно четырьмя сотнями побить два полка!

— А уметь надо!

Князь с любопытством оглядел стяги, пощупал даже жёсткую ткань с изображением Святого Василия, а потом огласил своё решение.

— Храбрецы новоторжские! — сказал он зычно.— Благодарю за службу! Обещал я вас наградить и слово своё исполню. Можете возвращаться до дому!

Новоторжане — смущённые, растерянные, обрадованные, равнодушные,— зашевелились, зароптали, подались с площади, а Ярослав Всеволодович снял с себя витую золотую гривну и нацепил её Олегу на шею.

— Носи, воевода,— сказал он.— Служи с честью, и дано тебе будет не только славою облечься, но и великим почётом!

Сухов поклонился, больше всего упиваясь той зеленью, что проступила на лице Якима Влунковича, бледном от ненависти. «Понял? — мелькнуло у Олега.— Во-от...»

Глава 7,

в которой Сухов поминает чёрта

Шестого мая, в день Святого Георгия Победоносца, киевляне устраивали «гулянку» — принарядившись, целыми семьями отправлялись за город, на Выдубицкие высоты. Там они пили и закусывали, расстилая скатёрки на молодой траве, ходили босиком по густой поросли, как бы прокладывая жизненную тропинку до следующей весны. А весна нынешняя буйствовала, вся природа справляла праздник жизни — расцветала зелёная степь, расцветали каштаны, расцветали девушки. Открывали сезон соловьи, аккомпанируя возлюбленным парам, разносились по-над Днепром чудные, протяжные песни.

В день шестой месяца мая, который в Киеве по-прежнему называли травнем, Олег Сухов ходил в народ и окунался в гущу событий. Притомившись ходить и окунаться, он устроился в тени Выдубицкого монастыря, у подпорной стены церкви Архистратига Михаила, лет сто назад сработанной Милонегом. Днепр отсюда был совсем близко, плеск речных волн заглушал крики и здравицы, доносившиеся из дубрав Выдубицкого урочища, и навевал покой.

Воевода Олег Романыч во все первые числа месяца травня нёс службу на левом берегу, утверждая власть Владимира Рюриковича в Переяславле. Бояре переяславские, отвыкшие под князем жить [1], воспротивились пона-

---

[1] Князь Святослав Всеволодович, посаженный в Переяславль в 1230-м, покинул город в том же году — престол остался вакантным.

чалу, но мечи дружинников и воев живо укротили строптивцев, некоторых укоротив на голову.

При штурме переяславских Епископских ворот Олега чувствительно задела стрела, распоров плечо, хорошо хоть левое. Рана была неглубокая, но, не дай бог, заражение... Тогда всё, капец. Сухов вытерпел прижигание калёным железом, а в Киеве Пончик обработал рану по всем правилам.

— И чтоб никаких купаний! — строго наказал Александр, меняя повязку.— Понял?

— Во-от...— подхватил Олег, поглядывая за ловкими пальцами Шурика, накладывавшими пахучую мазь и аккуратно обматывавшими раненую руку чистой холстиной, порванной на ленты и прокипячённой в целебном растворе.

— Как там Переяславль? — спросил Пончик.

— Деревня,— коротко ответил Сухов.— Правда, каменная баня есть. Прям как терма.

При упоминании о термах Шурик вздохнул украдкой. Олег приметил этот момент, но ничего не сказал — ему и самому порой становилось паршиво. Только вспомнишь об Алёне — и понеслось... Столько сразу наваливается всего, памятного, дорогого — и утраченного безвозвратно. Как тут не посчитать жизнь поганкой?

Пончик закончил с перевязкой, полюбовался делом своих рук и велел Олегу одеваться. Сухов осторожно натянул через голову шёлковую рубаху с богатой вышивкой у ворота и привалился спиною к стене — толстые дубовые брёвна удобно подпирали тело.

Сощурившись, огляделся. Широкий Днепр переливается на солнце. Камыши шуршат, листья молодые шелестят, хор девичий зачинает распевку... Хорошо!

— Неуютно мне в Киеве,— неожиданно выпалил Шурик,— неприятно. Угу...

— С чего это вдруг? — удивился Олег.

— Да не вдруг... По всей Руси князья дерутся, а тут, на юге, и вовсе лютуют — настоящая гражданская война

идёт. А Орда всё ближе... Батый ныне в поход на буртасов [1] собирается, на мордву... Угу.

— Откуда знаешь? — насторожился Сухов.

— Половец один рассказывал. Говорит, хан ихний, Котян Сутоевич, уходит потихоньку из донских степей. Уже и послов своих к венгерскому королю засылал, чтобы в те земли переселиться. Король Бела поставил условие — всем креститься, и Котян согласился...

Олег присвистнул.

— Да-а...— протянул он.— Видать, прижало хана крепко.

— То-то и оно! — воскликнул Пончик.— Скоро и нас прижмёт, да так, что ни вздохнуть ни охнуть! А князья, вместо того чтобы оборону крепить против общего врага, сживают друг друга со свету!

— Да-а...— повторил Сухов.— Знаешь, кого я сейчас вспомнил? Вана. Помнишь такого?

— Ван? — наморщил лоб Пончик.— А-а, это тот китаец? Ты ещё у него чай покупал! Он?

— Да. Не помню, по какому случаю, но Ван Лун однажды поделился со мной одним наблюдением. Рассказал, как в детстве вышел на окраину своей деревни и наблюдал за дракой двух псов. Собаки сцепились так, что клочья летели. Они рычали, визжали, грызлись — и не заметили, как из леса вышел тигр. Полосатый одним ударом лапы пришиб обоих и утащил — тигры терпеть не могут собак, но любят собачатину. Мстят будто за своих мелких сородичей...

— Похоже,— вздохнул Шурик.— Целая свора грызню устроила, а с востока приближается безжалостный хищник. Одних шавок он растерзает, другие станут лизать полосатую задницу...

— А так и будет, Понч. Что ты хочешь? Лествичное право...

---

[1] Народ, населявший в описываемый период территорию нынешней Пензенской области. Этническая и языковая принадлежность буртасов до настоящего времени не выяснена. После опустошительного нашествия Батыя буртасы в течение короткого времени сходят с исторической сцены.

Ох уж эта окаянная «лествица»... Поговаривают, что лествичный порядок престолонаследия Русь переняла у Хазарии. Так это или не так, никто уже не скажет. В теории «восхождение по лествице» вроде бы исключало борьбу за власть, поскольку все дети умершего правителя получали часть общего наследства. На практике «лествица» приводила к нескончаемой междоусобной распре.

Почил князь Владимир Красное Солнышко, папаша многодетный, и всем его сыновьям достались уделы — более-менее цельное государство раскололось на княжества, те подробились на ещё более мелкие волости. Но даже самый мелкий удел доставался наследнику лишь на время. Почему? Вот в этом-то и крылось коварство «лествичного права»!

Когда князь-отец умирал, его место в роду занимал старший брат, он становился отцом для младших братьев, а его сыновья делались братьями дядьям своим и переходили из внуков в сыновья, потому как не было уже деда над ними, старшим в роду оказывался уже их родной отец. Умирал старший брат — второй брательник заступал его место. Теперь он делался отцом для прочих младших братьев, и уже его дети переходили из внуков в сыновья, из малолеток — в совершеннолетние. Вот так молодые князья через старшинство своих отцов сами приближались к месту старшего в роду. «Как прадеды наши лествицею восходили на великое княжение киевское,— говаривали вельможи,— так и нам должно достигать его лествичным восхождением» [1]. А перешёл ты на следующую ступень — всё, бросай доставшийся тебе удел, перебирайся в другой. Но и там корней не пустишь, ибо владение твоё — не навсегда. Некогда тебе править, даже вникать в проблемы времени нет. Очередная смерть старшего в роду — и начинается перемена мест. Был ты удельный князь болховский — станешь удельным князем курским. Или вжищским. Или ещё каким.

[1] Формулировка принадлежит С. Соловьёву.

Тот ещё порядочек, что и говорить. А ежели князь помрёт, не будучи старшиной рода? Тогда дети его навсегда останутся на ступени несовершеннолетних — дальнейшее восхождение их прекращалось. И им это активно не нравилось — обделённые поднимали мятежи, затевали войны, а благополучные чада в долгу не оставались, давали сдачи изгоям.

И каждое чадо ревниво посматривало на прочих деток, возгораясь гневом и алчностью: «А чего это у Михайлы больше земель, нежели мне дадено?», «Ослаб Игорёк, надо бы у него пару городишек оттяпать...», «Не годится сие — одни леса у меня! А у Глеба пажить на пажити! Переделить надобно — мечом нарезать землицы!»

И оттяпывали, нарезали, творили передел и беспредел. А что же народ? А народ безмолвствовал, терпел и вымирал — войны разоряли земли, а разорение вело за руку голод невиданный: одни впадали во грех людоедства, обрезали человечину с трупов, другие ели и конину, и собачатину, и кошатину, кору липовую грызли и лист, ильм употребляли в пищу и сосну, вламывались в чужие дома, надеясь найти хоть немного зерна, повсюду: на улицах, на торжищах, за околицей — валялись трупы, которых пожирали стаи собак, и жирные вороны благословляли мор, и некому было хоронить мёртвых...

— ...Знаешь,— сказал Сухов задумчиво,— чем дольше я служу князю, тем сильнее моё желание бросить всё на хрен и уплыть на необитаемый остров, благо их в этом времени не счесть. Или поубивать, одного за другим, всех здешних князьков! Ну невыносимо, Понч! Этим придуркам даже в голову не приходит собрать земли и силы воедино, у князей одно на уме — кромсать и рвать! Знаешь, я даже рад, что грядёт Батыево нашествие.

— Ну, ты скажешь тоже...— неуверенно промолвил Шурик.

— Нет, правда. Пусть бы хан прижал им хвосты! Хоть какой-то порядок будет под Ордою...

— Вот именно — под! — фыркнул Пончик.— А потом монголам дань плати. Вот уж радости!

— Подумаешь, дань! Да твоя разлюбезная Ромейская империя кому только не платила — и гуннам, и готам, и аварам, и хазарам, и печенегам, и русам! И ничего! Ладно...

Опираясь на правую руку, Олег поднялся и отряхнул порты.

— Пошли, Понч,— сказал он.

Александр лениво поднялся.

— Если хочешь, оставайся,— добавил Сухов,— а я пойду. Мне сегодня опять в ночь, князя стеречь.

— Тогда я лучше тут посижу,— рассудил Шурик, устраиваясь под стеной.— А то меня эти дворцы в депрессию вгоняют.

Олег хмыкнул понятливо и пошёл по тропинке вниз, к огромной иве в два обхвата, где стояли лошади. За ними присматривали длинношеий Онцифор и расторопный, хоть и малость бестолковый, Кулмей.

— В город,— бросил воевода, влезая в седло.

— Мой дед пробовал жить в городе,— тут же подхватил внук Ченегрепы.— Целых два дня вытерпел — и сбежал. Дышать, говорит, нечем было — дома и люди давят со всех сторон, глаза простора не видят. Я вот,— вздохнул он,— тоже измучился...

— Измучилси он, как же,— фыркнул Онцифор.— Вона, щёки нaел — треснут скоро!

— Я внутрях измученный!

— Иди ты! Мученик нашёлси...

Переругиваясь, перешучиваясь, вся троица покинула земли монастырские и поскакала натоптанной дорожкой к Киеву. На колокольне Софии загудел, заговорил благовест — ударил трижды, разнёс над городом медленные, протяжные звоны и заколотил неспешно, размеренно, призывая на службу.

Ночь, опустившаяся на Киев, была столь тепла и духовита, что запираться в дворцовых стенах казалось глупостью и потерей. Но — долг превыше всего.

Луна заливала коридор ярким холодным пыланием — свинцовые рамы были распахнуты настежь, запуская ветерок в княжеские палаты. Тишина стояла такая, что Олег слышал даже шарканье ночной стражи.

Неторопливо пройдясь по коридору, Сухов развернулся — и увидел человека в просторном чёрном плаще с капюшоном. Человек прихрамывал при ходьбе, шагая уверенно, без опаски. Олег похолодел, окликнул придавленно:

— Эй!

«Чёрный» спокойно развернулся.

— Бэрхэ-сэчен...— глухо проговорил Сухов.— Верно говорят: дерьмо не тонет!

Бэрхэ-сэчен оскалился в кривой усмешке.

— А, багатур...— сказал он небрежно. Не отводя глаз, добавил: — Не цапай меч. Не смерть несу твоему князю, а весть. Я — посол.

Неизвестно, чем бы закончилась эта встреча, но тут из Золотой палаты — тронного зала — выглянул Ярослав Всеволодович, одетый и трезвый.

— Это ко мне, воевода,— резко сказал великий князь.

— Княже, этот человек...

— Мне ведомо, кто он! Проследи, чтоб никто не мешал нам.

— Да, княже.

Бэрхэ-сэчен скрылся в палате, а Олег, не мешкая, прошёл в конец коридора и по маленькой, неприметной лестничке поднялся к низенькой двери, обитой железом. Осторожно отворив её, он вышел под потолок тронного зала, на один уровень с массивными деревянными стропилами, поддерживавшими тяжёлую каменную крышу. В четырёх саженях ниже стоял престол с роскошным золочёным креслом, а прямо из-под ног Олега уходила мощная средняя балка, протянувшаяся во всю длину Золотой палаты. Через каждую сажень её пересекали попе-

речины, опиравшиеся концами на боковые стены. Все балки и стропила покрывала искусная резьба.

Балансируя, Сухов продвинулся по центральной балке до того места, откуда свисало паникадило, похожее на тележное колесо, утыканное огарками восковых свечей — слава богу, потушенных.

Олег осторожно присел, замирая, и разглядел внизу двоих — русского князя и монгольского нойона.

— Говори,— сухо сказал Ярослав Всеволодович.

Бэрхэ-сэчен поклонился и торжественно провозгласил:

— Великим ханом Белой Орды [1] Бату, сыном Джучи и внуком Потрясателя Вселенной [2], послан я к тебе, великий князь киевский!

Князь молча выслушал нойона, поднялся по ступенькам к трону и уселся. Так же, ни слова не говоря, он протянул руку в приглашающем жесте: присаживайся, дескать.

Бэрхэ-сэчен замешкался, собираясь устроиться прямо на толстом ковре, но передумал — сел на лавку из золочёного морёного дуба.

— Слушаю тебя, посол,— гулко прозвучал голос Ярослава Всеволодовича.

Посол помолчал, словно раздумывая, с чего ему начать, и заговорил с чувством:

— Две зимы назад на далёкой реке Онон собрался совет-курултай, на котором монгольские ханы приняли решение идти в большой поход на запад — на булгар, на Русь, на Европу — «до последнего моря». Сами Чингизи-

---

[1] Обычно хана Батыя относят к Золотой Орде, но это спорный вопрос. Джучи, старшему сыну Чингисхана и отцу Батыя, достались в удел западные земли — Ак-Орда, Белая (или священная) Орда. Ему же были пожалованы ещё не завоёванные земли на западе. Возможно, в названии Ак-Орды заложены мистические положения китайской философии, согласно которой запад являлся священной стороной света, отмеченной белым цветом.

[2] Монголы опасались прогневить тень Чингисхана, поэтому не упоминали имя его всуе, называя то Потрясателем Вселенной, то Священным Воителем. Чингиз или Чагониз — так его называли русские, а вообще-то хан был Тенгизом.

ды, прямые потомки Священного Воителя, выразили своё желание воевать, в бой идти за славой и добычей, во исполнение завета Потрясателя Вселенной...

— Потрясателя? — перебил посла Ярослав Всеволодович.— Уж не Чагониза ли ты имеешь в виду?

— Его, князь,— поклонился Бэрхэ-сэчен.— Великое почтение не позволяет мне произносить многославное и грозное имя.

Окрепшим голосом он продолжил:

— Семь туменов вышли в поход. Тумен — это тьма по-вашему, десять тысяч воинов. Поход возглавили Бату, Орду, Шейбани и Тангут, чьим отцом был Джучи, старший сын Тэмучина [1]; возглавил и наследник Джагатая, второго сына Священного Воителя, храбрый Хайдар, и внук Чингизида, Бури. Угедэй, третий сын Тэмучина, ставший силою Вечного Неба Далай-ханом всего великого народа, послал в поход Гуюка и Кадана. Меньшой сын, Толуй, отправил Мункэ и Бучека, а самый младший отпрыск Потрясателя Вселенной, Кюлькан, лично участвует в походе.

Ведёт тумены Субэдэй-багатур, полководец бесстрашный и мудрый, не познавший ни одного поражения, но завоевавший полмира. Это он, Субэдэй, опустошил земли булгар той осенью, убивая толпы народу, сжигая города Биляр, Кернек, Жукотин, Сувар... О, это была славная война! Биляр размерами своими превосходил Киев, имея шесть рядов оборонительных валов, а монголы взяли его приступом, и нету более града сего! Я сам верно и преданно служу хану в тумене славного подвигами Бурундая, молодого, но отмеченного богом войны Сульдэ. Я — тысяцкий, и говорю лишь о том, что видели мои глаза!

Великий князь киевский сидел, оцепенев.

— Эва как...— разлепил он губы.— Ты что ж, послан застращать меня?

Бэрхэ-сэчен поклонился и сказал ровным голосом:

---

[1] *Тэмучин, сын Есугея,*— имя того, кого позже стали титуловать как Чингисхана.

— Великий Бату-хан желает найти в тебе, коназ, союзника.

Ярослав Всеволодович сразу ожил, закаменевшее лицо его разгладилось.

— Булгары твердят,— бодро сказал он,— что Батыга Джучиевич надо всеми князьями князь, что он владыка всех владык, а деду его, Чагонизу, будто бы покорился весь мир. Правду бают али брешут?

— Священный Воитель распространил свою власть над Китаем и Персией, Хорезмом и Самаркандом, над дикими краями Сибири и степями Дашт-и-Кипчак. Вся Русь, от Рязани до Новгорода и от Киева до Владимира, будет выглядеть как заплата на кафтане, не покрывая и десятой доли монгольских владений [1]...

Ярослав Всеволодович поднял руку и сказал нетерпеливо:

— Будем считать, что я уже устрашился и преисполнился почтения. Чего же хочет от меня Батый? Чего ждёт?

— Покорности,— ровным голосом ответил Бэрхэ-сэчен.

— Покорности?! — вскричал великий князь.

— И верности,— хладнокровно договорил монгол.

Ярослав Всеволодович растерялся даже.

— Да в своём ли ты уме, посол? — тихо прозвучал его голос.

— Коназ! — с напором сказал Бэрхэ-сэчен.— Сила грозная и несокрушимая идёт из степи! Никому не дано оказать сопротивление Орде, а все те, кто пытался это совершить, обратились в прах! Вся Русь покорится власти и мощи Бату-хана, ляжет у ног великого, как покорная наложница. И не останется более ни одного самовластного правителя ни в Киеве, ни во Владимире, нигде! Бату-хан принесёт на Русь новый порядок — ни один коназ не займёт свой престол без позволения Орды. Править будут те, кто получит из рук хана ярлык на княжение. И ты, коназ, можешь стать первым, кто обретёт право на власть! Бату-хан хочет, чтобы ты стал великим коназом владимирским.

---

[1] Монголы представляли себе Землю подобной разостланному халату, окружённому беспредельным морем.

Ярослав Всеволодович побледнел. Да кто ж из князей не мечтает добиться власти над огромным и богатым Владимиро-Суздальским княжеством! По сравнению с Владимиром даже Киев малозначим и беден!

— А не забывает ли хан Батый о сущей мелочи? — вкрадчиво спросил князь.— Ведь во Владимире правит Юрий Всеволодович, великий князь!

— Орде не нужен Юрий,— надменно ответил Бэрхэ-сэчен,— Орда желает видеть великим князем Ярослава.

Ярослав Всеволодович откинулся на спинку трона, испытывая томительную муку выбора,— лицо его попеременно выражало страх, сомнение, надежду.

— Эва как... Допустим, я соглашусь,— сказал он.— Сохраню ли я тогда Киев?

— Сохранишь, коназ. А сын твой княжить будет в Новгороде. Так ты подчинишь своей власти почти все земли русские!

Князь встал с трона, спустился по ступенькам, заходил нервно.

— Хорошо,— сказал он,— согласен! Что я должен делать?

— Ждать, коназ.

— И долго?

— До глубокой осени. А затем двигайся на север, в Новгород, убеждай сына признать власть Бату-хана. Посланцы хана Угедэя уже склонили Александра Храброго на сторону Орды, но не лишним будет и слово отеческое...

— Это мне понятно, но... Если я покину Киев, то его сразу же займёт князь Михаил!

— Займёт,— спокойно согласился Бэрхэ-сэчен.— Но ненадолго.

— Хм... Когда и где я увижу хана Батыя?

— Вы встретитесь зимою в Шеренском лесу [1]. Если ты, коназ, не изменишь хану, то получишь ярлык.

— А что получит Орда?

— Десятину.

---

[1] Местонахождение Шеренского леса нельзя указать точно, лишь приблизительно — на границе нынешних Ярославской и Тверской областей.

— Всего-то?

— Рядом с жадностью нет места мудрости...

— Договорились!

Олег Сухов осторожно распрямил затекшие ноги и двинулся обратно. Добрался до дверцы, просунулся на лестничку, спустился в коридор. Он совершал все эти движения чисто механически, не думая, потому как в голове гремели подслушанные слова.

Господи, ещё война толком и не началась, а захватчики уже договариваются с будущими предателями! Или князь — не иудиного племени? А как тогда назвать человека, согласного сотрудничать с оккупантами? Или всё это громкие слова? Разве у Ярослава Всеволодовича выбор есть? Ну, откажется он, не будет покорен и верен Орде, так те другого найдут! Хотя нет, ордынцы уже года два засылают шпионов на Русь, всё выведали, что нужно. И знают точно, на кого им ставить. Видать, Ярослав у них давно уж в разработке... И разве плохо хоть как-то вместе собрать земли Владимира, Киева и Новгорода, трёх столиц русских? Хоть как-то привести их к единству?..

...Подставив разгорячённое лицо ветру, задувавшему в окно, Олег закрыл глаза, приводя себя в зыбкое равновесие. Со вздохом отерев лицо, он посмотрел с горы на Днепр, за реку, на восток, где занималась заря. Оттуда, из туманной дали Великой степи, прихлынут несметные полчища, рассеют русское воинство, разорят города и веси, закабалят на века.

— Да и чёрт с вами со всеми,— пробурчал Сухов и с треском захлопнул тяжёлые ставни.

Глава 8,

в которой опять власть меняется

Наступило лето. Навалилась жарень. Олег то и дело выходил к реке — потоптаться босыми ногами по горячему песочку, по хрустким ракушкам, бултыхнуться в

воду, смывая с себя пыль, пот, тревоги. Но вот выберешься на берег — и снова тобой овладевают беспокойные мысли.

Никто: ни боярин, поставленный заведовать перевозом на Днепре, ни рыбак, удивший сига на Волхове, ни купец, одолевавший Волок Ламский [1],— никто не ведал, что ждёт их всех совсем скоро, поздней осенью, зимой и весной. Сухов знал — и что ему прикажешь делать со своим знанием?

А жизнь продолжалась, шла себе помаленьку — поскрипывало водяное колесо у Пасынчей беседы, глухо воркотали жернова, перемалывая зерно. Каждое утро начиналось с петушиных криков и пронзительных звуков свирели — это пастухи собирали коров со всей улицы и вели стадо за город, на пастбища.

Чёрные пашни подёрнулись зеленью всходов, подросли злаки, заколосились, зажелтели — приспело. Девки, подвернув понёвы [2] «кульком», вышли в поле с серпами, колосок к колоску собирая в снопы.

А после и леса желтизной тронуло. Облетела листва, холодом потянуло, лужи стало ледком прихватывать. Задубела земля, ударили морозы. Повёл отсчёт дней ноябрь, приближая зиму.

Великий князь Ярослав Всеволодович нервничал всё сильнее, всё раздражённей становился, а однажды утром успокоился. Велел в поход собираться.

Тысяцкие да сотники роптали недовольно — и куда это князю нашему вдруг приспичило? Зима на дворе, а он нас с тёплых мест срывает! Один лишь воевода Олег Романыч понимал, что движет князем, но молчал. Как мог, утешил Олёну, вскочил на коня, да и повёл свой полк куда велено.

---

[1] Волок из реки Лама в Волошню, приток Рузы. Ныне — город Волоколамск.

[2] *Понёва* — запашная юбка, полагавшаяся девушкам по достижении известного возраста и носившаяся поверх рубахи. Имела разрез спереди, из-за чего прозывалась разнополкой. Шили понёвы, в основном, из суконной ткани в клетку, причём размер клеток обозначал площадь земель, находившихся во владении семьи.

Князь отъезжал на любимом своём белом коне. Он был в кольчуге и в шлеме, с новгородской распашной шубой на плечах. Длинные рукава её болтались на ходу, хотя вшиты они были больше для красоты — шубу носили внакидку. Задумчив был Ярослав Всеволодович, рассеян и мрачен.

Киевляне высыпали на улицы, провожали князя хмурыми взглядами, воздыхали да плакали — не потому, что жаль им было расставаться с Ярославом Всеволодовичем. Просто понимали люди, что грядёт новая власть — всенепременно князь галицко-черниговский заявится. И опять им терпеть поношения да поборы, а всех разве накормишь? Известное дело: утробы княжьи — ненасытны.

— Только устроишься, и на тебе,— брюзжал Пончик, часто оборачиваясь, словно силясь запомнить городские пейзажи Киева.

— А что изменилось? — возразил Олег, оседлавший савраску.— Ты как был этим... лейб-медиком, так ты им и остался. Состоишь при особе великого князя. Чего тебе ещё?

— Да неохота мне переться чёрт-те куда! Опять есть из общего котла, спать, где положат, и не помыться, не побриться! Угу...

— Ты же в курсе, куда мы едем,— утишил голос Сухов.

— Да в курсе я...— буркнул Пончик.— Угу... До сих пор не могу поверить, что великий князь так под великим ханом прогнулся...

— Ярослав — подлый, хитрый, коварный, беспринципный тип, то бишь настоящий политик. Прогнулся... А что ему оставалось? Сам не прогнёшься, так тебя силком в три погибели скрючат!

— Ох, не знаю...

— Узнаем.

От войска Ярослава Всеволодовича осталось едва ли тыща народу — новики Олеговы, переяславцы да дружинники Акуша. Новгородцев князь тоже отправил по домам, не забыв наградить за службу. Правда, Акуш обещал призвать половцев своего дядьки, солтана Китанопы, но тех ещё уговорить надо было — степняки тоже не испытывали особой любви к перемене мест накануне зимы.

Воинство переправилось через Днепр и выступило в дальний поход.

Ярослав Всеволодович вёл своих людей не прямо на север, а склоняясь к востоку, так, чтобы пройти землями Черниговского княжества. Ведь ясно же, что Михаил обязательно займёт Киев! Так хоть нагадить напоследок государю галицко-черниговскому!

Уневеж, Всеволож, Блестовит, Хоробор, Болдыж, Кромы — всем досталось. Сам Чернигов войско обошло, а вот с городишек малых и окупы взимали, и брали всё, что нравилось,— отборное зерно на корм лошадям, «мясо, млеко, яйки».

— Это что...— вспоминал Акуш, жмурясь от приятных воспоминаний.— Вот лет шесть тому порезвились мы так порезвились — с размахом! Тогда Ярослав Всеволодович собрал полки со всех волостей своих, в набег пошёл на Михаила Всеволодовича. Серенск мы тогда пожгли, весь север Черниговщины опустошили! Да-а... Они тогда вместе с Даниилом Романовичем взялись князя черниговского извести. Да, союзниками были Ярослав наш с Данилой. У них же жёны — сёстры родные, обе — дочери Мстислава Удатного. То ещё бабьё... Змеищи! Паскудные — страсть!

— Вот и сбегают от них мужья,— усмехнулся Олег.— Отдыхают, воюя.

Акуш расхохотался, а Сухов с любопытством присматривался к этому половцу, что сумел узду накинуть на княжьих дворян. Летом окольничий не вредил ему никак, а по осени помирился даже. Особой приязни к бывшему вражине Олег не испытывал, дружбы с ним тоже не водил, но приятельствовал — чего зря-то беса тешить?

Ранним утром войско вышло к Оке, и Акуш напомнил князю о своём обещании призвать бойцов Китанопы. Ярослав Всеволодович кивнул и обратился к Олегу:

— Бери, Романыч, своих и дуй за Акушем. Сколько выделит Китанопа сотен, столько и приведёшь. Под твоей рукой будут, вот и поглядишь, чего товар стоит. Будем вас в Дебрянске ждать. Ступайте!

— Слушаю, княже,— поклонился Сухов.

Не мешкая, он окружил себя полусотней Олфоромея и припустил за окольничим — тот взял с собой Сатмаза да сотню половцев в полном боевом облачении. Сам Акуш щеголял в кожухе, в тёплых шароварах с лампасами и в бесформенной меховой шапке со свисавшими на спину лисьими хвостами.

— Я с тобой! — послышался заполошный крик Пончика, и «лейб-медик» догнал Олега, вызывая добродушные смешки ополченцев.— Что я один-то делать буду? Угу...

— А кому ж о здоровье княжьем печься?

— Да чего о нём печься? Здоровый же бычара, ни одна зараза его не берёт! Угу...

— Ладно, поехали.

И они поехали. Налегке, без обоза и долгих остановок, кони домчали «призывную комиссию» до реки Воронеж на второй день.

— Дядька стоит под Чёрным лесом,— махнул Акуш плетью, указывая направление.— Это рядом совсем, обедать будем уже в становище!

Лес действительно был тёмен и непрогляден. Окружённые со всех сторон степью, деревья будто сплотились, теснясь и сплетаясь ветвями. Тут, рядом с понятной ему чащей, Олегу стало спокойней — это в степи спрятаться негде, а лес укроет, не выдаст.

— Пришли,— сказал окольничий. Вложил два пальца в рот и пронзительно свистнул.

И тут же из леса повалили всадники на конях степной породы, но не половцы — на всех долгополые бараньи шубы мехом вверх и шаровары из конской кожи шерстью внутрь, на головах остроконечные собачьи малахаи с наушниками и назатыльниками, и ноги в тепле — в сапогах-гутулах, выстланных войлоком.

Акуш тотчас же выхватил из-за пазухи круглую золотую пластинку, блеснувшую тремя рубинами, и воздел над собой. Конники почтительно объехали его и ринулись на полусотню Олега. Они мчались, крича: «Кху-кху-кху-кху!» — и налетели, сверкая надраенными доспехами, блистая начищенными саблями.

«Подстава!» — мелькнуло у Сухова. Он почувствовал бешеную, жестокую ярость, рвущуюся из него, и выхватил меч. Никогда прежде он не бросался в бой, испытывая только ненависть. Всегда и страх был, и опаска. А сейчас он не боялся. Совсем. Одна палящая злоба клокотала в душе, рождая лишь одно желание — убивать. И Олег убивал.

Ближнему из всадников, затянутому в грязную шубейку, он отсек руку, державшую саблю, а после вспорол живот. Кочевник выпучил раскосые глаза, и Сухов сбросил его с седла — корчиться и умирать в заиндевевшей траве. Развернулся, чтобы отбить саблю, ударившую справа. Противник его на чалом коне заверещал, скаля жёлтые зубы, и, прикрываясь щитом, плетённым из лозы, махал и махал своим клинком, да с оттягом, рубил и рубил. Неожиданно Олег раскроил круп чалому — конь вздыбился от боли, а всадник открылся. И тут же рухнул на мёрзлую землю, обливаясь кровью из подрубленной шеи.

Затравленно оглянувшись, Сухов увидел сотни воинов, съезжавшихся отовсюду, чтобы поспеть к зрелищу, визжавших, вывших на все голоса, улюлюкавших, круживших вокруг да около, натягивавших тетивы убойных степных луков. Ополченцы его гибли десятками — гудевшие стрелы пробивали тела навылет, пуская кровавые фонтанчики. Один Олфоромей ещё держался, крутясь вьюном, отбиваясь и огрызаясь.

Волосяной аркан упал на Сухова, мгновенно стягивая руки, сбивая дыхание, лишая меча. Могучий рывок — и Олега сдёрнуло с седла, бросило наземь и поволокло.

Он поднял глаза к шатавшемуся небу, ожидая резкой боли от калёных жал, но так и не дождался — чей-то голос, гортанный и властный, выкрикнул короткий, как резкий выдох, приказ.

И косоглазые всадники моментально остановились, осаживая лошадей, а то и поднимая тех на дыбы, освобождая широкий проход командиру, восседавшему на великолепном белом коне.

Это был Бэрхэ-сэчен. Его голову украшал позолоченный шлем с пучком пушистых перьев цапли, чешуйчатый панцирь-куяк тускло взблескивал на солнце, сабля в серебряной оправе позванивала о стремя.

— Вот и встретились,— усмехнулся монгол. Повернув голову к Акушу, не таившему злобного торжества, он церемонно кивнул: — Благодарю тебя.

Половец осклабился.

— Провожать врага на казнь,— сказал он,— это радость, минган-у-нойон [1].

Сухов устало перекатился, вставая на колени, с трудом поднялся с земли, кое-как ослабил петлю, стащил её с себя, переступая по очереди ногами — и незаметно вытащил засапожный нож.

— Убить врага самому,— медленно выговорил он,— радость куда большая.

И метнул клинок. Нож пронзил окольничему шею, войдя по рукоять. Акуш захрипел, выгнулся, хватая руками воздух, и упал, вытянулся, испуская дух.

Бэрхэ-сэчен отдал резкий приказ, указывая на Олега. Сухов в отчаянном прыжке метнулся к трупам убитых им монголов, кувыркнулся, подхватывая саблю, но уже натянулись тетивы луков, загудели, запели песню смерти...

— Ха! [2] — гаркнул чей-то басок, и опустились луки, вторижды уберегая Олега от смерти. Лицо Бэрхэ-сэчена перекосила злобная гримаса, но и он не посмел ослушаться.

Воины поспешно разъехались, пропуская худущего, длинного как жердь человека, с лицом цвета луковой шелухи.

В каждом движении длинного, в посадке головы, во взгляде читалось властное превосходство. Нетерпеливо махнув плетью, он послал к Олегу пожилого, но крепкого степняка в цветном войлочном клобуке с меховыми отворотами и в тулупе, обшитом красными тесёмками.

---

[1] *Минган-у-нойон* — тысяцкий, командир тысячи воинов в монгольском войске.

[2] *Ха!* — Стой! (*Монг.*)

Степняк подъехал, сохраняя дистанцию, и заговорил на половецком:

— Достопочтенный Бурундай спрашивает, кто ты такой?

Сухов выслушал его и ответил:

— Меня зовут Олег, сын Романа.

Половец понял его корявую речь.

— Зачем ты убил воинов великого хана? — спросил он.

— Они напали. Я их убил. Ты тоже хочешь умереть?

— Не надо, Олег! — взмолился Пончик, вырываясь из цепких рук.— Они убьют тебя! Это ж монголо-татарское иго!

Сухов пожал плечами, но саблю опустил.

— Брось саблю! — скомандовал половец-толмач.

— Пожалуйста! — добавил Александр дрожащим голосом.

Сухов покачал саблю в руке — и разжал пальцы. Клинок с шорохом погрузился в слежавшуюся траву.

Бурундай заговорил спокойно, без тени гневливости. Сухов ничегошеньки не понял, но половец угодливо поклонился начальнику и перевёл:

— Слово достопочтенного таково: ты убил великих воинов, Таргутай-Кирилуха и Шихи-Хутага. Значит, ты и сам багатур. Будешь ли верно служить великому Бату-хану, Хельгу, сын Урмана?

Олег посмотрел на хмурое серое небо и подумал, до чего же ненастье подходит его несчастью... В масть.

— Буду,— твёрдо сказал он.

Часть вторая

НАШЕСТВИЕ

Глава 9,

в которой Олег сначала получает подарок, а после теряет его

...Осенняя степь, бурая под нависшей хмарью, белёсой и серой, вселяла бесприютную тоску. Вселяла бы, останься Олег наедине с нескончаемым простором, но теперь он волей-неволей стал нукером [1], боевой единицей степного воинства, а в орде от коллектива не очень-то оторвёшься.

Сухов вздохнул. Опять он всё утратил — друзей, положение, всё, что нажито непосильным трудом... Даже меча его лишили. И шубу спёрли, и кольчугу сняли. Хорошо хоть коня не отобрали — этого добра тут навалом. Табуны!

Сухов снова испустил тяжкий вздох. Да разве в том горе, что ему холодно без шубейки? Олфоромея жаль. Упорствовал Лысун, не стал кумиру, изображавшему Великого Чингисхана, поклоняться и обряд очищения пройти тоже отказался. Там и надо-то было меж двух ко-

[1] *Нукер* — «друг», воин (*монг.*).

стров пройти, ан нет. «У вас своя вера,— спокойно заявил ополченец,— а у нас своя. Вы бесам кланяетесь, а мы Богу молимси». И зарубили Олфоромея...

Пончика в невольники записали, но за него Олег не переживал особо — этот везде устроится. Понч только с виду хлюпик да нытик, по натуре же своей он хитёр, просто прибедняться любит. А вот за Лысуна сердце щемило...

Сухов даже продолжительные диалоги вёл сам с собою, доказывая тени Олфоромеевой: не потому я, дескать, к хану служить пошёл, что забоялся. Нету во мне страха. «А почему тогда?» — допытывался Лысун, сгинувшая душа христанская. «Так сразу и не скажешь, очень сложно всё... И очень просто». Проще некуда...

Он искал управу на князей, и он её нашёл — тумены пройдут по всем землям русским, безжалостно истребляя непокорных, милуя покорившихся — и облагая данью. И накладывая запрет на междоусобные разборки. И принуждая выпрашивать ярлык на княжение. И приставляя к князьям наместников-баскаков. Что, унизительно сие? А пускай! Так им и надо! Как Владимир Святой насаждал новую веру? Огнём и мечом! И правильно — иного способа скрепить Русь общим порядком да единым законом не найти...

...Олег вывел коня на вершину плоского холма. Савраска охотно подчинился, балуясь и фыркая. Игривый ему достался скакун...

Сощурившись, Сухов осмотрелся. Куда ни глянь, везде люди, люди, люди... Пешие и конные, простые нукеры и важные нойоны, пастухи-харачу и рабы-боголы, жёны воинов с детьми на повозках-тэргэн и суетливые возницы, погонявшие волов, резко вскрикивая: «Ач! Ач!»

Сотни костров горели по степи, вознося чад к серому небу, и словно соединяли земное с вышним. Тысячи юрт покрывали степь, будто пупырышками, белыми, бурыми, чёрными. Ржали кони, кричали верблюды, мычали коровы.

Семь туменов шли воевать Запад, шли покорять русские княжества — разобщённые уделы, погрязшие в распрях.

Знатнейшие царевичи-кюряганы, виднейшие полководцы вели сильнейшее в мире войско, направляя на запад множество племён, накрепко спаянных железной дисциплиной и суровыми законами. Степняки, горцы, лесовики, а все вместе — монголы, что значит — «побеждающие».

Белая Орда, предводительствуемая Бату-ханом, неторопливо и неотвратимо наступала, продвигаясь к дальним границам княжества Рязанского.

Олег подышал на пальцы, разминая суставы. Прижал ладонь к уху. Холодина какая... Стёганый гамбезон грел плохо, да и ноги мёрзли отчаянно.

— Ой-е,— послышался насмешливый голос,— совсем заколел багатур!

Сухов с трудом развернулся в седле. На него, склонив голову к плечу, смотрел давешний толмач, старый рубака из половцев, восседавший на верном гнедке.

На толмаче был шлем из толстой бычьей кожи, обложенной узкими железными полосками, начищенными до блеска. Шлем был напялен на лисий малахай — его длинные наушники куман [1] завязал сзади. Чешуйчатый куяк, сплетённый из прочных ремней, туго обтягивал грудь и плечи; на голубом шёлковом поясе спереди висел нож с серебряной чеканной рукояткой, сбоку — кривая сабля в зелёных ножнах, украшенных медными кольцами; носки замшевых гутул упирались в бронзовые фигурные стремена; к седлу был приторочен саадак для лука, расшитый цветными нитками.

— Д-да,— согласился Олег,— не душно.

— Пошли,— скомандовал толмач и повернул коня.

Сухов, не спрашивая, куда и зачем, двинулся следом. Савраска фыркнул довольно, то ли радуясь движению, то ли предвкушая угощение.

— Я арбан-у-нойон [2] в тумене Бурундая,— сообщил половец деловито,— будешь служить под моим началом.

---

[1] *Куманы* — самоназвание половцев.

[2] *Арбан-у-нойон* — десятник.

Правила простые — внимание и повиновение! Я приказываю, ты исполняешь. Я посылаю в бой, ты побеждаешь врага. Если струсишь и побежишь, тебя зашьют в воловью шкуру и оставят в степи. Это смерть медленная. Или попросту сломают хребет — это смерть быстрая.

— Я не побегу,— серьёзно сказал Олег.

— Верю,— кивнул арбан-у-нойон и неожиданно спросил: — Ты орос, Хельгу?

— Орос,— признал Сухов.— Только я уже лет двадцать как тут не живу.

— Неважно сие — орос везде орос. Можешь называть меня Изаем Селуковичем — это моё имя. Так меня крестили.

— Ты христианин?

— Есть маленько... Двадцать зим назад я служил у Ингвара Игоревича, князя рязанского. Ва-вай... Крещёные все, а хуже поганых нехристей. Помню, был случай — князья Глеб и Константин Владимировичи пригласили на «почётен пир» в село Исады пятерых своих двоюродных братьев и одного родного, Изяслава. И всех их зарезали. Ингвара Игоревича тоже звали, да он не поехал. Оттого и уцелел. И стал князем рязанским. Ему наследовал сын Роман, потом его сменил брат Юрий... Почему и как сменил, не знаю — два года тому назад князь Ингвар помер, а я ещё раньше покинул Рязань, к становищам ушёл. А Юрий Ингваревич до сих пор княжит...— Половец вздохнул, покачал неодобрительно головой.— Всё делят и делят Рязань бедную, никак поделить не могут. Уже на десять уделов расчленили княжество, а им всё неймётся — рубят и колют друг дружку, травят, слепят... Подсылают убийц, держат в залоге женщин с детьми, нарушают крестное целование... Города берут, девок портят, людей побивают без счёту, грабят, а что унести не могут, жгут... Хуже всякого вражья княжьё русское[1]! Потому я и ушёл в степь ...

---

[1] Заметим, что не в одном лишь Рязанском княжестве творился беспредел, так было везде, во всех землях, кои лишь Иоанн Васильевич, прозванный Грозным, скрепит в единую Русь. А на её северо-востоке, куда и пришёлся главный удар Батыя, лишь один 1235 год вписан в летопись так: «Мирно бысть...»

— И как? Лучше в степи?

— Порядку больше. Яса [1] Чингизова всех струнит — и нукеров, и ханов. Орда не за кровью идёт, а за данью. Дашь им — и отступятся, не дашь — силой возьмут, перебьют всех, кто против. Зато Яса пытать не велит...

— Изай Селукович,— усмехнулся Олег,— что ты меня всё уговариваешь?

— А я тебя не уговариваю,— строго сказал половец,— я душу твою заговариваю, чтоб не болела зря. Знаю я вас, оросов...

Изай спешился у небольшой юрты, крытой чёрным войлоком, и бросил поводья подскочившему агтачи — конюшему. Отворив деревянную резную дверь, он махнул Сухову рукой — заходи, мол, да поживей.

Оставив саврасого на попечение агтачи, Олег вошёл в юрту, раздвигая дверной полог. Под ногою заскрипел порожек.

— Запомни,— сказал арбан-у-нойон назидательно,— наступать на порог юрты — это тяжкое оскорбление хозяину.

— Извини...— пробормотал Сухов.

— Ничего, переживу.

В юрте было тепло, в очаге горел огонь, под ногою прогибались толстые войлока. Шёлковая занавеска-перегородка была отдёрнута, не пряча постель, застеленную одеялом из верблюжьей шерсти. Жерди-уни ничем не покрывались изнутри, всё было по-простому, по-походному, а на крюке, поближе к огню, висела попона-потник, добавляя жилищу вони.

На маленьком коротконогом столике стояли две чашки с кумысом и медная тарелка с желтоватыми лепёшками сушёных молочных пенок и рассыпчатым творогом.

— У меня сегодня лишь «белая еда»,— сказал Изай,— зато она не тяжелит.

Пройдя к дальней стенке, он ухватился за пару тюков и вытащил их на свет. Порывшись в одном, половец вынул синюю шубу и швырнул под ноги Олегу.

---

[1] *Яса* — «Запреты». Собрание высказываний Чингисхана; нечто среднее между сводом законов и цитатником.

— Одевайся! Как добудешь что получше, вернёшь.

Добавив к «приданому» меховые штаны, гутулы и заячьи носки, Изай сунул руку во второй тюк, с мехами, и достал оттуда малахай. Сухов не стал кочевряжиться — скинув гамбезон, переоделся в «зимнюю форму». И быстро согрелся.

— Хорошо...— вздохнул он, присаживаясь на груду кошм.— Тепло...

Арбан-у-нойон хмыкнул только и подбросил в огонь сухого кизяка — к дымогону поплыла сладковатая гарь.

— Саблю я тебе тоже выделю,— сказал он,— а вот лишних броней не держу, будь добр, сам их добудь, с бою возьми.

— Возьму,— твёрдо сказал Олег и поинтересовался: — Изай Селукович, а кто над вами поставлен? Кто тут сотник, кто тысяцкий?

Куман кивнул и ответил:

— Сотней Эльхутур командует, молодой, да ранний. Такой не просит, такой говорит: «Давай, да побыстрей!» И попробуй скажи ему что поперёк — мигом пожалеешь, что не страдаешь немотой! Не дурак, но умом не остёр, сотник — его законное место. Скажут ему — нападай на тысячу врагов и победи! Нападёт и победит. А вот сам думать не привычен, Эльхутуру приказ надобен.

Вот тысяцкий наш, Бэрхэ-сэчен, иначе устроен. Бэрхэ-сэчен умён, но разумом лисицы. И бережлив, не позволит бойцам умирать зазря, по нужде только. Вот и исхитряется Бэрхэ-сэчен, чтобы этой нужды не возникало. А уж темник наш, Бурундай-багатур, почти что догнал самого Субэдэя — видит далеко, думает наперёд. У врага ещё только появляется желание, а Бурундай уже предвосхищает его. Правда, неосторожен он, не таит мыслей своих, говорит, как режет, а всем ли правда удобна? Слишком острый клинок плох тем, что иногда прорезает свои ножны... Ты мне лучше ответь, чего это на тебя так Бэрхэ-сэчен взъярился?

— Точно не знаю, но догадываюсь. Если я откроюсь, обещаешь ли сохранить в тайне сказанное?

Изай молча вытащил нательный крестик и поцеловал его.

— Ведомо тебе,— сказал Олег,— что тысяцкий послом был?

— Наслышан.

— А насчет того, что Гуюк-хан тоже слал своих людей к князю киевскому, известно ли?

Изай с интересом посмотрел на Олега.

— Не знал о том,— сказал он,— но не удивляюсь. Хан Гуюк гневлив и мнит себя царём в степи, даже слово Бату ему не указ.

— Гуюк-хан направлял в Киев сначала одного посла, потом другого. И обоих Бэрхэ-сэчен убил.

— Ого!

Половец нахмурился, покачал головой.

— А я ещё и пожурил его за это...— досадливо сморщился Сухов.— Хватило ж ума!

— Если об этом прознает хан Гуюк...— протянул арбан,— то он призовёт своих китайских палачей, и те предадут Бэрхэ-сэчена изощрённой казни. И никто не спасёт тысяцкого, даже Бату-хан, ибо жизнь посла священна! Да-а, Хельгу, трудно тебе придётся... Чую, не отстанет от тебя Бэрхэ-сэчен, пока не сведёт в могилу!

— А это мы ещё посмотрим,— пробурчал Сухов.

После продолжительного молчания он сказал:

— Изай Селукович, научите меня монгольскому.

Половец не удивился просьбе, кивнул одобрительно.

— Правильно мыслишь, а то так и останешься джадом — чужаком. Ну, речь половецкую ты разумеешь, а здесь все ею пользуются. Однако, ежели ты не желаешь всю жизнь в нукерах проходить, то язык Чингисхана знать надобно — на другом с тобою ни нойоны, ни ханы разговаривать не станут... Это,— сказал Изай, подбирая щепотью сушеный творог,— хурут.

— Хурут,— повторил Олег.

— Это...— половец хлопнул по доспеху.

— Куяк! — ввернул Сухов.

— Худесуту хуяг,— поправил его арбан и щёлкнул по шлему: — Дуулга.

— Дуулга.

Указав на щит, висевший на вогнутой стене, Изай выдохнул:

— Халха.

— Халха.

Половец потянул саблю из ножен:

— Хэлмэ!

— Хэлмэ... Сабля — хэлмэ или ножны?

— Сабля,— подкинув нож, Изай назвал его: — Хутуг.

— Хутуг.

Арбан дотянулся до ножен с мечом и постучал ногтём по рукоятке:

— Мэсэ. Меч, значит.

— Мэсэ.

— Лук — номо.

— Номо.

— Стрелы — тумер булсуу.

— Тумер булсуу.

— Топор — алма хунэ.

— Алма хунэ.

— Булава — гулда.

— Гулда.

— Копьё — жада.

Повторить Сухов не успел — за стенами юрты гулко забили барабаны. Подняли хриплый вой длинные кожаные трубы-карнаи, и чей-то пронзительный голос завопил:

— Дэр-халь! Хош-халь!

— «Сейчас и повеселее»,— перевёл арбан-у-нойон, торопливо поднимаясь с места.— Сбор!

Изай стремительно покинул юрту, Олег поспешил за ним следом. Агтачи бегом подвёл коней.

— Хельгу, неси попону! Живо!

Сухов метнулся в юрту и вынесся обратно, держа в руках нагретый потник — пусть коню будет приятно.

Олег потрепал саврасого по холке, будто извиняясь, и положил на его спину ненагретую попону — негде ему пока греть. Поверх попоны — чепрак, отороченный бахромой из мягкой кожи, на чепрак — седло с крутыми лу-

ками, окованными бронзовыми узорными пластинами, с бронзовыми же стременами. Затянув подпругу, снял оброть [1] и надел уздечку, плетённую из узких ремешков. Готов к труду и обороне.

А вот Изаю Селуковичу приходилось решать ту же задачу в два действия — его гнедому тоже полагался доспех. Надо было скрепить на спине коня две обширные боковины из толстой кожи, опускавшиеся ниже колен, за седлом увязать накрупник, спереди — нагрудник с нашейником, а на голову гнедку конскую маску надеть.

Олег приметил, что Изай сам собирался в поход, исполняя все воинские повинности, а вот юрту сворачивали боголы арбана. Разделение труда.

Пока половец споро затягивал ремешки, собрался весь его десяток — крепкие парни в поперечно-полосатых куяках, расписанных зелёными, розовыми, красными, оранжевыми красками и украшенных вышивками. Нукеры никогда не мылись, но и не воняли особо, от них шёл запах дыма и мускуса. Изай крикнул им что-то непонятное, и те стали представляться по одному:

— Хасар! Джарчи! Судуй! Чимбай! Тайчар! Курух! Хуту! Итурген! Алтан! Джельмэ!

Олег вскочил на саврасого и громко отрекомендовался:

— Хельгу!

Трое или четверо из десятка дружелюбно оскалились, остальные хранили каменную непроницаемость. Сухов, правда, не шибко-то и расстроился — новичков нигде особо не жалуют. Ничего, стерпится-сдружится...

Показался сотник Эльхутур, за ним следом ехали барабанщик с двумя барабанами, трубач с рогом на перевязи и щитобоец с большим медным щитом-гонгом.

Придирчиво проверив, в порядке ли оружие у его подчинённых, Изай взлетел в седло и махнул рукой: за мной! Десяток потрусил следом за командиром. Олег завертел головой. Десяток? Сотни, тысячи, десятки тысяч стронулись с места! Женщины с пронзительными песнями раз-

[1] *Оброть* — конская уздечка без удил, с одним ремнём.

бирали юрты, сворачивали войлоки, сдвигали косые решётки и вьючили всё это на верблюдов, вместе с медными котлами, железными таганками и чувалами с пожитками. Одноколки-тэргэн скрипели нещадно громадными колёсами, несчётные табуны топтали степь, поднимая тучи пыли, смешанной с сухим снежком.

Вся орда порысила, покатилась, понеслась на север, следуя напрямки «аяном» — «волчьим ходом», ускоренной тропотой [1].

Время «Великого приказания» пробило, начиналась война.

Хмурым ноябрьским утром вышли тумены на берег реки Воронеж, обтекавшей край Чёрного леса. Никто не ждал, что ордынцы вообще способны не вольной степью скакать, а пробираться извилистыми лесными тропами. Но так и случилось — войско Бату-хана скрытно подошло к пределам княжества Рязанского. Правда, те же половцы считали всю южную половину княжества своими исконными владениями, ибо степь продолжалась в этих пределах, степь, хоть и с частыми рощами да чащами, сил не имевших скрепиться в непролазные дебри. И эта лесостепь тянулась до самой реки Прони, вот её-то куманы вполне справедливо считали границей владений рязанцев. Оттого и воевали с княжеством. Воевали часто, ещё чаще мирились — князья замуж брали дев-половчаночек, а воины-куманы частенько службу несли у разных Всеволодовичей да Романычей.

Однако подчиниться ханам из Орды им было куда как вольней — свои всё ж, как ни крути. Степная кровь. Хотя как раз воли Батый половцев лишил — в его воинстве только он один был волен, все же прочие были повязаны жесточайшей дисциплиной. А дабы лишний раз убедиться в верности призванных куманов, булгар, буртасов и оросов, Бату-хан прямо на берегу Воронежа потребовал от

[1] Неправильная конская рысь.

«новиков» принести ему клятву верности. Новобранцы не возражали, сочтя это делом обычным — и правом хана.

«Новики» выстроились на обширном лугу, сошли с коней и склонили головы. Олег находился тут же, оглядывая исподлобья тех, кто будет биться с ним в одном строю.

Сдержанным гулом поднялись голоса, повторявшие присягу:

— Передовым отрядом преследуя врагов... мы будем доставлять тебе... пригонять тебе прекрасных дев и жён... дворцы-палаты, холопов, прекрасноланитных жён и девиц... прекрасных статей меринов. При облавах на дикого зверя... будем выделять тебе половину, брюхо к брюху. Одиночного зверя тоже будем сдавать тебе брюхо к брюху сполна... сдавать, стянувши стегна.

— В дни сечи, если мы в чём нарушим твой устав...— выговаривал Олег, присоединяя свой голос к могучему хору,— отлучай нас от наших стойбищ, жён и женщин... чёрные холопские головы наши разбросай по земле, по полу. В мирные дни, если нарушим твой мир-покой... отлучай нас от наших холопов, от жён и детей... бросай нас в бесхозяйной, безбожной земле.

Бату-хан, восседавший на белом коне, дослушал клятву, а после поднял руку и возгласил своё слово.

— Когда пределы земель урусов будут очищены от смутьянов,— прокричал толмач перевод,— и всё, что уцелеет от меча, преклонит голову перед начертанием высшего повеления, все вы возвыситесь! Но помните крепко: если из вашего десятка в бою бежит один, или двое, или трое, или даже больше, то все десять будут умерщвлены! Точно так же, если один, или двое, или больше смело вступают в бой, а десять других не следуют, то их также умерщвляют! А если из десяти попадают в плен один или больше, другие же товарищи не освобождают их, то они также умерщвляются!

Хан опустил руку. Тишина опустилась на поле, и тогда вперёд вышел грузный, волочивший ногу Субэдэй-багатур, воспитатель-аталык Батыя, и выхватил нож, острый

как бритва. Новобранцы уже знали, какую причёску носят в монгольском войске, и дружно скинули меховые колпаки и башлыки. И принялись друг друга оболванивать.

Здоровенный булгарин-великан, улыбаясь не по росту робко и просительно, обрил Олегу макушку наголо, спереди оставляя клок волос, состриженный до бровей, а два клока по бокам головы заплел, закрывая обзор по сторонам — чтобы воин даже думать не смел, что происходит сзади, а двигался только вперёд.

Бритьё всухую причиняло боль, но Олег всё же улыбнулся невольно, угадывая в стрижке сходство с «полубоксом» далёкого детства. Улыбка, впрочем, быстро пропала — причёска сама по себе была клятвой...

Кряхтя, он отряхнул с себя состриженный волос и сказал великану:

— Наклонись, а то я не дотянусь до твоей башки!

Булгарин слов не понял, но красноречивым жестам внял — и склонил свою голову...

А вскоре по степи разнеслось протяжное:

— Дэ-эр ха-аль! Хо-ош ха-аль!

...На правом берегу реки Воронеж, на мысу, стояла невеликая крепость Онуза, передовой форпост княжества Рязанского на границе леса и степи, пажитей и Дикого Поля. Не шибко высоко задирались бревенчатые башни, крытые тёсом. Стены, рубленные из дуба, почернели от дождей.

Три глубоких рва окружали Онузу, два ряда валов вставали на пути ворога. Поближе к крепости тулился посад — избушки вразброс. Редкий лес дымов поднимался к провисшему небу серыми косицами, расплетавшимися в сизое облако.

Первый снег уже выпадал — он лежал белыми заплатами на чёрной пашне, оттеняя недалёкий тёмный лес, подступавший к частоколу, ограждавшему посад.

Небо приспустилось серой пасмурой, будто грязная пена с хлябей горних протекла, да и застыла, подмёрзнув.

В чистом студёном воздухе звуки разносились далеко. Вот колко ударил топор, разваливая полено. Глухо замычала корова. Злобно взлаяла собака — и завизжала, получив хозяйского пинка.

Олег всматривался и вслушивался, стоя на левом берегу Воронежа, среди дубков и клёнов, облетевших, но проросших так часто, что скрывали и десяток Изая, и сотню, и тысячу, и весь тумен.

Река покрылась крепким льдом, лишь кое-где оставляя полыньи, но темник [1] не спешил отдать приказ бить в барабан — рядом с тумен-у-нойоном Бурундаем стоял сам Субэдэй-багатур, неуклюжий и нескладный сын кузнеца Джарчиудая, блестящий полководец, ни разу не нарушивший Ясы, не потерпевший ни единого поражения. Но и победы оставили на Субэдэе свои отметины — раненая правая рука багатура всегда была согнута, глаз правый вытек, а длинный рубец тянулся через бровь и щёку.

«У этого барса с разрубленной лапой чугунный лоб,— пели про него певцы-улигэрчи.— Морда у него — долото. Язык у него — шило. У него железная грудь, вместо плети — меч. Съедая свою тень, мчится он, оседлав ветер...»

Субэдэй сам выехал к реке, хмуро оглядывая противоположный берег. На нём была шуба с золотыми пуговицами, крытая верблюжьей шерстью. Из-под островерхой шапки, опушенной мехом соболя, на виски опускались чёрные с проседью косицы, на гутулах с круто загнутыми носками поблескивало золотое шитьё.

Посопев, поворчав, полководец кивнул Бурундаю. Тот склонился в коротком поклоне и отдал приказ порученцам-туаджи. Вскоре гулко ударил большой барабан наккар — начать бой!

Вперёд бросились алгинчи — передовые, над ними трепетали бунчуки-туги из белых конских хвостов. Лошади лавиной повалили из леса, копытами взламывая лёд

---

[1] *Темник* — командующий «тьмою» (отряд в 10 000 воинов), то есть туменом. Тумен-у-нойон.

на месте брода, и разделились, двумя потоками охватывая Онузу.

Нукеры развели костры по всему лесу, сотни и сотни стрел, обмотанных просмоленной паклей, поджигались и взмывали в небо, оставляя дымные шлейфы. Всё больше и больше чадных дуг марали воздух, соединяя два берега, всё чаще вспыхивали красные огоньки на крышах и стенах крепости. Они сливались в полосы пламени, множились, разгораясь всё ярче, и вот загудело, заревело пламя, и нукеры повалили за реку, соединяя свой вой и рёв с воем и рёвом пожара.

— Хуррагш! — неслось со всех сторон.

— Хуррагш! — вопили тысячи глоток.

— Хуррагш! — подхватил Изай и понёсся вперёд.

Олег направил саврасого следом, проверяя, легко ли вынимается сабля. Хэлмэ.

Сотник Эльхутур, в монгольской табели о рангах джагун-у-нойон, повёл своих людей на захват крепости — таков был приказ Бэрхэ-сэчена. Десяток Изая скакал в первых рядах.

Для начала сотня ворвалась в безымянный посад, ворота которого были повалены. Олег удивился даже — на крепко сбитых створках лежал снег. Кто-то уже побывал в селе! Оно и видно — половина изб спалена, одни печи торчат, плетни поломаны, скирды сена разворошены, а вот теремок старосты цел — перед ним косо торчал высокий шест с пучком еловых веток.

Над селом поднялся вой и крик — мужики и бабы выскакивали из уцелевших изб, из теремка, из холодных клетей и метались, лезли на частокол — только бы скрыться в лесу.

— Всех гоните к крепости! — надрывался Изай, хлеща селян плетью.

Один из мужиков, с белыми от ужаса глазами, схватился за вилы и бросился к Сухову, желая то ли саврасого сгубить, то ли всадника поддеть. Олег сперва вилы трёхрогие перерубил, а возвратным движением почти снёс голову мужику.

— Гони! Гони!

Крестьяне не сразу, но исполнили волю степняков — похватали вязанки хвороста, заготовленные на зиму, валежник да сухостой, и бегом потащили к стенам крепости, закидывать рвы — как раз напротив ворот, куда вёл узкий мосток, сожжённый уже самим гарнизоном буквально на днях. Перепуганные бабы визжали, но волокли окоченелые трупы лошадей и коров, то ли убитых, то ли задохнувшихся в дыму, и тоже валили в ров.

Немногочисленные защитники Онузы подрастерялись сперва, а после принялись отстреливать селян из луков. Тут уж и степные «номо» заговорили, дрожа тугими тетивами. Длинные «тумэр булсуу» взвизгивали и подвывали в полёте, пугая приделанными свистульками. Воина в лёгком кожаном доспехе они пробивали насквозь, бронника в латах сносили на пару шагов.

— Хуррагш!

Два десятка нукеров бросили коней и закинули на плечи ременные петли, поднимая тяжёлое бревно-таран с комлем, окованным бронзой.

Обстрел стен горящей крепости резко усилился, а воины с тараном ловко пробежали по трупам, по хворосту и со всего маху ударили в ворота. Лесины затрещали.

Молодой русоволосый боец возник из дыма на горящей проездной башне и метнул копьё, поражая одного из нукеров, тащивших таран. Степняк упал и покатился в ров, а русоволосого пронзило пять стрел подряд, выбивая кровавые брызги.

— Дзе-дзе, и не боится же,— покачал головой Изай.

Судуй из его десятка мигом занял место убитого нукера.

— Хуррагш!

Седьмого удара ворота не выдержали — переломился брус засова, и левая створка упала в проём. И тут уж вся сотня Эльхутура подалась вперёд, понукая ржущих коней.

Савраска влетел под арку ворот, и на Олега пахнуло горячим воздухом и дымом. Защипало глаза.

Со злостью тряхнув головой, Сухов ворвался во двор крепости, посреди которого стояли двухэтажные сру-

бы — гридницы. Дальняя из гридниц горела, изо всех окон клубами валил чёрный дым, а та, что стояла ближе к воротам, ещё держалась — её бревенчатые стены дымились, смола стекала и пузырилась. Вот-вот вспыхнет... Вспыхнула. Занялась. Огонь взобрался на крышу — и затрещал любовно уложенный тёс.

На высоком крыльце гридницы столпились последние защитники Онузы, они отбивались от наседавших нукеров, вовсю работая секирами и мечами. Сабель было больше...

Джагун Эльхутур гарцевал на коне, очень гордый победой и при полном параде — в суконном чекмене, подбитом мерлушкой, с синими нашивками на левом плече и в белых замшевых сапогах.

Вдруг, откуда ни возьмись, из-за гридницы выбежал парень в одной рубахе, но в шлеме-шишаке. Держа в левой руке меч, правой он метнул топорик-клевец.

Олег как раз проезжал между двух столбов с перекладиной, на которой висело бронзовое било. Он резко пригнулся, и клевец воткнулся в столб. Сухов вырвал топорик и бросил вдогонку убегавшему парнише — острое лезвие втесалось тому под лопатку, перекрашивая белое в красное.

Когда Олег снова взглянул на крыльцо, то увидел, что сопротивление подавлено — по двору крутились лишь всадники в малахаях. Изай Селукович подскакал к Сухову и плетью указал на воротную башню:

— Уходим!

В воротах Олег зажмурил глаза, прорываясь сквозь искры и дым. Недовольно всхрапывавший савраска вынес его из крепости. Взятой крепости. Онуза пала, предвещая длинную череду осад и приступов.

Изай Селукович догнал Сухова за линией рвов и сказал негромко:

— Я за тобой присматривал, спину прикрывал...

— Спасибо.

Куман нетерпеливо отмахнулся.

— Помнишь воина, что бросил в тебя топорик?

— Ну? — мигом насторожился Олег.

— То не орос был. Его имя — Хоб, сын Ситая. Он из аланов — и верный слуга Бэрхэ-сэчена. Чуешь?

— Чую...— помрачнел Сухов.

— Ты присягнул хану Бату, Хельгу,— серьёзно сказал арбан,— ты стал его нукером, и никому в орде не позволено отнять твою жизнь, если только ты сам не согрешишь против Ясы. Одно хорошо — наш тысяцкий не подл, как хорёк, он не будет устраивать тебе пакости, а постарается просто убить. А потому смотри в оба!

— А что мне ещё остаётся? — криво усмехнулся Олег.

По избам Сухов не шарил, а потому ничего в Онузе не добыл, но Изай решил по-своему и отметил-таки нового нукера — дал ему раба, как награду-хуби. Олег поначалу отбрыкивался, углядев это жалкое существо — маленькое, скрюченное, дрожащее под рваной дохой, сношенной до блеска, но принял подарок, узнав в боголе Пончика.

— Привет, Понч,— сказал Сухов, испытывая неловкость — во все эти тяжкие дни он ни разу не вспомнил о протоспафарии.

— П-пр-рывет...— выдавил Шурик.

— Пошли в баню, я тут растопил одну. Отмоешься хоть. Да и тепло там.

— А ч-чья баня?

— Не знаю, не спрашивал. Пошли!

— П-пошли...

Олег прихватил выструганное из дерева корытце, в котором монголы подавали мясо, и перекидал в него большие куски говядины из общего котла, цепляя их пальцами.

— Идём. А-а, зараза! Чуть не обжёгся...

Банька была новой, но потолок отливал блестящей сажей — топили тут по-чёрному.

Пончик мылся долго, ожесточённо стирая с себя грязь реальную и выдуманную, не жалея ни мочала, ни кожи. В предбаннике Сухов подкинул ему от щедрот своих домотканые портки и рубаху в русском стиле да шаровары по монгольской моде.

Не спрашивая уже, чья это одежда, Александр быстренько облачился в чистое. Присел, с вожделением поглядывая на мясо, дымившееся в корытце.

— Секундочку,— сказал Олег, доставая чашки-аяк, выточенные из корня берёзы. Выкатив заветный бочоночек из-под лавки, он вынул пробку и разлил по чашкам мутное содержимое.

— А это чего такое? — подозрительно спросил Пончик.

— Это архи, молочная водка. Пей, коньяков не держим...

Выпив, друзья хорошенько закусили. Бывший протоспафарий ел жадно, набивал рот горячим мясом и тут же студил его, часто дыша и деликатно прикрываясь жирными пальцами. Сухов привалился к тёплой стене. Пробормотал:

— Мах...

— Чего? — не понял Пончик.

— Так монголы мясо называют — «мах».

— А-а...

Выпив по второй, Шурик понурился.

— Мне Гелла приснилась...— сказал он и шмыгнул носом.— Угу...

— Не надо об этом.

— Да, ты прав... Господи... Знаешь, иногда мне кажется, что нас просто испытывают, словно готовят к чему-то необыкновенному и сверхъестественному...

— Ага. Организованный набор в архангелы.

— Нет, правда. Ну должен же быть хоть какой-то смысл в наших мучениях!

— Мучениях? Понч, когда это ты мучился? Извини, но я не верю в замученных протоспафариев!

— Да, я им был! Но теперь-то я кто? Да никто! Паршивый богол. Всю эту неделю я взбивал кумыс. Дали мне здоровенный бурдюк из коровьей шкуры, а в него такой дрын воткнут, взбивалка, и вот я ею туда-сюда... Угу... А с утра нас выгоняли кизяк собирать. Он уже мёрзлый был, но всё равно пачкался. И вонял...

Олег даже не улыбнулся.

— Это самое... Помнишь, как мы угодили в восемьсот пятьдесят восьмой нашей эры? — спросил он.— Кем мы тогда стали? Трэлями [1]! И ничего ж, выжили, в люди вышли. Зашвырнуло нас в девятьсот двадцать первый — тоже ведь не сдались, вон в каких титулах ходили! Ну попали мы сюда, и что? Знать, судьба такая...

Олег посмотрел в прорезь маленького волокового окошка — солнце садилось. Открытый зев печки-каменки освещал предбанник красным накалом углей с перебегающими синими язычками.

— Давай выпьем!

Они выпили и доели мясо. Мах.

— Что будем делать, Олег? — серьёзно спросил Александр.

— А что тут сделаешь? — пожал плечами Сухов.— Знаешь, у меня такое ощущение, что я продолжаю работать на Ярослава Всеволодовича — ведь оба Орде служим, только он извне, а я изнутри.

— Да, Олег, ты не думай, я же всё понимаю! — с чувством сказал Пончик.— Ты пошёл в эти... в нукеры не по своей воле. Иначе бы тебя завернули в войлок и забили палками... Угу.

— Ошибаешься. Так казнят только ханов и прочих знатных особ, чью кровь нельзя проливать. Это почётная смерть. А мне бы просто сломали спину и бросили подыхать... Но ты ничего не понимаешь, Понч. Идти в нукеры к Бату-хану — это мой выбор.

— Я реально не понимаю...— беспомощно пробормотал Пончик.— Но как же... Они же чужие! Они захватчики! Ты что же, согласился воевать на стороне врага?!

Олег почувствовал злость. Опять эти Шуркины моральные закидоны!

— Запомни раз и навсегда,— жёстко сказал он,— с кем бы я ни воевал, я всегда остаюсь на одной и той же стороне — своей собственной! Понял?

— Понял...— проговорил Александр упавшим голосом и тут же повысил его, срываясь в шёпот: — Но так же

---

[1] *Трэль* — раб у древних скандинавов.

нельзя! Ты что, готов убивать своих? Тебе прикажут брать Рязань, и ты пойдёшь на приступ?

— Да,— твёрдо сказал Сухов.— Прикажут — и пойду. А ты, как я посмотрю, так ничего и не понял. Мы двадцать лет тут, а до тебя так ничего и не дошло! Какие «свои», Понч?

— Русские...

— Нету здесь никаких русских! — рявкнул Олег.— Есть рязанцы, есть владимирцы, новгородцы, киевляне и так далее. И все они чужие друг другу, все грызутся между собой! «Рязань брать»! — передразнил он Пончика.— А тебе известно, патриот долбаный, кто девятнадцать лет назад пожёг ту самую Рязань и вырезал кучу народу? Не монголы, не половцы — суздальцы! Да-да, Суздаль пошёл войною на Рязань и учинил тем рязанцам бедственный денёк и варфоломеевскую ночку! А ещё раньше Всеволод Большое Гнездо то же самое содеял — спалил Рязань на хрен!

— Ну хорошо, допустим! — не уступал Александр.— Феодальная раздробленность, междоусобицы...

— Ты, пока кумыс взбивал, ничего не заметил? — перебил его Сухов.— Я тут, хоть и зверства учинял простому народу, но кой-чего углядел. Буквально вчера на Онузу уже нападали. «Свои» сюда заявились, то ли князя пронского дружина, то ли князя ижеславского. В поход на юг хаживали, половцев грабить. Это они полпосада сожгли. Пойдём, я тебе кое-что покажу. На, надень малахай на голову, а то застудишь ещё...

На улице стоял морозец. Было довольно светло, хотя солнце уже село.

— А куда мы идём? — спросил Александр, спотыкаясь на замёрзшей грязи.

— Увидишь.

Олег привёл товарища к теремку и свернул за угол. Там стоял амбар и клети. И находилась коновязь. К ней за руки были привязаны пять или шесть девушек, простоволосых и голых. Они лежали прямо на мёрзлой земле, скорчившись, изогнувшись, и были совершенно непо-

движны. На белой-белой коже прекрасных девичьих тел проступал иней.

— Смотри,— спокойно сказал Сухов.— Это не монголы сотворили. Тут тот самый князёк отметился, который налёт на половцев устроил. Побаловался проездом. Собрали с боярами самых красивых девок со всего посада и трахали их по очереди. А потом пошли дальше пьянствовать.

— Д-девушек уб-били?

— Нет, они просто замёрзли. Их тут больше было, человек десять. Половину уже похоронили, а этих не успели — мы как раз нагрянули, враги земли русской. Ну, как? Хороша иллюстрация на тему «свой-чужой»? Ладно, пошли, погреемся. Юрты своей у меня пока нет, так хоть в бане посидим...

Они вернулись, и Олег подбросил дров в топку. Поленья вспыхнули, затрещали, бросая жаркие отсветы.

После продолжительного молчания Пончик сказал:

— Всё равно, это не причина, чтобы оставаться по сию линию фронта, в стане врага, в стане захватчика! Угу...

Олег успокоился, злость ушла.

— Отчего же? — спросил он с прохладцей.— По-моему, причина вполне достаточная. Вот скажи мне, почему ты только сейчас на меня накинулся, коришь за набеги да умертвия? А чего ж ты раньше молчал, когда я Мирослава побивал, Переяславль брал, городишки черниговские грабил? Где тогда была твоя совесть? Или те войнушки как бы не считаются? Киевлянину, значит, позволено сородичу кишки выпускать?

— Бли-ин! — зашипел Шурик, выходя из себя.— Это же иго! Иго, понимаешь?!

— Я вижу, Понч, тебе в школе просто мозги задурили сказками про иго. А ты глаза-то разуй! Своим умом подумай, прикинь, что к чему. Иго, друг мой, благо для Руси!

— Иго — благо?!

— Да, благо! Это не «злые татаровья» вредят иванам да марьям, а князья, у которых ни ума, ни чести, ни совести! Это они, князья твои, витязи распрекрасные, шесть раз подряд Киев брали, когда трон делили. Шесть раз!

Шесть штурмов, шесть пожарищ! И всякий раз горы трупов! Я лично в седьмой раз ломился на Подол. Да по сравнению с князьями ханы монгольские — просто ангелы. Немытые, копчёные херувимчики! И надо сказать большое спасибо Батыю за то, что прижмёт всех этих Владимировичей, Юрьевичей, Всеволодовичей, что хоть какой-то порядок наведёт!

Пончик не ответил. Он сгорбился и смотрел в топку, где тлели угли.

— Может, ты и прав насчёт князей,— тихо проговорил Александр,— но народ-то при чём? Ладно, ладно! — заторопился он.— Ну, необязательно же быть нукером у Бату-хана!

— А у кого?! — заорал Олег.— Я тебе тут битый час доказываю — нету другой силы, чтобы Русь в чувство привести! Только Орда! Только Батый, будь он неладен! Меня воротит от монголов, но больше некому утрясти здешний бардак! Некому, понимаешь ты или нет?!

Успокоившись, он привёл ещё один довод:

— Вот скажи мне, когда наши деды в сорок пятом фашистов били в самом Берлине, они кем были — захватчиками? Врагами? Устроили, понимаешь, набег на земли германские, немцев изничтожали, города жгли, дань собирали... Если тебя послушать и согласиться с твоею чёрно-белой логикой, то наших фронтовиков надо заклеймить позором!

— Да при чём тут это? — возмутился Пончик.

— Да при том! — Олег помолчал и продолжил: — Я всю эту неделю только тем и занят был, что думал. Сперва бежать хотел, за Олфоромея отомстить. А куда? В Дебрянск, к Ярославу Всеволодовичу? Глядеть, как он за ярлык жопу Батыю лижет?

— Нет, ну почему же...— промямлил Пончик.

— Или ты думаешь, я с ордынцами потому, что они сильнее?

— Да ничего я не думаю...

— Знаешь, Понч, если бы нас закинуло ещё дальше, в год одна тысяча девятьсот восемнадцатый, я бы не в

Красную армию добровольцем записался, а к Белой гвардии примкнул. Понимаешь?

— Понимаю...

— Ни хрена ты не понимаешь! Белогвардейцев было тысяч сто человек, а красноармейцев — пять миллионов, но Деникин, Колчак, Врангель били их! Изничтожали «комиссаров» и «товарищей», и я бы с ними изничтожал, потому что правда была на стороне «белых»! Вот так я понимаю справедливость. Понятно тебе?

— Понятно,— поджал губы Александр.— А если хан прикажет убивать князей и их подданных, ты исполнишь приказ...

— А мне наплевать,— медленно проговорил Олег,— и на князей, и на их подданных.

— А мне — нет! — заявил Пончик и поднялся, глухо проговорив: — Я твоя собственность, твой богол... Отпусти меня, пожалуйста. Я знаю, где достать коня и как незаметно скрыться. Пойду к князю рязанскому... Воин из меня никакой, так хоть лекарем пристроюсь,— он усмехнулся.— Буду ковать победу... Пусть мы и не разобьём врага, но наше дело правое. Угу... Только не обижайся, Олег. Ты сделал свой выбор, я — свой. Моё место на стенах Рязани. Отпустишь?

— Иди, куда хочешь,— холодно сказал Сухов и гаркнул: — Убирайся! И чтоб я тебя больше не видел!

Александр вжал голову в плечи, просеменил к выходу. Согнулся под низким косяком, обронил: «Прощай...» — и ушёл, аккуратно прикрыв дверь. Ворвавшийся воздух холодил ноги, но голова Олегова продолжала пылать.

Посидев немного, он поболтал бочонок с архи — есть ещё маленько. Налил полчашки и выпил, не сводя глаз с тухнувшего огня в печи. Дрова прогорели, и лишь отдельные уголечки дотлевали красным. Вот погас последний. В волоковом оконце [1] синели сумерки.

Олег с силой запустил чашкой в стену. Он остался один.

---

[1] Окошко для выхода дыма.

Глава 10,

в которой Пончик пробирается к своим

Сделай Пончик попытку скрытно покинуть монгольский стан, ничего бы у него не вышло — ночные стражники-кебтеуты бдили рьяно. И хитроумный протоспафарий (а придворная жизнь кого хочешь приучит к изворотливости) решил использовать стратегию настолько же простую, насколько и нахальную,— он ушёл открыто, не таясь. Спокойно взял за оброть старенького мерина и повёл за собой.

Из темноты наехал страж, закутанный в длиннополую шубу. Пончик показал ему деревянную пайцзу [1], кебтеут равнодушно кивнул, пропуская богола,— мало ли куда того хозяин послал. Может, за дровишками в ближайший лесок?

Спотыкаясь и путаясь в полёгшей траве, Александр покинул становище, далеко обходя костры и рыжих монгольских волкодавов, привязанных у юрт.

Слабый ветер дул с запада, относя прочь запахи кизячного дыма, испарения огромного скопища людей и животных, горьковатый дух полыни, увядшей, но всё ещё щекочущей ноздри.

Только звуки продолжали доноситься сквозь порывы ветра — ржание, мычание, крики людей и верблюдов, лязг, заунывные звуки хуров [2], топот, шорохи, гомон, бряканье, звяканье, стуки, трески... Разнообразные шумы сли-

---

[1] *Пайцза* — верительная пластинка, овальная, круглая или продолговатая, металлическая или деревянная, служащая наполовину пропуском, наполовину паспортом. Имевший пайцзу пользовался содействием властей, получая от них продовольствие и фураж. Темник и тысячник получали золотую пайцзу с изображением лежащего тигра и вставленными рубинами (от одного до трёх), сотник — серебряную, десятник — бронзовую. А вот текст на пайцзах был один и тот же: «Силою Вечного Неба имя хана да будет свято; кто не поверит — должен быть убит».

[2] *Хур* — струнный смычковый музыкальный инструмент.

вались в глухой гул, будто чудовище-исполин ворочалось во тьме, устраиваясь поудобнее.

Пончик тоскливо вздохнул. Ему очень не хотелось покидать монгольское войско. Да, там он был бесправным рабом, но его хоть кормили. Пусть объедками, но кормили же. И поспать можно было в тепле. А теперь как?

У него есть конь, вернее, мерин, ещё вернее — одр. Седла, правда, нет, только попона. И лёгкая круглая шкура с верёвкой, протянутой по краю,— такой вот монгольский спальный мешок. А вот меча нет, и копья нет, и лука. Ну и что? Фехтовать он всё равно не умеет, а уж тетиву оттянуть — не хватит сил. Монголы, правда, тетиву не оттягивают, они держат стрелу возле правого уха, когда прицеливаются, а потом просто сгибают лук, выпрямляя левую руку. Просто... А ты попробуй, выпрями... Зато у него есть нож-тесак. И кусок вяленого мяса. И фляга с кумысом.

Пончик вздохнул ещё тоскливее — друга у него больше нет, вот в чём беда. Как-то так получалось все эти годы, что он постоянно был вторым, постоянно прятался за широкую спину Олега. Олег шагал впереди, а он шёл следом — сопровождающий впередиидущего. И вот — остался один. Совсем один.

А вокруг огромная, холодная, пустынная страна, которую он из принципа считает своею родиной. Хотя при чём тут принцип? Тогда, в бане, он не сказал Олегу главного — поостерёгся назвать друга предателем. Но ведь он прав! Ведь он прав?.. Прав или нет? Разве это не предательство — воевать против своих на стороне врага, как какой-нибудь бандеровец? Ладно, ладно — против своих предков! Но в чём разница? Пусть столетия пройдут, прежде чем образуется русский народ, русская нация, но ведь монголы-то точно не одной с ними крови! Так разве это не предательство — убивать людей той же веры, того же языка? Правда, в туменах полно христиан, а в Сарай-Бату [1] даже православная Сарайская епархия водится, с

---

[1] *Сарай-Бату* — столица Белой Орды на реке Итиль (Волга).

епископом Феогностом... А будущие башкиры с татарами? Они что, не россияне разве? А ведь их предки-ордынцы во-он там, у него за спиной...

Тут Пончик рассердился на себя: оправданий ищешь, трус? Повода вернуться? Как же, страшно пускаться в путь одному, самому отвечать за себя! Но, раз уж ты такой принципиальный, раз уж ты так уверен, что правда на твоей стороне, надо идти до конца выбранной дорогой, пусть даже дальней, опасной и трудной.

— Надо, Шур,— прошептал Александр.— Надо!

Оглянувшись на проблески монгольских костров, он положил руки на спину своему Росинанту, подпрыгнул и со второго разу лёг тому на круп. Закинул ногу, кое-как уселся и потянул за повод.

— Но-о!

Одр побрёл потихоньку, низко свесив голову, словно печалясь о горькой судьбе — все кони, как кони, у костров греются, а его уводят в ночь, где голодно и волки...

Пончик поднял голову. Небо было ясное, он сразу нашёл созвездие Большой Медведицы, которую монголы прозывали Повозкой Вечности, и Медведицы Малой с Полярной, после чего двинулся на север, благословляя погоду, не предвещавшую осадков. Под снегом он бы просто замёрз...

Так и брёл коняка с незадачливым седоком — по склонам покатых возвышенностей, забредая в овраги, продираясь сквозь ломкий кустарник. Взошла луна, прибавилось свету — и непроглядных теней. Ступишь в черноту — и не знаешь, то ли просто тёмное место под копытом окажется, то ли яма глубокая. Погонять одра Пончик не рисковал — ежели тот поскачет, как он удержится?

Александр нахохлился в своей дохе, закутал плечи с головой «спальной шкурой» и задремал, укачанный конём, так и не заметив, как наползли тучи и повалил снег...

...Очнулся он от холода. Конь под ним всхрапывал и поминутно дёргался. И никаких звуков больше, полная тишина. А потом в этой тишине, объясняя конское беспокойство, завыл волк, нагоняя тоску и древнюю жуть.

Пончик открыл глаза. Над ним провисали кривые чёрные ветки, словно костяными руками удерживавшие снег. Он сгрёб ладонью снежок и обтёр им лицо. Сон пропал, появилась ясность.

Небо очистилось и открылось в тёмную бескрайность, искристую от звезд. Бело-голубым щитом сияла над холмами луна, заливая вершины холодным пыланием. Склоны холмов смутно серели, скатываясь в густеющую синь, и чёрными фракталами ветвились деревья. Два зелёных глаза появились в серебристом прогале между стволов. Сгустком тьмы заскользил волк. Матёрый, определил Пончик, оплывая ужасом. Конь захрапел, задёргал головой, часто переступая копытами. Круглый глаз испуганно косил на всадника: «Спаси!..»

— Ну-ну, коняшка,— выдавил Александр дрожащим голосом, потрепал по холке испуганное животное и вытащил из ножен здоровый тесак. Сердце просто заходилось в биении.

Ещё две чёрные тени, оставляя сереющие цепочки следов, проявились в потемках, угадываемые лишь по движению. Замирал волк, сторожко внюхиваясь, и ничем уж не отличить зверя от куста или пня. Тонкий слой снега почти не шуршал под толстыми лапами серых.

Кое-как сориентировавшись по ночному небу, Пончик тронул коня к северу. Какого чёрта, спрашивается, понесло этого мерина в холмы? Дурак непарнокопытный... Хорошо хоть в болото не залез!

Волк прыгнул неожиданно. Словно материализовавшись из ночных теней и страхов, хищник свалился на шею коню и лязкнул пастью, оспаривая добычу у Шурика. Всадник сдавленно вскрикнул, ноги у заржавшего коня подогнулись. Клинок рубанул по тени — и попал, почти отделяя волчью голову от голодного туловища.

Второй хищник кинулся уже на самого Пончика, однако свалился раньше, чем нож попортил серую шкуру. Три или четыре волка понеслись вдогонку за конём, но то ли длинная попона мешала санитарам леса подобраться к

мягкому подбрюшью, то ли гибель вожака их деморализовала, а только стая отстала и слилась с ночным мраком.

Бедный Александр, вцепившись в гриву обеими руками, трясся и молил Бога, чтобы не скинул его конь. Молитва была услышана...

Везение не покидало Пончика всю дорогу. Ясным утром он еле слез с коня и долго ходил раскорякой. Сделал попытку соорудить шалаш, получился кособокий навес, который после завалился в костёр.

Александр плюнул, дождался, пока огонь прогорит, сдвинул угли с головнями в сторону, да и постелил на горячей земле шкуру. Лёг, свернулся, затянул веревку, собирая шкуру в мешок, и уснул.

Поднялся он пополудни, разбитым и невыспавшимся. Пожевал мяса, напился студёной водицы из полыньи на ручье.

— Едем дальше,— бодро заявил он, обращаясь к одру.— Да, коняшка?

Коняшка только ухом повёл. С утра Пончик так крепко привязал одра к дереву, что отвязать не получилось. Пришлось резать узел ножом. Ночь Александр встретил в пути. Так и длилась его одиссея.

Объезжая стороной редкие сёла, избегая людей, даже одиноких путников, Пончик упрямо приближался к цели своего путешествия. Мясо он доел на другой день, тогда же кончился и кумыс. Дня через три удача скупо улыбнулась Александру — он нашёл замерзшего зайца, попавшего в силок, прежде охотника. Скудный был стол, что и говорить. Через неделю Пончик уже мало соответствовал своему прозвищу — от его полноты мало что осталось.

Ближе к полудню восьмого дня пути Шурик расслышал слабый стон, донёсшийся из кустов. Придержав коня, он прислушался. Нет, не померещилось ему — кто-то стонет, и явно не зверь. Хотя откуда ему знать, как мучаются животные?

Заведя коня в кусты, Пончик неожиданно выехал на маленькую полянку, обрамлённую могучими елями. Под

одним из деревьев, на худом ложе из колючих ветвей, лежал человек в чёрном плаще. Его бледное, измождённое лицо казалось восковым, неживым. Но вот сухие, будто пергаментные губы шевельнулись, проговаривая неслышное слово, открылись слезящиеся глаза.

Шустро спешившись, Пончик наскоро привязал коня и опустился на колени рядом с человеком в плаще. Глаза лежавшего наполнились ужасом.

— Татарин?..— прохрипел он, поднимая худую руку, больше похожую на куриную лапу.

— Я грек,— соврал Александр, лишь бы успокоить страждущего.

— Христианин?! — спросил тот, да с такой надеждой в голосе, что Пончик старательно перекрестился.

— Слава Богу!

А Пончев осторожно разрезал на неожиданном пациенте чёрный плащ, задубевший от крови. Под плащом обнаружилась меховая телогрейка, пробитая ножом в двух местах, и белая туника — ткань сделалась жёсткой там, где расплывалось страшное коричневое пятно.

— Кто ж тебя так? — спросил Шурик, быстренько расчищая снег гутулами.

— Разбойники...— еле выговорил раненый.— Они напали, отобрали коня и немного серебра — всё, что у меня было... Вероятно, их разозлила малость добычи, вот и пырнули...

Он смолк, задыхаясь, а Пончик развёл бурную деятельность — натаскал еловых лап и осторожно переложил на них раненого, насобирал бересты, наломал сухих веток, развёл костёр. Свернул из коры подобие кулька, набил его снегом, подвесил над огнём. Снег растаял, Шурик добавил ещё немного, нагрел воду — стенки сосуда ниже уровня жидкости не загорятся — и промыл страдальцу раны.

— Как приятно...— слабо улыбнулся тот.— Тёпленькая...

— Крови ты много потерял, вот беда,— озаботился Пончик.— Сам-то на коне не удержишься, придётся к седлу привязывать...

— Не придётся,— качнул головой раненый.— Не жилец я... Молодой и сильный на моем месте, может, и выжил бы, но не старый и слабый... Как имя твоё?

— Александром наречён.

— А я — Рогерий, монах ордена братьев-проповедников... Доминиканец я [1]...

— Очень приятно, Рогерий. Сейчас я вас напою... Заварю веточки малины, смородины... Я даже немного высохших ягодок собрал!

Доминиканец с удовольствием и жадностью выпил горячий настой.

— Согрелся...— выдавил Рогерий, задыхаясь, и мучительно заперхал, давясь кашлем. Отдышавшись, он заговорил: — Об одном прошу, как брата по вере... Знаю — вы, православные, против папы римского и расходитесь во взглядах с католиками, но так ли глубок раскол? Ведь исповедуете вы не богопротивную ересь, а веру во Христа! Я являюсь... являлся, хе-хе... конвентуальным приором киевского монастыря доминиканцев, а здесь нахожусь по очень важному делу — оно касается судеб мириадов грешных и невинных душ, населяющих Венгрию, Моравию, Богемию, Алеманию [2], Австрию... все те земли, на которые устремили свои алчные взоры эти ужасные татарины... Мы так мало знаем о них! Брат Юлиан бывал в Орде этой осенью и выведал имена виднейших королей манглов — Бахатура, Коактона, Фейкана, Байдара, Гермеуса, Кхеба... (Пончик не стал поправлять приора.) Мне же, ничтожному слуге Господнему,

---

[1] Орден основан св. Домиником в 1220 году и с самого начала стал орудием папы римского для миссионерской работы, борьбы с еретиками, а также ведения тайных операций, устройства заговоров и смут. Инквизиционные трибуналы, образованные в 1232 году, были переданы в руки доминиканцев, «божьих псов» (игра слов: выражение domini canes на латинском означает «псы господни». Доминиканцы использовали этот мотив на своём знамени, изображающем собак, рвущих еретиков на клочки, и на гербе). Возглавлялся орден генеральным магистром, провинции ордена — провинциальными приорами, а монашеские общины — конвентуальными приорами.

[2] *Алемания* — Германия.

удалось больше — ныне у ордена есть верный помощник в самой Орде...— Приор захрипел, силясь улыбнуться, и выговорил: — Орда... Ordo fratrum praedicatorum...[1]

Рогерий сомкнул веки, из горла его вырывалось сипение и хлюпы. Пончик с содроганием понял, что этому человеку действительно жить осталось недолго — обескровленный, с воспалением лёгких... Доминиканец открыл мученические глаза и проговорил неожиданно ясным голосом:

— Наш человек в Орде является терциарием[2]. Он сам — татарин, но крепок в вере истинной и рьяно исполняет наказ самого папы Григория IX. Защитить от набега чад Божьих — вот цель его нелёгкого служения. Я должен был передать ему послание от генерального магистра Иордана Саксонского, но... не судьба.

— Вы хотите, чтобы я его передал? — уточнил Александр.— Но... как же я найду этого вашего терциария?

— А его не надо искать! Послание следует оставить в подвале Успенского собора, что в Рязани...— Приор разъяснил, как найти «почтовый ящик», и обмяк, истратив последние силы. Жизнь покидала его тело, рассудок мутился сильнее и сильнее, в задышливой речи всё чаще звучала латынь: — Восхвалять, Благословлять, Проповедовать...[3] Domini canes...[4] Еретиков... На куски... Рвать... В Рязань отнеси... В собор Успенский... Recennie quod est alius ducatus Rucenorum... Завоёвывать... Romam et ultra Romam...[5] Страх Божий...

Голос Рогерия угасал, и вот уже одни губы его слабенько вздрагивают, тщетно пытаясь выговорить последнее сло-

---

[1] *Ordo fratrum praedicatorum* — орден братьев-проповедников, одно из названий доминиканского ордена (*лат.*).

[2] *Терциарий* — доминиканец, не дающий обета безбрачия, живущий в миру, подчиняющийся основным пунктам доминиканского устава и помогающий в работе своим «старшим братьям» — монахам. Название связано с понятием «третий орден»: первая ветвь — это монахи, вторая — монашенки, третья — терциарии.

[3] Девиз ордена доминиканцев.

[4] *Божьи псы...* (*Лат.*)

[5] Рязань также является одним из княжеств русских... Рима и дальнейшего... (*Лат.*)

во. Замерли в тоскливом изгибе. Недвижный взор остекленел. Душа раба Божьего Рогерия рассталась с телом...

Пончик спрятал за пазуху переданный ему пергамент, скрученный в трубочку, и занялся похоронами — переволок тело монаха в яму неподалёку, а после долго жёг костёр, отогревая почву, отковыривая тесаком куски земли и засыпая ими покойника.

Устал он так, что на изготовление самодельного креста сил просто не осталось.

— Покойся с миром,— пробормотал Александр и влез на коня.— Помчались, Росинант...

Выбравшись к Пронску, Пончик увидел бревенчатые укрепления на валу, истыканные башнями с шатровыми кровлями. Дубовые стены чернели морёным дубом, а крыши серели уложенным тёсом. А над башнями вырастали колоколенки и луковки церквей. Дымы многочисленных печей не поднимались выше храмов, стелились сизою пеленой по-над городом.

Прямо к стенам подступали домишки слободы. Укрепления у них были пожиже городских — вал да частокол, но народ селился, надеясь не на защиту княжеской дружины, а больше «на авось». Авось не придут кочевники, авось не нагрянут князья-соседи, Пронск делить. Авось уцелеем...

Картина была такая мирная, такая спокойная, что у Пончика дыхание перехватило. Он не помнил, как оно всё было по истории, да и можно ли верить учебникам? Скорей всего, спалят город. Разграбят и спалят. И слободе не жить. Большую резню учинят монголы, пожарище оставляя после себя и горы заиндевевших трупов, обобранных и поруганных. Война, она такая...

Александр прислушался. До него донёсся собачий лай и заполошный крик петуха, коровье мычание и одинокий женский голос, выпевавший долгую ноту песни, печальной и нескончаемой. Слов было не разобрать, больно далеко, но Пончик заслушался. А потом, перекрывая все шумы, забили колокола — сначала большой ударил, глу-

ховато, весомо, потом зазвонили малые, присоединяя свои голоски к первому гласу.

Шурик даже не пытался подъехать к Пронску — куда ему, боголу, соваться? И слушать не станут, побьют, а то и вовсе... того... выше дерева стоячего. Вздохнув, он поневоле вобрал носом накатившие запахи — дровяной гари, молока, навоза и ещё чего-то кислого, опары, что ли.

Вздыхая, Пончик свернул на «прямоезжую дорогу» — к Рязани.

...Обросший, исхудавший, с закопчённым лицом, пропахший потом своим и конским, Александр Игоревич Пончев представлял собой душераздирающее зрелище, но глаза его горели решимостью.

Выбравшись к реке, он верно счёл её Окой и двинулся по берегу, высматривая стольный град. А вот и он!

Вдали, на том берегу, показались присыпанные снегом валы и бревенчатый тын, из-за которого выглядывали разноцветные маковки церквей. И тут Шурику перестало везти.

Откуда ни возьмись, набежали мужики в бурых армяках и собачьих треухах и обступили коня. Сильные руки стянули седока наземь.

— Попался, мунгал! — заорал мужичонка с редкими пегими волосиками.— Ужо тебе!

— В прорубь «копчёного»! — крикнул его длинноносый сосед, отвешивая Пончику тумака.— Ишь, окаянный, ходит всё, высматривает!

— Бей татарву! — взвился клич.

— Стойте! — завопил Александр.— Вы чего?! Я же свой! Я от монголов бежал и к князю вашему иду! Еле добрался до вас, а вы — бей...

— Свой?! — Длинноносый ухватил Пончика за отвороты дохи и притянул к себе.— Ты ишшо скажи, што крещёный!

— Да вот те крест!

Мужики затоптались неуверенно, запереглядывались — а вдруг и взаправду? Сгубишь зазря душу христианскую, не подумав, Бог не простит...

— А ну,— решительно сказал красноносый бородач,— давай, в город его! Пущай князюшка сам разбирается!

— Вер-рна! — зашумела вся компания.

И, плотно обступив «мунгала», мужики повели его. Перейдя реку по льду, выбрались к городским укреплениям. Стены рязанские впечатляли — громадные бревенчатые клети, сложенные из столетних дубовых кряжей, были забиты плотно утрамбованной землёю. Клети, как звенья цепи, смыкались боками в могучую стену и тянулись вокруг всего города, да в три яруса, да ещё с заборолами поверху. Крепость! Мыслимо ли взять такую?! Мыслимо...— печально подумал Пончик.

За проездом в валу он заметил, что узковатый мост, переброшенный через ров к могучей башне Спасских ворот, был очищен от снега — его подожгут, как только возникнет угроза осады. Стражи в длинных тулупах да в островерхих шлемах долго не хотели никого пускать, угрожая секирами, но мужики расшумелись так, что сам воевода явился, боярин Кофа.

— Чего шумим? — рявкнул он, грозно оглядывая толпу мужиков и странного человека, не то юродивого, не то беглого.— А эт-то ещё что за диво?

Длинноносый мигом сдёрнул меховой колпак с головы и сказал:

— Не гневайся, Вадим Данилыч! А только вот не пущают нас, а мы ж не абы как, мы тут мунгала словили, а он кабы и не мунгал...

— Свой я! — сердито заявил Пончик, вырывая руку из захвата у пегого.— В плену был у Батыя, да ушёл! Вот, к князю следую, помочь хочу, рассказать, что знаю, а этим только бы ловить...

Боярин хмуро осмотрел «мунгала» и спросил:

— Звать как?

— Александром.

— Ишь ты... Крещён ли?

— А то!

— Ну, пошли тогда.

— Куда?

— В баню.

— Куда-куда?!

— В баню! Смердишь ты больно, Александр...

— Понял,— ответил смиренно Пончик.

Миновав сырую и тёмную арку ворот, боярин и богол вышли в город. Привычной Пончеву застройки, как в Киеве, тут не было. Рязань состояла из усадебок, больших и малых. Боярские терема теснились у западной стены, а всю главную улицу, пересекавшую город с севера на юг, и переулки обступали дворы победнее, но основательные — избы в один-два этажа, клети, амбары, сараи, хлева, конюшни замыкали усадьбы в четырехугольники, а в просветах стояли монументальные ворота или забор-частокол. Вот уж воистину: «Мой дом — моя крепость!»

Впереди поднимал главу Спасский собор. Перед ним лежала обширная вечевая площадь, а рядом располагалось торжище. Народу хватало, а на торгу — особенно. Площадь была заставлена возами с зерном, мороженными свиными и телячьими тушами, деревянными вёдрами и бочками. Шла бойкая купля-продажа мочёной ягоды и сала, масла и сметаны, муки и хлеба, соли в горшках и мёду в кадках. Пончик слюною изошёл, улавливая аппетитнейшие запахи с обжорных рядов, а тут ещё, как назло, румяные разносчики вышагивали в толпе, выкликая охотников до пирогов с капустою, до сбитня горячего, до икряников — блинов с икрою чёрной...

Бабы с корзинами азартно толкались, высматривая, где подешевле, мужики степенно беседовали в сторонке. Просеменил мимо худой пономарь в подряснике, с бородкой, заплетённой по куманской моде — в косичку. Важно прошествовала боярыня, дородная и румяная, в шубе до пят, обшитой аксамитом. Капитальная женщина.

Кофу знали все, ему кланялись, а сам Вадим Данилыч отвечал кому поклоном, кому кивком, кого и вовсе не привечал, честь свою оберегаючи.

За Спасским собором обнаружился терем княжеский — ладно срубленная изба из брёвен в обхват, в два этажа со светёлками да с балкончиками, с галереей-гуль-

бищем, с высоким крыльцом, с башенкой-смотрильней на углу. Кофа провёл Пончика на зады и сдал паре молодцев, дюжих и молчаливых.

— Помыть,— приказал боярин,— одеть, накормить и к князю провести.

Молодцы поклонились и взялись исполнять повеление Вадим Данилыча. Пончика раздели и втолкнули в мыльню, где его по эстафете принял голый верзила в кожаном переднике. Измазав Александра полужидким мылом, серым и неприглядным, он растёр «мунгала» мочалками, почти что освежевав, опрокинул сверху ушат горячей воды, почти что обварив, а после уложил на полок в парильне и принялся по-зверски мять исхудавшего протоспафария, тереть да вениками охаживать, хвойными и лиственными по очереди, плеская на раскалённые камни то отвару травяного, то квасу хлебного.

Пончик пришёл в себя лишь тогда, когда руки молодцев-молчунов обтёрли его чистою холстиной. Одевался он уже сам, до смерти желая лечь, уснуть, и идёт оно всё к чёрту...

Одёжку ему дали не то чтобы богатую, но чистую — портки и рубаху шерстяные, с латками на локтях и коленях, разношенные чоботы — полусапожки с загнутыми носками, и зипун, похожий на скарамангий без воротника, только тёплый и покороче — до колен.

Намучившись с портянками, Александр обулся с горем пополам, накинул на себя зипун, запахнул его и подпоясался кушаком. «Первый парень на деревне,— припомнил он язвительное присловье,— а в деревне один дом!»

— Откушать изволь,— сказал строгий хромой старикашка, появляясь в дверях бани. Дверь была низенькая, но старец как раз вписался — маленький, щупленький, в чём только душа держится.

— Изволю,— улыбнулся Пончик и зевнул с хрустом.

Старик повёл его, сильно припадая на левую ногу и подозрительно оглядываясь,— так и зыркал на «мунгала».

Покормили гостя в людской — усадили на лавку за длинным столом, дали миску с кашей из толокна, заправ-

ленной салом да луком, а в большую деревянную чашу налили хмельного мёду, слабенького, правда, невыдержанного.

Пончик первым делом приложился к чашке, выхлебал половину и быстро-быстро заработал деревянной ложкой, опорожняя миску. Облизал ложку и почувствовал себя почти счастливым человеком — поспать бы ещё... Минуток шестьсот.

— Пошли,— строго велел старикан.

— Пошли,— вздохнул Александр.— Тебя как звать хоть?

— Апоницей кличут. Не туда — сюда. Князь Юрий Ингваревич желает лично всё у тебя выспросить.

Проведя Пончика полутёмными коридорами, хромой Апоница открыл низковатую дверь под аркой и впустил протоспафария в большую, светлую палату, расписной потолок которой поддерживался тремя витыми колоннами. На полу, ближе к маленьким, часто зарешёченным окошкам, лежала шкура громадного медведя. Голова зверя смотрела прямо на Александра, бусинки глаз хранили запечатлённую свирепость, а огромные жёлтые клыки грозили в вечном оскале. На лавках, покрытых ковром, сидели четверо, одетых богато,— сапоги из красного сафьяну узором расшиты, рубахи шёлковы, золотыми поясами подвязаны. Кто из них князь рязанский, Пончик определил сразу — вон тот, с проседью в бороде. Другие помоложе, а один и вовсе юн.

Апоница поклонился в пояс и просеменил к князю, нашептал тому что-то на ухо, тот нахмурился, кивнул лобастой головой и обратил взгляд к Александру.

— Как звать-величать? — спросил он властно.

— Александром,— ответил Пончик, ощущая в груди частые сердечные толчки.— Я попал в плен к монголам, и...

Юрий Ингваревич остановил его движением руки.

— Про мунгалов мы и без тебя знаем,— сказал князь небрежно.— Аж с той зимы по рубежу крутятся, всё в пределы наши заглядывают. А вот чьих кровей сам-то будешь? — поинтересовался он вкрадчиво.

— Я — русский! — брякнул Александр.

По губам Ингваревичей зазмеились нехорошие улыбки. Апоница и вовсе оскалился, не пряча злобного торжества.

— Ах, русский...— протянул князь рязанский.— Это из каких же земель такие? Вроде ж и наставляли меня люди знающие, и грамоте я обучен, и не забыл ещё, где какой народ проживает, а вот русских не встречал. Мы вот рязанские, на север от нас — суздальцы, на запад — смоленцы, к югу — половцы...

— Да при чём тут это? — возмутился Пончик.— Мы же все на одном языке говорим, одну веру православную исповедуем! Отсюда я родом, понимаете?

Юрий Ингваревич поугрюмел.

— Что ж ты, родной наш,— проговорил он,— даже портянки не приучен наматывать?

— А где ж ему учителей сыскать было? — подал голос Апоница.— Мунгалы-то по-своему обуваются, не как мы!

— Признайся лучше,— с угрозой сказал молодой княжич,— зачем тебя послали в Рязань? Чего выведывал?

— Да вы что?! — вытаращился Пончик.— Свой же я! Да как вы не понимаете! Хан Батый войной на вас идёт!

— Видали мы тех кочевников,— презрительно отмахнулся Апоница.

— Что ты видал, сморчок паршивый?! — неожиданно рассвирепел Александр.— В войске Батыевом семь туменов, семьдесят тысяч бойцов, храбрых и беспощадных! Монголы под себя всю Азию подмяли, всею степью завладели! Они и Рязань возьмут, если вы не почешетесь!

— Ты на кого голос повышаешь, мунгал вонючий?! — взревел Юрий Ингваревич.— Евпатий, сделай милость, уведи его отсель, а то я тут всё его поганой кровью позабрызгиваю! В темницу его!

Кряжистый, широкоплечий Евпатий казался былинным богатырём рядом со щуплым Пончиком — грудь как бочка, шея толще головы, воротник рвёт, ручищи как ножищи. Он положил тяжёлую ладонь на плечо Александру и прогудел:

— А ну-ка...

Пончик вырвался, не удержался и шлёпнулся на колени, зачастил:

— Я же правду говорю, правду истинную, что же вы мне не верите?! Ведь поздно будет, не успеете ничего! Я в самом деле родом отсюда, в землях новгородских рождён, у реки Невы обитал! А потом...— Шурик едва не брякнул, что базилевс его титулом протоспафария пожаловал, но вовремя сменил тему: — В греках был долго, а с самой весны великому князю Ярославу Всеволодовичу служил, снадобьями всякими пользовал, поелику врач я! А тут нас в степь послали, с одними кочевниками договориться, только мы в плен к другим попали, к монголам! Я, как узнал, кто они такие и чего хотят, сбежал и сюда подался, а вы... Да что ж вы тупые такие?!

Большего он сказать уже не смог — Евпатий подхватил его за шиворот, как котенка за шкирку, и поволок. Опять тёмные переходы, опять задули сквозняки, потянуло сыростью, и вот впихнули Пончика в темноту и смрад, и захлопнулась толстая дверца, загремел засов, затихли шаги удалявшегося Евпатия.

Александра объяла тьма. Нащупывая ногою холодный земляной пол, он мелкими шажками обмерил темницу, брезгливо касаясь мокрых стен с нацветшей плесенью. Споткнулся о лежак, под ногою зашуршала прелая солома. Обиженно пискнула крыса, которой он отдавил хвост.

Содрогаясь от отвращения, Пончик собрал солому в охапку и «застелил» ею лежак, после чего лёг и свернулся калачиком. Чёрное отчаяние, охватившее его, как нельзя лучше соответствовало окружающему мраку. Всё зря, всё зря... Эти феодалы сиволапые ничегошеньки не понимают, даже не пытаются понять! Господи, какой же он дурак был... Зачем было уходить? Чтобы из раба в узника обратиться? Вот спалят Рязань, и они тут оба зажарятся — протоспафарий Александр и безымянный грызун...

Всхлипнув пару раз от жалости к самому себе, Пончик подложил руку под голову и уснул.

Ни тяжёлых шагов, ни лязга и скрипа, когда открывалась дверь, Шурик не услышал — спал он самозабвенно.

Евпатий потряс его за плечо, буркнув: «Вставай! Слышь?» — и только тогда Пончик проснулся. Заморгал сонно на трепещущий свет масляного фонаря в лапище боярской, протёр глаза.

— Чего ещё? — сказал он с горечью.— Решили усекновение главы устроить? Давайте, чего там...

— Пошли,— буркнул Евпатий.— Князь видеть тебя хочет...

— Вопрос в том,— строптиво сказал Александр,— хочу ли я его видеть!

— Иди давай! Разговорился...

И вновь перед Пончиком потянулись знакомые уже проходы и переходы. Евпатий печатал шаг сзади и громко сопел. Потом не выдержал, видно, и проговорил ворчливо:

— Послы мунгальские пожаловали, десятину запросили во всём: в князьях, и в людях, и в конях...

— Ах вот оно что... А князья им что ответили?

— А что им отвечать было... Рекли: «Когда нас не будет всех, то всё нажитое вашим станет».

— Тоже мне, нашли когда чваниться... А тебя, случаем, не Коловратом звать?

— Я и есть,— подтвердил боярин,— Евпатий Львович. А тебе-то сие откуда ведомо?

— Оттуда,— буркнул Александр.

Снова перед ним отворилась дверь под аркою. В полутёмной комнате горели свечи перед иконами, золочёные ризы отражали неяркий свет, смутно выделяя лица. Присутствовали всё те же — князь Юрий Ингваревич, братья его, Ингвар и Роман, сын Фёдор, племянник Олег Красный, князья Юрий Давыдович Муромский, Кир Михайлович Пронский, Глеб Ингоревич Коломенский. Лавку напротив бояре заняли — Вердеревские, Кобяковы, Карандеевы. Отдельно сидел Вадим Данилыч Кофа.

Как кого звать, Пончик разобрался после, а сперва он на одного князя рязанского глядел — тот стремительно

шагал из угла в угол, заложив руки за спину и склонив голову. Но тигра в клетке государь рязанский не напоминал, скорее уж загнанную лошадь, почуявшую запах хищника.

— Вот, князь, привёл,— пробасил Коловрат.

Юрий Ингваревич резко прекратил свои метания и шагнул к Александру. Не тратя времени на церемонии, он старательно выговорил фразу на греческом, интересуясь, как с Месы пройти к императорской опочивальне, что во дворце Дафны. Пончик машинально ответил, что проще всего через Халку и Портик Схолариев двинуть. Князья с боярами переглянулись, толстый священник с окладистой бородой величественно кивнул — всё верно, дескать, разумеет «мунгал» греческий. Знать, не мунгал...

Эта детская, смешная даже проверка убедила всех, подействовав успокаивающе. «Видно, туго им пришлось»,— подумал Пончик.

— Так ты говоришь, много тех мунгалов? — спросил Юрий Ингваревич обычным голосом, будто и не было перерыва в их разговоре.

— Много,— ответил Шурик.— И не то плохо, что велико число их, а то, что монголы спаяны железным порядком.

Толстый поп поёрзал и пророкотал архиерейским басом:

— Из Дикого Поля завсегда кто-нибудь, да приходил. Печенеги являлися, козары, половцы. И где они все? Или сгинули всеконечно, или под руку попали князьям нашим. Мунгалы твои тож из степи явились. И чаво они в топях наших забыли? А? Так что отсидимси, переждём беду. Да и не пойдут оне дебрями, боязно им в чащобах, тягостно. Не о мунгалах думать надобно, а о спасении души, во грехах погрязшей. Аминь...

— Батюшка,— криво усмехнулся Пончик,— на Онузу монголы напали, Чёрным лесом пройдя, а сюда я добрался, ни разу не заплутав, — степь-то до самой Прони тянется. И ещё. Зря, что ли, по-вашему, Батый зимой пришёл? Отнюдь нет! Замёрзли болота. И реки льдом покрылись — прямые дороги! Так что не отсидеться вам, и не надейтесь даже.

— Посол сказывал,— медленно проговорил Олег Ингваревич Красный, действительно смазливый парень лет тридцати,— будто у Батыги войска столько, что пересчитывать его придётся девяносто девять лет, а начальников аж одиннадцать, и все царевичи священной крови Чагониза. Верно сие?

— Я уже говорил, воинов у Батыя много, семьдесят тыщ, и все они повинуются приказу без разговоров и без раздумий, не боятся никого и привыкли побеждать. Царевичей и в самом деле столько, да не их бояться стоит, а полководцев — Бурундая, Субэдэя и этого тангута[1]... как его... Сили Цяньбу. Они завоёвывали огромные пространства, могучие государства, где в одном только городе жителей больше, чем во всём вашем княжестве, и эти военачальники не потерпели ни единого поражения!

После этих слов никто не спешил высказаться, повисло молчание. Первым его нарушил князь рязанский.

— Что делать станем, братие? — негромко спросил он.

— Тянуть время надобно,— пробурчал Кофа.— И верных людей слать к Юрию Всеволодовичу, великому князю владимирскому. Пущай помогает людьми! Нешто мы одни должны за всех отдуваться?

— Верно! Верно! — загудели князья да бояре.

— Я так думаю,— веско сказал Юрий Ингваревич.— Во Владимир-Залесский мы людей пошлём обязательно. Небось не токмо Рязань хотят мунгалы данью обложить, но и Владимир, и Новгород, и... и всех. Надо и послов мунгальских туда же отослать, к Юрию Всеволодовичу! Мы, дескать, люди маленькие, великий князь над нами, он нáбольший, он всё решает, вот и пущай скажет своё веское слово!

Кофа одобрительно кивнул.

— Правильно мыслишь, княже,— сказал он.— Нам нонче каждый лишний день — подмога, а послы, пока туда, пока обратно... Недельки две протянем, так-то!

---

[1] Народ, населявший земли на севере нынешнего Китая и создавший в X веке государство Сы Ся, павшее в ходе завоевательных походов Чингисхана.

— Далее,— сжал кулак государь.— Встань, Ингварь.

Ингвар Ингваревич поднялся, спокойно одёргивая рубаху.

— Посылаю тебя в Чернигов, к князю Михаилу Всеволодовичу. Возьмёшь с собою Евпатия. Выпрашивайте у черниговцев полки! Хоть половину полка! Беда пришла большая, надо, чтобы все заодно стояли, а не то перебьют нас поодиночке. Феодор!

Княжич встал.

— Соберёшь даров всяких, мехов да прочего богатства, и к Батыге отъедешь, умилостивишь хана, а заодно разведаешь пути-дороги, глянешь опытным глазом. Но лишнего дня не задерживайся!

— Всё сделаю, батя,— сказал Фёдор.

— А мы? — спросил князь Пронский.

— А мы к битве готовиться станем! — решительно сказал князь рязанский.— Что нам остаётся? Собьём дружины, созовём ополчение, да и двинем на татар!

Князья зашумели, крик подняли, спорить кинулись.

— Вы вспомните,— надсаживался князь Муромский,— как прадед ваш Глеб и дед Ярослав, не желая покоряться Всеволоду чести ради, и сами тяжко претерпели, и землю разорили вконец, а всё одно принуждены были сильнейшему покориться!

— Ни за что! — ревел князь Пронский.— Ни за что кланяться не стану татарам, яко псы смердящим!

— Лучше нам смерть в бою принять,— заключил Юрий Ингваревич,— нежели в поганой воле быть!

Пончик сжался в уголку, чувствуя, как нарастает в душе страх и отчаяние. Его глупые надежды пересилить твердолобых феодалов, склонить их к миру, рассеялись прахом. У князьков был шанс, они могли спасти Рязань, выплачивая Орде ежегодную дань, могли народ уберечь! Но нет, как же им поступиться своею дурацкой честью! А о людях они подумали? Конец настаёт их житью-бытью. Разорение грядёт и гибель, горе и муки. Война...

...В тот же день, ближе к вечеру, Александр выбрался в город и направился к Успенскому собору. Это было

добротное беленое здание, на крыльцо которого степенно восходили купцы, важно поднимались дворяне, торопливо карабкались мужики, а в дверях храма сословия равнялись — все одинаково сдёргивали шапки и крестились. Пончик последовал их примеру и вошёл в собор, озарённый мерцающим сиянием свечей. В полутьме гулко разносились плаксивые голоса, молившие Господа о спасении, о ниспослании благодати, о чуде, о здравии... Воровато оглянувшись, Шурик прихватил горящую свечу и незаметно вышел вон.

Обойдя храм, он обнаружил решётчатую дверь в подвал полуоткрытой и спустился по истёртым ступеням в студёный коридорчик с облезлыми стенами, оголявшими кирпичную кладку, и низким сводчатым потолком. Прикрывая дрожащий огонёк ладонью, Пончик дошагал до второго поворота и зашёл в маленькую келью, скорее даже глубокую нишу, на стенке которой висело позеленевшее медное распятие.

Осмотревшись, он пересчитал тонкие кирпичики-плинфы, похожие на коржики, и пошатал пальцами тот, что был отмечен тремя зарубками. Плинфа легко вышла из паза. Александр торопливо вложил пергамент в щель, подумав, что даже не поинтересовался, о чём послание неведомому терциарию.

Молча пожелав удачи «бойцу невидимого фронта», Пончик покинул холодный и пустой церковный подвал.

Глава 11,

в которой Олег готовится к бою, но до него не доходит очередь

Представление о монголах, как о плосколицых и узкоглазых уродцах, измышлено для возжигания пущей ненависти в сердцах потомков тех, кто испытал все тягости ига. На самом-то деле истина, как водится, где-то

рядом. К примеру, есть все основания полагать, что сам Чингисхан был высоким, хорошо сложенным, с прямым носом. Во всяком случае, он был рыжим, а представить себе типичного монголоида светловолосым как-то не получается. По крайней мере отец Тэмучина, Есугей-багатур, принадлежал к племени кият-бурджугин, что значит — «синеокие». Так-то вот.

Те, кого принято называть монголо-татарами, были жителями степи, такими же, как гунны, вселявшие ужас в римлян, изнеженных цивилизацией. После поражения на Каталаунских полях [1] гунны разбрелись по Дунаю, плотнее всего населив Паннонию, будущую Венгрию, и Фрисландию — это в Северной Германии. Но что-то не замечается в лицах немцев особой уплощенности и узкоглазия.

Нормальными людьми были гунны, мало чем отличными от европейцев. Вот так же и с монголами дело обстоит, тем более что под этим словом соединились десятки, сотни племён, населявших степи, леса, горы,— нангясы, уйгуры, казахи, таджики, половцы, туркмены, калачи, карлуки, татары-куин, татары-алчи, кият-асары, хакасы, чаншиуты, мангуты, конкотаны, нукузы, киргизы, икирасы, и прочие, и прочие, и прочие. И вот что самое удивительное — завоевателей всегда хватало, но таких, как Тэмучин, не бывало. Ведь ему удалось не только захватить огромные пространства, но и удержать их и собрать в один кулак разноплемённую армию.

После смерти Чингисхана равного ему не рождалось, однако новые владыки монголов не уступали своих владений — они наступали, присоединяя к уже завоеванной половине мира его остаток. Чингизиды просто-напросто пользовались тем, что создал их великий предок. В пер-

---

[1] Грандиозное сражение, получившее название «битва народов», между объединенным войском Западной Римской империи (Гесперии) и союзных Риму народов под командованием Аэция, с одной стороны, и коалицией варварских придунайских племен, возглавляемой гуннами Аттилы, — с другой. Сражение произошло в конце июня 451 года в районе города Каталаунум (совр. Шалон-сюр-Марн на северо-западе Франции) и закончилось победой армии Аэция.

вую голову — колоссальное, строго вымуштрованное, выдрессированное, отчаянно смелое, летучее войско, настроенное исключительно на победу. Во вторую очередь, ханы имели прекрасную разведку и были научены, как, устрашая и посулами привечая, манипулировать своими врагами, как их лучше перессорить и соблазнить возвышением, за что купить, а за что продать. Вопрос: а почему десятки тысяч степняков бросали всё и шли по зову нойонов и ханов в поход? Из страха? Нет. По зову сердца. По зову разума. По зову алчности. И ещё потому, что монголы были свято уверены: они — избранные. Они верили в Вечно Синее небо и с каждой новой победой убеждались, что путь, указанный Тэмучином,— истинный. Монголы шли в поход, потому что исполняли волю Вечно Синего неба, и следовали за ханом, покровительствуемым Небом.

«Мы веруем во единого Бога,— говорили они,— которым живём и умираем; но как руке Бог дал различные пальцы, так и людям дал различные пути к спасению: вам Бог дал Писание, и вы его не соблюдаете; нам дал колдунов, мы делаем то, что они нам говорят, и живём в мире...»

...Снегопад выбелил степь, скрыл траву под искристыми увалами. Серая хмарь была так плотна и так густа, что солнце даже расплывчатым пятном не выделялось на небе, просевшем однообразной пеленой, равно цедившей холодный и тусклый свет.

Чёрными островками в снежном море выделялись рощицы, далеко-далеко, на краю зримого мира, сливавшиеся в синюю полоску леса. Не дебрей, ещё не дебрей — заросли дуба, липы, клёна тянулись разрывчато, перемежаясь обширнейшими лугами. Здесь лес смешивался со степью, клиньями углубляясь в Дикое Поле, окружая разнотравье, но не смыкая рощи воедино.

Монгольское войско казалось гигантским кочевьем, ставшим на зимовку, и только обгорелые брёвна Онузы свидетельствовали: война идёт.

Юрты и шатры-джодгоры делили степь на истоптанную гутулами и копытами, разрытую конями до земли,

запачканную кострищами, загаженную, испятнанную коричневым и жёлтым,— и нетронуто-снежную, девственно-чистую, безмолвную и пустынную. Но недолго сохранялось деление — цепочки следов всё чаще прочерчивали наст, то расходясь, то скрещиваясь, завивая петли и выводя зигзаги.

Вот и савраска метит снег, хрупко ступая по целине. Иногда он останавливался, чтобы копытом разгрести холодные хлопья, и добирался до травы, высохшей на корню.

Олег не мешал коню подкрепляться. Надо будет — саврасый весь день проскачет, а сейчас — пускай себе хрумкает, если ему нравится.

Сухов с утра кружил вокруг становища, исполняя долг тургауда, дневного стражника. Служба непыльная. Вот, если бы задул буран, если б замела метель... Тогда — да, тогда дневной дозор живо сравнялся бы с подвигом. А сегодня ветер едва колеблет хвосты тугов. Лёгкий морозец щиплет щёки, но добрая порция мяса греет изнутри, шуба — снаружи, а лохматому савраске всё и так нипочём. Этой животине хозяин нужен не для кормёжки и ухода, а для общения. Конь и всадник не есть два отдельных существа. Тот, кто в седле, сживается, сродняется с тем, кто под седлом, и являет собой двойственную неразрывность. Кентавра.

Олег похлопал по шее жевавшего савраску, и тот мотнул головой: чего тебе?

— Кушай, кушай...— проговорил всадник.

Конь тряхнул гривой и сгрыз целый пук травы. Захрустел, зазвякал уздой.

В этот момент на белоснежном поле зачернело пятнышко, будто кто точку поставил на чистом листе. Сухов пригляделся. Путник? Нет, всадник. Но уж больно низко сидит... Да лежит он!

Олег направил коня навстречу неизвестному. Он увидел усталую лошадь-«монголку» и нукера, бессильно обвисшего в седле. Из куяка торчали две стрелы, качавшие оперением.

— Ха! — выкрикнул Сухов.

Нукер поднял искажённое от боли лицо, нетвёрдой рукой вытащил серебряную пайцзу с изображением парящего сокола.

— Кто?..— прохрипел он.

— Нукер из десяток Изай,— старательно выговорил Олег,— сотник Эльхутур.

— Хану скажи, если помру... Бату-хану... Коназ рязанский не принял мира... Рать собрал, на нас войной идёт...

— Большой рать?

— Половина тумена...

— Сам ехать для поговорить. Имя как?

— Сорган-Шира...

— Ехать, Сорган-Шира. Ехать до Бату-хан.

Нукер не ответил — он медленно валился на бок. Сухов подхватил никнувшее тело и понял, что поддерживает мёртвого.

Отобрав у Сорган-Шира его пайцзу (пригодится), Олег привязал руки нукера к седлу и повёл лошадь за собой в поводу.

— Поехали, коняка,— сказал Олег.

Савраска не стал спорить — бодро потрусил в сторону юрт.

Чем ближе к становищу, тем сильнее давил шум и плотнее обступали запахи. Жизнь вокруг бурлила во всех своих проявлениях.

Чумазые пастухи-харачу доили кобылиц, а сморщенные старухи-куманки готовили сыр из кобыльего молока. Воины сидели у костров, грелись или занимались делом — подтачивали наконечники стрел, пришивали новые завязки к куякам, плели из пареной лозы щиты и обтягивали их грубым шёлком, напрягали глотки в горловом пении — их грубые, заунывные голоса будили в Олеге щекочущие полувоспоминания-полусны о древности, восходящей к пещерам. Чудились ему травяные запахи зелёной степи и гул скачущих табунов. Сама Азия, непричёсанная, косоглазая и плосколицая, витала над становищем, нагоняя жуть от минувших неистовств.

Правда, Сухов не глазел вокруг зря. Он ни днём ни ночью не забывал, что служба его отлична от увеселительной прогулки. Вот и сейчас Хельгу, сын Урмана, ехал, посматривая по сторонам, не забывал и за спину глянуть. Конечно, подручные Бэрхэ-сэчена поостерегутся убить его посреди становища, но уж лучше перебдить, чем недобдить!

Савраска вынес Олега на бугор, с которого открылась орьга — ставка Батыя. В окружении десятков юрт приближённых возвышался белоснежный шатёр хана, вокруг которого были расставлены девять тугов — по два с каждой стороны, а в середине торчал главный бунчук — тонкое древко, увитое цветными лентами, с круглым бронзовым щитом. С его краёв бахромой свисали белые волосы конской гривы, а навершие было выполнено из бронзы — меч и два лепестка пламени составляли трезубец.

Дальше Олегу проехать не дали — могучие кешиктены, гвардейцы хана, окружили Сухова. Хельгу моментально выудил серебряную пайцзу и крикнул:

— Внимание и повиновение! Моя ехать для поговорить до Бату-хан! Шибко важно!

Кешиктен на белом коне молча показал плетью — поезжай впереди.

Так, в окружении гвардии, Сухов приблизился к ханскому шатру на десять шагов — дальше его не пустили тургауды, скрестив копья.

Олег послушно спешился. Тут же перед ним возникли три шамана в просторных куртках с вышитыми красными и жёлтыми узорами, изображавшими тайные знаки. Юбки из синей шерсти с тяжёлыми складками прятали войлочные сапоги, а головы шаманов гнулись под тяжестью шапок с приделанными кусками бирюзы. На макушках у них, походя на короны, торчали рожки джейранов, собранные в окружности, на виски опускались треугольные подвески, а за спинами болтались цепи с бронзовыми побрякушками. Их трезвон перебивался рокотом бубна.

— Пройди между огнями, воин,— прошамкал самый старый из жрецов.— Мы обкурим тебя священным ды-

мом. Он очистит сердце от недобрых помыслов, прогонит прочь злых духов-мангусов.

Олег кивнул только. Кешиктены выстроились в два ряда, по обе стороны дорожки, ведущей к шатру, и грозно нахмурили брови.

Сухов направил стопы к дверям, делая остановки около восьми жертвенников, сложенных из камней. На них дымились костерки. Два шамана помоложе вовсю махали опахалами, раздувая огонь, а старый пел дребезжащим голосом:

О, духи конца и начала,
Хранители пути,
Пронизывая капли тумана,
Наслаждаясь дыханьем ветров,
Охраной идущие сзади,
Несущие вехи вперёд,

Жертву примите, очистите сердце!

Напряжённый взгляд Олега отмечал всякую мелочь — волосяные арканы притягивали шатёр к кольям с медными головками; шатровая дверь состояла из двух позолоченных створок с резьбою, изображавшей драконов в окружении листьев; перед дверью покоился расписанный лаком барабан на деревянной подставке, а у входа стояли в карауле двое кешиктенов полузвериного обличья. Копьями они подняли дверной занавес и пристально следили за тем, чтобы Олег не коснулся ногой порога. Сухов поднял ногу повыше и переступил порожек.

Внутри ханского шатра горели светильники, заправленные благовонными маслами, на разостланных коврах лежали подушки в шёлковых наволочках. Хоймор — почётная часть юрты — был задёрнут малиновой шторой, расшитой золотыми тиграми с растопыренными когтистыми лапами и серебряными соколами, падавшими на добычу.

У входа Сухова встретил сам Субэдэй в синем халате-чапане с рубиновыми пуговицами. Он молча указал на саблю. Олег, тоже не говоря ни слова, снял клинок и положил его у двери. Субэдэй кивнул и провёл нукера в

хоймор. Там, на стопе из двадцати семи верблюжьих шкур, сидел Бату-хан в начищенном до блеска куяке. На груди у него висела на цепи овальная золотая пайцза с изображением тигриной башки — усы встопорщены, клыки в оскале. Голову хана покрывала белая войлочная шапочка, отороченная голубым шнуром, плечи покрывали четыре хвоста чёрнобурок. Рядом с походным троном из кож находился колчан, выложенный золотом. В нём лежало всего три стрелы [1].

На ковре перед ханом стояла на коленях шаманка с обрюзгшим лицом, почти скрытым под тонкими косичками и низко надвинутой шапкой, украшенной головами птиц с длинными клювами и хвостами лисиц. Засаленный халат покрывала тяжёлая медвежья шкура, подпоясанная ремнём, на нём висели войлочные божки. В одной руке шаманка держала бубен, в другой — колотушку и раскачивалась из стороны в сторону, то ли входя в транс, то ли не имея сил выйти из него. Она смотрела, тупо уставясь перед собой, и ничего не видела. Тянула только, глухо и заунывно: «Аюн-ее! Аюн-ее!»

Олег сразу узнал жрицу — это её отправляли послом к великому князю рязанскому. Бату и Субэдэй терпеливо ждали, когда же шаманка переговорит с духами-онгонами и поведёт людские речи.

Неожиданно женщина замерла и ясным голосом сказала:

— Великий коназ Гюрги из города Ульдемир [2] отказал в помощи коназу Резана. Он не пошлёт ему воинов и не заступится сам.

Бату и Субэдэй переглянулись, улыбаясь довольно. Больше шаманка не сказала ни слова. Подобрав орудия для камлания, она вышла вон.

---

[1] Чем человек знатнее, тем меньше стрел находилось в его колчане. Только простые воины обязаны были иметь по два полных колчана.

[2] Юрий Всеволодович из Владимира. Летописи часто называли его Георгием.

Батый задумчиво поглядел ей вслед, оглаживая усы и бородку, а затем обратил своё благосклонное внимание на Олега.

— Менду [1], нукер Хельгу, сын Урмана,— усмехнулся он.— Если ты потревожил меня по пустякам, будешь наказан.

— Байза [2], хан Бату, сын Джучи, сына Тенгиз-хана,— сказал ему в тон Сухов, неторопливо опускаясь на колени.— Моя находить в степи воина Сорган-Шира. Он не доехать до твой шатёр, он умереть. Сорган-Шира говорить через меня к тебе — князь рязанский идти войной. Он шибко-шибко быстро вести войско в половину тумена и будет здесь скоро.

Хан вскочил, сжимая кулаки и щуря глаза, и без того узкие.

— Растопчу это коровье дерьмо! — еле выговорил он в бешенстве.— Достану, вырву печень коназа и скормлю собакам!

Субэдэй-багатур выразил свои чувства, издав громкое сопение, а его единственный глаз до того налился кровью, что стал походить на рубиновую пуговицу.

— Ступай, Хельгу,— отрывисто сказал Батый.

Олег встал, поклонился и сказал:

— Будь славен, победоносен и многолетен, великий.

Хан кивнул ему милостиво, а Субэдэй проворчал в спину Сухову, подбиравшему саблю:

— И не болтай там языком, как овца курдюком...

Олег ответил поклоном и удалился. Лишь пройдя сквозь строй кешиктенов к радостно фыркавшему савраске, Сухов выдохнул с облегчением. Держись, человече, подальше от королевских палат и ханских шатров! Проживёшь дольше.

Олег вернулся к юрте Изая Селуковича, но войти, чтобы испить полный аяк кумыса — что-то в горле пере-

---

[1] *Менду* — здравствуй (*монг.*).

[2] *Байза* — внимание (*монг.*).

сохло,— не успел. Завыли рога, заревели хриплые трубы, зарокотали барабаны. Зычные голоса порученцев-туаджи разнесли любимую присказку Чингисхана, обычно произносимую перед повелением войску:

— Слушайте, тумены непобедимые, подобные бросающимся на добычу соколам! Слушайте, тумены драгоценные, как каменья на шапке великого хана! Тумены единые, как сложенный из камней высокий курган! Слушайте, багатуры, подобные густой чаще камышей, выросших тесными рядами один подле другого! Исполняйте волю Священного Правителя! Только его слова мудры, только они приносят победы, только его приказы доставят вам обильные богатства, тысячные стада и немеркнущую славу!

Во всех концах становища поднялись голоса:

— Слушайте слова Великого Воителя! Слушайте почтительно и с трепетом!

Семь туменов упали на колени, касаясь руками земли, и, подняв голову, слушали объявление приказа:

— Великий повелевает тумену пресветлого хана Гуюка спешно двинуться вперёд, найти в степи войско оросов, загородивших нам путь, и раздавить его! Если Гуюк-хану будет сопутствовать удача, он первым поведёт своих нукеров на Резань! Войска пойдут широкими крыльями, самый левый — Гуюк-хан, самый правый — Шейбани-хан! Хуррагш!

На мгновение зависла тишина, а после низким рыком откликнулись все тумены разом, потрясая степь:

— Ху-урра-агш!

...Монгольское войско продвигалось отдельными туменами, между которыми постоянно сновали гонцы. Конные разведчики скакали впереди, то и дело поднимаясь на отлогие холмы, и подавали знаки, кружась на месте,— всё спокойно!

Чтобы не разрывалась связь между отрядами, без устали трудились сигнальщики, маша чёрными и белыми флажками. В сумерках и ночью они передавали сообщения с помощью горящих факелов.

Шли тумены сакмой — широким степным шляхом, по отлогому берегу реки Лесной Воронеж. Земли вокруг или раскатывались заснеженной плоскостью, или приподнимались низкими холмами с длинными и пологими склонами.

То ли Субэдэй, то ли сам Бату отметил бдительного тургауда — молодой чёрноусый кешиктен привел для нукера Хельгу лошадь Сорган-Ширы, передал его лук и доспех и удалился, коснувшись пальцами правой руки сердца, губ и лба.

Так у Олега появился второй конь. Хотя хвастаться тут было особо нечем — иные из нукеров вели за собой по пять, даже по десять запасных коней.

В поход на «коназа Резана» Сухов снарядился от и до: у него были резак и напильник для заточки наконечников стрел, крючок с леской, бечёвка, железный котелок, две кожаных фляги — одна для воды, другая для кумыса. И два полных колчана — шестьдесят стрел ровно. Половина — срезни для «кровопускания», половина — с граненными, калёными жалами, пробивавшими кольчугу.

С луком Олег дружил не особо. В человека мог попасть, но не за сотню алданов[1], как лучшие стрельцы-мэргены. Да и норму — выпустить восемь—десять стрел в минуту — он ни за что не осилил бы. Ведь стрелы надо не просто выпустить, а попасть ими в цель! Убить!

Монголы этому искусству буквально с трёх лет учились, куда уж с ними тягаться взрослому неучу... Но и в отстающих числиться Сухову тоже не хотелось.

И вот на каждом привале Изай доставал старый щит, плетённый из ивняка, вешал его на дерево, а Олег вооружался луком Сорган-Ширы и метал стрелы в цель.

Одно хорошо — растягивать лук надо было левой рукой. Если бы напрягать пришлось правую, то он бы не смог удержать в ней меч — так уставали мышцы. Да и то сказать, лук разгибался с усилием в три пуда — это всё равно что поднять не самого худого отрока на уровень плеч. Одной-то рукой!

---

[1] *Алдан* — маховая сажень, больше двух метров.

Его тренировки всегда собирали толпу зрителей — нукеры развлекались вовсю, весело обсуждая каждый выстрел, давали насмешливые советы, но Сухов не обращал на них внимания. Пускай себе зубоскалят. И, надо сказать, его упорство было оценено — сам Субэдэй-багатур похвалил его за настойчивость и волю. Ведь не всякий способен после трудного перехода найти в себе силы для занятий. Но за день до битвы Изай Селукович отменил тренировку: копи, дескать, силы, они тебе пригодятся, Хельгу, сын Урмана...

...На ночёвку устраивались по-простому. Даже для Бату-хана установили не шатёр, а походную юрту. К ночи поднялся ветер, повалил снег, но бравые нукеры не пугались буранов. Олег, как все, выкопал яму в снегу, разжёг в ней костёр, а после устроился на тёплом месте, постелив вместо простыни попону, расправил обычно засученные рукава шубы, свернулся, как медведь в берлоге, да и заснул.

Ветер намёл над ним сугроб, а к утру стих. Едва хмурый рассвет пробил полог туч, и занялась заря, перекрашивая в розовый цвет белую степь, явился бравый Эльхутур.

— Изай! — воскликнул он.— Ойе, Изай!

Сугроб рядом с заиндевевшим гнедком зашевелился, и пред очи джагуна явился его десятник-арбан.

— Ойе, слушаю!

— Я уже почти всю сотню объехал! Зачем медлишь?

— Доезжай, и мы все будем на конях!

Сухов живо поднялся, умылся снегом и подхватил тёплую попону. Савраска благодарно ткнул его головой в бок.

Один за другим поднимались нукеры Изая Селуковича. Покидали свои снежные постели, тащили потники, седлали продрогших коней.

— Дэр-халь! — разносилось повсюду.— Хош-халь!

Не задерживая конницу, первым тронулся в путь обоз — надменные верблюды тащили на себе разобранные шатры и юрты, кипы расписных войлоков, котелки, мешки муки и риса, изюма и солонины.

И вот весь десяток Изая снова вышел в поход, вся сотня Эльхутура, вся тысяча Бэрхэ-сэчена, весь тумен Бурундая. «Передовой отряд» Белой Орды.

Безбрежную равнину видел Олег, занесённую снегом, с проплешинами сухой травы — ночной ветер сдул с неё снег, чтобы рядышком намести сугробы, отточив их гребни до сабельной остроты,— бело-розовые с солнечной стороны, они отливали тёмной синевой в тени.

Кое-где мелькали кусты осины с ещё не облетевшими ярко-жёлтыми листьями или чернели полосы дубняка вдоль промерзших речек. Больше всего снегу наметало в лощины и абалы, как рязанцы называли широкие овраги с пологими склонами.

Олег ещё с вечера примерил мягкий доспех Сорган-Ширы, называемый хатангу дегель — «прочный, как закалённое железо». Он был скроен на манер халата — без рукавов, но с оплечьями. Шили хатангу дегель из белого войлока и бычьей кожи, простёганной поперечными стежками, а сверху покрывали однотонной тканью. Для пущей надёжности в мягкий панцирь вшивали с изнанки прямоугольные стальные пластинки — у горла и в подмышках. Доспех хорошо сидел на Сухове, прямо поверх шубы.

Шлем-дуулга тоже подошёл ему по размеру. Бармица из кожи носорога защищала шею, заодно прикрывая от ветра и снега. На макушке шлема имелось навершие для султана, но Олег не захотел выглядеть чудом в перьях — вставил туда штырь. Шлем был велик, как раз чтобы натягивать на малахай — и не давит, и тепло.

...Сухов ехал, покачиваясь в седле, в левой руке держа обязательный прутяной щит, обтянутый шёлком, с бронзовым умбоном [1] посерёдке, а правую грел за отворотом. Тут-то всё и началось.

Тумен Гуюк-хана разминулся с дружиной Юрия Ингваревича — два войска прошли по разным сторонам протяжённой дубравы, вымахавшей на отлогом берегу Воро-

---

[1] *Умбон* — сферическая или коническая бляха на щите, защищающая руку воина от пробивающих щит ударов.

нежа. И разведчики рязанцев столкнулись с авангардом Бурундаева тумена, цепью рассыпавшимся по широкому полю, и где там кончался лёд на реке и начинался низкий бережок, не разглядеть — снег равно укрыл и замерзшую воду, и выстуженную сушу.

Сам Бату выехал на пригорок на опушке кленовой рощицы — хан был в шубе из белых песцов, крытой жёлтым шёлком. Рядом с ним встал Субэдэй-багатур. Военачальники словно заняли почётные места в ложах, чтобы наблюдать за ходом битвы,— и мрачный балет начался.

С гиканьем, с лихим посвистом вынеслись рязанские конники, повалила пехота — ополченцы в полушубках и рыжих армяках, подпоясанных узкими ремнями с ножами в деревянных ножнах, в лаптях и шерстяных онучах, обвязанных до колен и затянутых лыковыми бечёвками, или обутых на степной манер — в войлочные чуни. Вооружено ополчение было чем попало — дедовскими копьями и топорами, охотничьими луками, рогатинами, а то и вовсе дрекольем. Зато орали рязанцы знатно — мат и вой стоял над полем.

Монголы бросились в бой без криков, в полном молчании, лишь топот копыт озвучивал контратаку.

Субэдэй послал вперёд лучников — сотен пять стрелков закружили «хоровод» по всему фронту наступавшей рати рязанской. Лучники-корчи поотрядно скакали, кружась по часовой стрелке, выцеливая свои жертвы с самой удобной позиции — слева. На полном скаку каждый корчи спускал по две-три стрелы и сворачивал в тыл своим товарищам. Появлялся опять, в начале сей убийственной «карусели», и снова стрелял. И снова попадал.

Сотни стрел одновременно слетали с тугих монгольских тетив, и промахи были крайне редки. Оперённые «тумер булсуу» вонзались в плоть, прикрытую бронями, и сносили бронника с ног, лишая здоровья или самой жизни, а когда стрела попадала в пешца, на котором, кроме полушубка да бурого армяка, не было ничего, то пробивала тело насквозь.

Люди падали, люди рушились под ноги своим, убитые лошади спотыкались и летели кувырком, роняя всадников.

Меткие рязанские стрелы выбивали и степняков-корчи, те валились в снег, но губительный «хоровод» не прекращал своего кружения.

Рать рязанская дрогнула, смешалась — передние ряды подались назад, уберегаясь от обстрела, задние давили на передних, яростно требуя смерти врагу.

И тогда Субэдэй-багатур послал вперёд тяжёлую конницу. Копьеносцы в шубах, обтянутых блестящими, надраенными куяками, в ребристых шлемах с забралами, казались мощными, большеголовыми, лишенными шей демонами. Копейщиков несли могучие кони, чьи ноги почти не были видны — броня из сыромятной кожи и железа скрывала скакунов почти до взрытого копытами снега.

Рязанские витязи сошлись с конниками Бату-хана. Боестолкновение было страшным — громадные копья ударили, как тараны, сшибая коней, расколачивая миндалевидные щиты, насаживая седоков, будто на колья. Лошади дико ржали, вставая на дыбы, пытаясь выдержать чудовищный напор, и падали в кровавый снег.

А на флангах багатуры уже отбросили изломанные копья, вооружаясь сразу двумя саблями, и врезались в рязанскую конницу, неистово полосуя клинками тела и крупы, врубаясь в ряды защитников земли рязанской, пьянея от брызжущей крови и наседая, наседая, наседая...

Тысяцкий Бэрхэ-сэчен, получив команду от Субэдэя, привстал в стременах и хрипло закричал:

— Хуррагш!

Десять сотен всколыхнулись и послали своих коней вслед отступавшей рати рязанской. Но перейти к своему заключению — к рукопашному бою — сражение уже не могло. Рязанцы бежали, а впереди всех, на лихом коне, мчался князь рязанский Юрий Ингваревич.

Нукеры Гуюк-хана, исправляя оплошность, понеслись вдогон, истребляя беззащитных пеших, а сотни Эльхутура и Алтун-Ашуха напали на рязанский обоз — смирных лошадок, запряжённых в сани-розвальни с плетёными коробами, набитыми караваями житного хлеба, мешками с пшеном, кадками с салом. Мужиков обозных давно уж и след простыл, зато кое-где в санях остались брошенные тулупы, кольчуги, брони — видать, не все из ратников успели облачиться к бою.

Монголы налетели на обоз. Олег, спрыгнув с коня, кинулся к саням, влекомым заморённой чалой лошадёнкой, и решительно отпихнул прыткого Джарчи — молодца с рассечённой бровью и реденькими усиками,— перехватив великолепный меч ромейской работы — настоящий акуфий. Ах, какой клиночек, так и просится в руку! Прекрасненько...

Примерив один островерхий шлем, Сухов отбросил его — маловат будет. А вот этот в самый раз! Гранёный и шпилястый, с выкружками для глаз, с наносником, шлем был хорош на диво. Пригодится в хозяйстве...

Подъехавший Изай Селукович только головой покачал, оглядывая обоз.

— Гей, ой-о! — протянул он.— Ум коназа жидок, как молоко, с которого собрали сливки. Столько народу погубить зазря. Ва-вай...

— Ой-е, Изай-гуай [1]! — жизнерадостно молвил Джарчи, примеряя тулуп.— Коназ — мерин, всё ещё думающий, что он жеребец!

Арбан-у-нойон не ответил бойцу, продолжая сокрушённо качать головой. Чихнув, он сказал задумчиво:

— Духи зла щекочут мои ноздри — к чему бы это?

Незаметно подъехавший Субэдэй-багатур сказал, устремляя свой единственный зоркий глаз на север:

— К походу, арбан. В земли храброго, но глупого коназа. На Резан!

---

[1] *Гуай* — уважительное обращение к старшему (*монг.*).

Глава 12,

в которой Олег повинуется порыву

Субэдэй-багатур был виднейшим полководцем, сравнимым разве что с самим Чингисханом. Или с Александром Македонским. Или еще с кем. Его ум находил неожиданные решения, Субэдэй продумывал битву на много ходов вперёд, используя местные особенности и разведданные, приспосабливая опыт степняков, таёжников, горцев или жителей пустыни — ведь за спиной у багатура были покорённый Китай и Кашгария, Сибирь и Алтай, Средняя Азия, Персия, Кавказ, обширнейший Дашт-и-Кипчак — Половецкая степь, что раскинулась от Иртыша до Днепра. Субэдэй вёл тумены от победы к победе, прибирая всё новые и новые земли к бескрайней монгольской империи, приводя под руку ханов всё новых и новых данников.

Однако он никогда не чурался военных обычаев, освящённых временем и именем Тэмучина. Та же Онуза занята была не потому, что на дороге стояла. Взятие этой мелкой крепости явилось демонстрацией силы — вот, дескать, коназ резанский, мы пришли! Гляди, что творим. Ну и чем ты ответишь на наши безобразия?

А чтобы до князя быстрей дошло, к нему направили послов.

И это было давней, проверенной схемой — перейти границу, захватить крепость и ждать, что ответит местный правитель, получив от посла предложение (читай — ультиматум): выбирай — мир или война? Если мир — тогда готовь дань. И каждый год отныне будешь собирать десятину для хана. Если война — тогда держись, тогда вина за вторжение на тебе, князь (или шах, или император, или король, не суть важно). И нукеры с чистой совестью будут резать, будут бить, будут грабить и жечь. Вам же предлагали мир? Предлагали. Не захотели? Значит, сами виноваты!

И вот под копыта монгольских коней ложится земля рязанская, истерзанная княжескими разборками и вечной разрухой — только очистят пожарище, отстроят избы по новой, только распашут заросшие бурьяном поля,— опять является полчище, опять власть меняется! И что разумного, доброго, вечного можно было создать, когда каждое поколение переживало по две-три войны?..

...Олег ехал, держась сакмы, и грустно улыбался своим мыслям. Похоже, что он продолжает неоконченный спор с Пончиком. Всё ищет новые аргументы в защиту своей правоты.

— Наше дело правое,— пробормотал Сухов,— победа будет за нами.

Он ехал, ведя в поводу уже трёх коней. Парочку — сивого и бурого — Олег обнаружил случайно, когда Изай послал его прикрывать фланг тумена, скакать в стороне, да высматривать вероятного противника. Часа не прошло, как Сухов наткнулся на двух осёдланных лошадей, забившихся в чащу. Поводья у них запутались в кустах, и сивка с буркой грустно смотрели на Олега. Сперва они, конечно, подёргались, храпя и фыркая, но голос Сухова, выговаривавший всякие ласковые глупости по-русски, успокоил их. Олег угостил коняшек сухариками, и те дали себя увести. Убили ли их хозяев в бою, или те по дороге свалились от ран, осталось неизвестным.

Тумены шли берегом реки Рановы, подбираясь к её истокам, к незаметному водоразделу, откуда на юг течёт и Воронеж, и сам Дон, а к северу сбегает Ока. За водоразделом нукеры Чингизидов двинутся по льду реки Прони. Это уже, считай, рядом с Рязанью, но стольный град воинство Бату-хана захватит в последнюю очередь. Сначала нужно будет предать огню и мечу окрестности, разорить города и веси — тоже старинная стратегия. Ведь надёжный тыл — прежде всего. Значит, надо пройтись по тылам князя рязанского, пожечь всё, что горит, порубить всех, кто сопротивляется «натиску на запад», лишить

Юрия Ингваревича даже надежды на подмогу. Пускай запирается в своей Рязани и падает духом, ибо не будет ему никакого спасения, никто не защитит его — сдавайся или умри!

На Проне тумены разделятся — Гуюк-хан, давний враг Батыя, отправится на приступ города Пронска. Мункэ, давний друг Бату-хана, пойдёт на Белгород, Шейбани поведёт своих к Ижеславцу. С ним отправится Сили Цяньбу, тангутский военачальник, умелый стратег и хороший тактик.

А остальное войско Батыево двинет вниз по Проне и выйдет прямо к Рязани. Его поведёт Субэдэй.

Вечером тысяча Бэрхэ-сэчена вышла к селу Добрый Сот, стоявшему на берегу Прони,— как раз в том месте, где находилась переправа по дороге из Пронска в Рязань.

Добрый Сот был окружён старым, давно не чиненным тыном из острённых, осмоленных брёвен, а мощные ворота на пудовых петлях навешаны были на резные столбы в обхват.

Олег поморщился недовольно — он чертовски устал, весь день проведя в седле, а теперь вместо ужина штурмуй это паршивое селище! Но тут ворота Доброго Сота дрогнули и пошли открываться. Несколько сробевших молодцев придержали тяжёлые створки, и навстречу монголам вышел староста в буром армяке, часто кланяясь и подлащиваясь. Мол, не в ответе мы за князя, князь сам по себе, а мы сами по себе.

— Милости просим,— проблеял староста,— не извольте гневаться.

Переваливаясь по-утиному, приблизился старый бородатый поп в лиловой ризе из грубой крашеной холстины с нашитыми жёлтыми крестами. Собрав пальцы щепотью, он осенил монголов крестным знамением.

Эльхутур забеспокоился и крикнул:

— Изай, что делает русский шаман?

— Отгоняет от нас злых мангусов,— нашёлся арбан.

Джагун-у-нойон успокоился и передал приказ тысяцкого: домов не жечь, селян особо не обижать. Воюют с непокорными, покорившимся даруют жизнь.

Сотни разъехались, выбирая себе места для ночлега. Хозяевам и впрямь не чинили обид, разве что выгоняли из домов — селяне торопливо забивались на гумна и в овины [1], на сеновалы и в конюшни, торопливо крестясь — слава те, Господи, пронесло! Вживе остались!

Сельцо не выглядело богатым — приземистые избы были словно уплощены крышами из бересты и дёрна. Улиц не замечалось вовсе — плетни, огораживавшие дворы, пересекались как попало. На возвышенности поднимала луковку новая церквушка-«однодневка», когда-то в один день выстроенная всем миром.

— Ищем, что получше! — крикнул Изай, понукая коня.— Тут юртчи [2] нету!

— А вон! — показал Олег на крепкую избу, поставленную «глаголем», то бишь буквой «Г» в плане.— Вроде ничего с виду.

Арбан-у-нойон свистнул, подзывая десяток, и все поспешили к выбранной избе.

Дом нельзя было назвать богатым, но и нужды в нём тоже не терпели. За воротами открывался двор, как стеною окружённый мыльней, конюшней с сенницей, житницей, дровяником, а над высокой тесовой крышей поднималась верхница — надстроенный теремок, этакий мезонин.

Нукеры спешились, захлестнули чембуры вокруг коновязи, натаскали животным сена.

Олег, устроив своих коней, прошёл к крыльцу и поднялся по ступенькам в сени. Следом топали Изай и Джарчи.

В доме было натоплено — и тихо. Ни голосов, ни запахов особенных. Тянуло чем-то кислым, то ли квасом забродившим, то ли пропавшим тестом.

---

[1] *Гумно* — сарай для сжатого хлеба. *Овин* — постройка для сушки снопов.

[2] *Юртчи* — своего рода квартирмейстер в монгольском войске, заведовал многим, в том числе жилищами.

Почти всю горницу занимала громадная печь, в красном углу тускло отблёскивал иконостас. Весь свет шёл от пары светцов с горящими лучинами.

— А где все? — удивился Изай по-русски.

Будто в ответ скрипнули полати [1], и забелело лицо.

— Я и есть все,— прокряхтел ширококостный крепкий старик с угрюмым взглядом из-под нависших на лоб волос.— Чего надоть?

— Мы у тебя переночуем,— сказал Олег.

— А я вроде никого не звал,— ответил старик, приглаживая растрёпанную бороду,— мне гостей не надь.

— А тебя никто не спрашивает,— отрезал Сухов.— Не звал он... Кто ещё в доме?

— Трандычиха подселилась с лета, годков ей поболе, чем мне, но бегаеть ишшо...

Олег обошёл всю избу и решил, что заночует в горенке — маленькой комнатке, отделённой от чердака бревенчатой перегородкой. Там было уютно — в окошке, заделанном бычьим пузырём, мутно расплывалось багровеющее небо, а от толстой трубы, обмазанной глиной, шло тепло. Почти весь пол укрывала медвежья шкура, снятая «ковром».

— Нормально,— решил Сухов и спустился вниз.

Трандычиха оказалась бойкой старушонкой — и хорошей стряпухой. Она мигом завела тесто из ржаной муки на житном квасе, не переставая болтать:

— Салфет вашей милости, господа хорошие! Вот, сейчас я каравай-то испеку, жара в печи довольно, в самый раз... Три каравая должно выйти, у меня глаз, что твоя мерка... Мужики-то все, што степные, што лесные, до еды охочи. А я всегда говорила — был бы человек хороший, а из степи он али из лесу, в том никакой разности нету. Приходили к нам кумане, рекомые половцы, тоже не дураки подраться, ну и чаво? Давно уж переженилися с нашими! Даже князья половчаночек замуж брали за себя! А чаво ж? Девки знатные, сисястые... А теперича мунгалы

---

[1] *Полати* — нары для сна между печью и стеной.

явился. И што? Тоже ведь на двух ногах ходють и с одной головой все. Люди как люди... А князюшка наш уж горнорист больно! Чаво было в бой кидаться? Вот, надавали ему по сусалам, и правильно сделали! Может, от того ума в ём прибавится, не станет боле гордыню свою глупую тешить. Бог же, он всё видит! Об людях думать надобно, а не забивать себе голову премудростями всякими...

Бабка вовсе задурила Олегу голову, зато он понял, отчего старик называл её Трандычихой — терендит и терендит бабка, не остановишь. Зато хлеба у неё на славу вышли — пышные, румяные, а уж дух от караваев такой шёл, что даже сытый слюной подавится.

Нукеры тоже времени даром не теряли — обнаружив в хлеву бычка-двухлетку, они его мигом забили и освежевали, наварив три котла сытнейшего бульону, в котором мяса было больше, чем воды.

Три котла, три каравая — ужин удался. Трандычиху никто особо не гонял, даже мясом угостили безобидную бабку. А вот старик так и не слез с полатей, всё лежал и кряхтел, зыркая на монголов.

Гнать его из дому не стали — лежит себе, никому не мешает, да и пёс с ним.

Выйдя подышать на крыльцо, Олег прислушался — тихо было в Добром Соте. Не орал никто, от меча смерть принимая, не визжал, теряя девственность. Селянам просто повезло — устали нукеры, выдохлись в долгой дороге, вот и не влекли их утехи воинские, в сон тянуло ордынцев. Да и то сказать — последний переход остался до Рязани. Ещё немного, усмехнулся Сухов, ещё чуть-чуть...

Обведя глазами засыпавшее село, Олег задумался. Все эти дни он провёл в напряжении — спал чутко, бодрствовал с оглядкой. Постоянное ожидание смерти выматывало нервы, но Бэрхэ-сэчен всё не нападал сам и не подсылал убийц. Или передумал тысяцкий?

Непонятно это всё... Как-то в голове не укладывается. Да, Бэрхэ-сэчен реально хотел убить его, но за что? Проходили дни, и Олег всё меньше верил собственному объяснению — дескать, он стал неугодным свидетелем, узнав

невольно, что Бэрхэ-сэчен убил двух послов Гуюк-хана. Вот тысяцкий и перепугался.

Спору нет, Гуюк крут и долго разбираться не станет, но всё же спросит: а кто это видел? Ах, никто не видел? Нукер слыхал, да ещё из оросов? И кому веры больше будет — нукеру из пленных или тысяцкому? Поклонится Бэрхэ-сэчен хану и заявит: «Наговор!»

А так и будет! Вопрос: отчего тогда минган-у-нойон злился, когда Бурундай помешал ему Олега в расход пустить?

Вот тут-то и начинается область загадок и догадок. Если Бэрхэ-сэчен преследовал Хельгу, сына Урмана, вовсе не по поводу убийства послов, то какова тогда истинная причина? Чего тысяцкий боялся до смерти — до смерти Олеговой? Спросим так: что Хельгу, сын Урмана, видел такого опасного для Бэрхэ-сэчена? Настолько опасного и предосудительного, что свидетелю полагается умертвие? Свидетелю чего?!.

— Дело ясное, что дело туманное...— вздохнул Сухов.

Когда он вернулся в горницу, то увидел, что комната превратилась в спальню — бойцы Изая заняли лавки у стен, а кому не досталось мест, разлеглись на полу.

Олег поднялся по узкой деревянной лестнице в горенку и стащил с себя доспех, снял шубу. Бросил её сверху на шкуру медвежью и прилёг, довольно стеная.

Саблю он положил подальше, а привычный акуфий — поближе.

Сухов прикрыл глаза. Мысли, крутившиеся в голове, замедляли свою карусель. Ещё немного, и думки увязнут во сне... Что-то ему мешало. Духота.

Олег недовольно поднялся и ткнул мечом в бычий пузырь, проколупав изрядную дырку. Лица коснулась струя свежего воздуха.

— Проветривать надо...— сказал Сухов, зевая, и снова прилёг. И задремал.

Проснулся он глубокой ночью, не сразу разобравшись в том, что же его разбудило. Какой-то звук. Чьё-то

присутствие. Бэрхэ-сэчен?! Решился-таки, плоскомордый?..

Не двигаясь, Олег медленно провёл ладонью по медвежьему меху, наткнулся на рукоять акуфия и сжал её.

Окошко тускло сияло, пропуская в дыру узкий лучик лунного света. Сперва в лучике блеснул занесённый топор, потом жуткие, вытаращенные бельма старика-хозяина, а после забелела мятая рубаха. Эге, а дедок-то не такой уж и дряхлый, каким хочет казаться. Тот ещё живчик...

Крадучись, старик приблизился к спящему Олегу. Замер. И вот топор поднялся ещё выше, ещё — и резко пошёл вниз. Дедок согнулся, выдыхая и крякая, как будто собравшись чурку колуном развалить. Зарубить мунгала!

Акуфий вонзился старику под сердце. В то же мгновенье Сухов перекатился — топор с грохотом вонзился в исшарканные плахи, прорубая шкуру и шубу. Дед упал, стукнувшись головою об пол, но ему уже не было больно.

Олег сел и выдернул меч из мёртвого тела. Аккуратно вытер лезвие о рубаху на груди старого, ещё не намокшую кровью. Вспомнилась его первая встреча с Еленой — тогда тоже стояла ночь, и он был один, спал себе и никого не трогал. Вдруг явилась красавица, разделась, отдалась ему, а потом, вместо прощального поцелуя, выхватила кинжальчик из своей роскошной гривы и едва не всадила ему в шею. Перепутала его с другим Олегом, сынком Ингоря Старого, великого князя киевского...

Неприязненно поглядев на старика, Сухов поднялся, ухватил труп за ноги и поволок вниз. Бум-бум-бум...— колотилась седая голова о ступеньки.

— Старый пердун,— процедил Олег.— На подвиги потянуло!

Оттащив тело в сени, он вышел на крыльцо, где дремал в дозоре Джарчи. Нукер встрепенулся, но Сухов сделал нетерпеливый жест.

— Я это,— буркнул он.— Изай спит.

Джарчи успокоенно вернулся на ступеньку — можно ещё покемарить...

А Олег оглядел село. Добрый Сот был погружён во мрак и сон. Не спали ночные охранники, плохо почивалось селянам, а нукеры храпели в тёплых избах, набив кишки мясом, и копили силы ко дню завтрашнему.

Сухов пригляделся: на западе, за пильчатой стеной ельника небо дрожало оранжевым заревом — это горел Пронск.

Ранним утром, когда ёлки за восточной околицей села зачернели на красном фоне зари, тысяча покинула Добрый Сот. Селяне помалкивали, страшась лишним словом возбудить гнев «татарвы», боясь поверить своему маленькому счастью — не спалили, не вырезали!

Один старый поп, со встопорщенной со сна бородой, истово махал кадильницей, выпевая:

— Во здравие царя ордынского, батога божьего, вразумляющего грешников, чтобы привести их на путь покаяния...

Эльхутур даже не просил перетолмачить ему слова моления — и так всё было ясно.

Сотня его шла в арьергарде, прикрывая главные силы, следующие по течению извилистой Прони. Конники разъехались широко, благо лес по берегам не густел, да и порублен был изрядно. Десяток Изая рыскал в отдалении, порой забираясь в чащобу.

Олег, покружив по ельничку, выбрался неожиданно на узкую лесную дорогу, лишь местами снегом заметённую — так часто вставали вокруг деревья. Его обогнали Чимбай и Тайчар, пронеслись вперёд, а за каждым рысило по десятку коней запасных и вьючных.

— Догоняй, мэрген! — оскалился Чимбай, знатный стрелок.

Олег показал ему кулак, и нукер расхохотался, радуясь жизни и скорому обогащению — ведь впереди Рязань, город обильных сокровищ и красивых девушек!

Сухов не спеша поехал по снегу, утоптанному копытами. Тут-то и произошла нечаянная встреча — из-за де-

ревьев выглянула простоволосая женщина с толстой косой, в тёплой фофудье — ватничке, накинутом на армяк. Сразу было видно — с чужого плеча армячок, уж больно велик. В руках незнакомка держала небольшой свёрток, укутанный в овчину.

Выглядывая в сторону ускакавших нукеров, она не замечала Олега, а когда повернула голову и увидела, то вскрикнула, прижимая к себе свёрток, и метнулась к лесу.

— Стой! — крикнул Сухов по-русски, и это подействовало.

Женщина растерялась, не зная, на что решиться. Бежать? А вдруг догонит? Остаться? Всё ж таки по-нашенски говорит... А вдруг ловушка?! Выбор сделала усталость — беженка покачнулась и села на заснеженный пенёк. Проскулила:

— Не губи, добрый человек...

— Да какой я добрый...— буркнул Олег, слезая с седла.

Подойдя к женщине, он присел на корточки и двумя пальцами приподнял остренький подбородочек беженки. Девчонка совсем!

— Тебе сколько лет?

— Осьмнадцать...— прошептала девушка.— Будет...

— А звать как?

— Дарьей окрещена.

— Сын? — кивнул Сухов на сверток.

— Дочка...— потупилась молоденькая мама.

— И откуда ж ты бредёшь, дитя с дитём?

— Из Керди мы, это под Пронском. Бежим вот...

— Посиди тут, не убегай,— пробурчал Олег, поднимаясь.

Развязав баксон на сивке, он достал холщовый мешочек, полный ржаных сухарей, насушенных Трандычихой, и добрый шмат сала.

— Держи. Голодная небось?

Дарья кивнула, не веря своему счастью.

— Молоко-то есть?

— Есть,— впервые улыбнулась беженка.

Сухов улыбнулся ей в ответ — и развязал другой баксон, достал из него шубу Изаеву.

— На-ка вот... Всё теплее будет.

— Да куда ж...— всполошилась было Дарья.

— Да всё туда же. Чай, не соболя. И вот здесь топором прорублено — один дурак старый попортил... Зашьёшь.

— Зашью, зашью! — уверила Олега девушка.

Покачав головою, Сухов вынул из сумы волчий малахай и нахлобучил его на Дарью.

— Великоват малость, но ничего, зато тепло. А то голову застудишь, и коса твоя не поможет...

Малахай скрыл лоб девушки, и она приподняла его, окатывая Олега васильковым светом глаз. А тот вздохнул.

— И куда ж ты идёшь хоть, матерь человеческая?

— В Рязань иду, к дядьям.

— Забудь про Рязань, сожгут её.

— А... куда ж мне тогда?..

— Топай-ка ты в Муром, до него не доберутся.

— В Муром? Что ты, мил-человек, не дойтить мне до Мурома!

— Дойтить,— буркнул Сухов и подвел рыжую «монголку» Сорган-Ширы.— Садись. Давай, подержу...

Доверие Дарьи было столь велико, что она передала сопящий свёрток этому странному «мунгалу» и влезла на невысокую лошадку-степнячку. И сразу протянула руки: дай!

— Держи,— Олег протянул ребёнка всаднице и похлопал «монголку» по шее.— Животинка хорошая, послушная. Поить её надо раз в день, а корм она сама добудет. Ты только привязывать Рыжуху не забывай.

— Не забуду! — выдохнула Дарья. Её глаза наполнились слезами, девушка склонилась с седла и нежными губками коснулась обветренной, щетинистой щеки Сухова.— Спасибо тебе...

— Не за что,— улыбнулся Олег.— Да, чуть не забыл...

Достав из загашника серебряную пайцзу с изображением парящего сокола, он протянул её Дарье.

— Береги это! Называется — пайцза. Если встретишь татар, покажешь им эту пайцзу, и они тебя не тронут, помогут даже — покормят или на ночь устроят. Поняла?

— Ага! — кивнула Дарья и сказала прочувствованно: — Всю жизнь за тебя молиться стану!

Сухов платонически похлопал её по попке и сказал:

— Езжай, Даша.

И Рыжуха пошагала в лес, увозя Дарью и её дочь. Девушка часто оборачивалась и махала Олегу, а потом скрылась за поворотом. Навсегда.

Глава 13,

в которой Олег идёт на приступ

...Не прислал великий князь владимирский войска на подмогу рязанцам, предал вассала своего, купился на монгольские посулы. Летописный рассказ — в вольном переводе — звучит так: «Благоверный и великий князь Юрий Всеволодович Владимирский ни сам не повёл полки, ни послал подмогу, слыша мольбы рязанцев, но сам желая выйти на бой. Но уж лучше не противиться Божьему гневу, как говорилось в древности Иисусу Навину Господом; когда вёл его Господь на землю обетованную, то изрёк: „Я пошлю прежде вас недоумение, и грозу, и страх, и трепет!“ Вот так же и отобрал у нас Господь силу и храбрость, а недоумение, и грозу, и страх, и трепет вложил в нас за грехи наши...»

Заметим, что и вассал, и сюзерен стоили друг друга — Батый, приняв дары от рязанского князя, обещал тому не воевать его земель, а идти войной на соседние княжества. Само собой, в этом случае и дружина Юрия Ингваревича отправилась бы вместе с туменами. Посчитал ли князь рязанский бесчестьем для себя подобную воинскую повинность, или что другое повлияло на его решение, того не ведаем. Выйти же на бой во главе полка, чтобы схватиться с семью туменами,— это было безумием. Или безумством храбрых. А вот Юрий Всеволодович выглядит однозначно — трусом, подловатым и неумным. Отдав

Рязань на растерзание монголам, он наивно полагал, что сумеет отсидеться за Окским лесом, который Батый проходить не решится.

А ведь всего за год до нашествия множество булгарских беженцев пришли искать спасения у князя владимирского. Тот «повелел развести их по городам около Волги и в другие», но советов настойчивых не выслушал. А советовали Юрию Всеволодовичу города укреплять и со всеми князьями совместно готовиться к сопротивлению, «ежели оные нечестивые татары придут на земли его, но он, надеяся на силу свою, яко и прежде, оное презрил...»

16 декабря 1237 года монгольские тумены вышли к Рязани. Точную дату Олег выпытал у священника в Ярустове — сельце, что стояло к северо-востоку от столицы княжества, по дороге на Муром. И Ярустово, и Переволоки, и Ухорскую, и Новый Ольгов сожгли, девки деревенские разбежались от греха подальше, а за ними и бабы подались, тощих коровёнок подстёгивая.

За женщинами монголы не гонялись (всему свой черёд) — они отлавливали мужиков и крепких парней. Отлавливали в буквальном смысле этого слова — заарканивали, не покидая сёдел, и волочили за собой по снегу. После такого вразумления рязанцы делались послушнее и покорно шли, сбиваясь в колонну.

Сухову и самому довелось конвоировать целую толпу угрюмых селян из Ярустова. Бородатые мужики и безусые парни в полушубках и армяках, в домотканых зипунах шагали, переходя на бег.

Татары ехали с обеих сторон, словно перегоняли стадо — покрикивали, подкалывали копьями отстающих. Но это было человеческое стадо, тут шаг влево, шаг вправо считался побегом — шибко прыткого не ловили, загоняя обратно в строй, а слали вдогон длинную стрелу. Вид умиравшего в снегу стреноживал остальных.

Порой Олег оборачивался в седле, посматривая, не собрался ли кто смыться, и видел обращенные на него ли-

ца — угрюмые, ненавидящие, злобные, растерянные, понурые, ожесточённые, перепуганные. Открытый вызов он замечал редко, чаще в глаза бросались боязливые, просительные улыбочки людей униженных и оскорбленных, привычных к убожеству и терпеливых до ужаса.

Пленные торопливо шагали, загнанно дыша. Над толпою клубился пар, бороды покрывались инеем.

И вот они вышли на отлогий берег широкой Оки. Южнее, в устье Прони, догорал Новый Ольгов, а на противоположном берегу, высоком, обрывистом, взгляду открылась Рязань — длинный ряд стен на валу, башни с остроконечными кровлями. Ближе к югу над укреплениями поднимались главы Борисоглебского и Успенского соборов, а к северу, там, где в Оку впадала речушка Серебрянка, возвышенность, на которой стоял город, распадалась глубоким оврагом. По склонам его крепостные стены шли уступами, ниспадая на дно выемки, где цеплялись за бока кургузой воротной башни.

С берега сложно было заметить, крепит ли оборону Рязань. Только и видны были дымки костров на заборолах — видать, грели воду и смолу в котлах. И часто-часто били колокола, тревожа сердца набатным гулом.

— Ходи! Ходи! — закричали нукеры, поддавая пленным древками копий.— Шибче!

Селяне всей толпой сбежали на лёд и поспешили на тот берег, где между валами да рвами крепостными и Окой располагалась слобода, неукреплённое предградье — кузницы, склады, избы, баньки стояли кучно, но ни одного дымка не вилось над трубами — все слобожане давно уж схоронились за стенами Рязани.

Ордынские тумены окружили город, кучкуясь у Исадских ворот, у Спасских, у Пронских, у Серебряных и Южных. Монголы уже самим своим числом, неисчислимой массой конных и пеших, подавляли осаждённых, взывая к их малодушию — сопротивление бессмысленно!

— Ходи! Ходи! — кричали конные пришельцы на пеших хозяев.— Лопата бери, топор бери! Дома разбирай, кучку складывай!

Мужики, согнанные из окрестных сёл, разошлись по всей слободе. Сперва неуверенно, потом всё смелее и смелее, понукаемые злыми голосами, принялись разваливать крыши, раскатывать срубы по брёвнышку, рушить ворота и ограды.

С громким треском поддавалась часовенка, захлёстнутая арканом. Она клонилась, визгливо жалуясь и пыля трухой, и вот обвалилась, рассыпалась. Десяток рязанцев, тягавших пеньковый канат, мигом сдёрнули шапки и дружно перекрестились.

Иные надсаживались, разбирая мощный дом-двор, сложенный в два этажа из отборных брёвен в обхват, а хитрые мужички из Переволок нашли себе работёнку сами — они расколачивали тыны, сплоченные из крепких лесин. Трудились хитрованы без надрыва, зато кряхтели и орали больше всех:

— Наподдай, Ефимка! Ага, пошло!

— Эхма! Наумыч, подь сюды...

— Подсоби-ка... Ух!

— Навались!

— Куды ты её пихаешь!

— А чаво?

— Чаво-чаво... Сюды пихай!

— Олекса! Рубани здеся! Ишшо разок! Во-о!

— Тянем-потянем... Дружно!

— Шибче, шибче давай!

— А на кой ляд им эти брёвна? Топить, што ли, нечем?

Но мужиков припахали вовсе не дрова заготавливать — просто Субэдэй-багатур следовал ещё одному старому обычаю. Разворотивших все слободские постройки поселян заставили плотничать — сколачивать, связывать, сплачивать прочный забор-острог, обнося его вкруг всего города. Осаждённым это действовало на нервы — теперь никто не мог покинуть Рязань незаметно. Монголы никому не дадут сбежать.

А когда распаренное мужичьё выставило изгородь, их перебросили на изготовление длинных штурмовых лестниц и примётов. Впрочем, без дела не сидел никто. Ор-

дынцы по большей части занимались обустройством становищ, а китайские инженеры как мураши облепили рамы пороков — стенобитных и метательных орудий,— подвешивая тяжёлые тараны, устанавливая шатуны катапульт, сплетая из жил мощные тетивы для баллист.

Солнце село, начало темнеть, но работа по обложению града не прекращалась — тысячи костров горели вокруг Рязани, зловещим кольцом стягиваясь со всех сторон, а разнообразнейшие шумы, издаваемые степняцкими полчищами, сливались в глухой, плотный гул.

Штурм начался до рассвета. Загрохотали камнемёты — здоровенные, обкатанные валуны с нашлёпками приставшей мёрзлой земли, унеслись к стенам рязанским. Перелёт. Громко лопоча по-своему, китайцы бросились к катапультам, подкрутили вороты, приподнимая раму, а полсотни нукеров, сменяя друг друга, тягали рычаги, скручивали вороха воловьих кишок и жил. И вот новая глыба уложена в пращу катапульты. Китаец пробил киянкой по стопору, шатун с грохотом ударился о раму, посылая снаряд в сторону города. Есть! Один камень проломил крышу заборола, другой снёс навес, третий угодил ниже, вминая бревенчатый сруб.

А рядом сотрясались баллисты, посылая тяжелые, заострённые обрубки брёвен,— такая «ракета» навылет пробивает обе стены избы. Или стенку башни.

Олег медленно проезжал на савраске, сидя в полном боевом. Тумену Бурундая поручили штурмовать город со стороны Исадских ворот. Пока что шёл «артобстрел» — брёвна, пучки толстенных копий, каменные глыбы рушились с небес на стены и крыши града. Тысячи метких лучников подбирались поближе к стенам, пригибаясь за чапарами — огромными дощатыми или плетёнными щитами на колёсах,— выцеливали воинов на стенах и поражали их.

А вот пленным ни защита, ни охрана не полагалась — мужиков погнали на «земляные работы» — засыпать ров глубиной в три с лишним сажени да со щетью — кольями, вбитыми в дно. Сперва селяне притащили брёвна, плахи, до-

ски — всё, что осталось от слободы, приволокли порубленные деревья, поскидывали всё в ров, а потом по этим шатким «лесам» подступили к обледенелому валу, по высоте сравнимому с трёхэтажным домом, и принялись долбать его кайлами да кирками. Одни отходили, запарясь, приступали другие. Притомятся эти, эстафету принимали третьи.

«Подрывная работа» велась напротив того участка крепостной стены, что располагалась северней Исадских ворот, и стрелки-рязанцы взялись выцеливать рязанцев-землекопов — то и дело кто-то из мужиков резко выгибался, роняя шанцевый инструмент, и скатывался в ров. На его место тут же гнали нового пленного — зрелище должно продолжаться...

Ближе к полудню обстрел города возобновился — снова загрохотали пороки, меча камни и глыбы мёрзлой земли, снова на позицию вышли лучники. Они уберегли многих пленников от гибели, хоть и не желая того,— в копальщиков уже не стреляли со стен, боялись высунуться.

А мужики долбили и долбили заледеневшую глину. Потом стало полегче — в глубине вала земля не смёрзлась, и в ход пошли лопаты. Хитрецов из Переволок, уступивших долбёжку соседям, но рьяно взявшихся за копку, едва не завалило — они так углубились, что вырыли настоящую пещеру в валу, а свод возьми, да и рухни. Откопать удалось всех. И вот посреди мощного вала возникла седловина. Склон, многократно облитый водой, пошёл трещинами, подался — и осыпался во второй ров.

Защитники Рязани пытались помешать копальщикам — не имея возможности показаться из-за заборол, они метали стрелы навесом. Те падали не прицельно, но порой находили свою мишень и поражали её, язвя мужиков сверху, словно кара небесная. Долетали и дротики, и булыжники. Но работа не прекращалась.

Настал вечер, засинели сумерки, опустилась тьма, озарённая светом костров и факелов, но зря селяне надеялись на отдых — татары были неумолимы.

— Шибче! Шибче! — покрикивали нукеры, приставленные к ним для присмотру.

— Мочи нет, душегубцы поганые! — стонали изнемогшие пленники.

Перемазанные в снегу и глине, с потными, запорошенными лицами, они представляли собой зрелище жалкое, но сердца ордынцев были закалены, ведь за милосердие к пленным их ждало суровое наказание — лучше уж быть жестокими с оросами!

К утру второй ров был засыпан и войска пошли на приступ. Сотня Алтун-Ашуха двинулась первой, волоча лестницы и подбадривая себя заунывным визгом дудок.

Олег прислушался — ещё один тупой и глухой звук раздался слева — это китайские искусники сработали бревенчатые примёты, их прокинули напротив Исадских ворот, уложив на обгоревшие сваи,— и закатили таран. Воротины стояли прочно, лишь содрогаясь под ударами, но капля камень точит.

— Готовимся! — сказал Изай Селукович.— Полезем на стену следующими.

Сухов посмотрел на нукеров Алтун-Ашуха и только головой покачал. Трудное это дело — крепости брать.

Штурмовые лестницы доставали лишь до нижнего тына. Преодолев его, нукер оказывался перед следующей линией обороны, ещё одним бревенчатым срубом, уступом поднимавшимся к главному укреплению — городской стене с заборолами и башнями. А рязанцы тут как тут — ждут штурмующих, встречают незваных гостей камнями, стрелами, тяжёлыми чурками, слепят золою, льют кипяток и смолу, на самом же верху привечают копьями да секирами.

Но ордынцы упрямо приставляли лестницы — тяжёлые, из бруса сбитые, или лёгкие, из жердей, с перекладинами, подвязанными кожаными ремешками. И лезли упорно, прикрываясь щитами, как зонтиками.

Вот не повезло сразу трём монголам — на них, карабкавшихся вверх, угодила деревянная колода, калеча и сшибая. Лишь один из воинов, самый проворный, успел отпрыгнуть с пути падающего дерева, но не удержался на крутой осыпи, скатился в ров — и угодил на щеть. Сле-

дом за ним упали трупы его товарищей. Дикий крик насаженного на кол взвился и стих.

Нукеры распределили обязанности — передние лезли вверх, зажимая в зубах свои дудки и почти не переставая выдувать пронзительные, душераздирающие трели, а задние прикрывали их, обстреливая заборола.

Вот наверху возник копейщик, сделал замах — и умер, проткнутый стрелами. Перевесился через стену и свалился вниз.

А пороки молчали — можно было попасть по своим. Хорошо, если пущенный из катапульты валун размолотит заборол, а если попадёт в стену? Тогда он отскочит — и сметёт пару-тройку штурмующих.

И нукеры Алтун-Ашуха лезли на стену, надеясь только на себя да на товарищей, что прикроют и поддержат.

Вопль, переходящий в поросячий визг, заставил Сухова обернуться к городу — из-за заборол выдвинулся жёлоб, и дымная струя кипящей смолы окатила лезущих по лестнице нукеров. Потеряв себя от палящей боли, ордынцы полетели вниз, сбивая товарищей. Защёлкали луки, но стрелы издали лишь медный звон — оборонявшиеся прикрылись пустым котлом.

Сотня Алтун-Ашуха отступила, отозванная сигналом трубы, и Селукович сказал:

— Наш черёд.

— Наш так наш,— согласился Олег.

— Хельгу! — подбежал сзади Джарчи.— Держи!

Он протянул Сухову моток волосяной верёвки, привязанной к увесистой «кошке» — грубо откованному якорьку с тремя крюками.

— Закидывать и лазать? — спросил Олег.

— Ага! — осклабился молодой ордынец.— Так труднее, зато можно оттолкнуться от стены, если на тебя смола хлынет.

— Обе руки будет занимать...

— Ой-е! Подумаешь! Всё равно мы сегодня до верха не доберёмся!

— Ты так думать?

— Я так знать!

Сухов кивнул и повесил моток на плечо. С верёвкой и в самом деле сподручнее — ты уже не так скован, как на лестнице, где только вверх да вниз, а качаешься маятником. Попробуй выцели!

Подвязав шлем ремешком, Олег и саблю закрепил в ножнах, затянув шнурок на рукояти — так не выпадет. Перебросив щит, висевший на перевязи, за спину, он ухватился за моток.

Пока Тайчар, Хуту и Судуй ставили лестницы, а другие метились из луков, Сухов раскрутил конец, закидывая «кошку» за нижний тын. Подёргав — держится, Олег полез вверх, поглядывая на заборола. И правильно — две могучие длани перекинули через оградку комель, натуральный пень.

— Байза! — крикнул Сухов, отталкиваясь ногами.

Вращаясь, пень пролетел мимо.

— Вай-дот! — вскричал внизу Чимбай.

А Олег, описав дугу, оказался на прежнем месте и продолжил подъём. Перекинув тело через тын, он спрыгнул на хорошо умятую землю — это был нижний ярус городских укреплений, неширокий — в сажень — уступ, первая ступень, на которую было необходимо прорваться, чтобы одолеть вторую и третью.

Сухов глянул вверх. Прямо перед ним поднимался средний тын. Такой же высоты, как и нижний — в два роста человеческих,— он заслонял следующий уступ, вторую ступень, за которой уходила вверх главная крепостная стена, сложенная из дубовых брёвен, почерневших от дождей. Олег смотрел вверх, задрав голову. Н-да... Круто. Но бывало и покруче. Сухов усмехнулся: он брал штурмом Бирку и Уппсалу, Лондон и Париж, Севилью и Абесгун, Баку и Шемаху, Амальфи и Неаполь. Опыт есть...

Заметив движение между заборол, Олег бросился к тыну и прижался к нему спиной — тут была «мёртвая зона». Сверху рухнула бочка, хрястнула о бровку нижнего тына, да так, что деревянные обручи изломились, лепестками раскрывая клёпки-боковики. Показалась округлая,

мутная и пятнистая льдина — то ли яблоки мочёные смерзлись, то ли огурцы.

Тут же целый поток стрел обрушился на заборола, и Сухов кинулся к тыну, помогая влезть Чимбаю и Джарчи. Оба нукера держали в руках концы разлохмаченных верёвок.

— Это чего такое?

— Чапар тащим! — ухмыльнулся Чимбай.

— Целых два! — сказал Джарчи.

Втроем они затащили тяжёлый двуручный щит, сколоченный из досок и оббитый бычьей кожей, потом подняли другой, установили оба «домиком». И вовремя.

Джарчи глянул вверх и завопил:

— Байза!

И юркнул в «домик». С обеих сторон туда же нырнули Олег и Чимбай, звонко треснувшись шлемами. А в следующее мгновение поток крутого кипятка обрушился сверху, гремя по щитам парящими струями.

— Кажется, дождь собирается,— осклабился Сухов.

Затащив на верхотуру ещё с десяток чапаров, изаевцы спустились вниз, прикрытые стрелками, и отступили за линию валов и рвов. Бойцы сильно устали, были среди них и раненые, и потрёпанные. Вся сотня Эльхутура отошла к становищу, уступая место молодцам джагуна Тогрул-сэчена.

...Птицы небесные, пролетая над осаждённой Рязанью, видели нагромождения домов и храмов, опоясанные стенами — и разорванной цепочкой костров. Двойной цепочкой. Стены стояли нерушимо, а вот люди по обе стороны то собирались толпами, то расходились. Одни крепили оборону, другие штурмовали. Со всего города к стенам стаскивались брёвна, камни, тюки пакли, подвозилась в бочках вода, подносились дровишки. Обратно уносились раненые. Птицам было видно, как внутри крепостных стен метались и суетились люди, а снаружи наступал и отступал грозный человеческий прилив.

Ордынцы по очереди шли на приступ, успевая отдохнуть, поесть и выспаться, готовые с новыми силами идти на

штурм. А вот осаждённые рязанцы покою не знали — второй день подряд они без устали отражали атаки настырных осаждавших. Силы их таяли, а нукеры лезли и лезли на стены, свежие и бодрые, угнетая рассудок свистящими да визжащими дудками. Души рязанцев устрашались, люди приходили в отчаяние, всё яснее осознавая свою участь,— не выстоять им! Погибель ждёт Рязань, погибель и опустошение. И ждать чёрного дня осталось недолго...

Олег, уставший и раздражённый, вернулся к юрте Изая. Стояла она всего в двух полётах стрелы от стен Рязани, где свирепость и неистовство упорно близили победу, но будто и не было никакой осады — нукеры у шатров и юрт напротив весело смеются, внимания не обращая на военные действия товарищей, жадно поедают мясную похлёбку, шумно отдуваясь и утирая жирные губы. А вон нукер, сняв с себя куяк, оставшись в шубе, накрылся ещё одной и дрыхнет. Огромная собачища вертится у бойцов под ногами, выпрашивая кусочек мяска и посматривая, не удастся ли этот кусочек стащить. Агтачи трёт бока соловому коню пуком соломы, а после скармливает клок сена соловке — не пропадать же корму. Нежданно появляется монголка в одежде замужней женщины — в широченном номроге из блестящего шёлка, в головном уборе бохтаге с тонкой спицей, увенчанной лазоревыми перьями птицы. Олег знает её — это Мулхэ-хатун, жена сотника Тугус-беки. Её присутствие здесь, в виду крепости, что вот-вот падёт, кажется диким, но это только с первого взгляда. На самом-то деле в обозе много женщин, и это не балласт, а деятельные помощницы, даже воительницы, боевые подруги.

Судуй с Джарчи притащили по охапке хвороста и запалили свой костёр. Они тоже будто и не замечают, что рядом с ними происходит страшное,— по ту сторону стен рязанских изнемогают, теряя последнюю надежду не то что победить — хотя бы выжить, уцелеть, спастись, уберечься от смерти неминучей, а по эту сторону копится, копится злость, взводится нерв, как пружина. Скоро, очень скоро она пойдёт раскручиваться — все семь туме-

нов набросятся на Рязань, терзая живых и обирая мёртвых.

— Ой-е, Хельгу! — окликнул Сухова Джарчи.— Ты зачем изображаешь балбала на кургане? Иди к огню, отогрей свои каменные бока! Ха-ха-ха!

— Договоришься ты у меня,— благодушно пробурчал Олег, приседая у костра. И правда, чего стоять, когда тут лежит бревно, застеленное кошмами? Сухов протянул руки к огню — ладони впитывали жар. Хорошо!

Война имеет свои прелести. То, что перестаешь замечать в мирной жизни — сидение у костра, котелок с похлёбкой, спокойная ночь,— на войне обретает характер благодати. Когда сама твоя жизнь висит на ниточке, то даже мелкое удобство возрастает до размеров большого счастья. Все чувства обострены, ты проживаешь каждый день, каждый час, каждую секунду отпущенной тебе жизни, ибо не ведаешь, каков её запас — велик ли? Может, уже спущена тетива, и мгновением позже метко пущенная стрела оборвёт нить твоей судьбы? И ты живёшь, живёшь — напропалую, назло всем.

Изай Селукович прикатил бочоночек архи. Нукеры радостно взревели, потянулись за аяками, а Олег не захотел пьянеть, ему и так было неплохо. Разве что напряжение снять?

— Плесни и мне, что ли,— сказал он и получил полчашки мутной гадости — хмельной молочной радости.

— Крепости нет,— почмокал губами куман,— но пить можно.

— Изай-гуай,— сказал Джарчи,— рассказал бы чего...

— Чего именно? Я тебе что, улигерчи?

— Иза-ай!..

— Скажи-ка, Селукович,— спросил старого воина Олег,— а все ли страны поддавались Священному Воителю? Были такие, с которыми пришлось и повозиться?

— Сплошь и рядом! — ответил Изай.— Вон, те же тангуты. Их несколько раз пришлось завоёвывать. Только захватим, а они восстают. Их снова прижимают, а тангуты опять за своё. Но ничего, справились. Китай, тот и

вовсе легко дался. Казалось бы, мощь невиданная, страна-крепость, обведённая стеной, как город! А пала чуть ли не в один день. Зато Хакасию наши ханы до сих пор не подмяли под себя — тридцать лет воюют с хакасами, а те не сдаются. А Хакасия велика — от реки Иртыш её земли тянутся аж до реки Амур... Так, ладно, багатуры, допивайте — и спать! Завтра будет трудный день.

— Завтра этот город будет наш...— сонно пробормотал Джарчи.

С разрешения Изая Олег заполз в юрту кумана и с довольным кряхтеньем расположился на войлоках. Нукер спит, служба идёт...

Снаружи донёсся негромкий голос Судуя, певшего заунывным голосом:

— Много я перевалов перевалил... Много вод перебродил... А Вечно Синее небо одно надо всею степью... Небо, услышь мою вопль-молитву, воина с железным сердцем... Я привязал всю жизнь к острому мечу и гибкому копью и бросился в суровые походы, как голодный барс...

Глава 14,

в которой Пончик хочет вернуться обратно

На третий день осады Пончик не выдержал — оттащив в тёплую избу бойца со стрелой в груди, он обломил наконечник и вынул древко, промыл рану, затампонировал, перевязал — и свалился.

Проспал он часа два, не больше, но даже краткий отдых вернул силы — третьи сутки на ногах, сколько ж можно?

Раненый спал, постанывая и хрипло дыша, на лбу его выступили бисеринки пота. Александр покачал головой — вряд ли протянет долго...

— А что я могу? — горько сказал он в пространство.— Если у меня даже паршивого пенициллина нету? Шприца нету! Ничего нету! Угу...

Покинув избу, Пончик обтёр лицо снегом и быстренько сунул руки в варежки.

Изба, где он, грешным делом, заснул, стояла неподалёку от крепостной стены, на обрывчике, обозначенном кустами смородины. Вниз уходил некрутой, заснеженный склон, у подножия которого тянулись наледи, присыпанные золою,— речка Серебрянка промерзала до самого дна. Летом её берега служили узкими дорожками, ведущими к Крому, старой цитадели на северной окраине Рязани, а зимой всё русло превращалось в широкий подъём. Или в широкий спуск — это уж кому как.

Городские стены прикрывали устье оврага «лесенкой», отдельными клетями, а на самом дне высилась могучая квадратная башня Серебряных ворот.

Впрочем, Пончика не интересовали рязанские достопримечательности. Всё его внимание было поглощено грандиозной картиной штурма. С обрыва было хорошо и далеко видать — и юрты вразброс на том берегу Оки просматривались, и многотысячные отряды монголо-татар, и замысловатые сочленения пороков, выставленных в линию по речному льду, и злое, неистовое копошение на стенах и у самых стен.

Рязанцы сопротивлялись отчаянно, отбиваясь мечами и топорами, молотами и булавами, в ход шли даже дубины и вилы, но ордынцы лезли и лезли — «яко прузи»[1], по выражению местного дьячка.

Пончик горевал и ужасался людскому неистовству, третий день он сдерживал в себе позыв закричать, чтобы открыли, наконец, ворота и впустили захватчиков, ибо, чем дольше шла осада, тем больше копилось ярости у степняков. И накопленное бешенство они выместят на рязанцах, убивая без разбору всех подряд — «от старца и до юного и сущего младенца»...

---

[1] «Как саранча».

Всё это он прекрасно понимал, понимал с того самого окаянного дня, когда князь Юрий Ингваревич привёл к Рязани остатки двора и заперся за стенами града своего. Воинов осталось столь мало, что Пончика оторопь брала — а кому ж тогда Рязань защищать? Кому отбивать атаки? Рязанцам, кому ж ещё...

Даже престарелая мать князя таскала квас на стены, поила защитников города, пока не слегла. Дети малые, и те подкатывали тяжёлые камни и большие, неколотые чурки, чтобы метать их по врагу. Бояре шли на бой, попы и купцы, кузнецы и гончары, богатеи в соболях и нищеброды распоследние. Враг был один на всех, и никому не светило отсидеться, переждать беду, пережить лихую годину, уберечься. Разве что епископ спасся, покинул город перед самой осадой. А нынче уже не покажешься за стены, ни днём не выйдешь вон, ни ночью. Город был в плотном кольце врагов, и надеяться рязанцам надо было только на себя самих — помощи ждать было просто неоткуда.

Погиб Фёдор Юрьевич — жена его Евпраксия, девка крепкая, поднялась на башню — дровишек подкладывать под котёл со сливным носиком, смолу топить и лить её на круглые, плоские хари с раскосыми глазами.

Сгинул сам Юрий Ингваревич, непутёвый князь рязанский — благоверная его, Агриппина Ростиславовна, примерила мужнину кольчугу.

Нынче Вадим Данилыч Кофа стал за главного и держал на себе всю оборону, да только тщетны были его потуги — город приближался к самому краю гибели.

Свои стрелы кончились, шустрые пацаны рязанские лазали по крышам, по кустам, отыскивая те, что были выпущены монголами. Запас каменюк и чурок иссяк — в дело пошли лавки и скамьи, сундуки, бочки, колёса тележные. Кофа и дома ближние на разборку пустил, дабы брёвнышки на «монголов-табунщиков» скидывать, а враг всё одно верх брал.

Пончик стоял на краю обрыва, оцепенев, не зная, на что ему решиться,— то ли снова на стену брести, ране-

ных вынося, то ли просто стоять и ждать конца? Толку с тех перевязок и первой медпомощи! Всё равно же всех перебьют. «Клятва Гиппократа!» — пискнула совесть. Проку с той клятвы...

И тут случился перелом — страшный шум битвы, в котором мешались крики, лязги, удары глухие и звонкие, неожиданно возвысился, возгремел, устрашая. Ордынцы, уже проломившие внешние ворота Серебряной башни, разнесли и внутренние, со стороны города заваленные глыбами мёрзлой земли, коробами с золой, мешками с ячменём, подпёртые столбами и упорами. Вся баррикада зашаталась вдруг и начала распадаться, валиться наружу и вовнутрь. Рязанцы, скатываясь по склону, бросились к башне, но было уже поздно — озверелые «мунгалы» потоком хлынули в город. Торжествующий рёв победителей подавил вой побеждённых, началась яростная сеча, в которой не брали пленных.

Стены города как будто прорвало — ордынцы сломили сопротивление севернее Исадской башни, пробились в Борисоглебские ворота, ворвались в Пронские, в Спасские. Рязань пала.

Монголы расшвыряли заслон у Серебряных ворот, и по наледям зацокали копыта лохматых, длинногривых лошадок. Конники, десяток за десятком, заполняли овраг, скача вверх, спеша убивать, насиловать и грабить.

На обрыв выскочил боярин Кофа, замахиваясь копьём, и упал, пронзённый сразу парой длинных стрел, покатился по склону, сгребая снег уже неживыми руками и ногами. Ополченцы, поспешавшие за ним следом, увяли будто — и разбежались. Тут и Пончика осенило — а ведь его могут убить!

Со всех ног он помчался прочь, стремясь обогнать передовой отряд монголов, взбиравшийся на горку, и выбежал на главную улицу. Взад-вперёд по ней носились люди пешие и конные, с узлами, с оружием, с детьми. Но спасения не было — дико визжавшие лошади-степнячки выносили своих седоков из переулков, и началась бойня, пошла резня. Горе побеждённым!

Татары секли саблями наотмашь, не разбирая чину и полу — в снег падали и мужики, и бабы, а если клинок не доставал до дитяти, то девочку или мальчика накалывало копьё.

Шедшие на приступ не зря остерегались жечь город — сперва Рязань нужно было пограбить вдоволь, утешиться всласть, а уж потом можно и огонь раздувать...

Пончик шарахнулся от нукера, дико вопящего: «Кху-кху-кху!» — и выскочил на площадь перед Спасским собором. Из дверей храма Божьего неслись крики и стоны, монголы выволакивали оттуда богомольцев и проливали кровь христианскую на снегу, не дерзая даже в запале нарушить Ясу и осквернить церковь [1]. А вне святыни отчего ж не порезвиться, не распотешиться?

Два пацана в полушубках с чужого, взрослого плеча побежали через улицу, вереща: «Мама! Мама!» — а мама их лежала на грязном снегу с пробитой головой, напуская ужасной красноты. Горю детскому много времени не нашлось — лучники, споря, кто из них метче, подстрелили сперва одного пацанёнка, а потом и другого.

Бородатый мужик, хрипло ревя, стоял на крыльце, маша топором, расхристанный, с обломанной стрелой в ноге. Одного нукера, желавшего прорваться в избу, мужик зарубил, а от второго сам смерть принял — сабля вошла наискосок от плеча, разрубая грудину. Жахнуть так, чтобы напополам, как у знаменитых багатуров, у нукера не получилось — сопя, он стал дёргать саблю, спеша поскорей высвободить её, застрявшую в кости. Так он и умер, упав на труп бородатого — стрела рязанская вошла нукеру под лопатку. Да и лучнику, парню в меховом колпаке набекрень, в одних кожаных штанах, тоже не повезло — конник наехал на него со всей прыти, да так всадил длинное копьё, что с разбегу протащил полуголого по снегу, оставляя на нём кровавые мазки.

---

[1] Храм действительно не был ни разрушен, ни осквернён, разве что стены закоптились, когда город горел. Именно в Спасском соборе был схоронен Олег Ингваревич Красный.

Молодая женщина с двумя младенцами на руках вышла на улицу, бледная и задумчивая. Она будто не видела разгула человеческой стихии и безобразий, чинимых победителями. Женщина покачала ревущих дитятей, улыбаясь ласково то одному, то другому. Бережно опустив на землю дрыгавшиеся свёртки, она вытащила узкий кинжал-стилет и заколола детей по очереди — плач перешёл в бульканье и стих. Не отирая с клинка родную кровь, женщина с размаху всадила кинжал себе под левую грудь, поникла, сгибаясь в поясе, и упала, будто прикрывая собою чад своих.

Два монаха в чёрном и несвежем вышли из переулка, держа в руках большие медные кресты и громкими, дрожащими голосами распевая псалмы. Стрелы достали обоих и повалили на землю. Нукеры задержались, покружили вокруг, пронзительными выкриками сопровождая ругань. Лучник оправдывался виновато — дескать, в запале был, не ведал, что творил,— так, перебраниваясь, они и поскакали дальше, а монахи остались лежать недвижно, и лишь легчайший ветерок теребил яркое оперение стрел.

— Дорогу! Дорогу! — послышался вопль, и из переулка вылетела громыхающая телега, запряжённая парой лошадей. В телеге стоял мужик в дорогом кафтане, он пучил глаза, орал, требуя проезда, и нещадно стегал бедных лошадок. Нукер-копьеносец поскакал ему навстречу и ударил с такой силой, что древко выгнулось, а мужика снесло наземь. Испуганные лошади понесли да резко завернули за угол избы. Телега опрокинулась, но порыв животных был столь силён, что лопнули кожаные ремни, и понеслась парочка дальше, свободная и от повозки, и от возницы.

Пончик всё это видел, вбирал глазами, всей кожей впитывал горе неизбывное, ненависть слепую, ярость сатанинскую. А толпы монголов всё прибывали и прибывали, захватчиков было больше, чем жителей Рязани, и вот уже кое-где начались драки между самими нукерами, не поделившими женщину или сундук с добром. Впрочем,

драки вспыхивали и гасли — грозные наказы Чингисхана довлели над монголами даже в пору вседозволенности. Город был ваш — грабьте, разворовывайте! — но будьте сплоченны, не распускайте рук, обнажайте оружие лишь против общего врага!

Грабёж шёл и на западном конце Рязани, в палатах боярских, и на восточном, где стояли избы куда как скромные. Вот молодой, гогочущий нукер тащит за косу визжащую девушку, вот ещё один покружил на коне близ трупа боярыни и слез-таки, не поленился стянуть шубу кунью, отрезал деловито уши с серьгами жемчуговыми. А вот...

— Что стоишь, раззява?! — Злобный крик ударил Пончику по ушам, пронзил до самых пяток.

Он ужом извернулся, чтобы увидеть князя Романа Ингоревича на храпящем рыжем коне, а за ним — несколько сотен оружных всадников, в кольчугах, в бронях, в доспехах кожаных, а то и просто в шубейках.

— Ур-ра! — заголосил Александр.— Наши!

— Уходим, княже! — заорал боец в блестящем чешуйчатом панцире, но без шлема, с окровавленной повязкой на голове.— Исадскими пройдём!

— За мной! — гаркнул Роман Ингваревич.

Пончик, открыв рот, смотрел, как мимо проносятся княжеские дружинники, оставшиеся живыми.

«А как же я?!» — чуть было не воскликнул он, но прикусил язык, завидя пробегавшего мимо гнедого коня с седлом, залитым кровью. Не думая, не чуя ничего, Александр бросился к гнедку, хватая того за гриву и свисавший повод. Конь не остановился сразу, опрокинул Пончика, проволок его по снегу и лишь потом замер, кося глазом, налитым красным.

— Стой, стой, коняшка,— лихорадочно говорил Шурик, вскакивая. Не сразу попав ногой в стремя, он залез в седло, стараясь не думать о страшном и липком, и погнал коня вдогонку дружине.

Конники Романа Ингваревича проскакали по всей улице, лишь изредка сталкиваясь с татарами, увлечённо растаскивавшими ценные вещи. Удалось и ворота Исад-

ские проскочить без потерь, и лишь у ограды, обносившей Рязань и не выпускавшей беженцев, ратники попали под обстрел. Под расстрел.

Пончик не видел даже, кто стрелял, сколько было тех лучников, но дружина теряла десятки убитыми и ранеными.

— Вперёд! — надсаживался Роман Ингоревич, привставая в стременах.

Рязанские сотни проскакали вдоль тына к северу, пока не обнаружили брешь, и повалили вон, толкаясь и теснясь. Стрелы летели вдогонку, но, чем дальше уходили кони, тем слабее был их убийственный полёт.

Справа, оттесняя рязанцев к крутому берегу Оки, лавой примчалась монгольская конница. Гикая и свистя, татарва выхватывала луки, посылая стрелы, не целясь,— промахнуться по плотному скоплению людей было просто нельзя. И промахов не было.

Рязанцы не вступали в бой — пригибаясь к холкам коней, закрываясь щитами круглыми и миндалевидными, они мчались вдоль берега, пока не показался отлогий скат. Отряд вынесся на лёд и поскакал на север, следуя замершему течению Оки.

Монголы постепенно отстали, видимо боясь пропустить возможность пограбить захваченный город, а дружина вырвалась вперёд, уходя всё дальше и дальше — к Коломне.

...Поздним вечером, когда стемнело, на западе, за лесами, за долами поднялось к небу яркое зарево — горела Рязань.

Путь рязанцев был долог и скорбен — многие раненые не выдержали скачки и отдали Богу душу. Да и живым было не легче — у них за спиною остались родные дома — сожжённые дотла, родные люди — побитые насмерть. А что их ждёт впереди?..

— Соберём повольников[1],— говорил Роман Ингоревич, сидя у походного костра,— сколько их там есть, ко-

[1] *Повольник* — доброволец.

ломенских, да с округи стрясём. Кровавой юшкой умоются мунгалы!

Боярин Вердеревский, сидевший рядом на стволе срубленного дерева и тянущий руки к костру, лишь головой покачал.

— Эх, княже,— вздохнул он уныло,— сколько их и сколько нас... Не мы сила — они!

— Вот и померимся, кто кого,— пробурчал князь.— А что нам ещё осталось? В лесах прятаться?

— Да я ж ничего не говорю...

Пончик, незаметно подсевший поближе к костру, лишь вздохнул тихонько. Он-то знал точно, помнил уроки истории — не одолеть им татар, ни за что. Пока на землях русских царит рознь, пока владимирцы и рязанцы, смоленцы и новгородцы, киевляне и черниговцы — враги и супротивники, о какой войне можно речь вести? Да, будут отчаянные попытки изменить кровавый счёт, будут наскоки и бунты, но сравниться с могучим ордынским войском, работающим как точный и чёткий, жестокий механизм, «оросам» было не дано.

И самое мучительное, самое неприятное, чего не хотелось признавать, заключалось в том, что Русь была сильна и могла выставить войско не меньшее, а даже большее, чем у ордынцев. Вот только Русь в данное поганое время — слово собирательное, общее, надуманное книжниками. Нету никакой Руси, вот в чём беда. Есть то ли тринадцать, то ли четырнадцать больших княжеств, вроде Владимиро-Суздальского или Смоленского, и каждое из них поделено на десяток княжеств поменьше. И все эти вшивые князьки ожесточённо дерутся между собой, отстаивая свой клочок земли, стремясь захапать клочки у братцев и племянничков. Вот кто истинные враги народа! И ведь всю эту великокняжескую свору не уговорить, не вразумить — так и будут грызться между собой, топча поля, сжигая деревни, разоряя города. А пришёл с востока враг могучий, враг страшный, и единства даже словесного нету — каждый сам за себя трясётся. Монголы у ворот, а эти всё норовят друг дружку помутузить...

Пончик уныло задумался. Так что же выходит, прав был Олег? Прав-то он прав, насчёт князей он всё верно говорил. Так ведь больше некому за русскую землю вступиться, кроме княжья! У них воины, им и на бой идти. Кто как не Юрий Ингваревич, князь рязанский, на ордынцев напал? Разбили его, да, так ведь сражался же, не захотел чести посрамить. Плохи те князья или так себе, а выбора нет — они одни способны противостоять Орде. И в этом главное. Орда — это враг, как ни крути. А врага положено уничтожать. Даже если он станет творить добро и содействовать прогрессу, даже если он заведёт почту и пустит ямщиков по дорогам, Бату-хан всё равно останется врагом. Захватчиком. Ненавистным, чья смерть желанна, чей уход спасителен...

...Неожиданный треск сухих ветвей, а вслед тому ржание конское и голоса людские заставили и Пончика, и всех прочих встрепенуться, хватаясь за оружие.

— Э-ге-гей! — разнёсся трубный бас.— Свои!

На укромную поляну, где нашла приют разбитая — или недобитая — дружина Романа Ингваревича, выехал могучий, пышногривый конь. Всадник был под стать — высокий, широкоплечий, могутный, в мохнатом тулупе, из-под которого блестел пластинчатый доспех. За предводителем ехали ещё человек десять или больше.

— Здравы будьте,— пробасил вожак.— Откуда путь держите?

Князь поднялся и гордо задрал голову.

— Ты сам-то кто будешь? — спросил он не без вызова.

Пончик ожидал перебранки, а могутный обрадовался.

— Да никак Роман Ингваревич пожаловали! — воскликнул он.— Славно! А я Еремей Глебович буду, воевода. Меня великий князь Юрий Всеволодович в Коломну наперёд шлёт, сторожей. А следом старшой сын князев прибыть должон...

— Должон...— передразнил его князь.— Где ж вы раньше были, сальники хреновы?

Воевода засопел.

— Што, худо? — сумрачно осведомился он.

— Хуже некуда. Побили нас мунгалы, а Рязань сожгли. Олега в полон взяли, один я спасся. И Юрия прибили, и Феодора, и Давыдычей. Ингварь нонче в Чернигове, да толку от тех черниговцев... Ежели и пришлют рать, то Рязань внове не подымется, и мёртвые не воскреснут...

— Худо...— вздохнул Еремей Глебович.

Кряхтя, он слез с коня и приблизился к костру, скрипя снегом.

— Ты сам, князь, понимать должон,— проговорил воевода ворчливо,— кажный свою выгоду блюдёт, за своих держится. И не всякий скумекает, где и в чём польза. Не думай, княже, я Юрия Всеволодовича не хвалю. Бросил он Рязань, отдал, выходит, поганым на поругание. Грех это великий. А только что делать-то? Так ли уж много войска у великого князя? Со мною он две с лишним тысячи послал, четыре тысячи к Нижнему Новгороду отправлены, и ещё три тысячи Всеволод Юрьевич под Коломну приведёт. И всё на этом!

— Ну, не так уж и плохо,— повеселел Роман Ингоревич.— Я-то всего и успел, что сотни три вывести. Еле пробились... Думаю, тысячу призовём в ополчение. Ты да я да Всеволод — этак наберём цельный... как его... слышь, «мунгал»?

— Сам ты мунгал! — оскорбился Пончик, шмыгнул носом и проворчал: — Тумен наберётся, тьма народу. Угу...

— Во-во! — подхватил князь.— Я что и говорю.

Люди Еремея Глебовича всё прибывали, ходили вокруг, искали знакомых. Сам воевода с Романом Ингваревичем степенную беседу повёл, а Шурик нахохлился. Тоска его взяла. «Цельный тумен...» И что? Великая ли это сила — против семи-то туменов?

Александр с тоскою глянул на восток — занималось хмурое утро 22 декабря. И до рези в глазах, до боли сердечной захотелось ему вернуться в славный 937-й, где и веры хватало, и любовь была, и надежда не умирала...

Глава 15,

в которой Олег встречает Новый год проездом

Ворвавшись в Рязань, сотня Эльхутура рассеялась по улицам и переулкам, нукеры принялись увлечённо грабить богатый город, истреблять его жителей — в общем, отыгрываться за долгую осаду.

Изай Селукович время зря не тратил, не шарахался по Рязани, а повёл своих на княжеский дворец — уж там-то их ждала знатная добыча!

В хоромах их встретил лишь один хромой дедок, зело вредный, но точно знающий, с какого конца у меча остриё. Джарчи с Чимбаем ненадолго задержались, уделывая хромца, а после присоединились к остальным, торопливо взламывавшим замки на княжеских сундуках.

Шубы собольи, на меху куниц и горностаев, одежды шёлковы, атласны, с аксамиту и парчи, роскошные шапки бобровые, сапоги из юфти и сафьяну — всякого добра хватало в сундуках князевых. Олег сразу вернул долг куману, отдав доху кунью за шубу овчинную.

Поднявшись в покои княгини, он пересыпал в баксон содержимое пары ларчиков, подумал, вернул всё обратно — и уложил в суму оба ларца. Искусной работы, выполненные из красного дерева, они были отделаны фигурными серебряными уголками, накладками из слоновой кости, инкрустированы каменьями — «тара» сама по себе кладом была! А внутри и понизи жемчугов розовых, и тяжелые ожерелья из ажурных золотых цветков с сердцевинами из яхонтов, и цепи, унизанные крупными сапфирами, и увесистые витые гривны шейные, и подвески, и перстни, и серьги. «На жизнь хватит...» — усмехнулся Сухов.

Спустившись в палаты, он угодил на фуршет — нукеры притащили из кладовок и погребов вина и мёду, окороков и хлебов, яблок мочёных, изюму, сыру.

— Присоединяйся! — сказал Джарчи, делая широкий жест.

Олег присоединился с удовольствием. Он вовремя успел отрезать себе изрядный кус копчёного мяса, отхватить ха-арошую горбушку каравая, когда в палаты повалили кешиктены, решительно очищая помещение от нукеров Изая. Нукеры возмутились, но тут в хоромину пожаловал сам Бату-хан, а за ним повалили Чингизиды — Шайбани, Орду, Мункэ, Гуюк, Кюлькан. Степенно вошли Субэдэй-багатур и Сили Цяньбу.

Суҳов на цыпочках удалился, по ступенькам поднявшись на балкон, куда выходила дверь светёлки. Изай с бойцами прошмыгнули в комнату, а Олег остался на балкончике, благо тут и скамеечка нашлась — видно, княгинюшка её под ноги подставляла, в кресле сиживая. Точёные столбики перил хорошо скрывали сидящего, открывая ему скудный обзор.

Откусывая то от каравая, то от окорока, Сухов откинулся спиной на резные балясины и стал свысока наблюдать за гулянкой вышестоящих.

Баурчи, ведавшие ханским столом, быстренько организовали пир «по-походному» — затащили в хоромы маленькие столики, пока царевичи с полководцами чинно рассаживались по лавкам, а после торжественно внесли золотые и серебряные блюда с мясом. Чингизиды получили по блюду каждый — знак высшего почёта. Сили Цяньбу и Субэдэй делили одно блюдо на двоих.

Баурчи встал на колени перед Бату-ханом и заговорил с выражением:

— О, неодолимый доблестный хан! Да пошлёт Вечно Синее небо благословение на голову твою! Да посетит тень Священного Воителя эти палаты, где мы сидим. Пусть жёны твои двенадцать раз будут плодоносны, и их глаза озарятся радостью, увидев, что родился сын, а не дочь. Да не отступит никогда от тебя богатство! Да окружит твой шатёр тьма верблюдов, везущих злато, и тьма жеребцов, навьюченных серебром. А если кто умыслит зло против тебя, пусть того покарает бог Сульдэ, наслав тьму несчастий и бед!

— Ой-е! — вскричали ханы и дружно отхлебнули из чаш княжеское вино.

Баурчи поднёс Бату-хану золотое блюдо с горячим, сочащимся мясом и варёной головой барана. Батый взял двумя руками блюдо и поставил перед собой. Выхватив тонкий кинжал, он отрезал баранье ухо и передал блюдо старшему брату Орду, сидевшему справа. Большой и грузный, Орду быстренько вытер руки, вымазанные в сале, о полу собольей шубы с золотыми пуговицами и принял угощение.

— Мой почтенный старший брат,— промурлыкал Батый,— я твой вечный нукер!

Расчувствовавшись, Орду облизал щёки Бату-хана [1], твердя:

— Ты одержишь девятьсот девяносто девять побед, достойных твоего деда! А я тут для того, чтобы отгонять от тебя желтоухих предателей!

«А чего это я всухомятку?» — спросил себя Олег. Тихонько поднявшись, он пригнулся под низкой притолокой и вошёл в светёлку, где пили и закусывали нукеры Изая.

Кружки Сухову не нашлось, и он отпил прямо из кувшина. Вино оказалось красным и сладким, тогда Олег отхлебнул ещё. Хорошо пошло!

— А чего ты ушёл? — ухмыльнулся Джарчи.— Хан уже знает тебя, ты и в юрте его бывал... Вы с ним как друзья!

Олег фыркнул.

— Бурундук дружил с медведем,— проворчал он,— и стал полосатым.

Нукеры рассмеялись, прикрывая рты, дабы не прогневать ханов.

Изай вытер руку об правый гутул и потянулся за чаркой. Чимбай мигом плеснул ему вина.

— Печень усыхает, как подумаю, сколько нам ещё топтать тутошние снега,— проворчал арбан-у-нойон.

---

[1] Монголы не знали поцелуев.

— Снега и в степи полно,— рассудительно заметил Судуй.

— В степи нет лесов,— возразил куман,— там ничто не застилает взгляд!

Осоловев от сытной еды и хмельного вина, Олег сказал:

— Вы как хотите, а я спать завалюсь.

Бросив на лавку пару шуб, он лёг и укрылся третьей. Сухов до того устал, что ни говор нукеров, ни галдёж ханов не помешали ему задремать. Мысли пошарахались, покрутились и стали успокаиваться, принимать ход неспешный и вялый...

...Отдохнув как следует, Олег подкрепился остатками пиршества, прошёл к двери, переступая через храпящих нукеров, и выглянул в горницу. Верховного командования было не видать, одни следы жизнедеятельности повсюду. Погуляли ханы...

Проверив, легко ли вынимается сабля, Сухов выбрался на свежий воздух.

На улице было тихо. Северный конец города догорал — сизый дым стелился над чёрными, обугленными брёвнами.

Савраска, привязанный к коновязи, радостно зафыркал, замотал головой — узнал хозяина.

— Застоялся, что ль? — ласково потрепал его по шее Олег.— Ну, давай, пробежимся чуток...

Конь был не против. Сухов проехал на южную сторону, ещё не тронутую пожарами, и, сам того не желая, догнал Бэрхэ-сэчена.

Тысяцкий ехал, поторапливая чагравого, и как-то уж очень целеустремлённо. Олег не мешкал — заехал под защиту распахнутой створки ворот, подумав, что лучше не мозолить врагу глаза.

Решив было воротиться до своих, Сухов задержался — поведение Бэрхэ-сэчена стало подозрительным.

Минган-у-нойон заозирался, направляя коня к Успенскому собору. Спешился за оградкой, привязал коня и двинулся к церковному подвалу.

— Чем дальше, тем интереснее...— пробормотал Олег.

Живо спрыгнув с коня, он поспешил к храму. Подбежав к решётчатой двери подвала, Сухов сторожко спу-

стился в стылый коридор. Из-за второго поворота выдавался дрожащий свет свечи.

«Вечно приходится подслушивать, да подсматривать...» — мелькнуло у Олега. Осторожно выглянув, он рассмотрел широкую согбенную спину Бэрхэ-сэчена, читавшего некий пергамент или бересту — в потёмках не понять. Дочитав, минган сжёг послание, тут же достав чистый пергаментный листок. Открыл калямницу [1] и начал сосредоточенно составлять ответ. «Или донесение?» — мелькнуло у Олега. Уж больно всё походит на суровые будни разведчика, заброшенного в тыл врага...

Бэрхэ-сэчен пошевельнулся, и Сухов отпрянул за угол, порываясь уходить, да поживее. И тут он словно к полу прирос — из кельи донёсся взволнованный голос минган-у-нойона, выпевающий на чистейшей латыни:

Te Deum laudamus:
Te Dominum confitemur.

Te aeternum Patrem
Omnis terra venerator... [2]

Обалдев совершенно, Олег попятился, покидая подвал и слыша доносившееся: «Sanctus, sanctus, sanctus Domine...» [3] Бесшумно поднялся по ступеням. Спотыкаясь на ровном месте, добрался до ворот, за которыми его радостно приветствовал савраска.

— Тихо ты, животное,— цыкнул на него Сухов. Конька в ответ пихнул его мордой в спину, приглашая будто: поиграем?

---

[1] *Калямница* — писчий набор; пенал, обычно искусно разрисованный, в котором хранились бронзовая чернильница и калямы — заострённые тростинки для письма.

[2] Тебя, Бога, хвалим.
Тебя, Господа, исповедуем.
Тебя, Отца вечного,
Вся земля величает... (*Лат.*)

[3] Свят, свят, свят Господь... (*Лат.*)

Но хозяину было не до игр. Напряжённо наблюдая в щёлочку за подвалом, Олег дождался, пока оттуда покажется Бэрхэ-сэчен, сядет верхом и уедет прочь, после чего опять покинул савраску.

Бегом спустившись в подвал, он на ощупь снял огниво с пояса, запалил трут и возжёг свечу — огарок, оставленный Бэрхэ-сэченом.

«Ах, как ты не прост, враг мой!» — подумал Сухов, подбирая с полу почерневший пергамент, раздавленный гутулом. В некоторых местах кожа не прогорела до конца, и чернила лишь чётче выступили, виясь коричневой вязью. Олег разобрал пару слов: «...во славу Божью», «убить» и «Бат». Бат? Написано было «Bathus». Надо полагать, речь шла о Батые. Убить Бату-хана?

— Не слабо...— пробормотал Сухов и принялся искать ответ Бэрхэ-сэчена на полученное письмо.

Мысли в голове вихрились. Слишком всё было неожиданно. Да, это слово подходящее. Он чего угодно ждал от Бэрхэ-сэчена, но такого... «Копчёный»-католик! Каково?! Выходит, этот монгол — двойной агент? Э, нет... Тут иное. Возносить молитву с таким трепетом мог лишь глубоко верующий человек. Так что Бэрхэ-сэчен скорее суперагент папы римского в монгольском стане. Вряд ли он напрямую связан с Римом. Наверное, член какого-нибудь ордена. Хотя, кто его знает?

Олег ощупал все кирпичики-плинфочки, пока не расшатал тот, на ребре которого имелись три насечки. Вытащив плинфу, он достал свернутый в трубочку пергамент.

Почерк Бэрхэ-сэчена был коряв, но понятен. Текст на латинском был краток: «Батый будет убит». И подпись: «Брат Иоганн».

— О, как...— шепнул Сухов.

Он аккуратно свернул записку и сунул её обратно в щель между кирпичами. Не будем нарушать связь с Центром, брат Иоганн...

Загасив свечу, Олег вышел на свет, рассеян и задумчив. Ему вспомнился Киев и то, как он гнался за двумя монахами. Ох, недаром та погоня показалась ему стран-

ной! Бэрхэ-сэчен наверняка уводил за собою прыткого сотника, позволяя монаху скрыться. Возможно, так оно и было. И не волновали тысяцкого вовсе убийства послов Гуюк-хана, брат Иоганн просто уберегал свою тайну от чужих глаз и ушей. Подстраховаться решил, ведь Олег вполне мог услышать и увидеть лишнее — и этого было достаточно для вынесения приговора, ибо только мёртвые умеют хранить секреты.

Сухов вскочил в седло, и саврасый бодро порысил вдоль по улице.

Разграбив и спалив Рязань, тумены Бату-хана двинулись в поход по Оке. Первым под руку попал Переяславль-Рязанский, удобно расположившийся на возвышенном берегу Трубежа у впадения в него Лыбеди. Эти две реки опоясывали холм, на котором стоял город, а затем несли свои воды в Оку. С холма открывался прелестный вид на заливные заокские луга, тут и там поросшие лесом. Неподалёку, на Борковском острове, шумели вековечные сосны, мощными корнями сцеплявшие песок навеянных ветром дюн.

Но вся эта красота не имела значения в походе, а переяславцы глядели со стен лишь на неисчислимое войско.

Первыми пострадали переяславские посады — Чёрный, Верхний и Нижний, а после пришёл и черёд самого города. Самой природой защищённый речными потоками и обрывистыми берегами, Переяславль лишь с западной стороны имел насыпной вал и ров.

Долго крепость не простояла, пала, но город уберёгся от полного истребления, от резни и пожара — ордынцы лишь ограбили избы да терема, пошарили по амбарам и лабазам. Некогда было им предавать град сей огню и мечу — тумены шли воевать Коломну, городишко, что стоял на мысу меж реками Москвой и Коломенкой.

В бесконечных войнушках и дрязгах Коломна переходила из рук в руки, то Владимиру доставаясь, то Рязани, а нынче городишко сей замер в неустойчивом равновесии, уж и не зная толком, кому принадлежит. Юрий Все-

володович, великий князь владимирский, полагал, что ему, оттого и войско послал оборонить свои пределы — и оголяя стены стольного града на Клязьме. Это ему ещё аукнется, а пока что мелкие воинские формирования Романа Ингваревича, Еремея Глебовича и Всеволода Юрьевича копили силы, прирастая ополчением, и ждали прихода войска большого, ордынского.

Тумены передвигались не быстро, лишь на двенадцатый день выйдя к цели своего пути, так что новый, 1238 год Олег встретил в дороге — он так и не привык отмечать сей праздник в первый день марта. 31 декабря, полночь, перезвон курантов, наряженная ёлка, запах мандаринов, звон бокалов с шампанским — все эти приметы Нового года жили в нём с малых лет.

Дневок практически не делали, а место последней ночёвки совсем уж близко располагалось к Коломне, так что татары подошли к городу в полдень. Ни кони, ни люди просто не успели утомиться, разогрелись только.

Когда ордынцы выбрались на берег Москвы-реки, то увидели на другом берегу крепость с башнями, заключавшую в себе дома и церковь Воскресения. Коломна была поменьше Рязани, и укрепления её не впечатляли — вал да ров.

Весело горели два моста, переброшенные к воротам, за стенами коломенскими в ясное небо поднимались пушистые печные дымки, а на поле между лесом и градом стояли полки пешие и конные. Над ними вился парок дыхания.

Кавалерии и пехоты было половина на половину, а перед строем из снега торчали надолбы — наклонные частоколы, защищавшие от конной атаки. Напорется лошадь на остро заточенные колья — издохнет сразу или помучается, а обездвиженный всадник — находка для стрелка.

Острый глаз Сухова разглядел, что дружин было две или даже три, они стояли особняком.

— Тысяч десять, от силы,— сказал он вслух.

— Восемь,— поправил его кто-то.

Олег оглянулся и увидел, что рядом остановился сам Субэдэй-багатур.

— Восемь с половиной,— оспорил это утверждение подъехавший Бурундай.

— Может, и так,— проворчал Субэдэй.— Ты вёл счёт двумя глазами, я — одним. В бой пойдёт твой тумен, Бурундай. Твой — и Кюлькана.

— Повинуюсь,— склонил голову темник, но довольную ухмылку ему скрыть не удалось.

Бурундай взмахнул рукою, и тут же загудел большой барабан-наккар. Тумен-у-нойон выпрямился в седле, обозревая свои тысячи и сотни.

Хрипло завыли рога — над войском закачался хвостатый туг хана Кюлькана, младшего сына самого Чингиза.

Хан вышел на берег, отыскав небольшую возвышенность. Бурундай расположился неподалёку.

— Хуррагш!

— Хуррагш! — издал Селукович тот же клич и добавил: — Оросы нас заждались уже, заколели, на холоде стоя! Ничего, сейчас разомнёмся... Мигом согреются!

Тысяча Бэрхэ-сэчена пересекла реку Москву и вышла на противоположный берег, и вот уже оба тумена на позиции. Зарокотал наккар, замелькали белые и чёрные флажки сигнальщиков. С гиканьем и визгом вперёд бросились доблестные лучники, закручивая «хоровод». Ту же методу применил и тумен Кюлькана. Две «карусели» закружились между нукерами и воями.

Дружины московская и владимирская, полк коломенский попали под перекрёстный огонь, стрелы разили в упор, будто кто незримый всаживал тонкие кинжалы, втыкая по рукоять, не разбирая, есть ли на бойце панцирь али нет его.

Сборное воинство заволновалось, отвечая стрельбой да метанием копий. Ополченцы мастерски орудовали пращами, выпуская по врагу увесистые окатыши.

Лучники монгольские падали с коней, но сильно проредить их ряды ополчению не удавалось.

Дворяне, уверенные в том, что тяжёлой конницей «мунгалы» не воспользуются, побоятся надолбов, ринулись в атаку, обходя рогатые заграждения.

А монголы решились на «тулгама» — встречный обход. Ордынская конница понеслась двумя потоками, стремительно обходя москвичей, владимирцев, уцелевших рязанцев с флангов,— и ударила им в тыл. И пошла сеча.

Конный рубился с конным, скаля зубы и честя противника последними словами, лошади крутились, храпели и ржали, то пятясь, то наседая друг на дружку, кусая за круп и лягаясь. Одни кони поворачивали назад, другие, сбросив всадников, вставали на дыбы и падали. Пытаясь подняться, окровавленные скакуны корчились на земле.

Злее всех бились уцелевшие рязанцы — им терять было нечего, а пепел родного города стучал в сердца. Отчаянная смелость бойцов Романа Ингваревича помогла не сгинуть сразу, а собрать силы и даже перейти в контратаку.

Мечи и топоры рязанские разили врага без пощады, и всадникам доставалось, и коням, так что предсмертные вопли раздавались вперехлёст с конским ржанием и храпом. Кровь лилась потоками, её было так много, что снег таял и ноги скользили в розовой жиже. Но острое желание возмездия пересиливало и вело бойцов от подвига к подвигу. Вот только враг был сильнее, и строй рязанцев таял, а убыль никем не пополнялась. Москвичи бились отчаянно, но в атаки не бросались, держались кучкой, сберегая себя. Владимирцы, правда, наседали на ордынцев, но непоследовательно — приступят, пробьют место, займут позицию — и отходят. Соберутся с силами, и снова в бой. И опять откат.

Коломенцы, те бились в полную силу, орудуя всем, что в руки взяли, будь то дубина или меч. Вот только опыта у воев не было совершенно, а на одном желании побить врага далеко не уйдёшь.

Олег поглядывал по сторонам, стараясь не отстать от «изаевцев». На него наехал густобородый воин в круглом шлеме, покрытый кольчугой с ног до головы,— на голове плотно сидел кольчужный капюшон с прорезью для лица, на ногах — доспешные чулки.

Его меч обрушился на Олега сбоку, но был отведён саблей. Приняв удар «мэсэ» на умбон, Сухов рубанул

своей «хэлмэ», надеясь если не развалить доспех, так хоть руку противнику отбить. А тот извернулся, делая выпад, и чуть было не достал Олега остриём.

В этот момент вмешался Джарчи, вооружённый копьём с крюком.

— Кху! — вскричал он, цепляя бородатого в кольчуге, и сдёрнул того с седла. Витязь рухнул под копыта и затерялся за бешеным мельканием ног и хвостов.

Сбоку вылетели три не то владимирца, не то коломенца. Просвистела около уха стрела. И сразу два пеших копейщика вынеслись на Сухова — одно копьё просадило Олегов плетёный щит, другое скользнуло по доспеху. Савраска правильно понял отданную ему команду и бросился на копейщиков, сшибая тех с ног.

Изай Селукович прикрыл его с тылу, а после, с Тайчаром и Судуем, ударил по толпе воев, заслоняя их озверелые лица и рты, распахнутые чёрной бранью. Сабли мелькали в воздухе, мутно взблескивая окровавленными лезвиями, вои падали мёртвыми и калеченными. Вот просел конь под арбан-у-нойоном, пал мёртвым под ударом копий, но недолго Изай бился пешим — уделав двоих, вскочил на запасного мерина, подведённого верным Джарчи. И снова в бой, снова рубка и колка, снова с обеих сторон творились умертвия, и души убиенных отлетали, как искры над костром.

Вступая то в один поединок, то в другой, Олег стал незаметно смещаться на левый фланг. И успел заметить пример безрассудства — полдесятка ополченцев с одними охотничьими луками, вскочив на коней, потерявших своих всадников, ринулись в самую гущу «мунгалов». Безумцам сопутствовала удача — они прорвались через монгольские тысячи и вынеслись на берег Москвареки.

И это был последний успех — нукеры погнали рязанцев, владимирцев, коломенцев на их же надолбы, окружили и принялись методично изничтожать.

Круговорот боя вынес Олега на реку, ближе к берегу, где стояли, окружённые кешиктенами, Батый и Кюлькан.

В этот момент пошла на прорыв московская дружина, изрядно потрёпанная и прореженная, а сын владимирского великого князя Всеволод трусливо бежал с поля боя, окружённый сотней конников, да и ускакал «прямоезжей дорогой». Славный воевода Еремей Глебович пал смертью храбрых, а дольше всех бился Роман Ингваревич, заслужив уважение ордынских воинов. Но и он погиб, так и не отомстив за Рязань.

Кешиктены дружно подались на левый фланг, оберегая ханов от москвичей, но этот манёвр не представлялся опасным — вдоль берега перетаптывались конные сотни Бэрхэ-сэчена. Свои же! Уберегут ханов.

Олег видел широкие спины конников, обтянутые куяками, направляясь к ним,— и тут начали происходить события. Один из нукеров развернулся в седле, натягивая лук, и выпустил стрелу, метясь в Батыя, застывшего на берегу, словно конная статуя.

Мелькнуло искажённое лицо Савенча, обряженного в кольчугу, с шеломом на голове, а в следующее мгновение Сухов резко подался вбок, выставляя щит и отлавливая стрелу. Сердце едва успело ударить раз, как сосед Савенча — Олег узнал Тотура — тоже выстрелил. И промахнулся — стрела пробила горло хану Кюлькану.

Кешиктены повалили валом, заполошные крики и вой понеслись отовсюду, и Сухов заспешил убраться прочь. Быстро поклонившись Батыю, лицо которого покрывала мертвенная бледность, он смешался с нукерами Бурундая. Истинного героя украшает скромность...

А тумены были до того распалены ненавистью, до того уязвлены гибелью Кюлькана, что даже грабить не стали Коломну — город спалили дотла. Часом позже та же участь постигла и Свирелеск.

— Ненависть как соль,— вздыхал мудрый Изай.— Соль-гуджир, выступающая в низинах, делает землю бесплодной. Ненависть делает степь безлюдной...

Все ордынцы были взволнованы, переговариваясь испуганными шепотками,— Кюлькан был единственным Чингизидом, погибшим на поле боя. Не предвестие ли

это? Не знамение ли? Неужто бог Сульдэ оставил тумены своей милостью?

И только Бату-хан оставался спокоен. На людях «великий» свирепел и лютовал, хлеща плетью воинов тумена, коим командовал Кюлькан. «Как вы,— орал хан,— желтоухие собаки, пожравшие труп своего отца, пропустили стрелков-оросов?! Как допустили? Как смели?!» Но, сидя в своей юрте, Батый наверняка улыбался, ибо младший сын Великого Воителя был его недругом. Кюлькан, молодой и наглый, никогда не скрывал своего презрения к Бату, называя хана «бабой с бородой». И вот оно, отмщение! Но положение обязывало.

Олег, оглушённый и опустошённый битвой, усталый донельзя, приплёлся в становище, благословляя Бога за то, что остался цел и невредим, да и верного савраску лишь забрызгало чужой кровью. Повезло... Раньше Сухов полагал, что только опыт и умение позволяют воину дожить до старости, не сложить голову в сражении. Позже он понял, что есть и судьба. Будь ты хоть трижды опытным воителем, но не уберечься тебе от шальной стрелы, пущенной навесом. Кому она достанется? У кого отнимет жизнь, падая с высоты и разя калёным жалом? У тебя? У товарища твоего, разгоряченного боем? А у того, кому не повезёт!

Нет непробиваемых щитов и панцирей, нет и вечных коней. Смерть многолика, а судьба одна. Выпал тебе несчастливый жребий — смирись и прими его, как подобает воину, с достоинством. И пусть смертный ужас рвёт тебе горло, пытаясь вырваться диким криком — стисни зубы, не позволь себе умереть, скуля и ноя...

...Под вечер того же дня недобитых местных жителей погнали расчищать поле боя от трупов человечьих и лошадиных. На грязный, кровавый снег коломенцы натаскали бревён, дверей, оконниц, саней, оглобель, поленьев и валежнику, а нукеры бережно укладывали на дрова погибших товарищей. Привязывали к холодным ладоням окровавленные сабли, ставили на грудь мертвецам чаши с зерном и мясом.

А в самом центре гигантского погребального костра сложили большую кладку дров для тела хана Кюлькана. К ногам Чингизида сложили задушенных Уржэнэ и Хоахчин, «луноликих» наложниц пресветлого хана, тут же полегли его любимые кони.

— О, багатуры! — возопил главный шаман, вскидывая руки к небу.— Да вознесутся ваши тени, подхваченные дымом священного костра, за облака, в алмазный дворец Сульдэ! Явитесь к Священному Воителю, пополните отряд павших героев!

Загремели барабаны. Завыли, заревели трубы. Тридцать шаманов в юбках из белых песцов, с медвежьими шкурами на плечах, забили в бубны, пошли вокруг гигантского погребального костра, приплясывая, кружась и камлая, издавая пронзительные вопли.

Суровые нойоны с факелами подожгли костёр с восьми сторон. Огонь занялся неохотно, но постепенно он набирал силу и вот заревел, завыл, с низким гулом, с торжествующим рыком пожирая дерево и трупы.

Окоченевшие тела отогревались в неистовом жаре — их головы медленно запрокидывались, руки сгибались, а ноги распрямлялись. Павшие словно нежились в огне, готовясь обратиться в прах и пепел — и освободить душу от телесных оков.

Заслоняясь руками от яростного пылания, нукеры расходились, освобождая всё больший и больший круг — ничейную полосу между миром живых и обителью мёртвых.

— Байартай! [1] — вопили шаманы.

— Байартай, байартай...— глухо и мощно вторила толпа.

Вечером Олег отдыхал у костра рядом с юртой Изая. Он лениво спорил с Джарчи о природе загробного мира, когда показалась группа кешиктенов — на конях и с факелами в руках. Сухов медленно поднялся. Гвардейцы торжественно и молча подвели к нему великолепного вороного

---

[1] *Байартай!* — Прощай! (*Монг.*)

коня с уздою, украшенной фигурными золотыми бляхами, с чеканным налобником, изображавшим пантер в свирепой схватке. А уж седло, отделанное по краю розоватыми жемчужинами, и вовсе походило на ювелирное украшение.

Двое других кешиктенов с поклоном сложили к ногам Олега роскошный поперечно-полосатый куяк — детали из кожи носорога покрыты лаком и расписаны красной краской, а стальные нагрудник, наспинник, оплечья и наручи — отполированы до блеска.

На куяк гвардейцы уложили позолоченный шлем и саблю в зелёных сафьяновых ножнах, изукрашенных накладками из драгметаллов.

Ещё раз поклонившись, кешиктены удалились. Остолбеневший, очарованный блеском доспехов, Джарчи еле вымолвил:

— А... чего это?

Из юрты показался Изай Селукович. Усмехнувшись, он сказал:

— Хельгу уберёг от гибели самого хана Бату. Это — награда.

— О-о! — только и выдохнул Джарчи, молитвенно заводя глаза.

— А Бэрхэ-сэчена понизили до сотника! — добавил арбан с раздражением.— Дурака такого...

— А кто тогда в тысяцких?

— Тугус-беки,— буркнул Изай и шагнул в юрту. Из-за полога голос его прозвучал глухо: — Спать всем! Завтра в поход!

...Утром следующего дня тумены двинулись по льду реки на запад. На Москву.

Глава 16,

в которой Олег уходит в самоволку

Леса по берегам Москвы-реки стояли дремучие, тёмные и непроглядные — всё сосны да ели, никаких те-

бе сквозистых рощиц, как в Рязани, где ни спрятаться, ни скрыться. А здесь чуть отойдёшь за деревья, сделаешь пару шагов, и нет тебя — хвоя укроет, не выдаст.

В этих глухих, непролазных местах издревле, от начала времён, жили охотничьи племена — меря, эрьзя, они же арису, черемисы, мурома, мещера. Варяги их всех скопом прозывали финнами, считая великими охотниками, искусными в колдовстве. Лесные деревушки прятались в самой глубине дебрей, в краю болот и ветровалов, куда не добирались жадные конунги, а после и князья.

...Тумен Бурундая двигался в арьергарде, прикрывая войска с тылу. Хотя от кого тут прикрывать? От мерян? Вполне возможно, что лесовики не раз и не два выходили к реке, наблюдали за туменами — и уходили прочь. Они могли легко обогнать монголов и пройти к Москве, предупредить о приближении степняков, да только что мерянам те горожане? Москвичи сами по себе, они сами по себе.

Олег отстал от своего десятка — чембур лопнул, которым он к седлу вьючного сивку привязывал. Махнув рукою обернувшемуся Джарчи, он спрыгнул с вороного и занялся ремонтом. Сивка и бурка были в связке, они одинаково тянулись к Сухову мордами, выпрашивая угощение или хотя бы толику внимания. Потрепав обоих, Олег туго связал концы чембура.

Савраска отдыхал поодаль, копытом разгребая снег. У Сухова мелькнула мысль, что неплохо бы проверить копыта и у воронка. Дарёный конь как раз повернулся к нему, кося хитрым глазом. Олег похлопал его по морде и присел, решив глянуть, не стоптал ли вороной свою «обувь». Это его и спасло — длинная оперённая стрела пробила коню шею. Дико заржав, воронок взвился и упал, забил задними ногами, расшвыривая снег. Сивка с буркой испугались и кинулись прочь, а Сухов откатился под защиту вороного, по шкуре которого ещё пробегала дрожь.

Олег внимательно следил за лесом, но за деревьями стыла тишина. Кто стрелял? Зачем стрелял? Неужто мерянин какой решился-таки на отважный поступок? Собрал-

ся с духом и оказал сопротивление захватчикам? А что? Чужак один, никто не увидит и не узнает, а спина широкая, не промахнёшься...

Сухова ситуация злила, просто из себя выводила. «Трус паршивый,— еле слышно шептал он,— покажись только!»

Саадак был приторочен к седлу, Олег тихонько достал лук, вынул стрелу не с острым, а с серпообразным наконечником — срезень. Таким, если попадёшь, всю кровь выпустит. Доспех срезнем не возьмёшь, но откуда у мерян кольчуги и брони? А мерянин ли лишил его коня?.. Неужто Бэрхэ-сэчен решил-таки свидетеля убрать? Не, это вряд ли...

Быстро темнело, но Сухов по-прежнему не двигался, всматриваясь в заросли на берегу. Ни одна веточка не шелохнулась, даже шапочка снега не упала с еловой лапы от неловкого движения — лесовики не делают неловких движений.

Мерянин возник вдруг, как будто ниоткуда. Не было никого — и вот он, проявился, гад. В доспехе из толстой кабаньей кожи, в меховых штанах, в бесформенной шапке кулем, бородатый и заросший, мерянин походил на лешего. Он шагал крадучись, высоко поднимая ноги со снегоступами и неслышно проминая наст. В руке он держал большой лук, обмотанный берестой.

Олег мягко улыбнулся, испытывая злую радость близящегося отмщения. Оттянув стрелу правой рукой, выпрямив лук левой, он резко изогнулся, показываясь над тёплым ещё гнедком, и выстрелил.

Реакция у мерянина была отменной — лесовик успел растянуть лук, но срезень, выпущенный Олегом, долетел быстрее, пронзая кабаний панцирь близко от сердца. Мерянская стрела ушла в снег. Охотник рухнул на колени и завалился на бок.

Выждав ещё немного, Сухов встал и направился к охотнику, обшаривая глазами лес. Вроде чисто.

Встав над мерянином, пускавшим кровавые пузыри, Олег холодно спросил его:

— Зачем ты убил моего коня?

— Я хотел тебя убить...— прохрипел охотник.

— Зачем? Что я тебе сделал?

— Панцирь красивый, блестит... И сумы полны...

— Воровать нехорошо,— сказал Сухов за мгновение до того, как сабля перечеркнула мерянину горло.

Не оглядываясь, он поспешил к воронку, снял с него седло и сбрую. Савраска так и стоял неподалёку, хрумкая скудной лесной травкой. Услыхав тихий свист Олега, скакун вскинул голову, продолжая перетирать траву зубами, и подбежал трусцой.

— Молодчина саврасая,— проворковал Сухов, седлая верного друга.— И что бы я без тебя делал?

Вскочив в седло, он поспешил отъехать, внимательно поглядывая по сторонам. Снег на реке был истоптан до льда, тысячи копыт раскрошили и сам лёд, растолкли осколки в пыль и перемешали её с навозом. Искать тут следы сбежавших сивки с буркой просто нереально.

— Нервные больно,— пробурчал Олег.— Да, савраска?

Конь мотнул головой, будто соглашаясь.

Глубокие следы, оставленные слева от дороги, привлекли внимание Сухова. Тут явно прошли две лошади.

Олег поворотил савраску в лес, читая то, что было написано на снегу. Вот лошади разошлись, но недалеко. Идут рядом, в двух шагах друг от друга. Это понятно — чембур удерживает их вместе. Ага! Вот между двумя цепочками следов куст, с которого стряхнули снег. Видать, поводом задели. Значит, точно сивка с буркой, больше некому.

Следы петляли, заводя всё дальше и дальше в лес. Неожиданно савраска заржал — и ему ответили.

— Вот вы где...

Пытаясь разойтись и выпутаться, сивка с буркой захлестнули чембур петлёй вокруг дерева и теперь стояли, печально глядя на Олега.

— Дурни,— ласково сказал Сухов.— Дурень сивый и дурень бурый.

Кони глубоко вздохнули, словно поддерживая это мнение.

Распутав чембур, Олег накрепко привязал его к седлу. К этому времени тьма сгустилась настолько, что отдельные стволы деревьев сливались, чернея на еле отсвечивавшем снегу. И куда теперь? Возвращаться к реке или искать ночлег в лесу? Чертыхнувшись, Сухов не стал садиться верхом, а пошёл впереди, потянув саврасого за собой.

Впереди вроде посветлело, сосняк поредел, открывая пологий холм, поросший молодыми ёлочками. Разглядеть эти подробности Олег не смог, но ладонью ощутил касание колючих верхушек.

С вершины холма ему привиделся слабый огонёк. Остановившись, Сухов напряг зрение.

Сперва он услышал — слабый далёкий скрип, словно дверь приоткрыли. И тут же глаза уловили красноватый отблеск. Сухов улыбнулся. Ага! Кажется, переночевать удастся в тепле!

Он осторожно пошагал вперёд, проваливаясь в снег по колено, а потом его нос уловил слабый запах дыма.

— Верным путём следуем, товарищи,— пробормотал Олег.

Савраска понятливо фыркнул.

Неожиданно ногам стало свободно — снег был расчищен, а впереди, шагах в десяти, громоздилась приземистая избушка. Да нет, изба, и не маленькая. Пятистенок, как минимум. А выстроен он был в интересной манере — нижний венец из мощных брёвен не в землю уходил, а покоился на череде могучих пней, поднимаясь, будто на сваях. Толстые корневища смотрелись, как пальцы когтистые — курьи ножки!

Разглядеть все эти архитектурные излишества Олегу помог факел, чадивший в держаке у двери. Примотав поводья к коновязи, Сухов вежливо постучался. Ему отперли, не спрашивая, кто пришёл.

Он ожидал увидеть согбенную Бабу-ягу с клюкой, а свет обрисовал молодую женщину с длинной чёрной косой, переброшенной на грудь. Кстати, весьма выдающуюся грудь — в обоих смыслах.

Олег хотел было поздороваться и попросить о ночлеге, но женщина сказала спокойным, обычным голосом:

— Проходи, Олег. Я уж и факел выставила, чтобы не заплутал.

— Кто ты? — спросил Сухов в изумлении.

— Крестили Варварою, зовут же Чарою. Проходи, а то всю избу выстудишь.

— У меня кони...

— Конюшня с той стороны. На-ка, возьми факел.

Растерянный, Олег взял трещащий факел и повёл лошадей «на ту сторону». Конюшня оказалась не маленькая, на шесть денников, но лишь один был занят — старой кобылой, безразлично встретившей новых постояльцев.

Сухов завёл коней, распряг их, тщательно протёр каждого пуком соломы, подсыпал сена, подлил в поилку воды из бочки.

Заперев двери конюшни на засов, он потушил факел и вошёл в дом.

Потолки тут были низковаты, но всё выглядело добротным и прочным. В сухом воздухе разливались запахи смолы и хвои, перебиваемые ароматами сушёных трав, пучки которых были развешаны по стенам.

В большой печке, сложенной из камней, гудело пламя, но топили её не по-чёрному — сходящийся кверху дымоход выводил чад наружу, не пачкая сажей потолков. На полицах, на тяжёлом, крепком столе, на широком подоконнике горели толстые восковые свечи, наполняя комнату тёплым, трепетным сиянием. В одном углу стоял гигантский сундук, окованный бронзовыми полосами, в другом находилась кровать — основательный лежак с кипою кошм, застеленный холщовой простынёю и одеялом из беличьих шкурок. «Большая подушка просто обязана быть набитой пухом лебяжьим»,— подумал Сухов, оглядываясь в поисках хозяйки.

Варвара появилась из маленькой, низкой двери в незанятом углу. Женщина вышла босой, в одной рубахе, коса её была расплетена.

— Банька растоплена,— сказала она.— Раздевайся, я тебя вымою. У меня тут шесть уваров из трав, они смоют усталость и вернут силы.

— Скажи, пожалуйста, откуда тебе известно моё имя?

— Ведьма я,— дала Варвара простое объяснение.— Ведунья.

— И колдунья? — улыбнулся Олег.

— Колдую помаленьку...

— А не боишься одна жить?

— Откуда ж страху браться, когда одна?

— А если придёт кто?

— Не придёт. Покружит, покружит, да и убредёт себе восвояси.

— А я?

— А тебе я огнем посветила, чтобы не сбился с пути...

Сухов разделся. Варвара тоже стянула с себя рубаху, спокойно и непринуждённо, изящно согнулась на входе в баньку, и Олег облизал сохнущие губы, любуясь круглой попой, всеми плавными изгибами и западинами великолепного тела.

В бане было жарко, пахло волглым деревом и смородиновым листом. Огонь из печи-каменки освещал всё кругом шаткими красными отблесками.

Сухов разглядел огромную деревянную бадью, полную горячей воды, но глаза стремились вернуться к Варваре, жадно оглядывая покачивающиеся груди. Эти атласные шары нежной и теплой плоти с напряжёнными розовыми сосками просто не могли подниматься так высоко, а они дерзко не поддавались тяготению, вызывающе кругля прелестные формы. Олегу стало немного стыдно, потому что желание его проснулось и демонстрировало себя слишком откровенно.

— Полезай,— приказала женщина.

Олег послушно забрался в бадью. О-о! Когда это он в последний раз мылся? В Онузе небось. Смыть грязь и пот — какое это наслаждение! Степнякам этого не дано понять.

Нежные руки коснулись его. Сухов покосился на длинные пальцы, сжимавшие мочалку, и даже глаза прикрыл.

Варвара окунула мочало в горшок с травяным настоем и стала тереть Олегу спину, потом плечи. Её груди мячами катались у него по спине, странно успокаивая, а ладони ведьмины вытягивали усталь из натруженных мышц.

Чистый и разморенный, Олег вылез, и Варвара окатила его ушатом тёплой воды. Здорово!

— Потри мне спинку,— попросила женщина, изгибаясь и кладя руки на лавку.

Сухов испытывал в этот момент странную гамму чувств — неистовое желание близости уживалось в нём с полным душевным покоем.

Не в состоянии унять сумятицу мыслей, Олег принялся тереть узкую ведьмину спину, любуясь тем, как тонкая, изящная талия круто переходит в бёдра.

Сухов со старанием растёр неподатливые, тугие ягодицы, протянул руки дальше — и незаметно овладел Варварой. Уронив мочалку, он стиснул бёдра женщины и задвигался, выдерживая пленительный такт толчков. Потом перевёл руки на узкую талию.

Варвара застонала, ещё круче прогибая спину, подалась к нему. Олег продвинул руки, охватывая груди, сжал их. Сладкие стоны и горячие аханья женщины перешли в долгий прерывистый крик, обоих затопило жарким приливом любострастия, и Сухов постепенно замер, бурно дыша и продолжая тискать упругие выпуклости.

Варвара первой освободила своё лоно и выпрямилась, потянулась, закидывая руки за голову.

— Спасибо тебе за любовь и ласку,— сказала она, мило улыбаясь.— Теперь мой черёд.

Ведьма вышла из бани, Олег последовал за нею. Сняв горшок с печи, Варвара поставила его на стол и большим деревянным черпаком наполнила глубокую миску.

Сухов почувствовал слабое головокружение — он был голоден, как стая некормленых волков. Что там было, в той Варвариной похлёбке, Олег так до конца и не

разгадал. Мясо было, грибы, лучок, приправы какие-то, ягодки разваренные, с кислинкой, и ещё что-то, и ещё...

Сухов не съел свою порцию, он её проглотил. Схомячил и добавку. А, насытившись, развеселился — голый нукер войска Батыева сидит рядом с красивой женщиной, нагой и ласковой. И ест сборную солянку!

— Ты знаешь моё имя,— сказал Олег,— а тебе известно, кто я?

Ведьма улыбнулась.

— Ты пришёл с войском великого воителя, покорителя степи.

— И тебя не трогает, что этот покоритель проходит по здешним землям с огнём и мечом?

— А должно трогать? — с интересом спросила Варвара.— Олежа, не морочь себе голову. Русские дружины хаживали в походы на степняков, те шли в набеги на русские грады. Так было всегда.

— Такого набега, как ныне, ещё не было.

— Но и такого окаянства, такого великого числа богомерзких грехов тоже не случалось. Князья превысили всякую меру, причиняя зло, и вот, воздалось им сторонним злом. Батый не ведает, что направляем и водим Вседержителем, и ты не знаешь того. Ты, Олег, часть силы той, что ныне творимым лихом уравновешивает лихо, уже причинённое государями этих земель, и тем достигает блага.

— Добро из зла?

— А разве бывает иначе? Доброта — это не деяние, ибо любое деяние — зло, а раз так, то добро — не сущее, добро — не бытует в мире, но будет тотчас явлено, как только одно зло победит другое. А посему не терзай душу зря — правда на твоей стороне...

Олег, как зачарованный, смотрел на мерцающие огни свечей. Картины прошлого сплетались с картинами грядущего.

— Утоли печаль, добрый молодец,— тихо сказала Варвара.— Ты обязательно встретишь свою возлюбленную...

Олег сильно вздрогнул, сердце его заколотилось.

— Когда? — выдохнул он.

— Не спрашивай, судьба не в моей власти.

Сухов медленно выдохнул и встал из-за стола. Гибко поднялась Варвара.

— Люби меня...— прошептала она.

Олег бережно взял женщину на руки и понёс на ложе. В это прекрасное мгновение ему было совершенно безразлично, какой век на дворе — тринадцатый, или десятый, или двадцать первый...

Утром Сухов проснулся в тишине и покое. И в чистоте. Маленькие окошки, забранные слюдой, пропускали в комнату розоватый свет утра, а от печки всё ещё шло тепло. А сбоку Олега грела Варвара. Чара.

Она лежала спиной к нему, прижимаясь всем телом. Почувствовав, что он проснулся, Варвара живо перевернулась, обращая к Олегу улыбающееся лицо.

— Доброе утро,— прошептала она и поцеловала Сухова в уголок губ.

— Доброе,— согласился Олег, стискивая тугую грудь женщины.

Варвара игриво рассмеялась — и села на него верхом. Потянулась рукой к нему в промежность, обхватила пальчиками, направила и прилегла к Сухову на живот. Олег вмял ладони в её ягодицы, приветствуя драгоценную соединённость, и задвигался навстречу женщине — бёдра к бёдрам, лобок к лобку.

Чувствуя, как горят исцелованные губы, Сухов крепко сжимал сильное, пружинистое тело нечаянной любови, с удовольствием внимая низким прерывистым стонам и всхлипам.

Варвара выгнулась последний раз, что-то бессвязно бормоча и вскрикивая, вонзила ногти в спину Олегу и только после этого обмякла, стала нежной-нежной, ласковой-ласковой.

— Тебе пора...— сказала она со вздохом.— Ты догонишь тумены после полудня. Одежда в углу. Я там положила чистое бельишко, думаю, тебе так понравится.

Сухов встал и потянулся, ощущая приятную истому. Чистая льняная рубаха приятно касалась кожи, а порты

даже порадовали Олега — их не надо было подвязывать гашником, на них имелась круглая пуговичка-гудзик. Раз — и готово.

Одеваясь, он поглядывал на Варвару. Женщина лежала на боку, изогнув бедро и подперев голову рукой. Лежала и улыбалась.

— Я хочу,— проговорила она низковатым грудным голосом,— чтобы ты запомнил меня именно такой, голой и улыбающейся...

— Я тебя никогда не забуду,— сказал правду Олег.

Варвара легла на спину, потянулась, закидывая руки за голову, выгнула стан, отчего её круглые груди уплощились до приятных полусфер, отмеченных маленькими розовыми сосочками, похожими на малинки.

Не теряя женщину из виду, Сухов обулся, надел шубу, натянул на неё куяк, нахлобучил малахай, напялил сверху шлем.

— Возьми там перчатки,— пробормотала Варвара, зевая дивным ротиком.— Пусть тебе будет теплее...

Олег с удовольствием натянул пару меховых перчаток — как по заказу сделаны.

— Прощай, Варвара-краса, длинная коса,— молвил он.

— А мы ещё встретимся,— улыбнулась ведьма и послала ему воздушный поцелуй.

На берег Сухов вернулся по своим следам. Кони его были бодры, сыты и довольны. Ближе к реке Москве лес стал редеть, пока и вовсе не раздвинулся, соединяя чащу с невеликим речным простором. Поплутав среди густого ельника, Олег вывел савраску и сивку с буркой на пологий бережок.

При свете дня Москва-река была схожа с наезженной дорогой. Те же цвета — рыжий, серый, коричневый, жёлтый. Снег, замешанный с грязью, подмёрз за ночь и громко хрустел под копытами. Воздух был чист и звонок, небо синело, словно умытое, а яркое солнце слепило белизной нетронутого снега по берегам, на обвисших еловых лапах.

— «Спи, ёлочка, бай-бай...» — пробормотал Олег и послал савраску вперёд. Пора было заканчивать нечаянную самоволку.

Тишина стояла полная, звонкая, хрусткая. Ветерок поддувал, но нечем было шелестеть, а, чтобы зашумели кроны могучих сосен, лёгкого дуновения было недостаточно.

Спустившись по скользкому склону на лёд реки, Сухов поспешил вдогонку войску. Одинокий всадник мог отмахать в день и пятьдесят вёрст, и более, а вот семь туменов были силой великой, но и громоздкой, к тому же отягощенной обозом. Десять—пятнадцать вёрст в день — вот предел скорости передвижения ордынского воинства.

— Догоним,— сказал Олег.— Да, саврасый?

Саврасый был согласен...

...О близости монгольского войска дали знать запахи — повеяло дымом, навозом, смрадом. Послышался гул, в который сливался перетоп множества копыт, скрип повозок, крики верблюдов. А потом Олег увидал впереди шевелящийся тёмный вал человеческого отлива — растянувшись на вёрсты, повторяя все изгибы русла, следовали тумены.

К Сухову тут же подскакали тургауды, судя по лицам и броням, не монголы и не куманы, не степняки вовсе. Скорее всего, мордвины, на которых князь рязанский войной ходил. Просто так ходил, на людей поохотиться. Да и Юрий Всеволодович походы на мордву учинял — чего ж не пограбить «по-соседски»?..

Не дожидаясь враждебных действий, Олег вытащил пайцзу и продемонстрировал её мордвинам.

— Отстал,— коротко сказал он.

Тургаудов ответ удовлетворил, а один даже признал Сухова.

— Ты — Хельгу,— сказал он,— идёшь с Изаем.

— Кстати, да. А ты кто? Не помню тебя.

— Я — Пуреш,— с достоинством представился тургауд,— сын Пургаса из Обран Оша. Мой отец был азором [1].

---

[1] *Азор* — выборный вождь в племени арису (летописная эрьзя), подчинявшийся старейшинам.

— А-а...— припомнил Олег.— Русь Пургасова?

Пуреш величественно кивнул, гордо поглядывая на товарищей — слыхали, мол? Знает!

Возвращались они вместе, а тут и Джарчи нарисовался.

— Ой-е! — заорал он.— Ты куда пропал?

— Меряне напали, подстрелили коня.

— Ва-вай! А ты?

— Мой враг мёртв.

— Ой-е! Знаешь, что вчера Изай говорил про тебя? Сейчас, вспомню... А! Он сказал так: «Беспомощные утки летают стаей, а орёл всегда один».

— Орёл, говоришь? Хорошо хоть не сова...

Джарчи жизнерадостно рассмеялся.

— Едем, Хельгу! Машфа [1] скоро!

Улыбаясь, Сухов поинтересовался:

— Слышь, Джарчи, а чему ты всё время радуешься?

Нукер оскалился.

— Радость в том,— сказал он, явно повторяя чьи-то слова,— чтобы пригнуть к земле врага, захватить всё, что у него есть, в том, чтобы сесть на его откормленного коня и превратить животы его любимых жён в постель для отдыха!

— Счастливый ты человек, Джарчи,— вздохнул Олег.

— А то! — хмыкнул нукер и завопил, не сдержав переполнявших его чувств: — На Машфу! Кху-кху-кху!

Глава 17,

в которой Олег не узнаёт Москву

«Машфа» не представляла особого интереса для Чингизидов, город сей не стоило даже отдавать воинам на поток и разграбление. Кого там было грабить? Чем набивать баксоны?

[1] *Машфа* — Москва (*монг.*).

Москва являлась типичным захолустьем, бедной, зачуханной окраиной Владимиро-Суздальского княжества. Именно поэтому и шли к ней тумены — повторялась история с Онузой.

«Машфа» становилась пробным камнем для великого князя владимирского — как-то отреагирует Юрий свет Всеволодович на пришествие орды? Смирится ли? Или повторит ошибку вассала своего, Юрия Ингваревича Рязанского?

Были, конечно, договорённости с великим князем насчёт того, что монголы не явятся на его земли, но чего только не скажешь, лишь бы глупого врага успокоить...

Существовала и другая причина для наступления на Москву. Имелся короткий путь на Владимир-Залѐсский, он же Владимир-на-Клязьме — та самая «прямоезжая дорога», по которой дунул княжич Всеволод. Дорога представляла собой просеку с заставами по пути и для продвижения туменов не годилась — узка больно, да и что за интерес — не ехать, а пробиваться с боем, вырезая стражников и разбирая засеки [1]? Река же Москва до самого города доведёт, а после разорения оного тумены повернут к Владимиру, куда отправятся по льду Клязьмы. Вроде и крюк, а получается ближе. К тому же прямоезжая дорога через лес проходит, а по рекам сёла и деревни выстроились, где и нукерам еда сыщется, и лошадям корм.

19 января 1238 года ордынцы вышли к «Машфе». Это был небольшой городишко, опоясанный деревянными стенами, затерянный среди соснового леса. Гораздо позже Москва обоснуется на семи холмах, а пока что ей и одного Боровицкого хватало с избытком.

Олег выехал на берег реки и только головою покачал. Типичная глубинка — полная безмятежность и ротозейство. Никто из москвичей не крепил оборону, ни одного воина не увидишь. Ворота распахнуты настежь, неторо-

---

[1] *Засека* — оборонительное сооружение в виде рядов елей, поваленных не поперёк, а вдоль дороги, острыми сучьями против движения.

ливые лошадки волокут возы с хворостом, от реки поднимаются сани с большой бочкой воды, из которой торчит черпак. Бабы с коромыслами тащат полные деревянные ведра и неохотно уступают дорогу водовозу, а одна хозяйка и вовсе стирку затеяла — согнулась над прорубью и вальком колотит по мокрому белью.

Поодаль сгрудились маленькие баньки. То и дело дверцы их открывались, и наружу, в облаках пара, выскакивали голые мужики. С гоготом они сигали в прорубь и выскакивали обратно. Женщины окунались в соседней полынье, и всей разницы было, что не гогот стоял над нею, а визг и ойканье.

Субэдэй-багатур не стал дожидаться подхода всех туменов и послал на штурм одного Бурундая. Пронеслись над рекою гулкие удары в наккар, взвыли трубы, и раздалось призывное: «Хуррагш!»

Нукеры повалили с берега на лёд реки, и лишь теперь москвичи опамятовались — бабы бросали свои коромысла и спешили к воротам, одна лишь, то ли по глупости, то ли по жадности, неслась с полными вёдрами, переваливаясь на ходу и расплескивая воду. Прачка тоже кинулась к городу, на ходу выкручивая стираную рубаху, а те, кто затеял банный день, мчались босиком, накинув на себя армяк или шубу.

Передовые сотни уже одолели реку и взбирались на тот берег, когда в Москве опомнились — заколотился сполошной колокол, оповещая жителей о свалившейся на них напасти.

Не все успели укрыться за московскими стенами — с полсотни горожан ордынцам удалось-таки задержать, ещё десятка два отловили по баням и кузням у реки. Задержанных и отловленных никто не мучил, никто не покушался на их жизнь — дармовую рабсилу берегли до поры.

Ров вокруг града выкопан не был, зато подъём к городским воротам был устроен с умом — он проходил под стеной, открытый для стрельбы. Но Бурундай не собирался нести потери — завыли трубы, и тумен раздвинул свои ряды. В образовавшемся проходе показался та-

ран — с виду обычная изба, только без задней и передней стены. И сруб, и двускатная крыша были обиты сырыми кожами, а внутри, подвешенное на цепях, качалось тяжёлое толстое бревно с концом, заделанным в бронзу. Сруб был поставлен на широкие полозья, его тащила шестёрка волов, запряжённых цугом. Каждый вол был укрыт доспехом из толстой шкуры, и мычание выходило глухим, низким, а в прорези валил пар от дыхания. Но пусть уж защитники города сами догадываются, что за звери идут на приступ — быки али змии огнедышащие!

— Ач! Ач! — завопили погонщики, и волы потащили таран в гору, издавая уже не мычание, а рёв. Смазанные полозья выглаживали наст до блеска, скользя со скрипом и визгом. В проёмах были видны татары мощного сложения — команда таранщиков, ступавших следом за волами, прикрытых сверху и с боков.

Москвичи со стен выстрелили пару раз из луков, а больше им и не дали — сотни монгольских лучников засыпали стены стрелами, перемежая обычные срезни длинными древками, обмотанными паклей и смоченными нефтью. Оставляя дымные дуги в небе, зажигательные стрелы падали на город, но большой беды причинить не смогли — на крышах лежал снег.

Между тем волов выпрягли, пришла пора ударно потрудиться пленникам — в качестве тягловых животных. Нукеры погнали москвичей плетьми и древками копий. Один из схваченных, чернявый мужик с кудлатой бородой и дыбом торчащими мокрыми волосами, замерзшими на холоде, в одной шубейке, с босыми, посиневшими ногами, не вытерпел и бросился на ордынцев — выхватил копьё у зазевавшегося бойца, выбил тому зубы тупым концом, а после всадил наконечник в брюхо. Прыткого москвича тут же зарубили, и остальные уже не пытались качать права — дружно взялись толкать таран, пядь за пядью, шаг за шагом приближая стенобитное орудие к проездной башне.

— Ещё! — пыхтели одни, надсаживаясь.— Навались, тараканы беременные!

— Не стреляйте! — вопили другие, со страхом обращая лица на стены родного города.— Свои мы!

А третьи ругались, самыми чёрными словами выражая свой страх, свою злобу, своё сожаление о постигшей их глупой участи.

Всё, сошлись вплотную. Могучие таранщики раскачали бревно и пробили по воротам — створки сотряслись, рождая короткий гулкий отзвук. Услыхав его, тумены возрадовались, а у жителей города сжались сердца в тягостном предчувствии.

— Проедем вокруг Машфы,— скомандовал Изай Селукович.— Не даст нам Бурундай спокойно постоять и посмотреть, как город падёт...

Десяток снялся с места и отправился на задание. Москва была столь мала, что даже слободы не имела,— места и за стенами хватало.

Худая землица вокруг города была распахана на деляны, помеченные межами из собранных камней и выкорчеванных пней. Слева, за старыми краснокорыми соснами, обозначилось извилистое русло, а уж что там протекало — Яуза, или Неглинная, или ещё какая водная артерия, Олегу было неведомо.

— Никого тут нет,— сказал Джарчи недовольно,— что было зря скакать? Всё пропустим только...

В эту минуту за городом монгольские трубы подняли хриплый вой.

— Я ж говорил! — завопил Джарчи.— Пропустили!

Десяток прибавил ходу, на всём скаку выносясь к берегу Москвы-реки. Поглядев в сторону воротной башни, Олег сразу догадался о значении трубного сигнала — осаждённые решились на вылазку.

Ворота отворились наполовину, и всё невеликое воинство московское, на конях, криками призывая покровителей небесных, вынеслось в поле. Пешцы прошли через таранную избу, секирами порешив нукеров.

Воевода — могучий дядька с рыжей бородой веником — трубно взрёвывал, матеря татар и подбадривая своих. Москвичей было немного, надежды на успех не су-

ществовало — воины бились с отчаянием обречённых. Уж если помирать, так со славою, побивая ворога, а не принимая смерть от чужого меча!

То ли напор москвичей был могуч, то ли вера их силой переполнилась, а только контратака воеводы началась с удачи — гридни с ополченцами ударили по булгарам, не по своей воле призванным под туги ордынские. Ударили так, что копья трещали, изламываясь, а секиры разваливали тулово всаднику и втесывались в сёдла. Это была ярость русского медведя, коего гнали из берлоги.

— Знаю я этого рыжего! — крикнул Изай, осаживая коня.— Филипп это, Нянькой прозван. Любит воевода с молодыми бойцами возиться, учит их, как пестун какой... Давай, у стены проскочим — и в тыл!

Десяток поспешил за Селуковичем, проскакивая мимо угловой башни и разворачивая коней.

Филипп Нянька между тем побил немало булгар, а прочих обратил в бегство — и вызвал гнев самого Батухана. И уже не рекруты булгарские вышли на бой, а отборные нукеры, чьи кони топтали пыль Шаньдуна, Самарканда, Мерва. Их копья остановили разбег московской конницы, а сабли довершили начатое.

Воевода увернулся от копья раз, увернулся два, а на третий его сняли с коня два багатура, скрутили и поставили на колени перед Батыем. Хан недовольно оглядел Филиппа Няньку, прошипел: «Проклятый рыжий мангус!» — а после приказал разрубить воеводу на куски и разбросать останки вокруг города [1].

Нукеры исполнили приказ в точности... И Москва пала.

---

[1] Признанные летописи не разъясняют, отчего убили воеводу, а вот неотождествлённый источник сообщает, что «...воевода же Филипъ Нянскин всяде на конь свои и все воинство его с нимъ, и тако прикрепи лице свое знаменьем крестным, оттвориша у града Москвы врата и воскрича вси единогласно на Татаръ. Татарове же, мняще велику силу, убоявшаяся нача бежати и много у них побито. Царь же Батый паче того с великою силою наступи на воеводу и жива его взяша, разсече его по частемъ и расбросаша по полю, град же Москву созже и весь до конца разорил...»

Сотни Бурундая и Субэдэя повалили в Машфу — по законам Ясы воины могли три дня грабить и жечь город, и никто, даже сам Бату-хан, не мог лишить их этого права.

Изай Селукович повёл десяток наперерез — по узкой тропе, по обрывчику. Протиснувшись между таранной избой и воротной башней, он вклинился в поток нукеров, спешащих поживиться чужим добром.

Сухов протолкался третьим, после Судуя. За воротами оказалась небольшая заснеженная площадь. Забор и слепые стены тесно стоявших домов стискивали её со всех сторон.

Олег, влекомый толпой степняков, двигался по узкой улице, тянувшейся к белокаменному собору. Улица завершилась другой площадью, отделённой от задней городской стены большим двухэтажным теремом, который соединялся с собором галереей.

Ордынцы разъехались кругом, теряясь в переулках, врываясь в собор,— вскоре без устали звонивший колокол смолк, пару раз жалобно звякнув, а тело звонаря полетело вниз, грянувшись о площадь.

Олег неспешно проехался мимо терема, откуда неслись испуганные визги и гневные крики. Крики смолкали, заглушаемые сталью разящей, а вот взвизгиванья не прекращали действовать Сухову на нервы.

Послышался грохот, брань, вопли, и на крыльце появился Джарчи. Нукер вёл перед собою молодого человека, одетого в парчу и атлас. Джарчи так заломил руку своему пленнику, что тот согнулся в три погибели и подвывал от боли.

— Вот, коназа поймал! — гордо заявил нукер.

— Это не коназ,— глянул Изай в искажённое лицо молодца в парче.

Физиономия Джарчи вытянулась.

— Это ещё лучше,— неторопливо договорил куман.— Ты пленил Ульдемира, сына великого коназа. Поспеши к Бурундаю и передай темнику свой трофей — получишь награду!

Осчастливленный Джарчи тут же связал Владимира Юрьевича, стреножил великокняжеского сына и повёл его, красуясь и грозно насупливая брови.

А Судуй с Чимбаем раскатали прямо по снегу ковёр и стали выкладывать на него добычу — меха, драгоценные ткани, посуду высшей пробы, мечи в ножнах из красного сафьяна, отделанные каменьями и золотыми бляхами. Изай по-честному поделил отнятое — треть хану Бату и хану Угедэю, две трети — воинам. Олегу досталась целая связка перстней византийской работы. Оглядев украшения, Сухов засунул их в баксон.

Разгул же только начинался — набрав добра, набив им перемётные сумы, нукеры принялись творить безобразия. Они гонялись за девками, резали мужиков, а когда уставали саблями махать, поджигали соломенные крыши, обкладывали хворостом избы и запаливали «растопку».

Правда, амбары и овины ордынцы не жгли — сено и зерно шло на корм лошадям. Увы, лес — не степь, трава здесь росла хилая, и мохноногие лошадки жили впроголодь, питаясь порою ржаной соломой с крыш, отчего болели. Поэтому стога и скирды, устроенные на полях, становились желанным трофеем.

А половцы вскрыли аж два амбара, набитых зерном,— кто успел, тот насыпал по баксону отличного корма. Олег тоже подсуетился.

Покинув город, он остановился и обвёл взглядом всё видимое пространство. Через века эта земля заполнится домами и дворцами, здесь пролягут шумные улицы, запруженные толпами народа. Представить же себе подобный взлёт сейчас было делом невозможным, невероятным.

Вздохнув, Олег повернул коня к становищу, в поле между лесом и городом. Тут ордынцы и устроились на ночь, выставив дозорных. Кто в шкуру завернулся, на прогретую костром землю улегшись, кто палатку поставил, а боголы Изая Селуковича, притомившегося на снегу спать, соорудили по-быстрому юрту, расстелили кошмы, запалили костёр.

Арбан собрал весь десяток, выкатил бочонок архи и большой бурдюк с кумысом, навалил на потёртые деревянные блюда творогу, вчерашних лепёшек, копчёной конины, нарезанной тонкими полосками. Гулять так гулять!

Олег обмёл снег с гутул травяной метёлкой, перешагнул порог юрты и присел у огня. С удовольствием сбросил с себя и доспех, и шубу — плечам стало приятно и легко без обычной тяготы. Ноги тоже отдыхали — Сухов снял гутулы и переобулся в мягкие чаруки — тапки для юрты, на толстой войлочной подошве. Хорошо...

— Разливай, Джарчи,— сказал арбан-у-нойон, тоже благодушествуя,— ты у нас самый молодой, а нынче такую «рыбу» поймал... Ва-вай!

Джарчи горделиво хмыкнул и нацедил кумыс в чаши-аяки. Нукеры взяли их в руки, первым делом побрызгали пенистым напитком на божков-онгонов, висевших в изголовье постели, принесли в жертву духу огня по крошке творога.

— Госпожа очага Галаган-эхе,— искательным голосом проговорил Чимбай,— твоим соизволением рождено это пламя. Пусть тысячи лет не гаснет огонь!

— Пусть! — согласились нукеры.

Младшие подождали, пока Изай сделает первый глоток, и припали губами к аякам.

— Ой-е! — крякнул Судуй.— Хорош кумыс!

— Кумыс хорош,— подхватил полноватый Хуту, с бородой, подстриженной «лопаткой»,— а архи ещё лучше! Наливай, Джарчи!

— Эт можно!

— У оросов есть хороший обычай,— сказал Олег, подставляя свой аяк под мутно-белую струю,— посвящать выпитое человеку. Давайте выпьем за Джарчи!

— Давайте! — подхватил самый молодой.

Все расхохотались.

— Изай,— обернулся Олег к куману,— скажи пару слов.

Арбан-у-нойон важно разгладил усы, соображая, и поднял чашу.

— Всего пять трав выросло,— проговорил он,— как Джарчи пришёл под мою руку. Сходили мы вместе на саксинов [1], сходили на булгар. Вот, ныне третий поход у нас. Так выпьем же за то, чтобы он был у нас не последним!

— Ой-е! — воскликнул Джельмэ, нукер с перебитым носом.— Хорошо сказал! Выпьем!

Выпили, закусили.

— Оросы не только за людей пьют,— ухмыльнулся Изай,— они ещё и вещам всяким посвящают своё питьё. Называется — «обмывать»!

— Выпьем за нашу добычу! — поднял чашу Сухов.

— Ой-е! — вскричал Джарчи в полном восторге.— Пусть она никогда не кончается! Пусть её будет много-много! И ещё больше!

Потом выпили за хана, помянули павших, отдали дань уважения тени Священного Воителя... Напились все.

Дольше всех продержались Изай с Олегом. Сухов пил мало, а куман больше говорил, пускаясь в воспоминания о прошлых битвах.

— На Калке мы им показали...— выговорил он, еле ворочая языком.— Нас туда привели Субэдэй и Джэбэ-нойон. Мы не воевать ходили, нас посылали на разведку — надо было узнать, как бьются оросы да сколько их. Вышло их, конечно, много, больше, чем нас. А толку? Мы-то все как один, а у них рассыпалось всё — свели князья дружины свои, и всяк себе командир! Это когда ж было-то? Давно уже... Лет... так... лет пятнадцать назад. Да? Да. Оросы тогда поддались на уговоры половцев, которых мы согнали с берегов Итиля. Да ладно там, поддались... Могли же и победить! Могли? Могли. Ан не вышло! А почему? А потому что князья сдуру захотели битву затеять на чужой земле — и повели полки в степь. Но мы-то в кочевьях родились и выросли, а они-то ничегошеньки не знали о степных приёмчиках! Ну и попались,

---

[1] Саксин был городом-государством, возникшим после распада Хазарского каганата. Располагался в низовьях Волги, на месте современной Астрахани. Уничтожен войсками Батыя.

короче. Мы изобразили для оросов ложное отступление, а они как воспламенились, как понеслись следом! Догнать решили нас и перебить. Ага... А мы ка-ак развернёмся, да как нападём! Ну и всё... Главное, оросов больше было гораздо, а мы их до самого Днепра гнали! Так-то вот. Слушай, а давай спать?

— Давай.

— Всё, спим!

Поздно ночью Олег проснулся от холода. Нукеры храпели вокруг, лёжа вповалку по всей юрте. Сухов, ежась, выбрался наружу.

Было тихо, только где-то далеко ржал конь, доносился грубый лай монгольского волкодава. По всему становищу горели костры, рождая ощущение мощи — и безопасности.

Наломав сухих веток, надрав бересты, Олег вернулся в юрту и разжёг костёр. Поглядел на него, сонно моргая, подбросил дровишек, да и лёг досыпать. Сколько там ни осталось до подъёма, всё его.

Мысли стали путаться, заслоняться странными, сновидными картинами. Из омута памяти всплыло лицо Елены. Женщина что-то говорила, улыбаясь, губы её двигались, но Олег не понимал произносимого или не слышал. Потом красивое и прекрасное лицо растаяло, как иней на стекле...

...Утром тумены покинули сожжённую Москву и направились на северо-восток, к Клязьме.

Глава 18,

в которой Олег улучшает своё благосостояние

Бату-хан очень спешил — тумены даже не задерживались, чтобы пограбить как следует сёла и крохотные городки, выстроенные по Клязьме. Лишь особые отряды разъезжали по окрестностям, высматривая сено в сто-

гах и скирдах, отбирая у перепуганных селян всякое зерно.

Война должна была закончиться до весенней распутицы, которая задержала бы отход в степь, да и бескормица грозила ордынской кавалерии. А погибель не входила в планы Чингизида. Лучшие полководцы монгольской империи судили и рядили, как начать поход, откуда начать и докуда дойти. Всё было учтено, всё расчислено, уже и люди подобраны, чтобы над князьями, послушными Орде, встать, да следить, чтобы вся положенная дань собрана была и в целости доставлена по назначению. Конечно, нельзя было предвидеть всего и загодя назначать даты сдачи крепостей, но основное правило выдерживалось: быстрота и натиск! Чем быстрее тумены опишут круг по русским землям, тем целее будут, и тем надёжней затянется петля на княжествах.

И вот, 2 февраля, во вторник мясопустной недели, войско Батыево вышло ко Владимиру.

Город Олегу чем-то напомнил виденного им идола с четырьмя разными ликами. Для путника, подъезжавшего к Владимиру с востока, с холмов, между которыми спускалась к Серебряной воротной башне дорога из Суздаля, столица княжества открывалась большой деревней — то был Ветчаной город, укреплённый, но бедный посад, застроенный бревенчатыми избами, теснящимися вдоль единственной большой улицы. Улица та вела от ворот Серебряных до Ивановских ворот Среднего города, где проживали бояре, купцы и прочие, могущие похвастаться ёмкостью кошеля или знатностью рода.

Если в Ветчаном городе жались друг к другу, словно пытаясь согреться, покосившиеся избушки и клети, торчали на перекрёстках колодезные журавли, прели навесы хлевов, и даже деревянные церквушки выглядели убого — без перезвона дорогих колоколов, а с дребезжащим боем бронзовых досок-бил, то в Среднем высились белокаменные соборы — Рождественский, Успенский, Дмитриевский. В ясные дни сияние их золочёных куполов виднелось за десятки вёрст.

Если же приближаться к Владимиру с юга, со стороны реки Клязьмы, город смотрелся величаво, поднимая над пойменными лугами, над обрывистым берегом высокие стены.

Только с севера, со стороны Юрьевской дороги, с дальних полей, отлого понижавшихся к речке Лыбедь, город показывал сразу и нищету, и роскошь, и лохмотья, и парчу.

Тумены подошли к Владимиру с запада, со стороны могучих и великолепных Золотых ворот. Сошлись Восток и Запад, обитатели юрт глядели раскосыми глазами на сияние куполов и белизну стен, глядели алчно и торжествующе, ибо не знали поражений и не собирались отступать. А жители изб смотрели со стен с ужасом и отчаянием, ощущая обречённость и предчувствуя гибель.

Пока передовые сотни носились вдоль стен великого города, татары всё прибывали и прибывали, заполняя окрестные поля.

Тумен за туменом покрывали снега пёстрыми точками, сливавшимися в огромность, не имеющую числа и охвата. Разгружались обозы, выставлялись белые и чёрные юрты, да не в разброс, а отдельными куренями. Разгоралось множество костров, нукеры устраивались как на привале, а прямо напротив Золотых ворот, на возвышенности, забелел шатёр Бату-хана. Тридцать больших юрт его ближников окружили белоснежный купол. Вероятно, спокойная деловитость монголов сильнее всего действовала на нервы державшим оборону. Для владимирцев предстоявший им штурм чудился величайшим, быть может, последним испытанием в жизни, требующим от них нечеловеческих усилий и самоотверженности, а монголы... А монголы смеялись, ставили юрты, чтобы было где отдохнуть, проверяли оружие, ухаживали за лошадьми, разводили костры — погреться и приготовить ужин. И было понятно, что нукеры давно готовы к тому, чтобы взять город приступом, как они это делали и в прошлом, и в позапрошлом году — в десятках столиц и могучих крепостей. Не было заметно и следа суетливости в движениях ордынцев — движениях плавных, уверенных, повторявших давно заученное, привычное, наскучившее.

Ей-богу, хотя бы след напряжения на лицах нукеров, хотя бы тень страха добавили бы сил владимирцам, сил и вдохновения перед битвой. Но нет, ордынцы относились к штурму города на Клязьме, как к чему-то будничному, надоевшему даже. И это было унизительно.

Пока шла подготовка к штурму, тумен Гуюк-хана отправился в Суздаль. Нукеры взяли город без боя и три дня грабили его, спалив и дворец княжеский, и монастырь Дмитриевский, а к вечеру пятницы 5 февраля вернулись, пригнав толпы пленных.

Суздальцы — плотники знатные, с утра субботы мясопустной их заставили лестницы сколачивать да пороки ставить. Плотники вкалывали до самого вечера, а ночью они тын городили, выставляя его вокруг всего Владимира. И как же угнетала эта картина тех, кого окружали изгородью, красноречиво подтверждая пугающую истину: никому отсюда уйти не удастся!

Целые обозы саней подвозили к баллистам и катапультам валуны и глыбы мёрзлой земли, огромные брёвна распиливали на тяжеленные колоды — те ещё снарядики. Пленники, шатавшиеся от усталости, принялись таскать срубленные деревья, заваливая ими ров в четырёх местах сразу — левее Золотых ворот, напротив Спасской церкви; с северной стороны, от Лыбеди, у Ирининых и Медных врат, и с юга, с берега Клязьмы, у ворот Волжских.

Это была тяжёлая, выматывающая работа, поэтому-то её и поручали местным жителям — нукерам следовало не тратить силы зря, а копить их перед тем, как идти на приступ.

Мужики, в полон угодившие, валили сосны, ели, берёзы и волокли их к городу, а женщин-полонянок гнали следом, нагруженных вязанками хвороста. И вся эта древесина полнила и полнила рвы, выступая шаткими мостами к желанным стенам владимирским. Суздальцы, изнемогая, сколачивали примёты и только головы в плечи вбирали, выслушивая брань и попрёки со стен. Но, чем дальше, тем глуше делались речи, а после они и вовсе заглохли — тишина установилась на заборолах. Сжима-

лись в тоске тысячи сердец, ожидая неминуемого, неотвратимого.

И вот в воскресенье мясопустное, после заутрени, загрохотали, загрюкали пороки, полетели во владимирцев тяжкие глыбы и кувыркавшиеся брёвна. Час длился обстрел, а потом десятку Изая поручили ответственное задание.

— Едем! — крикнул куман, гарцуя на коне.— Субэдэй хитрость придумал. Джарчи, ты первый!

Молодой нукер тут же надулся от важности — чуял, что за хитрость пришла багатуру в голову. И точно — пленного княжича поручили подвести Изаю Селуковичу — к самым Золотым воротам. Пускай посмотрят со стен на бедного Владимира Юрьевича, пожалеют пусть, авось и сжалятся, откроют ворота в обмен на жизнь великокняжеского сынка.

— Это, конечно, вряд ли,— покачал головою Изай,— но почему бы не попробовать?

Заглохли пороки, опустили луки стрелки, а глашатаи с лужёными глотками прокричали, коверкая русскую речь: «Не стреляйте!»

Десяток Изая медленно продвинулся к Золотым воротам. Судуй и Джарчи ехали впереди, поддерживая за концы верёвок связанного Владимира, поникшего, избитого, голодного и холодного. Душераздирающее зрелище.

— Узнаёте княжича вашего? — проорал Изай, задирая голову.— Сдавайте град свой без боя, и он будет жить!

— Вопи, давай! — прошипел Джарчи.— Ну?!

И Владимир пал на колени, не чувствуя боли в заломленных привязью руках. Закричал, выгибая шею:

— Спасите, люди добрые! Мочи нет терпеть! Пожалейте!

Олег с любопытством ждал ответа. Тут на стену Золотых ворот вышли братья Владимира, Всеволод и Мстислав, и громко, с выражением, изрекли:

— Брате! Лучше умереть перед Золотыми воротами за Святую Богородицу и за православную веру, чем поступить как басурмане велят!

И тут же из бойниц, из окон церковки на Золотых воротах полетели в нукеров стрелы и дротики, камни, кирпичи, горящие головни.

Десяток Изая поспешно отступил, а Джарчи, раздосадованный и уязвлённый, срубил княжичу Владимиру голову. Не сработала хитрость. Ладно... Где пасует лукавость, там берёт сила.

Гулко ударил наккар, завыли трубы, затрубили рога.

— Хуррагш! — вскричал Субэдэй-багатур, и тысячи, десятки тысяч грубых голосов ответили громоподобным: «Хуррагш!»

Начался приступ. Метательные орудия забрасывали гудевшие валуны и чурки, проламывавшие заборола, сносившие воинов со стен. Сотни стрел ежесекундно подчищали каждую бойницу, каждый проём, не позволяя высунуться.

Олег намётанным глазом видел, что сопротивление шло разрывчато — какую-то башню защищали упорно, со знанием дела, а на соседней дрались вяло, словно по принуждению или делая одолжение. Некоторые участки стен и вовсе были оголены — ни одного защитника!

— Видал? — крикнул Изай, щерясь.— Там совсем нет воинов! Город не продержится и дня! Сегодня мы станем хозяевами каждого дома, каждого терема во Владимире. Хо-хо!

— К полуночи ворвёмся,— авторитетно заявил Джарчи.

— К полудню! — оспорил это утверждение арбан.

Олег с неожиданным волнением следил за штурмом — это была реальная, не придуманная батальная сцена, где соседствовали гибель и геройство, малодушие и храбрость, подлость и самопожертвование. Сегодня он не желал победы Орде, хотя и понимал, что в спасении владимирцам отказано. Честно говоря, Сухов и пораженческими настроениями не был смущён, и жалость к осаждённым не проникала в его сердце, скорее уж раздражение гнездилось в нём... Он просто хотел, чтобы всё поскорее закончилось,— надоела ему эта дурацкая война. Помня обо всех будущих выгодах, понимая, что историю не из-

менить, Олег стремился поскорее выйти из реки крови на мирный берег.

А тараны упорно долбили ворота, а нукеры четырьмя потоками лезли и лезли на стены... И их яростная настойчивость была вознаграждена — уже к обеду ордынцы прорвали оборону города в трёх местах сразу. Изай выиграл спор.

Тысячи Бурундая ворвались во Владимир через Иринины ворота, тумен хана Мэнгу овладел Медными; бунчук хана шатался над головами воинов — длинный бамбуковый шест с небольшой перекладиной наверху, с которой свисали пять пушистых чёрных хвостов яков.

И начались кровавые, жестокие уличные бои — монгольская конница прорывалась, обходя завалы из телег, брёвен, саней, лавок и тынов, отстреливаясь от владимирских лучников, дравшихся за каждый дом Нового города — западного конца Владимира, выстроенного Андреем Боголюбским и заселенного отнюдь не бедняками. Новый город лежал весьма живописно — облегая амфитеатром ложбину, выходящую к Волжским воротам у Клязьмы, поэтому он почти весь открывался взгляду, и, куда ни посмотри, везде сшибались люди, шли стенка на стенку, сходились в поединках один на один или целою толпой набрасывались на героя-одиночку.

— Олег, за мной! — крикнул Изай, пригибаясь в седле, словно это могло уберечь его от шальной стрелы.— Пробиваемся к детинцу!

— А где это?

— А вона, где собор Успенский!

На перекрёстке, к которому сходились сразу пять улиц, случилась заминка — человек пять огромных воинов в длинных кольчугах, в шлемах-топхельмах [1] с решётчатыми забралами, с круглыми щитами в крепких руках и длинными мечами, держали оборону. Стояли, перегородив улицу, и никого не пропускали. Их клинки блистали,

---

[1] Шлем в форме усеченного конуса или цилиндра, полностью закрывающий лицо.

как крылья стрекоз над прудом в солнечный день, но удары были свирепы, а выпады губительны. Уже человек десять нукеров лежало у их ног мёртвыми или корчились в последних усилиях жизни.

— Это багатуры из Варангистана[1]! — определил Изай.— Так их не пройдёшь...

И арбан-у-нойон кликнул курчи, лучших стрелков сотни Эльхутура. Те вышли и натянули луки... Первый залп пропал даром — багатуры-варяги отбили пущенные в них стрелы мечами или подставили щиты. Щиты, пробитые насквозь, вскоре сделались бесполезными и были отброшены.

Издав яростный клич, варяги перехватились поудобнее, взмахнули мечами и бросились на ордынцев. Первым пал великан-северянин со смешными рыжими косичками, торчавшими из-под шлема — стрела попала ему в глаз, пронизав забрало. А потом наехали копьеносцы, со всего разбегу ударив по четырём багатурам, оставшимся в строю.

— Дзе-дзе,— поцокал языком Изай.— Ай, славные воины!

И наёмники-варяги оказались чуть ли не последними защитниками Владимира-Залесского — сглупил великий князь, разослал всё войско, оголил стены града стольного. И Рязань предал, и свой же Владимир подвёл. Горожан, конечно, хватало, но разве способен мирный обыватель сравниться с нукером, опытным воином, закалённым в битвах и привыкшим побеждать? И всё же владимирцы отбивались, как могли и чем могли, отступая и уступая город врагу.

Стрелы, камни, копья, дротики летели в ордынцев из окон и дверей, с крыш, из-за заборов. Ворота могли открыться внезапно, и трое-четверо конных с копьями наперевес бросались на монголов.

Попы, забравшись на колокольню, кидали оттуда обтесанные камни, заготовленные для ремонта стен, метали плинфу, пару малых колоколов свергли, пришибив зазе-

[1] *Варангистан* — страна варягов.

вавшегося сотника. Даже дети швырялись тем, что им было под силу,— камнями, палками и снежками.

Баба в исподнем, с распущенными волосами, истошно вопя, бросала в нукеров глиняные миски и деревянные блюда. Побив горшки, она схватила ухват, ринулась на монголов, но не добежала — упала со стрелой в груди.

— Давай дворами! — скомандовал Изай и погнал коня в обход угловой избы, проскакал тесными закоулками и вырвался на площадь с маленькой часовенкой посередине. Вокруг часовни крутились человек десять верхом на конях, они горячили скакунов и потрясали копьями, но стоило «героям» увидать нукеров Изая, как весь десяток умчался прочь.

— К стене! — крикнул арбан-у-нойон, показывая на внутреннюю стену, разграничивавшую Новый и Средний город.— Там улица!

Вдоль всей стены действительно тянулся широкий проход, по нему десяток Изая и поскакал, пока не вырвался к Торговым воротам, где уже скопились сотни ордынцев. Паче чаяния, ворота не были заперты, их следовало просто отворить и попасть из града Нового в град Средний. А за воротами своя морока — ожесточённого сопротивления нукеры не встретили, но хватало отступавших и убегавших, упорно отстреливавшихся, уже не победы желавших, а просто отдалявших неизбежный конец. Все же понимали — пощады не жди.

Монголы теснили жителей, пока те не укрылись в детинце, в Печернем городе, последнем оплоте Владимира-на-Клязьме.

Правда, нукеры не подступили тут же к владимирской цитадели — они занялись куда более захватывающим делом — стали грабить богатые терема и лавки Среднего города.

Десятки шуб собольих, куньих, горностаевых ложились на снег. Раскатывались, как свитки, рулоны парчи, аксамиту, шелков. Грудами валились на эту «подстилку» золотые кубки, гривны, кресты, венцы, сыпались звонкие монеты, клацали содранные с икон драгоценные ризы.

— Сколько тут всего! — воскликнул Джарчи.— Ух, ты...

Нукеры быстренько расхватали злато-серебро. Чимбай повертел в руках кинжал с золотой рукояткой в форме орла, раскинувшего крылья, и бросил в общую кучу. Олег порылся в груде увесистых сокровищ и вытащил длинную понизь крупного розового жемчуга. Сгодится... Добавив к своей доле пару тяжёлых браслетов с громадными изумрудами и сапфирами, гранёнными в квадрат, с круглыми рубинами, оттенявшими кровавым блеском тёмную зелень и синь, Сухов подумал, что за одно только это воскресенье он стал богат сказочно. Потому и не кончаются войны, что каждый хочет урвать для себя от чужого пирога хоть кусочек, а желательно два...

— Бату-хан, Бату-хан едет! — разнеслось по толпе нукеров.

Хан на саврасом коне, в сверкающем золочёном панцире, подъехал и остановился перед богатствами, разбросанными по шубам и шелкам. Слабая улыбка удовлетворения изломила его надменно сжатые губы. Оглядев воинов, хан привстал в стременах и громко проговорил:

— Бай-аралла, баатр дзориггей! [1]

«Доблестные богатыри» заорали всей толпой, дружно желая хану милостей Вечно Синего неба.

И в эту самую минуту, то ли с крыши богатого терема напротив, то ли с угловой башенки, прилетела стрела. Метился неведомый лучник в спину Батыю, да конь саврасый спас хана — взбрыкнул вдруг, и гранёный наконечник с тупым звоном пробил золотое блюдо.

— Байза! Байза! — заорали кешиктены, стенкой вставая вокруг Бату.

Другие кинулись к терему, но тут сам хан заорал, плетью указывая на строение:

— Спалить! Дотла! Мигом!

И кешиктены, и нукеры забегали, окружая терем, зажигая факелы. Целая сотня воинов умчалась и примчалась обратно, волоча охапки сена.

---

[1] Спасибо, доблестные богатыри! (*Монг.*)

Невидимый стрелок не показывался, а потом и увидеть его стало трудно — плотный дым заклубился, скрывая стены. Горящее сено полетело в окна и двери, на ступеньки высокого крыльца и за балюстрады балкончиков. Пламя разгоралось, набирало силу — треск быстро переходил в угрожающий гул, а затем и в пугающий рёв. Огонь добрался до второго этажа, охватил крышу. Со звоном лопались круглые стеклышки в окнах, пока рамы не отекли струями расплавленного свинца, а из проёмов не завились жадные огненные языки.

Кричал ли неопознанный стрелок или принял молча свою ужасную смерть, осталось неясным — чудовищный перегуд пожара забивал все звуки (в последующие дни Сухов встречал угрюмого Бэрхэ-сэчена, мелькало в толпе и узкое, костистое лицо Савенча, а вот Тотура он больше не видал...). Затрещала, проваливаясь, крыша, и в небо вскружился вихрь искр.

Удовлетворённый, Бату-хан легонько стегнул коня, трогаясь далее, а Субэдэй молча указал на стены детинца.

И вновь начался бой. Печерний город, княжеская цитадель, находился ближе к Клязьме. Стены его не впечатляли высотой, но сложены они были из белого камня.

Бурундай, увидев такое дело, мигом распорядился доставить таран. Бревенчатую стену долбить этим орудием бесполезно — спружинит, а вот каменную кладку рушить — тут таран к месту. Но стенобитное орудие не понадобилось.

Когда ордынцы скопились перед воротами Печернего города, так плотно обитыми железными накладками, что казались цельнометаллическими, створы дрогнули и открылись. Показался маленький вооружённый отряд, сопровождавший княжичей Всеволода и Мстислава, везущих многие дары в надежде, что их помилуют за отдельную плату. Монгольские сотни сориентировались мгновенно — погнали коней и ворвались в цитадель, мимоходом прирезав Всеволода Юрьевича. Мстислав бросился бежать, но куда там — словили княжича и зарубили.

Торжествующие ордынцы заполнили весь детинец, шныряя вокруг и не зная, куда кидаться вначале — то ли ко дворцу княжескому бежать, то ли к соборам направиться. И там и там добыча обещала быть впечатляющей. Положение исправил Бурундай.

— Все к оросскому храму! — распорядился он.— Так и так всё наше будет...

Семейство великого князя, приближённые его и случайные люди, искавшие спасения в Печернем городе, забились в Успенский собор, поближе к светлому образу Богоматери Владимирской. Но не уберегла народ чудотворная икона — ордынцы обложили храм валежником и запалили огонь, чтобы выкурить крещёных. Чад повалил внутрь собора — тяга была хорошая...

Дрожащие голоса, выпевавшие псалмы, стихали один за другим — богомольцы падали, задыхаясь в удушливом дыму. Так и угорели все.

— Конец,— устало сказал Изай Селукович, утирая сажу с лица,— победа. Был Владимир, и нету Владимира...

До самого вечера продолжался разнузданный грабёж — хотя бывает ли разграбление порядочным и церемонным?

Ветчаной город отличался бедностью — сожгли Ветчаной город. А вот в Среднем и Новом добыли столько добра, что много телег нагрузили доверху. Бывало, что нукер выбрасывал из баксонов отрезы шёлковые, лишь бы места хватило для драгметаллов. Да и с теми перебирали — откидывали серебришко, одним золотишком затаривались.

Среди раздетых мертвецов, вытащенных из Успенского собора, великого князя владимирского не нашлось. Не сыскали его и во дворце.

И епископ Митрофан обнаружился среди угоревших, и княгиня Агафья Ростиславна со снохами, Марьей да Христиной, и воевода Пётр Ослядюкович, а вот Юрия Всеволодовича не было.

После усиленных поисков к Субэдэю привели икавших от страха писарей, и те поведали багатуру, что Юрий Всеволодович отъехал из города на север, через Ростов и

Углече Поле[1], за Итиль-реку, войско собирать. Брата Ярослава Всеволодовича кликать, Переяславль-Залесский держащего в руце своей, а нынче, поговаривают, и Киев прибравшего. Другого братца, Святослава с дружиною, звать из Юрьева-Польского, а также племянников — Василька Константиныча, от отца получившего Ростов с Костромой «со всею областию Галицкой», и Всеволода Константиныча, что в Ярославле правит да в Углече Поле, и Владимира Белозёрского.

Получив такие известия, Субэдэй-багатур повеселел даже — он терпеть не мог безвестности. Теперь же, когда всё стало ясно, можно было позволить себе и расслабиться, отдать всё время увлекательнейшему занятию — разграблению великого города.

Растаскивалось добро из домов и теремов, со складов купеческих и храмов божьих. Ветчаной город уже догорал, когда занялся Новый, заполыхал в ночи колоссальным костром, красным вздрагивавшим пламенем освещавшим гибель свою принимающий Владимир-Залесский, он же Владимир-на-Клязьме.

Глава 19,

в которой Пончик знакомится и прощается с героями

Когда Пончик мчался «прямоезжей дорогой», стараясь не отстать от Всеволода Юрьевича, мысли не держались в его голове. Тогда он жил одними ощущениями — понукал своего толстого, ленивого коня, которому лишь бы в стойло тёплое забраться да хрумкать овёс, поглядывал на проносившиеся мимо колючие ели, на хмурых дружинников, чьи крепкозадые скакуны пахли конским мылом и пóтом.

---

[1] Ныне Углич.

Княжич Всеволод был упитанным молодым человеком, маменькиным сынком, слабым и трусливым, негодным к строевой службе. Он бежал с поля боя, и получилось так, что владимирцы вторично бросили рязанцев, оставив одного Романа Ингваревича биться с «мунгалами».

Подъезжая к Владимиру, Александр стал искать оправдания князьям, но досада пекла, как слёзы глаза жгут. Если бы Юрий Всеволодович не ротозейничал, не малодушничал, подставляя Рязань и думая отсидеться за лесами, если бы он сразу бросил все свои силы на помощь тёзке своему, Ингваревичу, то они бы вдвоём могли большое войско собрать — тыщ двадцать, как минимум. Да столько же, если не больше, ополченцев согнали бы. Это же сила! И так бы оба князя врезали бы по сусалам Чингизидам, что тем худо бы пришлось. Если бы да кабы... Эх... Конечно, Юрии вряд ли одержали бы победу над татарвой, но они столько ордынцев положили бы, что волей-неволей Батыю пришлось бы вернуться в степи — раны зализывать, живую силу копить для нового похода на Русь. И ещё неизвестно, состоялся бы тот поход или нет. Да, много, очень много народу полегло бы тогда на реке Воронеже, зато и Рязань устояла бы, и Владимир, и вся Русь Святая! И снова «бы», «бы», «бы»...

И ведь всё равно великий князь владимирский потерял и войско, и грады свои! Потерял без толку, растратил впустую силы немалые, распылил их по всей земле владимирской. И что теперь?

Доверил оборону Владимира двум своим недорослям, попросту говоря, бросил город на произвол судьбы, а сам помчался на реку Сить — ждать, пока ему родня полки приведёт. А где ж он раньше был? Послы монгольские у него побывали и к Батыю вернулись — ещё в декабре! Что же он делал целых два месяца? Почему ополчение не собирал? Почему ту же родню не теребил? Может, и правы те шептуны, что уверяют по углам, будто бы великий князь не просто так послов отпустил ордынских, а и пообещал через них Батыю, что не будет вмешиваться. Дескать, бери Рязань, жги её, режь всех,

кого ни попадя, только меня не трогай, дай отсидеться на печи... О-о, это сколько же таких вот трусливых и недалёких политиков насчитывает история! Всех этих любителей сговариваться с врагом, степенно толкуя о подставах и разменах по принципу «ты мне, я тебе». И ума у них не хватает понять, что это игра в поддавки, что враг, довольный глупостью «высокой договаривающейся стороны», сделает своё чёрное дело, примет размену, а после с неоскудевшими силами на тебя же, глупого, и навалится.

«Господи,— вздохнул Пончик,— и в этом веке всё как всегда — дорог нету, а дурачья — навалом...»

Он вспомнил, как потрясал посохом епископ Митрофан и басил: «Чада, не убоимся!» — как пунцовел от стыда воевода Пётр Ослядюкович, посылая на стены мальцов да их матерей. А кого ещё-то? Изо всей дружины одни хромые остались, да калеки, да молодь неопытная. Кого великий князь в Нижний Новгород отослал, кого в Коломну, кого с собою увёл. И некому стало оборонять город на Клязьме...

...Вздрагивая, Александр прислушивался к рёву монголо-татар за стенами Печернего города и сжимал рукоять короткого меча, единственного своего оружия, придававшего хоть тень уверенности. Он чувствовал себя в ловушке — из детинца не убежать, а иначе спастись просто нереально. Владыко Митрофан собрал всех в соборе, они там заперлись и возносят молитвы Господу, но не такого избавления искал Пончик.

Тоскливо переводя взгляд с одного собора на другой, в тысячный раз обшаривая глазами зубчатые стены, он всё пытался изыскать слабину в укреплениях, хоть какой-то выход, хоть норку малую, чтобы забиться в неё и переждать набег, но тщетно.

Услыхав громкую ругань малой дружины, Александр выглянул из-за высокого крыльца терема.

На просторном дворе строились молодые воины и бранили княжичей. Всеволод и Мстислав уговаривали бойцов, покрикивая слабыми голосками:

— Выйдем, поднесём мунгалам дары богатые, они и сменят гнев на милость!

— Да посекут они всех! — грубо оборвал княжичей старый седой рубака.— Нельзя мунгалам верить!

— А что нам остаётся?! — возопил молодой боец в шлеме не по размеру.— Хоть так нас сгубят, хоть этак! Неужели устоим мы против такой-то силищи?

— Знамо дело, не устоим! — поддержали его вразнобой.

— Вот и я то же самое говорю! — приободрился молодой.— А так хоть какая-то надёжа будет!

— Да чего там! — зашумела толпа.— На выход! Айда!

— Выходим! — закричал Всеволод и сорвал голос, «дал петуха».

Дружинники подхватили тюки с дарами и направились к воротам. Последним тащился старый воин. Он хмурился, морщился, плевался, но шёл со всеми. Видать, понял, что в детинце — полная безнадёга.

«Капец...» — мелькнуло у Пончика в голове.

Заскрипели отворяемые ворота, делегация во главе с княжичами двинулась вон — и тут же, сметая дружинников, в Печерний город ворвались монголы. Они валили и валили, ржущие и визжащие кони врывались в детинец, кружа и заносясь, словно не ворота открылись, а плотину прорвало. «Капец!»

Со стен Печернего города открыли стрельбу из луков ополченцы, но их смели оттуда, как мусор, как паутину с потолка.

Ордынцы заполнили детинец, бросаясь к брошенному терему, к битком набитым соборам, к опустевшим гридницам.

Пончик прятался за витыми деревянными колоннами, поддерживавшими галерею-гульбище. Сюда же подъехал молодой, безусый нукер в одной шубе, покинул седло, стал привязывать коня к столбу скользящим узлом...

Позже Александр неоднократно возвращался к этому страшному моменту, прокручивал его в памяти и так и этак, но тогда никакие размышления, никакие соображения не затрагивали его ум. Сработали инстинкты — Пон-

чик рванулся и неумело ударил мечом. Ударил со всей силы, целясь нукеру в спину. Тот успел извернуться, и клинок вошёл в печень. Содрогаясь от ужаса и отвращения, Александр провернул меч и выдернул его из страшной раны. Убитый человек рухнул к его ногам.

Сдерживая тошноту, шепча молитвы, Пончик торопливо поднял малахай, упавший с головы нукера, напялил себе на голову и, так вот замаскировавшись, полез в седло, вырывая из рук мертвеца поводья.

Хлеща плетью недовольного коня, Александр направил его к воротам. Сотни раскосых глаз видели Пончика, но не обратили на него внимания. Или приняли за своего, или не стали разбираться, кто есть кто, торопясь за добычей. Ему что-то кричали, Шурик не отзывался, не оборачивал своё явно не степняцкое лицо.

Длинногривый конь мчал его по улицам Среднего города, мчал, изредка взбрыкивая. Со зла Пончик ударил вредную скотину промеж ушей, и мохноногий угомонился, послушно понёс седока к Торговым воротам.

И в Среднем, и в Новом городе было полно монголо-татар [1], но они так увлеклись грабежами, так были распалены, что не приглядывались к странному всаднику. Ордынцы резали всех подряд — «от юного до старца и сущего младенца», некогда им было отвлекаться...

Александру удалось без помех покинуть Владимир через Золотые ворота, чьи белокаменные стены были закопчены гарью. Не разбирая дороги, Пончик понёсся к ближайшему лесу. Деревья приняли его, скрыли, даруя робкое ощущение безопасности и убережения.

Продираясь через заросли, он заехал в такую глушь, что решил было остановиться и сложить шалашик, но тут деревья расступились, и Шурик выбрался к обители, не замеченной монголо-татарами. Это был Вознесенский монастырь.

---

[1] Привычное со школы название «монголо-татары» грешит нелепицей — как раз племя татар оказало сопротивление Темучину, не желая его видеть владыкой степи. Именно поэтому татар и вырезали «от юного до старца и сущего младенца».

Храбро подъехав к запертым воротам, Пончик постучался. Сверху, в узкую высокую бойницу высунулся дюжий монах и басом осведомился:

— Чего надоть?

— Приютили бы денька на два, что ли! Из Владимира я, татары там, а у вас тут тихо пока...

Монах посопел, с сомнением оглядывая Александра, поскрёб щетину на подбородке и пробурчал, скрываясь:

— Игумена спрошу...

Долго томиться в ожидании Пончику не пришлось. Дверь монастыря, обитая полосным железом, отворилась, и на пороге возник маленький, сухонький старичок в чёрной рясе. Косицы седых волос прикрывал куколь. Это был игумен.

— Чай, из воинов? — проскрипел старичок.— Бежал поди?

— Какой из меня воин,— махнул рукой Александр.— Лекарь я. Из Рязани в Коломну бежал, из-под Коломны сюда. И везде погром, и всюду трупами смердит... Угу...

Старичок покивал.

— Да-а...— вздохнул он.— Беда великая пришла на землю нашу. За грехи княжьи весь люд ответ держит... А вот у нас брат Осип занедужил, не глянешь ли?

— Отчего ж не глянуть? — бодро отвечал Пончик.— Глянем.

— Проходи тогда, мил-человек, спаси душу праведную...

Поклонившись, Александр прошёл в обитель, ведя за собою коня. Во дворе снег был убран, а посередине стояла часовенка. Пончик мигом содрал с себя малахай и перекрестился.

Знакомый уже монах-верзила, назвавшийся братом Вахрамеем, провёл его к хворому Осипу. Хворый дышал хрипло, заводя под сводчатый потолок печальные, как у коровы, глаза.

Пончик потрогал ему лоб — не горяч, но температура есть.

— Открой рот,— потребовал он у Осипа. Тот очень удивился, но исполнил приказ.— Скажи: «А-а!»

— А-а...

— Та-ак... Горло болит?

— Есть маленько.

— Угу... Вахрамей, редьку не сыщешь ли?

— Сыщем, чего ж.

— Как найдёшь, потри её в кашицу. Хватит и одной, если с мой кулак размером. Натрёшь — сюда тащи. Понял?

— А то!

В дверях скрючился игумен.

— Ну, как? — проскрипел он.

— Жить будет,— буркнул Пончик.— Найдётся у вас мёд?

— Знамо дело, держим борти. Есть и дикий лесной. Принесть?

— Несите!

И пошло оказание медпомощи — тряпицу на хилую грудь Осипа возложив, Шурик сверху щедро намазал тёртой редьки, покрыл другой тряпицей, одеяло натянул. Скормил хворому полмиски пахучего мёду, на горло горячий компресс наложил и стал ждать улучшения.

Он сидел на лавке, откинувшись к стене, и очень постепенно, по капельке, выдавливал из себя недавний страх, успокаивался, привыкал к видимости мирной жизни. Признаться, Шурик не верил, что тишина и покой обители — это надолго. Картины пережитого стояли перед глазами, и он мучился томительным ожиданием развязки, ждал криков и ударов в дверь, штурма, пожара, смерти кротких монахов и своей собственной гибели. Но тихо было в монастыре. Прикрытый лесом, он схоронился и не давал о себе знать, будто и не было его. И звонница низка, за соснами не заметят...

Монахов в обители проживало немного, половина из них находилась в преклонном возрасте. Они молились Богу, держали хозяйство, в смирении и кротости проживали дни свои вдали от суетного мира.

Коня, украденного Пончиком у монголов, покормили сеном, а самого «конокрада» угостили наваристыми щами да сытной кашей с мясными обрезками. Вина в монастыре не держали, зато горячий сбитень готовили на славу.

Осоловевший, до смерти уставший Александр удалился под вечер в свободную келью и прилёг. От решётчатого оконца, хоть и заделанного слюдой, ощутимо несло холодом, но толстое овчинное одеяло обещало сон в тепле. Иное тревожило Пончика — обитель скрывалась за густым ельником, но мирская суета заглядывала и сюда — после того как погас закат на западе, полнеба воспылало на востоке. Это горел Владимир.

Шурик лежал под одеялом, моргая на низкие своды, по которым перебегали тусклые красные отсветы, и думал. Доберутся ли сюда монголы? Спасётся ли обитель — и он вместе с нею? Будем надеяться, что спасётся... И что? Дальше-то что делать? К следующему князю идти? К какому? Или на Сить переться? А зачем?

— Господи...— прошептал Пончик в тоске.

Как же он не хочет всей этой «свинцовой мерзости жизни»! Как же горячо его желание избавиться от этого ада, где кровь стынет на снегу! Но что толку? Он, как тот ребёнок малый, что глаза зажмурит и думает, что от этого чудища исчезают. Не-ет, малыш, когда ты закроешь глазки, монстры как раз и приступят к обеду — поотку-сывают твои ручки и ножки, кишочки всосут, аки макаронинки... Господи, что ж ему делать-то? Как жить? И где? И с кем? Война идёт, и жизнь проходит... Страшно жить в этом времени, ох и страшно. Главное, ни в чём уверенным быть нельзя, даже в том, что ты завтра проснёшься живым, что не зарежут тебя, не спалят твой дом, не порубят сыновей, не надругаются над женой и дочерью. А уж если в основе основ полагаться не на что, то как вообще жить? Сегодняшний день проживать, не загадывая на завтра, как зверушки с пичужками? Так я ж человек вроде, мне по чину полагается о будущем думать, планы строить, надежды лелеять, мечтать. Но живут же как-то местные! Прожили день — и рады-радёшеньки, что не сгубил их никто, не разорил грабежом или податями, не отличимыми от сущего разбоя.

Ах, до чего же спокойно в будущем! Ни забот, ни хлопот. Иным ещё и скучно становится, кровь в них играет,

адреналину требует, и начинают экстремалы по лезвию бритвы хаживать, утех искать на грани смерти, придумывать себе опасности, недополученные в обычной жизни. Сюда бы их, в это время дурацкое, где вся жизнь — сплошной экстрим! То-то бы натешились!

Может, в Европу податься? А что Европа? Там сейчас такие же сволочные порядки, как и на Руси. Такие же вельможи разгульные, только не князья, а графья разные да маркизы. И грязь везде, смрад, улицы-помойки, улицы-уборные, и скоро начнутся поветрия, придёт чума. А святая инквизиция уже пришла, наверное, еретиками небо коптит... Господи, куда ж ему податься?

Так ничего и не решив, Александр уснул.

Два дня спустя Пончик, как и обещал, собрался покидать Вознесенский монастырь. Осип пошёл на поправку, уже и голос свой блеющий присоединял к братии, служащей молебен. Монахи собрали Александру еды в дорогу, а после и огорошили странствующего лекаря известием о том, что отец Мокий, игумен тутошний, благословил брата Вахрамея в дальний путь, на битву с ворогом.

Надо ли говорить, как рад был Пончик! Вдвоём-то завсегда веселее, особливо ежели твой товарищ высок и статен, косая сажень в плечах, а в руках такая силища, что вот сойдётся Вахрамей с медведем, неизвестно, на кого ставить и кого жалеть.

Вывел монах крепкого, под себя, коня, и поскакали они с Александром к северу, далеко обходя разорённый Владимир. Впрочем, предосторожность оказалась излишней — тумены уже покинули стольный град. Истоптанные снега, перемешанные с грязью и навозом, указывали путь к Юрьеву-Польскому. Пончик и Вахрамей, как Санчо Панса и раздобревший, накачанный Дон Кихот, направили коней туда же.

— Ежели наших искать,— рассудительно сказал Шурик,— то князья на реку Сить подались, додумались наконец-то собраться вместе и ударить сообща. Все, конечно, не придут, под руку Юрия Всеволодовича не встанут,

гордыни в них пуще дурости намешано... Я уж и не знаю, к кому там пристать. Угу...

— Проберёмся на Сить,— решил монах,— там и сыщем, к кому приткнуться. Князей много, им бы ишшо ума поболе да сраму... Цены б им тогда не было!

— Что да, то да,— вздохнул Александр.— Да они везде такие, не одни мы маемся с горе-владыками.

— А ты бывал ли в странах дальних? Видал ли, как оно живётся за морем-то?

— Бывал...— протянул Пончик.— И в Константинополе бывал, и в Риме, и у арабов.

— Ух, ты! Повествуй.

И Александр принялся повествовать, следя за тем, как бы не брякнуть лишнего — всё ж таки, триста лет минуло, много чего переменилось, но откуда монаху из затерянной в лесах обители знать, как оно было раньше и как стало теперь?

— Константинополь, он большой, на нём Владимиров штук пятьдесят уместится. И народу столько же. Дома там все каменные или из кирпича, и улицы камнем мощены — у нас брус деревянный стелят, а у них плиты гранитные да мраморные. И там стоит самый великий храм на всём белом свете — собор Святой Софии. Он очень, очень большой. Весь ваш монастырь под куполом его уместится.

— Да иди ты! — сказал Вахрамей впечатлённо.

— Вот те крест! А рядом дворцы императорские, их много, один другого краше. Священными Палатами прозываются. Император может вообще дворцов своих не покидать — там у него всё есть, и церкви свои, и бани, и всё что хочешь. И ещё там есть Ипподром...

— А это что за диво?

— А это... Понимаешь, Вахрамей... Ну, это как огромное поле, а вокруг него много-много лавок — на сто тыщ человек. Ближние лавки пониже, дальние повыше — чтоб всем видно было.

— А что видно-то? Они что, поля не видали?

— А это не простое поле, они там состязаются — на конях скачут, кто кого быстрее, а самого быстрого золотом награждают.

— Здорово...— протянул Вахрамей, убеждённый в том, что «Ляксандра» брешет про всякие «подромы», но как же складно у него выходит!

Время текло незаметно, припасов хватало. На ночь устраивались у костра, запаливая долгогорящую нодью [1], а с утра двигались дальше.

Выйдя к Юрьеву-Польскому, спутники пришли в изумление, обнаружив город несожжённым, а жителей его живыми и здоровыми. Всё объяснялось просто — Юрьев-Польский [2] не сделал и попытки к сопротивлению, зато исполнил в точности все требования Бату-хана. И данью откупился, и коней дал, и кормов, и припасов разных.

Юрьев-Польский представлял собой совершенно круглую в плане крепость, занимавшую мыс между речкой Колокшей и её притоком Гзой. Таким образом, речная вода обороняла город с востока, юга и запада. Трое ворот вело в Юрьев-Польский, а дороги к тем вратам обступали посады. Городишко выглядел чистеньким и приятным. Над стенами возвышались купола новенького Георгиевского собора, неподалёку поднимались колоколенки Михайло-Архангельского монастыря.

— Гляди-ко,— кивнул Вахрамей,— народ, что мураши, бегает, когда в муравейник веткой ткнёшь. Видать, прижали их татары! Вытребовали, что хотели, а этих теперича жаба душит!

— Похоже на то,— кивнул Пончик.

---

[1] Костер из двух-трех бревен, уложенных вдоль направления ветра, что препятствовало задуванию огня. Такой костер способен гореть всю ночь. Позволяет обогреваться и сушить одежду сравнительно большому количеству людей одновременно.

[2] Обычно принято и Юрьев-Польский, и Переяславль-Залесский записывать в жертвы монголо-татар, якобы взявших их штурмом. Однако даже летописцы, известные лакировщики действительности, когда повествуют об этих городах, употребляют глаголы «взяша», «плениша», «воеваша», но не «пожгоша», «убиша», «избиша», «огневи предаша». Рашид-ад-Дин, правда, утверждает, что после Владимира монголы осаждали ещё одну крепость — «Кыркла», взяв её на пятый день. Но утверждать, что эта «Кыркла» и Переяславль-Залесский — один и тот же город, наверное, не стоит...

Проехав по слободе, они наткнулись на величественного старикана с седою бородой, спадавшей на широкую грудь,— надо полагать, богатырём уродился дедок.

— Старче,— обратился к нему Александр,— давно ли монголы прошли?

Дед насупил густые белые брови, пошевелил ими и ответил, складывая руки на клюке:

— Вчерась были. Много сена позамали, да жита, да овса... И себя тож не обидели — отхватили мясца с хлебцем, да под винцо...

— Не обижали?

— Дык, кто обиду не спустил, тех похоронят скоро. Мало таких сыскалось, перевёлся народишко. Вот в наше время...

— А куда они потом двинулись? — перебил старика Пончик.

— Мунгалы-то? А кто куда...

Из долгих расспросов дедка нарисовалась общая картина: отсюда, от Юрьева-Польского, монголы двинулись облавой по всему краю, разыскивая беглого великого князя Юрия Всеволодовича, рать собиравшего. Один тумен ушёл к северо-востоку, к Костроме и Галичу, основные силы устремились на запад, к Волоку Ламскому и Твери — и «Батыга», и «Себедян-богатырь», и «У рдю», и «Куюк», и «Меньгу», а тумен «Бурондая», усиленный булгарской конницей и пешцами из Нижнего Новгорода [1], направился на север, к Переяславлю, к Ростову, к Угличу.

— Ищут князюшку,— пробурчал Вахрамей.— Найдут — не сносить ему головы... Двинем и мы туда же, что ли? К Переяславлю?

— Двинули,— кивнул Пончик, жестоко страдая. Прав был Олег — нету единства на Руси! И долго ещё не будет. Да и сама Русь — где она? Жили-были нижегородцы, служили Всеволодовичу. Пришёл Джучиевич — служат ему... Зато живы. А ежели лишний раз и прогнутся в по-

---

[1] Об участии нижегородцев в войне на стороне ордынцев упоминает булгарская «Летопись Гази Бараджа».

клоне, так от этого ещё никто не помер. Наоборот, гибкость появляется, здоровью на пользу...

До Переяславля-Залесского Пончик с Вахрамеем добирались лесными тропами, пока не вышли на Берендеево болото, из коего вытекал Трубеж, впадающий в Плещеево озеро. Здесь-то и вышла у Шурика встреча со старым знакомцем.

Вахрамей, ехавший позади, вдруг насторожился. Прислушался. Александр, почувствовав тревогу, тоже уши навострил — и услышал не слишком далёкий шум голосов, конского топота, лязганья всякого. Неужто монголы так близко?! Да нет, не может того быть — Бурундай должен впереди них находиться!

— Нешто наши следуют? — подивился монах.

— Откуда?

— Знать бы... Да точно тебе говорю — наши!

Вскоре из густого бора показались конники в кольчугах, в шлемах с остриями, с миндалевидными щитами. Богатыря на гнедом коне Пончик узнал сразу.

— Кто такие? — прогудел богатырь.

— Не признал, Евпатий? — крикнул Александр, улыбаясь радостно.— Пр-рывет! Я это, «мунгал»! Помнишь?

— А-а...— Борода Коловрата разошлась усмешкой.— И ты тут. А это кто с тобой?

— Брат Вахрамей,— церемонно представился монах.— Вознесенской обители игуменом Мокием благословен на подвиги ратные.

— Да-а...— ухмыльнулся Евпатий Львович.— Такой братишка татаровьё, как дрова, порубит!

— А то!

Выезжавшие из леса воины всё теснее обступали смешную парочку, «мунгала» и «мниха». Иные улыбались, а кто-то и рожу кривил.

— А вы-то куда путь держите? — осведомился Пончик.

Улыбавшееся дотоле лицо Евпатия исказилось гримасой лютой злобы.

— Татарву догоняем,— процедил он,— а как нагоним — кровь пустим! Видал ли, что они с Рязанью сделали? А с Владимиром?

— Был там. Возьмёте нас с собою?

— А чего ж? — Добродушная улыбка снова вернулась к Евпатию.

Боярин чмокнул коню, и тот послушно тронулся по снегу, сам выбирая путь в лесу. Пончик пристроился рядом.

— Что ж теперь будет? — тихо спросил он.

— С кем? — спокойно спросил Коловрат.— С нами? Сгинем, вот и вся недолга...

— Я имел в виду — с землями вашими... нашими.

— А что с ними станется? — усмехнулся Евпатий.— Найдётся хозяин... Уже нашёлся! Али ты не слыхал о Ярославе Всеволодовиче?

— Говаривали, в Киеве он,— осторожно сказал Шурик, не выдавая своей осведомлённости,— вроде как княжить там собирался...

— Собирался, да не собрался. Здесь он, то ли к Твери ближе, то ли к Переяславлю своему. Да не в том дело-то. Ярлык получил Ярослав Всеволодович! Ярлык на княжение, из рук самого Батыги! Он теперича великий князь владимирский! Так-то вот. Согласился и десятину в Орду платить, и сына своего Константина туда отдаёт в залог собственного смирения да послушания. Во как!

— Быстро скумекал князюшка,— прогудел Вахрамей.

— Всегда таким был,— процедил Коловрат.— И что ему мунгалы? Такой нигде не пропадёт — говно в воде не тонет!

Пончик промолчал — с таким трудом выпестованный символ веры — в мудрых и храбрых князей, в удалых витязей, изнывавших от горячей любви к родине,— расплывался, как гнилой корнеплод. Где она, мудрость и храбрость княжеская? Один всё развалил и бегает теперь, судорожно собирая разваленное, а другой спешит выслужиться перед новой властью и править городом, где тысячи мертвяков, сложенных штабелями, дожидаются

тёплых дней, когда заступ возьмёт промёрзшую землю и можно будет вырыть братские могилы...

С другой стороны, не все же витязи подчинились Батыю. Вон, Коловрат торопится как, жаждет догнать татар и отомстить. Всё припомнив — и Рязань, и Коломну, и Владимир.

— И много у тебя оружных? — поинтересовался Пончик.

— Тысяча наберётся,— улыбнулся Евпатий,— а с тобой ещё больше.

— Не дал тебе полков Михаил Черниговский?

— Не дал...— вздохнул Коловрат.— Говорит, самому нужны. Три сотни со мной послал, все они здесь. Остальные по дороге прибились. Тут и рязанцы, и коломенцы...

— Скажи честно, ты надеешься победить?

— Нет,— жёстко ответил боярин.— Горит у меня всё внутрях, палит нестерпимо! И пока я этот адов огонь в себе не затушу, не будет мне успокоения. А тушат его кровью поганой, татарской кровью...

— Смертью смерть поправ...— пробормотал Александр.

— Чаво-чаво?

— Догнать бы, говорю!

— Догоним, куда они от нас денутся...

Тысяча Евпатия Коловрата скакала до самого вечера, а на рассвете голодные и не отдохнувшие кони понесли дружину дальше. За Переяславлем-Залесским, одарившим монголов всем, что те просили, а посему не познавшим ни огня, ни меча, тысяча мстителей напала на след тумена Бурундая и в тот же день налетела на татарский арьергард.

— За Рязань! — взревел Коловрат, выхватывая меч, и погнал коня в атаку. Пончик мельком заметил, как лицо Евпатия искривила мрачная улыбка.

Дружина набросилась на монголов, и пошла сеча, пошла рубка — уцелевшие рязанцы, коломенцы, да и черниговцы буквально осатанели. Мечи их и секиры кроили

ордынцев, подрубали головы, а когда доспех не поддавался клинку, доставалось коню.

Вот лошадь-«монголка» с разрубленной шеей падает на колени, пачкая снег гривой, смоченной кровью, и заваливается на бок. Всадник не успевает вынуть ногу из стремени, и уже конь Евпатия наступает монголу на плоское лицо.

Вахрамей, сжимая ногами своего конька, махал секирой направо и налево, приговаривая:

— Прости, Господи! Прости, Господи!

От его могучих ударов не спасал никакой куяк — то, что секира не могла разрубить, она раздавливала, плющила, крушила черепа и кости.

Пончика зажало между черниговцами, тёмноусыми парнями в чешуйчатых панцирях. Черниговцы отбивались от монгольских всадников, свирепо пластавших воздух кривыми саблями. Лица ордынцев были оскалены, но выражали не страх вовсе, а ярость — как это их, победителей целого мира, бьют жалкие оросы?! А жалкие оросы наседали так, что ни вздохнуть, ни охнуть,— бешеное мелькание клинков сливалось в переливчатое мельтешение, а лязг скрещиваемой стали был настолько част, что уши воспринимали слитный, громовой дребезг.

Дружина Евпатия вклинилась в монгольский тумен и стала расходиться крыльями. Этим тут же воспользовались степняки — их визжащие кони врезались в строй оросов, разделяя его по-своему.

Коловрат, забрызганный кровью врагов, отдал приказ трубным гласом — дружинники развернулись и накинулись на ордынский клин.

Хряск костей, отвратительный чавкающий звук рассекаемой плоти, противный запах проливаемой крови вызывали у Пончика тошноту, мир вокруг плыл, подавляя рассудок совершенно невозможным, богопротивным деянием — смертоубийством. Всё в Александре восставало против того, чтобы лишать людей жизни, но для Евпатия сотоварищи монголы не принадлежали к роду человеческому, их вела жажда возмездия, жажда воздаяния.

И если Пончик подходил к самой грани между добром и злом, то Коловрат давно уж был за нею.

Рязанцы с коломенцами бились отчаянно, из последних сил, одерживая верх уже потому, что не боялись умереть,— их обожжённым, оголённым душам было всё равно, лишь бы одно, последнее желание исполнить поскорее — умертвить столько татар, на сколько хватит сил и самой жизни.

Монгольские сотни наседали и наседали, живые и сильные замещали убитых и покалеченных, а вот бойцам Коловрата смены не ожидалось — это был их последний бой.

Ударили с разбегу копейщики, сминая левый фланг дружины, и тут же расступились, освобождая дорогу для лучников. Калёные стрелы полетели в витязей, сражая наповал.

Дружина стала таять. Пончик в полном отчаянии кидался то к одному раненому, то к другому, но проку было мало — дружинники отмахивались от него и рвались в бой. Стрела в ноге застряла? Ну и что? Разве ж мне ногой меч держать? Грудь пробита? Ну так не сердце же... И Александр опускал руки — ежели человек желает умереть, то тут медицина бессильна.

Ордынцы перебили почти всех, в живых осталось едва ли полста человек. Всё это время бой смещался в сторону, оставляя в кровавом снегу сотни мёртвых людей и конских трупов.

Евпатий Коловрат, без шлема, без коня, ступая тяжело, лишь бы не упасть, сошёлся в поединке с монгольским багатуром Хулабри по кличке Хамхул [1]. Багатур тоже скинул шлем вместе с малахаем, и начался поединок. Хулабри был так силён, что сабля в его лапище казалась детской игрушкой, несерьёзным ножичком.

Смертельно уставший Коловрат лишился быстроты удара, но и Хамхул не отличался ею, по жизни надеясь не на скорость, а на силу. Он мог легко раскроить человека от плеча до паха, но отличался неповоротливостью. Это

[1] *Хамхул* — перекати-поле (*монг.*).

уравнивало шансы поединщиков. Схватка не затянулась — серия ударов перемежалась с отбивами, и вдруг Евпатий открылся, то ли по нечаянности, то ли желая того. Хулабри тут же сделал выпад, вонзая саблю рязанскому боярину под свисавшую кольчугу, а боярин нанёс ордынцу страшный удар, подрубая могучую шею до кости. Опустив меч, Евпатий стоял, склонив голову,— широкая грудь работала, как кузнечные мехи. Проведя ладонью по животу, боярин безразлично поглядел на красное, окрасившее пятерню.

Хулабри не устоял первым — выронив саблю, заливаемый кровью, он шевелил непослушными губами, затем выговорил, пуская розовые пузыри: «Мункэ коко тэнгри...» [1] — и рухнул наземь.

Коловрат продержался дольше — тень улыбки мелькнула на его запекшихся губах — и упал, как стоял, навзничь, не выпуская меча из руки.

Ордынцы взвыли, и человек сорок рязанцев, последних из дружины Евпатия, подняли оружие, готовясь дорого продать свои жизни. Загородился своим мечом и Пончик.

Но бой ему принять не пришлось — начальственный окрик «Ха!» остановил резню.

На белом коне подъехал сам Бурундай, с ним рядом остановился половец, пожилой воин с бестрепетным взглядом.

— Что вы хотите? — спросил он по-русски с гортанным акцентом.

Вахрамей, стоявший рядом с Александром, разлепил губы и ответил:

— Умереть. Прости, Господи...

Выслушав перевод, Бурундай покачал головой и что-то сказал вполголоса.

— Вы великие воины,— громко передал его слова половец,— такие рождаются не для смерти, а для славы.

Прискакал молодой нукер и передал ему мешок, в котором что-то глухо перекатывалось. Пончик подумал по-

---

[1] *Мункэ коко тэнгри* — Вечно Синее небо (*монг.*).

чему-то, что в мешке деревянные ложки. Но там оказались пайцзы, вырезанные из клёна.

Пожилой половец покинул седло и лично раздал уцелевшим оросам по пайцзе в руки. Досталась такая и Пончику.

А ордынцы выхватили сабли, вскинули их вверх, оказывая достойным врагам воинский почёт, и трижды проревели:

— Кху! Кху! Кху!

Шурик стоял, вытянувшись по стойке «смирно», в одной руке сжимая меч, не обагрённый кровью, в другой — пайцзу, и думал, что, сразившись с монголо-татарами, Евпатий Коловрат вряд ли искупил прегрешения князей, унизивших и оскорбивших Русь святую, но, раз уж сами ордынцы почтили его память, значит, тут, прямо на его глазах, совершился всамделишный подвиг.

— Вечная слава героям...— выговорил он чужое, затёртое выражение, вдруг ставшее своим, истинным и к месту.

— Вечная слава,— отозвался Вахрамей.— Прости, Господи...

Глава 20,

в которой Олег становится на постой

Бату-хан правильно оценивал угрозу, исходившую от великого князя Юрия Всеволодовича. Достаточно было вспомнить, сколько нервов монголам помотал хорезмшах Джелал-ад-Дин — войско непобедимого Чингисхана отняло у него великолепный Хорезм, завоевав и Самарканд, и Бухару, и Ургенч, но шах, скрываясь то в пустыне, то в горах, добрых десять лет боролся с захватчиками то в открытом бою, то партизаня. После смерти Священного Воителя эта головная боль передалась по наследству хану Угедэю. Джелал-ад-Дину однажды удалось даже восстановить ненадолго независи-

мость Персии, изгнав оттуда ордынцев и провозгласив себя, любимого, султаном. И только смерть хорезмшаха позволила Угедэю добиться покорности в Персии и Хорезме и раздавить мятежников в горах Курдистана.

А теперь уже Бату-хана жизнь заставляет считаться с опасностью подобного рода — Юрий Всеволодович ушёл в леса не отсиживаться, а отдышаться лишь, собрать силы и нанести ответный удар. И в этом отношении место для военного лагеря на реке Сити было выбрано идеальное. Здесь можно было сохранять такие пути сообщения с Новгородом, которые монголам невозможно было прервать: даже если перекрыть главную речную дорогу, то оставалось бесчисленное количество лесных троп. С другой стороны, собранные под руку великого князя войска имели неограниченные возможности для манёвра — удары с Сити можно было наносить хоть в центр княжества, хоть по окраинам — расстояние до Твери, Переяславля или Ярославля было одинаковым. И скрываться в дебрях удобно — выставил небольшие заградотряды, и всё, врасплох не застанешь.

А посему в последние дни зимы и первые весенние денёчки между Батыем и Юрием Всеволодовичем шла гонка — кто быстрее. Успеет великий князь скопить достаточно сил — ход войны может измениться не в пользу Орды.

Примечательно, что заветные желания владимирца, потерявшего Владимир, стали сбываться — на Сити раскинулся целый передвижной город, огромный лагерь вытянулся вдоль реки, а полки продолжали прибывать — подошла дружина Святослава, бойцы Василька Константиновича присоединились к рати, спешил к брату Иван Всеволодович с малым войском из Стародуба. Не меньше тумена набралось ратников, но великий князь всё Ярослава Всеволодовича поджидал, надеясь на полки новгородские. Если бы подоспел Ярослав, то можно было бы и одолеть супостата...

Право же, если бы братьям удалось сплотиться, они могли бы нанести громадный урон Батыеву войску. Именно урон — победа им не светила в любом случае.

Если бы, однако, княжеские полки ударили бы по туменам сообща, то монголам оставалось бы одно — спешно отступать, уходить в степь.

Скорей всего, Бату-хан сделал бы вторую попытку, чтобы взять реванш — года через два-три. Выступили бы и тогда князья заедино? Бог весть. Но опыт у них появился бы, стало быть, могло и хватить разумения на то, чтобы не чваниться зазря, а выступить общим войском. Если бы они и во второй раз одержали верх, то вся история дальнейшая пошла бы совсем иным порядком. Не возвысилась бы никогда Москва, так и осталась бы за обочиной пути развития. Владимир бы укрепился, рано или поздно сцепился бы с Новгородом. И Киев с Черниговым, поглядывая на северного соседа, тоже могли бы пойти на укрупнение. И кто бы кого одолел в этом тройственном союзе, неясно, но это уже совсем другая история, в которой нет места игу...

Помнил об этом и Батый, потому и не спускал глаз с севера, ожидая удара и готовясь к нему.

По следу великого князя шёл Бурундай. Этот темник не был ханского происхождения, как и Субэдэй, и было меж ними ещё одно разительное сходство — оба выдвинулись исключительно благодаря своим полководческим талантам. Бурундая и послал Бату разобраться с Юрием Всеволодовичем, наказав не возвращаться без головы великого князя...

...У Переяславля-Залесского ордынцы попали под смирный снегопад. Позже замела косая метель, а пополудни и вовсе завьюжило. Бурундай уже решил было остановиться и переждать непогоду, однако ветер стих, перестал подбрасывать снег горстями и завивать вихорьками. Лишь морозный туман повивал землю.

Совсем немного проехал тумен по свежей пороше, и за берёзовой рощей открылся Переяславль.

Город лежал в долине Трубежа, у Клещина озера. Юрий Долгорукий стал первым ростово-суздальским князем, обживавшим Залесскую Русь. Он и велел кре-

пость ставить в устье Трубежа, дав ей имя Переяславля Нового. Словцо «новый» помаленьку отпало, а прозвание «залесский» пристало.

Переяславль-Залесский стоял удобно: на кратчайшем промежутке дороги между Волгой и её верховьем — через Оку, Клязьму, Нерль-Клязьминскую, Трубеж, Клещино озеро, Вексу, Сомино озеро и Нерль-Волжскую: «путь из булгар в Новгород».

...Олег выехал на горку, поросшую берёзами и липами. Хорошее тут было место — лес трещит от сорочьего крику, в овраге лисы шмыгают, по снегу рыжиной пылая. Среди густых темнеющих елей светло сияют берёзовые стволы. И Переяславль удивительно вписывался в эту красивую местность, подходя ей, как камень оправе.

Город надёжно опоясывали высокие насыпные валы, глинистые и обильно политые водою, чтоб лёд намёрз. Ров — по местному «гробля» — опоясывал город дважды, стены поднимались в три сажени, прикрытые заборолами.

— Брать будем? — прямо спросил Олег.

— Да нет...— затянул Изай Селукович. В голосе его прозвучала доля сожаления.— Вроде как договорились хан с Ярославом Всеволодовичем, а тут его вотчина... Но и своего не упустим!

Тумен стал подтягиваться к Берендеевским воротам города, на башнях и стенах забегали военные и гражданские, создавая несуразную толпу.

Сухов решил, что переяславцы чувствуют себя по-дурацки. В самом деле, Рязань пожгли, Владимир пожгли, по всему выходило, что черёд Переяславля настал огонь и меч принять, да и сгинуть. Ан нет, князюшка выкрутился, подсуетился, прогнулся — и выгадал мир себе и подданным своим.

Об этом в городе судачили который день, но одно дело — говорить, и совсем другое — поверить в то, чего как бы и быть не должно.

И вот стояли переяславцы на стенах града своего и не знали, на что же им решиться — то ли ворота открыть «мунгалам», то ли бой принять.

Их колебания разрешил Изай Селукович, крикнувший недовольно:

— Отворяй!

И горожане, оцепеневшие на стенах, будто проснулись — зашевелились, забегали, засуетились. Створки ворот дрогнули, с них облетел снег, и они пошли отворяться. Да и то сказать, что проку за воротами сидеть, коли мост через ров целёхонек? Не стали его жечь, князю своему поверив, а теперь чего ж? Авось и город уцелеет, не спалит его татарва...

Бурундай подбоченился и въехал на улицы Переяславля, как победитель. Следом за ним ступали кони, везущие алгинчи с тугами в руках. И пошли, и пошли — сотня за сотней, тысяча за тысячей.

В тумене Бурундая насчитывалось куда более десяти тысяч бойцов, считая пешцев из Нижнего Новгорода, примкнувших к Батыю. Пешцы тоже ехали верхом, хотя кавалеристами не были — начнись бой, и они покинут сёдла, поддержат истинных конников в пешем строю. Но путь-дорогу ратники одолевали на конях.

Тут же и булгары проезжали, с прошлого года — вассалы Белой Орды. И мордва, и башкиры, и буртасы — всех призвал хан Батый. Можно сказать, что Бурундай вёл «большой тумен».

А население Переяславля-Залесского не знало, бедное, что же ему делать — то ли прятаться, то ли встречать незваных гостей, которые, известно, кого хуже. Вот и топтались на улицах в растерянности, скрывая гнев и смущение, жались к стенам, озирались загнанно.

А нукеры вели себя непринуждённо, как дома,— гоготали, шутили, скалились. Да и чего им стесняться было? Вздумай горожане войско созвать — соберут полк втрое меньше тумена. И что с тем полком станется? Да размечет его тумен, рассеет, в снег вроет. И возгорится Переяславль...

Первыми опомнились священники — радостно, звонко ударили колокола. Архиерей в полном облачении покинул Спасский собор, и давай кадилом махать, спокой-

ный, торжественный, величественный даже, а служки выпевали дрожащими голосами здравицы, привечая монголов.

Городские бояре вышли одетые в шубейки попроще, чтобы зря не мозолить глаза богатством, выстроились в ряд, поклонились Бурундаю и иже с ним.

Олег осматривался с интересом, примечая взгляды и выражения лиц, но сохраняя невозмутимость.

Жители словно на ходу ориентировались, решали, как держать себя, что говорить, о чём умалчивать. Нукеры дисциплину блюли: сказано — не трогать город, и не будут. Не все, правда, боялись наказания, находились лихие ребятки, кому и Яса не указ. Они разбредались по городу, подальше с глаз командирских, и потихоньку грабили местных — отбирали монету и ожерелья, перстни, серьги, гривны шейные — всё, что можно было легко спрятать. Переяславцы гневались изрядно, но тайком, кулаками потрясали, но так, чтоб их видно не было, ругали и хана, и князя, но дома, при своих, без свидетелей. Да и что им было делать? Бурундаю жаловаться? А он поймёт? А поверит кому? Не-ет, качали головой потерпевшие, ну их к лешему! А то как бы чего не вышло...

Монголы, не чинясь, пошли по дворам — брать корм для лошадей. Горожане за голову хватались — разве ж на всех напасёшься? Придёт этот... эта... вонючка плоскорылая, распахнет лапы загребущие, и охапки сена как не бывало. И таких вонючек, считай, пятнадцать тыщ! И каждому дай! А нету сена — зерном возьмут, зачерпнут так, что сердце обрывается...

К вечеру Переяславль выглядел странно, как некая помесь русского града с половецким Шаруканем — повсюду, на улицах и перекрёстках, на площадях перед храмами вставали юрты и шатры, разжигались костры. Татарва устраивалась на ночлег. И уже не коней кормить пришла пора, а людей.

Что тут станешь делать? В отсутствие князя боярам его думать пришлось, соображать, да побыстрее, а то прогневаешь этих «копчёных», они и забудут про то, что

обещали, да как пойдут по улицам куролесить да озорничать — злая тогда выдастся ночка! Ох, и злая. Уж лучше перетерпеть, поступиться частью малой, нежели потерять всё и навсегда.

Закряхтели бояре, с купечеством скинулись, решили угостить гостей дорогих по обычаю, досыта и допьяна. Бурундай не огорчил их отказом...

И пошло-поехало. Загорелись костры, растопились печи. Выпивку ставили бочками, закуску — столами накрытыми.

Джарчи, смеясь, подхватывал хлебы и мясо, не слезая с седла — остриём сабли. Тайчар и Хуту прибрали с собой весь стол, яствами уставленный, и подтащили к костру. Там и устроились — греться и насыщаться.

Изай Селукович позаботился о своём десятке, прикатил бочоночек вина херсонского да колбас приволок грудy целую, нацепляв кольца на копьё.

— Постоим до утра,— оживлённо сказал арбан.— Советую найти какую-нибудь вдовушку, Хельгу, и устроиться к ней под бочок, хе-хе...

— Так я и сделаю,— улыбнулся Олег.

Монголы, как он заметил, не разбредались особо, держались вместе, не решаясь пойти заночевать в избах. Мало ли... Зарубят ещё хозяева и в погребе зароют. Оросы, как медведи,— с виду добродушны, а как выведешь из себя, мигом заломают...

Что интересно, нижегородцы, ханом призванные, тоже не спешили расходиться. Судя по их лицам, срам и позор не мучили их — какая разница, кому служить? Лишь бы добыча не проходила мимо. Но, видимо, опаска жила в пещах. Мало ли... Уж они-то знали своих соплеменников куда лучше «мунгалов» и доверия к «своим» не питали нисколько.

— Садись, Хельгу,— пригласил его Изай,— отведай винца! Долгий путь проделало оно с тёплых южных берегов до сих суровых краёв, а солнце в себе сохранило. Пей, согреет!

Олег подумал-подумал и присел на расстеленную кошму, подставил свой аяк. Вино было красным и души-

стым, кисло-сладким и тёрпким. Пилось легко, но крепость имело. Сердце, и впрямь, будто жар солнечный по венам прокачивало, грея нутро и туманя мозг.

— А что,— невнятно спросил Судуй, отгрызая мясо,— если ханы и князья вместе править станут? Если лес и степь едины будут?

— Не будут,— затряс головой Джарчи.

— Чего это — не будут? — воспротивился Судуй.— Мы на конях, и они на конях. Мы мясо едим, и они не прочь. В чём разница? Говорим иначе? Хо! Хорошо ли ты понимал тангутов? А теперь они по-нашему балаболят лучше, чем мы с тобой!

— И вера не помешает,— добавил Хуту,— в Орде много крещёных.

— Вот-вот!

Джарчи вытер жирные губы рукой и обтёр её об шубу.

— Ничего-то вы не понимаете,— важно сказал он и передразнил Судуя: — «Вместе!» Кто ж власть делит? Каждому ведь хочется всю её себе забрать, без остатка. Добычу и то делят не поровну, а тут — власть!

— Всё-то вы верно говорите,— вступил Изай,— а главного не смыслите. Разные мы. Вот я всю жизнь прожил с оросами, а всё одно в степь ушёл! Почему? Да потому что оросы — народ оседлый, они в городах живут и в деревнях. Где родились, там и женятся, там и хоронят их. А нас, попробуй-ка, привяжи! Кочевой мы народ, степняки, не держимся на одном месте. Всё по степи ходим, простор любим.

— Мы как перекати-поле,— вставил Судуй.

— Ой-е, не так говоришь. Перекати-поле катится туда, куда ветер дует, а нами ветер не правит, мы своим умом живём — гоним скот в нужную нам сторону.

— А я бы не смог в избе жить,— сказал Джарчи.— Как это — в четырёх стенах запереться?! Что там увидишь?

— А что ты увидишь в степи? — не сдавался Судуй.— Степь? Откочуешь к другому морю, а и там та же трава! Орос видит всю жизнь деревья, ты от рождения до смерти видишь траву. А разве плохо жить между лесом и

степью? Весной в степи хорошо, привольно, а когда лето кончается, пыль одна кругом и сухая трава. Самое время в лес уходить! В лесу и буран не страшен — ветер запутается в деревьях...

— Ночевал я в избах,— вступил в разговор Тайчар,— тепло в них, и стоят крепко, никакой ветер не завалит. Сгореть, правда, может, так ведь и юрту поджечь недолго. Мне другое не по нраву. Я вот лежал в избе на лавке и думал: вот построил я дом. Живу в нём день, живу год. И так всю жизнь? Годами выходить на крыльцо и смотреть на одно и то же? Нет, это не по мне... А юрта — что? Поставил — и живи. Надоело — снял и сволок на новое место. Там поставил...

— Ага! — фыркнул Судуй насмешливо.— Как будто на новом месте ковыль другой растёт! Степь одинакова, как шкура медведя. Вон, как оросы дорогу ищут: выйдут из леса у большого камня, пройдут до раздвоенной сосны, свернут на реку и там, где русло изгиб делает, перейдут вброд. А в степи примечать нечего! Почти что. Мы в степи по звёздам ходим, по солнцу, ветер нюхаем, траву в пальцах трём. Так и находим, что ищем.

— То лес им подай,— проворчал Джарчи,— то сразу и лес, и степь. А ты подумал, где я в лесу скот пасти стану? Там же мои табуны заблудятся! В болоте утонут, медведю достанутся...

— А ты сена накоси,— ухмыльнулся Изай,— и скирдуй его, и скирдуй...

— Вай-дот! — воскликнул Джарчи нетерпеливо.— Запутали вы меня совсем! Давайте лучше выпьем!

И они выпили — как следует, не закусывая. А Олег поднялся, обронив:

— Пойду, вдовушку поищу.

Изай ухмыльнулся понимающе. Сам бы, дескать, поискал, да несмышлёный десяток держит, заботы требует.

Сухов повёл своих лошадей за собой, неторопливо шествуя по улице, заставленной юртами, из-за чего двигался змейкой, пока не добрался до кремля — Княжьего города.

Терема кремлёвские возвышались молчаливою громадой, соединяясь с храмом Спаса: княжеская семья обычно молилась на хорах. Сам храм сидел крепко — фундамент дикого камня, стены из двух рядов известковых плит, между ними валуны, залитые известью. Поколебавшись, Олег оглянулся вокруг. Никого. Рядышком, на двух дубовых столбах висела медная доска-било. Сухов привязал к столбам коней и вошёл в храм.

Внутри было холодно, каменные плиты пола гулко отражали шаги. Сверху из восьми узких окон струился сирый лунный свет, перебиваемый пламенем свечей.

Немолодой, но и не старый ещё поп с клочковатой бородкой аккуратно расставлял свечечки перед иконами, бормоча под нос молитвы. Расслышав шаги, он обернулся. Не разглядев лица, он спросил, пряча под громкостью голоса боязнь:

— Крещён ли?

— Крещён, батюшка.

Поп удивился и подошёл ближе. Узнав в Олеге родственную кровь, он успокоился.

— Богу возношу благодарение,— заговорил он напевно,— за убережение града сего от поругания и посрамления святынь... Давно ли припадал к светлым образам, сыне?

— Недавно, отче,— горько усмехнулся Сухов,— во Владимире, когда трупы богомольцев из храма выносил.

— Нешто побили их татары?!

— Угорели они.

— Пострадали за веру свою... Сие зачтётся им.

— Да кого там... Страдальцы... Их бы и так убили. Прогневали они хана строптивостью своей.

Поп грустно покивал.

— Гордыня в нас великая,— вздохнул он,— а смирение ничтожно. Война или мир — то плоти в радость или на горе. А душа иного требует — покаяния и кротости. Пращуры наши крест воздвигали, чтоб собрать вокруг него все земли воедино и осветить их сиянием немеркнущим истины вечной. Пришли мунгалы на землю нашу, но веру они не трогают, в язычников перевернуться не тре-

буют! Вот что страшно было бы — отступничество от веры, качание людишек к волхвам и шаманам!

— Стало быть, возврат к язычеству страшней нашествия?

— Сыне,— сказал поп назидательно,— от меча гибнет тело, но спасается душа, воспаряя для жизни вечной.

— Это ж сколько я душ спас,— усмехнулся Олег и покачал головой.— Ох, не знаю, отче, не знаю...

— А и не пытайся уразуметь, сыне. Нам ли, смертным человекам, знать помыслы Божьи? Чувствую раздор в душе твоей, маету и сомнения. Покоя бы тебе...

— Я слишком много потерял, отче, чтобы обрести покой. Да и не заслужил я покоя, грехов на мне множество...

— Дак кто ж не грешен? Все мы, по земли ходящие, грехами отягощены. Мало кто желание имеет Божьим заповедям перечить и жить им наперекор, а ведь живём... Больших грехов не совершая, грешим по мелочи, соблазнам ничтожным поддаваясь, сил не имея искус обороть.

— Крови на мне много, отче,— нахмурился Сухов.— А это и не грех даже, а больше, страшнее. Тут кайся не кайся, всё равно смерть не замолишь.

— Не нам судить. Ремесло воина в том и состоит, чтобы сеять смерть и побивать ворогов.

— Вообще-то, отче, я с монголами пришёл. И побивал *их* ворогов...

— Ах, сыне, все мы враги, ибо не чтим заповедь Христову. Всё хотим извести друг друга со свету, заримся на трон, на жён, на добро. Губил ли ты чад малых?

— Нет, отче.

— А матерей их?

— Никогда.

— А старцев немощных? Неоружных или в полон взятых?

— Нет, отче,— твёрдо ответил Олег, припоминая старика из Доброго Сота. Так разве он немощным был? Или неоружным?

— Отпускаю тебе грехи твои,— осенив Сухова крестным знамением, священник добавил: — Ступай с Богом.

Олег поклонился и вышел, будто унося в себе тёплый «зайчик», прянувший от горящей свечи. Не слишком-то ему и полегчало, но то чёрное и беспросветное, что порой терзало душу, отпустило её. Ну и слава Богу...

Он обошёл весь кремль, а когда устал от своей экскурсии, спустился в город и углубился в путаницу улиц. Страха он не ощущал особого, а настороженность была присуща ему все последние двадцать с лишним лет, что и позволило прожить их, а не сгинуть от глупой беспечности. Город притих, жители его будут в страхе пережидать эту ночь, моля о том, чтобы утром не увидеть татар. Не до сна им будет. И не до умертвий. А ежели и осмелится кто на подвиги заугольные... Что ж, сабля на перевязи, выхватить нетрудно.

Олег улыбнулся, вспомнив, как Пончик жаловался на слабость свою и неумение защищаться: вот, дескать, любой, кто посильнее, обидеть норовит, задеть или унизить, а то и вовсе прибить. Вот хорошо-то как воином быть — никто на него зря не полезет, а ежели и осмелится, то себе же на горе...

Так-то оно так, но не всё тут просто. Да, клинок к его поясу не для красоты подвешен. Если понадобится, он пустит его в ход, и умеючи. Да разве ж от этого легче жить? Простой человек, меча не имеющий и науки воинской не постигший, живёт, не думая о врагах. Бывает, что и страдает от кулака вражеского, или ножа, или топора, так ведь не каждый же день! А воину нельзя без напряга жить, он всегда должен быть опаслив, всегда спать чутко, а ступать сторожко. Вот уж правда так правда — покой ему только снится!

Кстати, о покое. И где ж ему стать на постой? Улица была пуста, с обеих сторон заборы тянутся высоченные, ворота заперты. А уже темно... хорошо хоть луна за облаком не прячется, дорогу освещает.

Решив дойти до крепостной стены и вернуться к своим, если не повезёт, Сухов неожиданно обнаружил мощные ворота на резных столбах, которые были распахнуты настежь. В глубине двора поднималась крепкая усадебка,

дом с крытым двором, с бревенчатым скатом до второго этажа, до амбарных воротин, куда заезжали телеги. На высокое крыльцо вела лестница, а в держаке на витой колонке горел факел.

Савраска тоже заметил живой огонь, встрепенулся, готовясь заржать.

— Тихо, тихо, коняшка,— успокоил его Сухов.— А вдруг нас там не ждут?

Но кони были настроены оптимистично — они дружно фыркали, предвкушая тепло конюшни и много-много корма.

Сухов выбрался к избе с ощущением дежавю. Этот факел... Ворота раскрытые...

Привязав лошадей, он поднялся по крыльцу, старательно потопав, сбивая снег с гутул, и постучался. Потянув на себя дверь, убедился, что она не заперта, и вошёл, попадая в тепло. Дежавю не отпускало его — сухой смолистый запах сгоревших дров перемежался с густым травяным духом. Как тогда, под Москвой...

— Этого не может быть...— пробормотал он и позвал негромко: — Варвара!

Олег ощущал себя странно и стеснённо. Рассудок возмущался самой возможностью встречи с той, кто давно остался в прошлом, как воспоминание, приятное, но и только. А душа спорила с холодным разумом, доказывая недоказуемое.

— Я здесь! — откликнулся нежный грудной голос, и сердце Олегово застучало сильнее, чем в минуты боя.

Из низкой двери вышла Варвара, колдунья и травница, в расшитой рубахе и клетчатой понёве, с толстой косой, переброшенной на грудь.

— Варвара...— выдохнул Сухов.— Это ты?

— Я, я! — рассмеялась женщина.— Прости, что не встретила, я ждала тебя позже.

— Да откуда ты могла знать, что я сюда приду?

— Мне многое открыто и многое ведомо. Да и какая тебе разница, откуда и куда? Главное, что ты здесь!

Тут уж Олег не выдержал, сделал шаг и стиснул Варвару в объятиях.

— Раздавишь...— ласково сказала ведьма.

— Я легонечко...

Тёплые уста приникли к его пересохшим губам, влажный язычок растворил их...

— У меня там кони...— пробормотал Сухов, отстраняясь безо всякой охоты.

— Поставь их и возвращайся. Банька ещё не протопилась, но ничего, с морозу будет хорошо...

Олег нахлобучил обратно свой малахай и покинул избу. Кони встретили его нетерпеливым фырканьем.

— Пойдёмте, пойдёмте,— успокоил их Сухов.— Сегодня нам всем будет хорошо.

Конюшня позади избы выглядела маленькой снаружи, внутри она была ещё меньше, но коням места хватило. И вода была в поилках, и сено душистое в кормушках, и даже зерно — мягкое, проросшее. И тепло.

Аккуратно заперев дверь конюшни, Олег вернулся в дом, не забыв запахнуть ворота и накинуть засов. На заклятие надейся, а рассчитывай на замок.

Вернувшись в тепло, он с величайшим наслаждением скинул куяк и шубу, поснимал всё с себя и прошлёпал в баню. Самое прекрасное в его жизни дежавю продолжало длиться. Всё как тогда...

Варвара уже ждала его — прекрасное женское тело отсвечивало красным трепещущим светом, отражая огонь печи, облекаясь тенями, выступая рельефно и влекуще. Сейчас ей больше подходило не то имя, что дали при крещении, а другое — Чара.

Словно ощутив состояние Олега, женщина согнулась, прямя ноги и выгибая спину. Сухов, чувствуя себя неуклюжим, вонючим варваром, положил ладони на упругие ведьмины ягодицы, вжал пальцы в неподатливую туготу. Чара издала короткий смешок.

— Ты забыл, как овладевают женщиной?

— Я так давно не мылся...

— Потом, потом! Я хочу тебя, сильно-пресильно...

И Олег отбросил всё, что сдерживало порыв, утонул в Варваре, пропал в горячей сладости, слыша страстные стоны и крик наслаждения, доносившиеся словно из иной вселенной.

Осуществилась их любовь. Женщина распрямила свой стан, вытянулась, упирая руки в низкий потолок. «Изнемогла...— вспомнилось Сухову.— Из жара страсти вернулась вновь во хлад и явь...»

— А вот теперь я отмою моего кочевничка,— промурлыкала Варвара,— моего степняшечку! Отпарю, отхожу вениками!

И началось чистилище, из которого Олег вынырнул очень не скоро, а в себя пришёл лишь в горнице, сидя за столом. Чара поставила перед ним полную миску похлёбки и стала с улыбкой наблюдать за тем, как мужчина поглощает приготовленное ею яство. Дежавю было ещё и превкусным...

Отужинав, Сухов разомлел, его потянуло в сон, но в постель он не спешил, хотел просто посидеть рядом с красивой женщиной. Красивой и умной. Загадочной. Таинственной.

Как раз тайны выпытывать он не стал — всё равно ведь не скажет, не откроет своих секретов. Но почему бы не спросить о себе самом?

— Ответь мне на один вопрос,— сказал он.— Что мне делать дальше? Как быть?

Варвара улыбнулась.

— Ты за кого меня принимаешь? — спросила она ласково.— Я всего лишь ведьма, смертная женщина. Я читаю в будущем и прошлом лишь то, что открывает мне Творец и Вседержитель. Не всесильно моё колдовство, предел положен наложению заклятий. Люди — это листья, несомые холодным осенним ветром. Пузырьки, что вздуваются и лопаются в бурливом потоке. Судьба несёт нас от рождения к смерти, и ни одному опавшему листку не дано лететь против ветра...

— А если дано? — хрипло спросил Олег.

— Знать, так суждено. Расскажи, что было с тобою.

Сухов повёл недолгий рассказ о смертях и пожарищах, о смраде и мерзостях войны, о диком неистовстве битв, о дурмане и хмеле побед. Варвара слушала как зачарованная, устремив взгляд в темноту за окошком.

— Ты и сейчас думаешь,— спросил Олег,— что я — часть силы той, которая творит зло, всему желая добра?

— А что изменилось? — улыбнулась Варвара.— Ты всё такой же, и воины хана не стали добрее или злей. Неведомо когда утвердилось постоянство в мире, и нам его не избыть. Мы всегда останемся такими, какие мы есть, ни улучшить свою породу, ни ухудшить её наша кровь не позволит. В крови у нас сокрыто бродильное начало, в ней спит древнее чудовище, обычно укрощаемое, но мы так часто отпускаем его на волю... Не печалься о своей судьбе — ты сильный человек, не из тех, кого ведут по жизни, ты сам ведёшь за собою.

— Знать бы, куда вести,— вздохнул Сухов,— и кого, и зачем...

Женщина сладко улыбнулась.

— Тоска не покинула тебя, и это славно...

— Славно?

— Да... Значит, ты по-настоящему любишь ту женщину.

— Она...— вскинулся Олег, но Варвара приложила к его губам палец:

— Молчи. Не пытай меня ни о чём. Ты всегда остаёшься самим собою, никогда не изменяя ни себе, ни своему предназначению. Вот и следуй далее. Исполни свой долг, всю меру дел, доверенных тебе, и...

— И?..

— И будет то, что будет.

Женщина встала одним гибким движением и пересела к нему на колени, обняла, прижалась.

А на Олега опять накатило давнее успокоение, освобождающее и умиротворяющее чувство гармонии мира, в котором просто нет места горю *сейчас*, в данное мгновение, в протекающие года. Всё самое плохое случится после, далеко-далеко в грядущем, где старость смажет

краску буден и даже смерть покажется упокоением, благостыней последнего дня. Но ему ещё жить да жить...

Позыв плоти дал о себе знать, словно утверждая накрепко брезжущую надежду, и Сухов нежно вмял пальцы в грудь женщины, ощущая с приятностью, как твердеющий сосок вдавливается в ладонь.

— Баюшки-баю?..— промурлыкала Варвара.

— Никаких «баю-бай»! — отрезал Олег.

Женщина перелезла на кровать, потянулась, изгибая спину. Легла, закинула руки за голову, медленно раздвинула ноги.

— Иди ко мне...— прошептала она.— Скорей...

Рано-рано утром, когда небо едва засерело за городом, Сухов покинул Варвару. Он одевался не спеша, унимая дыхание, и посматривал на женщину, чья исцелованная грудь вздымалась, навевая сладостные видения. Облачившись в шубу и куяк, натянув малахай и шлем, Олег задержался у двери.

— Прощай, милый...— донёсся волнующий грудной голосок.

— Прощай.

Ведьмочка послала ему воздушный поцелуй, и Сухов вышел за порог.

Сейчас в нём родилась твёрдая уверенность, что больше он никогда уже не увидит Варвару, но грусти не было. В его сердце установилось зыбкое равновесие, и жила в нём та светлая печаль, которая вдохновляет поэтов, но никогда не доводит до слёз. Любовь и должна быть такою — лёгкой, светлой, без мучительных раздраев и страданий. Жаль, не всегда выходит так, как должно...

...Ещё не выйдя за ворота, Сухов почувствовал тревогу — в серых сумерках вставало оранжевое зарево. А после, добавляя беспокойства, заколотили била, донеслись крики и топот копыт. Неужто Бурундаю надоел мир?!

Олег поскакал к рыночной площади и чуть не столкнулся с Джарчи.

— Что случилось? — крикнул Сухов.

— Амбары горят! — ответил нукер.— Хлебные! Бурундай хотел с утра зерна набрать на прокорм, вот местные и подожгли хранилища, чтоб никому не досталось!

Олег прибавил саврасому прыти. Свернув за храмом к городской стене, он выехал к двум горящим амбарам — приземистым и длинным, добротным строениям, гибнущим в пламени пожара. Воздух был пропитан запахом горелого хлеба — это пылало зерно.

Десятки переяславцев наводили суету вокруг, таская воду в вёдрах и бадейках, плеская её в огонь, но пламя нисколько не унималось. С другой стороны ширкали лопатами молодые парни, кидая снег на охваченные огнём стены, добрасывая до невысокой крыши.

За пожаром невозмутимо наблюдал Бурундай. Он сидел на коне, выпрямившись, сжав рукоятку сабли, и молчал. Тысяцкие — и Тугус-беки, и Чарха-Эбуген, и Дайдухул-сохор — находились рядом и тоже помалкивали. Первым не выдержал Бэрхэ-сэчен, хоть и пониженный до сотника, но не утративший прежнего выражения превосходства.

— Что мы стоим? — вскричал он.— Чего ждём? Мерзкие оросы нанесли по нам подлый удар — они лишили пропитания наших коней! Мы пришли с миром, они выбрали войну! Так обнажим же сабли!

— Молчать! — скомандовал Бурундай, негромко, но жёстко.— Ты видел, как оросы поджигали своё зерно?

Бэрхэ-сэчен промолчал, медленно багровея.

— Не видел! — по-прежнему жёстко сказал темник.— Зато я вижу, как они тушат огонь! Мы покидаем этот город. За мной!

Крики туаджи разнеслись по улицам Переяславля, собирая войско. Вскоре тысяча Чарха-Эбугена миновала городские ворота. Следом повёл своих Тугус-беки.

Олег ехал рядом с Джарчи. Молодой нукер был непривычно задумчив. Нахмурившись, он вскинул голову и встретился глазами с Суховым.

— А если зерно подожгли не оросы? — задал Джарчи вопрос.

— Значит, среди нас есть предатель,— дал Олег ответ.

— Вай-дот...— протянул нукер.— Не верю! Хотя... Нет, чего-то тут не сходится! Зерно-то зачем жечь?!

— А ты подумай,— спокойно сказал Сухов.— Вот, если бы Бурундай был как Гуюк-хан, который сперва голову человеку срубит, а потом думает, за что, как бы он поступил? Велел бы наказать переяславцев, верно? И сколько бы народу тогда полегло! Причём не только горожан — Бурундай тоже недосчитался бы многих. К счастью, наш темник с головою дружен...

Джарчи снова погрузился в молчание, а после дал пылкую клятву:

— Я найду этого шакала! Выслежу и убью!

Глава 21,

в которой Олегу поручается ответственное задание

Покинув Переяславль-Залесский, Бурундай повёл войско напрямик, по льду Клещина озера, и далее по реке Нерли. Город, оставленный за плечами, не шумел, звука единого не издавал — и колокола молчали, и голосов не слыхать. Похоже, переяславцы ещё не уверились сполна в удаче своей и боялись её спугнуть. А вдруг возвернутся «мунгалы»? Вдруг передумают, да такого натворят, что... И, ужаснувшись воображаемым несчастьям, люди сдерживали дыхание, прислушиваясь напряжённо — ушли ли? Ушли вроде... Да, точно, ушли! Но, даже поверив своему счастью, люди не торопились радоваться. Да и чему, собственно?

Тому, что живы остались? Что дома свои уберегли? Что дети, слава Богу, не вздеты на копья? Да кто ж этому радуется!

А то, что весь город целые сутки был в услужении татарве? Это как оценить? Тоже радость испытывать? Оно, конечно, прогнуться недолго. Лишь бы только не забыть выпрямиться...

...В сражении с Евпатием Коловратом Олег не участвовал — с Неистовым бились те сотни, что шли в арьергарде, Эльхутур же шествовал впереди. Однако битва Сухова впечатлила — он даже некую гордость почувствовал. Презрения бы заслуживал тот народ, который даже попытки не сделал воспротивиться врагу, не вступился бы за своих, да попросту не попробовал бы отомстить. И вот евпатьевцы доказали, что русские достойны уважения. И монголы оказали павшим респект — в степи с почтением относятся к героям, неважно, какого они роду-племени. Жаль только, что подвиги и самопожертвование на Руси и в прошлом, и в будущем всегда покрывали чьи-то недоделки, чей-то недосмотр, чью-то неспособность править и володеть. Жизни отдают лучшие — за то, чтобы остальные-прочие поклонялись не истинным героям, а подлецам и предателям, вознесенным на пьедесталы и постаменты...

В разгар дня тумен вышел к Ростову Великому. Город сей стоял на берегу реки Пижермы, впадавшей в озеро Неро, и слыл богатым — полтора десятка храмов блестело луковками за стенами его, монастыри стояли, дворы княжеский и епископский, большой торг шумел.

Памятуя о поджоге в Переяславле, Бурундай решил подстраховаться и отправил сотни Алтун-Ашуха и Бэрхэ-сэчена в Сару, городишко, что стоял напротив Ростова, с другого берега озера. Сотням было приказано «заготавливать фураж», то бишь отбирать у местных зерно и сено.

Остальной тумен перешёл Пижерму по льду и вышел к Нерльским воротам. К удивлению Сухова, неширокий мост, перекинутый через ров к воротной башне, тоже был целёхонек, как и в Переяславле.

— То ли ждали нас,— поделился Олег своими сомнениями с Изаем,— то ли поджидали.

— Узнаем,— спокойно сказал куман.

— Таран бы сюда! — горячился Джарчи.— Эх, и ударили бы! Ой-е...

— Охолонись,— строго сказал Изай.— Видишь же, цел мосток. Знать, неспроста.

Монголы остановились, выстроившись перед городскими укреплениями. Вперёд выехал сам Бурундай, прищурился, оглядывая стены ростовские. И в тот же миг, словно дождавшись его выхода, ворота Нерльские стали открываться. По двое дюжих воинов отворяли каждую створку, сколоченную из бруса и окованную железными полосами.

Нукеры, не думая, опустили копья и выхватили сабли, готовясь встретить вооружённый отряд ростовчан, но им навстречу торжественно выступила целая процессия — епископ, попы рангом пониже, бояре, купцы, простолюдины. Отдельно шествовала статная, молодая ещё женщина в богатой шубе. Она вела за руку двоих маленьких мальчиков — это была княгиня Мария, жена князя ростовского Василька Константиновича и мать двоих сыновей его, Бориса и Глеба. Княгиня не поглядывала горделиво, с той надменностью, которая бывает присуща испуганным женщинам. Она шла неторопливо, понуря голову, словно сгорбившись под тягостями войны,— одной ей нести их на своих хрупких плечах, за себя, за мужа, ушедшего на Сить, за подрастающих княжичей. Решали ли сами бояре сдать город на милость татарам или Мария их надоумила? Если это дело рук и ума княгини, то она мудрая женщина. Да и что ей оставалось делать? Князь Василёк бросил Ростов Великий, как дядька его, великий князь, оставил Владимир-на-Клязьме. И сам ушёл, и дружину с собой увёл. Вот хорошо-то! А жене его делать что? Детей в охапку — и со стены в ров?

Выйдя за линию укреплений, процессия остановилась. Все отвесили земной поклон пришельцам, а епископ разразился речью.

— Что он говорит? — нетерпеливо спросил Бурундай.

— Он приветствует тебя, багатур,— перевёл слова епископа Олег,— выражает смирение и надежду на то, что воины хана Бату не разорят город и не предадут смерти его жителей.

Темник преисполнился важности и сказал:

— Переведи ему, что я накладываю на город хувчур [1]. Ещё мне нужны свежие кони, корм для них и вкусная еда моим воинам!

Бурундай был верен старой, проверенной стратегии: противишься хану — убей или умри, подчиняешься — живи и плати посильную дань. Ростов поставил на послушание — и выиграл.

Сухов перевёл условия темника горожанам. Те выслушали и обрадовались — видать, ожидали куда худшего. Мало ли чего болтают про «мунгалов» — говорят, они и человечиной питаются... Затребовали бы опасные степняки выдать им всех девственниц Ростова — дали бы, наверное! А куда деваться? Воюешь — не пищи, сдаёшься — не ропщи.

— Это их коназ? — спросил Бурундай, указывая на епископа.

— Нет, багатур,— ответил Олег,— это главный шаман города.

— А коназ где?

Обернувшись к епископу, Сухов передал ему вопрос темника.

— Василько Константиныч отъехамши,— угодливо ответил «главный шаман», прикрывая княгиню, на всякий случай.— Мы за него.

Бурундая этот ответ вполне удовлетворил, а епископ сделал знак, и звонарь ударил в колокола, рассыпая над городом радостные ноты — Ростов встречал дорогого гостя...

Нукеры, повинуясь тумен-у-нойону, степенно въехали в город, занимая площади и перекрёстки. Ростовчане привечали ордынцев с опаской, пытливо заглядывали в глаза, не выказывая особой враждебности. Холопу без разницы, на какого господина пахать, лишь бы вставать попозже, работать поменьше, а есть повкусней. Купцу под монголами спокойней — получи пайцзу и торгуй на здоровье, не

---

[1] *Хувчур* — единовременное взимание, сбор десятины (*монг.*).

боясь, что мелкопоместное княжьё отберёт твой товар. А уж духовенству и вовсе благодать пришла — монгольские ханы, во исполнение писаных законов Ясы, освобождали церковь от податей и повинностей и никому не позволяли посрамлять и обижать митрополитов, архимандритов и прочих протоиереев. А те, кто дерзнул бы сотворить худо против монахов или священников, подлежал смерти, без различия, местные они или татары.

Ведь при Рюриковичах как бывало? Заявится дружина из соседнего княжества — и начинается поношение. И церкви жгли с монастырями, и грабили их, и монашек насиловали. Так уж повелось с самого крещения — своя икона, скажем, Богоматери Владимирской, чтилась во Владимиро-Суздальском княжестве, считалась неприкосновенной святыней. Посягни только на неё — на клочки порвут! А вот в соседних землях ничего святого у владимиро-суздальцев как бы и не существовало. Хошь, грабь. Хошь, жги. Бей. Насильничай. От того грешником не станешь и богохульником не прослывёшь.

...Олегу было приятно ехать по русскому городу, не вдыхая запаха гари и мертвечины. А потом и вовсе хорошо стало. Епископ с боярами расстарались — бочки выдержанного мёда выкатывали из подвалов, телят и бычков жарили на вертелах, бабы без устали таскали круглые хлеба — исполать вам, мунгалы! Кушайте на здоровье!

Вот только ни одного девичьего лица Сухов не заметил. Детей ростовцы тоже попрятали — мало ли, вдруг и правду люди бают, что татарва кровь младенческую пьёт? Свят-свят-свят! От греха подальше...

Бурундай воспретил нукерам потреблять крепкие напитки, справедливо полагая, что именно пьянка в Переяславле ослабила дух бойцов, отчего войско поредело в битве с Коловратом. Тумен послушался.

Олег с Изаем Селуковичем привязали лошадей рядом, к одной коновязи. Вкусив как следует горячего мясца с горячим хлебцем, они решили прогуляться, ноги размять — насиделись в сёдлах, мочи нет. А то так и останешься раскорякой на всю жизнь...

Покинув галдевшую площадь, где местные и пришельцы находились рядом, но не вместе, Сухов с арбаном вышли на боковую улицу, кривую, но широкую.

— Жил я здесь раньше,— сказал Изай, щурясь,— дружбу водил с багатуром здешним, Олександром Леонтичем. Отец его священником был, вот Олексу и прозвали Поповичем...

— Алёша Попович? — удивился Олег.

— Ну, можно и так. Не скажу, чтобы особой могутностью отличался, нет. Средний такой был, мужик как мужик, не слабак, но и не силач. Попович умом брал, хитростью. Любого врага обдурит, а тот и не догадается, отчего сгинул... Помню, Олекса как раз из степей воротился, на речке Сафат хана половецкого зарубив, Тугарина. Расхвастался, помню... Ну, я его и поддел малость, чтоб не зазнавался особо. А Попович горяч был, сразу — хвать за меч, и на меня! Сцепились мы с ним, помню, так, что едва кишки друг дружке не повыпускали... Да-а... На Калке погиб Олекса, уже... сколько? Пятнадцать зим минуло, да... Вот, помню, сказывали мне, как Попович однажды с разбойниками лесными сразился. А те, мало что тати, так и в колдовстве толк знали, истуканам поклонялись, что в чаще хоронились со времён стародавних. И вот ехал Олекса путём известным, из Ростова в Углич следовал за какой-то надобностью. Едет, едет себе, никого не трогает, как вдруг выезжает на поляну, коей не раз и не два проезжал до того, а посреди той поляны камень лежит огромный, валун гладкий, незнамо как туда прикаченный, а на нём письмена оросов выбиты, буквицами наколочены: «Налево пойдёшь — коня потеряешь. Направо пойдёшь — гол и бос останешься. Прямо пойдёшь — голову сложишь».

Прочёл сие Попович, огляделся, а разбойнички-чародейнички уж тут как тут, из-за дерев торчат, любопытствуют, ножи точат, топоры тискают. А Олекса не стал дорогу выбирать, он с коня-то слез, да как навалится на тот валун! Как ухватится за него! Может, и правду говорят про Поповича, что нехватка в нём силы богатырской, а

только закачался камень великий, да и перевалился на сторону, аж гул пошёл по лесу! Как увидали разбойнички такое дело, так и убоялись все. Разве взять числом человека этакой-то могутности? Да ни в жизнь! Накинешься на него скопом, а он и размечет толпу, побьёт всех, до кого дотянется. И попрятался люд разбойный. А Попович руки отряхнул, на коня сел, да и поехал далее...

— Да-а...— неопределённо выразился Олег.— Были люди в ваше время...

— А то!

За разговором они добрели до самой крепостной стены, где проходила окружная уличка. И вот с неё-то и вывернули пятеро молодцев — в кольчугах все, при мечах. Видать, не простые парнишки — что кольчужка, что клинок цену имеют немалую. Пятёрка выстроилась поперёк улицы и встала руки в боки.

— Гляди-ко, робяты,— сказал тот, что посередине попирал унавоженный снег, светловолосый и синеглазый добрый молодец,— мы их ходим, ищем, а они сами припожаловали!

«Робяты» дружно, как по команде, ухмыльнулись.

— Тебе морду давно били? — поинтересовался Олег.— Хочешь, чтобы я освежил тебе ощущения? Так это мы быстро!

— Ишь ты,— сощурился добр молодец,— по-нашему чешет! Надо будет посмотреть, чего в него там понапихано. Может, у энтого говоруна и кровь красная?

— Слышь-ко, пугало огородное,— сказал Сухов, передразнивая местный говорок.— Вона, у тебя из головы волосьё торчит, чисто солома. Видать, туго нутро набили. Крови-то в тебе нет — откуда в чучелах кровь? — но надо глянуть, что там у тебя за труха унутре. Вдруг солома попрела?

Добр молодец, ни слова не говоря, выхватил меч и бросился на Олега. Сосед его, кучерявый парень, кинулся на Изая.

— Зря ты это затеял,— молвил Сухов, отбивая удар.— Меч-то острый, порезаться можно. Вот батя увидит, что ты с железяками балуешься, нашлёпает по попке!

— Батю не трожь! — выдохнул блондин, люто зыркая на Олега.— Его такие же, как ты, прихвостни ордынские сгубили!

— Вот оно что...— протянул Сухов, уворачиваясь от выпада.— А ты, значит, прихвостень княжий...

— Я сам по себе! На!

Вертикальный удар, нанесённый блондином, был страшен, но пропал даром — Олег отклонился в сторону, пропуская свистнувшую сталь побоку, и тут же носком сапога подсёк добра молодца. Тот грохнулся в снег, Сухов быстро наступил на руку противнику, и приставил остриё сабли к вздувшимся венам на горле светловолосого. Не отворачиваясь, он крикнул:

— Изай! Ты как?

— Да нормально...— пропыхтел куман за спиною.

Добрый молодец, распростёртый на снегу, дёрнулся.

— Изай? — прохрипел он.— Изай Селукович?!

— Именно,— подтвердил Олег.

Молодец налился кровью и заорал:

— Робята, брось!

«Робята» отпрыгнули, не убирая мечей и не слишком понимая, с чего это вожак мешает забаве.

— Изай Селукович! — снова позвал лежащий.— Да убери ты меч!

Сухов убрал.

— Изай Селукович! Не признал?

Куман пригляделся.

— А ну-ка, встань!

Добрый молодец встал.

— Оборотись-ка...

Тот оборотился.

— Ты, случаем, не Олександрыч ли будешь? — сощурился Изай.

— Он и есть! — осклабился тот.— Онфим я, Олександра Леонтича сын.

— Вот паскудник! — ухмыльнулся куман.— Я ж тебя, оглоеда, молоком поил! Всю тряпицу, засранец, сжевал!

И Селукович с Олександрычем крепко обнялись, потискали друг друга, да так, что панцири заскрипели и ко-

сти затрещали. А едва разъялись руки, как Онфим и брякни:

— А возьми нас к себе! Раз ты хану служишь, то и нам не зазорно!

Изай усмехнулся.

— Не я беру,— сказал он,— а темник наш, Бурундай-багатур.

— Боярин, что ли?

— Навроде того. Только учти, Онфимка, в Орде порядки строгие, там не забалуешь.

— Мы народ привычный! — рубанул Онфим.— В дружине князевой службу несли, да вот, разошлись — одних Василько с собой увёл на Сить, а мы остались. Чего ради кровь лить за Юрия Всеволодовича, за дурачину этого? Всё, что можно было, прогадил, межеумок. Уж лучше я к хану уйду!

— И много вас, таких умных, набралось? — спокойно осведомился Олег.

Онфим сверкнул на него глазами, но грубить не стал, сказал ворчливо, отворачиваясь:

— А с полсотни наберётся.

— Пойдёт,— по-прежнему спокойно сказал Сухов и поздравил арбан-у-нойона: — С прибавлением вас, Изай свет Селукович!

Ближе к вечеру страсти улеглись, сонные нукеры один за другим заворачивались в шубы и кошмы, дозорные бродили то поперёк улицы, то повдоль, то грелись у костров.

Олег ещё засветло расположился в заброшенном сарае, где хватало слежавшегося сена. С ним на пару устроился Джарчи.

Посидев, поболтав о пустяках, нукер опоясался саблей и двинулся исполнять обет. Это было ещё до ужина. Успело стемнеть, а Джарчи всё не появлялся. Беспокоясь за непутёвого нукера, Сухов отправился на поиски, по дороге прихватив Чимбая.

— Вечно с ним что-нибудь не так,— проворчал тот, подхватываясь.— Не одно, так другое, не другое, так третье...

— Да уж...— откликнулся Олег.

Покрутившись по площади и около, они выбрались к месту стоянки сотни Бэлгутэя. Кроме пары часовых и лошадей у коновязей, все спали. Напротив, под стеной богатого дома с торговыми лавками, устроенными в подклетях, стояли бочки с вином и пивом, нукерами не тронутые. Но откупоренные местными выпивохами — не побоявшись близости «мунгалов», расхристанные личности в рваных армяках дорвались до бесплатного и нализались так, что лежали пластом, как мёртвые. «Господи,— похолодел Сухов,— да они и вправду мёртвые!»

— Огня! — крикнул Олег, оборачиваясь к дозорным.— Живо! Байза!

От костров подбежала пара человек с факелами и осветила место преступления — у всех пьяниц из раззявленных ртов текла синяя пена...

— Отравились! — охнул Чимбай.— Хотели нас отравить!

— Ага,— буркнул Сухов,— мы пить не стали, так они сами наглотались!

— А... чего?

— Не знаю, Чимбай...

Олег поднял факел повыше. Все бочки выкатывали из одного и того же погреба. Заснеженные ступеньки, ведущие вниз, были истоптаны, а низкая дверь стояла приоткрытой, отгребая створкой снег. Сухов спустился в погреб, пригибая голову, и сразу же увидел неподвижное тело. Это был Джарчи. Под сердце ему был всажен кинжал русской работы, с золотой рукоятью в форме орла, раскинувшего крылья.

— Чего там? — спросил Чимбай снаружи.

— Спускайся, поможешь.

Кряхтя, нукер пробрался в погреб и охнул, увидев труп Джарчи.

— Кто? — каркнул он, сжимая кулаки.

— Тот, кто отравил вино, кто запалил амбары с зерном. Тот, кого Джарчи поклялся выследить и убить. А я, дурак, понадеялся, что ничего-то у него не выйдет...

— Надо Бурундаю сказать,— выдавил Чимбай.— Всех тут вырежем! Подчистую! За Джарчи я им...

— Кому им? — резко спросил Олег.

— А то ты не видишь, чем зарезали Джарчи!

— То-то и оно, что вижу! Кому в голову придёт оставить в ране такой дорогой клинок? Тому, кто изо всех сил пытается науськать нас на оросов! Разве станет местный так глупо подставлять себя и своих? Тут поработал враг, Чимбай, настоящий, матёрый враг. Не вышло у него нам яду подсунуть, так он на Джарчи отыгрался — вдруг мы решим отомстить оросам? То-то ему радости будет!

— От того, что мы местных побьём? — туго соображал Чимбай.

— От того, что оросы побьют много наших, прежде чем мы всех тут вырежем подчистую! А кинжал... Ты что, не помнишь уже? Ты же сам нашёл его во Владимире!

Чимбай вылупил на Олега глаза, присмотрелся к кинжалу и прошептал:

— А ведь точно... И чего теперь?

— Похороны теперь,— буркнул Сухов.

Утром, дождавшись прибытия сотен Бэрхэ-сэчена и Алтун-Ашуха с «продразвёрстки», тумен оставил Ростов, захватив с собою неплохой хувчур, и свежих коней, и пополнение.

Для упокоения Джарчи не пожалели дров, запалили громадный погребальный костёр. Нукеры молча стояли вокруг, а Олег обшарил глазами толпу, отыскивая Бэрхэ-сэчена. «Брат Иоганн» поймал Олегов взгляд — и не отвёл своего, смотрел вызывающе, пока поднявшееся пламя не скрыло его.

«Выслежу,— подумал Сухов,— и убью!» Ему было ясно, кто был поджигателем, отравителем и убийцей — Бэрхэ-сэчен. Никто не мешал «брату Иоганну» тайно прибыть под вечер в Ростов, дабы совершить свои чёрные дела, а после убыть, сохраняя видимую безвинность. Да пусть даже и не сам Бэрхэ-сэчен, а преданный ему Савенч, какая разница? «Всё равно — убью!»

Костёр догорел, и тумен отправился к Итилю, на берегу коего стоял город Углече Поле.

Дорога была набита, и Бурундай повёл войско «волчьим ходом» — медлить было нельзя. Бояре ростовские подробно растолковали, как добраться до реки Сити, где и схоронился Юрий Всеволодович, но напрямки туда не пойдёшь — уж больно леса густы. Приходилось совершать переходы между городами по тем направлениям, которые ещё очень не скоро станут дорогами. Пока что путь к Угличу состоял из просек, соединявших между собою небольшие полянки и лужки, да из лесных троп, в ширину которых едва вписывались сани-розвальни.

Десяток Изая ехал в передовой сотне. Дорога впереди заузилась, вильнула в сторону. С обеих сторон лес вставал, как крепостные стены, сосна к сосне, ель к ели. И вот одолела сотня Эльхутура поворот и выехала на большую поляну. Снег на ней был не топтан, а в сторонке глыбился здоровенный валун.

— Не его, случайно, Попович выворотил? — спросил Олег без улыбки.

— Его,— подтвердил Изай.

— А надпись где?

— Так внизу же! Переверни да прочти...

Ответить Сухов не успел — из леса повалили мужики в армяках и шубах, с топорами и копьями в руках. С рёвом и матом они бросились на ордынцев.

Целую секунду Олег смотрел на распяленные рты, на сверкавшие глаза, на бороды нечесаные и лишь потом саблю выхватил.

Чимбаю, ехавшему рядом, не повезло — копьё прободало шею его коня, и тот рухнул, хрипя и дёргая ногами. Нукер изловчился, успел соскочить и мигом уделал копейщика. А за ним подбегал другой, и третий, и десятый.

— Изай! — заорал Эльхутур.— Отрезай их от леса!

Селукович кивнул только, отбиваясь от пары озверелых мужиков в тяжёлых полушубках из медвежьих шкур. Конь Изая бился в агонии, распуская по снегу выпущенные кишки, а куман прижимал мужиков — те ревели, как

взаправдашние медведи, и вовсю работали самодельными мечами, переделанными из тесаков. Арбан-у-нойон крутился, стараясь так встать, чтобы нападавшие мешали друг другу.

Олег рубанул с седла, уделывая одного из «медведей», и Селукович расправился со вторым.

— Отсекаем их от леса! — крикнул он, вскакивая на запасного коня.— Хуту! Тайчар!

Десяток бросился за своим командиром, заходя мужичью в тыл. А вот и вся сотня охватила разбойников. Хотя какие это разбойники? Партизаны, мстители народные. Когда это разбойный люд кидался на целую рать? На обоз — ещё куда ни шло.

Отрезанные от леса, мужики попали в окружение, а ордынцы всё прибывали и прибывали, самой массой подавляя всякое сопротивление.

Десятка два ростовчан, или кто они там были, всё-таки смогли уйти. Преследовать их не стали — в густом лесу деревья росли так часто, что впору бочком передвигаться, а уж конным там делать было совершенно нечего.

— Быстро отсюда! — хмуро скомандовал Изай.— Нехорошее тут место, заколдованное...

Олег кивнул. Говорить не хотелось, смутно было на душе.

Эти мужики, «неуловимые мстители»... Чего вдруг они напали? Почему не смирились, не признали господства Орды? Откуда в них столько лютой ненависти? За что они мстили? Или не мстили вовсе, а по-своему понимали почётную обязанность — защищать родной край? Они-то не князья, их-то не обвинишь в междоусобной разборке. Увидали мужики врага, сошлись, да и врезали. Сгинули все, как евпатьевцы, но остались правы. «А я, выходит, виноват?» — криво усмехнулся Олег.

Господи, как же он радовался, входя в Переяславль не захватчиком, а проезжим! Не надо было убивать и грабить, не надо было лишать эту землю ещё одного города, пережигая его в золу.

Вот и Ростов сдался... Может, и Углич останется цел? Глядишь, и не придётся больше учинять несчастья, удаст-

ся вырваться из кровавого круговорота, найти Пончика, найти себя... а потом? А Бог весть...

Углече Поле стоял плоско, расплываясь по крутому берегу Итиля, который местные племена прозывали Волгой. Городок красиво смотрелся — это была ладная крепость с десятью башнями и тремя воротами, с посадом, окружённым земляным валом и частоколом.

Раньше, во времена варягов и хазар, Углич был местом оживлённым — тут проходил Великий путь, связывавший Русь-Гардарики с Арабским халифатом. Каждый год по этому пути, словно приливом, разносило серебряные дирхемы и золотые динары, а на юг уплывали драгоценные меха, мечи, рабы. Но всё это в прошлом.

Князь Святослав в своё время разгромил хазар, страною своей в дельте Волги перекрывавших торговый путь и отбиравших десятую часть товара, но было это уже ни к чему — и арабы забыли путь на север, и европейцы более не терпели нужды в магометанском серебре — свои рудники отрыли в горах Гарца. И заснул Углич, запустел. Приторговывал маленько с булгарами, сведущими в кожевенном ремесле, с охотниками-мерянами, черемисами, арису, добывавшими «мягкую рухлядь» — меха соболиные, бобровые, куньи. Тем и жил Углече Поле.

Когда тумен Бурундая одолел Итиль по льду и взобрался к Волжским воротам города, створки уже открывались, разгребая свежевыпавший снег. Повторялась история с Ростовом Великим — не желали горожане связываться с татарами, хотели они мира и благоволения. Требует хан десятину — на тебе десятину, только оставь нас в покое...

Всё невеликое население города вышло встречать непрошеных, опасных гостей. Оказалось, что ордынцы прибыли вовремя — угличане отмечали новогодний праздник. «Господи,— подумал Олег,— целый год минул... Опять первое марта!..»

В этот день жгли костры, по улицам носились ряженые, изображая чудищ да нечисть всякую, а дети ходили

по дворам и колядовали — громко распевали «колядки», за что их угощали всякими вкусностями. Ряженым тоже доставалось — этих одаривали караваями, откупаясь от нечистой силы. Священники закрывали глаза на языческие обряды, мирясь с ублажением древних богов, допуская сосуществование отживших верований с верою истинной. Пускай шалят, пускай озоруют, блины пекут — символы бога Солнца, в личинах ходят. Пускай. Иначе потянется народ к древним капищам, где гниют поваленные идолы. Свят-свят-свят!

И народ гулял.

Ордынцы, угодив на празднество, подрастерялись. Многих даже испуг взял — глядя на ряженных в шкуры медвежьи, потрясавших рогами, махавших конскими хвостами, монголы бледнели, не зная, люди ли перед ними или злые мангусы.

А угличанам, с самого утра принявшим крепкого пива да настоянного мёду, всё было нипочём — они свистели, пели, орали непристойности, скрываясь под масками-личинами, плясали вокруг костров.

Изай Селукович и Олег Романыч первыми подали пример, приняв участие в празднике. Сухов подхватил с общего стола изрядный кус каравая, приложил к нему шмат сала, да и пошёл кругом костра, вступая в общий хоровод.

Тут уж и весь десяток задвигался, и вся сотня Эльхутурова, и вся тысяча Тугус-беки.

Подобрев от обильного угощения, Бурундай угостил местного боярина доброй порцией архи, тот подлил темнику медовухи.

Ну, дружба дружбой, а денежки врозь — не забыл багатур и с Углича десятину взять. Но что такое хувчур по сравнению с пожаром и резнёй? Пустяк, дело житейское.

А Олег отправился на поиски Бэрхэ-сэчена. Найти его было непросто — кривые улицы были запружены тысячными толпами народу — но, после долгих блужданий, Сухов приметил-таки подозреваемого. Тот шагал, прихрамывая, о чём-то беседуя с Савенчем, а после отослал половца неторопливым жестом.

Олег нахмурился. Он знал, верил, что убийство Джарчи — дело рук Бэрхэ-сэчена. Мокрое дело. И всё же оставалась малая доля сомнений: а вдруг не он? Да нет... Кому ж ещё придёт в голову такое незамысловатое коварство — оставить драгоценное орудие убийства, дабы навлечь беду на невинных?

Подойдя совсем близко, Сухов окликнул Бэрхэ-сэчена на хорошей латыни:

— Что, брат Иоганн, обдумываешь новую пакость?

Тот окаменел сперва, а после медленно обернулся.

— Ты?! — выдохнул Бэрхэ-сэчен.

— Я,— сознался Олег.

— Зря я тебя не пришиб в Кыюве [1],— сказал с сожалением сотник.

— Признайся, брат Иоганн, ты убил Джарчи?

— Джарчи? — переспросил Бэрхэ-сэчен, кладя ладонь на рукоятку сабли.

— Молодого нукера с рассечённой бровью, у него только-только начали расти усы.

Брат Иоганн посмотрел на Сухова с неопределённой усмешкой, а после протянул:

— А, вот как его звали... Он был твой аньда [2]?

— Просто друг.

Молниеносным движением Бэрхэ-сэчен выхватил саблю.

— Видит Бог,— сказал он,— нет у меня желания заколоть тебя или зарубить, но ты слишком много знаешь!

Олегов клинок мгновенно покинул ножны, отбивая секущий удар. Сабли расцепились, и брат Иоганн тут же сделал выпад, метясь Сухову в низ живота. Олег прянул в сторону — сабля противника резанула ему бок — куяк выдержал. Продолжая движение, клинок просвистел снизу вверх, наискосок, рубанул по ноге, описал круг, мощно пал сверху.

И опять Сухов ощутил превосходство Бэрхэ-сэчена — тот снова вёл в поединке, постоянно нападая и не остав-

---

[1] *Кыюв* — Киев (*монг.*).

[2] *Аньда* — побратим (*монг.*).

ляя времени для контратаки. Всего умения Олега хватало лишь для того, чтобы уберечься от разящей стали. Он стал биться бережливо, пристально следя за братом Иоганном, пытаясь уловить малейшую ошибку — и воспользоваться ею.

Боковым зрением уловив отблеск слева, Сухов догадался, что это солнце отсвечивало в створке окна, заделанного слюдой или настоящим стеклом. И принялся перемещаться по кругу, принуждая Бэрхэ-сэчена поймать «солнечный зайчик». Это ему удалось — монгол прижмурил глаз, уколотый вспышкой, и сабля Олега в тот же миг коснулась остриём немытой шеи сотника. Но и сам Сухов ощутил холодное касание лезвия у кадыка.

Оба противника замерли, уравняв шансы.

— Ты можешь убить меня,— прохрипел брат Иоганн,— и умрёшь сам.

— Шаг назад! — сказал Олег, задыхаясь.— Оба!

Он отшагнул, удерживая саблю в вытянутой руке. Бэрхэ-сэчен тоже отступил. Сделал ещё пару шагов назад и опустил саблю.

— Ты тщишься уберечь «вечерние страны»[1] от набега? — проговорил Сухов, бурно дыша.— Похвальное желание, благородное и достойное. И разве я мешаю тебе в исполнении его? Вот только стоит ли добиваться высокой цели подлыми средствами? А, брат Иоганн?

Брат Иоганн усмехнулся.

— Подлыми? — переспросил он странным голосом.— А ты полагаешь, Хельгу, что сам спасался от смерти в Орде? Да тебя просто оставили в живых!

Пристально посмотрев на Сухова, Бэрхэ-сэчен повернулся и ушёл, будто ничего и не было.

Олег вернул саблю на место, попав в ножны с третьего разу. «Тебя оставили в живых!» Кто же это такой добренький?

---

[1] «Вечерние страны» — государства в той стороне, где садится солнце; Западная Европа.

Сухов зажмурился и потряс головой. Дьявол, опять всё перепуталось, перетасовалось! Не похоже, что брат Иоганн «слил дезу». Видать, уел он-таки этого ордынца-доминиканца, вот Бэрхэ-сэчен и проговорился, показал хвостик тайны. В самом-то деле, разве трудно было «ликвиднуть» Хельгу, сына Урмана? Да легко! Но ведь он жив. И что? Его «просто оставили в живых»? Бэрхэ-сэчен не раз и не два пытался сжить его со свету и вдруг отступился. С чего вдруг? А если ему приказали? Например, тот, кто оставил послание в рязанском соборе? Нет, глупости это. Откуда таинственному «Тому-Кто-Велит» дано знать о существовании нукера Хельгу? Да кому вообще есть дело до него? Что за хрень происходит вокруг?!

— Чёрт бы вас всех побрал! — с чувством выразился Сухов и побрёл до своих.

Переночевав за городскими стенами, с утра тумен вышел в путь, в последний переход. Вели тумен охотники-сицкари, проживавшие на Сити,— Елизар, Терентий и Буривой.

Олег недолго мучился вопросом, кем же считать сицкарей и тех бояр ростовских, кои угодливо и в подробностях выдали тайну военную — о местопребывании князя Василька. Предатели они, что ли? Вроде да. Так, а кто ж тогда город свой бросил? Бояре или князь? Чтоб окончательно не утонуть в пучинах морали и этики, Сухов отмахнулся от тягучих дум. Какая ему разница, кто есть кто? О душе думать надобно, правильно тот поп сказал. А душа в теле держится, вот и береги сей сосуд от разбитий...

Лес стоял тёмный, дремучий — сосны и ели росли густо и вымахивали в рост великанский. Тропы вились по дебрям, двоясь и троясь, то бурелом обходя, то болота с чёрными окнами топей, парящих даже в сильный мороз.

Сицкарь по имени Елизар, мало того что ростику был ниже среднего, так ещё и сутулился. Сгорбился в седле, да так и ехал кренделем, балаболя на местном наречии, цокая и зэкая.

— Так и живёте в лесу? — спросил Олег, поддерживая разговор.

— А цаво? — бодро сказал Елизар.— Насы тут давно зивут, навыкли. Белоцек набьём, али медведя подымем — от тебе и мясо на столи. А ягода? А грибоцки? Сам видис, лес какой!

— Кстати, да,— согласился Сухов,— лес у вас что надо.

Неправду говорил Хельгу, сын Урмана,— лес его тревожил, нервировал даже. Тумен шёл узенькими тропинками, растягиваясь на вёрсту, и за каждым деревом могла ждать засада.

На полдороге к Сити могучий бор, что тянулся отсель и до самого Белого моря, поредел, почах — одни ёлочки россыпью, да махонькие все, хворые будто.

— Ёлоцки посли...— озаботился Елизар и передал всем по эстафете, чтобы шли точно следами его, не ступая ни на шаг в сторону, особливо там, где ёлки покосились. Уж если корням не за что держаться, знать, внизу топь, корочкой земляной прикрытая, снежком присыпанная. Ждёт-поджидает ротозея, что ухнет в холодную грязь, да и увязнет в ней до скончания веков — на дне хляби много полегло неосторожных тварей, что преют вместе с нанесённой ветрами листвой. От гниения того тепло поднимается, потому и не замерзает болотина, кое-где проталинами выступая.

Тремя цепочками двинулся тумен, ступая след в след сицкарям. Так и одолели топи по прямой. А после ночёвки в лесу ордынцы вышли на реку Сить.

Речка была неширока, и берега её не оставляли места под селения — всё поросло могучими деревами, соснами да елями, чьим корням подчас не хватало суши, и они вытягивались над замерзшей водою, как лапы загребущие.

Сицкари протянули руки, указывая путь по течению, придавленному льдом, и канули в свой любимый лес. А тумен двинулся вперёд, с каждым шагом приближаясь к месту битвы. Был день четвёртый первого месяца [1].

---

[1] 4 марта 1238 года.

...Великий князь владимирский Юрий Всеволодович предусмотрел всё — выстроил новые избы вдоль берега, и даже баньки соорудил, часовенку поставил, по всем тропам засеки организовал. Много народу прибыло к великому князю — целая тьма. Будет кому приветить проклятых мунгалов!

На всех домов не хватило — те, кто вперёд поспел, расселились в заброшенной деревушке, стеснив хозяев, а прочие шалаши себе строили, шатры ставили, не гася костры ни днём ни ночью.

Всё предусмотрел Юрий Всеволодович, об одном не подумал — не представил себе, что татары могут и с севера подойти. Не верилось ему, что степняки леса одолеют. С юго-востока ждал врага великий князь, от Углича. С полуночи[1] даже сторожи не выставил. А Бурундай явился откуда не ждали...

...4 марта Юрий Всеволодович послал воеводу Дорофея Федоровича в разведку и дал ему три сотни бойцов.

— Просмотри, Дорожа,— сказал великий князь,— все подходы, чтобы ни одного вонючего татарина видно не было на берегу Сити!

— Сделаем, княже,— прогудел Дорожа.

В избе княжьей жарко было натоплено и стояла темнота. Юрий Всеволодович накинул на плечи шубейку, вышел проводить отряд — свет белый увидеть да воздуху свежего глотнуть.

Вовне тёплых стен морозец стоял, хоть и не крепкий, небо хмурилось, обещая снег, ветер шумел в кронах сосен, навевая тревогу. Солнце скрылось за тучами, и на сердце великому князю тоже тень легла — неспокойно стало Юрию Всеволодовичу, тоскливо и страшно. Чудилось ему, что мунгалы поганые притаились повсюду — за каждым деревом, за каждым сугробом стоят и только приказа ждут, чтобы кинуться и покончить со всеми разом.

---

[1] *Полуночь* — здесь: направление, север. Полуденная сторона — юг.

Поддаваясь малодушию, князь владимирский ужаснулся: что он затеял? На что замахнулся? Впору ли сладить с семью туменами, когда у него один всего, да и тот не его? Ладно, уже не семь полных туменов у Батыги, а едва ли шесть — как-никак порубали татар и рязанцы, и коломенцы, и владимирцы... Юрий Всеволодович усмехнулся скорбно и головой покачал: кого он дурит? Себя? А зачем? Не убавилась сила татарская — одних посекли, так Батый других набрал. И нижегородцы прибились к нему, и ростовцы. И булгары, коих он лично, князь владимирский, обижал не раз, коим не помог в позапрошлом году, когда Батыга Джучиевич земли их разорял, тоже влились в войско ордынское. И мордвины, на которых он настоящую охоту устраивал, также присоединились к ретивому внуку Чагониза... И ползёт по земле рать ханская, аки змий многоглавый — отрубишь ему одну голову, огнём пыхающую, а на том месте три новых отрастают... И где ж той силы набрать, чтобы сгубить змия проклятого?

А о себе подумать когда? Кто он-то? Кем стал нынче великий князь владимирский? В кого превратился? Земли у него отняли, войско расточили, семью — и ту сгубили... Что же он доказать тщится? Али мести возжаждал? Да тут, как не мсти, толку не будет. Ежели и победит он Батыя, то всё равно проиграет — уже проиграл. Всё, что имел,— прахом пошло. В тлен превратилось. В пепел...

Торопливый конский топот вывел князя из дум тяжких. Обернувшись на звук, Юрий Всеволодович увидал Дорожу — расхристанного, в крови, без шлема.

— Обошли нас татары, княже! — завопил воевода.— Всех моих положили!

Великий князь заметался по лагерю, криком сзывая воинов. Расторопный Дорожа бросился к часовне и заколотил в било. Начали сбегаться бойцы, вылезая из шатров, показываясь из новеньких бревенчатых срубов. Они спешно одевались, влезали в брони, хватали оружие, но монголы не дали великому князю времени даже на построение — сотни Бурундая налетели в вихрях свежевыпавшего снега, как буран полуночный, на визжащих ло-

шадях, гикая, свистя, кроя воздух саблями, словно предвкушавшими вкус крови. И полилась кровь, щедро растапливая сугробы. И пошла сеча... Да нет, какая там сеча. Не битва случилась на Сити, а избиение.

Ратники из Костромы и Ростова, из Ярославля и прочих мест бежали по льду реки, спасаясь от неминуемой смерти, изредка оборачиваясь, выставляя копья, замахиваясь мечами и секирами. Но ордынская лава сметала их, кромсала, секла, рубила, втаптывала в снег, вдавливала в лёд...

Полк Василька Константиновича, не добрав и половины состава, принял неравный бой — без строя, порой без брони, без оружия даже. Ростовцы бросались на монгольских конников с голыми руками, просто не успевая вооружиться, иные выскакивали из бань, в рубахах на голое тело, и неслись босиком по снегу, татарам наперерез. Иногда безумцам везло — скидывая монгола в снег, они сами взбирались в седло, походя на мангусов, — лица красные, мокрое волосьё дыбом стоит, прихваченное морозцем. Эти смельчаки бросались на врага, гибли или добывали-таки оружие и вступали в последний бой своей и без того недолгой жизни.

Одна лишь дружина Ивана Стародубского шла на бой в строю, в бронях и во всеоружии — стародубцы вышли из леса, ощетинясь копьями, а лучники их выцеливали врага из-за деревьев.

Ордынская лава нахлынула на дружину, как вешние воды на песчаный островок — размывая, расточая, рассеивая. В какой-то момент сабли обрушились, иссекая живую силу, и схлынула конница, умчалась дальше. И всё, исчез островок...

— Держаться вместе! — орал Изай.— Не разъезжаться! Хуррагш!

— Хуррагш! — подхватывали нукеры и неслись, неслись вперёд, гоня живых к гибели, а кони едва поспевали перескакивать через мёртвые тела.

Бурундай ехал позади от переднего края, в сторонке, отзывая разгорячённые, утомлённые сотни и бросая в

бой свежие, изнывавшие от желания приложить и свою руку к одержанию победы.

Повинуясь его приказу, Эльхутур придержал свою сотню, пропуская вперёд бойцов Алтун-Ашуха.

— Обшарить всё! — приказал джагун.— Прочесать лес!

Сотня порысила позади тумена, зачищая лагерь оросов окончательно. Нукеры громко хохотали, были очень оживлены, медленно унимая боевой азарт. Врагов они положили без счёту. Ордынцы счищали кровь с сабель, обтирая клинки о мёртвые тела оросских воинов, устилавших берега Сити, снимали с павших брони и оружие, шарили по избам и шатрам, убеждались, что те пусты, и поджигали их.

— Ой-е, Изай! — крикнул Эльхутур.— Поглубже в лес зайди, глянь, не сбежал ли кто. Кого застанешь — руби на месте!

— Слушаю, джагун!

Изай Селукович довёл приказ до подчинённых и повёл десяток в лес. Снег лежал глубокий, но арбан-у-нойон не спешил — рассыпавшись цепью, нукеры прочёсывали лес. Зарубив несколько оросов, удиравших с Сити, десяток набрёл на крупную добычу — улюлюкая, ордынцы окружили самого великого князя, запыхавшегося, утонувшего в снегу по пояс. Юрий Всеволодович сам отбросил меч — Олегу показалось, что бывший правитель даже рад был наступившему концу. Если это так, то радовался великий князь преждевременно — его отвели к Бурундаю, и тот лично исполнил приказ Бату-хана — срубил Юрию Всеволодовичу голову.

Опустив её в снег, темник оглядел гордых нукеров Изая.

— Ой-е,— ухмыльнулся он,— молодцы, багатуры! — и указал на Олега мосластым пальцем: — Возьмёшь своих коней, ещё пару отменных скакунов я тебе дам, и отправишься к городу Новый Торг, отвезёшь голову великого коназа самому Бату-хану — расскажешь ослепительному о нашей победе!

— Слушаю, непобедимый,— поклонился Сухов, принимая кожаный баксон с ужасным свидетельством торжества большей силы над меньшей.

Крепко пожав руку Изаю, хлопнув по плечу завистливо вздыхавшего Чимбая, Олег вскочил на верного савраску и поскакал, ведя в поводу вьючных и запасных.

Глава 22,

в которой Пончик верно служит великому князю

...А Пончик с Вахрамеем ехали по следам тумена Бурундая. Лошади их ступали неторопливым шагом, всадники же не до конца понимали, куда они, собственно, едут, и есть ли вообще смысл в одолении пути.

Оба товарища были погружены в думы. Вахрамей время от времени качал головой, словно не соглашаясь с самим собою, и тяжко вздыхал. Иногда он поднимал лицо к небу, делая брови домиком и становясь похожим на могучего Пьеро. Выглядело это смешно, но Александру было не до смеха.

Он думал о своём, ощущая в душе пустоту и то странное оцепенение, что обычно предваряет истерический срыв. У Пончика было чувство, что война окончилась. По крайней мере самое страшное сражение с татарами уже случилось. Евпатий погиб, и стало ясно, почему Коловрата прозывали Неистовым. И что теперь?

Куда он едет, словно по инерции? Что мешает им с Вахрамеем повернуть назад или вообще разъехаться? Какой не отданный долг? Какое дело не сделанное?

Шурик натянул поводья, и конь остановился. Вахрамей проехал ещё пару шагов, пока не заметил, что сбоку не мелькает грива. Повернувшись в седле, он удивлённо спросил:

— Ты чего?

— Слушай, а куда мы с тобой так мчимся, а?

— Мчимся?.. Хм. Я бы по-другому это назвал — куда тащимся.

— А тут как ни скажи, всё едино. Так куда? И зачем? Я вот с самой Онузы таскаюсь за монголами. И в Рязани был, и под Коломной, и во Владимире. А толку? Спору нет, Роман хорошо бился, а уж про Евпатия я и вовсе молчу, но кто ещё сможет дать отпор монголам? Знаешь таких?

Вахрамей задумался, помолчал и головой помотал.

— Нету таковских,— вздохнул он.— Зато дурачья сколько развелось, оказывается... Раньше смотрел на князя нашего и думал: орёл! Лев рыкающий! А на деле — мышь он серый... Ведь приходила же татарва к Киеву или докуда она там дошла, надо ж было и нашим князьям хоть чуток промыслить! А князь рязанский даже на речку Калку не явился...

— Вот и расколошматили его на речке Воронеже! — зло сказал Пончик.— А князюшка даже не узнал, как татары в бой ходят! Угу...

— А в прошлом годе как было? — продолжал монах.— Булгар воевали татары. Хоть кто из наших помог? Да ладно там помог — не помог, но думать-то надо ж было! Обговорить такое дело, собрать все силы в один кулак... Неужто не отбились бы?

— Вот, везде и всегда так,— горько улыбнулся Александр.— Всё в народе понимают, но — потом.

— А прежде пущай князья думают, на то они и палаты занимают!

— Кому думать-то?

— Твоя правда...— проворчал Вахрамей.— Некому.

И товарищи снова тронули коней. Объехали лесок, а навстречу большая дружина показалась.

— Кого это чёрт несёт? — подивился монах.— Да так вольно едут, будто и нету татар.

— Я, кажется, знаю, кто это,— процедил Пончик.— Сейчас проверим. Угу...

Он направил коня на подъезжавших. Всадников было много, не меньше тысячи. Все в хороших, ладных доспе-

хах, при щитах и мечах. На копьях, кажущих в небо острия, флажки трепещут. Лица у всех типично русские, но спокойные, без ожесточения, весёлые даже.

Тут двое конников сорвались с места и поскакали к парочке. Осадив лошадей около Пончика, они дуэтом спросили:

— Кто такие?

Александр задрал подбородок и ответил с вызовом:

— Проезжие.

— И куды проезжаете? — ухмыльнулся бледнолицый всадник, гарцуя на беспокойном чалом.

— А куда глаза глядят.

Спутник бледнолицего, парниша половецкой внешности, неожиданно озлобился:

— Да порешить их, и всего делов!

Тут Пончик не выдержал и заорал:

— Вы бы лучше татарву порешили, раз такие смелые!

Бледнолицый с половцем мгновенно выхватили мечи. Александр даже не пытался доставать оружие, вместо этого он вытащил пайцзу и ткнул дружинникам под нос. Те растерялись.

— Что за люди, Сатмаз? — раздался нетерпеливый голос.

На великолепном коне, с уздою, облепленной золотыми бляхами, подъехал князь Ярослав Всеволодович.

Половец поклонился и сказал с долей растерянности:

— Да вот, княже, словили двоих. Дерзости себе позволяют — и пайцзу тычут.

— Пайцзу? — удивился князь.— А ну, покажь!

Пончик молча продемонстрировал свой деревянный пропуск.

Князь внимательно разглядел «документ», посопел и спросил строго:

— Где взял?

— Не взял,— грубо поправил его Пончик.— Нам дали.

— Кто?

— Бурундай-багатур.

— Ишь ты! — удивился вельможа.— А другану твоему, что, тоже выдали пайцзу?

Вахрамей показал такую же, как у Пончика.

— Похоже, не брешут,— пробурчал Сатмаз.

— Похоже...— протянул князь.— А как выглядит Бурундай?

Александр описал темника.

— Я и Гуюк-хана видал,— сказал он, накаляясь,— и Батыя, и Субэдэя, и Мункэ. Их приметы тоже сообщить? — и добавил: — Ярослав Всеволодович, да ты никак запамятовал? Я это, Олександр, лекарь твой!

Князь пришёл в изумление.

— А похож! — воскликнул он.— Да точно, лечец мой, как есть! Ишь ты, выплыл! А Олег Романыч где?

Пончик вздохнул.

— Олег Батыю служит,— сказал он осторожно, боясь княжеского гнева, но князь довольно кивнул.

— Молодец, воевода! — сказал он.— Всё верно скумекал. Ага... А другана твоего как звать, Олександр?

— Вахрамей,— чопорно представился монах.

— Вот что, Олександр и Вахрамей,— сказал Ярослав Всеволодович деловито,— мне такие люди нужны, потому как полезны. Где мне ещё сыскать знакомых с ханами? Хе-хе... Возвернёшься ко мне, Олександр? Не обижу! И Вахрамея пристроим.

Друзья переглянулись, и монах выразил общее мнение:

— Отчего ж не пойти? Жить-то надо.

— Добро! — энергично кивнул князь.— Становитесь в строй.

«Мунгал» с «Монахом» скромно пристроились сбоку от дружины, разворачивая коней к югу.

Дружинники поглядывали на новеньких с любопытством, но своих разговоров не прерывали.

— А зря Василька Константиныча загубили,— брякнул молодой воин, рыжий и конопатый.

— Тише ты! — сердито цыкнул на него пожилой воин, без бороды, но с седыми усищами, спадающими на грудь.

— Говорят, это наш князь нашептал Гуюк-хану,— не унимался молодой,— ну, что Василько увёл пару возов

дани, везомой для мунгалов. А хан-то осерчал, да и велел Константинычу голову с плеч...

— Ты заткнёшься или нет?! — яростно зашипел пожилой усач.— Хочешь, чтоб и твою снесли?

— Дурак был Василько,— заявил подъехавший Сатмаз,— вот и лишился головы. Чего было на Сить переться? Звал же его Ярослав Всеволодыч! Так нет же, Ростов свой бросил и помчался дядьку выручать! Нашёл кого...

— Да уж...— буркнул пожилой.

— Так что там, на Сити, приключилось? — осмелился Пончик задать вопрос.— Сеча была?

— Сеча? — переспросил молодой, глумливо ухмыляясь.— Да уж, посекли мунгалы здорово! Вся река, сколь мы не проезжали, кровью замарана!

— Полки там посекли,— пробурчал усач,— а все князья живы-здоровы остались. И Святослав, и Всеволод, и Владимир...

— Иван тож,— подсказал молодой.

— И этот... Одному Васильку не повезло [1]. Ну и великому князю, конечно.

— А это правда,— продолжил расспрашивать Пончик,— что Ярославу Всеволодовичу ярлык дали на княжение?

— Правда,— буркнул пожилой и посмотрел на Шурика с подозрением: — А тебе-то сие откуда ведомо?

— Оттуда! — дерзко ответил Александр.— Евпатий Коловрат поведал. Угу...

— Так жив ещё Львович? — оживился усач.

— Сгубили Львовича,— жёстко сказал Пончев.— И всю его дружину положили. А дрался Евпатий так, что даже монголы воздали ему воинские почести, а всем, кто выжил в бою том, вручили пайцзы. И нам с Вахрамеем досталось.

Пожилой глянул на Пончика с уважением.

— Да-а...— вздохнул он.— Пал, значит, богатырь... А где это было-то?

---

[1] Василёк Константиныч, бежавший с Сити в Шеренский лес, был пойман монголами и казнён.

— А на Трубеже, не доезжая Переяславля-Залесского.

— Ежели с полудня следовать,— подал голос Вахрамей.

— Ясненько...

«Ясненько ему...— подумал Александр.— А вот мне ничегошеньки не ясно». Как быть? Что делать? До сих пор решали за него. Самостоятельно он лишь до Рязани добрался, а потом — понеслось... То с Романом свет Ингваревичем следует, то со Всеволодом свет Юрьевичем бежит, то с Евпатием свет Львовичем атаку отражает... А теперь, значит, Ярославу свет Всеволодовичу служит по новой. Зачем, спрашивается? Вообще, есть ли хоть какой-нибудь смысл во всём этом круговороте смертей и жизней? И где его место, Александра свет Игоревича? Где ему самому устроиться в этом мире, куда его занесло против воли и всякого желания? Как жить дальше? Для чего? Добиваться ли ему высот или продолжать плыть по течению, аки палый лист?

— Слышь-ко,— окликнул он друга,— а у тебя есть цель?

— Чаво? — не понял монах.

— Цель у тебя есть, спрашиваю? Ну, чего ты хочешь добиться в жизни? Чего достичь?

Вахрамей задумался.

— А чего тут достигнешь? — пожал он плечами.— Вот, будем мы при князе, и ладно. Ни холода не узнаем, ни голода. Чего тебе ещё?

«И вправду,— подумал Пончик,— чего мне ещё? Мало разве просто жить — вкусно есть, сладко спать, исполнять непыльную работёнку? А что? Найду себе девку красную, избу выстрою, детей заведу... Пятерых, как минимум, и чтобы все дочки. Буду не ходить по улице, а выступать важно, в шубе дорогой, а все тебе кланяются, всё норовят в друзья пристроиться к самому боярину Александру, верному слуге князеву...»

И стало Шурику так тошно, что он скривился.

Шла тысяча быстро, торопился Ярослав Всеволодович место великого князя занять. И вот он, Владимир-Залесский, поднял купола свои над лесами и пажитями.

Золотые луковки церквей весело блестели на фоне ясного неба, а из-за чёрных-чёрных стен чёрного-чёрного города выглядывали чёрные-чёрные срубы. И тишина...

— Эва как...— выразился великий князь.— Постарался Батыга, ничего не скажешь.

— Люди-то есть хоть? — робко вопросил князь Святослав, следовавший за братом.

— Скоро узнаем!

И тысяча порысила вперёд, к Медным воротам Владимира. Ломаные створы, вышибленные монголами при штурме, так и валялись под сводами воротной башни, и кони гулко протопотали по золочёным медным листам, набитым на деревянные плахи.

От ворот дорога вела вдоль стены, разгораживавшей Новый и Средний город. Стена тянулась слева, а справа открывался безрадостный вид на пожарище — всюду сажа зачернила снег, всюду угольев груды, да печи торчат среди развала обгорелых брёвен. Одни Золотые ворота выделялись белизной, да и те копотью тронуты изрядно.

— Ништо, ништо,— бодро проговорил Ярослав Всеволодович.— Леса много, отстроимся!

Людей видно не было, пока тысяча не одолела Торговые ворота. Средний город сохранился на диво — добрая половина домов стояла в целости и сохранности, разве что крышу спалило кое-где.

Пончик всё оглядывался, людей отыскивая. Когда он покидал Владимир, повсюду мертвяки лежали, а ныне ни одного тела не заметишь. Прибрали, видать.

— Гляди-ко,— пробасил Вахрамей радостно,— никак игумен наш!

Александр пригляделся. Точно, навстречу плёлся старец в чёрной рясе, опираясь на посох. Завидев дружину, он остановился, выпрямляя согбенную спину.

— Ты ли это, Вахрамей? — спросил он, мелко тряся головой.

— Я, отче!

— Жив, значит... А это кто с тобой? Уж не князь ли Юрий Всеволодович?

— Всеволодович,— подтвердил князь, покидая седло,— только не Юрий! Ярослав я, великий князь владимирский.

— Ишь ты,— сказал игумен равнодушно.— Хоронить наших мертвецов явился?

— И хоронить тоже,— проговорил Ярослав Всеволодович ровным голосом, не желая бранить божьего человека.

— А мы тут, пока тебя не было,— продолжил отец Мокий,— всех подобрали, кого нашли. Ждём денёчков тёплых, чтобы скудельницы[1] рыть... Пойдём, великий князь...

Ярослав приосанился и повёл коня следом. Идти пришлось недалеко — к соляным амбарам, большим, приземистым складам. Внутри, под провисшими потолками, стоял мороз, на солнце почти незаметный. Здесь они и лежали, убитые и угоревшие, все, кого смогли отыскать не по частям.

Сотни и сотни мёртвых тел были уложены штабелями, составляя ужасную поленницу смерти. Их открытые, замёрзшие глаза блестели стекляшками, а скрюченные белые пальцы словно пытались ухватиться за жизнь и свет, удержаться, не кануть в чёрную-чёрную бездну... Увы, безносая не зачла их попытку.

Потрясённый Пончик разглядывал ряды и ряды аккуратно сложенных трупов и никак не мог оторваться от кошмарного зрелища.

— Вся братия таскала их сюда,— проскрипел игумен.— Нагрузим телегу и тащим... Это не все, тут ещё есть, рядом и подальше. Мы их и в клетях складывали, и в амбарах, что уцелели, в избах выморочных...

— Всех похороним,— глухо проговорил князь,— всех земле предадим, соблюдём христианский обычай.

Встряхнувшись, он вышел вон. А снаружи понемногу собиралась толпа из тех, кто уцелел, кто бежал вовремя, а после вернулся. Люди подходили и подходили, а великий князь всё прямил и прямил спину.

---

[1] *Скудельница* — братская могила.

Когда народу собралось вдвое больше, чем бойцов в дружине, Ярослав Всеволодович вскочил на коня и вытащил из-за пазухи ханский ярлык — длинный свиток с печатью Батыя, большой, квадратной, красными чернилами исполненной. Развернув свиток, князь поднял его над собою и громко оповестил владимирцев:

— Это — ярлык на княжение, данный мне ханом Батыем! Отныне никакому князю не будет дозволено занимать престол по своей воле, злой или доброй, а лишь с позволения великого хана Белой Орды!

Толпа зароптала. Пончик приглядывался к лицам, но не заметил на них ненависти к поработителям или гнева народного — люди устали, им бы зиму перезимовать, хлебца поесть, а ежели с молочком, то чего же лучше?

— Разбили князя Юрия Всеволодовича,— продолжал Ярослав,— разбили брата моего, и поделом ему! Вона, ростовцы не стали ханам перечить, приняли их, одарили хлебом, отдали десятину, и цел их город! И Переяславль уцелел! И Углече Поле! Смириться следовало братцу, перед такой-то силищей. Смириться, а не гордыню тешить, не город свой бросать, вас всех отдавая на поругание и гибель!

Александр прислушался — ропот в толпе ходил одобрительный.

— А теперь я взвалил на свои плечи тяжкую ношу,— окреп голос великого князя,— нынче я должен, перед Богом и людьми, поднять Владимир из гари, укрепить город заново, населить его! Легка ли задача? Ох, как трудна! Но надо же кому-то этим заниматься? Не бросать же Владимир впусте?

— Нет! — послышалось из толпы.— Не бросай нас, княже! Володей нами!

— Слава великому князю Ярославу Всеволодовичу! — крикнул Сатмаз, пробравшись в задние ряды.

— Слава! — грянул народ.— Исполать тебе, Ярослав Всеволодович, великий князь!

И народ дружно поклонился в пояс новому правителю.

В тот же день закипела работа: верховых лошадей заставили волочить прочь из города обгорелые брёвна, сотни мастеровых людей чинили ворота, ладили новые заборола, расчищали рвы от наваленных деревьев, чтобы потом стволы дубков да берёз на дрова пилить.

А из дальнего леса за Лыбедью везли на телегах в город ошкуренные брёвна, и вот уже в самом Владимире бодро застучали топоры, вот сиротливо торчавшие печи начали обноситься новенькими венцами, словно размечая план нового поселения, краше прежнего.

Вахрамей так и не вернулся в обитель — носился с Пончиком по всему городу, исполняя волю князеву.

А ближе к субботе прибыли баскаки [1] из Орды — следить, чтобы вся положенная дань была собрана да в целости и сохранности отправлена в Сарай-Бату. Было их четверо — один татарин и три монаха — двое русских видом, а в третьем Пончик с изумлением узнал барона Гийома де Танкарвиля. Лицом милорд усох, обретя внешность аскета-отшельника, но глаза горели по-прежнему.

Представляясь князю, барон сказал:

— Брат Вильгельм, смиренный слуга Господа.

Барон был при татарине за переводчика-терджумана, а заодно и за писца-битикчи. Низко поклонившись молодому ещё, осанистому монголу, он титуловал его:

— Нойон Амирхан, великий баскак!

Амирхан небрежно склонил голову и проговорил с ужасающим акцентом:

— Менду, хоняс Ира-сылау!

Ярослав Всеволодович поклонился нойону с некоторой растерянностью во взгляде.

— Отсюда, из Владимира,— продолжал Гийом,— Амирхан будет следить за княжеством и собирать «ор-

[1] Собственно, термин «баскак» ордынцами не использовался. Человека, приставленного к князю следить за выплатой дани, называли «даруга» (или даругачи), но не будем нарушать традиции, чтобы не запутаться. Кстати, среди баскаков хватало и «оросов», и выходцев из Средней Азии.

дынский выход»[1]. Он назначит малых баскаков в Суздаль и Ростов, Москву и Тверь, Ярославль и прочие города этой страны. Здесь, во Владимире, будет располагаться дворец великого баскака.

Познакомив присутствующих со своим господином, брат Вильгельм вывел на свет монахов.

Оба приземистые и полные, монахи походили друг на друга, как двойняшки, но отличались темпераментом — брат Михаил выглядел энергичным, бодрым и жизнерадостным, а брат Николай, похоже, происходил из редкостных лентяев, был склонен к лёгкой меланхолии и глубокой задумчивости.

С достоинством оглядев баскаков, Ярослав Всеволодович представил им Пончика, отрекомендовав как Олександра, слугу княжьего, и поручил его заботам посланцев Орды.

— Проведёшь их по всем погостам,— велел великий князь,— в Суздаль сводишь... Вахрамея своего прихвати, а я Сатмаза с тобой пошлю, а то народ тут злой, жадный. Не то что за десятину — за тысячную долю удавится!

— Всё исполню, княже,— поклонился Шурик, холодея в душе.

А делать-то нечего. Заришься на шубу боярскую? Изволь отрабатывать будущее возвышение...

Начали в тот же день. Покинув Печерний город, баскаки проехали в Ветчаной. Посланцев сопровождала сотня Сатмаза, сменившего Акуша в чине окольничего, и Пончик с Вахрамеем.

— Как будто в полюдье отправились,— ворчал Вахрамей.

— Полюдье и есть,— сказал Александр,— мы же, как-никак, десятину собираем. Угу...

— Для кого?

— Не для кого, а куда. В Орду.

— То-то и оно, что в Орду. А придёт время князю дань собирать, что ему достанется? С погорельцев-то? А? Ох, чую я, будут нам хлопоты... Да что — хлопоты! Тут и при-

[1] *Ордынский выход* — так называлась дань Орде.

бить могут, никакой Сатмаз не спасёт. Распнут нас и скажут, что так и было!

— Не распнут...— сказал Пончик без большой уверенности.— Угу...

Ветчаной город представлял собой сплошное пожарище — одни печи торчали, как памятники на кладбище. Два-три дома уцелело чисто случайно, и жили в них как селёдки в бочке — не повернуться. А бездомные пристроились кто куда — по банькам расселились, по сарайчикам, кто из брёвен обгорелых наскоро избёнку соорудил, кто и вовсе в шалаше жил, на лесоповале надрываясь, ошкуренные брёвна тягая и венцы выкладывая без продыху.

Хоть и март был на дворе, а снег и не думал сходить, и лёд на Клязьме держался крепко. Солнце вроде и ярко светило, но морозец щеки пощипывал, будто напоминая — весна весной, а и зиме ещё не конец. Оттого и народу много слегло — пережившие пожар и разорение хворали через одного, лишившись тёплого угла, простужались, чахли. Отболевших своё не хоронили, оттаскивали к тем, кто с февраля дожидался ростепели в амбарах да клетях. А тут и голодуха ещё — тех, кто с утра себе болтушку из муки делал, чуть ли не за богатеев держали. Иным и того не доставалось.

Пончику было очень стыдно за свой упитанный вид перед мужиками и бабами, поднимавшими заново Ветчаной город. Люди смотрели на него, на баскаков, на бойцов Сатмаза с усталой покорностью — не знали, так чуяли, по какой надобности к ним княжьи слуги явились. Небось не с помощью пришли, а как всегда — последнее отнять.

— Это баскаки хана Батыя,— с неловкостью сказал Пончик,— они проследят, чтобы десятину взимали по справедливости и никого не обошли...

— Ага,— кивнул нечесаной головой мужик в худом армячишке, топчась в рваных лаптях,— три шкуры сняли, за четвёртой пришли. Погодили бы чуток, не отросла ишшо!

— Поговори мне ещё! — прикрикнул на него Сатмаз.

— Не беспокойтесь, люди добрые,— расплылся в улыбке брат Николай, зажурчал: — Мы ж не грабители

какие, не звери, видим, что трудно вам, и отдавать нечем. Пока. Мы попозже с вас спросим, к осени ближе...

— Но тогда уж не обессудьте,— развёл руками брат Михаил.

Гийом лишь покивал согласно и передал Пончику пожелание нойона Амирхана:

— В Суздаль.

— Едем,— сказал Александр. Он всё ломал голову — признал ли его барон или, как и князь, подзабыл? Гийом же ни словом, ни взглядом не подавал и знака малого о былом знакомстве.

Выехать из Ветчаного города можно было в любом месте — ничто не загораживало дороги. Ни домов нет, ни частокола на валу, а ров так плотно забило снегом, что копыта коней почти не увязали в нём.

И отправилась вся кавалькада в Суздаль.

«Что же это такое творится,— в унынии и растерянности думал Пончик,— Олега ругал, предателем обзывал, а сам? Я же к князьям шёл помогать, народ спасать от погибели! А выходит, что пособничаю обирать его... И кто я после этого?..»

— Не, не полюдье это,— молвил Вахрамей.— Всё както не по-людски.

— Можно подумать,— фыркнул Пончик,— прежнийто князь стеснялся подати собирать.

— Да уж куда там! Стеснялся он... Всё вытрясал, что было, ещё ты и должен оставался. Но баскаки... Уж на что князя не любили, а на баскаков ещё пуще злобиться будут!

За голыми деревьями, за снежной равниной с полосами голой чёрной земли, показался Суздаль — белокаменные стены, колоколенки, приземистые палаты. Небо прояснилось, и город смотрелся как на картинке, веселенький такой городишко. А вот населению его не до веселья было. Хоть и устояла при пожаре большая половина домов, а только в них голо было и пусто. Печи-то растапливались, тепло шло, а ставить в печь было нечего. Жили случайными находками да заначками — кто от

монголов зерна припрятал мешочек-другой, кто сальца утаил шмат добрый, а чаще всего на стол репа попадала. Вот и вся еда.

Купечество-то, хоть и перепуганное, а оправилось быстро, подсуетилось, клады отрыло, по глухим селам прошлось, сменяло на деньгу припасов разных. О боярах и речи нет, а что маленьким людям делать? Где пропитания искать? Летом-то способнее будет — и ягода пойдёт, и грибочки, поля-огородики, так ведь до лета ещё дожить надо. А как?

Народ уже будто ждал прихода баскаков — большая толпа скопилась за расколоченными и до сих пор не починенными воротами Суздаля.

— Княжье дело! — громко оповестил всех Сатмаз.

Пончик храбро въехал в город, направляясь к толпе, но тут Гийом решительно выступил вперёд.

— Здравы будьте, суздальцы,— поклонился он шумному сборищу, и люди начинали смолкать, с удивлением и неприязнью поглядывая на чужаков.— Мы баскаки, посланы ханом Батыем собрать с вас десятину, что полагается Орде...

— А вот вам! — завопила худая старуха в богатом тулупе, с распущенными седыми космами, и показала баскакам кукиш.— Вот вам, а не десятина! Ишь, чего захотели! Вы же всё, всё вынесли от нас, ничего не оставили! Десять десятин отобрали сразу, а вам всё мало?!

Пончик не нашёлся что сказать, поглядел на монахов, но те подняли очи горе.

— Доколе? — пробасил плотный купчина.— На нас напали! Лишили добра! Кто вступился за нас? Никто! А теперь заново пришли? Да что ж это такое!

— Душегубцы проклятые! — заголосили в толпе.— Креста на вас нет!

— Да откуда у них крест-то, у поганых?

— Кровь нам пустили, а которая осталась, выпить хотите?

— Мы-то думали, что всё — обобрали нас и ушли. Куда там! Они теперь всю жизнь будут из нас соки тянуть!

— Упыри!

— Вурдалаки!

— Молчать! — сказал Гийом, да с такой лютостью, что даже купчина, мужик крепкий, оробел не на шутку.— И слушать! Десятину заплатят все до единого. Вот перед вами великий баскак Амирхан, он послан Батыем следить за князем владимирским и за всем княжеством его. И никто из вас не посмеет уклониться от обложения данью! Не найдёте серебра или золота — заплатите мехами. Нет мехов — отдадите зерном, кожами, воском. Ничего у вас нет — расстанетесь с детьми своими!

Оглядев оробевшую толпу горящим взглядом ярых глаз, барон милостиво кивнул.

— Малым баскаком в Суздале,— сказал он обычным голосом,— Амирхан ставит брата Николая.

Монах скромно потупил глаза. Толпа молчала, переминаясь. В иное время люди бы просто растерзали баскаков, суздальцы — народ гонористый, драчливый, за себя всегда постоять могли. Но то буйство, тот разор, что монголы учинили при захвате Суздаля, всё ещё рождали страх и ужас, довлевшие над душами, заставлявшие горожан цепенеть и покоряться. Суздальцы посматривали на баскаков с ненавистью, с бессильной злобой — и опускали глаза, пряча их, утыкая в землю.

Тут Амирхан встрепенулся, оглядел собравшихся и что-то быстро проговорил Гийому. Тот низко поклонился и повернулся к суздальцам.

— Великий баскак владимирский не желает насильно набирать воинов в своё войско,— проговорил барон,— и предлагает охочим людям мужеска пола, здоровым и сильным, самим пойти к нему на службу.

Толпа зароптала, и даже бойцы из сотни Сатмаза переглянулись.

— А много ли достанется ратнику от Амирхана? — послышался голос из задних рядов.

— Достаточно,— увесисто сказал Гийом.— А десятникам, сотникам, тысяцким и темникам — ещё больше.

Будете стараться, и великий баскак воздаст вам по заслугам и славе!

— Тысяцкие?! — охнул тот же голос сзади, и вперёд пробился крепенький мужичок, ладный и налитой здоровьем.— Это что ж, у великого баскака такое огромное войско будет?

— Будет.

— Тогда я первый! — заявил мужичок.— Записывай! Прохором меня кличут, а прозывают Дергуном.

Гийом перемолвился словом с Амирханом, и тот оскалился. Достал из-за голенища швырковый нож и протянул его Прохору, указывая на берёзу, что росла шагах в десяти.

— Ага,— принял нож Дергун.— Тогда смотри, мунгал, каково это, ножи кидать. Вона, где сучок!

Прохор подбросил нож на ладони, словно взвешивая, и с силой метнул его — клиночек вошёл глубоко в ствол, рассекая сучок пополам. Амирхан поцокал языком и кивнул: годен!

Больше никто не вышел добровольцем, и тогда Амирхан сам прошёлся вдоль неровного строя суздальцев. Люди пятились от великого баскака, а тот, не испытывая ни страха, ни смущения, придирчиво оглядывал мужиков и парней и тыкал пальцем в грудь того, кто ему приглянулся.

Всякий раз Сатмаз кричал зычно:

— Выходи! Стройся!

Новобранцы почти не сопротивлялись. Некоторые, конечно, кочевряжились, и таких дружинники выволакивали, скручивая руки до хруста.

— Сказано тебе — иди,— покрикивал Сатмаз,— значит, иди! Не кобенься зазря!

В толпе поднялся ропот, вознеслись крики, плач послышался, а рекруты Амирхана, бледные и встопорщенные, неловко строились, образуя первые десятки армии великого баскака.

— Так он и князя пригнёт,— негромко сказал Вахрамей.— Силу такую возымеет, что Всеволодыч и до ветру сходить не сможет без позволения Амирхана!

— Ты прав,— мрачно согласился Пончик, понимая, что стоит у начала создания самой настоящей оккупационной армии. Ярлык на княжение... Ха! Что проку с того ярлыка? Не великий баскак будет при князе, а князь при Великом баскаке. Не в княжеском дворце станет решаться судьба княжества, а в резиденции Амирхана [1].

И кто он сам, Александр Игоревич Пончев, в свете новых веяний? Слуга князев? Вроде так. А князь — слуга Орды.

Простейший силлогизм получается — он, Шурик Пончев, прислужник ордынцев! Типа, полицай при оккупантах. Дожил...

Вернувшись во Владимир, Амирхан обошёл Новый город и подыскал себе ладный терем, рубленный в два этажа, с башенками по углам, с галереями-гульбищами да балкончиками. Ранее терем владыка Митрофан занимал, архиепископ владимирский. Пожар почти не затронул хоромы, лишь кое-где до стен дотянулся, лизнул пламенем.

Неудобно было Амирхану в комнатах устраиваться, непривычно, не по обычаю, но приказу Батыя перечить не станешь — надо так надо. И великий баскак решил привыкать к оседлой жизни постепенно. Для начала он приказал на ковёр, раскатанный в трапезной, уложить побольше войлоков, подушек раскидать. Чтобы можно было поесть по-человечески, сидя на полу, а не за столом, как у оросов принято. Обычай перенимать надо, кто спорит, но спешка нужна лишь при ловле блох и при поносе...

...Пончик взошёл на крыльцо епископских палат, нынче резиденции Великого баскака, и прошёл мимо хмурых стражей-копейщиков из тех, что набраны были в Суздале. Воины выглядели странно — оба в кольчугах, в шлемах-шишаках, а сверху — халаты синие, кушаками затянутые, и сабли на боку. Полуоросы-полутатарины.

---

[1] Позже Амирхан настолько приживётся во Владимире, что покрестится и станет Захарием.

Пройдя в обширную гридню, где Митрофан обычно гостей принимал да советовался с лучшими людьми города, Пончик застал там одного Гийома.

Барон сидел за столом в белой тунике да в белой же пелерине с откинутым капюшоном и пил чай — дул на него, смешно надувая щёки, и смачно прихлёбывал.

— Приятного аппетита, милорд,— брякнул Александр.

Барон покивал ему благожелательно, вовсе не походя на того злобного Кощея Бессмертного, каким предстал пред жителями Суздаля.

— И вам те же пожелания,— чопорно ответил брат Вильгельм.— Чайку?

— Не откажусь.

Брови Гийома задрались.

— Удивлён,— признался он.— Русы не знакомы с чаем и воспринимают сей благостный отвар с превеликим подозрением.

— Я знаком,— буркнул Пончик.

— Прошу прощения за то, что сделал вид, будто не признал вас, Александр,— церемонно сказал барон.— Не время было и не место. Хотя, признаться, рад был увидеть вас во здравии — и при князе. А что поделывает друг ваш, Олег?

Шурик кратко изложил события прошлой осени и истекшей зимы.

— Рад за него,— искренне выразился Гийом.— Я-то сразу приметил, что Олег к князьям вашим относился без особого уважения.

— Просто Олег привык к строгому порядку и жёсткой воинской дисциплине,— проговорил Пончик, то ли защищая, то ли оправдывая друга.— А князья... Да вы же и сами всё понимаете! Не то что в Орде... Угу.

— О, да,— кивнул Гийом.— Орда — это железная дисциплина и строжайший порядок. Чингизидам досталась самая могучая в мире армия, непобедимая и всесокрушающая. М-да... Хотите услышать о моих приключениях?

Пончик, набрав полный рот чаю, лишь кивнул.

— Пейте, пейте,— сказал Гийом и задумался.— Чай хорош, и весьма.

Напиток и впрямь был душист и вкусен. Подвяленные листья развернулись в кипятке и слабо окрасили настой, но запах приятно щекотал ноздри. Прихватывая медку, Александр хлебал чай, а барон повёл свой рассказ.

— Когда на Днепре сошёл снег,— начал он,— я пристроился к купцам и вместе с ними доплыл до Херсона. Там-то я и повстречал брата Рогерия...

Пончик едва не подавился чаем.

— Конвентуального приора?! — воскликнул он.

— Вы знали Рогерия? — удивился Гийом.

— Я похоронил его,— увял Александр.— Он умирал от ран и холода в рязанских лесах. Надеюсь, что волки не отыщут его могилы...

Барон перекрестился.

— Тогда вам будет легче понять меня,— сказал он и продолжил: — Именно через брата Рогерия я и был приобщён к делам доминиканского ордена и принял имя Вильгельма, а зимою послали меня в Сарай-Бату, в столицу Белой Орды. Это удивительный город, где есть улицы, но нет домов, только юрты, но уже строятся храмы и дворцы. Там я пристроился к нойону Амирхану, ещё не зная, какое возвышение ждёт его. И вот я здесь.

— А что Амирхан желает делать дальше? — спросил Пончик.— Куда направиться?

Гийом понятливо кивнул.

— Нынче везти дань в Орду не получится,— сказал он.— Скоро снег рыхлеть начнёт, земля размякнет — и сани не проедут, и телеги застрянут. Ждать надо тёплых дней, лета ждать. А пока собирать «ордынский выход», копить его до времени...— Барон отставил чашку и утёрся.— Мне так кажется, Александр, или вам на самом деле не по душе служить при великом баскаке?

— Честно?

Брат Вильгельм кивнул.

— Не по душе,— признался Пончик, не ощущая особой враждебности со стороны Гийома.

— Ага,— кивнул тот.— А почему?

— Странный вопрос,— пожал Шурик плечами.— Сперва пришли захватчики, разграбили города наши, пожгли, а теперь хотят тут устроиться прочно и надолго, чтобы уже не разом добычу брать, а постепенно добро вытягивать. Вроде как десятина и не великая дань, а всё ж иго... Этак, за десяток-то лет, можно серебра больше выкачать, нежели за один набег! Угу...

— Верно,— тонко улыбнулся Гийом.— И что же вам в том не нравится?

— Мне не нравится, что всё это серебро уйдёт в Орду!

— Вот оно что...— затянул доминиканец.— Значит, если бы оно осталось во владимирской земле, лучше было бы?

— Наверное!

— Нет, не лучше! — жёстко сказал барон.— Или вы не знаете, на что князья подати тратят? Пропивают их да проедают. Прогуливают! Раздаривают! А с той десятины, что «ордынский выход» составит, часть пойдёт на содержание ямов, на устройство мостов и на прочие полезные дела. Разве князья содержали дороги? Да у них и дорого не было приличных! Разве не так?

— Всё так, но...

— Понимаю, понимаю! Вам не по душе, что власть ордынская распростёрлась над землями русов. Да? А вам не кажется, что пришлые владыки устанавливают свою власть там, где местные правители слабы и беспомощны? Князья русов растратили силы в кровавых дрязгах, вот их теперь и щиплют баскаки, как кур! Да, щиплют, да, отнимают яйца. Но и хорьков кровожаждущих не пропустят в курятник! Я понятно выражаюсь? Вам доступно сравнение с хорьками? Знаете, кого я имел в виду?

— Догадался,— буркнул Пончик.— А сами-то вы как, ведь вы же не монгол? Приятно ли вам служить Орде?

— Я служу не Орде, а ордену. Впрочем, и ханам я пользу приношу немалую. Вы тут убивались насчёт сожжённых городов и весей, а много ли их уничтожено ордынцами? От силы десяток крепостей. А на Руси городов и

городишек — четыре сотни! Это разве война? Это разве уничтожение? Хан Батый всего лишь пугает русов, принуждая тех к повиновению, и оно им на благо, коли сами не в состоянии править в единстве! Уж мне-то можно верить. Я — англичанин. Уж кто-кто, а англичане познали, что есть иго! В давние времена на островах наших жили пикты [1]. Воинственные бритты перебили их множество, а уцелевших загнали в северные горы, безрадостные и бесплодные. Потом пришли римляне и подмяли бриттов. Те не хотели римского порядка, но их никто и не спрашивал. А уж как бритты были против ухода римских легионов! Знали, что придёт конец миру и всем удобствам, что окружали их в период империи. И точно! Ушли легионы — и тут же случилось нашествие. Орды англов и саксов набросились на Британию. Король Артур, служивший в римском легионе, сплотил бриттов, дал отпор захватчикам, но ненадолго. Умер Артур, и англосаксы овладели Британией, превращая её в Англию. Однако и их торжество было не таким уж и долгим — Вильгельм Завоеватель высадился на наших берегах, притесняя и угнетая англосаксов. И кого мне винить? Кого счесть потерпевшей стороной? Во мне слились крови саксонская и норманнская, и капли бриттской примешаны. Так кто я? Жертва нашествия? Или потомок победителей? Нет, Александр, не вам гневить Бога утверждениями об иге! Да и кто ж вам виноват? Не сумели распорядиться своею волей — живите тогда в неволе, а распоряжаться станут за вас. Вкус свободы сладок, но не все достойны насладиться ею.

— А зачем вам тогда князь? — спросил Пончик агрессивно.— Ведь тут всем будет Амирхан заправлять! Ведь так?

— Так,— легко согласился Гийом.— Великий баскак станет приказывать, а князь — исполнять. А то, что он сам пожелает содеять, сотворит только с позволения Амирхана. Затеет князь войну, скажем, а великий баскак ему запретит. Или разрешит, это уж как получится. Вот, задумал Бату-хан войной на Венгрию идти, на Польшу и

---

[1] Предположительно — остатки докельтского населения Британии.

прочие страны христианские. И воины Ярослава Всеволодовича двинутся вместе с нукерами.

— И вы не противитесь угрозе нашествия, как Рогерий?

— Не говорите о том, чего не знаете,— строго сказал Гийом.— У нас с приором разные задачи, но единая цель, о коей позвольте промолчать. И вы зря истязаете свою душу видениями мук народных! Поверьте, при ханах людям будет жить не хуже, чем при князьях. Может, и лучше. Это князья думают, что власть останется у них, разве что ярлыки получать придётся. Однако хан волен и дать, и отнять ярлык, если сочтёт, что князь, отмеченный им, не достоин доверия Орды. Да и не все земли окажутся под властью князей, появятся огромные территории, где ханы станут править напрямую, а население будет избирать ватаманов и тивунов [1].

— Ужас...— пробормотал Пончик.

Гийом весело рассмеялся.

— Вы бледнеете от ужаса там,— сказал он,— где впору краснеть от стыда! За себя, за народ свой и правителей его! Отрешитесь от земного, Александр, и тогда вам станет доступна высшая правда. А пока готовьтесь — великий баскак желает проследовать в Юрьев-Польский.

— Всегда готов,— буркнул Шурик.— Угу...

В Юрьеве-Польском тоже хватило шуму да суматохи. Жители не слишком-то и пострадали от набега, наверное, именно поэтому и выказали всю свою строптивость. Страсти вскипели до того, что разъярённая толпа накинулась на баскаков. Однако Амирхан умел набирать бойцов в свои охранные отряды — рекруты выступили на защиту великого баскака и его подручных. Человек десять зарубили или прободали копьями, а прочие живо при-

[1] Выборные должностные лица в ордынской администрации на местах. От слова «ватаман» произошло привычное нам «атаман», а «тивун» — это, скорее всего, переиначенное «тиун». Ватаман исполнял обязанности старосты, а тивун — судьи.

смирели. И склонили голову, гадая, кто же ими правит — великий князь или великий баскак?

Ярослав Всеволодович тоже зря не сидел — укреплял власть на местах. Святослава он в Суздале пристроил, Всеволод в Ярославль вернулся. А тут как раз епископ Кирилл, проезжая из Белоозера по Сити, привёз в Ростов тело убиенного Юрия Всеволодовича и положил его в Успенском соборе [1]. И вот израненный князь Владимир Константинович собрался с духом и силами, чтобы вернуться в Белоозеро.

Ростов, правда, остался под властью Бориса и Глеба Васильковичей, малолетних сыновей казнённого князя, от имени которых правила мать их, княгиня Мария Михайловна, но великий князь тому не противился — племянники всё ж, не чужие люди.

Спокоен был Ярослав Всеволодович за княжество, доставшееся ему от щедрот Бату-хана, но одна забота всё же глодала его сердце — тревожился великий князь за сынка своего, Олександра, посаженного в Господине Великом Новгороде. И послов монгольских принимал Олександр Ярославич, и поучениям отеческим внимал, однако лет князю новгородскому всего шестнадцать исполнилось. Не взыграет ли юная кровь? Не затмит ли она здравый рассудок? Не возгорится ли сердце князево гневом? Не отринет ли Олександр советов мудрых, не разорвёт ли союза с Ордой? Как тут спокойным быть?

И не вытерпел Ярослав Всеволодович, вызвал к себе другого Олександра, по прозвищу Мунгал, и передал ему письмо, сыну отписанное.

— Сослужи службу как князю и как отцу, сердце которого изболелось,— сказал он прочувствованно.— Вот письмо, доставь его в Новгород Великий и передай лично в руки сыну моему, князю Олександру. Коней дам тебе добрых, можешь товарища взять с собою, а вот это при-

---

[1] Ярослав Всеволодович лишь в 1239 году смог присоединить к телу своего брата отсечённую голову, чтобы торжественно захоронить его.

хвати непременно.— Ярослав протянул Пончику золотую пайцзу с изображением парящего кречета.— Поезжай немедля, держись Серегерского пути — через Тверь езжай, через Торжок. Понял?

— Так точно! — молодцевато ответил Александр, заметил лёгкое недоумение на лице великого князя и тут же поправился: — Всё исполню в точности! Угу...

— Ступай с Богом...

Вечером того же дня Шурик и Вахрамей покинули Владимир. На Пончике была роскошная шуба, жаль, обтянутая тяжёлой кольчугой. Но Александр терпел такую тяжесть — вес внушал ему мысли о безопасности. Попробуй, продырявь такую-то броню! Вахрамей, при его-то габаритах, и вовсе богатырём выглядел — как глянет, как брови насупит... Поневоле коленки дрогнут!

Службу Александр исполнял справно, мчался, останавливаясь для того лишь, чтобы перекинуть седла с уставших коней на свежих. И снова в путь.

Миновав сожжённую Тверь, Пончик и Вахрамей направились к Торжку.

Глава 23,

в которой Олег спасает красавицу от чудовища

Всё началось с того, что Сухов набрёл на прямую тропу. По пути с Сити он вышел в пределы Бежецкой пятины, одной пятой коренных земель новгородских, и был настороже — ждать ли ему, что Бэрхэ-сэчен в погоню бросится? Неясно, впрочем, что с того? Одинокий посланник Бурундая подвержен всем опасностям и превратностям лесной дороги, вернее, бездорожья.

И вдруг, после стремительных бросков по замёрзшим речкам, после долгих плутаний в дебрях, Олег выбрался на тропу, более-менее прямую, ведущую на юг.

Сторожко приглядываясь, он направился по открывшейся дорожке. Тишина в лесу стояла полная — зверьё попряталось, птицы ещё не вернулись из полуденных стран. Даже ветра не было, лишь изредка шумок проходил по верхам, и всё стихало.

Кони бодро хрупали по снегу, всадник качался в седле, прикидывая, сколько ему ещё качаться и трястись. Тропа помаленьку стала отходить западней, но Олег не сошёл с неё — направление, в общем, выдерживалось, и ладно, а уж с какой стороны он прибудет к Торжку, неважно.

— Ничего, чучело саврасое,— похлопал Сухов коня по холке,— доберёмся.

Савраска весело фыркнул, видимо выражая согласие. И тут тропу пересекла другая, поуже. Ясно читались следы копыт, отпечатавшиеся на свежем снегу,— неведомый всадник выехал на тропу пошире и потрусил по ней, далеко обгоняя Олега.

Прикинув, стоит ли продолжать путь в избранном направлении, Сухов решил, что стоит.

Тропа между тем вела в самые дебри, где могучие деревья и не менее могучий подлесок, болота и бурелом не пропустят ни конного, ни пешего.

Выехав к болоту, Олег почесал в затылке. Тут тропа кончалась, но чёткие следы проехавшей лошади вели вперёд ломкой кривой. Видать, всадник знал, куда путь держать. И Сухов отправился по следам, в точности повторяя все повороты. То и дело по сторонам открывались чёрные проталины, над которыми вился парок,— трясина ждала неловкую жертву.

— А фиг вам,— сказал Олег, продолжая двигаться след в след.

А топи жили своей мрачной земноводной жизнью. Иногда до слуха Сухова доносилось сиплое бульканье, и нос вскорости улавливал тошнотворный запах гниения.

Проехав всё болото, Олег с облегчением углубился в лес. Тропы было не видать, но цепочка следов, оставленных копытами, уводила в чащу.

Первый звоночек прозвучал, когда отпечатки вывели Сухова на полянку, посреди которой росло старое дерево, сломленное молнией до половины. Чей-то умелый топор обтесал ствол, придавая ему облик старика с бородой — глаза выпучены, рот раскрыт в злобном окрике и вымазан свежей кровью. Идол.

— Ага...— сказал Олег, соображая. Деревянный кумир был сработан не так уж и давно, древесина едва успела посереть. Значит, что? Значит, не перевелись ещё язычники на земле русской.

Идол будто отмечал появление тропы — узкая дорожка запетляла между соснами, увлекая за собой. И Сухов последовал приглашению.

Вскоре по левую руку от него открылась обширная поляна, вся всхолмленная невысокими, оплывшими курганчиками, чьи подножия были аккуратно обложены камнями. Кладбище.

Ещё проехав немного, с полверсты, Олег попал на полянку поменьше. И тут же понял, что попал он в обоих смыслах — из-за деревьев неспешно вышли молодые, крепкие парни в кожаных доспехах, вооружённые старинными мечами времён Каролингов [1].

Из-за их широких спин выскочила встрёпанная девушка, одетая по-мужски, в меховые штаны и куртку, обильно расшитую мелким речным жемчугом.

— Я же говорила! — зачастила она.— С самого болота меня преследует!

— На кой чёрт ты мне сдалась? — добродушно сказал Сухов.— Преследовать тебя...

— Между прочим,— вздёрнула нос девица,— я дочь вождя!

---

[1] Франкская династия (VIII—X века). Название происходит от имени Карла Великого (Carolus Magnus), второго и самого выдающегося правителя в династии.

— Бедный отец,— парировал Олег,— досталось же ему этакое чадо!

На суровых лицах парней прорезались мимолётные улыбки, затем один из них, постарше, сказал:

— Если ты не следил за Даной, то кто таков есть и куда следуешь?

— А вам, вообще, известно, что за лесом делается?

— Говорят, какие-то степняки напали,— подал голос один из парней, рыжий и с рыжими же усиками,— режут и бьют крещёный мир.

— Нам до того дела нет,— решительно заявил старший.— Так ты не ответил на мой вопрос.

— Зовут меня Олегом, я послан темником Бурундаем к великому хану Батыю.

— Темником? — поразился старший.

— Да, друг мой,— усмехнулся Сухов.— За мною следуют то ли десять, то ли пятнадцать тысяч войска, не считал, а ещё пятьдесят тыщ ныне осаждают Торжок.

Парень нахмурился, соображая.

— Так это что? — сказал он в раздумье.— Выходит, ты со степняками заодно? С язычниками?

— А почему бы и нет? Короче, покажите мне кратчайший путь на юг, и мы с вами разойдёмся по-хорошему.

— А то? — нахмурился старший.

— А то разойдёмся по-плохому. Но к чему вам портить своё молодое здоровье, к чему спешить, загодя в Ирий попадая?

Парни среагировали по-своему — подняли копья, словно прицеливаясь, куда же их Олегу воткнуть.

— Колите! — раздражённо крикнула Дана.— Чего ждёте?

Тут с ветки сорвалась еловая шишка. Мгновенным движением Сухов словил её и метнул в девицу. Шишка больно ударила дочь вождя в лоб. Дана вскрикнула и села в снег от неожиданности.

— Заткнись,— вежливо посоветовал ей Олег,— а то не посмотрю на заслуги твоего отца и сделаю больно.

Старший подумал и решил:

— Едем в деревню. Пускай вождь сам решает!

— Правильно! — облегчённо зашумели остальные.

Сухов подумал-подумал и не стал задираться — слишком уж много желающих ему кровь пустить. Всех не уделать, кто-нибудь, да уцелеет — и кинется за подмогой. А уж если лесовики здешние пожелают тебя догнать, тебя, отягощенного лошадьми, то они своего добьются. Это в степи без лошади никуда, а в лесу она большая помеха — проедешь не везде, а где сумеешь — не спрячешься.

— Да и чёрт с вами со всеми,— махнул рукой Олег.— Поехали!

Копьеносцы разделились на две группки — одна пошла впереди, другая сзади, а Сухов ехал посередине.

Где-то за спиной у Олега шипела Дана, обещая лично запалить костёр вокруг столба, к которому его привяжут.

— Вижу, что еловая тебе не помогает,— сказал Сухов, не оборачиваясь.— Сосновую кинуть?

— Попробуй только!

Олег как раз проезжал под разлапистым сосновым суком. Шишка там была. Сорвать её было делом секунды. Сухов развернулся, коротко замахиваясь, и Дана тут же пригнулась, обеими руками прикрывая голову. Олег взвесил шишку в руке — увесиста — и бросил её без замаха.

— Лови!

Девица по инерции мысли поймала шишку и тут же отбросила, гневно сверкнув глазами.

— Мало тебя в детстве шлёпали,— сделал вывод Олег,— уж больно своенравна. А сие не от большого ума...

Дана стала искать ответ, достойный дочери вождя, но тут за очередным поворотом показался мощный частокол — брёвна в обхват, с заострёнными концами, были врыты в землю на треть. Ещё выше поднимались колья с нанизанными на них черепами — лошадиными, коровьими, медвежьими. И человечьими.

Ворота были под стать тыну — фундаментальные ворота. Если одну створку уронить — десяток насмерть придавит. В лепёшку.

За воротами открылась деревня — пять длинных, приземистых домов под земляными крышами, своего рода общежития для нескольких семей сразу. Сухов проживал в таких, когда Рюрику служил.

Между домов пролегала площадь, занятая круглым храмом-капищем, кольцом выстроенным вокруг огромнейшего дуба, развесившего толстенные сучья надо всею площадью. Кое-где с его ветвей свешивались обрывки верёвок, а пара петель всё ещё удерживала шеи расклеванных птицами костяков. Жертвы священному дереву.

Народу в деревне видно не было, но, как только Олег въехал внутрь, из длинных домов сразу высунулись головы любопытствующих. Вскоре набежала немалая толпа, желая лично поприсутствовать на редком зрелище — чужой человек пришёл!

О т т у д а. Из мира, в котором жителям деревни места не было. Разве только на костре...

Толпа ничем особым не выделялась, не отличалась ничем таким, что сразу бы позволило определить в этих людях язычников. Люди как люди. В лаптях или войлочных чунях, в длинных и тяжелых тулупах, в меховых колпаках. Женщины заматывали головы тёплыми платками.

Олег глядел на толпу, толпа глазела на него. Потом народ задвигался, освобождая дорогу двум мужам, крепким, немолодым уже, но и не старым. На одном была длинная куртка, от плеч до подола расшитая бисером, жемчужинками, обкатанными каменьями. Длинные волосы с проседью обжимал неширокий золотой венец, по узкому ободу которого набита была надпись руническим письмом, а широкое спокойное лицо дышало уверенностью и готовностью повелевать. Вождь.

Второй выглядел постарше и был одет в длинную шубу до земли, всю увешанную талисманами, черепушками землероек, корешками, какими-то фигурками из кости. Высокая бобровая шапка венчала голову, придавая мужчине сходство с будущими боярами. Жрец. Или волхв.

— Отец! — Дана сорвалась с места и бросилась к мужчине в венце.— Этот человек гнался за мной! Он меня

ударил! Вот сюда! — и показала на лоб, где в самом деле краснело пятнышко.

— Не пугайся, вождь,— громко сказал Олег.— Это шишка упала.

— Не упала! — со злостью выкрикнула дочь вождя.— Ты её сам швырнул!

— Да? — Сухов сделал удивлённое лицо.— Надо же... А я и не заметил.

Толпа оживлённо задвигалась — зрелище! Настоящее зрелище! И чужак какой забавный, жаль будет, если скоро его отдадут дубу...

А Олег странно себя чувствовал. Наверное, потому, что не чувствовал опасности. Страха не было. Любопытства хватало, а вот страха он не испытывал. Осторожность была. Так она и не исчезала в нём никогда — он же воин. Днём воину полагается смотреть и слушать, постоянно пребывая в полной боевой готовности, а ночью — чутко спать, опять-таки не теряя ни бдительности, ни способности ответить ударом на удар.

— Что скажешь, Геревит? — спросил жреца вождь.

Жрец медленно обошёл вокруг саврасого, потрепал бурку, похлопал по морде сивку, восхищённо поцокал языком, глядя на пару буланых.

— Я чувствую большую силу, исходящую от этого человека,— сообщил Геревит,— и немалую опасность. Но с женщинами он добр.

— Ага, добр! — скривилась Дана.

— Ну, он же не бросил в тебя сосновую шишку,— возразил старший из дозорных, стремясь восстановить справедливость,— еловую только...

В толпе захихикали, а девица сузила глаза. Красивые глаза, оценил Олег. Да и сама недурна собой. Ей бы только колючки сбрить...

И тут к вождю и жрецу прибавился третий — огромный человечище, весь бугристый от мышц, с низко сидящей головой. Плечи у него были такие, что на каждом уместится по Дане. Великан смотрел исподлобья, набы-

часть, морща низкий лоб. Поглядев на Олега, он сразу засопел и сжал кулачищи.

— Кого это ты привёл, Гостомысл? — низким басом проговорил он.— Дана моя! Ты обещал её мне!

Нет, не стоило ему так неуважительно разговаривать с вождём — тот сразу вздёрнул голову и заговорил резко и властно:

— Я — отец, и мне решать, кому отдавать дочь!

— Не ярись зря, Туровид,— проговорил жрец со слабой улыбкой.

— Слушайте,— вмешался в разговор Сухов,— я не знаю, что у вас тут затевается, и, честно говоря, не спешу узнать. Я послан одним большим человеком к очень большому человеку и должен спешить. Покажите мне дорогу, и я уеду.

Вождь долго смотрел на него, приглядываясь будто, а потом заговорил:

— Мы люди мирные, но есть споры, которые нам самим не разрешить. Моей дочери уже исполнилось шестнадцать зим, и ей пришла пора потерять девство. Однако мужчина, лишающий девушку, как христиане говорят, невинности, принимает на себя злое заклятие. Туровид хочет стать для Даны первым мужчиной, но он живёт в деревне — и чёрная сила останется с ним. Ты же чужой, ты унесёшь заклятие на себе, и деревня не познает ни мора, ни голода, ни прочих напастей [1].

— Короче,— сказал Олег.

— Сразись с Турвидом,— закончил Гостомысл.— Если он тебя убьёт, будем ждать следующего гостя. Если ты победишь, Дана станет твоей.

— Никогда! — отчеканила дочь вождя.

— А тебя никто не спрашивает! — повысил голос Гостомысл.

— И я отъеду без помех? — уточнил Сухов.

— Безо всяких!

---

[1] Подобные убеждения разделяли и некоторые староверы, поселившиеся на Севере, ещё при советской власти подкладывая своих дочек заезжим геологам.

Поглядев на звероподобного Турвида, Олег спрыгнул с коня.

— Ладно,— сказал он,— если вам не жалко потерять целую тушу гнилого мяса, то я её уделаю. Только дайте мне свой меч — пусть оружие будет одинаково.

Толпа одобрительно зашумела. Жрец исчез ненадолго и вернулся с двумя мечами, прямыми и длинными. Ещё раз глянув на Турвида, Сухов снял с себя куяк, скинул шубу — пусть и условия будут равными, ведь гориллоподобный язычник не имел даже кожаного панциря. Видать, устрашал противника одним своим видом.

Взвесив в руке меч, Олег заговорил с Турвидом:

— Где ж тебя такого сделали, а? Человек-вепрь! А в итоге и не человек, и не кабан, а неведома зверушка. Зверюга! Тобой, наверное, детей пугают, когда те не слушаются. Писаются поди, тебя завидев?

Турвид не ответил, а зарычал. Сжимая в руке клинок, он бросился на Сухова, орудуя мечом неумело, словно палкой выбивая невидимый глазу ковёр. Олег даже подумал, что у вождя была не одна, а две задумки — и доченьку женщиной сделать, и Турвида убрать. Видать, опасно было чудище сие.

Отступая под натиском деревенского великана, Сухов сделал пять шагов назад — и перешёл в атаку, делая выпад за выпадом. Шкура Турвида уже в нескольких местах окрасилась кровью, а Олег всё медлил. Умертвить Турвида — не проблема. Пусть уж деревенские вволю насмотрятся, налюбуются зрелищем ритуального убийства.

А великан наседал, рубя наотмашь, пластая воздух вверх-вниз, наискосок. «Хватит!» — решил Сухов и уколол Турвида в руку. Пальцы у того разжались, и меч отлетел далеко в сторону.

— Ну, что? — спросил Олег, тоже откидывая меч.— Продолжим? Я смотрю, тебе давненько рожу не чистили...

Турвид обалдел сперва, углядев, что его противник остался безоружным, потом украсился довольной ухмылкой и пошёл на Сухова — ломать, давить, терзать.

А Олег заехал ногой Турвиду в пах — великан изогнулся, бледнея и сипя. Схватив его за большие оттопыренные уши, Сухов приложил голову Турвида об колено, ломая нос и плюща губы. Тут великан его достал, хватив кулаком по корпусу — Олег отлетел в сторону. Упав, Сухов тут же перекатился, и вовремя — огромная лапища Турвида с размаху ударила по тому месту, где он только что лежал. Олег сделал подсечку, и великан грохнулся наземь. Зарычав, Турвид вскочил, снова упал, на карачках добрался до оброненного меча и кинулся на Олега, отрезая того от собственного клинка, оставляя его за спиной. «В догонялки сыграем?» Нет, не пришлось — тот самый старший дозорный, что привёл Сухова в деревню, подхватил его меч и швырнул, крикнув: «Держи!»

Олег поймал клинок, и Турвид, несшийся на него бешеным буйволом, резко затормозил.

— Ты хотел моей смерти? — спросил Сухов.— Извини, я первый.

Отбив секущий удар меча, Олег вонзил остриё своего клинка Турвиду под сердце. Могучий организм сдался не сразу — сильно вздрагивая, великан обвисал на мече, пытаясь «сорваться с крючка». Не вышло. Силы стали покидать громадное тело. С низким рыком Турвид упал на колени. Сухов выдернул меч. Человекообразное чудище покачалось и рухнуло. Загребло ногой и замерло уже навсегда.

— Готов,— скучным голосом сказал Олег.

Толпа молчала, едва дыша, а после вразнобой выдохнула:

— О-о!

Сухов понял, что представление удалось на славу. Оглянувшись, он не увидел Даны. Гостомысла Олег тоже не приметил, но жрец подошёл сам.

— Ты выиграл бой,— торжественно провозгласил Геревит,— и ты получишь награду.

А Сухов посмотрел на темнеющее небо и подумал, что переночевать под крышей было бы куда лучше, нежели в снегу под ёлкой. «И что я должен делать?» — хотел он спросить, но жрец опередил его, позвав за собой.

— А кони?

— Не беспокойся о них,— сказал Геревит,— они будут сыты и довольны, а твои сумы — целы и невредимы. Не развеешь ли ты моё недоумение, витязь? От сум твоих веет смертью...

— Там мёртвая голова,— неохотно признал Олег.

— О! И чья?

— Великого князя.

Жрец не нашёл слов — он просто помотал головой.

— Глядя на тебя, я испытывал восхищение,— сказал он чуть после,— а теперь чувствую почтение.

Олег не ответил ему. Респект так респект. Он не против.

Геревит провёл его в баню и поручил двум дюжим мужикам, наказав им согнать с Сухова всё чёрное и злое. Мужики поклонились и повели Олега на заклание богу чистоты — в семи водах промыв, прополоскав, прокалив, пропарив.

Еле живой, «витязь» переоделся во всё чистое, домотканое и небеленое. За дверьми бани его поджидали две женщины. Они провели Сухова в пустующий длинный дом, в тот край его, где стояла огромная печь, а за стеной пряталась горенка.

Введя Олега в горенку, женщины с поклоном удалились.

Солнце уже садилось, и два маленьких окошка, заделанных прозрачной слюдой, пропускали внутрь рябиновый свет заката. Из темноты появилась Дана, обнаженная и притихшая. Она шла ломким шагом, ступая на цыпочках. Распущенные волосы спадали на грудь, небольшую, но красивой, точёной формы.

Олег разделся и приблизился к Дане. Огладил плечи, положил ладони на груди и сжал пальцы — тугие какие! Девушка дрожала.

— Тебе холодно? — спросил он.

Дана помотала головой.

— Мне страшно,— сказала она.

— Чего ты боишься?

— Я тебя боюсь... Я тебя обидела.

— Пустяки какие...

Сухов привлёк девушку к себе, обнял, погладил по спине. Дана, будто борясь с собой, медленно опускала голову, пока не уложила её на мужское плечо.

— Ой,— сказала она шёпотом,— он у тебя шевелится...

— Он?.. А-а...

Подхватив Дану на руки, Олег отнёс её на постель у тёплой стенки, уложил и принялся целовать всю — от шейки до коленок. Девушка постепенно оживала, её дыхание сделалось прерывистым, а соски набухли и отвердели. Девичьи руки исследовали мужское тело, совершая открытие за открытием. Дана прижималась к Олегу губами, грудью, бедрами, пока он не сдвинул девушку на край ложа, не спустил её ноги на пол и не раздвинул их пошире. И очень хорошо вошёл, очень бережно и нежно.

Девушка задохнулась, выгнулась всем телом, застонала, разбрасывая руки, извиваясь и трепеща, потом заключила Сухова в объятия, обхватила ногами, принимая и не отпуская.

— Милый... Ты милый...

— А ты миленькая...

Утомившись от трудов любви, он и она долго лежали рядом, потом Дана придвинулась поближе, прижалась робко, Олег крепко обнял её, и девушка расслабилась, положила голову ему на грудь, вздохнула.

— Ты уйдёшь? — спросила она.

— Я должен,— ответил он.

— А задержаться тебе никак нельзя? Хотя бы на денёчек?

— Нельзя, Даночка.

— Жалко...

Она погладила его по груди и нащупала нательный крестик.

— Это твой оберег?

— Да.

— А у меня тоже есть оберег! Я сейчас его тебе покажу.

Дана гибко прогнулась, дотягиваясь до своей одежды, и достала из складок тонкий шнурок-гайтан, на котором висела бронзовая монета с изображением то ли царя, то ли бога и с непонятной надписью вокруг.

— Вот! Надень. Он тебя защитит, это очень сильный оберег!

Олег послушался и нацепил на шею монету на шнурке. Подумал и снял с себя крестик на цепочке.

— А это надень ты. Если сюда придут новгородцы или ещё кто, выжигать язычников, как ос, покажешь им этот крестик. Поняла?

— Поняла.

— Тогда давай спать, берегиня...

Встал он рано-рано, солнце ещё только думало подниматься над дальним лесом. Вещи свои Сухов обнаружил за дверью, вычищенные или выстиранные. Оделся, обулся и пошёл седлать коней.

Провожала его одна Дана.

Баксоны лежали в рядок в конюшне, рядом с седлом. Перехватив его взгляд, дочь вождя сказала:

— У нас не крадут.

— Верю,— улыбнулся Олег.

Поцеловав Дану, прижав к сердцу это неожиданно ласковое создание, нежное и любящее, Сухов сказал:

— Прощай, миленькая, и будь счастлива.

— Буду,— пообещала девушка и шмыгнула носом.— Обязательно! И ты тоже чтоб счастливым жил! Ладно? А там будь что будет...

На воротах дежурил давешний рыжеволосый и рыжеусый. Он отворил створку и выпустил Олега за пределы крошечного мирка, увязшего в девятом столетии. Толком не узнав, как жили эти люди, отрекшиеся от крещения и сохранившие верность древним богам, чему они радовались, о чём горевали, Сухов устремился по тропе до могильных курганов, а там свернул на незаметную тропку. И она повела его на полудень, извиваясь змейкой между стволами деревьев.

К концу третьего дня пути Сухов одолел всхолмления Бежецкого верха и вышел к берегу реки Медведицы.

На весь путь до Торжка ему отвели пять дней. Судя по всему, он сможет управиться и за четыре. Можно было и не спешить, но Сухов не сбавлял взятого темпа — привык службу справлять только на «отлично». А конунг ли приказывает, базилевс ли, хан ли — какая разница?

...Олега с мысли сбил властный окрик. «Начинается...» — вздохнул Сухов. Верней, продолжается. Обернувшись, он увидел с десяток всадников, выезжавших из леса. И это не были посланцы брата Иоганна или воины-новгородцы. Ни одного шлема, ни одного копья или щита — все в тулупах и мохнатых треухах, с топорами, двое-трое с мечом или саблей. Разбойники? Похоже на то.

— А ну, стой! — донёсся злой вопль.

Олег обернулся и показал всей шайке неприличный жест. Лихие людишки взвыли, засвистели, пустили коней в галоп.

Савраска тоже прибавил ходу, сивка с буркой не отставали, а пара буланых, одолженных Бурундаем, и вовсе неслась впереди.

— Стой, хуже будет!

«Это мы ещё посмотрим...» — мелькнуло у Олега.

Отпустив поводья, он достал из саадака лук, правой выхватил стрелу. Наложив её, как надо, он резко повернулся в седле, оборачиваясь назад, одновременно выпрямляя левую руку. Низко загудела спущенная тетива. Нет, не прошли даром его штудии — срезень выбил пыль с шубы скачущего впереди, протыкая все внутренности. Всадник согнулся, хватаясь за живот, и кувыркнулся в снег, под копыта коней.

А Сухов снова выстрелил, крепко сжимая ногами тело скакуна. В этот момент он более всего походил на кентавра, какими их рисуют на картах неба.

Вторая стрела тоже нашла свою цель, правда, поразила она не конника, а коня. Бедный чалый, раненный в шею,

упал, перевернулся в снегу, придавливая всадника и ломая кусты.

Тут самый крикливый из разбойничков вырвался вперёд. Схватясь за поводья левой рукой, он вытащил маленький, чисто плотницкий топорик, да и кинул его со всей мочи, метясь Олегу в спину. Верна пословица — не на того напал.

Сухов выловил в воздухе мелькавший топорик, примерился и метнул в крикливого. Тот от испугу шарахнулся в сторону и сшиб соседа. На них налетел третий, скакавший сзади,— вопли, крики, ржание смешались.

Добавив пару стрел в кучу-малу, Олег покинул место несостоявшейся битвы. Сразу словно занавес опустился — повалил снег. Сухов ему обрадовался.

И тут, плохо различимый за белыми хлопьями, подлетел разбойничек на сивом коне. Стрела была пущена в упор и ударила с такой силой, что Олег едва удержался в седле, а гранёный наконечник и куяк пробил, и шубу, ударив в грудь, как кулаком со всего размаху бьют.

Разбойник подскакал по инерции, уверенный, что поразил путника, и слетел с седла, заработав удар саблей.

Проехав ещё с версту, Сухов свернул в лес, надеясь, что снегопад помешает лиходеям заметить то место, откуда он сошёл с тропы, а после и вовсе заметёт следы.

Обломав торчащую из груди стрелу, Олег раскачал и вытянул затрявший в куяке наконечник. А потом нащупал на груди монету со вмятиной — спас его оберег, принял на себя удар смертоносного жала. Дай Бог, и крестик спасёт Дану — недолго язычникам вековать у князей и посадников под боком.

Савраска шагом уходил в лес. Лес стоял густой, молчаливый, только кроны угрюмо шумели вверху, как зонтики задерживая снег. Дело шло к вечеру, начинало темнеть.

Предстоявшая ночёвка не слишком пугала Олега. Разгрёб яму в снегу, запалил костёр, завернулся в шубу, да и спи себе. Кони будут терпеливо стоять до утра, тискаясь поближе к огню. В лесу под снегом лошадям не наскрести травы, поэтому надо будет им торбы навесить с зерном.

Разбойнички тоже не вызывали страха. Даже если у них и сохранится желание найти Сухова, чтобы поквитаться, осуществить хотение можно будет не раньше утра. А ночью подкрасться к костру... Нет, это идея неосуществимая — степные лошади почти что дикие, у них нюх получше, чем у собаки. Вражину или хищника учуят сразу и дадут знать хозяину.

Запалив нодью, он пристроился к костру поближе, да так и уснул, с сожалением вспоминая горенку в безымянной деревушке, разошедшейся с миром. Зато утром не шибко хотелось поваляться — не то ложе.

Буланые и саврасый, сивый и бурый рады были пути — отдохнув, отъевшись, кони набрались сил и еле сдерживались перед тем, как их растратить в долгой дороге. Впрочем, путь лежал недалёк — на юг, до реки Тверцы, а по ней до Нового Торга — до Торжка. А там будь что будет...

Глава 24,

в которой дорожки пересекаются

Торжок горел. Окружив город по обычаю крепким забором, ордынцы неделю подряд обстреливали Новый Торг то валунами, коих вокруг имелось великое множество, то ворохами пакли, смоченной в жиру и дававшей чадящее пламя, раздувавшееся в полёте.

Пороки били и били: банг, банг, банг. Каменные ядра, хитро обтёсанные, летели, кувыркаясь и подвывая, зажигательные снаряды неслись кометами.

Монгольские юрты стояли напротив всех шести ворот Нового Торга, но никто не шёл на приступ. Батый словно ждал, когда же у горожан кончится терпение, и они сдадут крепость сами. Терпение, возможно, и кончилось давно, зато страх вырос — никто за стенами Торжка не ждал милости, понимали — не тот случай. Открой монголам ворота или дожидайся, пока они их вышибут, без

разницы. Всё одно истребят. Всех, кто не спрятался. От мала до велика.

Выехав на пригорок, Олег внимательно осмотрелся, но мало что понял. То ли это хитрая стратегия такая, то ли неумная тактика... Непонятно.

С самого начала было известно, что войны с Новгородом не будет, на этот счёт вроде бы имелась договорённость самого великого хана Угедэя с правящей верхушкой республики — и архиепископ, и посадник [1], и тысяцкий согласны были пойти на союз с Ордой. Видел в том смысл и юный князь Александр Ярославич, всячески поддерживаемый отцом, первым из всего княжья получившим ярлык.

Тогда почему Батый с Субэдэем продолжали войну по-старому — переходили границу и разоряли крепость? Выходило так, что для них Угедэй не указ? Скорее всего, дело объяснялось проще — монгольская кавалерия страдала от бескормицы, а Торжок был буквально набит зерном, которое шло на продажу в Новгород. По сути, Торжок был для новгородцев теми самыми закромами родины, полными понизовского, то есть на юге выращенного, жита. И ахиллесовой пятой республики. Недаром князья владимирские, когда прижать хотели Новгород, брали Торжок в осаду, не пропуская хлебные обозы к Волхову,— и новгородцы сдавались, не желая с голодухи пухнуть.

А тут, видать, сам Торжок стал в позу — не поддержали правители Нового Торга мирные инициативы князя новгородского, не пустили монголов к зернохранилищам. Вот Бату и взбесился. Не потому ли и приступ идёт не обычным порядком? Нукеры будто бы и не собираются штурмовать город — Торжок просто *наказывают*. Хан даёт понять, кто на Руси хозяин, и демонстрирует, как, в случае неповиновения, поступит Орда — железной рукой задавит всякое сопротивление. Метод меча и пряника.

---

[1] *Посадник* — высшее выборное лицо в Новгороде, являвшемся феодальной республикой (Господин Великий Новгород). Различались степенной — действующий — посадник и старый, служивший народу ранее. Тысяцкий был своего рода народным трибуном, представляя не бояр, а средние слои и простолюдинов.

Сухов объехал вокруг частокола полгорода, изредка встречая знакомых тургаудов, пока не заметил белый шатёр Бату-хана. Последние вёрсты пути к Торжку Олег одолел на буланом, вот его-то он и подбодрил пятками, предлагая коню живее перебирать ногами. Буланый подчинился, и вскоре Сухов оказался в пределах орьги — ханской ставки.

Бравые кешиктены тут же бросились навстречу, красноречиво обнажая сабли, но Олег мигом выхватил золотую пайцзу и крикнул:

— Внимание и повиновение! Я послан Бурундаем с поручением к самому хану Бату!

Гвардейцы с почтением закружились вокруг, поглядывая то на пайцзу, то на Олега.

Долгих церемоний очищения проводить не пришлось — хан находился не в юрте, он проезжал мимо и первым заметил Сухова. Подъехав поближе, Бату остановился, уперев руку в бок. За его спиной словно прятался Субэдэй.

Олег спрыгнул наземь и, ни слова не говоря, отвязал баксон-посылку. Поднеся его к ногам белого коня, на котором восседал хан, он поклонился, развязал баксон и вытащил за волосы голову Юрия Всеволодовича.

— Бурундай шлёт тебе голову врага твоего, великого князя владимирского,— громко проговорил Сухов,— и сообщает, что войско князя разбито!

Довольная усмешка растянула губы Бату-хана и смежила его веки в щёлки. Субэдэй и вовсе оскалился в радости.

— Ты принёс мне хорошую весть, багатур,— сказал хан,— и будешь награждён.

— Благодарю, ослепительный,— поклонился Олег.

— Скоро ли прибудет Бурундай? — поинтересовался Субэдэй.

— Скоро, непобедимый. Через два-три дня тумен будет здесь.

— Отлично! Ступай, отдохни, багатур.

А багатуру только этого и надобно было — напряжение последних дней сковало тело усталостью.

Сухов, не садясь уже верхом, пешком добрёл до становища. Привязал коней к деревьям, щедро натрусил им сена, расседлал, протёр, а все перемётные сумы снял и уложил поближе, подгрёб под себя — целее будут. И заснул, как умер.

Два дня Олег только и делал, что отъедался да отсыпался, а на третий день к Торжку подошёл тумен Бурундая. Сухов сразу двинул к стану Тугус-беки, разыскал шатры и юрты сотни Эльхутура, а потом его прибытие заметил Чимбай.

— Ой-е! — завопил нукер.— Хельгу тут уже! Изай, хватит дрыхнуть, как барсук в норе!

Похлопав друг друга по спинам так, что пыль клубами летела, Олег с Чимбаем разъехались, а тут и арбан-у-нойон показался из юрты.

— Ва-вай! — осклабился куман.— Все в сборе! Проходи в юрту, я угощу тебя кумысом, а ты меня — рассказом!

Пригласил Изай Селукович одного Сухова, но в юрту налезло народу поболе — весь десяток вместился, сел в кружок у костра. И пролился в аяки пенистый напиток, и раз, и другой.

Повесть об осаде Нового Торга Олег вёл, пересказывая то, о чём слыхал, но расписал всё, как было, без утаек и в красках.

— Всё, кончается наш поход...— сказал Изай, щурясь от дыма.— Сейчас с Торжком разделаемся и повернём к югу, двинем через Смоленск — в степь. Весна скоро, трава в рост пойдёт...

— Устал я от лесов,— признался Хуту.— Ходишь по ним, как суслик в траве, неба не видишь.

— А я от мокроты устал,— сказал Судуй.— Оросы живут в стране вечной тени, ветра тутошние промозглы, а воздух сырой.

— Солнца не видно! — пожаловался Тайчар.

— Да зима же,— удивился Изай,— какое тебе ещё солнце? Где ты видел в зимней степи тепло и свет?

— Всё равно,— протянул Хуту,— степь я вижу всю, сколько хватает глаз, а в лесу деревья искололи мой взгляд!

— Точно! — поддержали его нукеры.— Верно говоришь!

— Ничего...— сожмурился Изай.— Скоро мы выйдем на простор, где глаз не цепляет ни единое дерево...

— Скорей бы!

Олег не поддерживал разговора, он дремал, клюя носом. Изай заметил его состояние и подбородком указал на стопу войлоков: ложись, мол. Сухов не стал спорить — заполз, да и уснул, не раздеваясь.

Ему снилась Варвара. Смеясь, женщина мчалась на белом коне, нагая и прекрасная, её груди подпрыгивали на скаку, а волосы развевались ветром. Она неслась Олегу навстречу, но вдруг круто развернулась и поскакала прочь. Обернулась — и он узнал лицо Елены Мелиссины...

На следующий день положение резко изменилось — в ордынское становище приехал новгородский князь Александр Ярославич. Это был крепкий, возмужалый парень с пробивавшимися усиками. Щёки его еще не знали бритвы, а волосы лежали кудрями — выглядел князь, как деревенский подпасок, вот только твёрдый взгляд синих глаз выдавал породу.

В дорогих доспехах, в алом плащике-корзне, князь приехал во главе сотни, доставившей Батыю целую вереницу возов с дарами.

Переговоров князя с ханом Олег не слышал — не в тех чинах был, но в пересказе через третьи уста дознался о повестке дня — Александр Ярославич подтверждал верность союзническим договорённостям, а дары были как бы компенсацией за отступников из Торжка. Князь и ранее категорически отказал Новому Торгу в помощи, а раз посадник в Торжке, Иванко Юрьевич, против мира с монголами, то и поделом ему, пускай теперь испытает все прелести войны на своей шкуре!

И начался штурм. Суматошные китайцы и озверелые монголы подкатили тараны к трём воротным башням. Жители Торжка почти уже не сопротивлялись, никого не

было видно на стенах, готового отразить атаку, но и ворота не открывались — понимали горожане, что на милость им рассчитывать не приходится. Монголы никогда не оставляют жизни тем, кто сопротивляется их силе и праву. Страх и растерянность царили в душах новоторжцев.

Отоспавшись и отъевшись, Олег занял своё место в строю и ждал сигнала к началу штурма — сотня Эльхутура должна была идти в последних рядах, хотя упорного сопротивления никто не ждал. Было ясно, что пойдут они не на приступ, а как каратели.

В этот самый момент прискакал Чимбай, тараща глаза, и что-то быстро нашептал Изаю, косясь на Сухова. Олег подозрительно посмотрел на нукера, а куман поманил его к себе.

— Садись на коня,— сказал он торжественно,— и езжай в орьгу. Ослепительный хочет видеть тебя!

— Ой-е...— только и вымолвил Хельгу, сын Урмана.

Быстренько вскочив на буланого, Сухов помчался к белевшему вдали ханскому шатру. Не доезжая до него, он заметил Батыя, верхом на коне саврасой масти. Рядом, на гнедом, находился новгородский князь.

Олег спешился и отвесил поклон хану.

— Слушай мою волю, багатур,— величественно заговорил Батый.— Я посылаю тебя на службу коназу,— он небрежно кивнул на Александра Ярославича.— Будешь моим эльчи [1] — помогать станешь собирать дань и отправлять в Орду. Коназ не желает видеть у себя моих баскаков. Что ж, он их не увидит. Но ты следи в оба глаза, чтобы всё было без обману. Народ здешний с норовом, как необъезженный конь. Тебе дадут золотую пайцзу и новые одежды — пусть все видят, как щедра Орда и как богата. А вот как она сильна, ты покажешь сам. Отныне ты, багатур, мой личный посланник. Орос, который верно служит хану Белой Орды,— мог ли я сделать выбор лучше?

---

[1] *Эльчи* — посланник с расширенными полномочиями (к примеру, мог исполнять полицейские функции).

Хан смолк, и Сухов отвесил глубокий поклон, приложа руку к сердцу.

— Всё исполню в точности, ослепительный,— пообещал он.

Батый милостиво кивнул и отпустил своего эльчи. Поймав внимательный, настороженный взгляд Александра Ярославича, Олег подмигнул князю. Тот расширил глаза, не зная, то ли гневаться ему, то ли не стоит.

Деятельный юртчи подвёл к Олегу двух великолепных коней редкой игреневой масти, навьюченных целым состоянием — мехами, дорогим оружием, звонкой монетой. «Посланник!» — усмехнулся Сухов. Надо же...

В принципе, он был доволен изменением статуса. Продолжать поход Олег в любом случае не намеревался — что ему делать в степях? Кобылиц доить?

Олег подумывал, как бы ему уйти незаметно, да так, чтобы не подставлять Изая. Уходить лучше всего было в Новгород. Задерживаться на Руси Сухов тоже не собирался, тут ему ничего не светило. Почему бы тогда и в самом деле не отправиться в Европу? Купеческие лодьи из Новгорода ходят во все города Ганзы, а оттуда пешком или по морю можно было добраться до Франции, заделаться рыцарем, поучаствовать в турнирах, выиграть пару раз, чтобы обзавестись латами побеждённого, да и... Вот что «да и», Олег пока не знал. В крестовый поход сходить? Или послужить королю, добывая средства на замок? Разве плохо будет встретить старость в замке на Луаре? Когда-то он спорил с Пончиком, высмеивая его идею бежать на Запад, но что ещё ему остаётся? Бежать на Восток? В степь, где чисты горизонты? Ну уж нет, перспектива обзавестись замком прельщает его куда больше, нежели дожитие в вонючей юрте. Спасибочки, на годы вперёд нанюхался...

Олег направил савраску к дружине князя и повёл в поводу четырёх вьючных, с туго набитыми баксонами. Подъехав, сделал любезность — спешился.

Дружинники встретили его с любопытством, но первыми не заговаривали, а вот князь, пользуясь служебным положением, спросил:

— Батыга Джучиевич назвал тебя Хельгу, сыном Урмана. Это твоё имя?

— Моё,— согласился Хельгу, сын Урмана,— в произношении Бату-хана. Меня зовут Олег Романович.

— Откуда ты, Олег Романович?

— Откуда я? Сложно сказать... И отсюда, и оттуда. Кому я только не служил... И конунгу одному — помер он, давненько уже. И... одному императору, и даже дожу венецианскому. Отовсюду понабрался премудрости воинской.

— Когда хан предложил тебя в посланники, я сперва воспротивиться хотел,— признался Александр Ярославич,— думал, что ещё одного труса-перебежчика увижу, из тех, кого не видно было и не слышно, а как пора выдалась, так они и примчались, задницу татарве лизать. Однако Батый назвал тебя багатуром, а от него похвалы редко кто дождаться может...

— Сработаемся, княже! — ухмыльнулся Олег.

— Сработаемся, посланник! — рассмеялся князь.— А красива ли Венеция? Про Константинополь я слышал, как раз венецианцы и разграбили Царьград. А их-то город краше?

— Не знаю, давно там не был,— сказал Сухов, не кривя душой.— А что самому довелось увидеть... Да так себе. Мокро у них, княже, вода кругом. Улиц нет почти, одни протоки. И вместо лошадей лодки такие особые, гондолами прозываются. Есть, конечно, на что посмотреть, но разве сравнить Венецию с Константинополем?

— А девки в Венеции пригожи? — спросил лопоухий дружинник.

— Попадаются,— ухмыльнулся Сухов, вызвав у дружины лёгкое веселье.— Чёрненькие, востроглазые, так и тянет ущипнуть!

Тут уж дружина не выдержала, загоготала. И смолкла, заметив подъезжавших всадников — на паре хороших коней, да с запасными, при полном параде. Олег приглядеался, и улыбка сползла с его лица. Широкоплечего бородача он видел впервые, а вот его спутника знал всю жизнь. Это был Пончик.

Александр сильно изменился — похудел, подсох, в глазах грустинка появилась. Зато какая шуба, а доспех, а шлем! Ни дать ни взять, королевич проездом.

— Кто такие? — строго прикрикнул седоусый дружинник.

— К князю новогородскому посланы,— пробасил широкоплечий,— от великого князя Ярослава Всеволодовича.

— Я князь,— спокойно, с достоинством, сказал Александр Ярославич.

Пончик даже не стал доказательств требовать — заулыбался и направил коня к князю, доставая из-за пазухи свиток.

— Письмо передал батюшко ваш,— проговорил он.— Вот!

Александр Ярославич принял свиток и сказал:

— Как же вас татары пропустили?

— А пайцза у нас.

— А-а...

Князь сломал печать восковую и углубился в чтение, изредка намечая улыбку на плотно сжатых губах, а Пончик, вздыхая с облегчением, удосужился осмотреться — и увидел Сухова.

— Олег?!

— Я,— не стал скрывать тот.

И ничего солидного не осталось в Александре — спрыгнул он с коня, рванулся к другу и вцепился в него, как в родного.

— Олег... Олег...— скулил он, тиская Сухова.— Я был такой дурак! Я ничегошеньки не понимал! Олег...

— А теперь понял? — улыбнулся посланник хана.

— Пришлось...— вздохнул Пончик.

— Эх, Понч, кабы я был прав, да всё понимал верно, мне б куда легче жилось...

— Знаешь его? — с удивлением спросил князь, отрываясь от письма.

— Друг мой,— ответил Олег, улавливая в глазах Пончика радость и признательность за одно драгоценное слово.

— Ну, едем, раз друг... Отец просит тебя к себе пристроить,— обратился князь к Шурику, улыбаясь и скручивая свиток.— Вот, не было у меня посланников, а теперича сразу двое объявились! Едем. Ежели поторопимся, к субботе в Новгороде окажемся.

Дружина построилась, но неожиданность опять вторглась в людские планы — Деревские ворота Торжка вдруг распахнулись, и небольшой отряд конников поскакал прямо на монгольские укрепления. Вылазка застала нукеров врасплох — двое пали, пронзённые копьями. Трое или четверо беглецов тоже попадали с сёдел, простреленные из луков, но остальные — с десяток человек — прорвались-таки, выносясь на Серегерский путь, прямую дорогу к Новгороду.

Олег расслышал гневный крик хана, затем Субэдэя, отдающего приказ, и вот нукеры из сотен Эльхутура, Алтун-Ашуха, Бэрхэ-сэчена с гиканьем и свистом помчались в погоню, а тут и сам Гуюк-хан понёсся следом, окружённый верными кешиктенами,— видать, развлечься пожелал пресветлый, поучаствовать в самой азартной из охот — людей затравить, как лис. Сухов припустил следом, замечая, что и дружина князя новгородского пустила коней в галоп.

На скаку поравнявшись с Изаем Селуковичем, Сухов крикнул арбану:

— Чего приказали хоть?

Куман повернул голову, осклабился:

— Приказано догнать и порубить, багатур!

— Брось, Изай! Какой, к мангусам, багатур...

Куман расхохотался.

— Уже весь тумен знает, что хан отметил тебя, так что не стыдись славы, а пользуйся ею!

— Ладно уж... А за кем мы хоть гонимся?

— Князь новгородский узнал кой-кого. Иванко бежал, посадник новоторжский, воевода Яким Влункович с ним, старый посадник Глеб Борисович и тысяцкий Михайло Моисеевич!

— И ты их всех упомнил?

— Да знаю я их! Народ-то всё тёртый, бывалый. Пересекались не раз и не два. То по торговому делу не сходились, то биться выходили. Всяко бывало... А ну, наддай!

Олег прибавил ходу. Беглецы показались впереди. Видно было, что они изо всей силы погоняют лошадей, скакуны стараются, да только всё меньше и меньше остаётся непройденной дороги между теми, кто убегает, и теми, кто догоняет.

— Обходим справа! — крикнул Изай.

Князь Александр Ярославич, будто поняв арбана, взял влево, отрезая новоторжцам дорогу к лесу. Беглецов гнали до речки и окружили на правом берегу, у Игнача-креста. Первым пал Михайло Моисеевич — он спрыгнул с коня, пригнулся, зажмуривая глаза и прикрываясь руками — сабля Бэрхэ-сэчена и кисти разрубила, и саму голову. Иванко Юрьевич сцепился с двумя нукерами, одного едва не уделал, но тут копьё кешиктена пронзило посадника насквозь, прокололо легко, как иголка тряпицу.

Старый посадник не стал сопротивляться, и ему просто срубили голову, а вот Яким Влункович оказался не так крут, как казался,— увернувшись от сабли Эльхутура, он пал на четвереньки и на карачках подполз к Гуюк-хану. Суровый Чингизид не покидал седла и глядел на ороса сверху вниз, с презрением и брезгливостью.

— Великий хан! — завопил Яким на половецком.— Смилуйсе! Не губи! Я тебе, ох, как пригожусь!

Воевода заоглядывался, по-прежнему стоя на карачках, и вдруг лицо его осветилось злобным торжеством.

— Вот он! Вот он! — завопил Яким Влункович, пальцем тыча в Бэрхэ-сэчена.— Враг твой! Сам видел, сам слышал, как он клялси тебя сгубить, великий хан!

Бэрхэ-сэчен резко побледнел, а Гуюк-хан склонился в седле, с интересом разглядывая пресмыкавшегося ороса.

— Правду ли говоришь? — спросил он, коверкая речь половецкую.

— Истинную правду! — поёрзал на коленках Влункович.— В Киеве видал его, в церкви латинянской! Он там

крест целовал и присягал, что всех ханов ордынских изведёт, а тебе, великий, первому смерть причинит!

— Поклянись!

Воевода истово перекрестился.

— Христом Богом клянусь! — пылко сказал он.— И Пресвятой Богородицей! Да в аду мне гореть, ежели я неправду сказал!

— Навет! — каркнул Бэрхэ-сэчен, хватаясь за саблю, но крепкие руки кешиктенов уже схватили сотника, скрутили и на колени поставили.

Брат Иоганн, с искажённым от боли лицом, выгнул шею, желая встретиться глазами с Гуюк-ханом, а увидел неподалёку Олега.

— Хельгу твой враг! — выкрикнул он.— Зря, что ли, Бату в эльчи возвёл его? Не зря, а за услугу совершённую! Ты, хан, двух послов слал до князя киевского, так Хельгу обоих сгубил!

Сухов не почувствовал в тот момент даже негодования, одно лишь удивление, разочарование даже — он испытывал к доминиканцу-монголу уважение. А тут такая пошлая «сдача»! И проку от неё? Такой бесхитростный обман мог бы иметь успех ранее, когда Бэрхэ-сэчен ходил в чине тысяцкого, а Олег был никем, но теперь... Нет, не стоило сотнику повышать голос на эльчи! Сухов уже набрал воздуху в лёгкие, чтобы сказать всё, что он думает, но его опередил Пончик.

— Врёшь! — заорал Александр с небывалой свирепостью.— Это ты, желтоухая собака, сперва Абдаллу убил, а после и с Халидом разделался! А Олег всё видел! Он тебя догнать пытался, а ты сбежал, пёс!

Гуюк-хан, очень довольный — удалась охота! — обернулся к Сухову и спросил:

— Верно ли сказанное посланником коназа?

— Верно, ослепительный,— поклонился Олег.

— Вот, я же говорил! — торжествующе вскричал Яким Влункович, и Гуюк-хан сделал нетерпеливый жест кешиктенам. Ближайший из них подскочил к воеводе. Сверкнула сабля, и голова Якима Влунковича покатилась по рыхлеющему снегу.

— Казнить тебя, подлый джагун, не время и не место,— медленно проговорил хан.— Пускай все тумены увидят, как ты будешь умирать... на кресте! Ведь ты христианин? Вот мы и распнём тебя!

Князю Александру Ярославичу не по сердцу пришлись речи Гуюк-хана, но перечить он не посмел, сказал только:

— Тут деревня рядом. Скоро темнеть начнёт, а там и переночевать можно, и преступника запереть на ночь.

Хан подумал и милостиво согласился. Дружинники, нукеры, кешиктены всею толпой повалили к избам, черневшим невдалеке.

Олег, Пончик и Вахрамей заняли половину избушки на околице. В доме было тепло, вот только хозяева пропали — видать, в лес подались, от греха подальше.

Поужинав салом и хлебом с чесноком, все трое расселись по лавкам, и Шурик подробно, в лицах, поведал Сухову о своих приключениях. Олег выслушал его, не перебивая, а после дополнил рассказ:

— Видал я того терциария. В письме Рогерия было указание убить хана Бату, терциарий ответил, что так и сделает, подписавшись как брат Иоганн. А его настоящее имя — Бэрхэ-сэчен.

— Что-о?! — вылупился Пончик.

А Вахрамей крякнул от удовольствия и шлёпнул себя по коленям.

— Как загнуто всё! — восхитился он.— Да перепутано как! Заслушаешься!

— Да уж...— хмыкнул Сухов.

— А теперь всё с самого начала,— потребовал Шурик.— Повествуй!

И Олег стал повествовать. Разговоров хватило за полночь, пришлось Сухову, как старшему по званию, скомандовать отбой. Заснул он как убитый и проспал на одном боку почти до самого восходу. Дрых бы и дальше, но тут ему приспичило. Накинув шубу и не забыв прицепить саблю, Олег сходил до ветру, а спешить обратно в душную избу не стал — хорошо было на улице, тихо. Лёгкий морозец пощипывал щёки. Недвижный лес закрывал все

стороны света пильчатой линией, особенно чёрной с востоку, где небо едва серело, разливая смутный свет, призрачный, бестеневой.

В предрассветной тишине были отчётливо слышны шаги кешиктенов, утаптывавших хрусткий снег, глухое мычание коров в хлевах. Неожиданно прорезался ещё один звук — лязг сабли.

Олег моментально насторожился и двинулся на шум. Выйдя к порубу [1], куда заточили Бэрхэ-сэчена, он увидал, что низенькая дверца, сбитая из плах, раскрыта настежь. Один из стражей-кешиктенов лежал у стены поруба, истекая кровью, другой стоял, пришпиленный к срубу копьём, поникший и неживой. А третьего стражника уделывал Изай Селукович. Кешиктен сопротивлялся яростно, но допустил ошибку — вдохнул поглубже, собираясь кликнуть на помощь. Вот тут-то арбан и достал его, подрубая горло. Страж упал, с сипением разбрызгивая кровь из страшной раны.

— Здорово, терциарий,— глухо проговорил Олег.

Изай Селукович обернулся на голос и усмехнулся.

— Смышлён, однако,— сказал он.

Сухову стало паршиво — до последней секунды он боялся обидеть кумана, почитая своё прозрение глупостью. Ан нет...

— Небось братом Исайей наречён? — хмуро уточнил он.

— Смышлён...— повторил Селукович, остро и внимательно поглядывая на Олега.— Да, я терциарий и зовусь братом Исайей, чем и горжусь. Брата Иоганна выпустил я, поскольку брат Савватий не справился бы...

— Савватий? Савенч, что ли?

— Смышлён! — усмехнулся брат Исайя.— Времени у нас мало, Олег, а выбор у тебя невелик — либо ты присоединяешься ко мне, заменив Иоганна, либо...

— Либо я стану четвёртым трупом,— договорил Сухов понятливо.— Как Джарчи.

---

[1] *Поруб* — подвал или подклет.

— Бог свидетель,— вздохнул брат Исайя, искренне сокрушаясь,— не хотел я его смерти. Но и своей не желал. Тоже пришлось выбирать...

— Последний вопрос. Это ты приказал Бэрхэ-сэчену не преследовать меня?

— Я,— признал Изай Селукович.— Надеялся поначалу, что ты примкнёшь к нам, а после привык... Так что ты выбрал? — спросил он, поигрывая саблей.

— А то ты не догадался! — фыркнул Олег, выхватывая клинок.

Они сошлись, скрестив сабли, и начался бой, победы в котором Сухов не желал, но вынужден был победить — жизнь была дороже дружбы. «Тоже пришлось выбирать...»

Изай Селукович пал на первой же минуте. То ли промах допустил, то ли что, но Олегова сабля втесалась в голову брату Исайе, рассекая ухо под кромкой шлема. «Дуулга...»

Арбан-у-нойон упал и раскинул руки. Его широко открытые глаза были устремлены в тёмное, засеревшее небо, но уже не примечали рождения зари. Брат Исайя умер.

Глава 25,

в которой Олег обещает Пончику подумать

Гнев Гуюк-хана не поддавался описанию. Достаточно сказать, что двоих кешиктенов он зарубил лично, обвиняя в ротозействе, а прочих погнал на поиски Бэрхэ-сэчена. Но тщетно — и брат Иоганн пропал, и брат Савватий исчез.

Князь Александр Ярославич поспешил отъехать, дабы не напрягать обстановку своим присутствием. Олег с Пончиком и Вахрамеем покинули стан вместе с дружиной.

Серегерский путь доводил до самого Новгорода, был он широк и удобен. Но — зимою. Через месяц, в апреле, снега начнут таять, тронется лёд на реках, и эта дорога,

что гордо именуется княжеским большаком, раскиснет, превращаясь в настоящую штурмполосу, топкую, заболоченную, в которой и коню утонуть недолго. И так до следующих холодов.

Впрочем, никто и не водит обозы по теплу, летом для этого реки существуют и озёра, коих в этом краю не счесть. А пока дружина княжеская одолевала версту за верстой по набитому тракту, изъезженному полозьями саней, истоптанному копытами. Переночевав в маленьком монастыре, Александр Ярославич, Олег Романыч, Александр Игоревич и иже с ними продолжили своё путешествие, в разгар дня выехав к стенам новгородским, прикрывавшим с востока Неревский конец.

— Чем-то на Рязань похоже,— оценил Пончик,— и на Владимир.

— На Владимир больше,— сказал Олег.— Гляди, ворота где.

Неревские ворота открывались в теле кургузой квадратной башни, исполненной не из дерева, а из камня, благо плитоломища располагались неподалёку, на берегу Ильменя.

Стражники криком приветствовали князя, а тот лишь гордо улыбался. И вот Сухову открылся Новгород Великий, стольный град могучей северной республики, жители коей были столь вольны и независимы, что кланялись только Господу одному, всему миру бросая вызов: «Кто против Бога и Великого Новгорода?!»

За это Олег и уважал Новгород — за тягу к воле, а вот речи об изысках местных зодчих даже и заводить не приходилось — вокруг него, по обе стороны довольно широкой улицы, где могли разъехаться аж два воза, стояли высокие заборы-частоколы с монументальными воротами. Громадные избы казали над оградами вторые этажи с маленькими окошками, порою ещё выше задирая башенки, рубленные восьмериком. Вот и все архитектурные излишества.

— Точно, как в Рязани,— авторитетно заявил Пончик.— Там тоже не дома, а усадьбы... были.

Олег усмехнулся его заминке.

— В Рязани грибы с глазами,— сказал он,— их едят, а они глядят. А мостовые ты там видал?

— Чего нет, того нет. А молодцы, новгородцы!

Улица вся была вымощена исшарканным деревянным брусом, гасившим топот копыт. Снега не было — весь вымели.

Князь свернул налево, провёл дружину кривым переулком и выехал к Торгу, где галдела многоязыкая толпа, приценяваясь, примериваясь, споря. Можно было, не выезжая из Новгорода, повстречать гостей со всей Европы — тут были неторопливые норманны и свеи, предприимчивые потомки викингов, деловитые немцы-ганзейцы, суетливые итальянцы-фрязины, арабы-сарацины, зябко кутавшиеся в шубы. Проходили и драчливые соседи — ливонцы, литвины, ятвяги [1]. Топтались охотники-лесовики — карелы, меряне, ижорцы, впечатлённые огромностью города. Олег даже китайца заприметил, выставлявшего на продажу шёлк и корешки жэньшеня, похожие на корявых человечков,— любопытствующие монахи разом отшатнулись от гостя из Поднебесной, обмахивая двоеперстием бесовские плоды.

Купля-продажа шла обстоятельно, не с лотков, а у собственных купецких домов на высоком подклете или возле храмов, построенных торговыми братствами,— у Параскевы Пятницы, у Ивана-на-Опоках, у Георгия-на-Торгу, у Успенья-на-козьей-бородке.

В гостином дворе югорских [2] купцов лавки были завалены пушным товаром, кнутовищами из «рыбьего зуба» — моржовой кости и холмогорскими сундуками, обитыми красной юфтью из тюленьих кож. Степенные персы и армяне, юркие евреи перебирали собольи меха в мешках из синей холстины, мяли и дули на шкурки горностая,

---

[1] Балтское племя, занимавшее земли между верховьями Нарвы и среднего течения Немана.

[2] *Югрой,* или *Югорской землей,* в описываемый период именовался Северный Урал вплоть до побережья Ледовитого океана.

бобра, лисицы. У Псковского гостиного двора ганзейцы рядились у кругов перетопленного душистого воска.

По всему торгу шныряли и воры, поэтому Сухов зорко следил за своими баксонами. Правда, тати обходили стороной дружинников князевых — ведали, что у тех с лиходеями разговор короткий — меч наголо и голову долой.

Проехав торг по краю, минуя Немецкий и Готский[1] дворы, князь вывел своих людей к приземистой Пятницкой церкви, окружённой пристанями. У её каменных стен ютилось несколько домиков, заселённых попами, дьячками и другим церковным людом, а сквозь ограду виднелись кладбищенские кресты. Направо могуче расплывалось Ярославово дворище, левее через Волхов был перекинут Великий мост, а на том берегу поднимались каменные стены Детинца с белыми башнями, покрытыми шатрами из тёса, потемневшего от дождей до черноты. Выше стен вставали золотые купола собора Святой Софии, они тускло отсвечивали под серым, провисшим небом. Далеко было новгородской Софии до константинопольской, а всё же собор был к месту. Белое с золотом хорошо вписывалось в суровую гамму Севера — скудные краски зимы становились для храма расплывчатым фоном, а летние лазурь и зелень будут хорошо сочетаться со сдержанными цветами Софии.

Князь направил коня к мосту и перебрался на тот берег, въехал под своды воротной башни кремля, надстроенной маленькой церквушкой. Перекрестившись на собор, Александр Ярославич повернул к громоздкой хоромине, где проживал архиепископ Спиридон и собирались выборные правители города.

Спешившись и захлестнув поводья на коновязи, князь негромко спросил Олега:

— Скажи мне честно, Олег Романыч, как ты мыслишь — прав отец мой?

Уловив в голосе Александра Ярославича напряг и волнение, Сухов осторожно ответил:

---

[1] Имеются в виду купцы с острова Готланд.

— Бог судья отцу твоему, княже. Все мы обычные люди, и сразу не разберёшь, чего в нас больше намешано, грешного или праведного. Одна умная женщина сказала мне, что, присоединившись к Батыю, я творю благо, ибо монголы — это зло малое, а князья русские, на своей же земле творящие дела непотребные, зло великое. И, ежели малое лихо победит большое, то сие к добру. Унизился ли Ярослав Всеволодович, ярлык на княжение принимая? Не знаю, да и пустяки это. Отныне все князья протопчут дорожку в Орду, в ногах у ханов валяться будут, ярлычки выпрашивая. Кабы вся русская земля единой была и неделимой, не пришли бы татары, побоялись бы. А уж коли рассыпали вы целое, разделили общее, то не обессудьте — или имейте ярлык, или вас поимеют!

Князь рассмеялся, приходя в хорошее настроение и возвращая себе уверенность. Он провёл Олега в палату со сводчатыми потолками и скудно освещённую — свет едва пробивался через мутные стёклышки в частом бронзовом переплёте. Под окошками стоял массивный белый стул, вырезанный из моржовой кости и отделанный золотом, а на спинке, по краям, высились два золотых креста на массивных шарах. Стул пустовал, а на лавке вдоль стены восседали трое в мирской одёже, подпоясанные золотыми кушаками.

— Здравы будьте,— церемонно сказал Александр Ярославич.

— И тебе здоровьичка, княже,— откликнулись присутствующие.

— А это Олег Романыч,— по-прежнему церемонно проговорил князь, представляя Сухова,— личный посланник хана Батыя.

Все уставились на Олега. Он скромно улыбнулся. Князь познакомил его со степенным посадником Степаном Твердиславичем Михалковым, с тысяцким Микитой Петриловичем, со старым посадником Юрием Ивановичем, отошедшим от дел, но влияние сохранявшим.

После недолгого молчания Степан Твердиславич проговорил неприятным голосом:

— Стало быть, начнём Батыге Джучиевичу десятину собирать?

— Начнём,— твёрдо сказал князь.— Сами будем собирать и сами отвозить в Орду. Не явятся баскаки на земли новгородские.

— Хоть так...— проворчал Юрий Иванович.

— Дозвольте слово молвить,— сказал Олег.

— Говори,— кивнул Александр Ярославич.

— Десятина для богатого Новгорода — потеря невеликая,— неторопливо начал Сухов.— Все, считай даже самые великие, государства платили дань кочевникам, лишь бы те не устраивали набегов. И великий Рим платил, и империя Ромейская, и Китай. Морщились, но платили, ибо бесплатная война куда дороже обходится, чем купленный мир, пусть даже худой. Так чем вы недовольны?

— Уж больно ты крут, как я посмотрю,— проворчал степенной посадник, зыркая на Олега.— Посланничек...

— Я ещё не окончил,— холодно сказал Сухов, и Михалков прикусил язык.— Считать убытки, я вижу, вы научены. Так учитесь и выгоду находить. Хорошие пастухи следят за тем, чтобы стадо овец не терпело лишений, не запаршивело. Не от любви та забота — пастуху надо овечек стричь. Так и монголы с Русью обращаются — порядок наводят, смуту устраняют, разводят сцепившихся князей по уделам и накладывают запрет на междоусобные драчки. А отсюда и Новгороду прибыль. Купцы-то смогут без опаски проезжать в любую сторону, хоть в Китай, хоть куда. Монголы и ямы поставят всюду...

— Ям у нас и без того хватает! — хохотнул тысяцкий.

— Надо говорить не «яма», а «ям» — это такой особый постоялый двор у дороги, где вам и лошадей поменяют, и накормят, и оборонят в случае чего. И таких ямов поставят сотни, вы бересту-то напишите, да и перешлите, куда надобно,— не на Людин конец, а и в Москву, и во Владимир, и в Сарай-Бату. А гонцы смогут по триста вёрст проделывать, за день-то! Ну так и пользуйтесь сим удобством. Ищите свою выгоду, а не оплакивайте дань Орде! У меня всё.

Выборные должностные лица переглянулись, и Михайло Петрилович взял слово.

— Что тут судить да рядить? — сказал он.— Всё уже многажды обсуждено! Ежели мы откажем Орде в дани, то монголы придут и осадят Новгород. Вот и скажите мне, одолеем ли мы татар? Али с нами то же станется, что и с Торжком? А? То-то и оно, что не осилить нам Орды!

— Ежели бояре сойдутся,— нахмурился степенной посадник,— то выставят тыщ пятьдесят войска. И Борецкие, и Авиновы, и Тучковы, и Норовы... Сила-то есть!

— Есть,— согласился тысяцкий.— А сойдутся ли бояре? А возжелают ли свести дружины свои под одну руку? Под чью, кстати? Доверятся ли они Александру Ярославичу? Ну, допустим, доверятся. Дальше что? Вот начнётся бой, а тот же Авинов или Божев возьмёт да и уведёт своих! Как ты его остановишь?

— У монголов такое немыслимо,— проговорил князь,— послушание у них жесточайшее. Там, даже если один воин побежит, накажут десяток! Попробуй только оспорь приказ или промедли — казнят! Да и нет у татар дружин, не сводят они их в рыхлую кучу, как мы. В Орде сотни смыкаются в тысячи, а тыщи сливаются в тьмы, и все тьмы подчиняются одной руке! Вот где сила! Не одолеть нам татар, пока мы порознь, а собрать всех заедино...— Он лишь головою покачал.

— Ладно,— мрачно буркнул Михалков.— Всё нами понято. И то не беда, что дань заплатим, иным куда хуже досталось...

Пончик, присевший в сторонке, неожиданно подал голос:

— Во Владимире ещё не схоронили своих мертвецов,— заговорил он негромко,— земля промёрзла глубоко. И они все покоятся до весны в амбарах, в клетях, в избах, оставшихся без хозяина. Тысячи и тысячи зарубленных и заколотых лежат как дрова, тёплых дней дожидаясь. Не дай Бог повториться такому! А ростовцы заплатили дань и одного своего князя непутёвого в гроб положили, а прочие все живы и здоровы.

— Вот так,— веско сказал князь.— Ну, раз порешали всё, то отъеду я к себе. Прощевайте!

«Золотые кушаки» приподняли толстые зады над лавкой и поклонились князю, не шибко в том усердствуя.

Александр Ярославич покинул покои владыки, Олег с Пончиком вышли следом.

— И куда теперь? — негромко спросил Шурик.

Сухов пожал плечами, а князь услыхал и дал ответ:

— В Городище [1]! Князьям новгородцы не доверяют, за городом держат, от себя подальше. А мне и там неплохо!

Заскучавшая дружина оживилась, завидев Александра Ярославича, и мигом вскочила на коней. Олег последовал их примеру.

Князь поехал впереди, а все прочие за ним двинулись, по трое, по четверо в ряд. Оставив за спиною Людин конец, дружина выбралась за город. Бодрой трусцой кони донесли князя и свиту его до Юрьева монастыря, а там перешли Волхов по льду и вот оно, Городище — полноценный город на первой от Ильменя возвышенности, окружённый рвами и крепостной стеной на валу. Ближе к озеру, занимая весь мыс, расположился посад, чьи избы прятались за частоколом.

Городище находилось как бы на острове — его обтекали оборотные протоки Волховец и Жилотуг, выходящие из Волхова и в него же впадающие. За высокими стенами крепости виднелись купола двух-трёх деревянных церквей и каменного собора Благовещения, выглядывала крыша обширного дворца, строенного по-новгородски — крупно, могуче, угловато, с большим запасом прочности.

Выстроили Городище по приказу Рюрика, ещё в 864 году — Олег был тому свидетелем. Именно из Городища Рорик, сын Регинхери, вагирского рейкса, и сам рейкс [2],

---

[1] Имеется в виду Рюриково городище — резиденция новгородских князей. Рюриковым его назвали лишь в XIX веке.

[2] *Рейкс* — правитель у вендов (венедов), населявших Вагрию (Южная Прибалтика). Историки сходятся на том, что Приильменье и Поволховье заселялось именно вендами, только вот «антинормани́сты» упорно именуют их славянами. Археологи, правда, не находят в тех местах славянских следов, в изобилии откапывая предметы скандинавского типа, но славянофилов это не убеждает — они крепки в вере своей.

прозванный росами Рюриком, и направил малую дружину — охранять караван купеческих судов, спускавшихся по Итилю в арабский Абесгун. С тем караваном и Олег с Пончиком отбыли, а обратно не прибыли — переметнуло их в год 921-й.

И всё же закладку Городища Сухов застал. Место для города было идеальное — отсюда можно было контролировать и Волхов, и весь Ильмень, достигая Ловати и Шелони, и волоков на Днепр и Двину. Правда, главной причиной основания Городища было вовсе не развитие торговли, а укрепление власти на местах — венды, теснимые на родине не в меру ретивыми саксами, массами переселялись на Ильмень, и Рюрику важно было наложить лапу на здешнюю вольницу, установить закон и порядок. Отсюда он грозил всем, кто не был послушен его власти.

Новгород возник лет на пятьдесят позже, поэтому городчане посматривали на новогородцев свысока, как на братьев своих меньших.

— Ходу, ходу! — закричал Александр Ярославич.

Дружина прибавила скорости, и вот уж могучая проездная башня загудела от топота копыт.

На территории Городища князь заметно расслабился — здесь он хозяин, и посадник ему был не указ.

Выбежавшие отроки — молодшие воины — подхватили под уздцы коней и повели их расседлывать, чистить и кормить. Сухов с Пончевым только баксоны сняли — Александр перекинул через плечо две сумы, а Олег — все восемь.

— Тяжело? — спросил Пончик.

— Своя ноша не тянет,— прокряхтел Сухов.

Княжеский тиун, ведавший всем хозяйством, сопроводил обоих посланников в отведенные им покои — стены из прочно пригнанных плах, двери со скруглённой притолокой, порожцы высокие. Окна глубоко утоплены под тройным резным карнизом, узорная кровля бросала затейливую тень.

— Нам бы в баньку,— просительно сказал Шурик.

— Истопим! — пообещал тиун.— Воды уже нанесли, печь растоплена. Подождать надоть.

— Надоть так надоть,— согласился Олег.

Как только тиун удалился, Пончик тут же рухнул на лежак, застеленный овчиной, и простонал:

— Господи, как же я устал!

— Не расслабляйся особо,— предупредил его Сухов,— князь наверняка призовёт нас на вечерю.

— На службу?! — ужаснулся Шурик.

— На ужин!

— А-а... Ну, это я ещё переживу...

Так и случилось. После бани Олег переоделся в чистое, а тут и отрок пожаловал — трапезничать звать.

— Явимся всенепременно,— пообещал Сухов и перебрал всё свое добро, выискивая одёжу побогаче.

Накинув на себя щегольской кафтанчик, натянув сапоги юфтевые, он спросил Пончика:

— Ну, как я тебе?

— Все девки — твои! — ухмыльнулся тот.— Угу...

Олег хмыкнул, почесал давно не бритое щетинистое темя, отмахнул рукою чёрные косы на висках.

— Да-а...— вздохнул он.— Чуешь, Понч, чем пахнет?

— Чем? — принюхался Александр.— Ладаном вроде тянет...

— Русью пахнет, Понч. Видать, опять нам на самый верх пробиваться. Но ничего, стартовали мы неплохо. Считай, в друзьях ходим и у Ярослава Всеволодовича, и у Александра Ярославича, и у Батыги Джучиевича. Теперь нам только расти и расти. Можем и княжеством обзавестись, их тут немерено.

— А ты сам чего хочешь? — спросил Пончик.

— Я-то? Сложно сказать, Понч. Охота мне глянуть на Европу средневековую. Опять-таки, замок на Луаре хочу... Надоела мне недвижимость рубленая, уж больно жарко горят здешние терема. Сейчас там когти точат Людовик IX Французский и Фридрих Гогенштауфен, а в Англии — Генрих III, так что не знаю ещё, куда податься: то ли мне бароном французским заделаться... нет, лучше графом, то ли сэром стать. С другой стороны, там-то, на чужбине, надо всё начинать с нуля, а здесь-то всё само в руки

плывет. Ох, не знаю, не знаю, Понч... Одно скажу: сидеть и ждать я не буду. Чтобы жить хорошо, надо эту самую жизнь устраивать к лучшему... Ладно, пошли, повечеряем.

Трапеза удалась на славу, а стол богат был и яствами, и убранством. Чего только стоил поднесённый на запивку ковшик из кованого золота с крупным, выпуклым сапфиром на лебединой ручке. Когда Олег осушил его, то и на донце выявился такой же сапфир, величиною с мужской ноготь. Ковш был тяжёл, как добрый меч.

А роскошные блюда в жемчужных ободках? Гладкие золочёные чары с надписью: «Кто из нее пье тому на здоровье»? Серебряные черпальники? Турьи рога, оправленные в золото? Короче говоря, было на что посмотреть со вкусом — и вкусно откушать.

Когда бражничанье пошло вовсю, тут и гусляры появились, забренчали на своих инструментах, им гудошники ответили, басовые струны переладцев дёргая, свирели пошли жалобничать, красны девицы затянули долгую песню.

Гуляли долго, утихли далеко за полночь. Олег с Пончиком вышли подышать на высокое крыльцо терема.

Ночь была морозна, а небо ясно. Ночная стража сонно перекликалась: «Первый час ночи на Перынском конце!», «Первый час на Ильмерском!», «Славен Перынский конец», «Славен Ильмерский!», «Слу-у-ушай!..»

Пошатываясь, на крыльцо вывалился князь.

— Ох, ты,— еле вымолвил он,— перепил маленько...

— Передохни, Олександр Ярославич,— сказал Олег, подумав, что этого вельможного пацана впору Сашкой звать.

— Эт-то так...— Князь повертел пальцами в воздухе.— В себя прийти. Срамно сказать, какого я страху в Орде натерпелся!

— Чего же в том срамного? Знаешь небось ордынцы мягко стелют, да жёстко спать!

— Ох, до чего же жёстко...— вздохнул Александр Ярославич.— Хан Угедэй готовит «численне людей» — все земли велит переписать, хочет твёрдые налоги установить: тамгу, мыт, ям, поплужное, мостовщину. А дань-

то и так тяжка! Полгривны с сохи! Даже на младенцев наложили десятину, вынь да положь им шкуры медвежьи, соболиные, бобровые. А новгородцы, что дети малые, не познавши гнёта истинного, не ведают, что такое неволя! Как я сюда численников ханских приведу? Как заставлю платить — и не вякать?!

— Заставишь, князь,— твёрдо сказал Олег.— Дураку не объяснишь, а умный и сам поймёт — сколько ни плати, всё одно дешевле выходит, нежели войну терпеть. Лучше покряхтеть, да откупиться, чем в землю лечь...

— Правду говоришь,— кивнул князь, воздыхая. Повернувшись к Олегу, Александр Ярославич нахмурился озабоченно и молвил: — Сослужил бы ты мне службу, посланник, что ли...

— Приказывай, князь,— спокойно ответил Сухов,— исполню.

Подбодрившись, Ярославич сказал:

— Надо бы грамотку снести в крепость Ладожскую...

— Знаю те места,— кивнул Олег.

— Вот! В крепости посадник сидит тамошний, Доброгаст. Надо ему ту грамоту вручить и передать на словах, чтобы пуще глаза следил за Волховым, а особо — за Невой. А то больно уж разрезвились свеи, то и дело заглядывают, и емь [1] вконец распустилась, всё грозят нам, в походы собираются, сёла наши жгут, людей побивают... С монголами-то я договорился, а эти лезут и лезут, и слова на них тратить бесполезно — сечь надо в кровь! Вот пущай и созовёт охочих людей, чтобы по теплу, когда лёд сойдёт, можно было первыми удар нанесть по душегубцам, а не ждать, пока те придут нашу кровь лить!

— Умно,— оценил Сухов и твёрдо пообещал: — Всё передам. Когда отправляться?

— Да хоть завтра!

— Решено,— кивнул Олег.

---

[1] Емь, которую шведы называли тавастами,— крупный племенной союз, сложившийся на территории центральной Финляндии. Покорен шведами. После XIII века название емь исчезает из русских летописей.

— И я с тобой! — вскочил Пончик.

— Да куда ж без тебя? — ухмыльнулся личный посланник Батыя, и лицо князя впервые выразило веселье.

— Пошли-ка все спать,— предложил Сухов.

Князь с посланником княжьим поразмыслили и выразили согласие.

В опочивальне было прохладно, но это и к лучшему — сон крепче будет. Олег устроился поудобнее на непривычно мягких перинах пуховых и закинул руки за голову, уставился в потолок. Сон витал где-то рядом, словно на время покинув тело. Думалось Сухову вяло, мысли текли плавно, зато ни одна тревога не посещала ум — он не прислушивался, вздрагивая от непонятного звука, не напрягался, подтягивая оружие поближе. Покой наступил, недолгий, но сладостный. Расслабуха.

— Ты не спишь? — донёсся громкий шёпот Пончика.

— Заснёшь с тобой, пожалуй...— проворчал Олег.

Александр поворочался на своём ложе и спросил:

— А чего ты делаешь?

— Думаю.

— А о чём?

— Прикидываю, чем мне запустить в одного зануду.

— Нет, серьёзно!

— Да так, ни о чём конкретном. Своих вспоминаю... Я имею в виду нукеров.

— Своих?

— Да, Понч, своих. Бату-хан мне, что есть, что нету его, а вот наш десяток — это совсем другое дело. Привык я к ним, понимаешь? Свыклись мы вместе быть — помогать, прикрывать, спасать, биться спина к спине. И вот, когда я это всё вспоминаю, то мне истина даётся — не важно, против кого ты воюешь, важно, с кем ты идёшь в бой.

Шурик вздохнул.

— А я баскакам служил...— признался он.— Самому Великому баскаку владимирскому прислуживал. Представляешь?

— Представляю.

— Ирония судьбы... Даже не ирония, а злой сарказм — я, который принципиально был против монголо-татар, я же, выходит, и устанавливал то самое иго! Угу...

— Вот что, пособник, ты что собираешься дальше делать? Князю великому служить или как?

— А ты?

— Я первый спросил.

— Не знаю я... Вот честно, не знаю! И во Владимир мне возвращаться не хочется, и Новгород этот... Ох... Не мой это город, не та тут жизнь, какая мне нужна.

— А где та?

— Так говорю же — не знаю!

— Понятненько... У меня те же симптомы. В Новгороде мне ловить нечего, а в Орду меня только на аркане уведёшь. Ладно, Понч, по дороге обдумаем жизненный путь. Спать!

— А я...

— Спать, я сказал!

— Да сплю я, сплю...

...Выспавшись как следует, позавтракав обильным остатком вчерашнего, оба посланника двинулись в путь. Вьючных своих они прихватили с собой — так спокойнее... Да и кому их сдать на хранение? Вахрамею? Монах — парень честный, кто спорит, дак ведь есть и те, кто поболе его. Не, лучше уж всё свое с собой и носить...

Уже за городом, следуя набитой тропой по правому берегу Волхова, Олег почувствовал себя свободным. Никто не спорит, к ордынцам он примкнул сам, по своей воле, но всё же Запад был ему ближе, чем Восток.

Они с Пончиком ехали, как в былые времена, вдвоём, и эта замёрзшая река, и молчаливый лес, всё было знакомым, не то чтобы родным, но своим.

— А я себе не таким представлял Александра Невского,— сказал Шурик.— Угу...

Сухов фыркнул.

— Ты только на публике не вздумай так князя обозвать,— сказал он,— а то засмеют Ярославича.

— Чего это? — удивился Пончик.— А-а... Ну да, ещё ж не было Невской битвы. Угу...

— Да я не об этом, Понч. Понимаешь, разбить свеев на Неве — это не подвиг для князя, а исполнение профессиональных обязанностей. Ему за это деньги платят, понимаешь? И он каждый год гоняет всех этих свеев, финнов, литовцев с немцами, всех любителей отовариться на халявку. Точно так же служили князья до него и будут служить после. И я тебя уверяю, Александр Ярославич никогда бы не принял такой сомнительной чести — быть прозванным Невским. Кто же хвастается текущей работой?

— Ну, в принципе ты прав,— с трудом согласился Александр.— Хм. Назвали бы его Чудским, правда что...

— Если бы правда...

— Не понял. Ты что, считаешь, будто Ледовое побоище тоже текучка?

— Понч,— сказал Олег с чувством,— да кто тебе сказал, что такое вообще было?

— Ты чего?! На Чудском озере! Рыцари «свиньёй» построились, а наши им как дали! И все те рыцари под лёд ушли.

— А наши куда ушли? — ухмыльнулся Сухов.

— Домой,— буркнул Александр и добавил с вызовом: — С победой!

— Понч, ты только не обижайся. На тебе, между прочим, тоже кольчуга напялена, и шлем — железа почти пуд. И если под тобой лёд разойдётся, ты камнем пойдёшь ко дну не хуже, чем тевтонец в латах. Да любого пловца, хотя бы и наилучшего, утянет под воду гиря весом в пуд! А тут как-то странно получается — плохие немцы, значит, потонули, а хорошие русичи — нет. Так не бывает, Понч. Да и какому рыцарю в здравом уме придёт в голову сражаться на льду? Полей, что ли, нехватка?

— Между прочим, это легко проверить,— разгорячился Пончик.— Надо нырнуть в озеро и выкопать из ила латы!

— Ныряли, Понч.

— И что?

— Ни-че-го. Пусто! Ни вот такусенького обломочка нету на дне!

— Не может быть! У Вороньего камня?

— У него. Чистое там дно, Понч.

После продолжительного молчания Александр пробормотал:

— Не понимаю... Для чего же тогда Невского к святым причислили?

— А кто ж его знает... Вот, занадобилось кому-то героя из князя сделать, в борца за веру превратить. Не пустил-де князь поганых латинян на землю русскую, отстоял православие! Будто кто покушался на нашу веру... Сидели тевтонцы с ливонцами в своей Прибалтике и угнетали помаленьку местное население, а нас не трогали. Наоборот, мы к ним постоянно лезли! Кстати, тот самый Невский не раз водил полки на земли Ордена, грабил соседей по-чёрному. Входил в Немецкую землю и опустошал её по обычаю [1]. Ты не подумай, я ничего дурного не хочу про Александра Ярославича сказать. Обычный он князь, получше некоторых, поумней, во всяком случае. Но, как и все прочие рыцари, хитёр, коварен, честь у него податлива, а совесть сговорчива. А что ты хочешь? Жизнь такая...

— Ужасно...— пробормотал Пончик.

— Что — ужасно? Правда не бывает ужасной. Просто надо видеть её под нагромождением вранья. Та не журись, Понч! Я всё прекрасно понимаю — это в тебе мифы не вывелись, в средней школе подхваченные. А у нас хорошая историчка преподавала... И хорошенькая! Мы её потому и слушали, а после прониклись. Я уже и не помню ничего, вон, монголо-татарское иго на практике проходил, а все даты как вымело из памяти. Но что-то в голове всё-таки осталось. И завет Цыли Наумовны — думать! Не принимать на веру слово печатное, а соображать самим, подвергать сомнению. Знаешь, что самое обидное? Что бедного Александра Ярославича возвеличат за вымышленные подвиги, а вот о подлинных его заслугах ис-

---

[1] Формулировка принадлежит С. Соловьёву.

торики будут стыдливо умалчивать, потакая церковникам.

— Да что ты говоришь! — язвительно сказал Пончик.— Неужто и вправду есть заслуги?

— А то! Споспешествовал князюшка триумфальному шествию власти Орды — исполать Александру Ярославичу! Этот твой тёзка, Шурка, поможет татарам прижать князей, замирит их на многие годы. Стало быть, ему надо «спасибо» сказать за будущее объединение Руси. Он, как это говорится в учебниках, «создал условия». Ханы принесли нам закон и порядок, мир и покой — исполать Орде! На этом мы и поднимемся, дорастем до единства. Понял, Понч?

— Понял...— вздохнул Шурик.

— Не расстраивайся, Олександр. Это только так кажется, что выдумка красивее правды. Ерунда это. Правда есть чистота и строгость в любом виде, какой бы безобразной ни оказалась истина. Грязь проявляется в нашем обращении с правдой. Это, знаешь, как отношение к наготе — один просто любуется голой женщиной, а другой видит только срам и «неприличные места», которые надо обязательно прикрыть трусиками и лифчиком.

— Будем считать, что ты меня убедил,— снова вздохнул Пончик.

— А чего тогда вздыхаешь?

— Геллу вспомнил...

— Да-а...— вздохнул и сам Олег.— Там было чем любоваться...

— Угу...

И оба замолчали, в который раз наблюдая в воображении неодолимую пропасть в три столетия. Какое же в этом было чудовищное извращение смысла — знать, что твоя любимая давно уже обратилась в прах, и понимать при этом, что по ту сторону провала во времени она жива и ждёт твоего возвращения! Немыслимо. Невыносимо.

Ладожская крепость была ещё Олегом Вещим заложена на Стрелочном мысу, разделявшем Волхов и реку Ладожку. Когда-то на её месте стояла фортеция дере-

вянная, а Вещий велел из камня строить. Вот и выстроили оплот — каменную твердыню, грозу свеев, «оплечье» Великого Новгорода.

В твердыне насчитывалось пять башен — Воротная, Раскатная, Климентовская, Тайничная и Стрелецкая. Соединяясь стенами в шесть шагов толщиной, башни составляли крепость, имевшую вид огромного утюга, направленного острым концом на север. Стрелецкая башня была главной и располагалась на остром конце «утюга». Нижняя часть её стены была толщиной в восемь шагов; второй ряд бойниц располагался в стенах немногим тоньше, даже над верхним рядом бойниц толщина каменной кладки была в четыре шага, под размер башенных зубцов. Складывали стены из диких камней-валунов и заливали известковым раствором, а снаружи ещё и облицовывали толстыми плитами из тёсаного камня, эти же плиты шли и на своды.

— Ну, как? — горделиво спросил провожатый, подкормщик морской стражи Губарь.

— Сила! — сказал Олег уважительно.

Подкормщик расплылся в довольной улыбке, а Сухов выглянул в бойницу. Внизу он увидел речку Ладожку, большой деревянный мост, соединявший её берега, толпу посадских жителей на торгу у моста. Немного далее, за крайними строениями посада, виднелись купола Успенского монастыря.

— Ладно,— улыбнулся Олег,— пошли. Насмотрелся!

Сухов с подкормщиком прошли мимо дозорного, спустились по каменным ступеням в средний этаж башни. С трудом приоткрыв дубовую дверь, они узким сводчатым ходом вышли на крепостную стену с заборолами.

Заборола, как и башня, были покрыты почерневшим от времени дубовым тёсом. Через каждые десять шагов Олег обходил сложенные дрова под медными котлами на треногах, наполненными смолой. По стенам хранилось аккуратно сложенное оружие: копья, рогатины, топоры, колчаны со стрелами, луки.

— А ты говоришь — свеи! — фыркнул Губарь.— Что нам те свеи? Размажем! И мунгалов не побоимся!

— Мунгалы, друг мой,— вздохнул Олег,— и не такие крепости брали.

— Думаешь? — нахмурился подкормщик.

— Знаю. Да и не о том ты мыслишь — крепость твоя от свеев поставлена и прочих гостей непрошеных, что с севера явиться могут или с запада придут. А татары — на востоке, и там таких твердынь у Новгорода нет. Так что, когда судачить станете про князя нашего, не ругайте его особо и с отцом не равняйте — не от трусости личной Александр Ярославич Орде кланяется, а от слабости новгородской.

— Да ежели новгородцы поднимутся,— затянул Губарев,— да с оружием выйдут биться...

— Выйдут,— перебил его Сухов,— и биться храбро станут. Верю. Знаю. А сколько их с битвы до дому вернётся? В одиночку Новгороду не осилить монголов, а умирать за всех... Смысл есть?

— Нету,— признал подкормщик.

— То-то и оно... Ладно, веди к посаднику.

— Да я ж тебе говорю — нету Доброгаста Никитича, отбыл он!

— Уже прибыл. Внизу лодья его стоит.

— Ну-у? Тогда пошли.

Посадник устроился в жарко натопленных палатах, свет в которые едва просачивался. Оконца были узки, как бойницы, ужимая лучи, процеживая безудержное сияние мартовского солнца.

Посадник, высокий, худой человек с неожиданно широкими костлявыми плечами, сидел за большим столом и вдумчиво читал грамоту князя, шевеля губами и водя пальцем по строкам.

Наконец, отложив послание, посадник уставился в окно, огладил рукою бородку.

— Ты-то как,— спросил он Олега,— знаком с волей князевой?

— Ежели ты о повольниках, желающих Новгороду послужить,— ответил Сухов,— то да, знаком. Александр Ярославич изложил вкратце, чего он хочет.

— Дельно он мыслит, хоть и юн,— проворчал Доброгаст Никитич.— Крепость-то моя сильна, слов нет, по Волхову никого не пропустим. А ежели свей на реку Свирь намылится? Али не пойдёт дальше Ижоры, местных станет раздевать?

— Флот нужен, корабли.

— Корабли-то имеются! Пять лодеек держим, а ходить на них некому. Кто раньше меня держался, нонче на Север подались, «рыбий зуб» добывать и прочего счастья пытать. Ну так не перевелись же мореходы в землях новгородских! Наберём... Только поспешать надобно — проморгаться не поспеешь, как лёд сойдёт. Тут-то и своям дорога откроется. «Здрасте! — скажут.— Вы нас не ждали, а мы припёрлись!» Ну ладно, заговорил я тебя. Когда в обратный путь собираешься?

— А завтра с утра и двинем!

— Добро! — согласился посадник.

С утречка, отменно выспавшись, Олег с Пончиком отправились обратно в Новгород. Морозов уже не было, но снег пока не рыхлел, держался. И лёд ещё не трещал на реках — суровая выдалась зима.

Где-то за Сясью Сухов выбрался на заснеженную поляну. Посреди неё, на оплывшем кургане, лежал поваленный идол. Что-то знакомое почудилось Олегу на капище, а потом савраска вынес его на соседний лужок.

— Узнаёшь? — спросил Пончик.

— Где-то я всё это уже видел...

— Хочешь подсказку? Восемьсот пятьдесят восьмой год...

— Точно! — прозрел Сухов.— То самое место! Давай здесь остановимся? Всё равно вечер скоро. Костёрчик организуем, пройдёмся по местам боевой и трудовой славы... Не бойся, не ножками — языком!

— Давай!

Они распрягли коней и сложили баксоны в кучу. Расчистили снег, наносили хворосту, запалили костёр. Уселись на сумы, протягивая ладони к огню.

— А деревья тогда другие были,— сказал Шурик.— И росли погуще.

— Что ты хочешь, девятый век — и тринадцатый. Есть же разница.

— Ну да... Слушай, Олег, мы тогда не договорили... Ты уже думал, как дальше жить-быть?

— Прикидывал, Понч. Может, всё-таки во Францию податься? Доспех есть, чем я не рыцарь? Только надо герб придумать и имечко покруче... Пойдёшь ко мне в оруженосцы?

— Пойду! — радостно согласился Александр.— Я ж ещё в Киеве пошёл! Угу...

— Во французской стороне тепло...— зажмурился Сухов.— Замок бы ещё выпросить у короля...

— Здорово... А знаешь, я верю, что у тебя это получится.

— Получится, Понч, получится... Всю жизнь, считай, наверх карабкаюсь. Опыт есть...— Тут мысли Олега приняли иное течение.— Перекусим, может? Что нам там дядя посадник выдал от щедрот своих?

— Угостишь, может, эльчи? — раздался вдруг знакомый голос.

Сухов мгновенно вскочил, оборачиваясь, уже с саблей в руке — не заметил, когда и выхватил.

Напротив него стояли двое — Бэрхэ-сэчен и Савенч, оба с саблями наголо.

— За Исайю! — взвизгнул брат Иоганн и кинулся на Олега.

И в тот же миг по снегу заиграли сиреневые отсветы.

— Опять?! — закричал Пончик, вскакивая и потрясая кулаками.— Да сколько ж можно?

Бэрхэ-сэчен растерялся сперва, не зная, как отнестись к неожиданному знамению, но тут же вдохновился, посчитав, что Бог на его стороне. Шагнул, замахнулся...

А Олег спокойненько уселся, равнодушно посматривая в небеса, где сворачивались и вновь расходились сполохи чистейшего сиреневого цвета. «Опять...— подумал он.— Как же мне всё это надоело... Сейчас туманец накатит...»

Голубой туман затмил лес и небо, разошёлся повсюду, гася движение и звук. Бэрхэ-сэчен замер в момент выпада, с выпученными глазами, весь вытянувшись в застывшем броске. И пала тьма.

Свет показался Сухову яркой вспышкой, полыхнувшей и справа, и слева. Обрушился шум, лишь позже обратившийся в легчайший шелест листьев и перепевы лесных пичуг. Свет тоже будто убавил яркость — перед Олегом предстало то же самое место, только в летнем убранстве. Зеленели деревья, голубело небо. Было тепло.

— Мы там...— сказал Пончик стеклянным голосом.— Мы вернулись, Олег!

— Глянь за теми кустами,— подсказал Сухов, с трудом поднимаясь с земли. Да нет, с какой земли — с баксона! Все его сумы лежали там, где он их оставил. А вот коней не было — ни сивки, ни бурки, ни савраски...

— Олег! — заорал Пончик.— Мы там! Тут «тойота» твоя!

Олег испытал громадное, ни с чем не сравнимое облегчение, немыслимое опустошение, обессиливающее, лишающее и радости, и расстройства.

— Прибыли, значит...— пробормотал он.— Добросило нас...

— Только не всех...— пробормотал грустно Александр.

— В том-то и дело. Хватай свой багаж, подкину.

— Надо же,— устало подивился Пончик,— не пропало ничего. Наверное, близко от нас находилось.

— Ага, как раз под нашими задницами.

Они перетаскали баксоны к машине и разделись, поснимав с себя панцири и шубы. Олег и порты скинул, натянув родимые синие джинсы, которые снял с себя двадцать лет назад, желая поучаствовать в фестивале ролевиков.

— Все разъехались,— сказал Пончик, оббегав все кусты.— Намусорили везде...

Сухов надел футболку и еле в ней уместился — плечи раздались в ширину.

— В ванную хочу! — грезил Шурик.— И чтоб шампунь! Помнишь, как он назывался?

— «Хэд энд шолдерс»?

— Ну, ты даёшь!

— Залезай. На тебя одёжки нет, так что гуляй пока в домотканом. А ключи-то есть?

— А ты меня до поликлиники подбрось, я там выйду. У меня в кабинете было во что переодеться. И ключ от квартиры!

— Ладно. Если мотор заведётся...

Мотор завёлся с полоборота. Заурчав, «тойота» выехала из ельничка и развернулась. Олег, глядя на рычажки и кнопки, не сразу мог сказать, где тут что, а руки помнили, безошибочно переключая передачу, отжимая сцепление, выворачивая руль.

Дорога завладела всем вниманием Сухова, и он радовался этому — не оставалось времени на переживания. А вот Пончик погрустнел, сидел, задумчив, смотрел за окно и не замечал пейзажей средней полосы.

Олег вёл «шайтан-арбу» осторожно, не разгоняясь. Навык-то имелся, но когда он в последний раз ездил? Вспомнить страшно. Он повёл головой, словно стряхивая с себя морок, паутину незримую. Не соединялись у него времена, ну никак. Умом он понимал, что он отсутствовал двадцать два года, а здесь, в 2007-м, вряд ли сутки-другие минули. Из прошлого он вернулся в прошлое... Нет, это не объять рассудком, не вместить так, чтобы на ум пошло. Он-то все эти годы жил, день за днём. Воевал, влюблялся, подвиги совершал, пакости учинял. И вот вернулся, наконец, в своё далёкое-далёкое прошлое, которое является далёким-далёким будущим... Нет, бесполезно себе объяснять, уговаривать здравый смысл. Это с пространством можно как угодно шутить — и вверх идти, горы покоряя, и вокруг света путешествовать, и на одном месте толочься. А время — это нечто иное, не четвёртое измерение («Эйнштейн, ты неправ!»), это вселенская потаённая громада, это незримый колосс, что приводит миры в движение, и слава богу, что «завод» не кончается в этом космическом будильнике...

И тут же с межгалактического громадья Олег уронил себя в серую плоскость буден. Ему представились проблемы с разницей между тем, каким он был, и каким стал. Похож ли он будет на своё фото в паспорте? А узнают ли его друзья? Соседи? Сослуживцы? Пустяки какие... С работы надо будет уйти — что ему там делать? Смешно даже опять превращаться в «офисный планктон», снова окунаться в скучную бумажную круговерть. Ему-то! Магистру Ромейской империи! Аколиту этерии! Багатуру и личному посланнику Бату-хана! Господи, голова кругом...

Друзья не узнают — это даже хорошо. Да и кто ему друг? Вот он, едет с ним вместе, сидит, печалится. Протоспафарий Александр. А прочие... Нет, он их ещё помнит, всех этих приятелей и приятельниц. Смутно, туманно, но помнит. Увидит когда — узнает. Но кто они ему теперь? Дрогнет ли у вас сердце, если удастся встретить того или ту, с кем рядом сидели на горшках в садике? Тут — то же самое. У него было много настоящих, верных друзей. Он не заводил их, они сами появлялись в его жизни. Валит, Олдама, Ошкуй, Крут Военежич, Воист, Алк, Слуда, Халид, Рада... Инегельд, Тудор, Халег, Турберн, Свен, Ивор, Игнатий, Ипато, Елена... Джарчи, Чимбай, Тайчар, Судуй, Хуту, Дана, Варвара... Это и есть его жизнь, была и остаётся. Триста ли годков минуло, семьсот или вся тысяча, неважно. Он сменил трое времён, а жизнь прожил одну. Ну, ещё не прожил...

Заправившись в Старой Ладоге на последнюю сотку, завалявшуюся в заднем кармане джинсов, Олег оценил юмор ситуации, лишь сев за руль.

— Умора,— сказал он,— у меня в багажнике золота и драгоценностей на миллионы, а в кармане ни копья!

Пончик вздохнул только.

Олег ехал по шоссе, направляясь к Питеру, и понемногу погружался в давным-давно покинутую реальность. Открывал для себя новое, вспоминал забытое.

Городские улицы навалились на него заполошным шумом и гамом, всяческой суетой и маетой. На Малой Морской он высадил Пончика.

— Донесёшь? — спросил Сухов.— Или помочь?

— Дотащу,— пропыхтел Александр, взваливая на плечо перемётную суму с мехами и подарками великого князя.— Звони!

— Как это? — натужно пошутил Олег и отъехал, борясь с желанием выжать педаль акселератора и проскочить к своему дому на полной скорости. В нём зрело желание запереться, укрыться, рос позыв к одиночеству. Одиночество... Вот его удел.

Добравшись до дома, Сухов поставил машину у подъезда. Выйдя, он заметил троих парней уголовного вида, оккупировавших лавочку у входа. Впрочем, их присутствие оставило его равнодушным. Три подвыпивших простолюдина, подумаешь... Босота. Быдло.

— М-мужик,— промычал один из парней,— слышь, мужик?

В это время Олег заметил кота Онуфрия и очень ему обрадовался.

— Ты чего,— заорал босяк,— не слышишь?

— Пшёл вон,— обронил Сухов, склоняясь к подбежавшему коту, чтобы почесать животинку за ухом.

Троица набросилась одновременно. Олег развернулся пружиной, работая на автомате — ребром ладони по шее, прямым в челюсть, локтём под дых. Драки не получилось, он просто раскидал всех троих, нанеся вред их здоровью, и даже не запыхался. Парни сочли за лучшее исчезнуть, а Сухов расхохотался. Его реально рассмешили эти алкаши, не годные даже в холопы. Напасть на багатура! Впрочем, откуда им знать, кто он и что он? Здесь другое время, иное бытие определяет иное сознание.

Онуфрий, старательно тёршийся о штанину, стал выказывать признаки нетерпения.

— Погоди, кот,— сказал ему Олег,— сначала я отнесу багаж. Ручную кладь, понял?

Перетаскав баксоны к двери, оббитой чёрным дерматином, он открыл её и вошёл в квартиру, почему-то ожидая встретить запах затхлости — он-то покинул её двадцать лет назад! А вот для Онуфрия минул день или два. Или три.

Свалив в угол шубы и доспехи, уложив в ряд баксоны с добычей, Олег отправился на кухню и заглянул в холодильник. На его счастье, нашлась початая пачка пельменей. И «сельдь тихоокеанская жирная х/к». И картошка!

— Картошечка...— простонал Сухов плотоядно.— Сколько ж лет я тебя даже не обонял!

Картошечку Олег решил сварить в кастрюле. Для пельменей отыскался ковшик.

— Ма-а-ау-у! — заорал доведённый до отчаяния Онуфрий.

— Цыц! — сказал Сухов.

Хорошенько поискав, он нашёл кусочек заветрившейся колбасы, но котяра был неприхотлив, он не стал обращать внимания на вторую свежесть продукта. Слопал, урча.

Переварив картошку, Олег почистил селёдку, нарезал лучка, брызнул сверху маслица. Водочки ба... Да ладно, и так сойдёт. И Олег принялся пировать.

Но день кончался неумолимо, подгоняя вечер. Онуфрий повертелся на кухне, понял, что больше ему ничего не перепадёт, и с достоинством удалился. Сухов остался один.

Он побродил по квартире. Обрадовался, вспомнив про ванную, и просидел в горячей воде больше часа, пользуясь всеми шампунями, что были в наличии. Но и водные процедуры подошли к концу.

Вытеревшись, переодевшись в чистое, Олег разложил свои сокровища. Драгоценности и золото — в одну кучу, меха — в другую, оружие — в третью. Вернись он со всем этим барахлом хотя бы лет пятнадцать назад, то был бы счастлив и доволен. Но не теперь. Теперь он стоял на краю пропасти в тысячу семьдесят лет, отделявшей его от Елены. И как ему заполнить сей разрыв? Как вернуть счастье, оставшееся на том краю?

Резко зазвонил телефон. Олег вздрогнул и замешкался, вспоминая, где трубка и как в неё говорить.

— Алло?

— Пр-рывет...— сказал Пончик на том конце провода.

— Привет. Ты дома?

— Ага... Как ты?

— Хреново.

— Вот и я... Покой везде, вот и думаешь, думаешь, думаешь...

— Аналогично, шеф,— пришла Олегу на ум реплика из полузабытого мультфильма.

— Что будем делать? В рыцари тебе уже не попасть... Можно переводчиком — с древнерусского, греческого, старомонгольского...

— Спасибо, Понч, мне это не нужно.

— А что тебе нужно?

— Вернуться туда. А потом сюда — с Еленой.

— Олег, это невозможно.

— Понч, о чём ты говоришь? Ещё вчера был март одна тыща двести тридцать восьмого! Мы там были!

— Но как попасть в девятьсот тридцать седьмой?! Я даже не представляю себе!

— Будем думать, Понч. Мы всегда добивались, чего хотели. Лезли наверх, цепляясь руками и ногами!

— А теперь нам надо лезть вниз... Спуститься на тысячу семьдесят ступенек... Угу...

— Спустимся, Понч. Куда мы денемся.

— Ладно, Олег... Я ведь просто так позвонил, пожелать спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Понч.

— Спокойной... Ты звони, если что.

— Обязательно. Давай...

Положив трубку, Сухов вернулся в комнату и подошёл к окну. На улице было темно. В доме напротив ярко горели окна. Кое-где занавески были раздёрнуты, и глазу давались моменты чужой жизни. Подметая улицу светом фар, проехала машина. Затормозила, краснея «стопами». Жизнь продолжалась.

На стенке в прихожей тикали часы, китайский ширпотреб. Маятник размеренно качался, а секундная стрелка, вздрагивая, описывала круги, набавляя и набавляя возраст вселенной.

«Время, назад!» — скомандовал Олег, но часы не послушались, они шли в будущее...

Оглавление

МАГИСТР

Глава 1, в которой Олег решает уберечь Его Величество 6
Глава 2, из которой становится ясно, отчего судьба порой закладывает крутые виражи 20
Глава 3, в которой Олегу жалуют титул магистра 39
Глава 4, в которой Олег отправляется в Италию транзитом через Тмуторокан 60
Глава 5, в которой Олег испытывает превратности судьбы 72
Глава 6, в которой Елена Мелиссина молодеет 82
Глава 7, в которой Олег примеряет модные одежды 91
Глава 8, в которой на театре военных действий ставится спектакль, а Олег подрабатывает осветителем 109
Глава 9, в которой Елена Мелиссина размышляет о судьбах империи и плетёт интриги 133
Глава 10, в которой Север бьётся с Югом 153
Глава 11, из которой доносятся удары тарана и свист niglaros 163
Глава 12, из которой доносится гогот победителей и стоны побеждённых 178
Глава 13, в которой Елена Мелиссина отказывает двум молодым людям 195
Глава 14, в которой доказывается, что грузят на того, кто везёт 207
Глава 15, в которой Олег даёт взятку королю Италии 228
Глава 16, в которой Олег стойко принимает удары судьбы 240
Глава 17, в которой разлучённые встречаются 261
Глава 18, в которой варяги выступают все за одного 275
Глава 19, в которой Олег действует один за всех 279
Глава 20, в которой Олегу было явлено чудо 298
Глава 21, в которой Олег возвращает подарок 317
Глава 22, в которой Олег возвращается домой 326

БАГАТУР

Часть первая
РУСЬ СВЯТАЯ

Глава 1, в которой Олег Сухов встречает рассвет пополудни 337
Глава 2, в которой Олег производит себя в рыцари 355
Глава 3, в которой Олег завоевывает Киев 370
Глава 4, в которой Олег наживает себе врагов 379
Глава 5, в которой лёд трогается 398
Глава 6, в которой Олег ввязывается в драку 412
Глава 7, в которой Сухов поминает чёрта 434
Глава 8, в которой опять власть меняется 445

Часть вторая
НАШЕСТВИЕ

Глава 9, в которой Олег сначала получает подарок, а после теряет его 453
Глава 10, в которой Пончик пробирается к своим 476
Глава 11, в которой Олег готовится к бою, но до него не доходит очередь 496
Глава 12, в которой Олег повинуется порыву 512
Глава 13, в которой Олег идёт на приступ 523
Глава 14, в которой Пончик хочет вернуться обратно 535
Глава 15, в которой Олег встречает Новый год проездом 546
Глава 16, в которой Олег уходит в самоволку 560
Глава 17, в которой Олег не узнаёт Москву 572
Глава 18, в которой Олег улучшает своё благосостояние 582
Глава 19, в которой Пончик знакомится и прощается с героями .. 594
Глава 20, в которой Олег становится на постой 612
Глава 21, в которой Олегу поручается ответственное задание ... 630
Глава 22, в которой Пончик верно служит великому князю 653
Глава 23, в которой Олег спасает красавицу от чудовища 676
Глава 24, в которой дорожки пересекаются 691
Глава 25, в которой Олег обещает Пончику подумать 705

Литературно-художественное издание

Валерий Большаков

МАГИСТР

БАГАТУР

Ведущий редактор *А. В. Мазин*
Ответственный редактор *П. В. Разуваев*
Художественный редактор *Ю. С. Межова*
Технический редактор *В. В. Беляева*
Компьютерная верстка *Т. Ю. Алиевой*
Корректор *В. Н. Леснова*

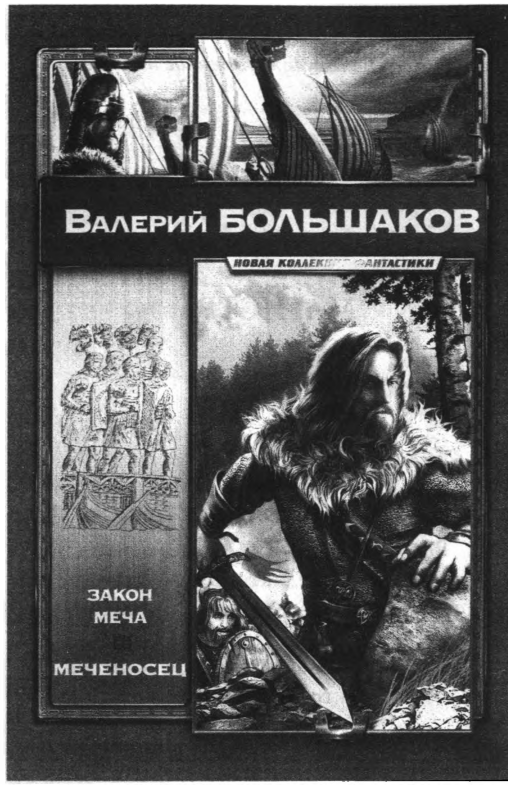
ООО «Издательство Астрель»
129085, г. Москва, пр-д Ольминского, 3а

Наши электронные адреса: www.AST.ru
E-mail: astpub@aha.ru

ООО «Астрель-СПб»
198096, Санкт-Петербург, ул. Кронштадтская,
д. 11, лит. А
E-mail: mail@astrel.spb.ru

Издание осуществлено при техническом участии ООО «Издательство АСТ»

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ЗАКОН МЕЧА

Крепкий парень Олег Сухов, кузнец и «игровик», случайно стал жертвой темпорального эксперимента и вместе с молодым доктором Шуркой Пончиком угодил прямо в девятый век...

Где их обоих моментально определили в рабское сословие. А вокруг кипит бурная средневековая жизнь. Свирепые викинги так и норовят обидеть правильных варягов. И сами варяги тоже на месте не сидят: ходят набегами и в Париж, и в Севилью... Путей же к свободе у Олега два: выкупиться за деньги или — добыть волю ратным подвигом. Герой выбирает первый вариант, но Судьба распоряжается по-своему...

МЕЧЕНОСЕЦ

Личный квест Олега Сухова продолжается. Попав в девятый век, он не просто выжил, а добился уважения в дружине конунга Рюрика. И вот новая напасть — некая сила будто стремится вернуть Сухова обратно, в «родное время».

Жаль, не добрасывает — Олег с другом Шуркой Пончиком оказываются в веке десятом. Без оружия, без друзей, без возлюбленных.

И вновь Олег Сухов все начинает с нуля, пробивается наверх, добывая мечом славу и золото, влюбляется до безумия и отправляется в поход на Константинополь...

ДЕТЕКТИВ С ЛЫСОЙ ГОРЫ

Алекс Каховский предпочел бы раскрывать преступления, не выходя из своего кабинета. Но детективов и волков, как всем известно, кормят ноги. А в мире ведьм и чудовищ ему вдобавок приходится то и дело пускать в дело меч и арбалет.

И все же детектив Алекс считает, что жизнь прекрасна. Во-первых, потому что вокруг столько симпатичных женщин, во-вторых, он все еще жив. Что при его профессии и характере можно считать признаком большой удачливости

СПЕЦНАЗ ЛЫСОЙ ГОРЫ

Его дом — на полпути между Лысой Горой и Княжеским Замком.

Его любовница — ведьма.

Его друзья — гвардейцы Великого Князя.

Его враги... Не стоит завидовать его врагам, даже если у них есть танки и ракеты средней дальности.

Знакомьтесь: Алекс Каховский. Герой. Работа такая.

О грядущем Конце света слыхали?

Это из его биографии.

Валерий Большаков

МАГИСТР

Олег Сухов — личный «спецназовец» императора. Его специальность — заговоры и спецоперации. Усмирить восстание. Сменить неугодного короля.
У Сухова нет личной армии, зато имеется элитная «сборная» варягов для решения силовых проблем и любимая женщина — для распутывания политических интриг. Проиграть с такой командой просто невозможно. Правда, могут убить...

БАГАТУР

Десятый век поднял Олега Сухова на изрядную высоту.
Он стал Магистром, приближенным самого византийского императора...
И тут Судьба бросает его в будущее — прямо под копыта конницы Батыя.
И снова приходится выживать, снова подниматься из простых воинов... Он поднимется, не вопрос.
Но знать бы еще, какой стороны держаться...
Стоять ли за русских князей, братоубийц и губителей [illegible] монгольских [illegible]ый порядок?

[illegible]ль СПб
[illegible]l-spb.ru